

Мы вместе с теми, кто испытал страдания,
и черпаем вдохновение в их борьбе.
Наша обязанность – помнить о жертвах,
которые погибли, уважать тех, кто выжил,
и укреплять усилия всего человечества
ради взаимопонимания и справедливости.

Декларация Стокгольмского
международного Форума по Холокосту

Люди, пережившие Холокост,
будут с нами не вечно.
Но память о том, что они пережили,
должна остаться с нами.

Пан Ги Мун,
Генеральный секретарь ООН

BORIS ZABARKO
Editor, author of the preface
and comments

WE TO LIVE WANTED...

Testimonies and documents

Vol. II

2014

БОРИС ЗАБАРКО
Редактор - составитель,
автор предисловия и комментариев

МЫ ХОТЕЛИ ЖИТЬ...

Свидетельства и документы

Книга 2

2014

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА
НаУКМА

www.judaicacenter.kiev.ua e-mail: judaicacenter@ukma.kiev.ua

УДК

В книге собраны воспоминания бывших узников нацистских концлагерей и гетто, людей, переживших невиданную в истории Катастрофу. Это – документальные свидетельства о судьбе украинского еврейства в годы Второй мировой войны, об отношениях между евреями и неевреями – равнодушными наблюдателями, коллаборантами и благородными и смелыми людьми, благодаря которым выжили герои книги.

Эти воспоминания – не только частица памяти народа, они имеют научное и воспитательное значение как память истории.

М94 **Мы хотели жить... Свидетельства и документы. Книга 2.**
Редактор-составитель Борис Забарко. К.: ДУХ І ЛІТЕРА. – 2014. – с. 792. ISBN

Издатели: *Леонид Финберг и Константин Сигов*

Ответственная за выпуск:

Литературный редактор:

Корректор:

Компьютерная верстка: *Галина Лихтенштейн*

Дизайн обложки: *Светлана Невдащенко*

ISBN

© Борис Забарко
© ДУХ І ЛІТЕРА, 2014

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПАМЯТЬ
О ХОЛОКОСТЕ

Завершается моя работа по сбору и публикации уникальных воспоминаний евреев, выживших на оккупированной нацистами территории Украины в годы Второй мировой войны. Эту работу я начал 20 лет назад¹, к сожалению, признаю это с искренней горечью, со значительным опозданием. И все же удалось сохранить свидетельства о Холокосте в опубликованных нами книгах:

«*Живыми остались только мы. Свидетельства и документы*». Киев, Задруга, 1999 и 2000. – 578 с.;

«*Nur wir haben überlebt. Holocaust in der Ukraine*». Zeugnisse und Dokumente, Köln, 2004. – 478 S.;

«*Holocaust in the Ukraine*», London–Portland, 2005. – 394 p.;

«*Überleben im Schatten des Holocaust in der Ukraine*». Zeugnisse und Dokumente. (unter Mitwirkung von Margret und Werner Müller). – Bonn, 2005. – 64 S.;

«*Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы*». Книга 1. – Киев, Дух і Літера, 2007. – 620 с.;

«*Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы*». Книга 2. – Киев, Дух і Літера, 2007. – 540 с.;

«*Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы*». Книга 3. – Киев, Дух і Літера, 2007. – 700 с.;

«*Мы хотели жить. Свидетельства и документы*». Книга 1. – Киев, Дух і Літера, 2013. – 592 с.;

¹ См.: Борис Забарко. Мы хотели жить, когда смерть была нормой. Последние свидетельства Холокоста в Украине. // Мы хотели жить. Свидетельства и документы. – Книга 1. – Киев, Дух і Літера, 2013. – С. 6–25; Boris Zabarko. Geschichte und Gedenken an den Holocaust in der Ukraine. Zur Bedeutung der Erinnerungen und Zeugnisse der letzten Generation, die den Holocaust in der Ukraine überlebt hat. // Babette Quinkert/Jörg Morré (Hg.), Deutsche Besatzung in der Sowjetunion 1941–1944. Vernichtungskrieg. Reaktionen. Erinnerung. Berlin, 2014. – S. 15–30.

«Мы хотели жить. Свидетельства и документы». Книга 2. – Киев, Дух і Літера, 2014. – 792 с.

«Leben und Tod während des Holocaust in der Ukraine 1941-1944. Überlebende berichten» (in der Mitautoren-schaft mit Werner Müller). – Köln, 2014. – (в работе).

Я искренне признателен всем, кто нашел в себе силы вернуться к своему трагическому прошлому, которое до сих пор болит, и подробно о нем рассказать (воспоминания практически не редактировались). Имена и фамилии свидетелей Холокоста приведены в книгах в алфавитном порядке – без титулов и званий.

Сегодня эти люди проживают в Австралии, Беларуси, Германии, Израиле, Молдове, России, США, Украине и других странах. С огромным сожалением отмечу, что не все они дожили до наших дней. Но пережитые ими испытания и муки не могут исчезнуть из нашей памяти. Это неотъемлемая часть нашей истории.

Авторы книги «Живыми остались только мы. Свидетельства и документы»

Клара АКСЕЛЬРОД (ДАКС), Ньюма АНАПОЛЬСКИЙ, Григорий БАСОВСКИЙ, Доба БЕЛОЗОВСКАЯ, Виктор БЕРЕЗИН, Мария БОРТНИКЕР (АВЕРБУХ), Алексей БРИК, Елизавета БРУШ (МОШЕЛЬ), Михаил БУРД, Юрий ВАЙНБЕРГ, Григорий ВАЙНЕРМАН, Семен ВАЙСБЛЕЙ, Михаил ВАЙНШЕЛЬБОЙМ, Голда ВАССЕРМАН, Ева ГЛАДКАЯ, Леонид ГРИПС, Хана ГРИЦЕВСКАЯ (ДАЙНИЧЕВА), Бронислава ГРУШКО, Лев ГУРФИНКЕЛЬ, Иосиф ГУСАРОВ, Мирон ДЕМЬ, Мария ЗАСЛАВСКАЯ-СИГИНУР, Полина ЗАСЛАВСКАЯ (СОЙКИС), Ефим ЗАХАРОВ, Лейзер ЗИНГЕР, Ида КАЛЬНИЦКАЯ, Клара КАНОВСКАЯ, Мовзеш КАЦ, Шая КЛЕЙМАН, Игорь КОГАН, Леонид КОРЕНФЕЛЬД, Евгения КРЕСТЬЯНИНОВА, Ида КРИТМАН, Александр КУПЕРМАН, Сима КУРИЦКАЯ, Клавдия ЛЕПА, Регина ЛЕЩИНСКАЯ (СУДОБИЦКАЯ), Галина ЛИСИЦЫНА, Евгения МАЖБИЦ, Зигмунд МАЙЗЛЕР, Раиса

МАЙСТРЕНКО, Семен МЕЛЛЕР, Василий МИХАЙЛОВСКИЙ, Лия ОСАДЧАЯ, София ПАЛАТНИКОВА, Полина ПЕКЕРМАН, Ихиль ПОГРАНИЧНЫЙ, Шеля ПОЛИЩУК, Эмма ПОЛЯКОВА, Филипп ПОРТЯНСКИЙ, Майя ПУДАЛОВА, Петр РАБЦЕВИЧ, Любовь РАЙГОРОДСКАЯ, Лея РОГ, Самуил РОЙТБЕРГ, Михаил РОЙТМАН, Михаил РОЗЕНБЕРГ, София РОЗЕНБЕРГ, Авраам РОЗЕНГАФТ, Марьям САНДАЛ, Ирина САПИРШАИНСКАЯ, Лидия СЛЕПЧУК (ГОЙХМАН), Бина ТЕНЕБЛАТ, Борис ТИМОШЕНКО, Наум ТКАЧ, Фаина ФЕЛЬД, Григорий ФЕРМАН, Дора РЕДКИС, Борис ХАНДРОС, Аркадий ХАСИН, Шмиль ХЛЯП, Рахиль ЦЕЛЬНИК, Раиса ЦЕРМАН, Владимир ЧЕПУР, Раиса ШАЙХЕТ, Михаил ШАФИР, Моисей ШВАРЦМАН, Ревека ШВАРЦМАН, Циля ШПОРТ, Рувим ШТЕЙН, Фира ШТЕМБЕРГ (НАРОДИЦКАЯ), Зиновий ШТИВЕЛЬМАН, Фаня ШУБИНСКАЯ, Наум ЭПЕЛЬФЕЛЬД, Борис ЯВОРСКИЙ.

Авторы книги «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы». Книга 1

Рахиль АБЕЛИС (ФРИДМАН), Валентин АБРАМОВ, Илья АВЕРБУХ, Анатолий АГРЕС, Зоя АЙЗИНА, Владимир АЛЬШТЕТЕР, Рахиль АНДРУСЕНКО (ЛЕВИ), Людмила АНДРЮЩЕНКО, Роза АРАВ, Жанна АРТЕМОВА (ЛЕЙТЕС), Михаил АТЛАСМАН, Давид АШКЕНАЗЕ, Лариса БАГАУТДИНОВА, Михаил БАРЕНБЕРГ, Григорий БАРТАШНИК, София БАРУ (БАРСКАЯ), Эдмонд БАУМВАЛЬД, Нелля БЕККЕР, Бетя БЕЛОУСОВА (ТОЛЬЯНСКАЯ), Фира БЕЛЬФЕР, Моисей БЕРМАН, Тема БЛУВШТЕЙН, Дмитрий БОБЕКСКИЙ, Евгения БОГНЕР, Софья БОЛЬШАЯ, Ольга БОНДАРЕВА (МЯДЛЕР), Людмила БОРОДЯНСКАЯ (ТКАЧ), Мара БРОДСКАЯ (ЛИПНИЦКАЯ), Леонид БРОХИЦ, Людмила БУРЛАКА, Михаил БУТНИК, Борис БУХАРСКИЙ, Аркадий БЫКОВСКИЙ, Юрий ВАЙНБЕРГ, Александр ВАЙНЕР, Евгения ВАЙНЕРМАН (ВОРОНА), Василий ВАЛЬДМАН, Эмма ВАСИЛЬЕВА, Бронислава ВАСИЛЬЧЕНКО, Тамара ВАССЕРМАН, Галина ВДОВИНА, Семен ВЕЛИНГЕР, Татьяна ВЕНГРЕНОВСКАЯ (ШУСТЕРМАН), Алла ВЕРЕМЕЙ, Нухим ВЕРЕЩАЦКИЙ, Давид ВЕРЦМАН, Ма-

рия ВИННИК, Леонид ВИНОКУРОВ, Елена ВИТЕНКО, Леонид ВУГМАН, Генрих ГАБЕР, Бейла ГАБИС, И. ГАЙСИНСКАЯ, Тильда ГАЛПЕРТ, Эрнест ГАЛПЕРТ, Римма ГАЛЬПЕРИНА, Маня ГАНИЕВА-САНДЛЕР, Ефим ГЕЛЬФОНД, Лидия ГЕРАСЬКО, Гертруда ГЕРЕНШТЕЙН (МОСТОВАЯ), Ирина ГЕРМАН, Фира ГЕРШАНОК, Виктор ГЕХТ, Чарна ГИЛЬБОВСКАЯ, Роза ГИНБУРГ, Рувим ГИТМАН, Семен ГЛИКМАН, Аркадий ГЛИНЕЦ, Лидия ГЛУЗМАНОВА, Соня ГОЙХБЕРГ, Исаак ГОЙХМАН, Семен ГОЙХМАН, Елизавета ГОЛДОВСКАЯ, Бася ГОЛОВАТЮК, Шифра ГОЛЬДБАУМ, Бенцион ГОЛЬДВУГ, Клара ГОРЛАЧЕВА (ШВАРЦ), Елена ГОРОДЕЦКАЯ, Н. Х. ГРАБАК, Мойсей ГРЕЙМАН, Полина ГРИГОРЬЕВА (АЙБИНДЕР), Леонид ГРОЙСМАН, Бронислава ГРУШКО, Исаак ГУРЕВИЧ, Леонид ГУРФИНКЕЛЬ, Михаил ГУТ.

**Авторы книги «Жизнь и смерть
в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы».
Книга 2**

Софья БУДМАН (ГОЙХМАН), Мария ДИБМАН, Вадим ДИЕВ, Владимир ДИЛЬМАН, Андрей ДОБРОДУБ, Семен ДОДИК, Борис ДРАПКИН, Ефим ДУМЕР, Евгения ЕЖОВА, Алла ЕРЕМЕНКО, Нюся ЖИТОМИРСКАЯ, Владимир ЗДАНОВСКИЙ, Евгения ЗДОРЕНКО, Михаил ЗЕЙФМАН, Ася ЗЕЛЕКСОН, Изольда ЗОЛИНА, Иосиф ЗУКИН, Тамила ИВАШИНА, Бейла КАГАН (ГОЛЬДГУБЕРГ), Татьяна КАГАН, Доната КАЙДАШ, Абрам КАПЛАН, Яков КАРЛИН, Менаше КАРП, Елизавета КАЦЕВМАН, Фаня КАШНИЦКАЯ, Броня КИРИЧЕНКО, Ольга КИРИЧЕНКО, Семен КИРМАЙЕР, Григорий КОГАН, Игорь КОГАН, Мария КОГАН, Михаил КОГАН, Леонид КОЗИРА, Валентина КОНОХОВА, Жанна КОРЖЕНКО, Ева КОРЫТНАЯ, Елена КРАСНОВА, Давид КРАХМАЛЬНИКОВ, Елизавета КРЕМЕР, Лариса КРИВОВЯЗ, Майя КРИВОВЯЗ, С. С. КРИВОРУЧКО, Абрам КРИШТЕЙН, Мария КРУПИЕВСКАЯ, Мария КРУТ, Анатолий КРУТЬ, Лидия КУЗНЕЦОВА, Клара КУЗЬМЕНКО, Абрам КУПЕРМАН, Марк КУРИС, Мария ЛАВРЕНЮК, Александр ЛАСУТРА, Александр ЛЕВИН, Мария ЛЕЙЗЕРО-

ВИЧ, Мора ЛИПНИЦКАЯ (БРОДСКАЯ), Семен ЛОЩАКОВ-ЛЕЙДЕРМАН, Александр ЛЮБМАН, Людмила ЛЯШЕНКО, Гита МАЗУР, Инна МАЙДАНИК, А. И. МАРКОВСКАЯ, Семен МЕЛЛЕР, Владимир МЕНДУС, Борис МИЛЬШТЕЙН, Фаня МОИСЕЕНКО, Михаил МОСТОВОЙ, Любовь МОЧАЛОВА, Полина МУРАХОВСКАЯ, Яков МУРАХОВСКИЙ, Рахиль НЕЙМАН, Валентин НОВИЦКИЙ, Хайма ОВСЯННИКОВА, Александр ОПЕНГЕЙМ, Борис ОРЕНБОЙМ, Раиса ОСТАШЕВСКАЯ (АЙНБИНДЕР).

**Авторы книги «Жизнь и смерть
в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы».
Книга 3**

Любовь ПАЦУЛА, Софья ПЕКАРСКАЯ, Евгения ПЕЛЕШОК, Юлия ПЕНЗЮР-ВЕКСЛЕР, Евгений ПЕТРОВСКИЙ, Владимир ПИНСОН, Александр ПИСЬМЕННЫЙ, Ольга ПЛЯШКУН, Анна ПОБЕДЕННАЯ, Брайна ПОДГОРА, Семен ПОДОЛЬСКИЙ, Фира ПОЛУН, Мария ПОПОВИЦКАЯ (ЛЯРИШ), Анна ПРОКОПЕНКО (БАРАЦ), Роза ПРОСЯНИКОВА, Елена ПУЗАН, Константин ПУРИМ, Фрида ПУСТЕЛЬНИК, Михаил ПУСТИЛЬНИК, Лиза РАБЕР (КОЛОТИНСКАЯ), Полина РАБОТСКАЯ, Лидия РАДЧЕНКО, Иосиф РАУХВЕРГЕР, Семен РАШКОВСКИЙ, Ольга РЕВИЧ, Йосеф РЕЦЕПТОР, Иосиф РИВКИН, Юлий РИХТЕР, Григорий РОЗЕНБЛЮМ, Фридрих РОЗЕНБЛЮМ, Иосиф РУБИНШТЕЙН, Евгения РУДА (Гизель БОГНЕР), Яков РУДЮК, Виктор РЫКЛИС, Анна САЛЬНИК-КОРСАКИНА, Ханця САЛГАНИК, Евгения САТАНОВСКАЯ (КРУТОВСКАЯ), Галина САЦЮК (СЛУЦКАЯ-ДАВИДЕНКО), Рахиль СЕЛИВАНОВА (ТЕНЦЕР), Лидия СИДЕЛКИНА, Михаил СИДЬКО, Ольга СИЛКО, Григорий СИРОТА, Хайка СИРОТА-ВОЛДИТОР, Александр СКЛЯНСКИЙ, Лидия СЛИПЧЕНКО, Георгий СОКОЛЬСКИЙ, Яков СОКОЛЬСКИЙ, Александр СОЛОВЬЕВ, Я. Ш. СОСНОВСКИЙ, Эдит СПЕКТОР, Виктор СТАДНИК, Фира СТАРОБИНЕЦ, Галина СТЕПАНЕНКО, Владимир СТЕЦКИЙ, Яков СТЕЮК (ШТЕЙН), Анна СТОЛЯРЧУК, Андрей СУРМИЙ, Леонид СУШОН, Георгий ТАБАЧНИ-

КОВ, Роза ТАКСЕ, Ефрем ТАРЛОВ, Исаак ТАРТАКОВСКИЙ, Ита ТЕРЛЕЦКАЯ, Георгий ТЕТЕРА, Броня ТИЛЯТИЦКАЯ, Аня ТКАЧЕНКО (ФАЙКЕТМАН), Игорь ТОЛМАЧ, Тамара ТУРЧЕНЮК (СВЕРДЛОВСКАЯ), Фаина ФАЙНШТЕЙН (МУРАХОВСКАЯ), Семен ФАНШЕЛЬ, Эсфирь ФЕДОРОВА (КАГАН), Гизела ФЕДОРЦАНИЧ, Роза ФЕЛЬДМАН, Рахель ФИЛИП, Анна ФИШКИС, Елизавета ФИШМАН, Клара ФЛЕЙДЕР (ГЕРЦЕНШТЕЙН), Лиза ФОРТЕЛЬ-ЧЕРКАС, Июлия ФРАЙБЕРГ, Иосиф ФРИДМАН, Соня ФРИДМАН, Фаина ФРОИМЧУК, Юрий ФУКС, Григорий ХАРБАШ, Яков ХЕЛЬМЕР, Альвиан ХРАМОВ (РАЙЗБЕРГ), Игорь ЦИПЕРФИН, Зиновий ЦУКЕРМАН, Нелли ЦЫПИНА (ГОРДОН), София ЧЕПУРКОВСКАЯ, Валентина ЧЕРВЯНОВА, Ольга ЧЕРНЕР (ГЕРЖБЕРГ), Лев ШАРГОРОДСКИЙ, Михаил ШАФИР, Эля ШАФИРОВИЧ, Евгения ШВАРДОВСКАЯ, Александр ШВАРЦ, Аркадий ШВАРЦБУРД-ПРУДСКИЙ, Н. А. ШВАРЦМАН, Тамара ШЕРЕКИНА (АЛТЗЫЦЕР), Клара ШЕХТМАН, Лия ШЕХТМАН, Кира ШИЙКА, Антонина ШИКАС, Раиса ШИЛОВА, Григорий ШИРМАН, Александр ШКОДНИК, Иосиф ШКОЛЬНИК, Роза ШКОЛЬНИК, Александр ШМАЕВСКИЙ, Татьяна ШНАЙДЕР (ПИЛКИНА), Яков ШНАЙДЕР, Аркадий ШУСТЕР, Аркадий ШУХАТ, Аделя ЩЕГОЛЕВА, Елена ЩЕРБОВА, Яков ЭКЕЛЬ, Евдокия ЭСТИС, Аркадий ЮРКОВЕЦКИЙ, Зося ЯБЛУНОВСКАЯ, София ЯКУБОВА, Павло ЯНОВИЧ.

**Авторы книги «Мы хотели жить.
Свидетельства и документы».
Книга 1**

Грета АЙЗЕНБЕРГ-АНЧИПОЛОВСКАЯ, Евгения АЛЬТМАН, Виктор АНТОНЕВИЧ – Дмитрий БАБИЧ, Анатолий АСТРАХАН, Арон БАБУХ, Елена БАРАННИК-ЭЛЬГОРТ, Миля БАЛК, Рувим БАРОН, Юрий БАРУ, Татьяна БАТУЛИНСКАЯ (ПОПЕРЕЧНАЯ), Александр БЕЙГЕЛЬМАН, Бетя БЕКЕРМАН, Татьяна БЕЛИК, Яков БЕЛЬЦЕР, Михаил БЕРМАН, Семен БЕССАРАБСКИЙ, Леонид БИЛЫК, Арон БИТТЕР, Михаил БЛЕХМАН, Фрида БЛЯМ, Евдокия БРАИЛОВСКАЯ (ШНАЙДЕР),

Раиса БОГОМОЛ, Фира БОЙКО, Моше БРАМНИК, Людмила БРАСЛАВСКАЯ, Григорий БРЕНЕР, Мария БУРДИНСКАЯ, Людмила БУРЛАКА, Абрам БУРШТЕЙН, Владимир БУХАНОВСКИЙ, Аня ВАЙНЕР, Аркадий ВАЙНЕР, Исаак ВАЙНЕР, Лейка ВАЙНТРУБ, Анна ВАЙНШТЕЙН, Александр ВАЙСКОП, Иосиф ВАСИЛЕНКО, Юлия ВЕКслЕР, Татьяна ВЕНГРЕНОВСКАЯ, Михаил ВЕРХ, Евгений ВИКНЯНСКИЙ, Александр ВИШНЕВЕЦКИЙ, Алла ВОЛЧИНСКАЯ, Ада ВОРОНЦОВА, Люция ГАЛЕЦ, Матвей ГЕЙЗЕР, Александр ГЕЛЬМАН, Илья ГЕРБЕРГ, Эсфирь ГЕРШМАН, Циля ГЕХТМАН, Михаил ГИЛЬБЕРГ, Ева ГЛАДКАЯ, Т. Н. ГЛОНЗА, Марк ГОЛДОВСКИЙ, Вера ГОЛИШЕВСКАЯ, Б. С. ГОЛОВАТЮК, Лариса ГОРЕЛИК, Майя ГОРЕНШТЕЙН (ЗАСЛАВСКАЯ), Муся ГОРЛОВЕЦКАЯ, Елена ГОРОДЕЦКАЯ, Елена ГОРОДНЯЯ, Ефим ГРИМБЕРГ, Борис ГРУ, Мария ГУРАЛЬНИК, Борис ГУРТОВОЙ, С. М. ДАВЫДОВА, Екатерина ДАНОВА, Ян ДЕРБАРЕМДИКЕР, Петр ДЗЮБЕНКО и Шеля РОЗЕНГАФТ-МОСТОВАЯ, Раиса ДОЗОРЕЦ (ОЛИЙНЫК), Шейла ДОКТОРОВИЧ, Алла ДРАНИКОВА (ЯКОВЛЕВА), Валентин ДРАНИЦКИЙ, Леонид ДРУТМАН, Валентина ДУДНИК, Владимир ДУХНО, Борис ЕФИМОВ, Софья ЖЕБРАК, Ася ЖИГИЛИИ (ДУХМАН), Александр ЖОРНИЦКИЙ, Тамара ЖУРА-СТЕЛЬМАХ, Захар ЗАБОЛОТНЫЙ, София ЗАБРАМНАЯ, Полина ЗАГОРУЙКО, Абрам ЗАЛЬЦМАН, Мария ЗАНВЕЛЕВИЧ, Екатерина ЗАПОРОЖЧУК, Эгги ЗИНГЛЕР, Галина ЗИМНЯЯ, Леонид ЗИНЬКОВЕЦКИЙ, Виль ИЦКОВИЧ, Изяслав КАБАЦКИЙ, София КАЛМЫКОВА, Раиса КАЛУЖИНСКАЯ, Давид КАЦУРА, Адольф КВАЛЬВАСЕР, Наум КЕРПИЛЕВИЧ, Александр КЕСЕЛЬМАН, Анатолий КИШКАНЬ (ЗИЛЬМАН), Галина КЛИМЕНЧУК, Борис КОГАН, Тамара КОГАН, Григорий КОЙФМАН, Юрий КОЛЕЧИЦ, Циlena КОНДРАЕВА, Светлана КОНОНОВА (ГЕРШОЙГ), Владимир КОНОНЧУК, Ефим КОРДОНСКИЙ, Тамара КОРЧИК, Медея КОСТОМАХА, Циля КРАСНЕР, Ева КРАСОВИЦКАЯ, Фаина КРАТКОВА, София КРЕЙМЕР (БРОДСКАЯ), Александр КРИВИЦКИЙ, Семен КРИС, Людмила КРОЛЬ, Тамара КСЕНЗОВСКАЯ, Альберт и Рудольф КУДЕНКО, Эдуард КУДРИЦКИЙ (ВАЙНБЕРГ), Абрам КУПЕРМАН, Евдокия КУПЕРМАН (ШКОЛЬНИК), Александр КУШНИР.

**Авторы книги «Мы хотели жить.
Свидетельства и документы».
Книга 2**

Наум ЛАЗЕБНИК, Леонид ЛАНГЕР, Ева ЛАНДЕС-МИЛЬШТЕЙН, Л. ЛАНОВЕНКО, Федор ЛАПИНЦЕВ, Евгений ЛАСЕНКО, Татьяна ЛАСКЕР, Игорь ЛЕВИН, Роман ЛЕВИТ, Яков ЛИВШИЦ, Клара ЛИСКУН, Ольга ЛИТВАК-ПУСТИЛЬНИК, Нухим ЛУКАЦКИЙ, Александр ЛЮБАРСКИЙ, Аркадий и Николай МАЖБИЦ, София МАЛИНСКАЯ, Евгения МАНУКЯН (УДЕЛЬСМАН), Эстер МАНЬКОВСКАЯ, Анна МАРКОВСКАЯ, Георгий МАСЛЯЕВ, Рива МАТЮШИНА, Бэла МЕРШОН, Григорий МИХАЙЛИС, Рива МОЛОЧКОВЕЦКАЯ, Наум МОНАСТЫРСКИЙ, А. Г. МОСТОВАЯ, Наум НАГИНСКИЙ, Игнац НАЙБАУЭР, Евгения НЕЛАВИЦКАЯ, Леонид НЕМИРОВСКИЙ, Христина НОВАКОВСКАЯ, Галина НОВИЦКАЯ, Юрий ОЙБЕРМАН, Клара ОЛЕЙНИК (КУЛИНСКАЯ), Ольга ПАНКОВА, Эмма ПАНЧЕНКО, Семен ПЕКАРЬ, Мошко ПЕКЕР, Владислав ПЛОТКИН, Этя ПЛОТНИК, Валентин ПЛОТНИКОВ, Леонид ПОДЛЕСНЫЙ, Галина ПОЛИНСКАЯ, Галина ПОЩУПАЙЛОВА, Клавдия ПУПЧЕНКО (ЛОТКИНА), Фира РАБИНОВА, Давид РАЙБМАН, Юрий РАШКОВАН, Людмила РЕДЬКОВА (ДРИЗ), Алла РЕЙЗИНА, Михаил РОЗЕНБЕРГ, Гедали РОЗЕНТАЛЬ, Михаил РОЗЕНФЕЛЬД, Яков РОЙТБЕРГ, Елена РОМАНЕНКО, Леонид РУБИНШТЕЙН, Ольга РУДАЯ (ЗУСЛИНА), Елена РУСМАН, Светлана САМОЙЛОВА, Маргарита САРКИС, Лилия СИМОНОВА, Галина СКРИПНИК, Ефим СОЙРЕФ, Борис СОКОЛЕЦКИЙ, К. М. СОКОЛОВА, Лилия СОКОЛОВСКАЯ, Леонид СОЛОДОВНИК, Рива СТАРИКОВА, Борис СТАРК, Анна СТОЛОВИЦКАЯЮ, Вера СУПОНИЦКАЯ, Сергей СУШОН, Мария ТАРАСОВА (ГРИНБЕРГ), ТАРНАРУДСКАЯ, Рая ТЕПЛИЦКАЯ, Анатолий ТИМОШЕНКО, Анюта ТКАЧЕНКО, Лидия ТКАЧЕНКО, Лидия ТРАКТИРЩИК, Александр ТРАХТЕНБЕРГ, Алла УРАЗМЕТОВА, Раиса УЧИТЕЛЬ (ШТАРКМАН), Исаак ФАБИАН, Бетя ФАЙГЕНБЛИТ, Мария ФАЙНГОЛЬД, Любовь ФАЙНЗИЛЬБЕРГ, Михаил ФАРБЕР, Геннадій ФИШБЕЙН, Бенцион ФРАЙБЕРГ, Семен ФРИДМАН, Саля ФРОЛОВА (СИПСЕР), Лев ФУКС, Ка-

рол ФУКСМАН, Жанна ХВОЩАН (ГРИГОРЬЕВА), Яков ХЕЛЬМЕР, Циля ХОДА, Мария ЦИБУЛЬСКАЯ, Виль ЦИКОВИЧ, Давид ЧЕРВИНСКИЙ, Фаня ШАБШИС, Семен ШАМРАКОВ, Шай ШАНИС, Леонид ШАТАЛОВ, Розита ШАФАРЕНКО, Ида ШВАРЦ, Рита ШВЕЙБИШ, Леонид ШЕВЧЕНКО, Кира ШИЙКА, Рима ШИПИЦИНА, Илья ШИСМАН, Рена ШИСМАН, Л. П. ШКЛОВСКИЙ, Роза ШКОЛЬНИК, Бенья ШЛАИИ, Жанна ШЛАКМАН, Галина ШЛАФЕР, Валентин ШНАЙДЕРМАН, Лев ШНАЙДЕРМАН, Клара ШТЕЙНБЕРГ, Абрам ШТЕЙНМАН, Михаил ШТЕЙНМАН, Хаим ШУЛЬКИН, Владимир ЭНТИН, Карл ЭПШТЕЙН, Евдокия ЭСТИС, Нина ЭТКОВА, Александр ЗАХАРЧЕНКО, Давид ЮДЧАК, Роза ЮРЧУК, Светлана ЯВОРСКАЯ (ГОЛЬЦМАН), София ЯНОВСКАЯ.

Я высоко ценю помощь и поддержку всех тех замечательных людей, которые в ходе работы стали моими близкими друзьями. Благодаря совместному труду подготовлены и изданы наши книги в Украине, Великобритании и Федеративной Республике Германии.

С уважением и любовью я называю их имена: Пинхас АГМОН (Бейт Лохамей ха-Геттаот), Анна АЛЕКСЕЕВА (Киев), Виктор АЛМАЗОВ (Херсон), Семен БЕЛЬМАН (Чернигов), Леонид БЕЙРАК (Киев), Лина БЕЛЫХ (Луганск), Камилла БЕНДИАБ (Киев), Вольфрам ВЕТТЕ (Фрайбург), Владимир БОГАК (Запорожье), Барри и Линда ВАГНЕР (США), Семен ВАЙСБЛАЙ (Хмельницкий), Фаина ВАХУТИНСКАЯ (Днепропетровск), Фаина ВИНОКУРОВА (Винница), Борис ГЕЛЬМАН (Севастополь), Циля ГЕХТМАН (Переяслав-Хмельницкий), Марк ГОЛЬДЕНБЕРГ (Феодосия), Хиндрих и Элька КААСМАНН (Гамбург), Моше КАНТОР (Москва), Лариса КИРПА (Черкассы), Клавдия КОЛЕСНИКОВА (Корсунь-Шевченковский, Черкасская область), Александр КРУГЛОВ (Харьков), Виктор ЛАЗЕБНИК (США), Федор ЛАПИНЦЕВ (Полтава), Борис ЛИСЕЦКИЙ (Ивано-Франковск), Вернер и Маргрет МЮЛЛЕР (Кельн), Галина ПОЛИНСКАЯ (Кировоград), Александр РУБАЧ (Киев), Евгений РУБАЧ (США), Андрей СТРАШУН (Киев), Александр ФЕЛЬДМАН (Харьков), Бен ХЕЛФГОТТ (Лондон) Александр и

Светлана ШАЛИМОВЫ (Николаев), Зор ШЕХТМАН (США), Дорис ШНАЙДЕР (Вупперталь), Дитмар ШТЮДЕМАНН (ФРГ), Елена ЩЕРБОВА (Харьков), Карл ЭПШТЕЙН (Умань), Владимир ЮСИН (США), Мария ЯКОВЛЕВА и Павел ЯНКОВСКИЙ (Киев).

Я искренне благодарен руководству и сотрудникам издательств «Задруга» (Киев), «Дух і Літера» (Киев), «Dittrich Verlag» (Кельн), «Friedrich-Ebert-Stiftung» (Бонн), «VALLENTINE MITCHELL & CO. LTD» (Лондон) за кропотливый труд, за признание важности свидетельств о Холокосте.

Огромное спасибо моим любимым и дорогим членам семьи: маме Фаине Давыдовне, брату Александру (бывшим узникам Шаргородского гетто в Винницкой области), сестре Галине, жене Ларисе, дочери Ларушке и славной внученьке Илонке.

Пусть эти книги трагических воспоминаний, в центре которых – «человек и Катастрофа, пересечение жизни и смерти, добра и зла, предательства и героизма, ненависти и взаимопомощи, подлости и всепрощения, разочарования и веры, отчаяния и надежды, низости и самоотверженного служения долгу, страдания и решимость выжить вопреки всему, преступление и наказание, палачи и жертвы, равнодушные и Праведники», будут данью уважения спасшимся и спасителям, памятником всем ныне живущим и уже ушедшим жертвам Холокоста.

Д-р Борис Забарко,
бывший узник Шаргородского гетто,
заслуженный деятель науки и техники Украины,
председатель Всеукраинской ассоциации евреев –
бывших узников гетто и нацистских концлагерей

«ОТЕЦ И СЕСТРА БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ»

ЛАЗЕБНИК Наум (1922 г.)

Я, Лазебник Наум Григорьевич (Нисель Гидальевич), еврей, родился в 1922 году в селе Лебедеевка (Слобода Чернецкая) Новоград-Вольнского района Житомирской области.

В июне 1941 года окончил Каменец-Подольскую среднюю школу соседнего Барановского района.

Началась Вторая мировая война. Я был мобилизован для эвакуации колхозного скота в восточные области. Мы с моим товарищем, Ананием Максимовичем Осипчуком, успели догнать скот до села Дивочки Черняховского района Житомирской области, и там нас обстреляли немецкие самолеты. Затем мы попали в окружение. Решили возвращаться домой. Но когда вернулись, наше село уже было оккупировано немецкими солдатами.

Мои родители – Лазебник Гидаль Давидович и Лазебник Хаберега Наумовна, вместе с братом Мотей, 1928 года рождения, и сестрой Розой, 1931 года рождения, в это время находились в родном селе. До июня 1942 года оккупационная власть нас не трогала.

В конце июня или в начале июля 1942 года мы с братом работали на колхозном поле – окучивали картошку, мать трудилась на колхозном огороде, отец и сестра были дома. В это время в село приехали немцы и, по наводке полицая, забрали отца и сестру. Нам об этом сообщил прибежавший товарищ, Виктор Иосифович Фишунк. Узнав об аресте близких, мы с братом спрятались во ржи.

Вечером, тайком, пробрались в село к соседке Людмиле Иосифовне Люблинской. После этого мы с братом расстались. Матери тоже сообщили о происшедшем и они – мать, отец и сестра – спрятались у жительницы села Евгении Федоровны Бовчук.

Л. И. Люблинская передала мне, где находится мать. На протяжении пяти недель мы прятались в родном селе. Брат, по истечении трех дней, после ареста отца и сестры, ушел в [Черкасскую область](#). Нас с матерью разыскивали, и мы приняли решение тоже уходить к бывшим соседям на Черкасчину (в то время Киевская область).

В [Корсунь-Шевченковском](#) районе жили знакомые люди, которые в тридцатые годы были переселены в наше село, а с началом войны вернулись в родные места. Добирались мы туда семь суток: где пешком, где на лошадях, а от станции [Попельня](#) до станции [Фастов](#) – на поезде.

Меня приютила семья Родиона Ивановича Федирко, которая проживала в селе [Завадовка Корсунь-Шевченковского района](#). Я прятался в подвале и в сеновале, а в ночное время, иногда, заходил в дом. Больше всего мне помогала дочь хазяев Варвара (моя будущая жена). Она стирала белье, приносила покушать. Маму приютила семья Ерофея Погребного, которая проживала на хуторе [Нетеребка](#) этого же района.

После освобождения [Корсунь-Шевченковского района](#) (наше село в это время уже было освобождено), я решил идти домой.

Возвратившись, я встретился со своим братом, который тоже прятался в [Корсунь-Шевченковском районе в селе Глушки](#) у бывшего нашего соседа Феофана Марпехи.

Наш дом остался цел, и я отправил брата на Черкасчину искать мать. Мать вернулась, вместе с ней приехала Варвара Федирко, которая мне помогала прятаться от немцев.

В апреле 1944 года меня призвали в действующую армию, и, после подготовки, направили на фронт. В боях за город [Бухслау](#) я получил пулевое ранение ноги.

Конец войны меня застал в [Чехословакии](#). После демобилизации, 26 ноября 1946 года, я вернулся в родное село, работал в колхозе, а в феврале 1947 года меня избрали председателем

сельского потребительского общества. На этой должности я проработал по ноябрь 1963 года до упразднения Лебедивского (Слобода-Чернецкого) потребительского общества. После этого был заведующим хозяйством Лебедевской участковой больницы. В 1971 году меня избрали освобожденным секретарем партийной организации местного колхоза, а в 1975 году – председателем этого же колхоза. На этой должности я проработал 8 лет, после чего меня избрали председателем Лебедивского сельского совета. В 1987 году, по просьбе руководства села, я перешел на работу в Лебедивскую участковую больницу. Был заведующим хозяйством с целью помочь в строительстве новых помещений больницы. На этой должности проработал до декабря 2002 года. В конце 2007 года мы с женой Варварой переехали к сыну в село [Натальевка Корсунь-Шевченковского района](#), где проживаем по настоящее время.

Как мы потом узнали, отец и сестра были расстреляны в [Новоград-Вольнской](#) тюрьме в 1942 году. Где похоронены, я до сих пор не знаю.

«ВСЕ НАПОМИНАЛО О ПОГИБШИХ РОДНЫХ...»

ЛАНГЕР Леонид (1943 г.)

Я, Лангер Леонид Яковлевич, родился 25 марта 1943 года в [Германии](#), в концлагере.

Историю нашей семьи я узнал недавно, от старых друзей. От меня же все тщательно скрывалось. Я думаю, ознакомившись с историей моей мамы, станет понятно, почему.

Моя мама, Лангер Клара Борисовна, 1922 года рождения, проживала до войны вместе со своей семьей из семи человек в городе [Славуте](#)¹ [Хмельницкой области](#).

С приходом немцев и оккупацией города начались первые расстрелы евреев. Семью мамы поначалу не тронули, так как глава семьи, мой дед, был отличным портным. Он стал шить форму немцам, чтобы прокормить нас. Но когда началась очередная волна арестов евреев, то один из клиентов, немецкий офицер, сказал отцу, что семью должны арестовать, но в списках нас только шесть человек – один может спастись. На семейном совете решили спасти младшего брата. Но он отказался. Вот так мама покинула дом в [Славуте](#), укрылась в селе в украинской семье, которая дала ей новые документы.

Через некоторое время она вместе с сельской молодежью была угнана на работу в [Германию](#). Там она работала у бауэра (фермера) сельхозрабочей. Бауэр к своим рабам относился более-менее прилично, не издевался над ними, ели они за одним столом с семьей бауэра.

Когда мама оказалась в положении, и не могла больше работать, хозяин отправил ее в концлагерь, который находился неподалеку. Там я и родился. Своего настоящего отца я не знаю.

Через пару месяцев хозяин забрал ее обратно вместе с ребенком, и она проработала у него до прихода наших войск.

Мама вернулась в [Славуту](#), однако там она жить не смогла, все напоминало о погибших родных, и уехала к дальним родственникам в [Оренбург](#). Там она познакомилась с моим приемным отцом, Яковом Григорьевичем Лангером, 1918 года рождения, офицером Советской Армии. Он был дальним родственником мамы, поэтому у них одинаковые фамилии. Они поженились, и ему пришлось перевестись служить из Чкалова на Сахалин, так как от него требовали, чтобы он оставил маму из-за ее прошлого.

До самого последнего времени я не знал, что он не мой родной отец, мама никогда не рассказывала о том, как ей удалось чудом уцелеть. Эта тайна сохранялась в семье и среди родственников. Я смог получить образование, прослужил в Советской Армии 27 лет, дослужился до полковника.

«МЕРТВЫХ СТАНОВИЛОСЬ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ...»

ЛАНДЕС-МИЛЬШТЕЙН Ева (1934 г.)

Я родилась 2 сентября 1934 года. До войны наша семья жила в Бричево Дондюшанского района (Молдавия). Мои родители – отец Мильштейн Волька (1898–1981 гг.), мама Миля (1900–1978 гг.).

Когда началась война, моему брату Мойшале было 13 лет, а мне – 7. Наша семья жила на окраине поселка. Все ужасы, перенесенные нашей семьей, запечатлелись в моем детском мозгу.

Как только начались еврейские погромы, мы оказались первыми пострадавшими, наш дом был ограблен полностью, по квартире валялись перья от подушек и разорванные альбомы с фотографиями. Мы оказались живы, так как не находились дома: в это время мы были у бабушки и дедушки, и оставались у них до изгнания из поселка.

Затем начались массовые расстрелы евреев. Женщин с дочерьми, а мужчин с сыновьями убивали по разным сторонам поселка. Нас гнали по дороге. Немецкий офицер приказал всем лечь лицом к земле, и начался расстрел. Мою маму ранили в лоб, хлынула кровь и нечем было перевязать. Кто-то снял с себя рубашку и оказал помощь, как вдруг раздался приказ прекратить стрельбу и разогнать всех по домам. Дети, старики встали и бежали без оглядки, падали, вставали и опять бежали, кто как мог и куда мог.

Мы вернулись к бабушке с бабушкой в их дом, который уцелел. Маме промыли рану, перевязали – она осталась жить. Этот эпизод остался в моей памяти на всю жизнь.

Вскоре, всех евреев поселка поселили в гимназии, а через несколько дней погнали пешком в неведомый, длинный и ужасный путь. Гнали из села в село. В Косоуцком лесу Сорокского района остановились на 5 суток.

По дороге тяжело заболела бабушка Бася. Лечить было нечем, нас гнали дальше, с ней мы распрощались навсегда. Там, в лесу, осталось много больных стариков, нам обещали, что их отправят на повозках. Но едва мы тронулись в путь, как раздались выстрелы. Их всех расстреляли. В 1991 году в городе Сорочи (Молдавия) перезахоронили останки всех расстрелянных евреев в Косоуцком лесу. Их было более 600 человек. В центре кладбища поставили большой красивый памятник.

День за днем мы шли до украинского села Ободовка¹ Винницкой области. Нас поселили на ферму без окон и дверей, а зима была суровая, морозная. Мы разместились на земле, спали в чем были. Люди умирали от холода, голода.

Отец вырывался в село, чтобы заработать на кусок хлеба, но, зачастую, возвращался избитым и без ничего. У моего брата Мойшале посинели пальцы ног, и началась гангрена, и вскоре он умер. Дедушка от горя тоже умер. Я чудом выжила, бегала среди живых и мертвых, кто мог, подбрасывал корку хлеба.

Мертвых становилось больше и больше, образовались кучи, потом через некоторое время сбрасывали их в большую яму. Это были 1941–1942 годы.

Через некоторое время нас переселили в барак, где мы несколькими семьями и дожили до 1944 года. Местное население стало нам помогать: кто из нас мог работать, шел к ним, и они давали кое-что на питание.

Я, мама, папа чудом выжили. Как только началось освобождение Молдавии, пешком вернулись домой. Но дом был разрушен, нас поселили в старый домик в центре поселка.

После войны я окончила школу в Тырново Дондюшанского района Молдавии и Сорокский просветительный техникум, работала в библиотеке. Вышла замуж, у меня родилась дочь. В 1991 году мы репатриировались в Израиль.

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Landes.html>
[25.12.2013]

«ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ГОРЬКАЯ ПРАВДА ПАМЯТИ»

ЛАНОВЕНКО Л. (1936 г.)

Когда началась война, мне было без малого пять лет. Мы жили в селе [Нагорном](#)¹ [Жашковского района на Черкасчине](#). Отец, Дмитрий Кемельман, был портным. Шил все: от белья до кожухов. Люди любили моего отца, ведь он был очень добрым, уважаемым, культурным и трудолюбивым. Мама работала в колхозе, а дома была отцу незаменимой помощницей. Дружная у нас была семья.

В начале войны старшего брата Григория забрали на фронт. Кидала его военная судьба по разным фронтам, был он ранен, не раз горел в танке. После войны вернулся инвалидом. Умер от фронтовых ран.

А нас, младших детей, война «колыхала» по-своему. Трудные это были годы. Я, хоть и маленькая тогда была, но помню, как забирали отца и полицаи, и немцы, потом он возвращался, шил им, и опять его забирали. Плакала мама. Каким-то образом он от них убежал в лес, а когда ночью пришел домой – последний раз в августе 1943 года – его увели сельские полицаи Григорий Гарнавский и Петр Стельмах с немецкими жандармами и гестаповцами. Они с бранью избили его, а потом увезли в комендатуру. На следующий день забрали и маму. Господи, как же их там били! Не знаю, что уж они от родителей там хотели. Когда мы спрашивали маму: «Мамочка, почему?», она сильно плакала и просила не трогать это в ее жизни.

На следующий день их отправили в жашковскую тюрьму. Маленького трехмесячного Володю взяли соседи, а мы с Петей убежали в поле.

Домой приходили, когда уж очень хотелось есть. Нам на окне в нашей *хате* соседи оставляли кусочки хлеба, молоко и печеную свеклу. Когда мама вернулась домой, он был пуст. Все, что было, полицаи погрузили на машину и увезли: пошивной материал, скотину, птицу, еду, швейные машинки. Спасибо соседям: в суматохе сохранили нам немного теплой одежды и кое-какой еды. А вскоре после сильной бомбежки сгорел и наш дом.

Перед отправкой отца из [Жашкова](#) мы с мамой навестили его в тюрьме. По-моему, нас специально туда привезли, чтобы мы видели все мучения отца. Да, я уже пожилая женщина, но до конца своей жизни я буду слышать треск пальцев отцовских рук, которые ломали дверями. Мне не забыть запах его тела, когда ему под ногти совали раскаленные цыганские иголки, когда горячей зажигалкой поджигали ему бороду. Это делал не человек, а что-то страшное в человеческом облике, потому что это существо смеялось и радовалось, что «жидовская морда» корчилась от боли. А нас заставляли на это смотреть. И, если маме становилось плохо от такого зрелища, то они ей грозили убить нас с Володей. Казалось, этот ужас не кончится никогда.

Потом мы стояли на вокзале, когда отца и многих других евреев и неевреев загоняли в товарный вагон. Было очень жарко. Вскоре мы увидели возле окошка папин серый картуз. Они, бедные, там очень хотели пить: языками доставали слезы и пот с лица, чтобы промочить себе во рту. Мама набрала бутылку воды и бросила в окно, чтобы хоть кому-то попало. Это увидел полицай и налетел на нас очень большим конем. Маме нечем было защититься, и она подняла над собой маленького Володю. Когда конь повернул, мама бросила еще одну бутылку с водой. Полицай опять увидел, прискакал и со страшной бранью выстрелил. Пуля задела ухо. Все это было слишком ужасно.

Поезд тронулся, и я увидела, как упал папин серый картуз. Я не знаю, а только представляю, что было в вагоне, когда он упал. Я и сейчас чувствую ту горечь удара в детское сердце. Я своего отца больше никогда не видела.

Мама с маленьким Володей ходила пешком в [Киев](#) искать отца. Ее не было долгих несколько недель. Эти дни помню, как сейчас. Мы с Петей опять убежали в поле. Кто только не терзал наши души. Мама тоже много всего перенесла в городе. Спа-

сибо добрым людям, помогли ей уйти оттуда живой, хотя и с кровавыми опухшими ногами.

А через некоторое время явилась некая Верка. Она сказала, что знает, где отец и может помочь – передать одежду и еду. Бедная мама поверила этой гадкой женщине и отдала ей, сохраненные соседями одежду и еду. А Верка со всем этим пропала. Мама была так убита всем происходящим, что даже не представляла, что на таком горе могут нажитья.

Весной мама со старшим братом Петей накрыли соломой уголок хаты, и у нас уже было где жить. Если заходили наши – было спокойно, а когда заходили немцы – мы прятались. Всю войну мы жили на линии фронта, и власть менялась даже несколько раз в сутки.

Страшные картины терзают душу. Братя прятались, сменив свои еврейские фамилии на фамилии жен. Один выехал в Барнаул, другой – в Волгоград, где и умер. Трудно было во время войны, трудно было и после нее. Все сгорело: ни одежды, ни жилья, ни документов хоть каких-то. Осталась только горькая правда памяти.

Надежда. – 2005, № 3. – С. 3.

«КАЖДЫЙ ВЫЖИВАЛ КАК МОГ»

ЛАПИНЦЕВ Федор (1941 г.)

Я, Лапинцев Федор Сергеевич, родился в городе Полтаве 6 июня 1941 года, т. е. за две недели до начала Великой Отечественной войны, в семье служащего.

Мой отец, Лапинцев Сергей Дмитриевич, уроженец Мурманска, русский, 1900 г. рождения. После объявления войны он стал бойцом противовоздушной обороны вплоть до оккупации Полтавы¹ врагом, потом был мобилизован в Красную Армию и пропал без вести на фронте в 1943 году.

Моя мать, Лапинцева Полина Львовна, 1910 года рождения, уроженка села Горошино Хорольского района Полтавской области, еврейка, (девичья фамилия Бергман), до войны была домохозяйкой и проживала в Полтаве. После тяжелых родов (со мною) была частично парализована и не смогла вовремя эвакуироваться. Только за один день до оккупации Полтавы, 17 сентября 1941 года, моему отцу удалось посадить нас (мать и меня) в военную машину, чтобы эвакуироваться, но на полпути до Харькова нас высадили, так как дальше был фронт.

Вскоре пришлось вернуться в Полтаву. На старое место жительства возвращаться было нельзя (район проживания евреев). Мать попросилась к своей подруге, которая жила в доме № 7 по ул. Преображенской (потом ул. Луначарского).

Поскольку эта женщина знала мою мать как Лапинцеву, а мама вполне сходила за нееврейку, то согласилась нас принять.

Как показали дальнейшие события, это был единственный шанс уцелеть, так как жители этого дома никого не выдали из проживавших здесь. За весь период оккупации в этом дворе не

было тотальных проверок и облав. Все, кто мог, работали на немцев (прачками, дворниками, посудомойками).

Полицаи – выходцы из сельской местности – периодически заходили и спрашивали, есть ли тут евреи. Получали только отрицательный ответ.

Для проверки расспрашивали и детей. Но, поскольку взрослые отрицали, то так отвечали и дети. В самом начале оккупации те евреи, которые пошли на сборные пункты по объявлению, уже назад не вернулись, так как были расстреляны. Остались в этом доме живыми евреи, которые никуда не пошли, а их потом не выдали.

Но надо было еще почти два года как-то жить. Каждый выживал как мог. Моей маме пришлось выживать со страхом быть в любой час дня и ночи арестованной, а потом расстрелянной вместе со мной.

Моя мать была образованной, знала языки (идиш, иврит, неплохо немецкий), умела рисовать. Получала какие-то продукты питания за репетиторство школьника-подростка, жившего в нашем дворе. Главное, на что мы жили, были приношения жильцов за предсказания. Ведь у мамы появился необычный дар предвидения будущих событий. У нее был для этого особый день. И за все время она ни разу не ошиблась. Видимо, поэтому ее берегли. И это помогало выживать и после освобождения **Полтавы** 23 сентября 1943 года.

В 1946 г. стало известно, что мой отец, находясь на фронте, пропал без вести. По возбужденному ходатайству мама стала получать на меня небольшую пенсию. До 1950 г. мы проживали «на птичьих правах» в указанном доме вплоть до его капитального ремонта. Мама работала в артели, а я учился в школе. Но поскольку после войны антисемитизм в стране, как никогда, усилился, то мать восстановила свои документы как украинка. Поэтому в дальнейшем я получил высшее образование и окончил аспирантуру без влияния графы № 5 анкеты отдела кадров. Теперь я пенсионер.

«ЖИЗНЬ В ГЕТТО МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ КАК СПЛОШНОЙ КОШМАР»

ЛАСЕНКО Евгений (1932 г.)

Трудно представить, как сложилась бы судьба нашей семьи, да и возникла ли бы она вообще, если бы отца осудили. Дело в том, что после окончания педагогического училища он начал работать в школе преподавателем украинского языка и литературы. В это время большевики расширяли свою власть, начиналась коллективизация. Репрессии неугодных людей нарастали с каждым днем. Достаточно было одного доноса, и подозреваемый исчезал навсегда. Отец, человек энергичный, образованный и целеустремленный, был убежден, что повышением культурного уровня людей можно улучшить жизнь. Поэтому на собраниях и митингах, которые так любили коммунисты, он призывал не к коллективизации, а к строительству клуба. Этого было достаточно, чтобы сострять убедительный донос.

Когда отца арестовали, ему предъявили обвинения: был петлюровским офицером, разгонял комсомольские собрания, выступал против советской власти, был ярым антисемитом. Одно из этих обвинений было достаточно для расстрела. Но так как отец, к счастью, не был членом партии, ему грозила ссылка на Соловецкие острова. Спасли друзья. Каким-то образом они нашли подход к Председателю ВУЦИКа (**Харьков** тогда был столицей **Украины**) и отца освободили.

С преподавательской деятельностью пришлось навсегда расстаться. Какой же из «неблагонадежного элемента» учитель? Так отец стал бухгалтером.

С мамой, Елизаветой Израильевной Коган, отец познакомился и начал встречаться, когда она, студентка медучилища,

была направлена на практику, а затем и на работу в местную больницу.

Отец вернулся домой после освобождения из-под ареста и, более того, снятия обвинения, это было неожиданно для домашних. Родные и близкие как раз собрались для того, чтобы провожать его на Соловки. В общей суматохе отец сразу и не заметил приткнувшуюся на узелке с пожитками Лизу, которая без согласия родителей-евреев – категорических противников брака с «русским», собралась ехать с ним на край света.

Так они поженились. Жизнь была трудная. Но мы с сестрой Талой никогда не слышали, чтобы родители между собой хоть раз повздорили, тем более, ругались. Мама, очень добрая и мудрая женщина, никогда не доводила конфликты до скандалов.

Перед войной жизнь начала как-то налаживаться. Канули в прошлое неприятные воспоминания об аресте отца в двадцать девятом году, наконец-то разрешилась жилищная проблема. Родители купили маленький домик. Отец нашел неплохую работу в должности главного бухгалтера артели инвалидов. Я начал учиться в школе.

«Счастлирое детство» кончилось с началом войны. Никто не предполагал ее жутких тягот в течение долгих четырех лет. Отрезвляли бомбежки. В сентябре 1941 г. началась эвакуация. Мамина сестра приглашала нас к себе в [Казань](#), но родители после больших терзаний решили остаться. Веских причин было две. Во-первых, отец был репрессирован, во-вторых, перед самым приходом немцев он получил в банке большую сумму денег для выдачи зарплаты работникам артели. Уехать в эвакуацию с этими деньгами отец не мог – что он сказал бы людям после возвращения?

Пришли немцы. Первые дни оккупации были спокойными. Кончились бомбежки, фронт ушел на восток. Но тревога не исчезла. В середине декабря появился приказ бургомистра [Харькова](#)¹ на трех языках, в котором предписывалось всем евреям и находящимся с ними в родственных связях прибыть в бараки станкостроительного завода, около ХТЗ (Харьковского тракторного завода). За неявку – расстрел.

Наши родители всегда были людьми законопослушными, а что было с теми, кто противился воле гестапо, все уже хорошо

знали. На столбах и балконах вешали заложников, расстреливали каждого, кто не выполнял распоряжений оккупантов. Это и стало причиной нашего переезда в бараки. Я говорю – переезда, потому, что приятель отца согласился отвезти наши вещи на подводе.

Собрав вещи первой необходимости, и раздав оставшееся соседям, мы отправились в неизвестность. Дорога, хотя и недалёкая – примерно 18 километров, таила в себе опасность: начало комендантского часа с наступлением сумерек в 16.00, ограбление своими же соотечественниками при подъезде к баракам...

Бараки представляли собой жуткую картину. Все окна и двери были вышиблены, печки и перегородки, разделявшие барак на комнаты, – разрушены. На полу сидели и лежали люди. Некоторые, чтобы согреться, сбивались в кучи. Много детей, даже грудных. Среди этих несчастных лежали умершие.

Нам, в какой-то мере, повезло. Один незнакомый пожилой еврей, кажется, сапожник по профессии, увидев нашу неустроенность, предложил перебраться в его угол, который он отгородил для своего многочисленного (одиннадцать человек) семейства.

Жизнь в гетто мне вспоминается как сплошной кошмар. Днём ещё как-то не так страшно, зато ночью ужас охватывал всех. Постоянный лай собак, стрельба, крики. Распространялись слухи, что евреи убили немца, и сейчас будут расстреливать каждого, кто выйдет из барака.

У многих не было никакой пищи. Они умирали от голода. Не было воды. Из-за перегородки доносилось: «Пить. Пить...» Воду собирали по каплям с крыш и из луж.

На территории барakov действовал какой-то водопровод. Но кранов с водой было так мало, что их трудно было найти. Отец все же отыскал место, где была вода. У одного крана стояла огромная очередь. Это вода для евреев. У другого – небольшая кучка людей. Вода для людей других национальностей. Таков немецкий порядок. Кто-то повздорил в еврейской очереди, подошел немец с автоматом, выхватил из очереди старика и расстрелял на глазах у всех. Мол, так будет с каждым, кто осмелится нарушить порядок. Пока отец донес воду до нашего барака, осталось полведра. Все, кого он встретил по пути, просили: «Дайте несколько глотков!»

Всем было ясно, куда они попали и что их ожидает. Отец познакомился там с поляком, который убеждал его, чтобы он уходил с детьми пока не поздно, так как он украинец, и может уйти из гетто свободно. А мама говорила отцу: «У меня есть серная кислота, я знаю, что делать. А ты, если встретится тебе хорошая женщина, не задумывайся – женись. У детей должна быть мать».

Несколько суток родители не могли решиться, пока немцы не начали куда-то увозить людей большими группами на огромных грузовиках и без вещей. Тогда мама собрала небольшой узелок, там, наверное, наше детское было, и вчетвером пошли мы в сторону станции [Лосево](#). На первом кордоне стояли два здоровенных жандарма в касках и с полумесяцем на груди – полевая жандармерия. «*Ausweis?*» Отец показал паспорт. А мама махнула рукой: мол, какой документ? На прощанье обняла нас – и обратно к баракам. Так я и не понял, – жандармы ее вернули или она сама вернулась...

А мы продолжали путь в сторону станции [Лосево](#). И вдруг, слышим за спиной шум, выстрелы. Оглянулись, но мамы уже не увидели.

Только на вторые сутки мы добрались домой. Дом наш опечатан по распоряжению местной управы. На несколько дней приютила нас семья Ивана Яковлевича Шевченко – большого друга нашего отца. Его жена, Анна Ивановна, нас искупала, накормила и уложила спать.

Долго оставаться у них мы не могли, так как по любому доносу гестаповцы могли нас вернуть обратно в гетто или расстрелять. И отец отвел нас с сестрой в [Жихорь](#) к дяде Коле, старшему брату. Отец почти каждый день ходил на ХТЗ к баракам. Но там уже стояла усиленная охрана, пройти было невозможно.

Как-то после одного такого похода отец пришел мрачный и подавленный. Он узнал от местных жителей, что после Нового года (в январе 1942 г.) немцы организовали в Дробицком Яру (о названии этого места мы узнали значительно позже) кровавую расправу над беззащитными и ни в чем неповинными людьми, находившимися в этих злополучных бараках.

Поскитались мы в [Жихоре](#) и снова в [Харьков](#) пришли, стали жить в своем доме. Это было уже в феврале 1942 г. Мы с сестрой

все маму ждали, верили, что она вернется. Очень страдал отец. Он так и не женился. Сватали за него хорошую женщину, звали ее, как и маму, Лизой. Но он не смог.

После освобождения [Харькова](#) в августе 1943 г., с началом учебного года, мы с сестрой пошли в школу. Нам всем было очень тяжело, особенно отцу. Для нас он стал и папой, и мамой, хотя, конечно же, маму заменить не мог никто.

Мы с сестрой безгранично благодарны нашему отцу, Трофиму Никифоровичу Ласенко. Только спустя много лет я понял, как он нас любил и чем он жертвовал, когда во многом себе отказывал, только для того, чтобы мы смогли получить образование и стать достойными людьми.

Умер отец в пятьдесят шестом году. И было ему всего пятьдесят шесть лет. Тогда я уже окончил институт и работал на радиозаводе, сестра после окончания техникума пошла работать на чулочную фабрику.

Два года спустя я женился, сестра вышла замуж. У каждого из нас родилось по двое детей. У меня два сына, а у сестры – сын и дочь. Все они сами уже папы и мама. Растут внуки. Жизнь продолжается.

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ГЕТТО

ЛАСКЕР Татьяна (1934 г.)

До начала войны моя семья (мама, папа, я и брат) жила в местечке **Кодыме** Одесской области.

Война для меня началась с момента, когда к нашему дому подъехала машина с солдатами, и из нее выскочил отец. Он стал целовать меня, брата и маму. Мама очень плакала, а мы не понимали, что происходит. Прощание длилось недолго. Папа выскочил из дома, взобрался на машину и уехал. Как оказалось, навсегда.

Мы остались в **Кодыме**¹, потому что мама болела, а мы с братом были маленькими (я – 1934 года рождения, брат – 1937 года рождения), а все наши родственники эвакуировались. Мы не уехали.

Немцы вошли в местечко в конце лета 1941 г., и сразу заговорили о том, что всех евреев будут расстреливать. Наши соседи – русские и украинцы тоже говорили моей маме об этом. Мама плакала и обнимала нас.

Зимой в дом пришли немцы и выгнали нас на базарную площадь. Там было много народа. Все кричали и плакали. Затем нас загнали в какие-то дома (по-видимому, оставленные людьми, которые эвакуировались).

Мы жили очень скученно, в каждой комнате было много человек. Всю территорию, где были эти дома, обнесли колючей проволокой и не разрешали выходить за ее пределы. Каждый раз в дома приходили немцы и разбрасывали вещи и постели жильцов по комнате. Теперь я понимаю, что они грабили, отбирая все лучшее для себя.

В одно морозное утро нас выгнали из домов на все ту же базарную площадь. Построили в колонну и куда-то повели. Мы шли день и ночь вдоль железной дороги, через поля. Колонну подгоняли, старики падали. Мы с мамой отстали от колонны, так как я не успевала за взрослыми. Поздно ночью, не помню, в который по счету день, мы пришли к тому месту, куда согнали всех евреев.

Это было «помещение» без крыши, только стены. Каждый день, вернее, утро, являлись немцы. Переводчик по-русски объявлял, что требуются швеи, сапожники, плотники и т. д. Люди думали, что их берут на работу, но обратно уже никто не возвращался. Мне уже было в ту зиму 7 лет, я все понимала. Мама тоже как-то собралась записаться «на работу», но я вцепилась в нее и не пустила. Не могу сказать, сколько мы там находились, мне тогда казалось, что долго.

Однажды к маме подошел какой-то мужчина и сказал: «Фаня, ни ты, ни дети твои не похожи на евреев. Вы должны отсюда выбираться» Он подошел к входной железной двери, открыл ее. Никого из охраны не было. По-видимому, грелись где-то, были уверены, что никто не сбежит. Кругом поле, засыпанное снегом, деревня, правда, была недалеко.

Мы с мамой вышли наружу. Солнце светило в глаза, на снег становилось больно смотреть. Было очень холодно. Я думаю, что на наш уход никто из находившихся за дверью не обратил внимания. Ведь людей часто уводили куда-то.

На железнодорожной станции стояли составы с мадьярами (это я сейчас знаю, а в то время эти венгры для меня были немцами). Нам с братом давали печенье, конфеты, а мама тянула нас за руки, чтоб мы оттуда быстро уходили. Ночевали в поле, в стogu мама сделала нишу, и мы там спали.

Через несколько дней наших скитаний мы вновь очутились в **Кодыме**. Пришли в местечко ночью. Видимо, оно патрулировалось, потому что мою маму схватил какой-то полицейский и стал кричать кому-то в темноту, что он поймал жидовку с жиденятами. К нему стали сбегаться другие полицейские. Но когда он узнал мою маму (а мама с папой до войны работали в магазине), он стал кричать подбежавшим полицейским, что обознался, ошибся, что это просто его кума, она крестила его детей. Он схватил

меня и брата за руки и быстро побежал с нами, а мама за ним. Он затащил нас в разрушенное фотоателье (я поняла это по валявшимся на полу негативам и стеклам) и наказал никуда отсюда не выходить, пока за нами не придет.

Несколько дней мы там «жили», чуть не замерзли. Крыши не было, окна выбиты, одни стены. Через несколько дней за нами ночью кто-то пришел, спрятал нас на чердаке какого-то дома. Там нас уже покормили.

В это время в **Кодыме** отлавливали каким-то образом оказавшихся там евреев и помещали их в здании бывшей одноэтажной гостиницы. Местечко маленькое, гостиница тоже была небольшой. Как только набиралась партия людей, их выводили на расстрел. За городом самими обреченными евреями была вырыта яма. Последний путь соплеменников я наблюдала из окошечка на чердаке.

Сколько времени мы провели на чердаке, не знаю. Думаю, что недолго, потому что в одну из ночей нас оттуда забрали и спрятали в каком-то погребе. Там мы находились примерно месяц. В дверях погреба была щель, через нее нам просовывали еду.

У хозяев этого погреба были свиньи. Однажды хозяйка взяла меня в дом, чтобы я ей помогала готовить еду. Мне уже было 8 лет. В погребе оставались мама и братик. Так как там было все время темно, у братишки стали болеть глазки, он плакал и просился ко мне. Хозяева испугались, что соседи могут услышать плач из погреба, и забрали ребенка в дом. Прошло некоторое время. Когда к хозяевам приходили гости, они нас прятали под кровать в холодной половине дома.

Однажды хозяева куда-то ушли, остались в доме только дети: я, братик и хозяйский сын моего возраста. Мне было поручено приготовить еду для свиней. Когда я вошла в кладовку за отрубями, то в окно увидела, что в погреб стреляют полицаи. А ведь там была моя мама!

Я сообразила, что нам с братиком надо бежать из дома, но не через парадную дверь. Дверь со двора была закрыта с внутренней стороны на большой крючок. Он был покрыт льдом, я не могла его открыть, мне помогал хозяйский мальчик. В доме было холодно, мой братик был в теплой одежде, но без пальто.

Я схватила его на руки, и мы выбежали из дома. Братик был полный, мне было очень тяжело его нести. Я спряталась за угол дома и следила, куда пойдут полицаи. Как только они направились к парадному крыльцу дома, я с братом на руках побежала к погребу. Я плакала и звала маму. Мама – к счастью, живая и невредимая, – выбежала из погреба, и мы через огороды по глубокому снегу побежали к соседнему дому.

В огороде был коровник, мы спрятались там. Вслед за нами в коровник вошла женщина и стала кричать, что мы перепугали ее корову, что она вызовет полицию. Хозяйка выгнала нас.

Мама взяла нас за руки, и мы побежали дальше. Был солнечный зимний день, снег слепил глаза, лились слезы.

Очутились мы у сторожки на железнодорожном вокзале, забежали туда. Когда нас увидела женщина, находившаяся там, она схватилась за голову, быстро закрыла дверь на крючок и начала плакать. Она узнала маму. Сразу дала нам маленькое розовое одеяльце, чтоб мы согрели братика, он был фактически раздет и очень замерз. Отрезала по куску белого домашнего хлеба, налила в чашку из глиняного кувшина молоко (все это у меня до сих пор перед глазами). Не успели мы взять в руки еду, как эта женщина вновь схватилась за голову и стала раскачиваться из стороны в сторону.

За нами следом пришли полицаи, она увидела их в окно. Нас повели по улицам местечка. Мама шла молча с братиком на руках, а я плакала и просила: «Дяденьки, отпустите нас. Мы спрячемся, и никто нас не найдет».

Наивный ребенок восьми лет! Это были молодые парни, служившие в полиции, они свою работу знали. Нас привели к яме, где расстреливали евреев. Был виден большой холм земли. Я поняла, что с нами хотят сделать. Но свершилось чудо. Почти у самой ямы мы услышали крик: «Стой!» Это кричал какой-то парень, бежавший за нами, очень высокий и невероятно худой.

Оказывается, когда нас вели по улице, это случайно увидел из окна начальник полиции. Он играл в шахматы (так он потом сказал маме), посмотрел в окно и увидел нас. До войны он был другом моего отца, а во время оккупации стал начальником полиции и командовал расстрелом евреев. Я помню его имя, мы звали его дядя Петя. Петр Щербин.

Узнав маму, он послал вдогонку полиция, чтобы тот вернул нас в полицию. Там мама упала в обморок, ее привели в чувство. О чем с ней потом говорил «дядя Петя» я не знаю, не слышала.

После всего, что произошло, тот парень, который вернул нас с того света, проводил нас из **Кодымы** до самой околицы, т. е. до самой дороги, ведущей до деревни **Перижна**. Оттуда мы должны добраться до местечка **Чечельник² Винницкой области**. Там было гетто, и евреев не расстреливали.

До деревни мы добирались долго, естественно, пешком. На ночлег нас никто не пускал, за это грозил расстрел, но еду выносили. Ночевали в поле, где стояли стога соломы. Крестьяне брали корм для скота, видели, что мы ночуем там, но никто нас не выдавал немцам. Раз в неделю нацисты приезжали на проверку села, нет ли там евреев.

Спасибо людям, что спасали нас как могли. Сколько мы «прожили» в соломе, не знаю, я еще тогда не знала счет времени.

Время шло, мы отправились дальше, в **Чечельник**. Днем солнце уже пригревало, по-видимому, был конец зимы. Вот в это время мы и добрались до места. Было еще много печального во время пути. Наша мама хотела оставить нас на дороге, чтобы кто-то из проезжающих крестьян подобрал и приютил, а сама хотела броситься в колодезь. Я понимала, что она хочет покончить с собой, что она устала. Я плакала и не отпускала ее от себя.

В **Чельнике** нас встретили не очень радушно. Староста гетто сказал, что у него нет возможности нас где-то поселить. Дома, в которых жили евреи, были переполнены. Мама сказала ему, что мы пришли «фын енэ вэлт» (с того света). Поселили нас в комнате, где уже жили люди. Мы спали на большом столе, без постели, ничего из вещей у нас не было.

Маму каждый день забирали на работы, думаю, что на полевые, т. к. один раз она принесла нам початок кукурузы и сказала, что мы должны съесть его так, чтоб никто не видел: ее могут наказать за кражу.

Мама была очень слаба, и работать в поле не могла. Ей тогда было всего 27 лет. Через некоторое время староста послал маму на работу на кухню, где немцам готовили еду. Она стала нам приносить кое-что из еды. До этого один раз в неделю нам вы-

давали на семью четверть буханки круглого хлеба. Как сейчас вижу эту четвертинку.

Запомнилось мне бегство немцев из **Чечельника**. Мы все боялись, что нас напоследок расстреляют.

Нас освободили весной, в марте 1944 г. Мы вернулись пешком в **Кодыму** и там уже ждали возвращения отца с войны. Увы, он погиб на фронте.

Вскоре мы, дети, стали свидетелями расправы над полицаями. Петра Щербина и других полицаяев повесили на привокзальной площади. Они висели там несколько дней с табличками на груди «Предатели».

Вот такая трудная дорога в гетто выпала на мою долю, вернее на долю моей семьи. Слава Богу, что нам довелось пройти путь обратно домой, пусть пешком. А ведь многие так и не проделали этот обратный путь...

Таковы мои детские воспоминания. Долгие годы я не могла набело переписать эти записи, которые сделала очень давно, но не хватило сил пережить это заново. Мне уже много лет, время уходит. У меня трое детей, шестеро внуков, и мне хочется, чтобы они узнали о тех ужасах, которые пришлось пережить их маме и бабушке. Чтобы они ценили и любили жизнь, берегли мир на земле. Внуки будут рассказывать об этом в школах, где они учатся. Пусть никому и никогда не придется пережить такой кошмар.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕЖИТОМ

ЛЕВИН Игорь (1937 г.)

Я, Левин Игорь Семенович, родился в [Киеве](#) 28 февраля 1937 года. Отец мой, Левин Семен Борисович, 1905 года рождения – еврей, на второй день войны ушел на фронт. Мать, Левенко Евгения Алексеевна, 1913 года рождения, украинка, осталась с двумя детьми. Брат Олег родился 21 февраля 1941 года. Ему к началу войны было 5 месяцев.

Родители матери жили на Подоле по ул. Олеговской, № 18, и мы перешли к ним жить после оккупации г. [Киева](#)¹ немцами и после того, как нас выгнали из квартиры. Когда мы пришли с матерью за вещами в свою квартиру по ул. Гоголя, № 34а (сейчас ул. Юрия Коцюбинского, № 20), ее занял фольксдойч Рыбальченко. На просьбу матери забрать детские вещи, ответил: «*Де ви ховається? Тут все жидівське - тому награвоване. Геть звідси!*». Эти слова я помню до сих пор.

Увидев нас, соседи сказали, чтобы мы немедленно уходили, так как управдом дал списки евреев в управу, и нас ночью по всем квартирам искали жандармы. Жить на Подоле стало опасно, нашу семью знали, висели объявления: кто выдаст евреев, получит 1000 марок или корову.

Мы ушли в село [Ядловку](#) (60 км от [Киева](#)) [Барышевского района](#) к старым знакомым моего деда. В селе стоял немецкий гарнизон, начались ежедневные поборы продуктов. Списки всех приезжих были у немцев. К нам в хату пришел эсэсовец с солдатом, сказал, что ему известно, что мы евреи и что он сказал в управе, в присутствии старосты, чтобы нас расстреляли. Староста хорошо знал деда и передал женой, чтобы мы немедленно уходили.

Мать меня с братом оставила у знакомой, Марии Демидовны Зикий (она нас прятала), а сама с родителями ушла в [Киев](#). Брат тяжело заболел. Нас кто-то из соседей привез на подводе в [Киев](#) на Житний рынок, и мать забрала нас.

Через несколько недель село [Ядловку](#) (сейчас – [Перемога](#)) полностью сожгли немцы, оставшихся в живых угнали в [Германию](#). Избежать участи жертв Бабьего Яра (по доносу соседей) нам удалось благодаря документам матери, и тому, что мы были записаны в домовую книгу на ее фамилию.

Несмотря на это, жить там было очень опасно, каждую ночь кого-то забирали, ездили душегубки. На горе улицы Олеговской стояли немецкие зенитки. Улицу объявили запретной зоной. Нас выселили на Брест-Литовский проспект, затем гнали по шоссе в сторону [Житомира](#). Ночью нам удалось удрасть, свернуть на обочину и спрятаться в лесу.

Мы пришли в село [Забирье](#), где нас приютили на краю села незнакомые люди. Немцы туда приходиться боялись. Там, на краю села, мы прятались до прихода наших войск.

После освобождения [Киева](#) в ноябре 1943 г. мы вернулись в свою квартиру. В 1944 г. я пошел в первый класс. Окончил техническое училище № 7 железнодорожного транспорта. С 1956 по 1959 гг. – служил в рядах Советской Армии. С 1959 по 1999 гг. – работал на заводе «Красный Экскаватор», вечером учился, окончил техникум. 35 лет работал инженером-технологом инструментального цеха.

Мария Демидовна Зикий, 1919 года рождения, проживает в селе Перемога. Я часто проводываю свою спасительницу, ей присвоено звание «Праведник Украины».

«ИЗ НАШИХ РОДСТВЕННИКОВ В УМАНИ В 1942 ГОДУ ПОГИБЛО ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕК»

ЛЕВИТ Роман (1933 г.)

Я, Левит Роман Маркович, родился 6 июня 1933 года в городе [Умани Черкасской области](#) в семье служащих.

Эвакуироваться мы не успели и остались на оккупированной территории в [Умани](#)¹. Отец был на фронте.

В августе 1941 года в городе началась облава на евреев. Маму схватили в районе базара. Всех схваченных, погнав за город копать ров. Вечером их привели в тюрьму. У нас была домработница, и я попросил ее, чтобы она отвела меня к маме, что она и сделала. В городе уже знали, что те, кого днем схватили, находятся в тюрьме.

В тюремном дворе я нашел маму. Нас там продержали два или три дня. Оказывается, копая ров, они копали для себя могилы. Но выкопали они мало, поэтому женщин с детьми (а было их совсем немного) выпустили. Мы с мамой вернулись домой, но побывать дома удалось несколько дней.

Второй погром мы провели на чердаке госпиталя для советских раненых военнопленных. Помогла нам там спрятаться знакомая мамы, которая в госпитале работала медсестрой. Продолжались облавы, и мы попали в гетто, но нам помог вскоре убежать оттуда родственник маминого сотрудника.

Остаться в городе уже было нельзя. Маме посоветовали уйти в село, где нас никто не знает. Пошли мы за город и на попутной подводе добрались в [Христиновку](#). Это райцентр и большой железнодорожный узел. Здесь добрые люди достали для мамы справку, что она украинка по фамилии Козленко. Мама была круглолицая и на еврейку совсем не похожа.

В [Христиновке](#) мы были недолго. Пошли дальше и очутились в селе [Большая Севастьяновка](#). Там нас приютили хорошие люди и посоветовали поселиться на окраине села. Там мы жили то в одной, то в другой хате.

Мама помогала по хозяйству и за это нас кормили. Немцы постоянно в селе не находились, но часто приезжали за продуктами. В это время мы прятались на чердаке или в погребе, а летом в лесу. Ведь мы были не местные жители, и можно было всего ожидать. Сельские полицаи (а их было человека четыре на село) поверили, что мать украинка, ведь у нее была справка, что она украинка.

В [Севастьяновке](#) мы находились с конца сентября 1941 года до освобождения села советскими войсками в середине марта 1944 года. А в начале апреля того же года мы вернулись в [Умань](#).

Из наших родственников в [Умани](#) (их фамилии Гаузнер и Авербух) в 1942 году погибло шесть человек: три врача, два бухгалтера и ребенок трех лет.

«ЕВРЕЕВ БРАИЛОВА И ОКРЕСТНЫХ СЕЛ ФАШИСТЫ РАССТРЕЛЯЛИ ВО ВРЕМЯ ПОГРОМОВ»

ЛИВШИЦ Яков

Наша многочисленная семья родом из Винницкой области: отец, Эль Мордкович, из местечка Волковинцы, мать Резник Гитля Моисеевна – из местечка Уланов. У отца были три брата и две сестры, у мамы – три брата и сестра. До войны, в 1937 году, за участие в сионистских организациях были расстреляны: брат отца Шмуэль, имевший неосторожность уехать из Палестины на «родину», и брат матери Нусим.

Большинство папиных родственников (в общей сложности 32 человека) проживали в местечке Браилов¹, в восьми километрах от города Жмеринки, куда переехали и мои родители в 1936 году. Всех евреев Браилова и окрестных сел фашисты расстреляли во время погромов, а бежавших в Жмеринку² – отдельно в селе Сидово.

Лишь мои родители, моя старшая сестра Туба и я остались живы, находясь в Жмеринском гетто с июля 1941 по март 1944 года.

Обороняя стратегически важный железнодорожный узел, где скопились сотни эшелонов с оружием и продовольствием, под непрерывными бомбежками, немцы не успели расстрелять узников гетто, хотя на окраине города уже были вырыты ямы.

Вскоре после окончания войны нашу семью постигло новое горе: отец был репрессирован и приговорен к 25 годам заключения и 5 годам лишения прав с конфискацией имущества за связь с Палестиной и религиозные убеждения, и лишь смерть Сталина позволила ему вернуться из Карагандинских лагерей. Реабилитирован отец в 1957 году.

Мой отец всю жизнь мечтал о выезде в Израиль. Но в 1978 году он получил отказ. Моя же семья смогла выехать туда лишь в 1989 году. Двое внуков родились уже в Америке.

«Never Forget». – Chicago, 2010, p. 28.

«МАМУ ПЫТАЛИ, НА ЕЕ ГЛАЗАХ БИЛИ МЕНЯ И БРАТА...»

ЛИСКУН Клара (1934 г.)

Я, Лискун Клара Яковлевна, родилась 6 декабря 1934 года. Моя мама, Литвак Гива Лейзеровна, рано осталась сиротой. В 16 лет она пошла работать в шахту, позже перешла в столовую для рабочих в городе Кировограде. Там она познакомилась с моим отцом. К началу войны у них уже родилось трое детей: мне было 6 лет, брату – 3 и маленькой сестричке – 2 месяца.

Когда началась война, отцу сразу же принесли повестку в армию. В этот же день всех призванных в армию собрали в клубе и после прощального концерта отправили на фронт.

Мама боялась оставаться одна с тремя детьми, и перед приходом немцев упросила командира воинской части, отступающей к Донбассу, взять ее вместе с детьми. В Донбассе жили родственники отца – мать, отчим, два брата и сестра.

Помню, ехали мы долго, дорогу обстреливали, бомбили с воздуха, мы вместе с солдатами выскакивали из машин, прятались в укрытиях. Так мы добрались до Донбасса, в село Покрово-Киреево (ныне – Кумачова Старобешевского района Донецкой области), где жил папин брат, он был инвалид и поэтому его не призвали в армию.

Немцев еще не было, мама уничтожила свои и наши документы. Когда немцы оккупировали деревню, мы стали прятаться в подвалах, посадках. Жена дяди знала, что мама еврейка и не хотела рисковать своей семьей. Часто упрекала мать, что мы их хлеб едим даром, и так дальше продолжаться не может. Младшая сестричка умерла, и мама, оставив брата у дяди, решила

отправить меня к бабушке, матери отца, в деревню [Доля Волновского района Донецкой области](#).

Идти надо было 50 километров, шли пешком, периодически мама несла меня на руках, так как я быстро сбила ноги и идти не могла. С трудом добрались до бабушки, но пробыли там всего одну ночь. Бабушка отказалась принять меня, объясняя это тем, что отчим отца, ее муж, не хочет подвергать себя опасности. Все родственники, живущие в этой деревне, приютить меня отказались, пришлось возвращаться обратно.

Когда мы вернулись в село, нас арестовали немцы, так как жена дяди проговорила, что мама еврейка. Маму пытали, на ее глазах били меня и брата, требовали признаться, что она еврейка. Мама утверждала, что она гречанка. Спасло нас только то, что староста деревни поручился, что он знает, что мама не еврейка.

Нас долго держали голодными в сарае, потом отпустили. Дядя после своего ареста отказался от нас. Жили мы в разрушенном здании без окон, спали на соломе. Нам помогли люди, жившие в этой деревне, нашли жилье, где можно было пережить зиму. Вскоре жена дяди подорвалась в лесу на mine, и так как никто точно не знал, что мама еврейка, нас оставили в покое.

Закончилась война, отец дошел до [Берлина](#), вернулся домой.

Я выучилась, 53 года преподавала в школе историю, 24 года работала директором школы в деревне [Столбовое Сакского района](#). Организовала Музей боевой славы, посвященный летчикам-черноморцам, защищавшим [Крым](#), в частности герою Советского Союза, генералу Н. А. Токареву и его однополчанам. Как основатель и хранитель музея награждена медалями «300 лет Черноморскому флоту» и Жукова.

«ПИШУ ЭТИ СТРОКИ И ПЛАЧУ...»

ЛИТВАК-ПУСТИЛЬНИК Ольга (1925 г.)

Я, Ольга Моисеевна Литвак-Пустильник, родилась 22 апреля 1925 года. К началу войны мне исполнилось 16 лет. Наша семья – мои родители, две мои сестры, младший брат и я – жили в поселке [Томашполь](#)¹ [Винницкой области](#).

Поселок был далеко от железной дороги. В первых числах июля 1941 года отец взял в колхозе повозку с двумя лошадьми, погрузил кое-какие вещи, посадил нас, и мы поехали к ближайшей железнодорожной станции. Нам удалось отъехать от дома только на километров 7–10, и нас догнали немцы. Лил проливной дождь, отлетело колесо от повозки, дальше мы двигаться не могли. Оставив лошадей и повозку со всем барахлом, мы пешком вернулись домой.

К этому времени в нашем домике поселились евреи, бежавшие из [Молдавии](#), и мы стали жить вместе с ними, делили последний кусок хлеба.

В середине июля в поселке появились оккупанты. Они «охотились» за молодыми женщинами и девушками, поэтому отец спрятал нас в подвале нашего дома, люк закрыл диваном, а вход в дом с улицы заложил камнями.

8 августа в поселок прибыл карательный отряд румын во главе с двумя немцами. Они хватали евреев – мужчин, женщин, детей – и убивали на территории еврейского кладбища, в яру. На некоторых они не тратили даже патронов, сбрасывали живьем в глубокий яр и засыпали землей слоем в 50–60 сантиметров.

Жившие вблизи крестьяне рассказывали, что еще несколько дней земля дышала. Среди расстрелянных был и мой отец, Моисей Пустильник.

Лето 1941 г. было очень жарким, по поселку разносился запах разлагающихся трупов. Комендатура приказала оставшимся в живых евреям перезахоронить мертвых из яра в братские могилы. Евреи вырыли ямы и уложили в них полуразложившиеся трупы, отдельно мужчин, отдельно женщин и детей. Многих можно было узнать только по одежде, и по одежде мы нашли отца. Мама сразу же упала в обморок... Мы, голодные, истощенные, похоронили отца при помощи людей.

Нас с матерью поселили в гетто. Всем приказали носить на ладкане и на спине желтую шестиконечную звезду. За пределы гетто, огороженного колючей проволокой, выходить не разрешалось, позволяли выходить только к колодезю по воду. Мы ухитрялись носить в ведрах остатки неразграбленного имущества и менять их у крестьян на хлеб и картошку.

В гетто по 2–3 семьи жили в крошечных домиках, в которых царил голод, холод, болезни. Мой 10-летний братишка заболел брюшным тифом, его еле спасли, заворачивали в сырые холодные простыни, но он перестал говорить и видеть. Речь восстановилась, зрение – не полностью, на всю жизнь он остался инвалидом по зрению. Мать и мы, девочки, болели сыпным тифом, спасли нас врачи – беженцы из [Молдавии](#).

По ночам фашисты поджигали в гетто домики, выгоняли евреев на площадь и требовали золото, украшения, ценные вещи. Тех, у кого ничего не было, всячески пытали, молодых девчонок уводили, издевались, насиловали и убивали. Меня тоже увели, но после бесчисленных издевательств мне и еще одной девушке удалось сбежать.

Через щелочку окна мы видели, как в телегу с водой запрягли раввина и заставили ее тянуть. Он не смог, упал, и его тут же застрелили.

Поздней осенью, голых и босых, нас гоняли в бывший совхоз убирать сахарную свеклу. Спали мы в тракторных будках на нарах без подстилок, без одеял, а когда выпал снег, не пускали домой раздобыть хоть какую-нибудь обувь. Работали, намотав на ноги тряпье из мешков. Отмороженные ноги я чувствую до сих пор, хотя прошло уже столько лет. Топить было нечем. Ходили на территорию сахарного завода собирать угольки, а крестьянские дети обжигали нас там раскаленными прутьями.

Не осталось никакого имущества, чтобы поменять его на хлеб и картошку. У нас на чердаке сохранились лыжи старшего брата, который был на фронте. Эти лыжи мы продали, за вырученные деньги купили у крестьян в их лавках спички и краску для крашения пасхальных яиц. Спички мы расфасовали по 10 штук и перевязали ниткой. Пакетики спичек и краску меняли на хлеб и картошку, спасались от голода, кто как мог. Летом мой младший братик в жару уходил на рынок с ведром холодной воды и угощал там крестьян, которые за это давали ему хлеба или что-нибудь еще.

Не могу не сказать о том, что, в дополнение ко всем тяготам, ужасу нашей жизни, нас грабили местные крестьяне. Они приходили с полицейскими или румынами и забирали все, что им нравилось. Помню, когда грабить было уже нечего, одна женщина сняла с головы моего братика фуражечку: «У меня дома такой же мальчик, пригодится». А другая вылила на пол картошку, которую мама варила для нас на треноге, и забрала чугунок.

С той поры прошло уже много лет, а я пишу эти строки и плачу...

«Вестник». Нью-Йорк, № 6. – С. 14–15.

«ЕВРЕЕВ ГОНЯЛИ НА ТЯЖЕЛЫЕ КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ»

ЛУКАЦКИЙ Нухим (1927 г.)

Я, Лукацкий Нухим Герш (Наум Ильич), со дня рождения в 1927 г., проживал в городе Шпола Черкасской области.

Во время войны, с 1941 по 1943 гг., находился на оккупированной немцами территории в еврейском гетто Шполы¹. Все евреи города преследовались в гетто, в том числе и моя семья.

Каждый день приходили мы в гетто отмечаться, чтобы идти на разные работы. Нам на левые рукава одежды надевали повязки, этим мы отличались от людей других национальностей. С 8 утра до 22 часов ночи евреев гоняли на тяжелые каторжные работы. Во время работы, если не мог выполнять ее – таскать носилки с камнями – немцы били палками, ногами и оружием (прикладами).

Когда нас вели на работу строем, а мне тогда было 14 лет, я иногда от усталости и голода отставал. Немцы и полицаи били меня ногами и прикладами ружья, заставляя идти быстрее. Меня оскорбляли, называли разными обидными словами, унижающими мое достоинство.

Когда в декабре 1942 г. меня с родителями и родственниками, как и всех остальных евреев, повели на расстрел в Дарьевский лес, я убежал. Меня спас Бог. Когда нас всех строем вели на расстрел, люди не выдерживали: падали, сходили с ума, плакали, немцы убивали их и тащили к яме. Я убежал от этой проклятой ямы на расстояние 50–80 метров и упал. Лежал в лесу без сознания. Лежал долго, пришел в себя утром.

Пришел домой, мне соседи (русские люди) сказали, чтобы я прятался, так как немцы меня убьют...

Я скитался по станциям, прятался в товарных вагонах. На холоде, голодный, без родных и близких, ходил по селам, просил хлеба. Кто что мог, давал мне: кто еду, а кто одежду.

В июне 1943 года я пошел добровольцем на фронт.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ...

ЛЮБАРСКИЙ Александр

Мальчик-отличник 12-ти с половиной лет, сын бухгалтера Евсея Абрамовича и домохозяйки Гени Хаймовны из местечка Дашев¹ на Винницчине – что мог узнать он о фашизме за несколько недель нашествия? Но он узнал все и сразу. Родители погибли у него на глазах во время обстрела ровно через месяц после начала войны, 22 июля, в колонне беженцев и отступавших войск. Его родственников, найденных им затем в городе Гайсин², расстреляли. И ему открылось: «Я не такой, как все. Надо бежать». Много лет спустя Александр Евсеевич Любарский, инженер Львовской городской телефонной сети, «расслабившись от Дня Победы», как он говорит, написал неожиданно для самого себя письмо в газету.

«Вы не можете себе представить лето 41-го. Оккупированные территории. По дорогам двигаются тысячи людей. Вот те же окруженные, взятые в плен, армии. Знаете, что немцы с ними делали? Ну, евреев сразу всех выщелкали, расстреляли. Офицеров, коммунистов – тоже. А с рядовыми – с десятками тысяч людей – в самом начале войны не знали, что делать. И вот спрашивали через переводчика: «Пэтрэнко! Ты з якого сєла?» С такого-то. Если то село уже было оккупировано, бойца отпускали на все четыре стороны. Масса русских, сибиряков, которые служили с «Пэтрэнко», тоже называли его село, и их также отпускали. Никаких документов у бродяг никто не спрашивал.

И я тоже так шел. Решил возвращаться на родину, в Дашев. По дороге зашел в село Рахны, к знакомой украинской семье Пашистых. Узнав мою историю, хозяин оставил меня у себя. Практичные немцы сохранили украинские колхозы с их дисциплиной и производительностью. И в том селе вскоре назначили председателем именно Пашистого. К нему зачастили полицаи – власть. Как только гости на порог, он меня – в хлев. И однажды хозяин сказал:

– Знаєшь що, не могу тебе бильше держать, ты ж бачышь, що dietyся.

И я дошел-таки до [Дашева](#). Там были живы все евреи! Ну, как, то есть, почему? Они ж, немцы, не сразу все делали, а по порядку.

Наша квартира стояла раскуроченная. Пошел к соседям, полякам Домбровским. Глава семьи, *пан* Станислав был зубным врачом. В 37-м его взяли – и с концами. Нет, он никогда «не участвовал... не состоял...». Просто был поляк, этого хватило. Осталась его жена *пани* Зося и дочка Ядвига. Мы помогали им, чем могли. И когда я вернулся в [Дашев](#), они меня приютили, я жил у них, наверное, около месяца.

Однажды вечером я был на улице и увидел, как по дороге едут чужие полицаи: одна подвода, вторая, третья... А почему это они сюда едут? Я почувствовал опасность. Утром *пани* Зося, разбудив меня, сказала:

– Вставай, там везде повесили объявления, что всем евреям надо взять личные вещи и двигаться в сторону [Полевого](#) для какого-то переселения.

[Полевое](#) – село на окраине [Дашева](#)... Я все понял. Там тоже, как в [Гайсине](#), были когда-то вырыты противотанковые рвы. Я выскочил на улицу. И вижу: евреи идут...

Иногда я сам себя спрашиваю или меня спрашивают, как могло получиться, что евреи – мужчины, женщины, молодые или не очень – так безропотно шли, как скот на заклание... Видимо, когда человек находится в безвыходном положении, наступают состояние апатии. Обреченности. Те люди, в [Дашеве](#), просто устали от ожидания. Они знали, что в [Гайсине](#), [Ильинцах](#), в других местечках всех евреев расстреляли, и понимали, что рано или поздно это случится и в [Дашеве](#). И потому они шли. Но я с ними не пошел.

Зная в [Дашеве](#) все ходы и выходы, я решил из него выскочить. На окраине города была больница, а за ней – большущий старинный сад. А в том саду росла бузина. Летом – это цветущие, здоровенные кусты. А поздней осенью – сухие палки, которые очень хорошо горят. И что я делал? Я делал вид, что собираю топливо. Ломал прутья и тихонько двигался через этот сад к границе города. Глухомань, утро раннее... А в конце пути меня ждал полицаи. Те полицаи, что прибыли накануне, окружили, как выяснилось, [Дашев](#) по периметру.

– Шо ты тут робышь? – спросил он и вскинул винтовку. – Назад!

Я сделал вид, что ничего не понимаю. Тогда он выстрелил. Не в меня, поверху. «Не повернешь – убью!». Я вернулся обратно.

Пруд разделил [Дашев](#) на Старый и Новый город. В те дни пруд подмерз, ходить по нему было нельзя – трещал лед. И тут я вижу, что люди бегут через пруд, проваливаются, а на той стороне, в Старом Дашеве, стоят полицаи и стреляют по бегущим... В старом заброшенном сарае я нашел недостроенный погреб и просидел там двое суток. Потом узнал, что немцы отпустили нескольких полезных евреев-специалистов: врача, сапожника, еще кого-то. Остальных расстреляли.

Я снова ушел. И упорно двигался в восточном направлении. Мне казалось, что где-то там еще есть советская власть, где-то есть место, где нет немцев.

Но что-то во мне круто изменилось. Если до войны я не осознавал, что такое быть евреем, не придавал значения тому, кто Петя, а кто Абраша, то за эти полгода я отлично понял, что к чему. Пусть внешность у меня не казалась специфически еврейской, такой стриженный мальчик с курносый облупленным носом, а речь была безупречно украинской. Я все же придумал себе другую фамилию – стал «Полищук Николай Семенович», выдумал, что я из детского дома.

Так я шел-шел, то один, то с бывшими красноармейцами, просил у селян поесть... Кто хлеба кусок даст, кто кружку молока нальет, кто борщок поставит. В большом селе [Христиновка](#) меня приняла бездетная семья. Я им помогал как мог. Но весной 42-го года хозяин сказал мне:

– Ты мени бильше нэ потрібный (не нужный).

Видимо, он по каким-то едва заметным признакам заподозрил, что никакой я не Коля Полищук и вовсе не сельский, и не детдомовский мальчик. Например? Ну, если бы настоящий деревенский парнишка натирал для скотины на терке свеклу, то он и работал бы спокойно хоть целый день. А я ухитрялся за день три раза пораниться. И потом... я очень любил читать. Каждый свободный момент я хватал у них любую книгу и читал. Их это очень удивляло. Я вынужден был уйти.

Оказалось, что все серьезное только начинается.

Обстоятельства, подобно мне, тоже изменились – и не в мою пользу. Первый же встреченный мною в городе **Умани** полицейский начал выяснять, кто я и откуда. «Из детдома? У нас тут свой детдом имеется, туда и ступай». Директор стал расспрашивать внимательнее:

– Из какого города?

– Из **Каменец-Подольского**, – выдал я, хотя никогда там не был.

– На какой улице там находится детдом?

– На улице Ленина, – решил я, поскольку какой же советский город без улицы Ленина?

– Перечисли фамилии детдомовцев.

Я честно перечислил фамилии своих дашевских школьных товарищей. Теперь-то сам себе удивляюсь: как же я так смело себя вел? Как решил, чтобы не ошибиться, называть заведомо знакомые фамилии? Видимо, сказалась моя неистребимая страсть к чтению. Я учился жить у героев книг. К 12-ти годам я прочел все доступное мне в дашевской библиотеке, особенно любил приключенческую литературу.

Несколько дней я провел в уманском детдоме. Пока нас не повели в баню. И тут еврейский обычай – обрезание, который соблюла моя семья, едва не стоил мне жизни.

Жил в том детдоме глухонемой – лет восемнадцати. Именно он и обратил внимание на некоторую особенность моего тела. Стал прыгать вокруг меня. Прыгать и показывать пальцем.

Мы вернулись после бани в спальный корпус, легли спать, начальства уже не было. И вдруг часов в 12 ночи меня разбудил взрослый парень из непонятной отдельной комнаты, в которой жили какие-то уркаганистые ребята: «А ну зайди!». Я пришел.

– Ты еврей? – спросили. – Глухой сегодня видел тебя в бане, Завтра он тебя заложит. Уходи немедленно, если хочешь жить.

Рано утром я ушел.

И вновь побрел «Николай Семеныч Полищук» по дорогам **Украины**. От села к селу, от хаты к хате. Вроде бы снова пристроился «Коля» в бездетную семью. Но вдруг явилась новая напасть: **Германии** более, чем **Украине**, нужны были рабочие

руки, молодых и сильных рабов угоняли на Запад. Я был еще маленьким и несильным, но для выполнения разнарядки сгодился. В **Киеве** меня ждала медкомиссия.

Медицинскую комиссию мы проходили в красном уголке какой-то школы. Врачами были украинцы, а на сцене, в кресле, восседал немец, офицер в форме. Мы разделись догола. Мой доктор тут же все понял, но спросил на всякий случай:

– А это почему так у тебя? Болел?

Я прикинулся дурачком: «Болел». Врач кликнул парней из «моего» села:

– Це ваш?

– Да, вин с нашего села, тильки прийшов рик (год) назад.

Врач повел меня к немецкому офицеру. И тут случилось чудо. То ли немец был вдребезги пьян, то ли дремал, то ли недопонял, да только махнул рукой, и врач истолковал этот жест в мою пользу.

Нас погрузили в эшелоны и несколько дней везли на запад. По нужде из вагонов не выпускали. И только когда привезли на какую-то польскую станцию, конвоиры открыли наконец теплушки и скомандовали:

– *Heraus!* (Вон!)

Все выскочили – мужчины, девушки, подростки – и стали тут же оправляться у этих вагонов, на путях. Все при всех. Поляки стояли поодаль, но никто ни слова не сказал и не смеялся. Они все понимали, что происходит. Стояли с лопатами, чтобы убрать. Видно, не в первый раз.

Еще одну комиссию пришлось проходить в польском городе **Ченстохове**: мужчин смотрели на наличие вензаболеваний. Подошел и я. Но старенький польский врач только взглянул мне в лицо (а не куда-нибудь еще) и сказал:

– Естесь есче малый – ты еще маленький...

Рабство Любарский претерпевал в Австрии, в селе Дельцах недалеко от Лиенцана-Драу. Подневольный труд только за кормежку длился бесконечно, лишь с перерывом на ночной сон. Но, надо отдать должное, можно было многому научиться у фермера Лео Чапеллера: правильно отбивать косу, чтобы не отставать от других косарей, ухаживать за скотом, управляться с бревнами, которые они с другими славянскими

рабами спускали с гор зимой по заснеженным руслам весенних ручьев. Однако это уже другая, тирольская песня.

Когда пришла Победа и их повезли в Вену, в объятия СМЕРШа, они раздобыли где-то кусок красной ткани и привязали к деревку. Альпийские долины, по которым шла их дорога домой, были забиты полками людей, говоривших по-русски и по-украински: солдаты РОА, казаки, перешедшие на сторону оккупантов и прочие. Кто-то матерился при виде флага, а кто-то кричал: «Привет Родине!».

Только капитану СМЕРШа, а затем седому полковнику того же ведомства признался чуть повзрослевший беглец, что зовут его вовсе не Николай Полищук. Рассортировавший сотни людей на наших и ненаших, полковник поразился записанной в «Деле» истории подростка:

– Ну, рассказывай, пацан, как ты немцев обдурил.

«И тут я не выдержал, – писал нам Александр Евсеевич Любарский. – Сказалось напряжение нескольких лет, чувство постоянной опасности, осторожности – я разрыдался. Полковник долго со мной говорил, распорядился подготовить необходимые документы и с первым же эшелоном отправил меня на Родину».

Было «пацану» всего шестнадцать лет.

Татьяна Корсакова,
«Литературная газета» № 47 (5723), 25.11.1998.
«Курьер». .– Нью-Йорк.– №№ 41, 42 (117, 118), 27.11.– 10.12.1998.

«НАМ В ЛАГЕРЕ ПОМОГАЛИ НАШИ УКРАИНСКИЕ СОСЕДИ»

МАЖБИЦ Аркадий (1937 г.) и Николай (1939 г.)

Мы, Мажбиц Аркадий Зюзевич, родился 13 марта 1937 г., и Мажбиц Николай Зюзевич, родился 4 августа 1939 г. Оба родились в селе Брацлаве¹ Немировского района Винницкой области в семье потомственных рабочих.

У родителей было восемь детей: самый старший брат 1932 года рождения, старшая сестра 1934 г. р., мы – 1937 и 1939 г. р., младшие братья 1941 и 1950 г. р., сестры 1943 и 1945 г.р. До войны мы жили очень хорошо и счастливо. Отец работал, мать занималась хозяйством и воспитанием детей.

Началась война. Отец сразу же ушел на фронт. Помню тяжелые минуты прощания во дворе возле калитки.

Мать осталась одна с крошечными детьми, при этом беременная (родила в июле 1941 г.) Родители отца успели эвакуироваться. Мамины родители остались с нами. Спустя неделю в город вошли немцы, началась бомбежка. Мы все – соседи и родственники – спрятались в нашем погребе возле дома. Погреб был большой, недавно выстроен, и в нем пряталось очень много детей.

Начались страшные дни: соседей-стариков по фамилии Капарник через неделю убили немцы, собаки рвали их тела. В июле 1941 г. мама родила брата, назвали его Сашей и, несмотря на все обстоятельства, по еврейскому обычаю ему сделали обрезание. Провел этот обряд раввин Рабинович, а помогала ему фельдшер-акушерка Геня. (Раввин Мойше Рабинович прошел

тяжелые Брацлавский и Печорский концлагеря и выжил. Умер он, спустя много лет после войны. В лагере у него умерла жена, был зверски замучен младший сын Гедадь, два сына погибли на фронте). Во время обрезания к нам в дом зашли эсэсовцы с собаками, но остановились у двери и велели продолжать. Акушерка Геня прожила с нами еще одну неделю. В это время нас немцы не трогали. Позже они зверски замучили Геню.

Очень страшно вспоминать наших советских пленных: замученные, голодные, раздетые почти догола, они размещались в Брацлавской тюрьме и в школе. Когда немцы наступали, на дорогах и на улицах лежало много мертвых тел. Где они похоронены неизвестно.

В октябре 1941 г. мы находились уже в гетто, жили в доме Кельменсонов, приютивших нас, как родных. В гетто было много евреев из Польши, Румынии, Черновицкой области. Дорога на Умань была перекрыта, и их всех согнали в Брацлавское гетто.

У нас не было еды, мучил голод и холод... Однажды мама добралась до нашего дома, но по пути ей встретилась жена директора пивзавода, по национальности немка. До войны они были очень хорошими соседями, а сейчас она взяла цепь и избилла маму до потери сознания. Очнувшись мама все-таки набрала возле дома мороженой картошки и вернулась в гетто.

Раз в неделю нам разрешалось выходить из гетто в поисках еды и по воду. По воду мы ходили цепочкой, потому что на нас часто нападали наши нееврейские сверстники и издевались как могли. А после войны мы ходили с ними в одну школу, и хоть теперь они вышли в люди, все равно забыть это невозможно... Тогда мы были маленькими и слабыми и не могли сами принести воды. Нам помогал Мозя Кельменсон: он нес свои два ведра на коромысле и еще в руках наше ведро.

Гетто возле тюрьмы состояло из 15 домиков, остальные дома были разрушены немцами и местными жителями. Тем не менее, мы все жили очень дружно. Нам всю войну помогала семья Манелисов. Они не оставили нас и после войны, пока не вернулся с фронта отец.

Однажды немцы подогнали к лагерю машину и загрузили ее пленными, а из гетто в машину попали только мы. Нас повез-

ли в сторону села Семенки, где всех пленных заживо закопали в ямы. Но нас привезли обратно. Спустя много лет я узнал, что нас выкупила у немцев семья Манелисов.

Манелисы, находясь в гетто, собирали у жителей Брацлава еду, кто что мог принести, и передавали в Брацлавский и Печорский концлагеря. У Манелисов была бабушка, очень набожная, добрая женщина. Она меня посылала носить сухари и бросать их пленным, работающим на строительстве дорог на Семенки и Тульчин.

Недалеко от гетто находились немецкая комендатура и кухня. На обслуживание пригоняли из Брацлавского лагеря ребят – от 14 до 18 лет. Они рубили дрова, носили воду, чистили картошку, убирали помещения. Их было много, среди них была одна девушка. Они были не то польскими, не то румынскими евреями, хорошо владели европейскими языками. Наверное, они поддерживали связь с партизанами, поручая нам доставлять небольшие пакеты и записки в определенные места, класть их под камни. Позже этих ребят зверски расстреляли в Грененском лесу. После освобождения их тела перезахоронили на Брацлавском еврейском кладбище. Спустя много лет им был поставлен памятник, средства на который дал еврей Александр Мироншик, выходец из Польши.

В 1942 году мой папа вернулся из плена. Первые два месяца его прятали соседи Суприновичи, а когда не смогли дальше это делать, отец пришел в гетто. Жители гетто боялись, что из-за него расстреляют всех. Тогда он пошел в комендатуру и сказал, что он пленник. Его там избili до полусмерти и бросили в лагерь. Через два дня отца повели на работу, а затем забрали в комендатуру и хотели убить. Он же только просил, что если его будут убивать, пусть убьет немец, а не полицай. Немцы никак не могли понять его просьбу. Его опять избili, всыпали не 25, а 50 нагаек, облили водой, но он выжил. Когда у него спросили, почему он просил, чтобы били немцы, он ответил, что немцы не так сильно бьют, как свои полицайи. В конце концов, его оставили в живых, так как он был хорошим специалистом.

В феврале месяце, когда лед на реке самый толстый, моих дедушку и бабушку забрали из гетто. Их поместили в Брацлавскую тюрьму. Туда же согнали много людей, якобы для пере-

мещения в Печорский концлагерь. Они находились в тюрьме неделю. Один раз в день им разрешалось приносить кипяток. В один из таких дней кипяток принесла мама, но в тюрьме уже никого не было. Маме сказали, что их уже угнали в концлагерь, но вечером в гетто пришел полицай и рассказал, как он убивал людей.

Узников, в том числе и моих бабушку с дедушкой, привезли на реку Южный Буг недалеко от Брацлавского пивзавода. Пленные сами вырубали проруби, затем немцы и полицаи всех раздели догола. Первыми убили моих дедушку и бабушку. Они просили, чтобы их убили одной пулей. Затем их сбросили в прорубь. Следующей жертвой была невестка *мотузника*, потом жена Левы Гранатовского с маленьким грудным ребенком. Ребенка, которого она крепко прижимала к груди, оторвали штыком и бросили на лед. Он долго еще лежал на льду. А мать убили и бросили в прорубь. Я не пишу фамилий всех погибших: их было слишком много, да я и не помню всех.

Однажды нас построили в колонну – всех жителей гетто и пленников из лагеря – и погнали в Печорский концлагерь. Кто не мог идти, того сразу убивали. Мы, дети, шли впереди колонны, так как, если станут сзади стрелять, то мы могли бы вылезти из-под кучи мертвых тел.

Но нашу семью вернули в гетто, где мы остались одни. Через неделю нас опять, уже на подводе, увозят в *Печору*², где мы в подвале Печорского концлагеря пробыли около месяца. А через месяц люди из сел *Бортники*, *Вышковцы* или *Папанка* (я точно не помню их фамилий, помню только одну – *Рябошапка*) перевозят нас в Брацлавский концлагерь, где нас и застал день освобождения.

Лагерь был спасен немцем, очень добрым человеком, дети называли его дядей Фрицем: он предупредил узников, что снята охрана лагеря, а через час прибудет карательный отряд эсэсовцев. В течение этого часа кто как мог спасался – старики, женщины, дети. Это произошло на Сретение в 1944 году.

В лагере мы находились на первом этаже – слева вторая или третья комната под лестницей. Во дворе техникума, где размещался лагерь, стояла мраморная скульптура льва: здесь казнили детей.

В лагере мы питались похлебкой и хлебом из опилок гороховой муки, утром и вечером – только кипяток. Лагерь был обнесен колючей проволокой высотой более двух метров, выйти из него никто не мог. Но однажды нас из лагеря, какими судьбами не знаю, забрала соседка, тетя Нюся Пясецкая. Мы у нее прожили две недели. Немцы каким-то образом узнали об этом, и она нас (вернее ее покойная мать) отвела опять в лагерь. Как она это сделала, до сих пор неизвестно, потому что в лагерь нельзя было ни войти, ни выйти.

В лагере было очень страшно, потому что живые и мертвые лежали рядом и на полу, и на нарах. Нас приютил у себя на нарах *Давид-мотузник*. Он нас как мог согревал и все молился, чтобы мы выжили.

Нам в лагере как могли помогали наши украинские соседи, – кто приносил еду, кто одежду. Это были добрые люди Суприновичи, Островские, Пясецкие, Барановские, тетя Мари-на Кушнир, с которыми мы до сих пор поддерживаем родственные отношения.

18 марта 1943 года мать родила сестричку, ее назвали Эстер, в честь еврейского праздника Пурим и в честь бабушки, которую зверски замучили и бросили в прорубь. Мама каким-то образом (я не помню каким) обратилась к румынскому священнику с просьбой, чтобы ее направили рожать в больницу. Все были удивлены, как это мама решилась пойти к священнику. Ее очень хорошо приняли и оказали помощь. Она родила в больнице, там же ей дали какое-то тряпье, чтобы завернуть ребенка. Когда мама лежала в больнице, из лагеря ее посетила Гитля Мучник, которая принесла немного супа. На обратном пути немцы избили ее до полусмерти. Эта добрая женщина помогала всем как могла хотя сама была нищая, делилась последней крошкой.

Из Печорского концлагеря в *Брацлав* узников брали на работу. Если кто-то пытался бежать, расстреливали на месте. Так погибла мать нашей знакомой Двойра Кабацкая. В лагере она оставила двоих детей – Симу и Полину. После войны они находились в детском доме, пока не вернулся с фронта отец. Сейчас они проживают в *Тульчине*.

Еще в гетто, а затем и в лагере, нас посещал немец, хорошо относившийся к нашей семье. Он приходил вечерами и расска-

зывал о событиях на фронтах. Мы, маленькие дети, подслушивали эти разговоры, хотя и не знали идиш. Потом он перестал к нам заходить, так как был заподозрен в хорошем отношении к нам. И все же с его помощью нам удалось спастись: он предупредил обитателей лагеря о готовящейся акции. В результате в течение двух часов из лагеря удалось убежать всем. Тех, кто не мог ходить, тащили по снегу, льду, но никого не оставили без помощи. Рядом с лагерем было два села: по одну сторону **Чернышевка** – украинское село, по другую – **Слобода**, русское село. Жители этих сел очень хорошо отнеслись к нам: не было такого дома, где бы ни прятались люди из лагеря.

Когда мы бежали, отца не было в лагере: он находился с другими мужчинами разных национальностей в подземелье, построенном еще турками возле еврейского кладбища. Среди спрятавшихся был Борис Поликарпович Романенко и другие. Прятались они потому, что их должны были угнать в **Германию**. Перед освобождением **Брацлава** нашими войсками им удалось вырваться из убежища, которое обнаружили немцы, и перепрятаться в Шурянском и Гниненском лесах.

Там они пробыли до освобождения города и затем с нашими войсками ушли на фронт. До конца войны папа на фронте был четыре раза ранен. Был награжден медалями.

После выхода из ворот лагеря мы направились к ближайшему селу **Слобода**. Нас было пятеро детей. Мама несла грудную сестренку на руках, а старшая сестра несла братика, который родился в 1941 году. Его было очень трудно нести, было скользко, холодно, а мы были раздеты. Сестричка сказала маме, что дальше идти не может, и мама ответила: «Оставь его на льду». Мы прошли метров 100–200. мама повернулась к нам и начала рыдать. Стала умолять сестру, чтобы она его тащила, как может. Когда за ним вернулись, то не смогли взять его на руки, так как его ручки примерзли ко льду и, когда мы пыталась оторвать их, кожа осталась на льду.

Нас, такую большую семью, никто не мог приютить. Брали по одному, по два человека. Таким образом, был спасен Петя Розенберг, который остался сиротой. Его взяла к себе женщина из **Слободы** и еще долго после войны считала его своим сыном.

Первым, кто взял нас – троих братьев, был дед **Тымко** из села **Чернышевка**. У него погибли на фронте сыновья. Он обогрел, отмыл, откормил нас. А когда мы «ожили», то начали плакать и проситься к маме. Дед **Тымко** искал маму по всей деревне, но никто не хотел сказать, где она, так как боялись друг друга. Когда он ее нашел, мама и остальные дети были в **Слободе**, спрятаны у одной женщины, к сожалению, имени ее я не помню.

Затем мы попали в семью Ульяновых, у которых мы тоже не могли находиться все. Сестру забрала Ксения Ивановна Борисова и спрятала на печке, надела на нее «чужие» лохмотья, постригла и сделала ей вид «дурочки». Она так ее разукрасила, что, когда та лежала на печке, и заходили немцы искать евреев, то они сразу же уходили, думая, что это больной ребенок. Так Ксения Ивановна спасла сестру, но перед отступлением немцы обнаружили обман и хотели ее убить. Ксения Ивановна выкупила девочку, зарезав всех кур и выставив им все, что было в доме. Правда, немцы не успели ни к чему прикоснуться, так как в город вошли наши.

Сестричка направились домой, не зная, к какому дому идти. Сначала пошла к лагерю. Там стояло разрушенное здание с выбитыми окнами. Затем пошла к гетто, где тоже были разрушены все дома, только напротив, у открытых ворот тюрьмы, стояла большая виселица.

Потом сестра подошла к нашему родному дому и застала там наших солдат. Мамы еще не было. Ее приютила женщина, которая там жила. Через несколько дней вернулась мама с остальными детьми. В последние дни они прятались у семьи Барановских.

Начинать хозяйство пришлось с нуля. Наши соседи и знакомые помогали, кто чем мог.

Очень трудно все это вспоминать, а тем более описывать.

РАНИ СЕРЦЯ

МАЛІНСЬКА Софія (1925 р.)

Я, Малінська Софія Йосипівна, народилася в 1925 р. в селі [Довжок Славутського району Хмельницької області](#) в багатодітній родині. Батько, Малінський Йосип Шепович, працював в колгоспі, старші брати були в лавах Червоної Армії. Велика Вітчизняна війна увірвалася в наше життя, як вихор, та знищила все на своєму шляху.

Наше село окупували фашисти на початку липня 1941 року. Ми одразу відчували «новий порядок». Почалася кривава сторінка. В селі розстріляли дядька Бенця Цудиковича Когана. За батьком також приїхали, але подивилися на нього і сказали, що він сам здохне. Брата в хаті не було, а дізнавшись скільки йому років, сказали, що він ще «юнг».

Але ж після довгих тортур, голоду, холоду, приниження, доля їх не пощадила. Вони були розстріляні в кінці липня 1942 року. Ця кривава сторінка була відкрита і в навколишніх селах і містечках: в [Аннополі](#)¹ німці розстріляли 80 чоловік, в [Киликиєві](#)² – 783 чоловіки тощо.

Восени 1941 року населення навколишніх сіл перегнали на одну з вулиць, що біля річки. Таким чином, ми опинилися в [Аннополі](#). Худобу і майно було пограбовано. Ми жили по 5–6 сімей в одній хаті. Євреїв використовували на різних роботах: з благоустрою доріг, копання каналів, прибирання снігу і т. ін.

На початку березня 1942 року фашисти разом з поліцаями вигнали євреїв з хат. Люди змогли взяти лише маленькі вузлики. Їх погнали в [Славуту](#)³, в гето. Надвечір голодні, холодні, мокрі, знесилені добралися до міста.

Тут на нас чекала висока колюча огорожа з величезною брамою з колючого дроту. Біля воріт стояли фашисти з автоматами і собаками.

Ці фашистські нелюди кидались на людей і одразу розстрілювали. Тут була розстріляна моя бабуся, Малка Абрамовна Коган, і тітка, Ріва Литвак, і багато старих і калік Аннопільського куща.

Сьогодні це місце оберігає чорний камінь і плакуча верба. Гето було розташоване на вулицях Володарського, Артема, Революції, Шолом Алейхема та інших.

Через кілька днів нас вигнали на площу гето, відібрали 500 чоловік і погнали на роботу в село [Березнів](#), а там відібрали 300 чоловік і погнали на роботу в село [Печіводи](#).

У [Печіводах](#) жили ми в сільському клубі, спали на соломі, лежачи один на одному, навіть ніч не можна було стерпіти. Людям не давав жити педикульоз. Годували нас підмерзлою картоплею і давали води.

Чоловіки добували камінь, а жінки на ношах його виносили під фашистськими криками «Шнель!».

У разі втечі одного в'язня, розстрілювали кожного десятого.

Влітку 1942 року нас (200 чоловік) перегнали в [Березнів](#), вночі вигнали на площу, відібрали 60 чоловік і розстріляли їх.

Через кілька днів нас погнали в Славутське гето. На шляху тих, хто не міг йти, вбивали. Так було вбито 7 чоловік біля Жуковського лісу.

Але найбільша трагедія чигла на нас в майбутньому. Остаточну криваву акцію фашисти разом з поліцаями зробили в кінці липня: зігнали всіх євреїв в гето і вдосвіта чоловіків, жінок, дітей, підлітків та матерів з дітьми почали сортувати в колони – немовлят виривали з рук матерів і живими кидали в криницю. Там знайшли смерть понад 200 дітей. Решту приречених колонами під посиленою охороною погнали страчувати на околицю [Славути](#).

У цей день було розстріляно майже все єврейське населення. Мені, сестрі Жені та ще кільком людям вдалося втекти. Батька, матір і всю рідню було розстріляно. А ми лишилися сиротами.

Нас приютив ліс, який став нам домівкою, постілью та їжею. Протягом довгих походів лісами, полями, болотами нам вдалося натрапити на слід партизанів. В районі [Белокоровича](#) ми знай-

шли групу з 5 чоловік. Згодом ми долучилися до групи партизанів з 20 чоловік, які йшли із завдання.

Ми опинилися в партизанському загоні «За Батьківщину», який розташовувався в районі **Словешно, Веледніки** робочого поселення **Гусова**. Фактично цей район став районом дислокації майбутніх з'єднань **Сабурова, Малікова, Наумова, Шитова**.

Восени з Великої землі до нас прилетіли: майбутній командир з'єднання **Степан Федорович Маліков**, комісар **Богаєнко**, майбутній командир загону імені «25-річчя України», який став серцевиною з'єднання. І ми опинилися в цьому загоні. З'єднання діяло на території **Житомирської, Хмельницької, Рівненської** та інших областей.

Партизани пускали під укіс ешелони як із їжею – так і зі зброєю, які вирушали на схід проти Червоної Армії.

В наш загін прибуло близько 60 чоловік євреїв з **Новоград-Волинського**, які були виведені живими з гето. Серед них був лікар – **Лазар Зелінський** (заслужений лікар **України**). А взагалі, піднімалися цілі села на боротьбу проти ворогів. Горіла земля під фашистськими ногами.

Згідно із завданням партизанського штабу, весною 1943 р. потрібно було підірвати залізничний міст. Завдання було виконане, рух поїздів було зупинено, лише на два тижні. Під час виконання цього завдання був вбитий наш командир **Василь Фільков** (тіло його винесли з поля бою **Євгена Малинська** і **Галя Кутова**). Йому посмертно було присвоєно звання Героя Радянського Союзу.

На станції **Рахальськ** було роззброєно охорону, ми забрали зброю і велику кількість врожаю, який не дали вивезти ворогу в **Німеччину**. При наближенні фронту наше з'єднання допомагало у звільненні цілих районів: **Лучин, Белокоровичі, Веледнік, Коростень** та ін. Серця партизанів переповнювалися тим, що в цей час була звільнена столиця нашої **України – Київ**, і почалося звільнення **Житомирщини**. Тут був наш вклад в загальну справу боротьби з фашистами і приближенням дня Перемоги, до якого ще довго потрібно було йти, але кожен був певен, що цей день настане.

В загоні «25-річчя України» **Маліковського з'єднання** я перебувала з 11 вересня 1942 року по травень 1944 року, тобто до

з'єднання в Радянську Армію. Мені довелося брати участь в багатьох операціях проти фашистів разом з товаришами зі зброї.

Тому щодня прошу в Б-га, щоб наші діти, онуки та правнуки не знали що таке війна. Хай їм буде завжди Мир, Дружба, Любов і Чисте Небо.

І сьогодні ми низько вклоняємося солдату за його подвиг, за лани духмяні хлібом, за ясні зорі, за все світле і добре, що ми маємо в житті.

«Я ПРОШЛА ВСЕ ТЯГОТЫ ХОЛОКОСТА...»

МАНУКЯН (УДЕЛЬСМАН) Евгения (1923 г.)

Перед войной я жила в городе [Косове](#)¹ [Станиславской \(теперь Ивано-Франковской\)](#) области у своей тети (сестры отца), смотрела за ее детьми.

В 1941 г., когда началась война, мне исполнилось 18 лет.

В первое время было сравнительно тихо, но после того, как среди белого дня убили мужа моей тети, мы уже чувствовали смертельную опасность.

Я прошла все тяготы Холокоста. Как и все другие евреи, принудительным порядком работала на ремонте дорог, уборке улиц и др.

Однажды на моих глазах немецкий офицер из пистолета застрелил еврея – молодого мужчину, который вместе со мной делал клумбу перед его домом.

Когда начались акции расстрелов (это было в октябре 1941 года) через Юденрат нас обязали к определенному времени собраться на «Маскаливке». Я тоже пошла, но не доходя до «Маскаливки» увидела много полицейских и поняла, что будет акция. Так я не дошла до места, поймала момент и свернула в сторону. Потом я услышала выстрелы.

Однажды меня вызвали в Юденрат, там я делала уборку. Вдруг зашли полицейские, забрали меня и по дороге сильно избивали. Чудом я от них вырвалась, но была в крови и синяках. Лежала две недели.

Юденрат нам сообщил, что в [Коломые](#)² организовано гетто, дают работу и можно ехать, устроиться.

Я так и сделала, но когда пришла туда, жители гетто сказали, что от них часто забирают людей на работу, но пока никто не вернулся.

В гетто я была недолго. Прошла через колючую проволоку и пешком вернулась в [Косово](#). Пошла на место, где меня обещали прятать. Это был чердак над коровником на окраине [Косова](#), перед лесом. Там нас было шесть человек, мы там находились в страхе и голоде. Хотя мы хорошо платили хозяевам, они не имели чем нас кормить, давали всякие пищевые отходы. И так целых 900 дней.

Четверо из нас, не выдержав голода, выходили по одному в разное время и больше не возвращались. Их убивали.

Когда пришли советские войска, на чердаке нас было только два скелета.

Потом я уехала в [Черновцы](#), и меня определили к одним евреям кухаркой. Два месяца я работала у них. Несколько поправилась, вернулась к обычной жизни.

Потом я уехала в [Снятин](#)³, где перед войной жили мои родные. Узнала, что всех их – отца, мать, сестру – еще в 1941 году расстреляли. Потом я уехала в [Коломью](#), начала работать, встретила советского офицера и вышла за него замуж.

ПАПА, МАМА И БРАТ ПОГИБЛИ В БОЮ

МАНЬКОВСКАЯ Эстер (1936 г.)

Я, Маньковская Эстер Ошеровна, родилась 18 апреля 1936 года в селе Речиця (ныне – Вербивка) Высоцкого (ныне – Дубровицкого) района Ровенской области в еврейской семье. Отец – Ошер Залманович, мать – Фейга Элевна и двое братьев: Залман и Олег. Занимались мы обычным сельским хозяйством.

Когда началась война, мне было 5 лет. Многого я не помню, но остался в моей памяти навсегда жаркий летний день июля 1941 года, когда всем евреям нашего села (их было 10–12 семей, как мне рассказывали оставшиеся в живых односельчане), было приказано собраться всем вместе и двинуться в село Высоцк (в 5–6 км от нашего), якобы на собрание. Я помню толпу людей – женщин, мужчин, детей – бредущих без вещей по пыльной дороге. Меня на руках нес мой старший брат Залман.

В Высоцке¹ нас всех загнали в сараи гетто, огороженные колючей проволокой. Нас охраняли полицейские. Я помню голод, как постоянно хотелось кушать, холод, ужас смерти, который все время преследовал нас. Маму, отца и старшего брата выгоняли на работу. В гетто нас не кормили. Как мы дожили до декабря 1941 года, я и сама не помню. Иногда передавали еду через колючую проволоку добрые люди.

В декабре 1941 года родителям стало известно, что все евреи, находящиеся в гетто, будут расстреляны. Полицейский из нашего села, который охранял гетто, очень уважительно относился к моему отцу и передал ему ножницы для резки проволоки. Ночью нам удалось бежать. С нами спасалась еще одна еврейская семья, о дальнейшей судьбе которой я ничего не знаю. Помню, как при побеге старший брат выносил меня через заграждение, и я одеждой зацепилась за колючки. Испугавшись, я начала плакать, тогда мама крепко чем-то завязала мне рот, чтобы никто не услышал.

Затем начались наши скитания по лесам. Мы были плохо одеты, голодные. Но мир не без добрых людей. По ночам мама ходила по селам и местные жители помогали, кто чем мог. Иногда еду и одежду приносили нам в лес. К сожалению, я не знаю имен этих святых для нас людей, но в живых мы остались лишь благодаря им.

Прячась в лесу, однажды мы встретили партизан из партизанского соединения Бегмы, где командиром был Максим Иосифович Мисюра. В этом отряде работал врачом Барух Шамович Эрлих. Отец подружился с ним. И, как мне рассказывал Барух Шамович, он пообещал ему, что, если с отцом что-то случится, он позаботится о детях.

Отец и старший брат воевали. Мама готовила партизанам еду и стирала белье. В апреле 1942-го папа и брат погибли в бою, мама тоже погибла при обстреле пару дней спустя. Из нашей семьи остались я и мой брат Олег, двенадцати лет. После гибели родителей нас стал опекать Барух Шамович.

О партизанской жизни я помню мало: землянки, в которых мы жили и где на земле все время было мокро. Нары, на которых мы спали на соломе,

Помню, во время передвижения отряда, меня, сонную, положили на телегу. Уснув, я сдвинулась и попала под копыта лошади. Чудом осталась жива, и с тех пор я начала заикаться. Помню, увидела в лесу мертвую женщину, лежащую на пне с распоротым животом. Очень испугалась и долго плакала.

Перед освобождением города Ровно в феврале 1944-го, еще находясь в партизанском отряде, мы с братом заболели сыпным тифом. Нас с другими больными оставили в сарае в селе Рафаловка. Многие тогда умерли. Мы с братом выжили. По просьбе Баруха Эрлиха, двое партизан приехали и забрали нас в Ровно. Город еще бомбили. Во время налетов мы выезжали на грузовике за город. Однажды мы вернулись, а от дома, где жили, остались одни руины.

В школу я пошла в 1944 году. В 1951-м я окончила семь классов и поступила в Ровенскую фельдшерско-акушерскую школу. С 1954 года до самой пенсии проработала медсестрой в Ровенской железнодорожной больнице. Уже на пенсии. Мой брат Олег умер от рака в 1978 году в возрасте 47 лет. Нет уже в живых и Баруха Шамовича Эрлиха. Моя личная жизнь не сложилась.

«ЭТО БЫЛИ УЖАСНЫЕ МЕСЯЦЫ И ГОДЫ...»

МАРКОВСКАЯ Анна

Очень трудно вспоминать то тяжелое время, которое пришлось нам пережить во время оккупации.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война.

Моего отца, Иосифа Шимоновича Марковского, призвали в ряды Красной Армии, где он прослужил до конца войны. Мама моя, я, бабушка и брат мамы (мой дядя), не успели эвакуироваться и остались в [Балте¹ Одесской области](#) на оккупированной территории.

Всех евреев выгнали из их домов и расселили на отдельной территории. Это место нашего жительства и было еврейским гетто.

Мы жили на улице Кузнечной, в бывшей конторе мебельной фабрики. В комнате вместе с нами проживали еще несколько семейств. Это были ужасные месяцы и годы физических и моральных страданий, страха, угрозы жизни.

Немцы требовали, чтоб каждый еврей и еврейка, включая детей, носили на груди и спине желтые нашивки (шестиконечную звезду Давида – символ принадлежности к иудейскому племени).

Евреям, жившим в гетто, доставалось от облав, проводившихся немецкими и румынскими патрулями. Обычно они проходили ночью. Раздавался громкий стук в дверь автоматным прикладом, грубые крики немецких солдат. Нужно было немедленно выполнять их требования, и мы открывали дверь. Каждый раз думали, что нас расстреляют.

В гетто от антисанитарных условий, от голода, холода началась эпидемия сыпного тифа, который не миновал и нашу семью. В еврейской больнице, куда положили мою бабушку Бруху Шварцман и дядю Элыка Шварцмана, не было лекарств. Как привезли их одетыми, так они и лежали все время болезни. От ужасных условий, без наличия медикаментов и надлежащей помощи, они умерли.

Мы с мамой остались одни. Не было пищи, трудно было доставать продукты.

Нам помогали люди, которые хорошо знали мою маму. Это Горпына Бойко. Она, рискуя своей жизнью, приносила нам еду и помогала в трудную минуту. Это и женщина, которая до войны продавала нам молоко (к сожалению, не знаю как ее зовут).

Они очень помогали нам материально, т.е. едой.

У нас не было медикаментов, еды и выживали люди в этих трудных условиях как могли, и благодаря тем хорошим людям, которые им помогали.

Особенно свирепствовали немцы, когда Красная Армия начала наступать и освобождать нашу территорию. Они входили в каждый дом, выгоняли людей и многих расстреливали. Так они расстреляли моего дядю Марковского Тейву.

Немцы вошли и в наш дом. Перепуганные люди начали бежать кто куда. Моя мама, Поля Шварцман, со мной тоже побежала. Стараясь спастись от смерти, мы выбежали на улицу, но и там стоял немец. Он побежал за нами, мама, держа меня за руку, побежала во двор дома, где мы жили. Немец выстрелил. Мы упали. Думая, что мама мертва, немец ушел. Я лежала рядом с мамой и очень плакала. Люди, которые жили с нами, боялись выйти. Но потом они через окно забрали маму и меня в комнату.

Все кричали: «Наша Поля ранена», но боялись что-то делать. Я уже говорила, что медикаментов никаких не было.

Одна из жительниц этого дома, Соня Сорокина, подошла к маме, остригла часть волос (маму ранили в голову) и оказала первую помощь. Так, чудом мы остались живы. А на следующий день вошли наши войска.

Черные дни оккупации миновали. Вошли в город наши войска. Была большая радость. Это был счастливый день в нашей жизни.

Но наши горести не закончились. Немцы бомбили еще [Балту](#). И в первые дни после освобождения, при бомбежке, гибли еще люди.

С приходом наших войск жизнь постепенно начала налаживаться. Люди вернулись в свои дома. Мы с мамой тоже.

Хочется, чтоб никто и никогда не знал ужасов войны, и все мы слушали только залпы праздничных салютов.

«НАЧАЛИСЬ КОШМАРНЫЕ, СТРАШНЫЕ, ОСОБЕННО ДЛЯ ЕВРЕЕВ, ДНИ»

МАСЛЯЕВ Георгий (1937 г.)

Я, Масляев Георгий Васильевич, родился в 1937 году в [Харькове](#). Мама – Пастернак Софья Иосифовна – работала на швейной фабрике им. Тинякова, отец – Масляев Василий Иванович – инженером на заводе, потом его взяли на работу в органы НКВД. В мае 1940 г. отца по службе перевели в [Ворошиловград \(ныне Луганск\)](#)¹. Мы переехали, но в июне 1941 г., за неделю до начала войны, родители развелись, а нас с братом Анатолием, 1938 года рождения, по настоянию отца, родители поделили между собой. Я остался с мамой, а брата отец забрал в свою новую семью. Впоследствии отец предлагал маме опять сойтись, но мама отказалась.

После развода мама пошла работать няней в ясли-детсад. В городе у нас не было ни родных, ни знакомых. Мамины родственники жили в [Харькове](#), а отца – в [Алчевске](#). Свою новую семью он эвакуировал, предлагал помощь и маме, предупреждал, что немцы всех евреев расстреливают. Но мама отказалась, она уже работала в штабе МПВО, и уже был готов транспорт для отъезда сотрудников.

Случилась беда. Немцы летом 1942 года неожиданно вышли в тыл, перерезали все пути отхода на восток, за Дон, и многие люди не успели эвакуироваться. И мы с мамой тоже.

В июле 1942 года город был оккупирован, и начались кошмарные, страшные, особенно для евреев, дни. Все взрослое население по приказу оккупационных властей заполнило анкетные листы из 15 пунктов, в том числе национальность, партийность,

специальность, судимость и т. д. и сдавали их в городскую полицию. Всего было сдано около 100 тыс. анкет, из которых сделали выборку всех евреев и составили их общий список. Анкеты эти ныне хранятся в Луганском областном архиве (фонд Р-1654), так как при отступлении в 1943 г. немцы не успели уничтожить архив паспортного стола ворошиловградской полиции.

Мы с мамой жили на 10-й линии, дом 6 (бывший Дом специалистов). В августе немцы нас выселили, потом они там сделали офицерское общежитие. Нас поселили на улицу Московскую, 14, в дом, где проживали старики Малкины. Мама каждый день ходила на биржу труда, где евреев распределяли на грязную, тяжелую работу.

В областном архиве сохранилась и «*Карточка прибулого*» паспортного отдела городской полиции, так что, даже изменив место жительства, мы не могли скрыться – местопребывание нашей семьи с немецкой пунктуальностью было зафиксировано на случай общего сбора евреев.

И этот день пришел. 1 ноября 1942 г. все евреи города должны были явиться на сборный пункт, и оттуда всех повели на стадион им. Ворошилова (ныне «Авангард») для отправки, как говорили тогда, в [Палестину](#). Сказано было взять продукты на три дня, ценные вещи и лопаты, чтобы сразу разметать выделенные участки земли в [Палестине](#). Рассказывают, что в этот день ревели моторы самолетов, якобы ожидающих пассажиров для вылета в [Палестину](#).

Утром 1 ноября мы с мамой и Малкина вышли из дома, и пошли на сборный пункт. Мужа Малкиной с нами уже не было. Его перед этим на наших глазах полицаи забили ногами до смерти. Мама понимала, как, наверное, и большинство этих несчастных людей, что впереди их всех ждет смерть. Некоторые люди выбегали из колонны, пытались убежать, но их ловили, избивали и загоняли в колонну. Некоторые выкрикивали свои фамилии стоящим на улицах людям, чтобы запомнили и передали их родным и близким, которых, может быть, когда-то увидят.

И вот мама решила спасти меня и себя. Попытка наивная и безумная, к счастью, удалась. Придерживая меня за руку, малыша 5 с небольшим лет, а самой всего 24 года, постепенно замедляя шаг, мы оказались, таким образом, в конце колонны.

Остановив меня и присев на корточки, мама стала дрожащими от страха руками завязывать, якобы развязавшиеся шнурки на моих ботиночках. Шедший за колонной один из двоих полицаев с винтовкой грубо крикнул, почему мы остановились. Мама ответила, что сейчас, только завяжет шнурки у меня, и догонит колонну. Полицай посмотрел на нас, приказал: «Догоняйте!» и пошел дальше за колонной. Потом мама рассказывала, что ожидала выстрелов в упор и в тот момент подумала, что пусть уж сразу здесь на месте нас обоих застрелит, чем потом мучиться.

Место было удобное для побега. Впереди был перекресток и колонна поворачивала в сторону. Когда все скрылись за поворотом, мы оказались вне поля зрения. Мама схватила меня за руку, мы быстро забежали в какой-то двор, затем в другой и так дальше и дальше, в противоположную сторону от уходящей на казнь колонны. И никто за нами не погнался.

Несколько часов мы ходили по городу, по каким-то пустынным закоулкам. Желтую шестиконечную звезду мама сняла с одежды, уничтожила все документы, кроме моего свидетельства о рождении.

Ближе к вечеру мы замерзли и проголодались. Мама решили зайти со мной к знакомой женщине, окна квартиры которой выходили как раз на стадион. Увидев нас в дверях, она вскрикнула: «Вы остались живы?». Быстро завела в квартиру, подвела к окну. На стадионе уже никого не было, на земле валялись разбросанные вещи, детские игрушки. «Вот, Сонечка, что осталось, а всех евреев вывезли на автомашинах к Острой Могиле и там расстреляли!». Мама попросила разрешения погреться и попить чаю. В это время в дверь постучали, все мы перепугались. Но это зашла на минутку соседка. После ее ухода хозяйка, заплакав, сказала: «Простите меня, но немедленно уходите. Вдруг соседка пойдет и донесет на нас. Тогда расстреляют здесь и вас, и нас за укрывательство евреев».

Мы ушли. Вечером постучались к нашей бывшей соседке, где мы жили сразу после приезда из [Харькова](#). Она жила вдвоем с дочерью Верой, а звали ее Настя Середа. Хорошая женщина, вздохнув, сказала: «Ну, куда вас денешь, оставайтесь ночевать». Но предупредила, что к ней иногда заходит вечером знакомый солдат-итальянец. Он приносит ей в стирку некоторые свои

вещи, а за это немного помогает продуктами. Как он только постучит, мы должны немедленно спрятаться под кровать и лежать там, не дыша, пока он не уйдет. Сказала моей маме: «Ты меня не осуждай, муж на фронте, а сюда ходит враг, ведь как-то надо нам с дочкой прокормиться».

Вскоре пришел солдат, мы спрятались. Он побыл недолго, сказал, что он сильно потрясен сегодня и плохо себя чувствует. Он был на месте казни евреев, стоял в стороне, в ужасе от увиденного. Сказал, что в ушах стоят крики и стоны расстрелянных евреев, и такого потрясения никогда не забудет. Еще он ругал немцев, называл их зверями. Потом ушел.

Несколько дней мы скрывались у этой мужественной и доброй женщины. Рано утром мы уходили из дома, чтобы нас не видели соседи, а вечером тайком пробирались к дому. Ночевали под кроватью. Эта женщина заслуживает звания «Праведник народов мира». Затем она отвела нас к своим родственникам на окраину города, сказала, что мы беженцы, и около недели мы жили там.

Нас познакомили с женщиной, у которого было много разных паспортов. Он подобрал для мамы паспорт какой-то молодой женщины, украинки, на которую мама была более-менее похожа. Попросил маму, чтобы она заучила свое новое имя, фамилию, место рождения. С этим паспортом мы почувствовали себя немного увереннее. Некоторое время мы еще скрывались в городе в нескольких местах, где люди нас приютили.

Потом опытные, знающие люди, подсказали, что из города нам лучше вообще уйти куда-нибудь в сельскую местность и называться беженцами из-под [Сталинграда](#).

Так мы и сделали, ушли в станицу [Луганскую](#). Староста посмотрел на паспорт, на нас с мамой, ничего не сказал. Поселились на квартире, в домике у одинокой старой женщины. Я ходил с торбой через плечо, просил милостыню по дворам, бегал с котелком на кузнок к итальянцам. Повар меня подкармливал, добрый был человек. Первое иностранное слово, которое я выучил, было «моджаре» – кушать. С благодарностью вспоминаю и доктора-итальянца из лазарета, который лечил мне ноги.

В начале февраля 1943 г. наши войска освободили станицу, а затем и город [Ворошиловград](#), и мы вернулись домой. Через

некоторое время пришло с фронта письмо от отца. Он написал в городские органы власти, чтобы узнать, живы ли мы с мамой. Нам его письмо передали. Мама ответила, что мы выжили чудом. Была некоторое время у них переписка, но жизнь совместная так и не сложилась.

Вскоре мама познакомилась с одним военным, Алексеем, из расквартированной рядом части. Дружба перешла в любовь. Но часть внезапно отправили на фронт, расписаться они не успели, зато успели родить ребенка, которого назвали Костей. Родился он 4 октября 1944 года.

При нашей бедности, голоде и холоде это было еще одним испытанием судьбы, и когда через несколько месяцев, знакомые наших соседей обратились с просьбой отдать им этого ребенка на усыновление, мама, поколебавшись, согласилась.

Мама убедилась, что это хорошие порядочные люди, будут они заботливыми родителями. К тому же, по тем меркам, они были достаточно обеспеченной семьей. К сожалению, приемные родители скоро выехали, как сказали в милиции, в неизвестном направлении.

Я думаю, что мама всю жизнь помнила о Косте, и если когда и заходил разговор о нем, расстраивалась и становилась молчаливой. Умерла мама в августе 1986 года, не дожив до 68 лет.

Интересный факт: в «Книге скорби Украины» ([Луганская область](#)) на стр. 3 написано, что мама расстреляна в ноябре 1942 г. на Острой Могиле. Пережила она на 44 года отмеренный ей, 24-летней женщине, фашистами срок.

Трудилась мама всю жизнь простой рабочей. Образование у нее было всего 4 класса. Но она старалась дать мне образование. Я окончил горный техникум, работал на шахте горным мастером, заочно окончил Горный институт, работал в НИИ старшим научным сотрудником. Сейчас я на пенсии, инвалид 2 группы.

«В ЖИВЫХ ИЗ ВСЕЙ РОДНИ НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ»

МАТЮШИНА Рива (1919 г.)

Когда началась Великая Отечественная война, наша семья, жила в поселке [Любомль¹ Волынской области](#).

Во время оккупации все евреи были выгнаны из своих домов в гетто. Под гетто была отведена четвертая часть города.

Жили в польских, украинских и еврейских домиках по несколько семей в каждом. Продавали вещи, меняли их на продукты, помогали местные украинцы.

Первые расстрелы начались на рассвете праздника Йом-Кипур в 1941 году. Пуля попала к нам в окно. Я взяла шестимесячного ребенка на руки и хотела выйти, но у двери стояли немцы. Меня спросили на немецком языке, куда я иду? Моя мама им ответила, что я хозяйка этого польского домика, что я полька, и меня пропустили.

Я ушла с ребенком на руках в город. Улицы были пусты, кругом ни одной живой души. Я зашла в квартиру к Шидловским, это были местные украинцы. Они сказали, что только что забрали из их клуни евреев. С большим ужасом она провела меня в сторону вокзала.

По пути к вокзалу, на улице Завальской, стояла старая женщина, которая меня знала. Она сдала меня немцу, сказав ему, что я еврейка. Немец сидел на коне, его звали Ганс. Его конь ударил меня в голову. Другой немец окликнул Ганса: «Шнеллер ком гир». Тот меня оставил, повернул коня и ускакал.

Тем временем я с ребенком убежала. Зашла в другой дом по улице Владимирской. Там моя знакомая дала мне документы

и паспорт на имя Анны Сацюк и отправила меня к своим родственникам в село под [Ковель](#).

В этой семье я пробыла три недели, пока староста села не забрал у меня паспорт. С большими хитростями удалось как-то забрать у него мой паспорт, и я ушла с ребенком на полустанок и попросила машиниста взять меня в кабину и уехала в [Брест](#).

В Бресте я скиталась до февраля 1942 г. Потом перебралась в [Пинск](#). Из Пинска – в [Сольники](#).

Долго жила у одной польки. Смотрела за ее детьми. Встречала в лесах партизан, но брать меня в отряд с маленьким ребенком они не хотели.

Когда освободили [Любомль](#), я с ребенком вернулась туда. В живых из всей родни никого не осталось. Все были расстреляны в [Любомле](#).

С ужасом вспоминаю все то, что пришлось пережить и перенести за эту войну. Ныне живу в [Луцке](#).

«КОГДА НЕМЦЫ ЗАНЯЛИ ЖМЕРИНКУ, ЗА ЕВРЕЕВ ВЗЯЛИСЬ СРАЗУ»

МЕРШОН Бэла (1941 г.)

Мой дедушка был из села [Шершни Тывровского района Винницкой области](#), там у него был свой дом. Они с бабушкой до войны были единственными евреями на все село. Дед до революции имел свою землю, магазин, они не бедные люди были. Эту семью знали все, бабушка стояла за прилавком в магазине. Она воспитала восьмерых детей. Когда после революции у них все отняли, крестьяне им сочувствовали. Вот такая уважаемая была семья.

Когда началась война, мамины два брата ушли на фронт и не вернулись. Они под [Киевом](#) попали в «котел». Сестры эвакуировались; по сути дела, только одна наша семья, одна их дочь – моя мама – осталась на оккупированной территории.

История моих родителей также заслуживает уважения. Отец мой Рувим из [Хмельницкой области](#), там есть город такой [Деражня](#), а мама Соня – из села [Шершни](#).

Мама окончила медучилище и приехала на работу в [Деражню](#), и там она познакомилась с отцом. А отец уже был вдовец. У него росла девочка 8–9 лет. Он старше мамы на 17 лет (родился в 1890 году). Отец был из бедной семьи (дедушка портной), но очень любил музыку и очень хотел учиться. Он экстерном окончил гимназию, а перед самой Октябрьской революцией, в апреле 1917 года он получил диплом Новороссийского императорского университета. Выучился на зубного врача, а потом, уже при советской власти, он заочно окончил в [Харькове](#) стоматологический институт. Мама училась в украинской школе, по-

том – в [Виннице](#) на акушерку, а потом – в [Одессе](#) – на акушера-гинеколога.

У отца были большие неприятности, потому что он участвовал в «национальном еврейском движении». Его чуть не арестовали, и это закончилось тем, что в 1939 году его забрали во [Львов](#), а маме «посоветовали» срочно уехать из [Деражни](#). И она с двумя моими братиками (один – 1935-го, второй – 1937-го года рождения) уехала осенью под дождем на грузовой машине. Она переехала в [Жмеринку](#), тут жила ее старшая сестра.

А отец мой, когда уже прошла кампания в [Западной Украине](#), вернулся в конце 1939 года, и перед войной (в 1941 году) родилась я. Отца не успели забрать на фронт, вот он и остался с нами.

Таким образом, наша семья состояла из пяти человек: мама, папа, два сына и я – самая маленькая.

На улице Октябрьской революции у нас был собственный домик на две семьи, и в одной, меньшей части, мы жили. Когда 17 июля 1941 г. немцы заняли [Жмеринку](#)¹, за евреев взялись сразу. Но еще не выселяли из домов, только уже не разрешали свободно выходить на улицу. С работой были проблемы... Звезды нужно было носить на левом плече, потом на груди. В начале ноября месяца нам приказали срочно освободить свои квартиры и переселяться в гетто.

В специальном районе, возле рынка, было несколько улиц, где до войны жило много евреев. Они так и остались там жить: к ним еще подселили людей. А нас выселили, потому, что мы оказались на территории, которая перешла к украинцам, и наш дом заняла украинская семья.

Нас поселили в гетто, в дом, где было очень много людей. Мы (пять человек) жили в одной комнате, а в соседних двух маленьких комнатах жили тоже большие семьи. У моего отца был аусвайс. Поэтому он имел право выходить, но не сам по себе, его вызывали (он был хороший специалист-стоматолог) в городскую поликлинику, на украинскую территорию.

Нам повезло, что Жмеринское гетто вошло в румынскую территорию оккупации, так называемую Транснистрию. Но на большой узловой железнодорожной станции в [Жмеринке](#) хозяйничали немцы. А вот в гетто хозяйничали румыны. И еще по-

везло в том, что сначала были только жмеринские евреи, а лишь потом пригнали других – из [Молдавии](#), [Буковины](#), [Румынии](#)...

Возглавил Юденрат (еврейское самоуправление) юрист доктор Гершман, который до войны учился в университете вместе с румынским претором (начальник румынской жандармерии) Ионеску. Гершман был очень грамотный человек, он знал немецкий, румынский, французский языки. С претором у Гершмана был договор, чтобы немцы обходили гетто стороной, чтобы всем командовал он. Также они договорились, что без решений доктора Гершмана людей не будут гнать на работы.

Каждое утро, в 6 часов утра, строились у ворот гетто, проверяли строго по списку. Были внутренние работы: там и шили, и столовая была для бедных. И были внешние работы. Людей выгоняли на вокзал, на станцию (а зимы были тогда морозные, снежные). Они голодные и полураздетые, чистили пути, мыли казармы.

Особенно трудно было молодым девочкам по 16–17 лет. Если, не дай Б-г, кто-то не пришел к 6 часам утра на работу, так румынские и еврейские полицейские «хорошо» били дубинками и очень наказывали за это.

И в то же время, многие все-таки считают, что именно благодаря доктору Гершману основная масса людей осталась живой. Хотя каждый раз ходили по домам, потому что претор все время требовал собирать столько-то и столько-то. Ходили, собирали. Моя мама рассказывала, что, если у евреев уже ничего не было, то они вырывали «довоенные» золотые зубы и отдавали их тоже. Эти поборы продолжались на протяжении всех лет оккупации...

В 8 км от [Жмеринки](#) находился тогдашний райцентр [Браилов](#)², в котором было очень много евреев. Браиловское гетто вошло в немецкую зону оккупации. Меньше чем за полгода немцы провели несколько расстрельных акций. Евреев постепенно уничтожали. Пронесся слух, что в Жмеринском (румынском) гетто евреям легче сохранить жизнь. Их потихоньку, не бесплатно, начали переводить ночью украинцы известными им тропами через речку.

Говорят, что доктор Гершман не всех принимал. Но, во всяком случае, этих людей он принял.

О том, что у нас прячутся узники из Браилова, немцам стало известно случайно.

Женщина-браиловчанка вышла на рынок, и ее увидела крестьянка из Браилова, закричавшая: «А мы думали, что вас уже расстреляли!». Еврейка сглупила и ответила: «Нас тут приняли, и мы здесь работаем». Эта украинка Параска или, как ее, может, Маланка звали, вернулась в Браилов и разболтала всем, что в Жмеринском гетто находятся евреи из Браилова.

Летом 1942 года вызвали доктора Гершмана и пригрозили уничтожить всех евреев Жмеринки (около трех тысяч) за то, что приняли браиловчан.

Мама мне рассказывала, что на самой длинной улице выстроили и детей, и взрослых. Приехали из Браилова полицейские, знавшие узников в лицо, пошли по колоннам и начали отбирать «своих» людей. Согнали их в инкубатор (ныне там находится архив) и закрыли на ночь. Люди сразу поняли, что их ждет, плакали, кричали. Их там продержали всю ночь, а утром погнали в Браилов и там расстреляли.

Потом, когда доктора Гершмана судила советская власть после прихода Красной Армии, ему вменили в вину, что он выдал фашистам около 250 человек. Да, их расстреляли, но зато же остались живы все остальные. А если бы он не разрешил отдать браиловчан, расстреляли бы всех.

Мы считаем, что в Жмеринке именно благодаря доктору Гершману, в отличие от всех других гетто Украины, стремились сохранить, а не уничтожить евреев.

В двухэтажном здании синагоги у нас была маленькая больница, куда вызывали врачей из районной больницы, если врачи еврейские не могли поставить диагноз. Украинские врачи приносили лекарства, а Гершман организовал даже баню и зорко следил за гигиеной, так что ни брюшного, ни сыпного тифа у нас не было.

В первый год мою маму не гнали на работу, потому что у нее было трое маленьких детей, я ж была совсем маленькой – 7 месяцев. Но давали ей работу на дом – шить юбки, чинить одежду. А на второй год уже погнали работать в столовую. Братик мой, ему еще не было 7 лет, чистил картошку, а мы собирали

очистки. Столовая была специальная, чтобы кормить сирот и приезжих людей.

Еще доктор Гершман добился, чтобы в начале 1942 года ему разрешили открыть школу. Там учился мой старший брат, 1935 года рождения. Очень большая была нагрузка: хотя дети были голодные, их заставляли учить и немецкий, и румынский, и древнееврейский языки.

Кроме того, в селах около Жмеринки были партизаны. Связь с партизанами осуществлял учитель физики по фамилии Гефтер из школы, организованной Гершманом. И еще – отец моего одноклассника, живущего в Виннице, был инвалид, его на фронт не взяли. Вот он и подделывал документы и передавал партизанам.

...Считается, что нам еще повезло, что мы были все-таки у себя. Когда сказали, что надо освободить наш дом в центре Жмеринки и перебраться в гетто, то мы взяли зимнюю одежду с собой и все, что могли унести. А приезжих румынских, буковинских евреев пригнали летом раздетых – в чем они были.

Мама и мой старший братик рассказывали (я этого не помню), что там была женщина Эсфирь Давыдовна, так она раз в неделю приходила к нам. Она была учительницей, и приходила к нам домой, учила брата грамоте. Так как она была из приезжих, то один день ела у нас, на следующий день приходила в другую семью, потом в третью. Вот так они – приезжие – выживали.

Но с поселениями были и страшные истории. Одна женщина из Жмеринки рассказывала, что к ней тоже подселили девушку откуда-то из Румынии или Молдавии. У нее, видно, туберкулез был, так как она кашляла очень... А у женщины этой было двое маленьких детей (отец их ушел на фронт). Мать их в 6 часов утра должна была уходить на работу – не могла же она так рано будить девочку 5 лет и 7-летнего мальчика! Она оставляла около них хлеб и уходила.

Все спали на одной постели, и рядом с детьми лежала эта приезжая девушка. Она умерла во сне, а дети проснулись и видят, что возле них чужая и мертвая женщина. А мама пришла с работы только вечером, и дети целый день были рядом с мертвым телом.

У нас есть на кладбище (мама мне показывала) целый ряд безымянных могил. Там только холмики, вот и все, что осталось на еврейском кладбище от таких вот чужих людей.

Самым опасным для нашей жизни был период освобождения (март 1944 г.), потому что немцы, да и местные предатели, сопротивлялись отчаянно. Но евреи тихонько друг другу рассказывали, что Красная Армия наступает.

Первые разведчики зашли со стороны села Большой **Жмеринки**, недалеко от гетто. Они боялись идти через украинскую территорию, потому что там могли выдать. Поэтому они шли через гетто, так как евреи были сами узниками. Вот мама рассказывала, что несколько человек зашло, и тут радость такая была, это был конец февраля – начало марта: значит, наши уже наступают!

А уже 18 марта 1944 года Совинформбюро передало, что освободили **Жмеринку**, но на самом деле **Жмеринку** еще не освободили, потому что продолжались бои, немцы не отдавали вокзал, они еще трое суток держали станцию... Даже после 20 марта, даже в мае бомбили **Жмеринку**, многие евреи погибли.

Еще в марте мы поняли (мои родители), что если бы там остались, то мы бы погибли. Во-первых, бомбежки, а во-вторых – был разговор о том, что где-то в лесу готовы ямы, немцы все равно собирались расстрелять нас.

Румыны ушли отсюда, и мы боялись уже, что тут будут хозяйничать немцы. Если бы оккупанты не были заняты станцией, они бы расстреляли **Жмеринское гетто** точно. Поэтому люди разбегались, кто куда мог. И вот наша семья тоже. Но куда? Нас было 6 человек (в 1942 г. отец, у которого был аусвайс, привез нашего дедушку), нас бы никто не принял. Один украинец и его мачеха ходили к моему отцу лечить зубы. Так он согласился. Он взял маму, меня и меньшего братика. А отца со старшим братом и с дедушкой взяли другие люди. Вот так нас поделили.

Черницкий держал нас в полуподвальном помещении, потому что мы сильно кашляли, и он боялся, как бы мы не заразили его братиков (детей мачехи). В конце концов, он сказал маме: «Соня, бери своих детей и уходи». И вот моя мама со мной и братикам пошла в село **Большая Жмеринка**, где находился мой отец. Мне было тогда три годика, но мне кажется, что я уже это помню...

Так, мама шла посередине, она была небольшого роста, с одной стороны шел мой брат **Шурик**, а с другой – я, а мама держала клунок (мешок) с одеждой. У меня были шитые валеночки на ногах и калошки. Надо было переходить через мостик, а у меня калошник потерялся, и я осталась в воде с мокрыми ногами. Мама меня вынуждена была взять на руки. А братик мой тянул меня за платице и кричал: «А ну, слазь, дура, слазь, мама не может нести тебя!». Мама действительно еле шла: она еще тащила еду какую-то с собой.

Мама нашла, где находился отец с дедушкой, но **Жмеринку** продолжали бомбить, и нам пришлось отсюда уйти. Отец нас всех отвез в дедушкино село **Шершни**. Во время войны в этом селе были немцы, но нас не выдали, потому что еще до войны дедушку с бабушкой уважали. Вот и мы прятались в этом селе, пока **Жмеринку** окончательно не освободили, а отец добился возвращения довоенной квартиры. Дедушка жил с нами, он умер в 1947 году.

Но с квартирами были неприятности. Люди, которые поселились в еврейских домах, не рассчитывали, что им придется их покидать, даже протестовали в горсовете. Когда их выселили, то они назло всю мебель поломали. А дерьмо, извините, прямо вот так по углам, наложили целые кучи. Мама нам рассказывала, что только после этого они освободили квартиру.

Да еще отец мой пережил страшное потрясение. Он узнал, что в **Деражне**³ все его родные погибли – его мать, сестра с тремя детьми, его дочь от первого брака (девочке было 15 лет), – их всех расстреляли. И мой отец очень тяжело все это перенес. Он заболел, но самоотверженно заботился о нас – своих младших детях. У меня еще с войны проблемы с ногой были – вывих тазобедренного сустава. Отец со мной ездил, в 1948-м году мне в **Киеве** операцию делали. Благодаря ей я в 1949 г. пошла в школу, которую окончила в 1959 г. Но папы уже не было в живых, он умер в 1954 г.

Мама осталась с нами, тремя детьми. Я была только в пятом классе. Маме было очень трудно, ведь она была акушеркой, зарплата маленькая, «медицинская». Когда отец умер, старший брат учился на втором курсе Политехнического института, а второй брат – в восьмом классе. И мама сама как могла воспитывала

вала нас. Мои братья – оба с высшим образованием: один окончил политехнический, а второй – пединститут.

Да, мы со средним братом хотели быть тоже медиками, как и наши родители. Но мне не удалось поступить в институт в **Черновцах**. Я окончила медучилище с «красным дипломом», могла учиться дальше, но не на что было учиться. Я пошла работать в 1962 году.. Начинала я с сел ской участковой больницы, потом 25 лет трудилась в Жмеринской железнодорожной больнице. А затем работала в **Виннице**.

Средний мой брат живет на **Урале (в Перми)**, а старший – в 1993 году уехал в **Израиль**. У него все благополучно. Дети работают; внучка его играет на скрипке, как когда-то играл ее покойный прадедушка Рувим.

Я помню, что отец нам, детям, рассказывал, как евреи выходили из **Египта**, как Моисей выводил их. Я помню, как отец с мамой брали меня с собой в синагогу, куда мы ходили на праздник Рош-а-Шана. Я еще спросила: «Мама, а почему папа остался внизу, а мы с тобой поднимаемся наверх?» И мама мне объяснила. А потом в **Жмеринке** вообще закрыли синагогу. Мы ее отвоевали приблизительно в 2003 году.

Отец мой знал и повторял еврейские молитвы. Помню, когда образовалось государство **Израиль** (мне тогда семь лет было), и это печаталось уже тогда в газетах, так мой отец танцевал. А мама закрывала ставни и говорила ему по-украински: «Що ти робиш? Хтось побачить, ти що? Тебе раз забирали, що ти робиш?».

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания
Избранного народа. Винница. – 2011. – стр. 135–139.

ВСЕ, МИНОВАВШЕЕ ДАВНО, СЕГОДНЯ ОЖИВАЕТ СНОВА

МИРДАС Раиса

Пропуская через свое сердце былое, и анализируя те страшные дни пребывания евреев в бараках Харьковского гетто, в одном из которых находилась я и моя семья, я убедилась в том, что больше всех за жизнь, не только свою, но и окружающих, борлись дети-подростки. О них я поведам рассказ. Начну о брате. В те трагические дни ему было 14 лет. Звали его Евсей (Сева).

15 декабря 1941 года наша семья оставила свою квартиру на Знаменской, 5, и присоединилась к колонне евреев, переселявшихся за город в бараки ХТЗ. Из дома мы вышли в 9 часов утра. Шли по Плехановской улице. Примерно в 13–14 часов, когда мы проходили по безлюдным улицам, начались грабежи. Грабители отбирали вещи, продукты. Тех, кто сопротивлялся, избивали. В первую очередь они нападали на стариков, женщин с детьми.

Когда два здоровенных мужика стали вырывать узлы с вещами из рук старика и старухи, идущих рядом с нами, Сева взял палку-рогатину, которой толкал воз с вещами, зашел сзади грабителей и стал наносить им удары по голове. Следом за ним вступили в драку взрослые мужчины и женщины. Все вещи и продукты мы привезли в полной сохранности. Пострадала лишь палка-рогатина и грабители (их хорошо избивали).

Барак, в котором мы поселились, был полуразрушен. В комнатах не было дверей, вместо окон квадратные дыры.

Мой дядя Шолом Винокур и Сева сразу же стали обустривать комнату. В первую очередь нужно было повесить одеяла и просветы. Ни у кого не оказалось гвоздей. Сева взял у папы

табак, который тот успел захватить с собой, куда-то побежал и принес коробку с «железками», среди которых было немного гвоздей и шурупов. Через пару часов дыры были завешены одеялами и входная дверь комнаты, валявшаяся в коридоре, поставлена на место и утеплена.

16 декабря, утром, Сева обнаружил в стене коридора нишу, заваленную мусором. Оказалось, – это печка для обогрева трубы нашей комнаты. Он сразу же очистил печку, поставил на место колосники; привел ее в готовность и побежал искать топливо. Сначала он нашел лавку, которую разбил на щепки. С мамой растопили плиту и напекли лепешки.

В этот же день Сева организовал ребят на поиски щепок. Во второй половине дня мальчики принесли штукетины. У каждого в руках было по 2-3 штуки.

17 декабря Арон, Шурик и Толик привели Севу с разбитым лицом. Хозяин забора, где Сева пытался выдрать штукетины, бил его по голове ногами. Всю ночь при свете одной свечи врач из соседнего барака лечил Севу. А 18 декабря Сева снова пошел с ребятами – Ароном, Иосифом и Шуриком – добывать топливо.

Друзья Севы ходили на базарчик. Меняли вещи на продукты не только для своей семьи, но и для одиноких стариков. На базаре мальчишки договаривались с женщинами, и те приносили к баракам еду (отварную картошку, пшеничную кашу, тыкву, макуху и др.) в обмен на вещи.

Ребята были не только «доставалами» (снабженцами), но и связными. Они по просьбе стариков, инвалидов, женщин, разыскивали в других бараках их родственников, знакомых, передавали записки, передачи, приносили воду. Кроме того, мальчики морально поддерживали отчаявшихся узников. Шурик и Сева придумывали всякие истории, что, якобы, Красная Армия уже подходит к **Харькову**¹ и, якобы, наши самолеты-разведчики летают над городом, а фрицы их не могут сбить.

Был случай, когда Сева, Шурик и Арон убежали из гетто к своим друзьям, жившим в районе поселка ХТЗ. Свой уход они мотивировали тем, что они первыми должны встретить наступающую на **Харьков** воинскую часть и направить в бараки.

Конечно, никто не верил в их «байки», но все же они подняли настроение. А когда были слышны звуки канонады, люди

от радости плакали и многие верили в нашу победу, в то что, наконец, они будут жить в своих квартирах, а главное – они будут свободными людьми, и никого не будут бояться.

Читая мои воспоминания о детях-подростках Харьковского гетто, кое-кто скажет, а что особенного в том, что дети ходили на базар, приносили воду, добывали топливо и т. д. Для дней мирного времени это – мелочь. А для того времени, в режиме которого жили эти подростки – это подвиг, это геройские поступки. Из барачков трудно было выходить. За это наказывали смертью. Не все могли переходить из барака в барак. За это тоже – расстрел. А если учесть то, что дети заботились не только о своей семье, но выполняли просьбы окружающих их узников – это уже дважды геройский поступок.

Лично я считаю, что в Музее Холокоста должен быть альбом, посвященный детям-подросткам, проявившим мужество и отвагу в борьбе за выживание не только свое, своих близких, но и окружающих их людей.

Я до сих пор не могу поверить в то, что такие смелые и находчивые мальчишки, как Сева, Арон, Шурик, Иосиф (к сожалению, не знаю их фамилий) пошли «на убой» в Дробицкий Яр. Мне кажется, что кто-то из них сумел убежать. Хочется верить, что найдутся оставшиеся в живых и откликнутся на мои, далеко неполные, воспоминания и более подробно расскажут, как боролись за выживание и помогали взрослым подростки Харьковского гетто.

Я ушла из барака 20 декабря 1941 г. в село за продуктами. Сева отказался со мной идти. Он сказал, что родителей не оставит.

Когда я уходила, он с укором посмотрел на меня. Его прощальный взгляд со слезящимися глазами долгое время мне снился.

Вернулась я с продуктами 5 января 1942 года. На территории барачков уже не было узников. Возле нашего барака лежала куча вещей и стоял полицей с винтовкой, а вдали – грузовая машина, на нее полицаи грузили ящики.

Дайджест Е. – Харьков, 2012, апрель, № 4 (154).

В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1941 г. НАЧАЛИСЬ МАССОВЫЕ АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ

МИХАЙЛИС Григорий (1934 г.)

Я, Михайлис Григорий Маркович, родился в 1934 году. Мать – Михайлис Екатерина Иосифовна – русская; отец – Михайлис Марк Григорьевич – еврей.

Я и мой младший брат (1938 года рождения) родились в городе **Ташкенте**, где в то время проходил службу в Туркестанском военном округе мой отец – офицер Красной Армии.

В 1939 г. мы с матерью переехали в город **Умань Черкасской области**. Отец оставался на службе, и мы ждали его перевода в **Умань**.

В 1940 г. мама устроилась на работу на Уманскую электростанцию. Война застала нас в **Умани**. Мы пытались эвакуироваться, но не успели. Узнали от родственников, что отец ушел на фронт из **Ташкента**.

В 1941 г. в **Умани**¹ были уже немцы. Это был август месяц, а в начале сентября начались массовые антиеврейские погромы. Помню, как шли огромные колонны людей – старики, женщины, дети...

Их сгоняли в урочище Сухой Яр. Взрослые рассказывали, что и через несколько дней после массовых расстрелов земля еще шевелилась.

Мать строго-настрого запретила нам выходить на улицу. Но, где-то в конце сентября 1941 г., по доносу соседки, нас с братом забрали в гетто. Мама в это время была на работе. Из этого ада нас смогли вытащить знакомые наших родителей только в конце 1942 года.

Спасибо добрым людям, которые с 1942 года и до освобождения города **Умань** в марте 1944 г. перепрятывали нас в селах **Родниковке (бывшее село Витивка), Кочубеевке и в Умани**.

Мама нас смогла забрать домой только после полного освобождения **Умани**, весной 1944 г.

Помню постоянное чувство страха и голода. Мы, тогда еще дети, не могли осознать весь ужас происходящего. Помню, как на наших глазах умирали люди – от голода, холода, от болезней и издевательств.

Прошу простить меня за то, что пишу без леденящих душу подробностей. Много переживается еще и сейчас.

«ЗАШЛИ НЕМЦЫ, НАЧАЛИ УБИВАТЬ ЕВРЕЕВ...»

МОЛОЧКОВЕЦКАЯ Рива (1928 г.)

Я, Молочковецкая Рива Григорьевна, родилась 20 ноября 1928 года, в городе [Виннице](#) в семье коренных винничан. Мы жили в самом еврейском центре города – на Иерусалимке, возле электростанции. Отец был столяром, а мать работала на швейной фабрике имени Володарского. На рубеже 1930–1931 годов отца забрали в армию. Там ему неудачно сделали операцию по поводу заворота кишок. Потом комиссовали. В 1933 г. он вернулся домой в тяжелом состоянии.

Но мама за ним самоотверженно ухаживала – и вылечила, да так успешно, что его в начале 1941 года снова взяли на военный учет. В середине 30-х годов у меня родилась вторая сестричка, а 18 апреля 1941 года – третья. Все это время мать работала, содержала семью – больного мужа и маленьких детей. Только весной отцу стало легче, и он вышел на работу, перед самыми родами мамы.

Казалось бы, нам, наконец-то, улыбнулось счастье! Но... началась война. Папу забрали на фронт, откуда он не вернулся – «погиб смертью храбрых». А мы не имели возможности выехать: маленькие дети и бабушка, которой было больше 60 лет.

Мы остались в родной еврейской [Виннице](#)¹.

Немцы начали убивать евреев. Две недели для меня прошли тихо, потому что мама уходила в город доставать хоть что-то покушать, а я сидела дома с малышками. И вот, вернувшись, мама рассказывала, что уже убивают (схватили двух моих двоюродных брата и сестру).

Было приказано носить на спине, пришитые на черном фоне, желтые шестизначные звезды Давида, чтобы видно было еврея за километр.

Мы жили в подвальном помещении двухэтажного дома. Вдруг со второго этажа женщина спускается через окно и кричит: «Мама, держи ребенка... Мы днем увидимся». Наша мама нас тоже разбудила. Тут вошли немцы и с большим криком и шумом стали нас бить и выгонять на улицу в одних легких рубашках и чулочках.

Нас собирали со всей Иерусалимки – еврейской улицы, – мы видели: как из каждого дома выгоняют. Там, наверное, было 100 человек. Пригнали нас на улицу Первомайскую. К дороге подъезжала каждый раз машина, черная, закрытая, и немцы погружали туда людей и отвозили.

Потом я заметила, как кто-то показывает, что он шьет, значит, его брали в сторону, другой показывает на часы – брали и его в сторону, кто-то показывал, что чинит обувь – и его в сторону. Значит, немцам нужны были такие люди-специалисты, они их держали при себе до последней минуты.

У мамы и у меня мысли были только о том, как убежать. Два раза в переулках ей это удавалось: с грудным ребенком на руках и пятилетней девочкой. А меня держала крепко бабушка, она не понимала, что мама удирает, и меня не отпускала. А я ведь не могла сказать: «Бабушка, я удираю, а ты останься». Понимаете, вот так оно получилось, что бабушку мы не могли взять с собой, она была больным человеком и очень плохо ходила. Там же на каждом углу стоят немцы, и надо было ухитриться, чтобы незаметно проскользнуть мимо них! А мама ухитрилась, но ей пришлось вернуться во второй раз, потому что она не хотела меня оставить.

Крики были очень страшные, там же тысячи людей стояли, сильно все плакали и кричали. Было холодно, мы замерзли, но когда вышло днем солнышко чуть-чуть и начался дождь – все стали кричать, что даже Б-г и то плачет за нами. Это что-то ужасное, это не то слово, рассказать – можно, но чтоб видеть это...

Мама все оттягивала нас от грузовика, но в середине дня людей стало меньше, и нас посадили в кузов, набитый, как боч-

ка селедкой, и мы поехали в лес. Немцы все кричали: «Арбайт, арбайт» – на работу вас берут, на работу, на работу. Но когда мы заехали в лес и почувствовали хлорку, мы уже точно знали, что нас убьют. Крики были невыносимые.

Нас подвели к помещению, которое строилось до войны для боеприпасов. Склады были построены, но внутри не было готово. Половина была застелена шпалами, а половина – ямы, и в этих ямах везде были люди, крики страшные. Я не понимала даже, где и что я, но все кричали, и я тоже кричала.

И мы стоим возле дверей, возле входа, потому что нас последних привезли. Машины реже стали приезжать, так как уже не было людей. Нас пятеро. Вот мы стоим, и вдруг идет немец и расталкивает всех, прикладом бьет, они же нас не считали за людей. За ним идет женщина, и мама узнала эту женщину, это оказалась ее подруга. За ней идут два малыша, сестра, мама и папа, пять человек шло. И моей маме сразу стукнуло в голову: ага, почему же она вышла, значит, два мальчика ее были не обрезаны – лишь потому, что муж у нее был партийный, а до войны партийным – пусть и евреям – не разрешали детям делать обрезание.

Мама увидела, что они вышли все, и она с малышкой на руках схватила нас – своих детей, и мы пошли вперед и закричали: «Мы русские, мы русские, мы русские!». Немец забрал нас, поставил под стенку и говорит: «Если вы русские, перекреститесь». А я, например, в жизни не видела, как крестятся. Мы жили на еврейской улице, в церковь с мамой никогда не ходили, креститься не умели, даже не знали, как. Немец нас хорошенько избил, взял нас и, как кошек, бросил назад. Но мы вернулись к воротам и опять стали плакать.

Тут опять приехала машина с людьми – всех затолкали вовнутрь, но мама удержалась у ворот и все рвалась со мной и с бабушкой вперед, вперед... Она ждала, чтобы те два немца, которые требовали от нас перекреститься, ушли, сменились. А мы все продолжали безостановочно плакать, кричать: «Мы русские, мы русские!». Нас снова поставили возле стеночки, а рядом стояла женщина, которая сказала: «Девочка, смотри, вот так сложи три пальца» – и показала, как надо перекреститься. И вот стоим мы возле этой стенки, подходит другой немец, а мы плачем и кричим: «Мы русские, мы русские!»

И тут подходит, видать, главный немец. На шапке у него были череп и кости – высокий, очень интересный, белобрысый – к нам подходит и вдруг начинает говорить по-русски: мол, где то в 1917 году, когда ему было 5 лет, русские родители выехали в Германию, и поэтому он знает немножко по-русски.

И он спрашивает маму: «Что ты тут делаешь?» А она говорит: «Я пошла в магазин что-то купить детям. Оставила их одних, и вот я пришла, а меня с ними забрали, повезли сюда и сказали, что здесь меня выпустят». В это время приехала новая машина, полная людьми; бабушка потянула меня за руку; тут нахлынула толпа, разъединила нас, на миг я потеряла сознание, а когда пришла в себя, то увидела, что я одна, без мамы и сестер.

Потом я узнала: тот белобрысый немец подозвал маму к себе и говорит: «Возьми детей и иди». А она отвечает: «Нет! У меня еще одна дочка, ее снова затолкали в помещение, без нее я не уйду». Тогда немец взял малышку на руки, среднюю поставил возле себя и сказал: «Если это еврейские дети, они будут плакать с чужими людьми, а русские – не будут». К счастью, мои сестрички замолчали. Маме дали в помощь двух немцев – спереди и сзади, а посередине – она.

Опять всех растолкали, зашли в помещение, мама меня ищет, а там тысячи людей. Понятно, что далеко я не могла уйти, да еще упорно держалась на проходе, где мама меня нашла, схватила за руку – и тут я пришла в себя. Обратились так же – немцы спереди и сзади, а мы посередине. Вокруг были знакомые люди с нашей еврейской улицы. Все они начали кричать: «Возьми моего ребенка, спаси моего ребенка!» Бабушку мама не смогла найти, да она ее не искала, потому что бабушка была с черными волосами и глазами, по-русски не знала ни слова – только по-еврейски, а учить ее креститься вообще было бессмысленно.

Мы же – мама и три сестрички – родились светлыми. Мама держала меня за руку, запах хлорки выедал глаза. Люди продолжали плакать, кричать, некоторые танцевали и пели – и так это было страшно! Меня, пока мама не нашла, могли схватить и выпихнуть на расстрел, но тут помог случай или наш еврейский Б-г. Было три часа дня, для педантичных немцев – пора обеда, конвейер смерти временно приостановился. Пока все эти убийцы обедали, кричали, смеялись, мама вывела меня из поме-

щения на большую площадь около зеленого хозяйства, где было очень много немцев и собак.

Подошли мы к этому белобрысому немцу, и он говорит: «Нате вам! Дети не плакали», – отдает маме пятимесячную сестричку, подталкивает среднюю – и вот мы уже возле мамы все трое.

Там, где зеленое хозяйство, есть три ямы, я всегда иду к последней, мне кажется, что там мои бабушка, тетя, двоюродные сестры, братья. И я всегда именно туда иду с мамой, все годы, с тех пор как закончилась война.

Только мы отошли немножко, а куда идти, не знаем. Кругом лес. Мама у нас была очень отчаянная, и она опять возвращается к этому немцу и говорит ему: «Мы не знаем, как нам выйти из леса». И что вы думаете? Он дает нам в проводники немца, а тот нас вывел оттуда в направлении теперешнего Лесопарка, который народ сегодня называет «Вишенкой».

Тут к нам подошла красивая, интересная девушка, она жила тоже на Иерусалимке, и спросила, куда мы идем. Мама ответила: «В **Жмеринку**». Почему именно туда? Она помнила, что когда была Гражданская война, при петлюровцах, устраивались еврейские погромы в **Одессе**, **Виннице**, а в **Жмеринке** всегда было спокойно, никто никого не трогал.

Зашли мы в село **Шереметку**, напротив Лесопарка. Толкнулись к русским, которые направили нас к соседям-евреям. А те, только увидели нас, тут же прогнали: ведь каждый боялся за себя, потому что немцы записали, что их живет пять человек. Стоит появиться «лишним» – и они будут наказаны. Мама умоляла пустить только ночь пересидеть, они все равно не захотели.

Выходим мы, стоим, дрожим от холода на улице, а навстречу нам двое маленьких детей идут и плачут. Родителей их убили, просят дальше идти с нами. Но как же маме защитить пятерых детей, если с родными она не знала, куда идти? И тогда она посоветовала детишкам зайти к соседке-нееврейке. Та не только приняла малышей, она еще дала маме коврик, чтобы спасти от замерзания мою грудную сестричку.

Стало темнеть. Мы увидели на краю какого-то огорода маленькую туалетную постройку, зашли туда и старались сидеть тихонько. И вдруг ночью хозяину приспичило в туалет, он нас

увидел, выгнал оттуда и закричал: «Полицаи! Полицаи! Вот жида спрячутся!». Еле-еле мы удрали. Долго с мамой бежали, а он гнался за нами. Потом отстал и вернулся в свой туалет.

И вот мы рассмотрели в темноте, что в конце села стоит наполовину законченный домик. Подошли к незаселенной его части, толкнули дверь – и вдруг она открылась! Зашли. Темно, хоть глаз выколи. Кое-как сели на пол, ударившись об какой-то ящик. Малыши все время плачут, по всему селу стреляют пулеметы, слышны крики. Младшие сестрички поплакали (потому что голодные были) и уснули. Мы с мамой глаз боимся сомкнуть.

Внезапно слышим, как открывается рядом в этом доме дверь. Мы обомлели (я даже сейчас, рассказывая об том, снова обомлела). Мама причитает: «Все, Ривочка, мы не хотели с бабушкой лежать, что ж, теперь будем отдельно лежать, в другой яме». Словом, та, другая дверь открывается. Какой-то мужчина зажигает спичку среди полной темноты и стучится к нам. Мы сначала подумали, что это немец, потом сообразили: где это видно, чтобы оккупанты стучались! Заметили молодого мужчину и слышим, как пожилая женщина из соседней двери говорит ему на идише: «Ты знаешь, сынок, там зашла какая-то русская женщина с детьми. Иди, посмотри, почему это они так плачут?»

Сын ее зажег свечку, зашел к нам, а моя мама ему по-еврейски говорит: «Я не русская, я еврейская женщина, мы только что вышли из ямы и просим позволить только пересидеть пару часов, а когда чуть рассветет, мы уйдем». Мать этого мужчины говорит нам: «Что ж вы будете сидеть на земле, встаньте и заходите в комнату».

И мы встали и зашли. В комнате стоял стол и две скамейки. Добрая женщина рассказала нам, что это ее сын. Он попал в плен, удрал оттуда и вот пришел домой; теперь прячется, чтоб его не убили. Как жаль, что мы так и не узнали после войны, остался ли в живых этот парень, которому было 22–23 года

Просидели мы у них пару часов, но как только мама вздремнула, тут же ей приснилась ее мама, моя бабушка, которая кричит ей: «Удирай, удирай! Вот немцы бегут, они тебя убьют вместе с детьми! В меня уже попали три пули, а я никак не могу умереть». Мама быстро вскочила, начала кричать и плакать,

а старушка, приютившая нас, говорит ей: «Дитя мое! Встань и уходи отсюда – раз мама снилась, значит, это точно». И сыну своему (днем он прятался у русских и приходил к ней по ночам) шепчет: «И ты уходи!»

Она ему сварила картошку и дала нам покушать 2–3 штуки. Одну картошку старушка дала мне и очень просила, чтобы я ее съела. До сих пор, спустя 70 лет, я помню ее замечательный вкус.

Было все еще темно, наверное, 6 часов утра, но мы вышли на улицу, и пошли. Было холодно, у меня опухли ноги (я ведь была очень худенькая, и раньше болела часто, была очень слабенькая). Средняя сестричка не могла ходить, и мама тащила ее на плечах, а я несла самую младшую. Навстречу попались неплохие люди, дали нам глеки (дикие груши), кусочек хлеба. Мы с мамой все отдали средней сестре. Днем вышло солнышко, стало немного теплее, и так мы пришли потихоньку в [Гнивань](#)².

Мама вспомнила, что в [Гнивани](#) живет ее подруга. Мы спросили людей, где ее дом. Пришли к ней. А подруга... нас не впускает – не потому что не хочет, а потому что «переписана». Придут немцы, – объясняла она, – и если увидят лишнего человека, то убьют всю семью. Жила она на втором этаже, и мы в этом доме под лестницей просидели ночью в уголке и так, притулившись, ждали утра.

В [Жмеринку](#) наша семья – мал-мала-меньше – шла 4 дня. Самыми тяжелыми оказались третий и четвертый дни, когда мы, уставшие, опухшие и голодные, заблудились в страшном, восьмикилометровом Браиловском лесу. Падали листья, шумел сильный ветер. Мне казалось, что за нами бегут немцы, а тут еще сестричка непрерывно плакала от голода – так громко, что я ее чуть не задушила (мама потом долго напоминала мне этот грех).

Под вечер мы увидели какого-то мужчину, и нам показалось, что за плечом у него винтовка (на самом деле это был рюкзак). Мама снова стала причитать: «Вот теперь нас точно убьют; мы не хотели с бабушкой лежать, так теперь одни будем в лесу лежать, и некому будет нас закопать!» А это оказался военнопленный, сбежавший от немцев, тоже весь опухший и голодный. Он спрашивает нас, куда идти, а мы – его.

Наконец, впереди показалась [Жмеринка](#)¹. Мы – изорванные, испаранные, у матери кровь так и застыла на лице – нашли домик тети, но оказалось, что она там уже не живет. Новая хозяйка, хотя была глубокая ночь, вышла из дому и привела нас к тете.

Встреча наша началась с плача и криков. Тетя спрашивала, где бабушка (которая была и ее, и маминной мамой). Мы рассказали, что бабушка в этой страшной толпе, подгоняемой на расстрел, попросту потерялась, и наша мама не сумела ее найти.

Муж тети (наш дядя) был психбольной, всячески издевался над нами, а нам в конце сентября идти было некуда – голым, босым, без денег. Тетя дала какие-то старые платья, кальсоны, и мама начала резать, шить, приспособливать в качестве одежды на наши худенькие плечи. Чтобы прокормиться, мама за кусочек хлеба стирала, убирала у соседей. Так мы прожили почти месяц.

А потом по всему городу повесили объявления об организации гетто. Евреи должны были покинуть свои дома (туда теперь переселялись украинцы). А для нас выделялись две улицы – Урицкого и Базарная вместе с переулками. Гетто было обнесено по периметру колючей проволокой на столбах. Маму взяли на работу в столовую (в [Жмеринке](#) до сих пор сохранился этот домик).

Мы были первые, как бы «коренные» жмеринчане, попавшие в гетто. Многие потом приходили туда, и даже дети-сироты, так как был слух, что в [Жмеринке](#) не убивают. Мы спали на одной кровати – поперек четыре человека. А кто приходил к нам по одиночке, так спали на полу, без ничего, без одеяла, совсем ничего не было. Где взять, если он один удрал, что он мог с собой взять? То же самое, что и мы. Но так как у нас родная тетя была, она дала нам две подушки и кусок материала, мы солону туда положили сверху. Ну, как-то так мучились, так жили.

Жить нам было очень тяжело и очень плохо, потому что мы не имели что продавать, мы не имели что менять на еду. Местные остались при своем, они все меняли, продавали и как-то питались, а у нас и этого ничего не было. Тетя ведь тоже не из богатых была, но все-таки она нас спасла.

У меня до сих пор болят ноги, потому что тогда я все время босиком шла, простудилась сильно. Да и сестрички мои с той поры по сегодняшний день очень болеют.

В начале марта 1944 г. в гетто пришел немец и сказал: «Прячьтесь! Потому что немцы будут отступать, увидят эту колючую проволоку, поймут, что тут живут евреи, и всех вас расстреляют, как брайловских евреев».

Работала я, в основном, у румын, рядом с воинскими частями (внутри нас не пускали), убирала улицы, в погребках перебирала картошку. А один раз попала к немцам, и когда меня забрали, то мама думала, что меня уже убили.

Пришел немец и сказал, что купил в общине право на использование для работы пятидесяти человек. Брайловчан забрали, якобы, тоже для работы³, а потом расстреляли. Но мы – 50 человек – все-таки вернулись.

После того, как нам перед освобождением посоветовали бежать из гетто, тетя тайком привела нас к своей знакомой Марусе – одинокой пожилой женщине, живущей в финском домике, в однокомнатной квартире с маленьким коридорчиком, кухонькой и погребом. В погребке тетя Маруся нас и спрятала. Сама тоже почти все время сидела с нами, спасалась от бомбежек. Ведь **Жмеринка** – узловая станция. Однажды бомбы попали в состав с боеприпасами, взрывы были страшные.

Так прошло несколько дней, и вдруг стало тихо. Тетя Маруся и говорит: «Стань на подоконник и посмотри (окна были закрыты подушками) хоть одним глазом, что там делается!». Мама посмотрела и кричит: «Наши!»

...Мама оставила младших сестричек на меня и сразу поехала в **Винницу**: она боялась, что соседи, которые видели, как нас 19 сентября вели на расстрел, расскажут отцу, если он вернется с фронта, что нас убили. Мама ведь еще не знала, что папа погиб, ей сказал об этом его товарищ. Она зашла в Винницкую военную комендатуру, взяла справку о гибели отца.

Так как нашего дома уже не было, а мебель забрали соседи, мама вернулась в **Жмеринку**. Она работала в столовой. Нас, детей, подкармливали и одевали сослуживцы. Я мыла полы в столовой. Обедать туда приходили местные со своей посудой, а у нас ни ложки, ни тарелки не было. И здесь нам помогли добрые люди. Было очень тяжело, тревожно, преследовали воспоминания о расстрельных ямах, погребках, обострились болезни.

Моя средняя сестра Геня всю жизнь тяжело болела и умерла, хотя была младше меня на 8 лет. Младшая сестра живет в **Израиле**. В 1949 г. я вышла замуж. Муж винничанин – и мы вернулись в родной город. Постоянно хожу в зеленое хозяйство на могилы.

Самых расстрелов 19 сентября (а ведь была еще и вторая «ликвидация» в апреле 1942 года, когда убили евреев Замостья) – я не видела и не слышала. До ямы мы не дошли, потому что у наших убийц был строгий распорядок: перерыв на обед. Но что творилось в этом аду, я знаю, мне рассказывали. Могу показать место, где раздевали евреев, дорожку, по которой их вели на расстрел, недалеко от 26-й школы.

На территории Мемориала, справа, первая могила – детская: туда люди приносят игрушки, при виде которых слезы наворачиваются на глаза. Посредине – памятник, а за ним – три ямы с захоронениями. Одна, связанная с расстрелами картина, врезалась мне в память. Я находилась около вторых дверей из складов, там горой стояли винтовки (немцы обедали), дальше – огромные кучи земли, выброшенной из «заботливо» подготовленных ям.

Благодаря моей маме мы выжили. Мы вышли из одного ада и пришли в другой. Но мы выжили. Никто не знал, что можно было убежать в **Жмеринку**. Но мама знала. Если бы не она...

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания
Избранного народа. Винница. 2011. – стр. 135–139.

«ВОЗВРАЩАЮСЬ В ТЕ СТРАШНЫЕ ГОДЫ...»

МОНАСТЫРСКИЙ Наум

Нелегко ворошить прошлое, беречь незаживающие раны. Но в пережитом есть и светлые страницы – это люди, подпольщики, которые, находясь в неволе, за колючей проволокой гетто, несмотря на все тяготы и лишения, боролись с фашизмом, и я очень рад, что мой скромный вклад внесен в правое дело – Победу над врагом.

Родился я в [Жмеринке](#)¹, легендарном шолом-алеихемовском местечке. Родители мои, Петр Липович и Рахиль Иосифовна Монастырские, были честными тружениками. Отец – служащий в местном отделении Юго-Западной железной дороги, мать – счетный работник. Обыкновенная скромная еврейская семья, каких много было в местечке. Жили, растили детей. Кроме меня, была еще старшая сестра Сима, Симочка...

1941-й... В нашу жизнь ворвалась война. Родители и сестренка пытались эвакуироваться, но в районе [Первомайска](#) немцы разбомбили состав...

Слава Богу, мы остались в живых. Долгое время добирались домой, в [Жмеринку](#). Дом, где жила до войны наша семья, был занят чужими людьми, имущество разграблено. Эту участь разделили и другие жмеринчане, сделавшие попытку уехать на Восток. Моих родителей приютил старый друг отца, живший в районе рощи Белинского, вне гетто, на украинской территории. Сестренку приютила одноклассница, жившая с матерью в этом же районе.

В начале 1942 года, когда на украинской территории начались облавы (молодежь угоняли в [Германию](#)), Сима вместе с подружкой-украинкой переселилась в еврейское гетто, обра-

зованное румынскими оккупантами и местными украинскими властями в октябре 1941 г. Поселилась у наших родственников, [Шухмапов](#).

Когда облавы прекратились, Наташа, подруга Симы, вернулась домой.

Сестра оставалась в гетто, где ее, как и других трудоспособных, использовали на тяжелых работах. Вскоре туда же переехали родители. Так моя семья оказалась за колючей проволокой, разделив со жмеринчанами-евреями судьбу узников гетто: голод, болезни, побои, тяжелый подневольный труд.

Мне судьба уготовила другую участь. Путь мой к родному дому, в [Жмеринку](#), лежал через могильный ров на окраине [Браилова](#), что на немецкой территории.

...Летние каникулы 1941 года я проводил в [Виннице](#), в семье маминой сестры Мани. Целыми днями пропадал с мальчишками на реке, вечером – парк, спортивные состязания. Очень любили меня двоюродные сестренки Эмма и Ида, мои ровесницы. Дядя Володя, муж маминой сестры, кадровый офицер, когда был свободен, катал нас на лодке, рассказывал увлекательные истории... Что еще такому пацану, как я, нужно?.. Последнее счастливое лето моего отрочества.

Буквально за несколько дней до начала войны дядю перевели служить в другой город. На прощание он сказал: «Если что случится, и нужно будет уезжать из города, обращайтесь к военному коменданту». Больше я его не видел.

Я знал, что мои родители с сестрой собираются эвакуироваться в [Барнаул](#) (там жили наши родственники), туда же собиралась ехать тетя Маня с девочками. Решили: я еду с ними, нужен же в семье мужчина!

В городе началась паника – эвакуация! Катастрофически не хватало вагонов, многие паровозы, приехавшие с Казатинского и Жмеринского депо, были неисправны. Обещанный военкомом транспорт не пришел.

Случилось так, что мы остались в [Виннице](#)², не успели эвакуироваться. Первые месяцы оккупации [Винницы](#) уже показали, что такое «новый немецкий порядок».

19 сентября 1941 года фашисты и их пособники совершили очередное злодеяние, акцию уничтожения евреев города. Тетю

с сестричками забрали из дома, мне же чудом удалось бежать... Мои родственники разделили трагическую участь винницких евреев. Они были уничтожены фашистами в могильных ямах на Литинском шоссе.

Я выбрался из города поздним сентябрьским вечером. По дороге встретил мужчину лет 40, он назвался Степаном, говорил, что военнопленный, бежал из уманского лагеря, потом с Винницкой швейной фабрики, где в то время работали и евреи, и военнопленные.

Со Степаном мы договорились, как стемнеет, пробираться в **Жмеринку**. Передвигались пешком, шли, в основном, ночами, искали партизан. Но, увы, на окраине **Браилова** напоролись на засаду полицаев. Избиения, допросы, потом нас бросили в подвал, там было уже несколько арестованных.

Так пришло два дня. На третий нас вывели из подвала на улицу, велели встать в колонну людей, охраняемую эсэсовцами с собаками и вооруженными полицаями. В колонне было много браиловских евреев – стариков, женщин, детей и несколько человек в рваных гимнастерках, очевидно, беглецов-военнопленных. За колонной – две подводы, на них лежали какие-то предметы и люди, больные, которые не могли передвигаться пешком. По дороге полицаи избивали нас плетками. Колонна двигалась к кладбищу – нас вели на расстрел.

У могильной ямы разыгралась страшная трагедия. Начался крик, женщины рвали на себе волосы, на пороге смерти люди сходили с ума. Палачи запустили патефонные пластинки, но крик обреченных вырывался из этой какофонии и возносился к небесам. Слышал ли его Б-г? На краю ямы Степан обнял меня за плечи, прижал к себе. Раздалась пулеметная стрельба, кто-то навалился на меня, я потерял сознание и упал в яму.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я очнулся. Дикая боль в голове, удушающий запах хлорки... Уже придя в сознание, я увидел рядом лицо моего спутника, жаль, что, кроме его имени, я ничего о нем не знаю. Это он прикрыл меня собой. Он в подвале кричал полицаям: «Не бейте пацана!». Он был рядом и в колонне, и здесь, в могильной яме...

Освобождаясь от лежащих на мне трупов, я пробирался сквозь груду людских рук, ног, тел – навверх, к свету... Выбрался

из ямы на поверхность. Ночь, тусклый свет луны... От холода меня сильно знобило, удушливый запах вызывал кашель. Я пополз к кустарнику, единственной растительности поблизости этого ада. Подобрал какие-то детские трусики и блузочку. Поппытался все это натянуть на себя. Трусики лопнули, а блузку как-то удалось надеть.

Первое время в **Жмеринке** события этой ночи часто возвращались ко мне. Я вскакивал и кричал по ночам. Я гнал эти воспоминания прочь, старался не говорить об этом с родными и друзьями, потом с женой и детьми. Мне казалось, что, если я воспроизведу в памяти эти события еще раз, мое сердце не выдержит. И вот, спустя более чем полвека, я снова возвращаюсь в те страшные годы. Описываю шаг за шагом, событие за событием. Вспоминаю для того, чтобы эта трагедия больше не повторилась...

Что же было дальше?

Когда я полз к кустарнику, то никого не видел. Но вдруг из-за него вышел мужик средних лет. Уже потом он сказал мне, что услышав кашель, затаился в кустарнике.

«Ти, мабуть, в сорочці народився», – сказал он. Я молча дрожал от холода и страха. Он бросил мне какой-то бушлат и пояснил: «Це не тому, що тебе не розстріляли, а тому, що не спалили».

После этой акции они должны были сразу же залить яму соляркой или бензином и зажечь, а потом засыпать землей. Но то ли полицаи перепились, то ли горячее вовремя не доставили. Мужик посмотрел на часы:

– Зараз мають під'їхати, – многозначительно сказал он и спросил, что я думаю дальше делать.

Как у меня сработала мысль, до сих пор понять не могу. Я стал просить его не выдавать меня: будто в **Жмеринке** у меня есть родственники и за меня ему хорошо заплатят. Мужик оказался полицаем, а на место расстрела ночью пришел грабить, искал не забранные еще ценности, выдергивал у трупов челюсти с золотыми зубами. Жадность взяла верх, и полицай, подумав, сказал:

– Як я тебе вб'ю, ці трупи за тебе нічого не заплатять. Отож, пішли зі мною.

На следующий день меня, переодетого под сельского мальчонку, усадили на повозку с сеном, лошаденкой правила жена

полицая. Вот и мост через реку, разделяющий немецкую и румынскую территории. Посты, состоящие из немцев и украинской полиции. Жену полиция хорошо знали, она часто ездила в **Жмеринку** на базар. Я сошел за ее племянника. Женщина вытащила из бидона, который лежал на повозке, бутыл самогона. Поставив полицай махнул рукой, и немец поднял шлагбаум.

Мы проехали на румынскую территорию. По дороге женщина тараторила без умолку. Рассказала, что ее старший сын служит в жмеринской полиции и «ми все робимо для того, щоб знищити жидів та комуністів».

Перед въездом в **Жмеринку** опять был шлагбаум, а слева – корпуса районной больницы (когда-то это была земская больница). У поста женщина показала полицая какие-то бумажки, сын ее, видно, тоже был полицейским начальником. Нас пропустили без заминки, даже предложенную бутыл самогона не взяли. Поставив заметил, что сын ее лежит в больнице, его недавно прооперировали. Женщина запричитала, повернула телегу к больничному крыльцу. Там стояло много подвод, телег, сельчане приехали проведать своих родных, знакомых, лежащих в больнице. Привязывая лошадь, жена полиция сказала:

– Я з тобою нікуди ходити не буду, піду до сина, він когось викличе або, якщо зможе, піде сам з тобою до твоїх родичів. Якщо в них не буде грошей, хай дають золото або інші цінні речі. Сиди тут і чекай на мене, не думай тікати. Все одно знайдемо і вб'ємо.

А я ведь ничего не знал о судьбе моих родных, тем более тех, кто мог выкупить меня, не предполагалось. Всю дорогу я думал, как мне сбежать, и вот такой случай представился. Когда жена полиция вошла в больницу, я оставил на повозке телогрейку, в которую был одет, взял бутылку самогона и тоже направился к одному из больничных корпусов. Обойдя его и перепрыгнув через невысокую ограду, оказался на одной из жмеринских улиц.

Город я знал хорошо и очень скоро оказался уже далеко от больницы, закоулками ходил вокруг дома, где жила до войны наша семья. Но подойти к нему не решался. Страх поселился в моей душе. Уже темнело, я остановился возле одной из хат, залаяла собака. У вышедшей на крыльцо хозяйки, пожилой жен-

щины, я попросил воды. Видя, с какой жадностью я пью воду, она спросила:

– Ти, мабуть, і їсти хочеш, звідки ти йдеш?

– Я не голодний, а йду з лікарні.

– Ні, хлопче, ти мабуть, звідти, – сказала она, показав в сторону **Браилова**. – Ти єврейський хлопчик, втікач.

Я хотел было убежать, но хозяйка остановила меня.

– Ти в село не йди, там німці. Йди в місто, там румуни. Євреїв не вбивають, їх переселили в гето, що у центрі **Жмеринки**. Тобі треба добиратися туди.

Она вынесла мне два больших пирога с горохом и, перекрестив, сказала: – Йди з Богом.

Добрая женщина дала мне примерные ориентиры гетто, но я не знал, как пробраться на его территорию, есть ли там охрана, колючая проволока, проходит ли по ней ток.

Ночь просидел в развалинах какого-то дома, а наутро, чуть рассвело, пробрался к колючей проволоке. Убедившись, что по ней не проходит ток, вырыл под проволокой небольшую ямку и оказался в гетто на базарной площади.

Все было спокойно, люди уже собирались на работу. Первый, кого я встретил в гетто, был Абрам Зельманович Винер. Он знал моих родных еще с довоенного времени.

– Но где они сейчас, мне неизвестно. Поживешь у меня, пока не отыщутся твои, – сказал дядя Абрам.

Я прожил в его доме некоторое время. Немного оправившись от пережитого, стал ходить вместе со взрослыми на работу. Нас выводили под конвоем с территории гетто строем, вечером той же колонной мы возвращались. На дороге разгружали и рассыпали щебень, выполняли работы на вокзале, где была немецкая комендатура.

Жмеринка – крупнейший железнодорожный узел, и станция была под контролем немцев, несмотря на то, что сам город и часть района справа от Буга вошли в территорию Транснистрии. Кроме того, в городе стояли итальянские союзнические части.

Когда в гетто пришла сестра Сима, она еще некоторое время жила у Шухманов, а потом мы вместе с ней переселились к нашим родственникам Штейнрудам. Я продолжал поддерживать тесную связь с Абрамом Зельмановичем Винером, часто

заходил к нему домой, еще не зная, что уже в то время он был активным подпольщиком и состоял в организации «Советские патриоты».

Я же работал на станции **Жмеринка**, куда ежедневно брали меня из гетто. В здании железнодорожного вокзала располагались немецкие военные подразделения. В двух комнатах был узел связи, много морзянок, печатных машинок, телефункенов, и еще много всякой аппаратуры, которую я никогда не видел. Эту аппаратуру обслуживали три немца и одна средних лет женщина, приезжавшая откуда-то один раз в неделю. Появляясь, она запиралась с немцами в комнате, где стояли незнакомые мне аппараты. Чем они там занимались, о чем говорили, я не знал.

Моя работа заключалась в том, чтобы во время перерыва сделать тщательную уборку: вымыть щеткой пол, выдраить паркет, вытереть аппаратуру и столы и даже сжечь бумаги, которые мне давали. Еще входило в мои обязанности чистить немцам обувь, быть рассыльным.

Я ходил по территории вокзала, разносил какие-то пакеты, газеты, письма. С работой я справлялся неплохо. Каждые два дня мне давали буханку хлеба, кусок колбасы, а иногда и шоколад. Один из трех немцев хорошо говорил по-русски, звали его Отто. Он почти всегда ходил в гражданском костюме, на лацкане пиджака, с левой стороны, он носил значок альпиниста, а на этом же месте под лацканом – значок тайной полиции. Часто он интересовался моей персоной. Двое других, Карл и Шульц, были менее любопытными, но, когда я делал уборку и сжигал мусор, бумаги, которые надо было уничтожить, тщательно просматривались.

Я рассказал о своей работе Абраму Винеру. Казалось, он слушал меня с явным безразличием, но это было не так. Мой рассказ заинтересовал его. Спустя несколько дней состоялась моя первая встреча с Ароном Гефтером – руководителем подпольной группы гетто, которая входила в организацию «Советские патриоты».

Он был старше меня лет на десять, хорошо знал нашу семью. До войны учился в одной школе с моей старшей сестрой, не раз бывал у нас дома. Меня Арчик (так его все называли) пом-

нил совсем еще пацаном. В моей памяти он остался как смелый, решительный, но в то же время скромный человек, патриот, яростно ненавидевший врагов.

В первую встречу, которую, несомненно, устроил Абрам Винер, между нами состоится совершенно отвлеченный разговор. Незаметно для себя я подвергся тщательной проверке на доверие, честность и на то, что я способен сделать в борьбе с нацистами. В конце концов, Арчик как руководитель группы, Абрам Винер, Яша Лойзнер, Яша Дайничев дали добро на мое участие в подпольной группе гетто.

И вот первое поручение. Нужно было узнать, откуда приезжает женщина на узел связи, где я работал, куда уезжает, что составляет ее багаж, кто ее сопровождает. Задание было выполнено. Потом было еще много всяких поручений. Использованную копировальную бумагу, на которой оставался шрифт, иногда удавалось спрятать. Я приносил обыкновенную бумагу и сжигал ее, а копирку уносил с собой. Риск был большой, а поручение, на первый взгляд, пустяковое.

Пережитое в **Виннице и в Браилове**³ вызывало во мне ненависть ко всему немецкому, румынскому, итальянскому, чувство мести росло во мне, а вместе с ним взрослел и я...

Осенью 1942 года я был представлен Василию Васильевичу Киняеву – одному из организаторов и руководителей Жмеринской антифашистской организации «Советские патриоты».

Жмеринские подпольщики осуществляли диверсии на железной дороге, сыпали песок в буксы вагонов, уже проверенных немцами. Наши люди в паровозном депо изготавливали и устанавливали такие приспособления, что, пройдя несколько десятков километров, тормозные колодки заклинивались, и на большой скорости состав переворачивался. Я знаю о двух таких диверсиях. Портили все, что могли: путевое оборудование, станки и механизмы в депо и многое другое...

Все эти диверсии осуществлялись при помощи и активном участии деповских рабочих Акимова, Петренко и других. Имея возможность свободно ходить по вокзалу, я собирал сведения о движении поездов, эшелонов с живой силой и техникой. Узнавал направление их следования, характере груза, роде войск, количестве эшелонов. Все это фиксировалось у меня в памяти.

Потом зашифрованную записку я передавал связной, тут же на вокзале. На своей работе я делал небезуспешные попытки конфисковать у фашистов радиолампы, запчасти для передатчиков, приемников. Это все было очень важно для нашей подпольной организации.

По заданию подпольного комитета антифашистская группа гетто добывала оружие и боеприпасы, взрывчатку. Вспоминается операция, в которой я, тогда 14-летний подросток, принимал непосредственное участие. Однажды январским днем 1943 года Шульц, немец из узла связи, который я обслуживал, послал меня в вокзальный медпункт, чтобы помочь медсестрам в связи с прибытием санитарного поезда.

– Закончишь там работу и вернешься домой в гетто, – сказал он.

В вагонах санитарного поезда было много тяжелораненых немцев. Меня и еще двух медсестер заставили помыть туалеты, заносить в вагоны пакеты с медикаментами и выносить оттуда какие-то ящики. При этом мне удалось увести у храпящего, вдрызг пьяного охранника поезда пистолет и две обоймы патронов к нему, из каптерки проводника – расписание поездов и сведения с какого-то участка фронта. Все это я незаметно вынес под фуфайкой, у меня там была специально сделана двойная подкладка. Пистолет с обоймами я, конечно, передал Василию Васильевичу Киняеву – тогда я уже был с ним лично знаком.

По заданию подпольного комитета на территории гетто, в пустом полуподвальном помещении, была организована подпольная типография. Руководители Жмеринского подполья В. Киняев, К. Гришин, Р. Ручинский много сделали для ее успешной и результативной работы. Подпольщики из гетто Яков Лойзнер, Арон Гефтер и другие наши товарищи изготовили клише и штампы для газеты «Красный партизан», были среди нас и специалисты-полиграфисты – такие, как Григорий Гельман. Газета выходила каждые 2–3 дня со сводками Совинформбюро. Печатались листовки, воззвания, которые распространялись по городу и всему Жмеринскому району.

Одним из моих заданий было распространение газеты и листовок, которые я получал непосредственно от Константина Сергеевича Гришина, редактора «Красного партизана».

...В связи с приходом в Жмеринское гетто евреев из Польши, Румынии, Бессарабии и Северной Буковины и с целью еще большей конспирации подпольная типография была вынесена за пределы гетто на так называемую свободную территорию.

Геттовские подпольщики, в частности, Лойзнер, Гельман, Гефтер, Эппель были непревзойденными мастерами в изготовлении фальшивых документов, печатей, всевозможных бланков, удостоверений, пропусков, так необходимых для деятельности нашего подполья.

Всего не опишешь. Наверное, данные о моем скромном вкладе в общую борьбу с нацизмом, и вообще о деятельности «Советских патриотов» и группы гетто, в частности, зафиксированы в отчетах В. В. Киняева, переданных в Винницкий обком партии, и хранятся в соответствующих архивах. Скажу только, что уже после войны, благодаря ходатайствам Василия Васильевича, многие наши товарищи по подполью, и я в том числе, были награждены боевыми наградами Родины.

Параллельно с нашей группой в гетто действовала хорошо законспирированная группа сопротивления, которой руководили Лейфер и Губчик. Эта группа была непосредственно связана с партизанским отрядом им. Ленина. Она переправляла партизанам оружие, одежду, медикаменты. Были в ней и связные, выполнялись другие поручения командования отряда. Многие подпольщики из этой группы впоследствии ушли в лес, в действующий отряд. В основном, ее составляли бывшие военнопленные, попавшие в гетто.

Во второй половине 1943 года при содействии подпольных групп гетто еврейская община, которой руководили Иосиф Юкелис и Трахтенберг (не помню имени), закупила и отправила в действующий отряд большое количество перевязочного материала, зимней одежды, продуктов питания.

Общиной оказывалась материальная помощь и подполью, кроме того, подпольному комитету «Советских патриотов» неоднократно передавался полиграфический материал для подпольной типографии и многое другое.

Шефом гетто был буковинский еврей доктор Адольф Гершман. Несомненно, то, что в Жмеринском гетто спаслось много людей, бежавших от акций на немецкой территории, была его

заслуга. Но шеф гетто был своеобразным человеком, он ведь не был советским евреем и у него был совершенно другой менталитет. Его трость не раз «гуляла» по плечам узников (так он наказывал тех, кто, на его взгляд, нерадиво относился к работе или нарушал режим гетто, однажды и мне досталось от него)... Образ жизни он вел для нас непонятный: и жена у него была, и любовницы. И самое страшное, на мой взгляд, – он и Тефнер выдали немцам браиловских евреев, расстрелянных в апреле 1942 года, или не сделали всего, что можно было предпринять для их сокрытия и спасения.

Конец 1943 года – начало 1944-го. Приближался светлый день освобождения. Вместе с этим росла паника среди оккупантов, враг все больше свирепствовал и ожесточался. Еще летом 1943 года произошел провал нашей организации. Многие жмеринские подпольщики были арестованы и заключены в Тираспольскую тюрьму. Восемнадцать патриотов-жмеринчан были расстреляны румынскими оккупантами в декабре 1943 года.

Спустя некоторое время ими же был расстрелян подпольщик из Жмеринского гетто Яков Лойзнер. Арчик Гефтер был осужден румынским полевым судом на 20 лет каторжных работ, но при передаче тюрьмы отступающими румынскими частями немцам, его расстреляли. Вечная им память!

Фронт приближался. И опять в ход пошли листовки, воззвания к населению не сеять панику и помогать Советской Армии уничтожать живую силу и технику врага. Наши отважные девушки из гетто Роза Креймер, Женя Лехтман и другие печатали и помогали нам распространять эти листовки. Активно проводили эту работу Лева Клейман и Макс Фарбер.

В январе 1944 года советские войска дважды пытались взять город, боем освободить **Жмеринку**, но враг был еще силен...

19 марта в город вошли части нашей армии-освободительницы. В уличных боях участвовало много еврейской молодежи из гетто, многие ушли дальше на запад, влившись в ряды Советской Армии. Так и не вернулись домой с фронтов храбрые ребята Лева Лейбович, Авраам Басе, Шома Креймер, Байбак и другие.

После войны жизнь моя сложилась обычно. Окончил школу, отбыл срочную службу в армии, учился, стал зубным вра-

чом, создал семью. Мы с женой вырастили двух дочерей, троих внуков.

Судьба забросила нас в **Цюрупинск**, где мы и живем ныне. А дети, словно ласточки, разлетелись из родительского гнезда. Рая с семьей живет в **Сибири, в Братске**; Полина с семьей – в **Киеве**. Уходят годы: позади мое семидесятилетие. Я еще в меру сил тружусь, стараюсь быть нужным и полезным людям.

Ночами не спится – думаю, вспоминаю. Вот она, колючая проволока гетто, мои соратники, узники и борцы одновременно: Абрам Винер, Яша Лойзнер, Арчик Гефтер – дорогие мои земляки...

Есть у меня мечта, которую обязательно постараюсь осуществить. Хочу еще раз приехать на родину, поклониться дорогим могилам в **Виннице, Браилове**, где покоятся родные и близкие. Хочу побродить улочками **Жмеринки**, где было еврейское гетто, встретиться с Василием Киняевым: говорить, вспоминать... размышлять о былом...

Я НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ...

МОСТОВАЯ А. Г.

Лежит по могилам народ мой замученный.
Его убивали приемом заученным:
пулей в затылок, живот или голову,
младенцев о дерево – ведь просто и здорово.

А. М. Гройсман (Винница)

До войны мы жили в **Немирове Винницкой области** большой дружной семьей («мышпухой»). Самой старшей была бабушка, мамина мама, Хона Гуральник. У моих родителей, Герша Абрамовича Розенгафта (родился в 1903 г.), и Марии Шаевны Розенгафт-Гуральник (родилась в 1902 г.), нас было трое: я, Шеля (1929 года рождения), Яша (1934 года рождения) и Абраша (1938 года рождения). У мамы были две сестры – старшая Дора (родилась в 1900 г.) и младшая Соня (родилась в 1904 г.). Соня вышла замуж за Абрама Дашевского (родился в 1902 г.), и у них в 1940 г. появилась дочка Шелечка. Родителей дяди Абрама звали Фейга и Давид Дашевские.

С началом войны папу мобилизовали в Красную Армию. Эвакуироваться мы не успели: купили лошадей, подводы, но немцы нас опередили – 22 июля вошли в **Немиров**¹. Тогда же, в июле, папа со своей частью попал в окружение под **Уманью** и вернулся к нам.

Немцы заставили всех немировских евреев надеть белые повязки с вышитой синими нитками звездой Давида. Их сразу начали брать на разные работы: кого по специальности (портных, сапожников), кого – грузчиками, водовозами, дровосеками. Над ними издевались, били нагайками. Из тех, кто уходил на работу, многие не возвращались: их убивали там или по пути.

В сентябре 1941 г. евреям велели взять самые необходимые вещи и переселиться в гетто. Под гетто отвели две улицы, кото-

рые обнесли колючей проволокой. В каждую квартиру вселяли по 2–3 семьи дополнительно. Мы пятером жили в одной комнате, рядом ютились еще две семьи. Спали все на полу, только маленькому Абрашеньке поставили кровать. Жителям гетто объявили, чтобы вместо повязок они нашли на левую сторону груди и правое плечо желтые круглые латы величиной с дно стакана – наверное, как мишени.

В гетто согнали приблизительно 11.000 человек. Создали общину. Через нее немцы взымали денежную дань с узников, она же должна была обеспечить рабочую силу для нужд оккупантов. Кому-то досталось работать по специальности, кому-то – стирать белье, убирать квартиры, копать огороды. Около 1000 человек попали на строительство дороги **Немиров–Умань**. Там людей избивали, а то и расстреливали, и в гетто каждый день оплакивали тех, кто не вернулся оттуда.

Моих родителей часто брали на строительство дороги. Их там раз в день кормили похлебкой с кусочком хлеба. Мы питались остатками запасов, прихваченных из дому. Когда уходили из своих квартир, вещи мы отдали знакомым украинцам – Родионовым и Туникам. Они потом кое-что меняли в селах и передавали нам продукты.

Гетто охранялось полицией, приближаться к нему было строго запрещено. Но с риском для жизни в условленные места дети, Фекла Родионова и Валя Туник, приносили такие передачи.

Прошли слухи, что в **Виннице**² массово убивают евреев, что такие акции уже были в других местечках. И наши родители стали задумываться, как спасти семью, если и в наш город придет такое несчастье. У них было много приятелей и друзей среди украинцев. Крестьяне из окрестных сел соглашались спрятать взрослых. Но как быть с детьми?

Сосед Веры Илларионовны Туник стал бригадиром команды украинских полицаев. Он знал, что Туники дружат с нами, и обещал Вере Илларионовне, что когда для убийства евреев в **Немиров** приедет специальный отряд СС, то он ей скажет.

Вечером 23 ноября 1941 года Вера Илларионовна пришла в условленное место к ограде гетто и сказала, что эсэсовцы уже прибыли и на рассвете начнется акция. Она согласилась спрятать у себя всех детей: меня, Яшу, Абрашеньку, десятимесячную

Шелечку. С нами должны были остаться тетя Соня и тетя Дора. Мама, папа и дядя Абрам решили бежать в лес, а оттуда пробраться в село, где жили друзья.

Часов в девять вечера мы дождались момента, когда часовой отлучился, вышли из гетто и в темноте пришли домой к Туникам. Вера Илларионовна постелила нам одеяло на полу и уложила спать. Родители с дядей Абрамом ушли в сторону леса. Несчастных стариков – бабушку Хону, бабушку Фейгу, дедушку Давида – оставили в гетто.

На рассвете послышались неистовый лай собак, гул мотоциклов, крики и выстрелы. Это началось первое массовое уничтожение еврейского Немирова.

Всех вывели из гетто в Дом культуры под конвоем эсэсовцев, немецких жандармов и украинских полицаев. Там сортировали: крепких молодых людей строили в колонны и вели к старому глинищу, а стариков и матерей с детьми грузили на машины и везли туда же, к последнему их пристанищу. На глинище были уже вырыты ямы-траншеи глубиной 3 метра, длиной 15, шириной 6. Недалеко от них несчастных раздевали, забирали все ценное. Детей вели к отдельной могиле.

Вера Илларионовна побоялась нас держать в доме и в семь часов утра проводила на чердак сарая метрах в пятнадцати-двадцати, а сама с восьмилетним сыном Володей осталась дома. На чердаке мы нашли какие-то ящики, на них сели Шелечка, Абрашенька и Яшенька, а я и тетя Дора стояли рядом. Тринадцатилетняя Валя Туник бегала вокруг сарая, громко созывала кур, чтобы не было слышно, как плачут наши малыши.

Было около часу дня, когда мы с тетей Дорой с чердака увидели, что во двор к Туникам идут пьяные украинские полицаи с винтовками и нагайками. Вера Илларионовна вышла им навстречу. Они стали кричать, что соседи им сказали, что она прячет жидов, и с бранью направились в дом. Вера Илларионовна успела шепнуть Володе, чтобы он бежал в город и нашел соседа-полицая Григория Рошачковского, который знал, что мы у нее скрываемся.

Мы, ни живые ни мертвые, замерли на чердаке. Тетя и я втянули лестницу наверх. Полицаи, конечно, придут к сараю, и если не будет лестницы, то начнут стрелять, влезут на чердак...

Они пробыли в доме около получаса: перевернули все вверх дном, обшарили погреб. Снова вышли во двор, ругаются,

угрожают, кричат на хозяйку: «Где спрятала жидов?» Полицаи двинулись к сараю, но успели пройти только полпути – прибежал Володя, а за ним Григорий Рошачковский. Он кричит им: «Иван, Петро, куды вы идете, що тут робите?» – «Вона сховала жидив!» – «Я даю вам голову на отсечение, что тут жидив нема. Це моя сусидка, я йи знаю. Тут жидив нема». Они повернулись и ушли.

Мы просидели на чердаке до шести вечера. Ровно в 18 часов акция закончилась. Аккуратные и точные немцы в этот день больше не убивали, а даже отпускали людей в гетто.

С 6 до 18 часов было расстреляно, по неполным данным, около 9 000 человек. Многих закапывали живыми, ранеными.

В этот день погибли мои бабушки Хона Гуральник и Фейга Дашевская. Дедушка Давид зарылся на чердаке в сено и остался жив. Кто смог, ушел в лес, спрятался у знакомых украинцев. Некоторые пересидели в так называемых «секретах» – специальных подвалах, кладовках, комнатухах, замаскированных или заставленных мебелью. Уцелело около 3 000 евреев.

Когда все стихло, Вера Илларионовна сказала, что мы можем идти в гетто. В семь вечера она накормила нас и вывела из дому. Мы понимали, как она переживала за себя и детей (муж был на фронте). Тетя Соня пошла с нами к знакомой, которую звали Устиной, оставила всех малышкой на меня, а сама с тетей Дорой отправилась в село искать своего мужа Абрама и моих родителей. Устина через полчаса выгнала всех нас на улицу.

Я взяла Шелечку на руки, Абрашеньку за руку, Яшеньку пошел рядом – и мы отправились в гетто. Наша квартира стояла пустой: двери и окна разбиты, холод невозможный.

Когда мы стояли около дома, подошел полицай и сказал: «Постучи в это окно, там есть люди, они спаслись в секрете. Я отойду в сторону – может быть, тебя с детьми пустят». Так и было.

Нас впустили, напоили горячим чаем, а для Шелечки завернули в тряпку кусочек хлеба и дали пососать. На полу постелили одеяло, и мы смогли переночевать. Этот дом был рядом с домом тети.

Утром я собрала детей, и мы вернулись в нашу квартиру. Вскоре появились все наши: папа, мама, дядя Абрам, тетя Соня, тетя Дора. Мы вошли в дом, где жили раньше. Хозяев уже не было – их убили, как наших бабушек Хону и Фейгу.

Оставшихся евреев согнали в новое гетто, которое занимало уже не две улицы, а только одну. Обнесли гетто колючей проволокой, поставили будки для часовых. Дежурили жандармы и полиция. Снова ежедневные выходы на работу трудоспособных. Снова в каждой комнате по 5–6 человек, холод, голод. Но помогали друзья-украинцы.

Приезжали, приходили евреи из Винницы, других местечек и рассказывали, что акции стали повторять. Мы тогда не знали о политике «окончательного решения еврейского вопроса», но понимали, что над нами висит смертельная угроза.

Мой папа и тетя Соня думали, как спасти детей. Тетя Соня отдала Шелечку Ассону и Авдотье Родионовым. Но те жили в Немирове, и все соседи знали, что у Родионовых маленького ребенка не было. Малышку прятали в отдельной комнате около полугода.

За это время тетя Соня договорилась с Верой Илларионовной Туник, и та согласилась забрать своих детей и Шелечку, взяв кое-какие вещи и уехать к матери в Калиновку (70 км от Немирова). Они наняли машину и уехали. Связи с ними не было.

Мы все оставались в гетто. Папа понимал, что, если будет вторая акция, взрослые, может быть, убегут. Но как быть с тремя детьми?

Настала зима. В январе 1942 года папу с группой мужчин забрали в село Каролину грузить пшеницу на железнодорожной станции. Жили они в каком-то сарае. Папа нашел в ближайшем селе приятеля, договорился, что тот спрячет меня у себя, и как-то в воскресенье отвел меня в это село (14 км от Немирова).

Всю зиму я пряталась на печке, где сушили кукурузу, горох и еще что-то. Целыми днями сидела там, туда мне передавали еду, только поздно вечером выпускали на несколько минут во двор. Так прошли январь, февраль, март. В апреле меня перевели на чердак сарая. Я там сидела или лежала в соломе. Два раза в день меня кормили, а вечером выводили по надобности во двор.

Иногда меня проводывал папа, он приходил после работы на несколько часов. Однажды, летом уже, я ему пожаловалась, что у меня в волосах (я носила толстую длинную косу) и в одежде завелось столько вшей, что невозможно выдержать. Папа решил отвести меня на воскресенье в гетто, чтобы тетя Соня и тетя

Дора меня помыли, переодели и уничтожили вшей. Но паразитов было столько, что за один воскресный день с ними нельзя было справиться. Обе тети и дядя Абрам решили оставить меня в гетто на неделю. Папа ушел в Каролину на работу. Тети взялись за меня решительно: голову мыли водой с керосином, потом вычесывали густой расческой, перевязанной нитками, чтобы застряли не только вши, но и гниды. Они занимались мной после работы. Так продолжалось три дня, с воскресенья по среду.

В ночь со среды на четверг, ближе к утру, мы услышали страшный лай собак и грохот мотоциклов. Кто-то выбил у нас окно с криком: «Убивают!» Это началась вторая акция расстрела Немировского гетто 26 июня 1942 года.

В чем стояли, выбежали из дома. Помню, что я была в туфлях и наброшенном на рубашку зимнем пальто. По улице бежали люди, а позади них слышались крики на немецком и украинском языках.

Кто-то сказал, что нужно идти к Рахили-белошвейке – там есть «секрет». Мы гурьбой бросились туда. Пустили человек десять. «Секретом» служил подвал, ход в который был из кухни, – его прикрывал огромный резной буфет.

В этом подвале собралось около 50 человек. Среди нас оказалась молодая пара с шестимесячным ребенком. Ребенок плакал. Мать давала ему грудь, но он все равно не успокаивался. Тогда люди приговорили его к смерти. Исполнил приговор его отец: накрыл малыша подушкой, и он умолк.

Но и остальные стали задыхаться: отдушины сверху забились, а столько людей просидело там уже полдня. С улицы слышались крики немцев, лай собак, выстрелы, топот, вопли невероятные, но мы больше не могли выдержать духоты и решили выйти. Наверху мы попали сразу в руки палачей. Нас встретили ударами прикладов и нагаек и погнали к синагоге.

В синагоге уже было собрано много евреев. Кто стоял вдоль стен, кто лежал на полу. Матери с детьми плакали, кричали, рвали на себе волосы, царапали лица. Все понимали, что настали последние часы и минуты жизни.

Приблизительно в два часа дня жандармы и солдаты СС выстроились четырехугольником и стали отбирать среди измученных людей тех, кто помоложе и поздоровей, и выводить их

на середину. Мои тети Соня, тетя Дора и дядя Абрам тоже оказались там, а я осталась среди детей и стариков. Обе тети звали меня к себе: мол, ты без мамы, без папы, иди к нам, будем хоть в одной яме лежать (все думали, что их отбирают копать ямы для остальных, а потом тоже убьют). Немцы стояли плотной шеренгой, один к одному. Я набралась храбрости и начала протискиваться к своим. Немцы переглянулись и пропустили меня. Мои тети взяли меня под руки и приподняли, чтобы я казалась выше. Нас вывели на улицу, снова сортировали, но меня не тронули. В этой группе было человек 200.

Осталось около 2.800 евреев. Их грузили на машины и отвозили на место первого расстрела. Что творилось во дворе синагоги, передать невозможно. Стариков, которые не могли влезть в кузов, полицаи избивали и забрасывали наверх, как бревна. Среди них был и наш дедушка Давид Дашевский. На моих глазах мать с маленьким ребенком замешкалась у машины, эсэсовец вырвал малыша из ее рук, схватил за ножки и разбил о кузов. Стоял сплошной крик, стон, плач детей и взрослых. А нас в это время строили в колонну и под конвоем полицаев уводили в лагерь. Мы долго слышали стрельбу и крики...

Лагерь находился в переулке Некрасова, в доме, где ныне типография. Он был огорожен колючей проволокой и круглосуточно охранялся. Нас разместили в двух больших комнатах – женщин в одной, мужчин в другой – на голом полу. Всех, у кого были драгоценности, заставили их снять и сдать.

Утром стали отбирать, кого на какие работы послать. Портных, сапожников, заготовщиков увели в жандармерию, где были мастерские. В эту группу из восьми человек попал и мой дядя, Абрам Дашевский. Специалисты уходили на работу и возвращались под конвоем полицаев. Жандармы раз в день кормили их похлебкой из чечевицы.

Часть молодых опрятных женщин взяли прачками, уборщицами, а ребят-подростков – рубить дрова, убирать дворы. Всех остальных увели на строительство дороги от [Немирова до Умани](#). Моя тетя Соня попала прачкой в строительную фирму «Штрало», а тетя Дора – кухаркой в такую же фирму «Фикс», готовила там еду для тех, кто строил дорогу. На самом строительстве из всей нашей семьи работала только я.

Многие евреи некоторое время скрывались в лесах, прятались в домах украинцев. Но не все украинцы решались рисковать своими семьями и просили евреев уйти. Кто не нашел, где укрыться, кому некуда было деваться, шли в лагерь. Немцы месяца два их принимали – конечно, здоровых и трудоспособных, а стариков и детей расстреливали.

Одна мамина подруга, Туба Мельман, пришла в лагерь через три недели после массового расстрела с двумя девочками – десятилетней Кларочкой и восьмилетней Сонечкой. Детей сразу забрали, увезли и убили, а Туба жила с нами в лагере.

К сентябрю в лагере стало тесно, и нас перевели в другое помещение – в бывшее общежитие педагогического училища. Двухэтажное здание было обнесено колючей проволокой трехметровой высоты. С двух сторон стояли сторожевые будки для дежурных полицаев. Внутри на пол бросили солому, мы на ней сидели и лежали бок о бок. Ни стула, ни стола – ничего. Лагерь находился в ведении фирмы «Фикс», которая строила дорогу [Немиров–Умань](#).

Я в свои тринадцать лет была рослой девочкой и работала, не разгибаясь, киркой и браткой, лопатой и ломом. Все эти инструменты складывали в большие закрытые ящики вдоль дороги. Ящики открывали, когда нас пригоняли к месту работы. Мы стремглав летели к ним, чтобы выбрать лопату или кирку поострее, полегче, а полицаи подгоняли нас нагайками, дубинками, прикладами. Если участок дороги был в 1–3 км, мы шли пешком, если дальше – нас возили машинами. Работали без отдыха. Утром нам выдавали 100 г хлеба, днем привозили суп из чечевицы, иногда с кусочками конины. На обед отводилось полчаса.

Если кто-нибудь заболел, он оставался в лагере не более чем на три дня. Каждый день была переключка, на которой отлучали, кто болен и сколько дней. Тех, кто не выздоровел за три дня, уводили, и больше никто их не видел. То же самое ожидало людей в рваной обуви или одежде: их на работу не пускали, а уводили и убивали. Убивали и по неизвестным причинам, и без всяких причин.

В сентябре моего дядю Абрама Дашевского и еще четырех специалистов забрали с места работы, из мастерских при жан-

дармерии, и расстреляли. Причины никому не сказали, и тетя Соня никого не спрашивала, почему не вернулся муж. Потом в лагере говорили, что убитые были связаны с немировским подпольем, но тетя Соня об этом ничего не знала.

Однажды в воскресенье (по воскресеньям мы не работали) наш лагерь оцепили жандармы и полицаи. Всех выгнали на построение. Когда мы собрались, открыли ворота и жандармы во главе с Енигом и Крошке и переводчиком, украинцем Вилли, повели по рядам избитого и ободранного мужчину. Он шел и показывал на наших людей, а немцы выталкивали их на середину. Тогда забрали отца и сына Могилевских, работников типографии, молодых брата и сестру Фидлер – не знаю их имен. Это арестованный подпольщик, не выдержав допросов, выдал евреев, связанных с подпольем. Их увели. Так что связь узников лагеря с немировским подпольем действительно была, но рассказать об этом было некому: одних расстреляли, других повесили, а часть ушла в партизанский отряд.

Когда похолодало, на строительстве дороги всех, у кого были плохая одежда и обувь, уводили в придорожный лес и расстреливали. Поэтому дорогу от [Немирова до Умани](#) называют «дорогой смерти»: она вся полита еврейской кровью и устлана телами расстрелянных невинных людей.

Вместе с нами работали и евреи, вывезенные из [Буковины](#), [Бессарабии](#), [Румынии](#). Их держали в лагерях по окрестным селам – в [Зарудинцах](#), [Бугакове](#), [Чукове](#), [Озере](#) и других. Они погибали один за другим, потому что для местных жителей были совсем чужими.

Я помню, как однажды мы шли с работы и мимо нас промчались четыре грузовика с людьми – стариками, молодыми, детьми. В битком набитых кузовах многие рыдали, рвали на себе волосы. В мою память врезалась одна красивая молодая женщина с распущенными волосами, державшая у груди маленького ребенка. Эта женщина тоже что-то кричала и рыдала. Вот прошло уже больше 60 лет, а эта картина стоит у меня перед глазами, и я часто вижу ее во сне.

Так везли румынских евреев на расправу в немецкую зону оккупации. Машины свернули в сторону кровавого глинища. Потом мы слышали оттуда выстрелы. Их расстреляли всех.

Как-то в ноябре пришли в лагерь наши люди, которые работали возле [Чукова](#), и рассказали, что какой-то русский разыскивал «Гришеву дочку», то есть меня. Он просил мне передать, чтобы я постаралась попасть в группу, которую поведут в [Чуков](#). Неделю я старалась это сделать, и неделю этот человек приходил в надежде со мной увидеться.

Только через семь дней я оказалась в [Чукове](#). К концу рабочего дня появился этот человек – потом я узнала, что его зовут Ефрем Козлов. Это был старик лет семидесяти из старообрядцев. Он отозвал меня в сторону и рассказал, что в октябре перевез через Южный Буг в [Транснистрию](#) моих родителей с братьями Абрашенькой и Яшенькой и тогда же перед образом поклялся моей маме найти меня, если я жива, и привести к ним. Он просил, чтобы я после работы не возвращалась в лагерь, спряталась в лесу, а он меня вечером заберет и ночью переправит.

Я так давно ничего не знала о судьбе своих родителей и братьев и очень обрадовалась, что они живы. Не знала я и о том, что есть румынская зона, где евреев не убивают.

Но в тот же день уйти я отказалась: ведь в гетто оставались тетя Соня и тетя Дора, и если меня не будет – их расстреляют. Попросила его связаться с другом нашей семьи Ассоном Родионовым. Ефрем Козлов обещал. Тетя Соня иногда после работы заходила к Родионовым за продуктами, одеждой для меня, и тетя Дора ее ждала там же. Когда она пришла, Ассон рассказал ей о Ефреме Козлове и об его плане. Они стали обдумывать, как устроить наш побег из лагеря. Это было очень трудно – увезти сразу троих.

В это время немцам нужно было куда-то поместить военнопленных. Нас уже стало намного меньше: многих расстреляли, многие умерли от болезней и голода.

Наш лагерь расформировали: часть перевели в ту самую синагогу, куда собирали евреев перед второй акцией массового убийства, часть – в лагерь, где мы были сначала, а часть – в мастерскую, где до войны делали веревки. Мы попали в третью группу. В бывшей мастерской был один большой зал, куда поместили человек сорок. Дом стоял в центре города, но выход был с тыльной стороны, а охрану еще не наладили.

Мы согласовали с Ефремом Козловым день побега. В десятых числах января 1943 года, в воскресенье, мы переоделись в крестьянскую одежду, которую нам доставили Родионовы, и по одной ушли из лагеря к ним. Там ждал Козлов. Родионовы нас, конечно, накормили, дали хлеба, блинов и снабдили корзинами, которые надо было нести через плечо на рушниках. К концу дня, когда крестьяне расходились с базара с такими же корзинами, мы двинулись в путь.

Впереди шел Козлов, а мы поодиночке за ним. Он повел нас в свое село [Перепеличье](#) (18 км от [Немирова](#)). Мы пришли туда примерно к полуночи. Нам дали согреться и немного отдохнуть с дороги в отдельной комнатушке, накормили. Около четырех часов утра Ефрем поднял нас и повел к Южному Бугу. Мы по льду перешли на противоположный берег. Здесь наш спаситель показал нам, в какую сторону нужно идти, и распрощался с нами.

Мы уже знали, что мама, папа и мальчики в [Могилеве-Подольском](#). Идти туда далеко, и там у нас не было никого. Тетя Соня предложила пойти через местечко [Джурин](#), где жила ее подруга Фаня Флат-Шнайдер. Мы направились в [Джурин](#). Шли двое суток – в той же крестьянской одежде и с теми же корзинами. Иногда нас подвозили на санях, пускали ночевать в хату.

Мужа Фани, Иосифа Шнайдера, в [Джурине](#)³ все знали: он до войны был начальником железнодорожной станции. Нам сказали, что Шнайдеры в гетто. Джуринское гетто было за рекой и отделялось от остального местечка мостом.

Дом Шнайдеров мы нашли под вечер. Иосиф и Фаня узнали тетю Соню, тетю Дору и меня (у них была дочь Маня моих лет). Они приняли нас радушно и собрались обогреть и накормить с дороги. Но тут в дом постучали, и вошли четыре румынских жандарма с переводчиком. Кто-то донес, что к Шнайдерам пришли евреи из немецкой зоны оккупации, а таких румыны должны были возвращать немцам, и немцы их тут же расстреливали. Жандармы нас забрали, избили и бросили в подвал.

Утром пришли представители местной еврейской общины и попросили нас освободить за выкуп. Главную роль в этом сыграли, конечно, Иосиф и Фаня Шнайдеры. К середине дня нас

отпустили, и мы пошли в гетто. У Шнайдеров в одной комнате жила семья румынских евреев из шести человек, другую, маленькую проходную, они уступили нам, а сами остались в третьей. В полуподвале жили старики, родители Иосифа, и он сам со старшим сыном спал там, а Фаня с тремя детьми – у себя в комнате.

В этом гетто тоже было несладко. Особенно бедствовали румынские евреи: не зная украинского языка, они не могли договориться с крестьянами об обмене вещей на продукты, а у многих не осталось ни вещей, ни денег, и они умирали от голода и болезней. Каждый день хоронили десятки умерших. Но здесь хоть не убивали.

Жили впроголодь. Мы захватили с собой некоторые ценные вещи, продавали их и покупали продукты. Питались хлебом из ячменной муки, картошкой с рапсовым маслом (двести граммов на неделю). Я ходила в поле, собирала свеклу, тетя ее варила. Отвар заменял нам чай, а саму свеклу ели вприкуску.

Через несколько месяцев мы связались с моими родителями. Папа и мама написали нам из [Могилева-Подольского](#), что при первой же возможности с нами соединятся. В этом нам снова помог Иосиф Шнайдер. Он знал, что у румын есть постоянная связь с [Могилевом-Подольским](#): туда ходит машина, которая возит почту, посылки. Шнайдер свел водителя с моим отцом, и в апреле 1943 года папа, мама и оба братика приехали в [Джурин](#).

Расскажу, как они спаслись. Когда папа привел меня в село близ станции [Каролина](#), маму и младших детей он отвел в другое село – [Рубань](#) (12 км от [Немирова](#), 18 км от [Каролины](#)). Там жил врач Михаил Осовский, который согласился их спрятать. Папа работал на станции грузчиком, мог свободно выходить, и однажды в воскресенье (это было в апреле 1942 года) он повел маму с мальчиками к Осовскому. Шли вечером, Абрашеньку несли на руках. На рассвете папа ринулся в [Каролину](#). Впоследствии он иногда навещал маму и сыновей.

Несчастных беглецов поместили на чердаке сарая. Там постелили солому, рядом, приготовили кое-какие теплые вещи. Два раза в день им приносили еду и воду, а поздно вечером вывозили во двор по надобности и разрешали немного погулять.

В этом укрытии они пробыли три месяца – с апреля по июнь. Не знаю, как маме удавалось уговорить малышей молчать, не плакать, чтобы никто не услышал и не догадался, что на чердаке кто-то есть, и не выдал их.

Когда 26 июня немцы в [Немирове](#) начали второе массовое убийство евреев, все, кто работал на станции [Каролина](#), разбежались к своим приятелям-украинцам.

Папа отправился в [Рубань](#). Шел ночью. Осовский спрятал и его на том же чердаке сарая. Там они с мамой и мальчиками сидели и думали обо мне, о маминых сестрах. Никто не надеялся, что мы останемся живы, считали, что всех расстреляли, и оплакивали нас.

Так скрывались они июль и август. Настала осень, похолодало. Да и сколько можно просидеть на чердаке с маленькими детьми? Хозяева опасались за свою семью: ведь каждый день беглецов могли обнаружить, тогда погибли бы и Розенгафты, и Осовские. Они и так прятали моих родных без малого полгода. Рисковали собой и своими детьми ради спасения еврейской семьи. Но в сентябре пришло время расстаться.

Папа родился и вырос в селе [Даньковка](#) под самым местечком [Печора](#). В [Печоре](#)⁴ немцы устроили концлагерь, известный под названием «Мертвая петля». Но все-таки папа решил идти в [Даньковку](#), где у него было много друзей-украинцев.

От [Рубани до Даньковки](#) около 30 км. Взяли с собой небольшой запас еды и воды и пустились в путь. Шли только ночью, а днем пересаживали в лесу. Иногда, разведав, что в селе нет немцев, отдыхали в каком-нибудь сарае. Крестьяне давали им поесть и попить, и они шли дальше. Мама рассказывала, что воду держали только для маленького Абрашеньки, а восьмилетний Яша пил из луж в лесу.

Через неделю добрались до [Даньковки](#). Оставив маму с детьми в лесу, папа пошел в село. Одна семья согласилась дать всем приют в сарае. Эти люди тоже рисковали, знали, что подвергают себя опасности, но отказать Грише (так называли папу его друзья) не могли. В этой семье мои родные пробыли три недели. Соседи заподозрили, что в сарае кто-то есть, – может быть, слышали плач или кашель ребенка. Хозяин, хоть и был папиным другом, попросил его уйти.

Папа не стал искать другого пристанища, понимая, как велика опасность для спасителей. Родители решили сдаться в [Печорский лагерь](#).

Какой ужас творился там, в этом аду, описывают те, кто через него прошел и выжил. Я там не была, но мне много рассказали о нем родители. Узники этого лагеря работали в каменоломне, ежедневно умирали десятками от непосильного труда, голода и болезней. Там свирепствовали брюшной и сыпной тиф, паратиф. Трупы умерших, как бревна, кидали на подводы, вывозили и закапывали. Ныне на этой братской могиле стоитobelisk.

В [Печоре](#) мама, папа и мои младшие братья пробыли около месяца. Друзья папины очень поддерживали их: носили еду, питье, справлялись о здоровье и рассказывали новости.

Друзья папы рассказали, что на противоположном берегу Южного Буга, в румынской зоне оккупации, в таких городах и местечках, как [Бершадь](#), [Джурин](#), [Шаргород](#), [Могилев-Подольский](#), евреев не убивают. (Это относилось только к местным. Евреев из [Румынии](#) привозили на немецкую территорию и расстреливали тысячами. В одном только [Райгороде](#)⁵ убито около 2.000 румынских евреев. В нашем немировском Бабьем Яру их тоже расстреляно немало.)

Один из папиных друзей (знаю только его имя – Василий) договорился с жителем села [Перепеличье](#) Ефремом Козловым, и тот согласился переправить моих родных на другой берег, в [Транснистрию](#). Вечером Василий увел их из лагеря к Козлову. Там они отогрелись, подкрепились кое-какой едой, и в пять часов утра на лодке Ефрем Козлов перевез беглецов через Южный Буг. Это было в октябре 1942 года.

Они решили идти в [Могилев-Подольский](#). От [Перепеличьего до Могилева](#) 80 км. Ночи стояли уже холодные, трудно выдержать, поэтому шли днем. Старались выбирать лесные тропы, а когда выходили на людное место, папа сажал четырехлетнего Абрашеньку в мешок с дырками для воздуха и нес его на плечах. Так все четверо передвигались около недели, только иногда их брали крестьяне на подводы. Несколько ночей удалось переночевать в попутных селах.

В [Могилеве-Подольском](#)⁶ они попали в гетто, где евреи теснились по несколько семей в одной квартире. Там приютили и моих родителей с детьми.

Было трудно в чужом городе. Вокруг свирепствовали болезни и голод. Обитатели гетто умирали от голода, инфекций и антисанитарии.

Мой папа вырос в селе, привык к сельскому труду. Он стал помогать местным крестьянам. Мама тоже с детства знала, как доить корову, выращивать овощи. Они не брезговали никакой работой, ни городской, ни деревенской, и сумели выжить и сохранить детей.

Вскоре, в ноябре 1942 года, родители узнали о том, что мамы сестры и я живы. Это случилось так.

В [Немирове](#) с нами в лагере был Михаил Купершмидт. Он работал шофером у немецкого офицера Арна (не знаю, фамилия это или имя). Арн в ноябре 1941 года спас от расстрела молодую девушку Дору Зальцман, которая в гетто жила с нами в одной квартире. Потом офицер часто приезжал проводить эту девушку, а Миша заходил к нам поговорить с папой и мамой. Семья Купершмидта жила в [Брацлаве](#). Благодаря Арну он еще до второго массового расстрела в июне 1942 года в немецкой машине вывез в [Могилев-Подольский](#) своих родных, а в [Джурин](#) – Дору Зальцман и семью румынских евреев Менгеров, которые работали у Арна (муж был переводчиком, жена убирала квартиру). Арн и Миша изредка проводывали и Дору с Менгерями в Джурине, и Кунершмидтов в [Могилеве-Подольском](#).

Однажды, едучи в [Могилев-Подольский](#), Купершмидт и Арн увидели мою маму по пути на базар. Они поехали за ней следом и загнали ее в тупик. Мама испугалась, остановилась. Миша вышел из машины и на еврейском языке стал успокаивать ее: «Маня, не волнуйтесь, мы вам ничего плохого не сделаем. Я хочу вам рассказать, что ваши сестры Дора и Соня и ваша дочь Шеля живы, они в немировском концлагере. Ходят на работу, им очень тяжело живется, и никто не знает, кто и когда будет расстрелян». Миша посадил маму в машину, и они поехали к папе. Там они все вместе обсуждали, как нас спасти. Тогда папа написал нам, что они с мамой и мальчиками живы, живут в [Могилеве-Подольском](#) в гетто, но там не убивают. Он предупредил, что нас разыщет Ефрем Козлов из [Перепеличьего](#), – ему можно довериться, он нас переведет на румынскую сторону.

Папино письмо привез нам Миша Купершмидт. О том, как мы спаслись, оказались в [Джурине](#) и встретились с остальной семьей, я уже рассказывала.

Очень немногим евреям удалось сохранить всю семью. У всех кто-то погиб: муж или дети, родители или братья и сестры. Тетя Соня потеряла мужа Абрама Дашевского, Дора Зальцман – отца, мать и двух братьев, Сима Верейзер – мужа и двоих детей, Туба Мельман – обеих дочерей...

Этот список бесконечный. Я бы могла исписать фамилиями страницу за страницей. Нас, потерявших бабушек Хону и Фейгу и дедушку Давида, считали все же счастливыми.

Иосиф Шнайдер договорился с одним украинцем, который жил за чертой гетто, и тот сдал папе хилую времянку – одна комната с печью, лежанкой, несколькими лавками и глиняным полом. Туда перешла вся наша семья – всемером. Папа и мама помогали хозяину по дому. У него в подполе нового дома были установлены жернова, которые мололи крупу и муку. Он отдал нам в пользование эти жернова. Тетя Соня, тетя Дора, мама и я – по очереди целый день мололи людям зерно, получали за работу часть крупы или муки (это называлось «*вымир*») и так поддерживали свое существование.

Появились упорные слухи о том, что наши войска перешли в наступление. Мы ждали освобождения.

Зима 1943–1944 годов была очень тяжелой – голодной и холодной. Никакого топлива. Дрова таскали из леса вместе с крестьянами – они к нам относились доброжелательно. В гетто по-прежнему жилось голодно, многие умирали, особенно среди румынских евреев.

Нашей семье повезло: взрослые не боялись никакой работы, работали очень много, приучали и нас не лениться, и все старались что-нибудь добавить в общий котел. Каждая свеклушка, каждая картофелина были праздником, а горсточка муки или крупы, которые доставались нам после целого дня тяжелого труда, – радостным событием для всей семьи.

Так мы дожили до 15 марта 1944 года, когда [Джурин](#) освободила Красная Армия.

Вокруг еще шла перестрелка, а тетя Соня в сопровождении моего отца отправилась в [Калиновку](#), к Вере Илларионовне

Туник, которой отдала свою годовалую Шелечку. Они проделали этот путь в основном пешком, иногда их подвозили военные машины. Через неделю они вернулись с радостной вестью, что Шелечка жива-здорова, ходит и разговаривает, любит свою маму Веру, брата Володю и сестру Валю. Родную маму она, конечно, не признала. Тетя Соня и папа не стали задерживаться в [Калиновке](#), вернулись в [Джурин](#) на перекладных, и мы собрались домой.

Хозяин, у которого мы жили, одолжил нам своих лошадей и подводу и сам вызвался отвезти нас в [Немиров](#). Погрузили на подводу нехитрый наш скарб, усадили Яшеньку и Абрашеньку, мне тоже иногда разрешали посидеть. Взрослые шли сзади: папа, мама, тетя Соня и тетя Дора, Дора Зальцман, Сима Верейзер. По пути уставшие садились на подводу. К вечеру мы добрались домой. Те, кто занимал нашу квартиру, безоговорочно ее освободили. Тети вернулись к себе.

Через несколько дней тетя Соня и мой папа снова собрались в [Калиновку](#) за Шелечкой. Они там прожили неделю, пока четырехлетняя девочка привыкла к матери. 15 апреля тетя привезла дочку в [Немиров](#). Шелечка очень скучала по Туникам. Она выходила на балкон, протягивала руки и кричала: «Машина, машина, забери мене до моєї мами Віри, моєї сестрички Валі та мого братика Вови!» Обе тети и все мы обливались слезами, глядя на это. Но тетя Соня часто приводила Шелечку к нам, и у нас, среди детей, она стала привыкать к своей семье. В июле тетя Соня тяжело заболела: у нее образовалась опухоль мозга. Тетя Дора повезла ее лечиться в [Киев](#), потом в [Москву](#), там 12 мая 1945 года тетю Соню оперировали, а через день она умерла. Весь этот год Шелечка, которую стали звать Шурочкой, жила с нами.

В тот день, когда тетя Соня приехала с Шелечкой из [Калиновки](#), моего папу снова мобилизовали в Красную Армию. Мама осталась одна с четырьмя детьми. Нужно было выживать, зарабатывать, кормить и воспитывать детей.

Осенью 1944 года мы пошли в школу: я в шестой класс, Яшенька – во второй, Абрашенька, который не знал ни слова по-украински (в гетто мы разговаривали только на идиш), – в первый. Шурочку водили в садик.

В 1945 году папу демобилизовали после тяжелого ранения, и он вернулся к нам. Тетя Дора, похоронив сестру в [Москве](#), тоже приехала обратно.

Наши спасители Родионовы помогли нам и в обустройстве квартир. Иногда приходил Ефрем Козлов, приносил гостинцы. Нам нечем было отблагодарить этих людей, кроме добрых слов. А другие не считали их героями: разве это подвиг – спасти евреев?

Послевоенные годы были нелегкими. Папа и мама начали работать, растили детей.

В 1948 году я вышла замуж, а через три года окончила Немировское педагогическое училище и стала читать математику в нашей средней школе. В 1953–1959 годах училась заочно на физико-математическом факультете Винницкого педагогического института, одновременно работала, воспитывала учеников и троих своих детей. Моя старшая дочь Наташа – учительница английского языка, 28 лет работает в Винницкой физико-математической гимназии № 17. Сын Юрий – врач, доктор медицинских наук, профессор Винницкого медицинского университета, заведует кафедрой пропедевтики внутренних болезней. Младшая дочь Яночка – тоже врач, она, как ни парадоксально, уехала в [Германию](#) и работает там по специальности. Дети подарили мне пятерых внуков, из них трое в [Израиле](#). Есть у меня два правнука – тоже в [Израиле](#). Надеюсь, будут и еще.

Моего брата, Якова Розенгафта, в 20 лет, в 1954, году призвали в армию, а через год, в самое мирное время, в самом мирном городе [Симферополе](#) он погиб.

Младший брат Абрашенька, которого папа нес в мешке за плечами, теперь солидный Абрам Григорьевич. Он проживал в [Полтаве](#), заведовал лабораторией НИИ нефти и газа, кандидат технических наук. У него много научных трудов в области разведки нефти и газа в [Украине](#). Теперь он и его дочь с мужем и сыном живут в [Израиле](#), сын с детьми – в [Германии](#).

Шелечка Дашевская стала Александрой Абрамовной Смолкиной. Она окончила физико-математический факультет Винницкого педагогического института, вышла замуж и по распределению мужа-врача уехала в [Казахстан](#), в город [ну](#). Работала там директором гимназии, вырастила двух дочерей, которые

стали врачами. В 1995 году вместе с мужем, дочерьми, зятями и тремя внуками уехала в [Израиль](#).

Дай Бог нашим детям, внукам, правнукам никогда не пережить того, что досталось нам. Дай Бог, чтобы ни с кем это не случилось. Но знать о том, что было, нужно, чтобы такие трагедии никогда не повторялись.

Мои родители умерли у меня на руках в 1994 году. Маме было 89, папе – 91. Они похоронены на еврейском кладбище, которое разрослось после войны на местах массовых расстрелов немировских евреев во время оккупации. Там же лежит и мой брат Яков. Там и памятник родителям мужа – отцу, расстрелянному в 1942 году в [Райгороде](#) (оттуда мы перенесли землю), и матери, которая умерла в 1960 году.

Здесь находятся и шесть братских могил, где лежат тысячи немировских, а также румынских, буковинских, бессарабских евреев. Это место для нашей семьи святое.

В [Немирове](#) почти не осталось евреев, уже некому посещать эти могилы. Изредка приезжают немировчане из [Израиля](#), [Германии](#) и [США](#). Мы считаем своим долгом приходить сюда и хоть как-нибудь поддерживать порядок. Но нам это становится нелегко физически и материально. Братские могилы разрушаются, а восстановить их не на что.

Но нужно сохранить эту память о невинно убиенных, о реках крови, которую пролили здесь тысячи людей только за то, что они были евреями.

Мы помним своих погибших собратьев, близких и родных. Нас остались единицы. Пока мы живы, мы приносим им цветы и кладем по еврейскому обычаю камешки на могилы – знак прочной памяти. К этому же мы приучили наших детей и внуков.

Когда я смотрю на свою семью, я невольно думаю о том, сколько врачей, учителей, ученых, музыкантов, артистов, военачальников, сколько славных простых людей, маленьких детей, которым не суждено было стать взрослыми, сколько еще неродившихся лежит в Бабьих Ярах нашей страны на бывших оккупированных территориях.

Одна из шести могил, где лежат расстрелянные немировские евреи, – детская. В ней лежат 1800 убитых. Я считаю, что это моя могила, потому что если бы 26 июня 1942 года в синагоге, где нас

всех собрали для уничтожения, я не перешла бы в группу взрослых трудоспособных, то лежала бы там же и превратилась бы в комок земли. Мой муж своей считает другую могилу, в которой уже лежал, к счастью, не задетый пулей.

Таких, как мы, кто уцелел от кровавой расправы, было немного. Но все мы остались живы благодаря простым украинцам, русским, полякам, которые не могли смотреть спокойно на издевательства над евреями и спасали нас, подвергая себя и свои семьи смертельной опасности.

Я даже не могу назвать всех людей, которые спасали нашу семью, – переговоры с ними вел папа. Когда в 90-х годах таким людям стали присваивать почетное звание «Праведник народов мира», многие уже умерли или разъехались.

Я знаю, что Дора Зальцман-Горлачева, которая с 1990 года живет с детьми в [Израиле](#), ездила оттуда в [Германию](#), чтобы найти своего спасителя Арна, но не застала его в живых. Она сумела добиться, чтобы его, офицера немецкой армии, признали «Праведником народов мира». Его имя высечено на памятной доске в [Иерусалиме](#), в его честь в Рошце Праведников посажено дерево.

А мы с Александрой Смолкиной и братом Абрамом Розенгафтом сделали все, чтобы Институт «Яд Вашем» внес и наших спасителей в списки «Праведников народов мира». Ассон и Авдотья Родионовы и их дочь Фекла получили это почетное звание: родители – посмертно, а Фекле посол [Израиля в Украине](#) торжественно вручил диплом об этом в [Виннице](#) в 1996 году.

Вере Илларионовне Туник, по нашему ходатайству, тоже присвоено это звание – в 1996 году (посмертно). А вот ее дети Валя и Володя, которые подростками вместе с матерью заботились о маленькой еврейской девочке и отдавали ей и лучший кусок хлеба, и свое внимание, – почему-то не удостоены этой почести. Мы дважды просили об этом Яд Вашем, но нам отказали. Володя уже умер, Вале сейчас 74 года, и я рассказываю о них, чтобы о таких людях помнили, приглашали их на встречи с молодежью и знали об их подвиге.

Только в [Винницкой области](#) живы около 200 бывших узников гетто. А сколько их уже ушло в мир иной. А сколько спасителей у каждого! Спасибо и земной поклон им.

В [Немирове](#) ныне около 20 «Праведников народов мира». Но я уверена, что это только десятая доля тех, кто достоин этого звания, – не для всех удалось его добиться.

Теперь еврейские организации помогают этим людям, чем могут: выделяют ежемесячно деньги, продукты. Но главное рассказывать о них молодому поколению, чтобы не было межнациональной розни, не оскверняли памятники на еврейских могилах.

В сентябре 1991 года мы с мужем решили посетить [Израиль](#) по приглашению нашего друга и земляка, председателя общества олимов [Украины](#) Моше Лайнера, который эмигрировал еще в 1973 году.

Там нам в руки попала «Черная книга» под редакцией Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана. На форзаце книги была карта гетто и концлагерей всего [СССР](#), в том числе и [Украины](#). Среди них из близких к нашей местности обозначены [Хмельник](#), [Ялтушков](#), [Цыбулевка](#), [Черновцы](#). К нашему удивлению, мы не увидели на карте [Немирова](#).

Моше Лайнер сказал, что, может быть, ко времени выхода книги что-нибудь изменилось, и в [Тель-Авиве](#) пошел вместе с нами к юристу. Юрист перелистал свои документы и нашел в них только сообщение о существовании лагеря «Мертвая петля» в [Печоре](#).

Читая эту книгу, мы встретили в ней письмо Рахили Фрадкис-Мильнер. Там описано, как ее с семьей из [Черновцов](#) перевезли в [Немиров](#), где был лагерь для немировских евреев – тот самый, который мы помним. Потом перевели в здание старой синагоги – той, откуда везли и вели евреев на расстрел 26 июня 1942 года.

Когда мы вернулись из [Израиля](#), я стала узнавать, как можно доказать, что в [Немирове](#) были гетто и лагерь. В тех местечках, где были зафиксированы гетто или лагеря, оставшиеся евреи получали статус узников гетто. Раньше всех его получили евреи, которые жили на территории [Транснистрии](#): там сохранились архивы и списки. Евреям [Брацлава](#) тоже дали такой статус для тех, кто был вывезен в Печорский лагерь «Мертвая петля» (остальных расстреляли в [Райгороде](#)).

Я познакомилась с Евгенией Марковной Цирюльник из [Брацлава](#). Она мне рассказала, что нужно, чтобы восстановить

правду: собрать воспоминания свидетелей-украинцев, евреев, которые пережили гетто и лагерь, составить списки узников по справкам из горсовета о пребывании на оккупированной территории.

Может быть, есть следы в областном архиве? Мы с мужем обратились туда. Там нашли только акт Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецких оккупантов на территории [Немировского района](#), составленный в 1946 году, когда были вскрыты три братские могилы из шести.

Я пошла на прием к главе районной администрации и объяснила, с какими трудностями столкнулась. Он меня очень хорошо принял, внимательно выслушал и сказал: «Разве не ясно по количеству могил и количеству убитых, что из домов столько людей не могли собрать? Ясно, что гетто было. Оформляйте документы». Это было в 1993 году. Вместе со мной в инициативную группу вошли Ида Матвеевна Лернер и Яков Борехович Винницкий.

Мы собрали воспоминания 5 свидетелей-украинцев. Затем стали опрашивать евреев. Люди вспоминали, кто был в гетто и лагере, кого куда забросила судьба, звонили, писали, приходили и приезжали. Накапливались воспоминания и справки. Я постепенно составляла списки и дополняла нужные графы. Сняли ксерокопию письма Рахили Фрадкис-Мильнер из «Черной книги».

Председатель райгосадминистрации поручил курировать это дело своему секретарю Любови Иосифовне Лесько. Она связалась с областным архивом и уточнила, какие нужны документы, чтобы вопрос можно было поставить на сессии районного совета депутатов трудящихся.

Списки узников, у которых были документы, заверила нотариальная контора. Итак, в первом списке зарегистрировано 36 человек. 9 из них жили в [Немирове](#), 2 – в [Виннице](#), 3 – в [США](#), 3 – в [Германии](#), 7 – в [Израиле](#), 2 – в [Австралии](#), остальные – в других городах [Украины](#) и [СНГ](#).

Мы закончили свою работу 22 декабря 1994 года, а 24 декабря на сессии районного совета народных депутатов было вынесено решение установить факт существования гетто и лагеря в [Немирове](#) в годы Великой Отечественной войны и утвердить спи-

ски их узников. Эти списки напечатаны в 5 экземплярах. Один отвезен в Государственный архив Винницкой области и зарегистрирован там. Второй – в секретариате Немировской райгосадминистрации. Третий – в Винницком обществе узников гетто и лагерей. Четвертый с приложением решения сессии райсовета и воспоминаниями бывших узников – в Центральное украинское отделение «Фонда взаимопонимания и примирения» (Киев, ул. Неманская, 7). Пятый экземпляр я оставила себе на память.

Но я продолжала получать письма из разных городов и стран с просьбой внести в наши списки новых людей. Кто-то приезжал, кто-то присылал данные. Мне пришлось составить 5 дополнительных списков, и статус узников гетто получили еще 23 человека. Итак, в Государственном архиве Винницкой области числится 59 узников нашего гетто и лагеря. Они получили архивные справки, а на их основании, соответственно, компенсацию из Германии. Судьбы этих людей очень страшны, они описаны в воспоминаниях каждого.

Приезжал в Винницу Владимир Аннапольский, который ныне возглавляет объединение бывших узников гетто Украины в Израиле. Он рассказал, что добивается в Институте «Яд Вашем» признания Немировского гетто и лагеря, писал о них в израильской прессе, но не может ничего добиться. Аннапольский прислал нам газету со статьей «Лагерь, которого нет на карте». Мы с мужем передали ему решение сессии Немировского райсовета. Он отвез это решение в Яд Вашем со своим и нашими заявлениями. Через некоторое время получил оттуда письмо, что на основании представленных документов факт существования гетто в Немирове подтвержден. Эти документы хранятся в «Яд Вашем».

Так что на карте гетто и еврейских лагерей должно появиться еще одно название – Немиров.

А сколько еще до сих пор есть белых пятен на этой карте!

...26 июня 1992 года исполнилось 60 лет со дня второго массового убийства евреев в Немирове. По нашей с мужем просьбе, Винницкая еврейская община во главе с Ильей Рувиновичем Гробманом, благотворительная организация «Хесед Эмуна» под руководством Владимира Боржемского и общество бывших малолетних узников гетто под председательством Григория Иоси-

фовича Койфмана провели траурный митинг на немировском кладбище. Были приглашены жители Немирова, удостоенные звания «Праведников народов мира», и четыре оставшихся к тому времени в городе еврея. Пришли многие украинцы. Из Винницы приехало человек пятьдесят гостей. Митинг прошел под желто-синим государственным флагом Украины и сине-белым национальным флагом еврейского народа со звездой Давида.

Раввин Давид Фарбер прочитал поминальные молитвы на всех братских могилах евреев, убитых в фашистских массовых акциях, и на могилах немировских евреев, умерших после войны.

Зинаида Гуревич, представительница Винницкого отделения Еврейского агентства «Сохнут-Украина», привезла на поминальный митинг нескольких еврейских детей. Одна восьмилетняя девочка над каждой могилой играла траурную мелодию на скрипке. Особенно всех нас тронуло, когда она сыграла эту мелодию над братской могилой расстрелянных детей, а другие ребята положили на эту могилу игрушки и камешки.

И вспомнились стихи:

«В сердце скрипки живет голубая горячая птица.
Неизбывное горе по струнам упругим струится.
Тихо-тихо застонет оно золотою струною –
И замрут заворуженно люди».

Так оно и было: сначала люди замерли, а потом разрыдались.

Своими краткими воспоминаниями о гибели немировских евреев поделился мой муж, Михаил Мостовой (его воспоминания опубликованы во 2-й книге изънь и смерть в эпоху Холокоста – стр. 344–355. – ред.). Рассказала и я, как не попала в эту могилу. Выступали наши спасители – Мария Лавренюк и Фекла Родионова. Поминальное слово сказали Илья Гробман, Зинаида Гуревич, Григорий Койфман. Винницкое телевидение показывало репортаж с этого митинга.

Я невольно подумала: если бы мой многострадальный отец увидел, что над его памятником развевается флаг с шестиконечной звездой и люди в талесах читают Кадиш, он бы порадовался, что в Украине возрождаются еврейство и наши традиции.

МОИ СКИТАНИЯ

НАГИНСКИЙ Наум (1930 г.)

Я, Нагинский Наум Вульфович, родился 29 марта 1930 года в городе Ромны Сумской области в семье рабочего-стекольщика. В 1934 году наша семья переехала в город Ворошиловград (ныне Луганск)¹, на Донбассе. На окраине города мы получили участок земли для строительства собственного дома и закладки сада. Заимели свое натуральное хозяйство: лошадь, корову, много кур, собаку, кошку. Воду приходилось носить издалека ведрами из колонки. Основные продукты покупали в магазине, расположенном через две улицы.

Мы со старшим братом ходили в школу, расположенную в центре города, за несколько километров от дома. В 1937 году родилась сестренка. Тогда же провели к нам радиотрансляционную точку – единственную связь с культурным миром. Электричества в нашем рабочем поселке от завода «ОР» (Паровозостроительного) не было. И мы все были довольны мирной жизнью, так как другой жизни себе не представляли. Будучи мастером на все руки, отец сам тесал камни для строительства дома на каменном карьере, расположенном невдалеке. И дом он соорудил самый большой и самый высокий во всем микрорайоне. Будучи стеклянником, он смастерил чисто стеклянную веранду.

Соседями нашими были: слева – мой соученик Саша Сердюк, справа – семья скромного бухгалтера завода Севастьянова. Их сын Костя – ровесник моего старшего брата Еси. Дальше семья алкоголика Осташкова (погибшего в первые годы войны) с двумя сыновьями-хулиганами антисемитами. Завершала наш квартал семья Диваковых. Хозяйка – вдова с тремя детьми.

22 июня 1941 года началась война. Стало труднее доставать продукты, снова ввели карточную систему на хлеб и все продовольственные товары. Фронт медленно продвигался на восток. Была оккупирована большая часть Донбасса, но нас долго эта участь миновала. Мы продолжали учиться в школе. Отец, будучи инвалидом, после того, как его изуродовали деникинцы в период Первой мировой войны (на голове и многих частях тела следы швов, случались периоды его тихого помешательства), был освобожден от призыва в армию и продолжал работать на заводе.

Многие соседи эвакуировались: евреи, коммунисты, ответственные работники. Правда, на нашей окраине таких было мало. Учитывая то, что в Первую мировую войну немцы евреев не трогали, этим занимались деникинцы и другие банды, а также большую удаленность от железной дороги, большое натуральное хозяйство, и зная, что наша пропаганда не всегда правдива, родители решили оставаться и не эвакуироваться, о чем впоследствии очень сожалели.

Мы с братом продолжали учиться в школе. Прекратили подачу воды в водопроводе, потом закрылся продовольственный магазин, в котором, кроме хлеба (по карточкам) давно ничего не было.

Войну мы почувствовали, когда к нам на постой прибыли отступающие солдаты. Вначале танкисты с танками, которые расставили у нас во дворах. Танки были грязными, запыленными, многие части этих машин отвисали. Солдаты их чистили, ремонтировали. Сами солдаты тоже были грязные, пропахшие потом, покрытые чирьями, с обмотками на ногах, замотанными неаккуратно, разорванными. Шнурки на ботинках растрепаны – вид неприглядный. Прожили у нас несколько дней. Женщины ухаживали за ними, а мы для этого возили воду за несколько километров. Солдаты так же быстро и уехали, как приехали.

Через несколько дней поселились пехотинцы с таким же внешним видом, как и танкисты. Одни группы сменялись другими, а потом был довольно длительный и спокойный перерыв. Даже не чувствовалось войны. На окраине города был разрушен элеватор, из которого высыпалась мука, крупа и различное

зерно. Мы смогли натаскать оттуда сухих продуктов столько, что было про запас не только нам, но и живности.

Однажды, когда я пас свою лошадь (к тому времени она заболела и расковалась), из-за Иванищева Яра я увидел идущего ко мне человека. Он выхватил у меня поводок, запрыгнул на коня и, несмотря на мои уговоры, он ускакал, оставив мне кусочек поводка.

После ухода последнего солдата из нашего городка наступило безвластие. Тут началось в полную силу раздолье для антисемитизма. Пацаны с нашей улицы могли очень больно оскорблять мою маму, которую многие знали и уважали. Я уже не говорю о нас. Наш скромный сосед Севастьянов заимел большую тележку и буквально ежедневно, каждое утро, выезжал с сыном на «охоту» (так мы дома между собой называли его выезды). Он срывал наскоро забитые досками двери и окна. Вытаскивал все ценное, что не сумели увезти с собой эвакуированные жители, торопился увезти к себе домой. Связанные простынями тюки одежды и обуви, возможные драгоценности, красивую мебель, словом, – все, что мог перевозил к себе в дом, а впоследствии и в свой сарай. Окно из нашей спальни выходило к ним во двор. Чтобы мы не видели его «работу», он вблизи нашего она вкопал два столба и прибил большой фанерный щит, сделав нашу спальню темной. А что скроешь от любопытных глаз еврейских пацанов? Куда он все мог подевать у себя в доме? Обогащался как мог, торопился.

В одном из домов (наверное, эвакуированных) открылся пункт «Все для фронта, все для победы!», где делались добровольные пожертвования фронтовикам. За столом, на котором стояли военный телефон, керосиновая лампа, лежала ученическая тетрадка и бланки квитанций, сидела тетенька в военном кителе. Она писала на фронт письма неграмотным «фронтовичкам» и выдавала нам под расписку шерстяные нитки, из которых мы, ребята нашей улицы, вязали носки или трехпалые перчатки, чем зарабатывали деньги.

Во второй половине мая вдруг неожиданно я услышал крики ребят, шум на улице: «Наши идут! Идут наши!». Я выскочил со двора и увидел строй лошадей, на которых ехали в новой чистой непривычной для нас форме молодцеватые всадники. Из

соседнего дома чинно вышел наш сосед Севастьянов, в новом белом костюме, с красной широкой лентой. Он шел с подносом, на котором была буханка круглого белого хлеба, а сверху солонка с солью. Его с обеих сторон сопровождали жена и сын. Лошади остановились. Спрыгнул, видимо, командир, подошел к встречавшему, отломал кусочек хлеба, окунул его в соль и положил в рот. Потом остальные спешили и повели коней вдоль улицы.

Мне стало страшно. А вдруг Севастьянов скажет, что здесь семья евреев, и немцы нас расстреляют. Однако, как я понял, он ни одного слова на немецком не знал, и немцы прошли мимо него и направились в наш дом. Я боялся идти за ними, ждал выстрелов. Но когда я приблизился, услышал мирный разговор за столом наших гостей на немецком (или еврейском – идиш) языке. Наш дом они выбрали не по наводке, а потому, что он был больше других. Остальные немцы пошли по домам. И тут я услышал громкий крик разлетающихся кур во всех дворах. Немецкие солдаты хозяйничали по домам, отлавливали кур, по дороге отрывали им головы, обципывали их и несли к котлу, который расположили в одном из домов. По всей улице летали пух и перья. Я вошел к себе в дом, где немцы мирно беседовали с мамой, угощали конфетами сестренку, которая не знала, что это такое.

Мама робко поинтересовалась, как немцы относятся к евреям. Офицер ответил, как и ко всем людям, хотя есть местами антисемитизм, как и во всем мире. «*Ich bin nict Fanatik, Politik*». Этим он окончательно, а может быть, неумышленно, убил в нас бдительность; мы убедились в лживости нашей пропаганды о нацистском отношении к евреям. В передовых частях и не могли знать, что творят грядущие за ними немецкие палачи. Эти немцы оставили о себе хорошие впечатления (в отличие от наших грязных отступавших воинов).

Однако вскоре впечатления круто изменились. Через пару дней эти передовые части так же ушли, как и пришли. При этом они съели много кур у нас и наших соседей, которые долго вспоминали об этих «красавцах», и потом надолго установилось безвластие. Севастьянов продолжал ездить на свою «охоту». А наши приработки по вязанию шерстяных изделий прекрати-

лись. Отец зарабатывал тем, что ходил на вызовы по остекловке окон в домах, подвергавшимся бомбардировке в центре города. Окраину немцы не трогали.

Через пару месяцев безвластия в город вступили оккупационные войска, и началась новая власть. Появилось много досок, на которых вывешивались объявления одно страшнее другого. И все, как правило, заканчивались угрозами: «За невыполнение – расстрел».

В одном из первых объявлений было следующее: «Жи́ды (как можно больнее «укусить» евреев) лишаются всех прав: гражданских, имущественных и других».

Одно из следующих объявлений гласило, что все жи́ды, независимо от возраста, всегда обязаны носить нарукавные повязки с вышитой на них шестиконечной звездой. И опять угроза – расстрел.

Официально (по всем документам) город считается оккупированным 17 июля 1942 года. Время вступления авангардных частей на окраину города и безвластие нигде не учитывается, но мы его хорошо почувствовали на себе. А вот с вступлением оккупационных войск все жители на себе это тоже почувствовали. Въехал грузовик с солдатами, которые пошли по всем домам. И оттуда понесли картины в рамах, ковры и другие ценные вещи. У нас в спальне висел персидский ковер на всю стену. Его сразу сняли, свернули в рулон и унесли на машину.

А впредь, чтобы грабить евреев начали ходить все жители близлежащих и дальних домов. И ничего им не скажешь. Иначе грозят дать в «жидовскую морду». И я неоднократно получал от таких молодчиков, которым по закону надо было служить в Красной Армии, а не дезертировать. Теперь они – хозяева. Входят бесцеремонно в дом, забираются в шкафы, лезут на чердак, в сарай и берут все, что им понравится. Слышен лишь их шипящий мат.

Видя такое дело, мама договорилась с одной из соседок, Марией Диваковой, и той же ночью (и в остальные ночи) перенесли к ней в погреб все оставшееся. Пронесли ночью, чтобы не видел сосед Севастьянов. И надо сказать, что они нам все до ниточки сохранили, хотя сильно нуждались и могли бы про-

дать и подкрепиться за наш счет. Впоследствии ей (посмертно) присвоили звание «Праведница народов мира» (но об этом чуть позже).

Далее в объявлениях было написано, что все жи́ды, начиная с тринадцатилетнего возраста, привлекаются к обязательному тяжелому физическому труду. Мама уверяла конвоира, что мне нет еще 13 лет, но он заставил и меня идти со всеми на биржу и на работу. Правда, я потом сумел увильнуть и впоследствии увильнул много раз и оставался дома. А там было много мне работы. Я почти никогда не носил повязки, так как говорили, что я не похож на еврея, и мог спокойно ехать по воду, опасаясь при этом, что если кто-нибудь знакомый разоблачит, то это грозит мне смертью. Дома я ставил на сутки размачивать пшеничные зерна, затем их перемалывал на мясорубке (иногда дважды), заправляя дрожжевой закваской, оставленной от предыдущей выпечки хлеба, ставил на несколько часов на закваску. Из кирпичей я слепил примитивную печку, куда вставил заводские прямоугольные формочки, накладывал туда тесто и выпекал вкусный пшеничный хлеб к приходу наших рабочих.

У меня была на попечении малолетняя сестренка, которая так и не понимала, что творится на белом свете, любила баловаться и мешать. Я объединил свои усилия с соседской девочкой Шурой ездить по воду. Мы продолжали ездить по воду на четырехколесной коляске с бочкой далеко в город. Город не убран. Дороги захламлены.

В одном из объявлений сказано, что евреев на работу и с работы водить строем. При этом запрещается ходить по тротуарам, а только по бульжной мостовой. Вот идет что-то похожее на строй из стариков и детей. А параллельно им идет толпа бездельников. Проезжая с бочкой воды мимо них, слышим одно оскорбление больше другого. Ведет старушка в пенсне на высоких каблуках (видимо, нет простой обуви, и наверное, плохо видит) маленького мальчика за руку, а ей вслед или в лицо: «Ишь, жидовская морда, да еще в пенсне и на каблучках вышагивает. Хватит пить нашу кровь христианскую. Они не сядут жрать без мацы, замешанной на нашей крови. *Пумают* нашего пацана, *заколоть* и его кровушку – себе в мацу. Их

было пумали, дык ани откупятся. У них *тыишии* денег и золота. Как-то пумали еще до революции, хотели было судить, откупилась». И еще: «Это они распяли нашего Христа, надо их самих распять»... и так далее. Ведут голодных бедных стариков на тяжелые работы. Тут подсакивает из толпы одна женщина. «Да это доктор из нашей поликлиники. Она спасла жизнь моему сыну. Циля Рафаэловна, Вы, наверное, сегодня еще ничего не ели». И протягивает, несмотря на запрет конвоя, кусочек хлеба. Куда их ведут? Вчера они мыли в тюрьме «параши», позавчера – разбирали завалы из разрушенных домов, а, может быть, погрузят всех на машины и отправят за город в Иванищев Яр или Острую Могилу, где велись регулярные расстрелы евреев.

Однажды Шура Дивакова мне сказала, что на бывшем аэродроме стоит воинская часть, а из столовой в мусорный бак выбрасывают обглоданные кости, которые можно еще есть, если их отмыть. Правда, по некоторым уже ползают черви. Мы начали ходить туда, пока нас не прогнал немецкий часовой.

Самое неприятное то, что почти у всех закончилась соль. А без соли попробуй жить: день-два, но не больше. Тамара вообще отказывается есть невкусное. Оказывается, в городе, на кожевенном заводе, при выработке шкур применяли смесь соли с гипосульфитом. Эта соль вполне съедобная, если ее очистить от кожи и шерсти со щетиной. В этом мусоре копалось много народа, отбрасывали кирпичи разрушенного завода, долбили слоями, скрепленными шерстью и складывали в мешки. Эти слои напоминали весенний лед. Дома я их сложил в большую кастрюлю, залил водой, потом воду сливал в металлические желобки, в которых сушили фрукты на зиму, и сушил «соль», хотя и грязную, но вполне съедобную.

К нам иногда приходила знакомая бабушка моей соученицы Левиной, и мы угощали ее плодами нашего сада. Давно ее не было. Фрукты созревают. Мы знали, что Левины тоже остались. Живы ли они? Она пришла к нам и сообщила жуткие вещи. Почти ежедневно в район Иванищева Яра и Острой Могилы пригоняют или на машинах привозят от пятидесяти до ста человек евреев разного возраста – от стариков до младенцев, подводят к заранее вырытым ямам, заставляют их раздеваться догола и складывать аккуратно свою одежду. Потом они сваливают ее в

одну кучу и поджигают, а людей расстреливают возле ямы, куда они падают. Бульдозеры сталкивают не упавших в яму, еще живых, евреев, заваливают их землей. Потом несколько раз проезжают по этой свалке, откуда слышатся крики и стоны. Затем еще женщины-могильщицы (в составе которых и эта бабушка) засыпают землей, а потом заравнивают. И ждут такой же своей участи. Пока пронесло. А что будет завтра? Волосы становятся дыбом от такого рассказа...

Мы живем далеко, на окраине города. Никто нас пока не тревожит. Может быть пронесет? Человек всегда надеется на лучшее.

В один из жарких августовских дней к нам пришел уставший полицейский.

– Как вы забрались далеко от города! Устал, пока к вам пришел. Вам повестка. Прибыть на центральную площадь завтра, рано утром, для отправки в отдаленные районы. За невыполнение – расстрел. (Как всегда.) Мы уже знали из рассказов этой бабушки, куда нас вызывают. Мама говорит:

– Нас вызывают на расстрел.

Увидев, что Севастьянов укатил с сыном на очередную «охоту», мы поторопились отнести к Диваковым остатки нашего богатства, которое не успели ограбить «доброжелатели» – помощники фюрера по антисемитизму. Особенно нашу основную реликвию старинные настенные часы с башенным боем, оставшиеся простыни, наволочки, пододеяльники, даже подушки. Все это мы складывали к ним в погреб. Выживем – возвратят, если сохранится. Мама не возражала, чтобы они продавали наше, если очень нужны будут деньги. Как я уже говорил, они действительно очень нуждались, но сохранили все до ниточки.

Взяв четырехколесную тележку и отвязав свою собаку Нельку, мы ночью перешли к Диваковым, которые рисковали не меньше нас, так как в объявлениях было: те, кто скрывает евреев, будут расстреляны.

Я вспомнил, что возле дома, в свалке разного металлолома, была спрятана ведерная кастрюля говяжьего жира, закопченная снаружи (замаскированная от грабителей). Она стояла вверх дном. Часа в 2–3 ночи я пошел домой. Когда я вошел во двор, там хозяйничал Севастьянов. Я хотел было спрятаться от

него в доме, но двери были запечатаны бумагой со свастикой, видной при луне.

На заборе висели наши ковровые дорожки, во дворе стояли венские стулья. Немного подождав, пока Севастьянов возился с нашими вещами, я подбежал к куче металлолома. Потихоньку стал отбрасывать железки, чтобы достать кастрюлю, но что-то звякнуло. Севастьянов оглянулся и с удивлением увидел меня (живым).

– Как это ты здесь, а не на месте сбора?! А где остальные?

Он схватил меня за руку и потащил на улицу. Мощный сорокалетний детина тащит двенадцатилетнего парнишку через улицу до поворота на перекресток. Должен сказать, что я всю молодость был очень маленького роста, видимо, потому, что в детстве много болел. Неудивительно, что он не прикладывал большого труда, чтобы тащить меня, и прогадал. Я вдруг дернул руку и убежал. Я убегал от смерти, от расстрела, а он бежал за мной, за деньгами, которые мог бы получить за предание еврея. И я смог удрать. На его вопросы о родителях и родных я так ничего не ответил. Убежав далеко от него, я, обойдя соседнюю улицу, оглядываясь, чтобы он не увидел, вошел во двор Диваковых. Да, он не увидел. Скорее всего, он не подозревал, что есть люди, которые, рискуя своими жизнями и жизнями родных, спасают евреев. Он всех мерил на свой аршин.

И все же часа в четыре я сходил домой и унес кастрюлю с жиром и одновременно прихватил мешочек зерна. Думал, что взял пшеницу, но оказалось, что это ячмень. И это было все то, чем мы могли питаться. Жаль, что не пшеница. На ячмене – шелуха. Ничего не поделаешь!

Кроме того, у нас было несколько кругов макухи семечковой – отжимков от семечек подсолнуха с шелухой – сладости.

Телегу мы затащили в коридор, чтобы не вызывать ни у кого подозрений. Собака без присмотра стала гулять на улице, заглядывая во все дворы. День или два, которые мы провели у Диваковых, прячась от чужих соседских глаз, показались вечностью.

Когда к тете Марусе кто-то стучался, она выходила во двор, не приглашая в дом, как принято обычно, а мы сидели притихшими. Шустрая Тамара не хочет сидеть дома:

– Хочу гулять. Хочу на улицу...

Видя, что мы в тревоге притихли, и она старается придерживаться этого. Но надолго ее не хватает.

– Хочу в туалет.

– В коридоре стоит ведро. Сходи туда.

Шура накладывает в ведро лопухи, а потом все выбрасывает.

– Хочу в туалет, – настаивает Тамара. Орет во весь голос. Мама закрывает ей рот и несет в темный погреб.

– Никто не спрашивает тебя, что ты хочешь. Молчи, а то нас всех расстреляют.

– Расстреляют – будете знать, – плачет Тамара, но все же соглашается сходить в ведро. Никуда не денешься! Тамара – ребенок. Что с ней сделаешь? Спустя некоторое время она забывает и снова: «Хочу играть. Хочу на улицу. Хочу... Хочу...»

Но ведь наши «прятки» – риск не только для нас. Да и продуктов у тети Маруси не густо даже для себя. Нужно много воды. Соль... Так что задерживаться у нее мы не могли. Отец настаивал, чтобы мы пошли туда, как написано в повестке. Пусть с опозданием. Накажут его, виновного. Он привык выполнять то, что написано, хотя все мы знали, куда нас вызывают. Брат Еся и мама колебались. Я же заявил, что туда не пойду. «Если вы хотите идти туда – идите. Я же туда не пойду, уйду сам». И пошел.

Потом за мной пошли и остальные. С телегой, на которой сидела укутанная в одеяло Тамара, рядом с ней кое-какие продукты, включая мешочек ячменя, кастрюлю с жиром, небольшую кастрюльку с обедом на завтра, бутылку с водой, 5 ложек, круги макухи. С этим имуществом в сопровождении собаки мы тронулись в путь на восток, ночью, куда глаза глядят.

Первая остановка у нас была на бывшем аэродроме, в капонире, где, возможно, прятали самолеты или в воронке от бомбы. Темно. Луна еще не взошла. Втащили тележку и сели отдохнуть. И вдруг справа от нас, сравнительно недалеко, ярко вспыхнуло какое-то место у Иванищева Яра. Мы увидели, что это свет фар нескольких автомобилей сразу. Услышали лай собак, выкрики на горланном немецком языке, а затем начались выстрелы и крики. Крики мужчин, женщин, детей... Много выстрелов. Более жуткого я никогда не слышал (ни до, ни после). Душеразди-

рающие крики! С тех пор много времени прошло, а у меня до сих пор слышатся эти вопли, сопровождаемые стрельбой.

– Мы должны были находиться там, – говорит мама. Это, считай, первый день нашей сверхсрочной жизни.

– Нет, – поправляет ее Еся. – Наша участь была бы на пару дней раньше.

И мы все согласны с ним.

Мы просидели в этом котловане еще целый день до вечера, так как днем не решались выходить на дорогу с тележкой и ребенком. Днем мы осмотрелись. Совсем недалеко от нас находились военные, поселившиеся на аэродроме. Я туда ходил за протухшими костями. Туда побежала наша собака Нелька. Спустя некоторое время она принесла оттуда кость в зубах – угощение хозяевам. Какое умное животное! Но мы оставили это ей.

Ночью мы двинулись в долгий неизведанный путь. Я шел в коротких летних ситцевых брючках, тонкой рубашонке с короткими рукавчиками. Все одеты были по-разному, кто во что сумел одеться. И неудивительно, что меня сразу же обсели чирей (фурункулез), особенно под мышками.

По ночам мне было холодно, но спасало то, что мы шли ночью. Днем мы прятались в зарослях небранного подсолнечника или кукурузы. Жаль, что весь урожай был тщательно убран. Мы разжигали небольшой костер, и мама готовила нехитрый обед из ячменя с жиром и немного «соли». Огонь мы добывали от кресала (напильник, камень и фитиль), подолгу выбивая из него полезную искру.

Иногда, когда мы располагались недалеко от деревни, я ходил к селянам попрошайничать, будто мы едем в соседнюю деревню, наш дом попал под бомбежку русских самолетов. Просил, чем могут помочь. Иногда гнали «а то – натравим собаку», а некоторые угощали хлебными объедками, подгорелой корочкой хлеба, картофелиной... Даже мисочкой супа. Но это мне, а там – голодные.

Отец и брат – типичные евреи. Мама еще могла сойти за русскую. Нас переименовали: отца Вульфа во Владимира (даже Ильича), брата Еся стал Ваней, а я из Наума (Нони) стал Леней. И надолго. И сейчас дома так зовут.

Как-то ночью мы остановились в лесочке и расположились на небольшой отдых. Решили здесь и переночевать. Куда торопиться? Ночью слышали гул или разговор людей. Нелька была вся настороже. Она все понимала, и терпела, как и мы, вынужденный голод безропотно. Недалеко светились огоньки, мерцали, как будто двигались. Или нам показалось? Может быть, это какое-то преломление лучей? Немного моросил холодный дождь. А наутро мы увидели волчьи следы возле нашего «стойбища». Эти огоньки, которые мы принимали за окна домов – были огоньки волчьих глаз.

Отойдя на несколько шагов от того места, где мы остановились, мы увидели совсем новый солдатский бушлат детского размера. Мама сказала: «Это Бог послал». Мы убегали от двуногих волков, вооруженных самым современным оружием. Мы не вооружены. Пронесло. Наверное, спасло наличие у нас собаки. Мы смогли осуществить свою мечту – умыться и пополнить запас свежей ключевой воды, по лесу протекал чистый ручеек. Бушлат был таким, будто сшит точно по мне. Я почувствовал большие боли своего фурункулеза, но я не ныл – ведь основная инициатива – это моя.

Здорово, если бы дороги шли в одном направлении, и мы их хорошо знали. А то подходим к развилке. Куда идти? Где ближайшее селение? Есть ли в нем немцы? Какая полиция? Неплохо бы идти днем, когда все видно, но не всегда и небо чистое, чаще дождь. Холодно. У всех животы болят. Днем туда-сюда снуют немецкие машины. А это что за «транспорт?» – может возникнуть вопрос. А, евреи, скрывающиеся от расстрела?! Поэтому надо идти ночью, когда прекращается всякое движение, примерно часиков после 3-х и до рассвета.

Однажды, подходя к деревне, мы услышали запах вкуснейшего свежего хлеба, потом увидели стог сена или соломы, стоящий недалеко от деревни. Спрятались. Увидели, что около дома уже ходят женщины. Можно сходить в деревню, может быть, что-то пожертвуют. За нами увязалась Нелька. И вдруг слышим шум, крики в каком-то доме, недалеко от нас. Наша собака перепрыгивает через забор, держа в зубах утку. А за ней бежит с палкой хозяйка. Нелька хотела угостить нас свежим мясом. Ей тоже надоела наша еда, ее нетрудно понять. А каково нам?! Бе-

жит она с окровавленной уткой к нам. Никогда наша ласковая собака не отличалась агрессивностью. Что делать?!

– В полицию их! Шастают тут всякие!.. – И так далее.

Отوبرали у собаки еще трепыхающуюся утку. С большими извинениями и низким поклоном в ноги мама просила у хозяйки прощения. Что взять с глупой собаки? Все равно – осень, надо будет резать птицу. Мы бы вам уплатили за утку, но нам платить нечем: мы – погорельцы из Ворошиловграда.

– А откуда вы идете? Ведь Ворошиловград там. И показывает нам направление туда, откуда мы идем.

Оказывается, мы ночами путались по дорогам, да еще и в дождь и туман, когда ни солнца, ни звезд не видно. Хотя и долго, но недалеко ушли.

Короче, эта женщина – вдова, получившая одной из первых похоронку, оказалась не такой уж грозной. Она покормила нас и дала с собой каких-то продуктов. А в деревне давно нет никакой власти. Полицейские побывали здесь, и ушли работать в город. Нелька ходила вокруг нас виноватая с поджатым хвостом. Оставив ей, голодной, кое-какой корм, мы потихоньку ушли от нее и спрятались. Мы видели, как она бегала по селу в поисках нас, но так и не нашла.

Как мы жалели, что больше Нельки у нас нет! Это равноправный член нашей семьи, она пряталась с нами, как и мы, как будто все понимала. И хотя она не имела в паспорте 5-й графы и не лаяла по-еврейски, но ее потеря отложила тяжелый отпечаток в наших душах.

Когда мы дальше продвигались на восток, то увидели, что идем по знакомым местам, мы уже здесь проходили. Шутили между собой, что земля действительно круглая, а мы все – круглые дураки. Надо было лучше учить географию.

Болеет не один я. Больше всего нас волновали на голове Тамары огромные круги стригущего лишая без признака волос на этих местах. Опасались, если она выживет, то будет обречена навсегда носить парик. А пока мы, кроме мамы, подстрижены под машинку.

День короткий и холодный. К вечеру снова в путь. Мы пошли с мамой «на промысел». Навстречу идет женщина.

– Далеко идете? – спросила она.

Мама отвечает:

– Мы погорельцы из Ворошиловграда. Идем к своим родным в Верхние Греки. Нас пятеро.

– Идите ко мне. Уставшие. Передохните. На дворе осенний дождь. Куда на ночь глядя?

Мы согласились остановиться у нее на ночлег. Она покормила нас. Давно не ели нормального обеда. Больше месяца в пути. Расположились на полу, а Тамару хозяйка положила к себе на постель. А наутро она предложила оставить девочку у себя, пока мы разыщем своих, благоустраимся. Зачем мучить ребенка? Мы согласились.

Хоть одна останется в живых. Тамара не знает, кто она такая, не знает, что она без вины приговорена к расстрелу лишь за ее национальную принадлежность, хотя она не знает ни одного слова по-еврейски. Да и мы, пацаны, почти не знаем.

Звали эту женщину тетя Поля Бородавенко. Ее мужа в начале войны призвали в армию, и ей о нем ничего не известно. Одной жить скучно. Будет ухаживать за ребенком.

Лишь к вечеру тронулись в путь, разузнав, как ехать туда, куда мы едем. Нас четверо. Мы едем к знакомым в Верхние Греки. Кто нас там ждет? Малоизвестные, с кем мы случайно познакомились в мирное время. Мы увидели впереди одиноко стоявший домик. Такие домики строили колхозники, чтобы, работая в поле, могли передохнуть в непогоду.

Теперь нет колхозов, да и поздней осенью эти домики никому не нужны. В окнах стекла выбиты, но есть крыша и печка. Принесли топливо – кукурузу, подсолнухи, высекли кресалом огонь, перекусили и решили здесь передохнуть.

Утром мы слышали шум, гомон и хохот приближающихся немецких солдат, идущих к нам. Надо срочно перебираться на чердак! Сняли все вещи с тележки, унесли на чердак, загасили угольки в печке, чтобы убрать наши следы и лестницу убрали на чердак, а тележку оставили во дворе. Только мы закончили эту работу, как пришли веселые молодые солдаты с немецкой речью, шутками, смехом. Открыли консервные банки, позавтракали. Схватили нашу тележку и начали развезать около дома. Потом ушли, играясь, с тележкой. Жаль!

Немного проехали и бросили ее. Мы сидели притихшими на чердаке. Когда они сели по дороге в машину, мы взяли телегу и увидели хорошую дорогу. По такой дороге легче везти груз, тем более уставшим голодным людям.

Можно вспомнить еще много эпизодов нашей «прогулки» по морозным дорогам. Особенно при ночном переходе через реку по охраняемому мосту, или сразу же после полицейской облавы на рынке города *Миллерово*, где они искали подпольных торговцев запрещенных товаров. А тут мы! Откуда и зачем? Но мы обошли рынок и не попали в руки ищущих.

Мы шли в направлении *Верхних Греков*, где жили наши знакомые, которые иногда останавливались у нас в доме, когда ездили в город торговать на рынке своими товарами. Тогда они приглашали нас посетить и их. Наше «посещение» отличалось от того, каким они его ожидали.

Нас, конечно, не ждали, хотя много раз приглашали, но то было другое время. Никуда не денешься, фронт где-то недалеко. Передохнем и снова двинемся в путь.

Они хорошо (в пределах возможного) нас приняли. Покормили. Это было в середине декабря холодного сорок второго года. На улицу хороший хозяин собаку не выгонит. И мы прожили у них несколько дней. В мирное время они жили у нас дольше (если так считать). В деревнях все общаются. Приходят соседи. Делятся новостями. Представили нас соседями: мама – Женя, отец – Володя, брат Еся – Иван, меня представили Леней (так называла меня дома соседка, наша первая спасительница).

Как-то вышла хозяйка проводить соседей в коридор, и мы случайно услышали:

– Ты хорошо знаешь, кто *энти* люди?

– Конечно. Это погорельцы из города. Мы у них останавливались, когда торговали шерстью, щетиной, салом.

– А ты знаешь, есть приказ, щоб все гости, постояльцы регистрировались в комендатуре, иначе тебе будит неприятность. Можить, энто яврэй?

– Аткаль могут быть в наши дни яврэй?

– Энто яшшо тады, кагда яны распяли нашего Христа, их всех изничтожили.

– Ды нет. Яшшо астались, дык немцы ихних всех убивают.

– Нет. Энти люди кажуться харошими людьми. Свят! Свят! И все ж лучше, пусть сходят в камендатуру. И табе спакойней будить. И пушай живуть.

Могли бы мы после всего услышанного оставаться там? Хотя бы одна соседка, а то сразу у нескольких женщин возникло нехорошее подозрение. Бежать! Немедленно!

Правда, хозяйка хотела как-то смягчить. И мы согласились дождаться утра. Жить там дальше – подвергать наших благодетелей опасности. Нам они дали свои большие сани. Мы оставили им нашу хорошую четырехколесную телегу и рано утром двинулись в путь. На восток. Поближе к фронту.

К вечеру того же дня, уставшие мы увидели отдельно стоявший дом, зияющий своими пустыми глазницами – бывшими окнами. Войдя в этот застывший дом, заиндевший как снаружи, так и внутри, мы увидели столы и табуретки, даже в углу рулон бумаги. Посреди полуразрушенная печка.

Практически, если положить стоящий рядом лист железа, вернее, чугуна, вложить на свои места выломанные кирпичины, восстановится печка. Ее можно бы затопить. Во дворе – кучка дров. Да это сельская школа. Надо высечь огонь, затопить печку и как-то согреть помещение. Дыры бывших окон закрыли столами. Темно, но нет сквозняков. Спустя некоторое время в доме стало тепло. По крайней мере та сторона тела, которая обращена к печке, могла согреться. Маленькая радость для человека! Можно жить и здесь! До утра мы наслаждались теплом, а утром мы узнали, что не одиноки: здесь живут две семьи. Одна женщина с тремя детьми – беженка из-под *Одессы*, учительница начальных классов Евгения Ивановна; другая семья: мать – *Нимфадора Антоновна* со взрослой дочерью. Их отправили сопровождать стадо коров вглубь страны. С этим стадом они дошли до этого хутора, коров сдали в колхоз, а сами поселились в здании полуразрушенной школы из 3-х комнат-классов.

Школа расположена в хуторе *Цыпки*, относящемуся к колхозу им. Кривошлыкова. Дома в этом хуторе размещены вдоль речки Мечетки, параллельно которой проходит дорога. Расстояния между домами – неравномерные: от 3–5 метров до километра-полутора. Где-то посреди хутора находилась школа.

Раньше там было два дома: один – собственно, школа, в которой учились дети разных возрастов и классов. В двух комнатах жили раздельно мальчики и девочки. Еще в одной комнате были 4 разных класса, с которыми работала одна учительница. В одной из комнат жила сама учительница. В другом домике жила техничка-уборщица. Потом уборщица ушла, и домик ее разрушился. А когда старая учительница умерла как раз накануне войны, школа прекратила свою работу, ученики поехали учиться в райцентр **Пономари**, в интернат, а здание пришло постепенно в негодность и начало разрушаться.

В этом здании разместили эвакуированных. Им помогли слегка отремонтировать комнаты в доме, подвезли немного дров, привезли кое-какие продукты (мир не без добрых людей). В этом доме мы пока могли чувствовать себя более-менее спокойно. Немцы сюда не придут. Отец и Еся подремонтировали комнату, застеклили одно окно. Остальные забили досками. Приготовили дрова. Сделали тепло.

Наши «продуктовые запасы» (ячмень, макуха и говяжий жир, а также то, что дали знакомые из **Верхних Греков**) закончились. Соседи поделились кое-какими своими продуктами, которых и у самих было не густо. Они подсказали, что в райцентре, в **Пономарях**, *голова* (председатель) – хороший человек, сочувственно относится к приезжим, помогает им по мере возможности.

Рано утром отец пошел в **Пономари**. Дорога прямая, заблудиться трудно, и мы к вечеру ждали его возвращения. Но он так и не пришел.

Потом мы узнали, что, когда он вошел в деревню, его встретили полицейские; у незнакомого человека потребовали документы, которых у него не было. Его задержали, не без труда определили его национальную принадлежность и посадили в охраняемый подвал до прихода *голови*. Там, в подвале, было еще несколько человек, задержанных ранее по пьянке, по драке и другим причинам. Отец среди них вообще был белой вороной. Так и отнеслись к нему арестованные.

Утром пришло начальство. *Голове*, это был молодой человек, представили задержанных. Он быстро разобрался с пьяными хулиганами, пригрозил им и выпустил, а отца повел к себе в

кабинет, посадил на стул и вышел из кабинета. Спустя некоторое время, он вернулся с эмалированным ведром в руке, чем-то наполненным и завязанным белой чистой тряпчочкой. Он сказал:

– Идите, Владимир Ильич, домой. Я дал указание, чтобы вас не трогали.

То, что принес отец, поразило наше воображение. В ведре лежала буханка свежего вкусного хлеба, мешочек муки, мешочек крупы, хороший кусок сала и, что самое главное, целый стакан соли! Трудно представить большую радость при виде такого лакомства для давно не евших подсоленной пищи!

Впоследствии мы узнали о *голове*, что «эта сволочь» оказалась партизаном. Его выследили, поймали и повесили против правления, которое он возглавлял (буквально незадолго до освобождения этих мест от немецко-фашистских захватчиков). Жаль, я не помню его фамилии.

А наша жизнь шла своим чередом. Люди готовились к святкам – христианскому Рождеству и Новому году. Осталось несколько дней. Говорят, фронт недалеко.

В ночь с 31 декабря на 1 января 1943 года небо засветилось огромным заревом. Было светло, как днем. Шум, гул, приближался; потом отдельные выстрелы, пулеметные очереди и т. д. Утром мы увидели русских солдат, в нашей, хотя грязной, но родной форме. Трудно себе представить, какая радость переполняла всех нас! Впервые за такое долгое время.

Итак, закончилось наше тяжелое время оккупации. Советское командование сразу же призвало отца в обоз и старшего брата в армию на разминирование полей. Многие его сверстники 1927 года рождения, не получив должного инструктажа, сразу же погибли, но он, к счастью, выжил. И вскоре был демобилизован, но ненадолго.

Мы пошли с мамой работать в колхоз: мама – дояркой, я – разнорабочим. Трудоднями должны были оплачивать осенью. А надо есть уже сейчас. Нашли квартиру у сердобольной бабушки Чукариной, жившей вдвоем с внучкой – немолодой вдовой-солдаткой.

Немного обустроившись, мама поехала в ту деревню, в которой мы оставили сестренку Тамару. Тетя Поля к ней так при-

вязалась, что не хотела возвращать матери ее родную дочку. Золой из печки она часто мыла ей голову и окончательно вылечила стригущий лишай. На местах бывших пролысин выросли густые волосы, а впоследствии очень толстые косы. Дома она приучила ее молиться, креститься там, где это необходимо по христианскому ритуалу, выучила все повседневные молитвы.

Когда мама возвратилась с Тamarой, мы ее не узнали. Из веселой беззаботной девочки, даже в тяжелейшие времена, она превратилась в какую-то забитую, богобоязненную, напуганную, что за всякие прегрешения Бог накажет, Он все видит. Тамара и впредь исполняла все религиозные христианские ритуалы. Нам же с мамой некогда было заниматься с ней. Ее продолжала воспитывать очень набожная хозяйка, бабка Чукариха. Кстати, Тамара и до старости лечилась народными средствами, во что-то верила, как в христианскую, так и в иудейскую веру. Они с мамой поселились в среде евреев, я ушел в армию на 25 лет.

Потом женился. Служил на Дальнем Востоке, Сахалине, Курильских островах, в Ленинградской области. После окончания института Тамара попала по распределению в Молдавию, город Бельцы. Еся после университета продолжал жить и работать в Украине, Донбассе. Из всей нашей спасшейся в годы войны семьи в живых остался только я. Эмигрировал с женой в Израиль, город Нацрат-Илит. Один мой сын Эдуард и внук Илья остались жить в России, в Санкт-Петербурге.

Послесловие.

Когда мы возвратились в Ворошиловград, то вместо дома застали сплошные развалины вплоть до фундамента. Ни одной вещи из домашней утвари не было. Надо было получить документы взамен «утерянных», пришлось идти в райисполком. Начальником бюро регистрации работал Севастьянов. Мы вынуждены были выстоять очередь к нему для получения хлебно-продовольственных карточек. Я хотел было напомнить о его деяниях, но мама меня остановила.

– Кто видел, что он тебя тащил на расстрел? У тебя свидетелей нет. А за него, работника исполкома, заступится каждый.

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Naginsky01.html> [25.12.2013]

«ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ...»

НАЙБАУЭР Игнац (1924 г.)

Я родился в селе Великие Капушаны (Словакия), в 1924 г. Мои родители работали на местном предприятии. После ликвидации предприятия наша семья переехала в родное село моей мамы Малую Добронь. Там мы жили до войны. У нас была большая дружная семья: дедушка, мама с папой и шестеро детей, я среди них был самым старшим.

Почему-то все считают, что евреи в нашем крае были богатыми людьми. Это все неправда. Наша семья жила очень бедно: отец был болен и ходить не мог. Беззаботного веселого детства у меня не было. С одиннадцати лет я вынужден был работать. Зарабатывать научил меня отец. Сначала он со мной, а потом я сам, обходил соседние села, покупал у хозяев яйца, фрукты, ягоды и другие продукты, отвозил это в Ужгород и продавал там состоятельным людям, которые стеснялись ходить на базар. Со временем у меня появились постоянные покупатели.

В начале войны парней, которым было 18 лет, отправили в рабочий батальон. Тех, кто был 1924 года рождения и младше, забрали. Им выдали военные билеты с жирной надписью «жид» и отпустили домой.

До 1944 года мы жили более – менее спокойно. Весной 1944 года в село пришли солдаты и приказали всем евреям собрать вещи и ехать в Ужгород. В Ужгороде¹ нас поселили в гетто, где был кирпичный завод. Там было несколько гетто: по улице Мукачевской, в начале Радванки, где держали местных евреев, а на завод привозили, в основном, тех, кто из района.

Статистика утверждает, что в нашем гетто находилось 14 тысяч евреев, но я уверен, что нас было больше чем 16 тысяч.

В гетто я был с первого до последнего дня его существования. Много там умерло людей, но если сравнивать с жизнью в **Освенциме** и другими концлагерями, то жилось не очень тяжело.

Местные жители много помогали, они передавали продукты, воду через забор. Были евреи, которых каждый день отправляли на работы, и они имели возможность принести еду из города. Мне тогда было всего 20 лет, и я должен был работать. Я не жаловался и благодаря этому мои родные в гетто не были голодными.

Нас привели в еврейские дома на улицу Мукачевскую и приказали собрать все драгоценности, вещи, посуду, перенести это все в помещение центральной синагоги на набережной. Когда все еврейские богатства были вывезены в неизвестном направлении, нас отправили в лес возле словацкой границы. Тут мы разгружали машины с немецким оружием.

Потом из молодых людей, сформировали бригаду, которая должна была следить за порядком в гетто. В нее я тоже попал. Нам выдали повязки и палки. Люди много времени провели в гетто, они были нервные, утомленные и голодные. Иногда была мысль убежать из гетто, но не знаю, чтобы из этого вышло.

В селе на наш дом и хозяйство давно смотрели жандармы, и их приближенные. Мы как раз начали разводить очень нежную и дорогую породу ангорских кроликов. За 1 кг шерсти можно было купить корову. В селе нас могли бы спрятать, но убежать со стареньким дедушкой, больным отцом, мамой и пятью детьми было глупо. Мне предлагали и потом убежать.

В гетто собралась группа из 10 человек, которые держали связь с «русскими» партизанами и собирались убежать. Звали они и меня, но моя мама, когда узнала об этом, плакала и уговаривала не оставлять семью и родину, и я не решился. Что было дальше с этими парнями и девушками, которые убежали, я не знаю. Слышал только про одну девушку, которая якобы осталась жива и вышла замуж в **Чехии**.

Когда нас стали вывозить из гетто, нам сказали, что мы ненадолго поедем на работы. Людей из гетто вывозили группами. Наша семья была в числе тех, кого из **Ужгорода** вывезли последним эшелонам. Помню, что перед отъездом у нас отобрали все вещи и погнали, как стадо, пешком через поле на железнодоро-

рожный вокзал. Всю дорогу я нес отца на спине, а потом на станции солдаты начали сортировать людей по вагонам.

Маму со мной и четырьмя старшими детьми направили в один вагон, а дедушку, больного отца и младшую десятилетнюю сестричку – в другой. Я очень просился с ними в один вагон, ведь знал, что отец самостоятельно передвигаться не сможет, но меня не пустили. Тогда я даже не догадывался, что этот вагон с больными и старыми людьми после приезда в **Аушвиц** разгрузят. Людей разденут, дадут им в руки кусок мыла, скажут, чтобы они шли мыться, заведут в камеры и пустят смертоносный газ.

На вокзале я своего отца видел в последний раз. Маму повезли в **Польшу** с детьми. Дорога была очень тяжелая. На 70 людей в вагон нам дали пятилитровую бутылку чая.

Когда прибыли в **Аушвиц** и выходили из вагонов, поняли, что тут будет тяжелее, чем в гетто. Я держал трех братьев, чтобы они не потерялись, а мама взяла за руку тринадцатилетнюю сестру. Самого младшего Менделя от меня все-таки забрали. Я хотел его притянуть к себе, но немец меня ударил так, что я потерял сознание. Больше братика своего я не видел.

В лагере нас разделили по полу, потом раздели, постригли. Когда мы вышли после этих процедур, лысые, одетые в полосатую форму, родные не узнавали друг друга.

Потом нам сделали татуировку с номером. У меня номер А 8466, у братьев – А 8467, А 8468. В 1992 году я был в музее **Освенцима** и написал в специальном реестре напротив этих номеров наши имена и получил документ, который свидетельствует о пребывании в этом концлагере.

Условия в **Освенциме** были нечеловеческими. Вспоминать это все очень тяжело и страшно. Еда была ужасная, вонючая. Мой дядя уговаривал нас кушать, но было очень тяжело, заставить себя проглотить эту еду. Тяжелыми были и условия работы. Нас били, а иногда и убивали, если кто-то плохо выполнял работу. Очень тяжело было вначале.

В рабочем лагере нами командовал настоящий преступник. Он убил своих родителей. У нас на глазах он отрубил парню голову, за то, что тот засмеялся в ряду. Сначала мы еще держались, но потом было очень тяжело и физически и морально, и я не раз просил себе смерти.

Сначала я работал на грузовых вагонах, а потом меня направили в кабельную команду. Представьте себе: 500 человек зимой должны копать замерзшую землю и прокладывать электрический кабель, толкая перед собой огромную катушку и снова закапывать яму. Я делал потом и другие работы, но это была самая тяжелая.

С братьями я жил в разных бараках, а с мамой и сестрой не виделся аж до конца войны. Их из [Аушвица](#) перевели в [Чехию](#). В [Чехии](#) они работали на текстильной фабрике, а еще маме повезло, потому что она попала работать на кухню. Она вспоминала, что когда советские солдаты освобождали, они вели себя, как животные: насиловали и избивали женщин и девушек. Ей чудом удалось спасти мою сестричку. После войны они вернулись в родное село [Малую Добронь](#), но нашего дома не нашли. В нем Советская Армия держала коней. Они поселились в другом доме, в котором раньше тоже жила еврейская семья.

18 января 1945 г., когда фронт начал приближаться к [Кракову](#), рабочий лагерь стали вывозить в [Германию](#). Сначала мы прошли около 80 км до [Глайвица](#). Там наш младший брат решил искать еду и пропал, а нас с другим братом посадили в вагоны и повезли дальше. Мы не верили, что встретим брата еще. Сами были близки к смерти, потому что ехали в открытых вагонах в холоде, без воды и еды. Когда хотели пить, то открывали рты и ловили снежинки. Если кто-то в вагоне умирал, его труп из вагона просто выбрасывали. На одной из станций нам приказали выйти, и так я потерял еще одного братика.

Потом нас повезли в концлагерь Дора в [Германии](#), где были немецкие коммунисты. Там я встретил младшего брата, который отлучился искать еду. Только он не мог разговаривать – был избит очень сильно. Меня вместе с ним отправили в больницу, но было поздно, он умер через день. Я был в таком состоянии, что меня перевели в барак, в котором держали слабых и больных людей.

Кормили там по сравнению с [Аушвицем](#) замечательно, давали в день 2 картошки в мундире, 100 г чая, но люди были обессиленными и умирали, как мухи, на глазах.

2 марта, в мой день рождения, я вышел на работы. Нам снова начали рассказывать, что отправляют нас на легкую рабо-

ту, где будут и очень хорошо кормить. Мы не верили, но нам, действительно, сразу дали по кусочку маргарина, сказали, что сейчас принесут хлеб. Конечно, мы не стали ждать и сразу проглотили весь маргарин, а хлеб, который дали, приберегли на потом.

Позже нас перевели в другой маленький лагерь, возле которого мы строили дорогу. Работали там месяц, пока к нам не стали залетать американские самолеты. Тогда всех, кто работал, посадили в вагоны и повезли дальше. Остановились на какой-то станции, где 1200 евреев высадили и погнали пешком в лес. А там эсэсовцы закрыли нас в круг и стали расстреливать. Мне зацепило ногу. Когда я пришел в себя, то увидел, что кроме меня, остался в живых один старший мужчина – поляк. Он ходил между трупами и искал тех, кто выжил. Мне просто повезло. Я с этим поляком прятался в лесу еще дней пять, а потом мы дошли до какого-то опустошенного села и спустились в подвал какого-то дома. Тогда я был такой обессиленный, очень хотел кушать, что не мог просто сидеть в подвале и пошел искать еду.

На улице я увидел американских солдат, которые рассказали нам, что мы находимся в 150 км от [Берлина](#). Они дали нам еды и сигарет. После того, как американцы привезли нас в свою комендатуру, я надолго попал в больницу, несколько дней был без сознания. В 21 год весил 32 кг. Приходил в себя в лагере, где кроме парней жили и девушки, освобожденные из концлагеря. Кормили нас чудесно, шоколад давали тоже.

Тогда американцы предложили всем освобожденным из концлагерей лететь на проживание в США, обещали компенсацию в размере 10 тыс. долларов и хорошие перспективы. Я очень хотел поехать в эту страну – я думал, что мои родные погибли, и дома меня никто не ждет. Но случилось по-другому. В тот день, когда за нами приехали, мы с товарищами пошли в город и прозевали последний транспорт с эмигрантами. Я был очень расстроен.

Через несколько дней нас передали солдатам Советской Армии, которые должны были вернуть меня домой. Тогда я думал, что вернулся на территорию [Чехословакии](#) и называл себя чехом. Меня и отправили в [Чехию](#). Оттуда я поехал в [Будапешт](#) и решил, что буду жить в [Венгрии](#).

Наверное, я бы там был и по сей день, если бы в однажды не встретил женщину из нашего села, которая рассказала, что дома меня ждет мама. Тогда я все бросил и сначала вернулся в [Добронь](#). А потом в [Ужгород](#), где нам позже дали квартиру.

После всего пережитого, бытовые проблемы казались мелочами. Брат моей мамы шил костюмы, и я пошел к нему учиться. Скоро стал шить костюмы дома и лучше, чем мой дядя. Работал у нескольких людей, потом открыл собственную мастерскую. Не хочу хвалиться, но моими клиентами в советские времена было все начальство города. В 32 года я женился. Это была чудесная красивая женщина Любовь Моисеевна, родом из [Одессы](#). Всю свою жизнь она проработала учительницей младших классов в СШ № 11. У нас родилось двое детей: сын Александр и дочь Марина. Теперь имею двух чудесных внуков – Роберта и Даниэля.

Мне уже за 85 лет, у меня большое сердце. В синагогу хожу только на Шаббат и в праздники. Когда-то отец мой и дедушка разговаривали в семье по-еврейски, мы с женой совсем не учили наших детей идишу. Но теперь в синагогу стали ходить молодые люди. Молодцы! Приятно, что меня уважают в общине, часто просят рассказать о концлагере [Освенцим](#), Приезжали американцы, собирали информацию для фильма «Список Шиндлера».

Я считаю, что люди должны знать всю правду, чтобы такое никогда не повторилось. Поэтому и рассказываю вам о трагической странице своей жизни.

ПОГРОМЫ НА ЕВРЕЙСКОЙ УЛИЦЕ

НЕЛАВИЦКАЯ Евгения

Мой отец, Брейтман Моисей Ефимович, участвовал в финской войне 1939–1940 гг., был контужен, онемел и оглох, лечился в Ленинградском госпитале. Откуда был направлен в [Одессу](#) для продолжения лечения.

Когда началась Великая Отечественная война, отец пешком добрался в [Хмельник](#). Отец, его брат Пиня и мамин брат Йосл Кац, купили лошадь, телегу и попытались эвакуировать свои семьи на Восток. Но дороги были уже перерезаны, и мы вынуждены были вернуться в [Хмельник](#).

18 июля 1941 г. [Хмельник](#)¹ был оккупирован.

В это время я жила в доме по улице Володарского (номер дома не помню) вместе с моими близкими родственниками: папиным отцом, Ефимом (Хаимом) Плинсоховичем Брейтманом, папиной матерью, Эстер-Марим Бейтман, папой, Моисеем Ефимовичем Брейтманом, мамой Сарой Соломоновной Кац, моим братом, Семеном Моисеевичем Брейтманом, папиным братом, Пиней Ефимовичем Брейтманом, и его женой Розой Брейтман, грудным ребенком Пини и Розы Брейтман.

С первых же дней оккупации всем евреям было приказано носить нарукавные опознавательные знаки – белые повязки с голубой шестиконечной звездой.

Наше продвижение по городу было ограничено. Однажды я, нарушив запрет и прикрыв нарукавную повязку, пробралась на рынок, чтобы обменять кое-какие вещи на что-нибудь съестное. Но полицай Лищук распознал во мне еврейку, схватил меня и беспощадно избил.

Оккупанты бесконечно мародерствовали. По наводке полиция Фарины они отобрали у нас швейные машинки для пошива головных уборов (мой папа и дедушка были шляпниками), патефон со всеми пластинками, самовар, одежду, и даже тарелки, ложки, вилки и другую посуду.

Оккупанты выгоняли евреев на тяжелые грязные работы: заставляли чинить дороги, мосты, здания; убирать улицы и выполнять унижительное обслуживание. Мы должны были чистить их сапоги, выгребать уборные, убирать их жилища.

Они издевались над мамой и тетей Розой, заставив их продырванными ведрами заполнять бочку водой.

Они жестоко избивали нас без всяких на то причин. Особенно отличался в этом полицай Фарина.

18 августа 1941 г. гестапо организовало первый еврейский погром и массовое уничтожение евреев в [Хмельнике](#).

Моего отца вывел из дома полицай Петр Рагулин. На центральной площади вместе с другими евреями его сильно избили, затем ударами дубинок и прикладов их заставили танцевать вокруг постамента памятника Ленину, петь «Интернационал», плясать босыми ногами по битому стеклу. После всех этих издевательств к вечеру того же дня, их раздели и расстреляли на Улановской дороге, а трупы были сброшены в две ямы глиняного карьера.

Местные жители, дома которых были неподалеку от того места, рассказывали о том, что там произошло. Никому не разрешалось туда ходить, но по наивности мы надеялись, что кто-нибудь мог чудом избежать смерти.

С риском для жизни через несколько дней мы с несколькими женщинами – родственницами погибших – пошли к месту расстрела. Мы пытались найти хоть какие-нибудь вещи, принадлежавшие нашим погибшим родственникам.

Ямы были плохо засыпаны, и оставались видны беспорядочно нагроможденные трупы.

Я никогда больше не видела своего отца. Только через несколько лет после окончания войны останки этих людей – их было 367 человек – были перезахоронены в братской могиле на еврейском кладбище г. [Хмельник](#).

На памятнике не значатся ничьи имена. Там захоронен и мой отец, Моисей Ефимович Брейтман.

Гебитскомиссар Вицерман имел постоянную резиденцию в городе [Литин](#). Его приезды в [Хмельник](#) означали только одно – погромы.

2 января 1942 г. Вицерман организовал еврейское гетто в [Хмельнике](#), в месте, называвшемся Старый город. Гетто было окружено рекой Южный Буг, мосты круглосуточно охранялись вооруженными часовыми. Никто не мог выйти из гетто.

Ранним утром 9 января 1942 года (в пятницу) папин отец Ефим Брейтман отправился к реке по воду, прозвучал выстрел, и он был убит. Этот выстрел оказался началом нового погрома и массового расстрела.

Оккупанты в сопровождении полицаяев гнали евреев, как стадо, на площадь. Пытавшихся бежать, немедленно расстреливали, маленьких детей подбрасывали в воздух и стреляли по ним. Мамин брат Йосл Кац, муж маминой сестры, Ицък Гейлер вместе с другими специалистами были отображены оккупантами для принудительных работ и заключены в подвалы полиции.

Всех остальных, их было 5800 человек, отвели в лес, раздели догола, расстреляли и сбросили в ямы.

Среди них были мои близкие: бабушка Эстер-Марим Брейтман, папин брат Пиня Брейтман с женой Розой Брейтман и с грудным ребенком, брат маминого отца Мордех Кац, жена Мордеха – Цюпа Кац, еще один брат маминого отца – Симха Кац с женой Лееой Кац и сестрой маминой мамы, Тейбл.

Я ухитрилась спрятаться на чердаке в доме маминой мамы, Песл Кац, вместе с родными: мамой, Сарой Соломоновной Кац, младшим братом Семеном Моисеевичем Брейтман, маминой мамой – Песл Кац, маминой сестрой Этл Геймер с сыном Семеном и дочерью Раей, женой маминого брата Мирел Кац, дочерью Мирел – Лимой Кац и сыном Гришпей Кац, детьми Мордеха – Яшей и Женей Кац.

Погода была очень морозная. Нам нечего было есть и пить. Так мы провели целую неделю.

16 января 1942 г. гестаповцы организовали следующий погром.

Через два дня после этого мы спустились с чердака в поисках какой-нибудь еды. Полицай Рагулин (брат Петра Рагулина) и Лишук – поймали нас, побили и сообщили полиции, где находились ранее отобранные специалисты. Как раз в это время специалистов стали выпускать, разрешив им взять с собой свои семьи. Мамин брат, Йосл Кац, забрал семью Кац (6 человек), муж маминой сестры Ицик Геймер (3 человека), нас же (маму, младшего брата и меня) назвал своей семьей абсолютно посторонний мужчина, настоящая семья которого была уничтожена.

Так мы избежали смерти (1240 человек было истреблено во время погрома 16 января 1942), поселились в новом гетто на Юденштрассе (Еврейской улице). Там мы вынуждены были носить другие опознавательные знаки – желтые шестиконечные звезды на груди и спине.

Комендантом гетто был немец Янхе, начальником полиции Тарнавский, старшим полицаем Щур. Старостой гетто назначили еврея Эльзона (его дочь не выдержала издевательств, утопилась).

Мы постоянно испытывали жуткий голод, нас никогда не покидал страх. Мужчин выводили на работу за пределы гетто, и там им иногда удавалось добыть что-нибудь из еды. Иногда местные украинские жители давали нам из жалости немного пицци, рискуя своей жизнью.

Я помню тот день, когда женщин и девушек (меня тоже) заставили очищать стадион от снега, утаптывать его, утрамбовывать, лежа и ползая по нему. Издевательствам и надругательствам не было конца, нас били дубинками и прикладами, пинали сапогами. Особенно зверствовал полицай Дремянго.

12 июня 1942 г. гестаповцы устроили новый погром на еврейской улице.

Целую неделю мы прятались в заполненном водой подвале вместе с соседями, Шипивкерами. Среди 360 человек, были уничтожены мои родственники: жена маминого брата, Мирел Кац, их дети Лима и Гриша, мои дядя и тетя, дети Мордеха Кац – Женья и Яша.

5 марта 1943 г. при очередном погроме были истреблены 1300 евреев.

Мне опять удалось спрятаться в подвале вместе с мамой, младшим братом Семеном, бабушкой, тетей Этл, детьми Этл Геймер – Раей и Семеном и тремя соседями Шипивкер.

Мы находились в подвале уже пять или шесть дней, когда мамина сестра Этл Геймер выбралась, чтобы что-нибудь разведать. Ей удалось пробраться в дом своей украинской подруги Тодоске. Но Тодоска послала своего сына с доносом в полицию. Полицай Фарина схватил Этл, избил ее, затем убил. Переждав еще пару дней, мы вышли из своего убежища, пытаясь обойти охрану. Бабушке Песл с внучкой Раей Геймер не повезло, их заметили и убили.

Семен Геймер направился к своим украинским друзьям. Шипивкеры сделали то же. Мама со мной и моим младшим братом (он еще плохо ходил, и мы чаще несли его на руках) скрывались несколько дней в разных семьях. Затем какой-то крестьянин переправил нас в повозке с сеном в село Мазуровку, где мы нашли на несколько дней приют у маминой украинской подруги, Марии.

После этого мы присоединились к группе евреев, которых вел Петя Лезник, и попытались добраться до Жмеринки, оккупированной румынами. Мы шли туда три ночи, наполненные опасностями. Наиболее тяжелым был момент перехода с территории, занятой немцами, на территорию, занятую румынами...

Необходимо было пересечь охраняемую с обеих сторон границу – взорванный мост. С большим трудом нам удалось сделать это ночью.

Староста Жмеринского гетто не разрешил нам оставаться и направил нас в Красное² (или Красновку, не помню как точно называлось село), но там было так тесно, что люди спали не только на полу и на печках, но и внутри печей.

Мы продолжали свой путь и, наконец, пришли в маленький городишко Мурафа³ Шаргородского района Винницкой области.

Чужая женщина дала нам кров. Мы зарабатывали на жизнь стиркой, уборкой, вязанием, уходом за больными и стариками.

Там же мы узнали о печальной судьбе маминого брата Йосла Кац. Он бежал из концлагеря, который был организован

в [Хмельнике](#) после ликвидации гетто 5 марта 1943 года. Пытался добраться до [Жмеринки](#), был пойман при переходе через границу и убит, где-то в районе [Бар](#) (или [Браилова](#), не знаю точно).

В марте 1944 года румыны ушли из [Мурафы](#), и немцы туда вошли.

Мы избежали уничтожения только благодаря стремительному наступлению Советской Армии.

Как только стало возможным, мы отправились домой, в [Хмельник](#), пешком.

Наш дом по улице Володарского и дом маминой мамы Песл Кац, были совершенно разрушены, и мы поселились в пустующем доме, хозяева которого были убиты во время оккупации. Вскоре нашлись наследники, и мама выкупила этот дом с помощью моего отчима, Сергея Исааковича Банника, у которого тоже были убиты все родные.

В сентябре 1944 года я посшла в шестой класс и в 1949 году окончила школу.

Где-то в 1944–1945 годах моя мама, выступала в Винницком суде в качестве свидетеля обвинения против полицая Фарины.

Я не все помню, ведь была еще ребенком, но воспоминания обо всех этих ужасах прошлого причиняют мне нестерпимую сердечную боль.

«Я НЕ СМОГУ РАССКАЗАТЬ ОБО ВСЕМ ПЛОХОМ: У МЕНЯ НЕ ВЫДЕРЖАТ НЕРВЫ»

НЕМИРОВСКИЙ Леонид (1930 г.)

Я родился в местечке [Райгород](#) в 1930 году. К 1941 году наша семья состояла из шести человек: отец Рахмил, мать Фаня, старший брат Яков, я и две сестры – Циля и Шейва. До войны мы жили в [Райгороде](#), небольшом местечке в [Винницкой области](#).

9 июня 1941 года мне исполнилось 11 лет. В июле наше местечко было захвачено фашистами. Жители должны были явиться на сходку, и на этом собрании объявили, что всех евреев забирают в гетто. Немецкое руководство назначило заместителя директора школы старостой села. Некоторые жители выступали с таким лозунгом: «Давайте оказывать помощь немецким войскам, чтобы они быстрее разгромили Советскую Армию и уничтожили евреев».

В то время мы учились в школе. Я был в четвертом классе, и наш учитель немецкого языка, коммунист Фесенко, выступил и призвал убивать евреев. Он сказал, что евреи – враги всей вселенной, что все зло исходит от нас, и нас надо уничтожить.

После этого выступления евреев согнали в гетто: часть местечка огородили колючей проволокой, и нас туда поместили. Узников стали гнать на работы вместе с другими евреями из разных мест: на карьер по переработке гранита, который находился у железнодорожной станции.

Вся наша семья, родители, я, две сестры (брат был на фронте), начала зарабатывать себе на пропитание в этом карьере. У нас не было ни еды, ни одежды. Мы работали тяжело, по 15–16 часов, до тех пор, пока мы не заканчивали погрузку вагонов кам-

нями. Нам готовили похлебку, чтоб мы питались и продолжали работать на пользу германских войск. Мы загружали вагоны мрамором, грузили камни вручную. Не заканчивали погрузку вагонов до тех пор, пока камень не заканчивался, – тогда уже уходили с работы. Мы складывали камень сначала на машины, потом из машин в вагоны.

За время пребывания в гетто [Райгорода](#)¹ моя семья пережила две акции расстрела евреев. Два раза я был их свидетелем. Это проходило так: людей делили на две группы – трудоспособных строили в одну колонну, а нетрудоспособных – в другую. Мы видели, как более слабых стариков, детей до 14–15 лет и больных гнали колоннами в лес на расстрел. Теперь на том месте, где были расстреляны евреи в [Райгороде](#), находятся 4 братские могилы.

Каким же образом я остался в живых, ведь мне было 12 лет? Они же оставляли в живых только трудоспособных от 15 до 50 лет?

Как я рассказывал, мы трудились на каменном карьере. С нами работали украинцы. Они были бригадирами, мастерами, а комендант этого карьера, немец, нуждался в переводчице, чтобы давать команды. Украинцы не знали немецкий язык, а я, немного говорил на еврейском языке (папа с мамой дома говорили на идиш), мог перевести этому коменданту: он меня использовал в качестве переводчика. Например, он требовал отвезти 20 кг камня куда-то или перевести, что сейчас будет взрыв, потому что производились взрывы камня для его заготовки. Он давал команды бригадирам, а я переводил. За каждым бригадиром было закреплено несколько десятков евреев (одни собирали камни, другие грузили). Я переводил команды этим бригадирам, которые руководили евреями.

Коменданта каменного карьера звали Ганс, а фирма называлась Дорфман. Ганс передал другому немецкому коменданту Юппу, который командовал гетто, чтоб меня не ставили в строй обреченных, чтоб не убили, потому что ему нужен был переводчик. Благодаря этим двум немцам я остался в живых: два раза они меня спасали от акций. Ведь они сами не расстреливали, а приезжали зондеркоманды СС, которые проводили расстрелы

евреев. Перед их приездом комендант мне говорил в лагерь не ходить, а пойти с каким-то украинцем к нему домой.

Итак, в нашей семье важную роль сыграли два немца, благодаря которым вся наша семья осталась в живых. Они оставляли в строю моих маму, папу и сестер, потому что те могли работать.

В гетто [Райгорода](#) было много ужасных случаев – я не смогу рассказывать обо всем плохом: у меня не выдержат нервы. Но как над нами издевались!.. Просто эти два немца отнеслись к нашей семье хорошо, потому что я был им полезен. А так издевательства были, конечно: нас избивали, не считали людьми; были и немцы, и украинцы-полицаи.

Вот один случай, который мне запомнился. Немцы перед расстрелом раздевали людей и вещи отвозили обратно в гетто. Почему? – я не знаю. После работы в карьере люди возвращались в гетто и находили платица и обувь своих детей, брюки своих родителей. Так они узнавали, что родственники погибли. Был такой шум, столько плача... По одежде люди находили своих погибших родственников. Мы думали, что хуже, чем в [Райгороде](#), быть не может...

Мы пробыли в [Райгороде](#) с августа или сентября 1941 по январь–февраль 1942 года, когда нас погнали в [Брацлав Винницкой области](#). За этот период я пережил две акции расстрела. А после еще было две, когда пригнали других евреев. Но мы уже были в [Брацлаве](#).

Если в моем родном местечке мы жили в гетто, хотя и за колючей проволокой, в тесноте, но в отдельных домах, то в [Брацлаве](#)² мы все находились в одном здании. Оттуда нас гнали на строительство шоссейных дорог. Эта дорога есть по сегодняшний день: она связывает [Брацлав](#), [Гайсин](#) и [Умань](#).

По реке Южный Буг проходила граница между захваченными территориями: Правобережье было румынским, а Левобережье – немецким. В [Райгороде](#) мы были на немецкой территории: там расстреливали, а гетто [Брацлава](#) находилось на румынской, там не расстреливали. Румынское руководство не соглашалось, чтобы у них проходили расстрелы. Поэтому из [Брацлава](#) и других гетто детей и стариков увозили на немецкую территорию и там подвергали расстрелу.

Итак, мы жили в немецком лагере, руководство осуществляли немцы, а полицаи, охранявшие нас, были украинцы, которые помогали немцам. Я только один пример привел, о предательстве учителя немецкого языка, а было гораздо больше предателей, которые сотрудничали с немцами и помогали их планам в истреблении евреев и коммунистов.

У фирмы Дорфман были гаражи для ремонта техники и транспорта, которые использовались для строительства дорог. И меня взял к себе на работу начальник – заведующий гаражами. Работа была тяжелая, издевались над нами, особенно украинские полицаи.

Маму, папу и сестер гнали ежедневно пешком от лагеря к конторам руководителей фирмы, а там было распределение на разные работы, а потом развоз по участкам. Работа по строительству дорог была изнурительной. Мы трудились в холод, дождь, жару, в обмотках – на нас не было одежды, но мы ходили на работу.

Я не могу сказать точно, сколько погибло на таких работах: один мог трудиться по 12 часов, а другой человек не выдерживал. И были случаи, что таких расстреливали на месте, когда они больше не могли работать.

Хочу рассказать один случай с двумя немцами – комендантом лагеря и его заместителем. У меня до сих пор сохранился на лице след моего пребывания в лагере, и у моих родителей на всю жизнь сохранились «знаки внимания». Немцы решили повеселиться – в их распоряжении был целый лагерь евреев! Напились, пришли к нам (мы жили в трехэтажном здании) и, вооружившись лопатами, заставляли нас бегать вокруг здания через узкий проход, который они выбрали. Я и многие другие падали, по нашим головам бежали другие заключенные. Так немцы развлекались... У меня до сих пор остался след на лице.

Мы пробывали в Брацлаве с 1942-го по 1944 год. Был момент, когда советские войска совершили прорыв; немцы удрали, а у нас наступило безвластие, и мы разбежались по селам. Наша семья была большая, и местные крестьяне не могли нас держать долго – дней 10, и все. Кроме того, они знали, что вернутся немцы, и боялись за свои семьи.

Немного поскитавшись у них, мы вернулись в гетто Брацлава. Некуда было деваться, и многие вернулись. С нами были евреи не только из Украины, но и из Чехословакии, Румынии и других западных стран.

Однажды советские войска начали наступать, но это был не совсем успешный прорыв. Тогда у нас сменилась немецкая власть, и фашисты не знали, что с нами делать. Они решили перегнать нас в лагерь в «Мертвая петля» в Печоре³. Гнали пешком в дождь, снег, холод. Мне шел 14-й год.

То, что я увидел в Печоре, не могу забыть. Эти люди стоят перед глазами. Было там 200–300 человек, невозможно было отличить мужчину от женщины, были все заросшие, обессиленные, не похожие на людей. Они только лежали и справляли под себя свои нужды. И были настолько истощены, что не двигались.

Это было в здании бывшего санатория. Все стены промежуточных комнат оказались съедены людьми: они были сложены из подсолнечных стеблей, и все было съедено...

Когда мы прибыли, нам сделали какие-то прививки (позже мы узнали, что они проводили над нами эксперименты, брали кровь, и делали инъекции). Мама сразу заболела тифом, а папа попросил меня найти хотя бы дверь, чтобы положить ее на что-то, чтоб она не лежала на полу. Я нашел и принес. В нашем лагере был еврейский комендант – староста Циммерман, который соблюдал порядок. Он посадил меня в карцер за то, что я принес маме дверь. Папа увидел, что меня нет, пошел к нему и объяснил, что жена болеет, поэтому он послал сына найти что-нибудь, чтоб положить ее. А Циммерман ответил: «Столько умерло, и твоя жена тоже умрет. Ничего страшного». Потом был суд над ним, и я выступал свидетелем.

Мы были там с января до марта 1944 года, когда нас освободили. Вот так мы выжили там.

Гетто не охранялось, но мы ходили с опознавательными знаками – с желтыми звездами. Я переодевался в фуфайку и удирал, чтоб собирать в деревнях какую-то еду для матери – нас ведь не кормили. Я ходил по деревням и собирал – то картошку, то соль выпрашивал. В лагерях, в которых мы были раньше, хоть супы были, кормили хоть чем-то, а здесь совсем ничего не давали...

Итак, началось наступление советских войск. Нас окружили немцы – войска, которые отступали. И мой папа сказал, что я должен остаться в живых и встретиться с моим братом (он воевал) и за все, нами пережитое, отомстить. И я убежал: подошел к немцу-охраннику и попросился сходить по надобности. Он махнул рукой, и я побежал к обрыву над Южным Бугом. По мне стреляли: я слышал за спиной автоматную очередь, но я летел без остановки. Я остался в живых и через сутки добрал до Брацлава, где спрятался у знакомых, с которыми работал в гараже.

Родители и две сестры остались. Как выяснилось потом, немцы бежали и забирали с собой только здоровых мужчин. Всех остальных оставляли. Потом наступили советские войска, захватили Печору. Мама с двумя сестрами прятались в подвале, а когда услышали русскую речь, вышли.

Брацлав освободили через 3 дня после Печоры, 17 марта 1944 года.

Так наша семья осталась в живых. Мы объединились и вернулись в Райгород. Наш дом был занят украинцами, но те знали, что это наш дом и пустили нас обратно. Мы прожили вместе полгода, пока они себе что-то не построили.

Во время войны проявлялась истинная сущность людей. Нас предавали близкие друзья, соседи, как, например, один из наших соседей, который стал старостой. Я даже не говорю об этом учителе Фесенко, призывавшем уничтожить евреев. Но все же немало было и хороших людей. Хочу вспомнить их, простых крестьян, которые, не зная никакой политики, живя обыденной жизнью, нас спасли, жертвуя своей жизнью, нам помогали; приходили к нам в лагерь, подлезая под проволоку, кормили нас. Это семья Монастырских.

Сами не имели, что кушать, а делились с нами последним. В русской части Чернышевке (в Брацлаве были две части – русская и украинская) был дядя Тарас, который помогал евреям после того, как немцы нас оставили. Так доброта и проявлялась. Вечная память этим добрым людям!

Нас освободили в марте 1944 года, а война еще шла. Мы были у себя дама, в Райгороде. Через сельсовет меня вызвали в военный трибунал в Винницу свидетелем против украинского

полицая (его звали Миша), который нас охранял в Брацлаве и расстрелял 6 евреев. Это были более богатые евреи, пригнанные из Западной Европы, которые подкупали смену полицейских, чтобы убежать в Бершадское гетто.

Немецкий комендант утром не досчитался 6 человек. И начальник охраны поставил условие, что, если их не найдут, то расстреляют смену полицейских и из нас по 10 человек за каждого убежавшего еврея. Общим количеством 60 евреев. До настоящего времени я не пытался восстановить, как это произошло. Когда меня вызвали на процесс, мне показывали фотографии, чтобы опознать людей, которых расстреляли.

...Беглецов тогда поймали. Я стоял вместе с другими у гаража, где я работал, у проволоки, окружавшей лагерь. И вот за проволокой беглецы сами себе вырыли яму. Их раздели внутри здания, они голыми лезли под проволоку прямо в яму. И я слышал, как один из расстреливаемых – я не помню фамилий и имен – у меня до сих пор стоит в ушах, как он кричал своему палачу: «Миша, ты меня не убил, ты меня только ранил. Ты еще постреляй в меня».

Каким образом оказались в трибунале эти фотографии, я не знаю. Но мне показали фотографии этих 6 людей, которых расстреляли, этого полицая, который стрелял в них. На суде я дал показания, что Миша стрелял и убивал.

Я вышел из здания суда, а мне навстречу женщина и спрашивает: «Ты был в Печорском гетто? Ты помнишь такого Циммермана?». «Да, помню». «Так вот, сейчас его будут судить». «А вы, кто такая?». «Конечно, ты меня не помнишь, и я тебя не помню. Но Циммерман избивал мою маму до такого состояния, что у нее случилось кровоизлияние в мозг, и она умерла. Я себе поставила задачу выследить его, чего бы мне это ни стоило, чтобы он был наказан». Эта дочь его выследила, заявила, и в тот же день его судили, старосту нашего гетто в Печоре.

Хотя война еще не закончилась, власти уже занимались вопросом раскопки братских могил. И меня привлекли к опознанию четырех братских могил, которые находятся у нас в Райгороде. Конечно, я никого не мог опознать, потому что уже много времени прошло.

После войны мы пошли в школы, вузы, служили в армии. Военные страдания сказались на здоровье родителей: отец умер в 1952 году, в 1977 году умерла и мама.

По духу моего воспитания, я – атеист. Советская власть воспитывала нас на идеях коммунизма, а не на вере в Б-га. Но мой отец, Рахмил, верил в Б-га: он меня еще до войны водил в синагогу. А после войны мой отец потерял веру. Почему? Потому что ему пришлось пережить такое: на глазах разрывали маленьких детей, безвинных убивали. У него пропала вера.

«Рожденные страдать»?

Помни слезы и скитания Избранного народа.

Винница. – 2011. – С. 141–145.

«КРОВЬ СТЫНЕТ В ЖИЛАХ»

НОВАКОВСКАЯ Христина

5 ноября в городе Ровно¹ были развешены объявления о том, что лица еврейской национальности, не имеющие удостоверений с места работы, так называемых «арбайтшанов», – обязаны явиться на следующий день, т. е. 6 ноября 1941 г., к 6 часам утра на Костельную площадь на Грабнике, для эвакуации из города. До этого в городе ходили слухи, что нас всех должны куда-то выслать. У людей не было и мысли, что их собирают для расстрела.

6 ноября вся наша семья – отец, мать, сестра, брат, дядя и тетя – пришли на Костельную площадь. Шел мокрый снег, дул пронизывающий ветер, было темно, но сквозь бурю и непогоду тысячи людей шли со всех концов города к площади. Никого, кроме евреев, на улицах не было, так как приказом гебитскомиссара в городе было объявлено чрезвычайное положение, причем запретили появляться на улице людям нееврейской национальности. Мужчины шли с узлами на плечах – немцы разрешили взять с собой ценные вещи и запас продуктов питания. Шли женщины, неся на руках детей, шли старики, здоровые вели под руки больных.

К 10 часам утра мы, наконец, добрались до площади. Еще не доходя до нее, люди начали чувствовать что-то недоброе: все прилегающие кварталы были оцеплены эсэсовцами и местными полицейскими. Повернуть назад не было возможности – полиция не разрешала, да и люди шли такой плотной массой, что не было места даже повернуться, не только пойти против течения.

Шедшие сзади и не видевшие полицейских, напирали в каком-то безумии.

Наконец, часов в двенадцать – в начале первого, площадь была забита людьми до отказа. На пригорок поднялся немец и объявил через рупор собравшимся, что все принесенные с собой вещи – узлы, пакеты, чемоданы, свертки и прочее – следует оставить здесь, на площади, сложив их в кучу. Через полчаса выросли несколько бугров из вещей.

После этого нас повели по двум дорогам в село **Сосенки**, что в 2–3 километрах от города. Теперь уже нас конвоировала тройная цепь местных полицейских и эсэсовцев. О бегстве не могло быть и речи.

Подходя к **Сосенкам**, мы поняли, что пришли на смерть. Моим глазам представилась кошмарная картина, от которой даже теперь, когда угроза смерти давно миновала, кровь стынет в жилах. Ров был длиной метров в 100. Через ров перекинуты бревна. На бревнах, выстроившись в затылок, стоят человек 10–20. Длинная очередь из автомата – и люди, как скошенные колосья, падают в ямы.

Неподалеку от рва было еще несколько ям. Всех заставляли раздеваться догола и подходить к яме – мужчины и женщины по отдельности. Каждый палач практиковал свой способ убийства: одних выстраивали вдоль ямы лицом к яме, и немец поочередно стрелял каждому в затылок, других ставили перед ямой на колени, третьих заставляли бежать к яме и, когда человек приближался к яме, в него стреляли и т. д.

Одних маленьких детей бросали в ямы живьем, других подбрасывали вверх и стреляли на лету. Все это сопровождалось предсмертными стонами и криками умирающих и хохотом палачей.

Если кто-нибудь из обреченных пытался бежать в сторону, его пристреливали. Поработав таким образом час-два, немец подходил к столику, выпивал рюмку водки, закусывал бутербродом с колбасой и снова продолжал свою гнусную работу.

С наступлением ночи я, голая и до предела измученная виденным, потеряла сознание. Ночью мне каким-то чудом удалось спастись – я проползла между цепями полицейских и добралась до своих знакомых на окраине города.

Все мои родственники были расстреляны вместе с 18 тысячами евреев **Ровно**.

Имена палачей я не знаю – там были эсэсовцы, гестаповцы, украинско-немецкие полицейские. Расстрел продолжался почти трое суток.

30 ноября 1944 г.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сборник документов и материалов / Ред. И. Арад. – Иерусалим, 1991. – С. 151–152.

«Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ МОЯ БАБУШКА БЫЛА ЗАБЫТА»

НОВИЦКАЯ Гдалина (1938 г.)

Мне было 3 года и 9 дней, когда немецкие войска захватили [Киев](#)¹. Моя бабушка Фаня была парализована и не смогла уехать с семьей из [Киева](#). Ее пришлось оставить на попечение домработницы.

Фаня Каплан родилась в 1873 году. Когда ей было 17 лет, она вышла замуж за Гедалия Каплана (дедушка Гедалия скончался в 1923 г. и мои родители назвали меня в его честь – Гдалиной). К свадьбе Гедалия подарил своей невесте золотые сережки. Трудно сказать, каким образом они сохранились, однако ныне они хранятся у меня, как память о моих дедушке и бабушке.

У Фани и Гедалия было двое сыновей: Мойше и Эфраим, а также шесть дочерей: Тося, Рухл, Кейла, Ребекка, Энна и Мариам (моя мама), однако не всем им суждено было стать взрослыми.

Фаня Каплан прожила очень тяжелую жизнь: рано овдовела, пережила смерть троих детей, Первую мировую войну, революцию большевиков...

И, наконец, ужасная смерть в Бабьем Яру. Ей было 68 лет. Она была стара, беспомощна, но нацисты и их пособники не жалели никого.

На двух фотографиях, которые хранятся у меня, молодая, красивая Фаня – невеста и она же в более позднем возрасте.

Я не хочу, чтобы моя бабушка была забыта, чтобы ее имя затерялось среди миллионов безымянных жертв Холокоста.

«Never Forget». – Chicago, 2010, p. 38.

«В ТАБОРІ ЗАГІНУЛА МОЯ МАТИ»

ОЙБЕРМАН Юрій

Мої батько та мати перед війною працювали в колгоспі села [Малої Багачівки](#), а ми з сестрою Раєю навчались в школі. Через кілька місяців після початку війни наше село окупували німецько-румунські війська. Почався терор проти місцевого населення, особливо жорстокий терор – проти євреїв. Було ще тепло. Ми, діти з матір'ю, ховалися в полі. Вночі мати заходила в село, брала їжу й воду. Одного разу приїхали в наше село з [Великої Врадіївки](#) румуни й поліцаї і розстріляли багатьох людей, які були в селі, жінок з маленькими дітьми, старих людей.

Ми з матір'ю вночі пішли подалі від нашого села, десь під [Миколаївку](#). П'ять днів сиділи ми без їжі і води в полі, потім вночі мама нас повела до села [Секретарки](#). Дійшли до ставка, мати добре знала там поля, сховала нас у скирті соломи, а сама пішла в село. Принесла нам їжі й води, через кілька днів вночі мати пішла знову в [Секретарку](#) знайшла хату, де жила сім'я Озернюк Йосипа та Хіврони. Це були наші рятівники. Фашиська влада в селі, поліцаї погрожували всім смертю, кожному, хто буде переховувати євреїв. Але Йосип та Хіврона Озернюки не побоялись погроз, сховали мою сестру Раю від терору.

Ми з матір'ю ховалися у добрих людей, а інколи – в полі. Була дуже холодна осінь, а потім ще холодніша зима – сніг, хуртовини. Десь в кінці листопада чи на початку грудня 1941 року в [Секретарку](#) приїхали поліцаї з [Багачівки](#). Це був кат Кохановський, з ним були два чи три поліцаї. Вони шукали євреїв. Кохановський заходив і в хату Озернюків. Можна лише уявити, що в ту мить пережили бідні люди, але мою сестру не видали. Поліцаї тоді знайшли в селі євреїв: п'ятеро дітей і жінку, всіх розстріляли за горою в яру.

Через кілька днів приїхали поліцаї з села [Леніне \(Станіславчик\)](#). Хтось видав, що єврейські діти ховаються в полі на тракторному стані. Всіх відшукали і розстріляли. Керував розстрілом дітей поліцай Новошицький.

В грудні 1941 року повернувся мій батько. Він евакуював велику рогату худобу на схід, попав у полон, але зумів врятуватись і повернувся в [Багачівку](#), а потім – в [Секретарку](#). В лютому 1942 року в селі була велика облава. Нашу родину, а також інших євреїв, зібрали в сільській управі. Сестра моя Рая не могла більше перебувати у своїх рятівників, тому сама прийшла в управу. На початку березня нас відправили в [Криве Озеро](#)¹, потім в табори [Доманівки](#)². Це були табори смерті, де люди помирили від голоду та хвороб. Там, в таборі, загинула і моя мати.

«КОГДА ПОГИБЛА МАМА, МНЕ БЫЛО 4 ГОДА»

ОЛЕЙНИК (КУЛИНСКАЯ) Клара (1939 г.)

Мне, Олейник (Кулинской) Кларе Евгеньевне, 1939 г. рождения, в сентябре месяце 1941 года, когда Переяслав (теперь [Переяслав-Хмельницкий](#)) Киевской области был оккупирован фашистами, было 2 года и 6 месяцев.

В начале октября 1941 г. в городе [Переяславе](#)¹ было расстреляно более 500 человек евреев. Среди них был и мой дедушка – отец моей мамы. Мать моя, еврейка Кулинская Раиса Вениаминовна 1907 года рождения, при массовом расстреле евреев в октябре 1941 г. не попала в эту нечеловеческую акцию в связи с тем, что жила в украинской семье и ее не выдали.

После того, как убили маминого отца, она постоянно находилась под страхом, что ее могут расстрелять как еврейку, а дети останутся сиротами (так рассказывала соседка А. С. Шевченко). Часто мама со мной и братом пряталась у этой женщины на чердаке, по соседским погребам.

Была попытка с помощью этой женщины, пробраться к партизанам в лес. Однако в лесу они никого не нашли, побоялись сами там находиться и вернулись домой. Кроме того, соседом по дому был работник полиции, который в любую минуту мог ее выдать.

В мае 1943 г. в [Переяславе](#) были расстреляны, по доносу, молодые женщины-еврейки, состоявшие в смешанных браках, а также одна пожилая женщина и учитель. Среди них была и моя мама. Когда погибла мама, мне было 4 года. Как рассказывали соседи и брат – я была очень пугливой девочкой и все спрашивала: «Где мама?».

Перед расстрелом соседская девочка (она старше меня) С. А. Дудка водила меня к тому зданию, где находились арестованные. Через оконную решетку было видно: кто-то машет рукой. Может, мама просталась со мной.

В [Переяславе-Хмельницком](#) на еврейском кладбище есть могила, в которой погребены женщины и учитель. На памятной доске написаны их фамилии. Рядом большая братская могила, в которой покоятся 800 расстрелянных евреев. У нас (в [Переяславе-Хмельницком](#)) в Обществе еврейской культуры есть стенд «Наши земляки – жертвы геноцида», с которого на меня смотрит моя мама.

После гибели мамы мы с братом остались с отцом. Отец по состоянию здоровья (очень плохое зрение) не был призван в армию. Ему было трудно ухаживать за нами. И когда Красная Армия освободила 22 сентября 1943 г. [Переяслав](#) от оккупантов, приехала моя тетя (мамина родная сестра) С. В. Котляр и забрала меня к себе, несмотря на то, что у нее было своих четверо детей. Брат остался с отцом.

Приблизительно в 1952 г. дядя вышел в отставку (он был военным) и мы все переехали жить в [Переяслав-Хмельницкий](#). В 1955 г. меня, у которой фашисты убили мать, приняли на полное государственное обеспечение в Специальное женское ремесленное училище № 5 города [Харькова](#). Позже пришлось снова вернуться в [Переяслав-Хмельницкий](#), так как отец заболел и за ним нужен был уход.

В данное время (1998 г. – Б. 3.) живу в [Переяславе-Хмельницком](#) вдвоем с мужем Иваном Петровичем Олейником. Он пенсионер, получает Чернобыльскую пенсию 65 грн. Я тоже пенсионерка, получаю пенсию, как инвалид первой группы 48 грн. Имеем двоих детей. Дочь – Наталия Ивановна Семенюк, живет в городе [Белая Церковь](#). Сын – Сергей Иванович Олейник, живет в [Переяславе-Хмельницком](#). Отец и брат умерли.

Отца (хоть он и был украинец) мы с братом решили похоронить на еврейском кладбище возле мамы, так как он всю жизнь, которую прожил без нее, любил ее и тосковал о ней.

«ПО ДОРОГЕ ШЛИ СТАРИКИ, ДЕТИ, ИНВАЛИДЫ, СЛЫШАЛИСЬ КРИКИ, ПЛАЧ...»

ПАНКОВА Ольга (1925 г.)

Я, Панкова (девичья Злотина) Ольга Яковлевна, родилась 25 ноября 1925 года на [Украине](#) в городе [Полтава](#).

Мои родители – Злотин Яков Наумович – отец, и Злотина Эсфирь Рафаиловна – мать. Вместе со мной у них было шестеро детей, все девчонки. Я была старшей, две последние – близнецы. Своих родителей мы никогда не видели.

В те далекие годы в нашей стране было очень много сирот и для них создавали детские дома, в том числе и еврейские. В [Полтаве](#) был еврейский детский дом имени С. М. Кирова, куда нас, трех старшеньких, и определили, а трех младших определили в другой детдом для дошкольников. Мы ничего о них не знали. Как нам рассказывали, наши родители разошлись. Нас они оставили в [Полтаве](#), а сами уехали навсегда.

В [Полтаве](#) у нас жила очень бедная, полуслепая бабушка Рейза. Она никогда не хотела говорить с нами о маме и вообще обсуждать этот больной вопрос.

В детдоме жили очень бедно, плохо питались, такие были времена. 7 лет мы учились в еврейской школе. Нас воспитывали в духе преданности и любви к Родине, Сталину.

Окончив 7 классов в 1940 году, я была выписана из детдома, как говорится, «на все четыре стороны». В [Харькове](#) жила бабушкина сестра Вера Рафаиловна Утевская, которая меня забрала к себе, а потом в 1941 году и вторую мою сестру, Соню. Вера Рафаиловна очень болела, у нее был сахарный диабет, и мы ей во всем помогали.

Неожиданно началась война.

После первой бомбежки [Харькова](#)¹ дядя с тетей, бросив все, эвакуировались вглубь страны, а нас оставили в своей квартире. Буквально на второй день после их отъезда, соседи стали нас обижать и выгонять (квартира была коммунальная). Мы совершенно не понимали жизнь, не знали как себя вести, чем заниматься и к кому обратиться. Ходили на Благовещенский базар, меняли какие-то мелочи (посуду, пуговицы) на макуху, которой питались.

14 декабря 1941 г. я была на базаре, народу было очень много, все были очень взволнованы. Возвращаясь с базара в Самеровский пер., № 10, кв. 3, где мы жили, я увидела на заборах, стенах домов большие объявления на украинском языке: «Всьому жидівському населенню міста [Харкова](#) з'явиться 16 грудня на Верстатобудівельний завод для роботи і проживання, а хто буде замічений в місті після 16-ї години буде розстріляний». Это я прочитала своими, тогда еще видящими, глазами. В Самеровском переулке меня ожидала моя младшая сестра Соня. Когда я ей все рассказала, она расплакалась и я с ней.

В нашем дворе жил со своей семьей мужчина, звали его Павлик. Он нас, как сирот, очень жалел и посоветовал нам не ходить на ХТЗ, а вернуться в [Полтаву](#), в наш детдом.

Мы так и сделали. 16 декабря 1941 г. на рассвете мы с сестрой пошли в сторону ХТЗ. По дороге шли старики, дети, инвалиды, слышались крики, плач. Дойдя до места, где теперь кинотеатр «Москва», мы с сестрой остановились и пошли дальше в сторону [Полтавы](#). Тогда мы еще не знали, что нашего детдома уже нет, и всех евреев в [Полтаве](#) уничтожили.

Шли ночью. Устали. Остановились около одного домика и попросились переночевать, но нас не пустили. Люди не знали как себя вести. Мы пошли в поле, там, в снегу, было очень много машин, тракторов, подвод, лошадей, скота. Забрались в разбитый трактор и переночевали. Зима тогда была очень холодная и снежная.

Скитаясь, мы дошли до железнодорожной станции [Гребенка](#). Ночуя в разбитом тракторе, я отморозила руки, а сестра пальцы ног.

Я пошла в село и попросила людей нам помочь. Нам помогли и сестру поместили в сельскую больницу, а я ушла одна, якобы к отцу с мачехой, которые жили под [Киевом](#).

По дорогам бродило очень много людей разного возраста. Их ловили и отвозили в [Киев](#). Так схватили и меня. Документов при мне никаких не было, на еврейку я не похожа, и меня еле живую, всю во вшах, привезли в [Киев](#) вместе с другими. Нас вымыли, а затем эшелонами отправили по железной дороге в [Германию](#). В поезде все вместе – дети, мужчины, женщины – лежали на тоненьком настиле соломы, а в середине вагона была дыра – туалет.

Не хватает слов и сил, чтобы описать все подробности пути. Когда эшелон прибыл в [Германию](#), нас стали «сортировать», а потом отправили на работу. Я работала в городе [Прибус \(Силезия\) на реке Одер и Нейсе](#), в так называемой зондеркоманде по взрыву невзорвавшихся снарядов.

Расставшись с сестрой Соней на станции [Гребенка](#), я ничего не знала о ее судьбе. Мы встретились только в августе 1945 г. в [Полтаве](#). Оказалось, что она после больницы так же, как и я, была угнана в [Германию](#) и работала прислугой у врача. Ее освободили американцы, а меня на Одере Красная Армия. После я работала в СМЕРШе переводчицей.

Вернувшись в [Харьков](#), я была принята на работу переводчицей в лагерь для военнопленных на территории завода ХЭМЗ.

Третья наша сестра во время войны была в детской колонии на [Урале, в городе Ирбит Свердловской области](#).

Обе мои сестрички уже умерли.

«Мадрегот», 2001, № 11. – С. 5.

«ДЛЯ НАС УЖЕ БЫЛИ ВЫРЫТЫ МОГИЛЫ...»

ПАНЧЕНКО Эмма (1938 г.)

Я, Панченко Эмма Александровна (Алтзыцер), родилась 16 января 1938 г. в городе [Авдеевка Донецкой области](#). Перед войной мы (отец, Алтзыцер Александр Борисович, 1910 года рождения, умер в 1983 г., – еврей, мать, Раиса Михайловна, 1914 года рождения, погибла в 1941 году на оккупированной территории, сестры Тамара, 1932 года рождения, и Алла, 1939 года рождения) жили в [Сталино](#) (теперь [Донецк](#))¹.

До прихода немецких войск отец эвакуировался с металлургическим заводом, а мы остались. Из рассказа старшей сестры, наши вещи не успели погрузить.

В город вошли немцы. Так мы оказались на оккупированной территории. И так мама с нами осталась жить у бабушки, которая жила одна. Дедушки уже не было (умер в 1921 г.). И так, с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. (24 месяца) под чужой фамилией мы оказались на оккупированной территории.

С этого времени наша жизнь осложнилась тем, что мы являлись детьми евреев. Нашлись люди, которые информировали немцев об этом. Маме сообщили добрые люди, что мы числимся в списках к расстрелу. Посоветовали нас спрятать. И так прятали несколько раз.

Кормили чужие люди. Мама часто уходила добывать еду для нас. И однажды ушла и не вернулась. Бабушка рассказала, что она погибла.

Лишившись родителей, потеряв все имущество, мы чудом остались живы, а ведь для нас уже были вырыты могилы. Об этом рассказал бывший староста, друг нашей бабушки. Он сам уничтожил эти карточки. И так у бабушки на руках трое внуков без родителей, без документов. Старшая сестра инвалид.

...Я оказалась в детском доме с 1949 по 1952 гг. Потом бабушка немного обжилась и забрала меня. Я окончила школу, вышла замуж. Окончила Краматорский машиностроительный техникум. Жила в [Донецкой области](#) до 1980 года. Ныне живу в городе [Белая Церковь](#).

«ВСЯ ДОРОГА БЫЛА УСЕЯНА ТРУПАМИ ДЕТЕЙ, СТАРИКОВ, ЖЕНЩИН...»

ПЕКАРЬ Семен (1926 г.)

Первый день войны 22 июня 1941 года, меня, мою мать Фриму и отца Хаима Пекарь застиг в городе [Одесса](#).

Отец был мобилизован в ряды Советской Армии и отправлен на фронт. Долго от него не было никаких известий. В конце августа 1941 года он с раздробленной рукой был доставлен в Херсонскую больницу [Одессы](#), которая находилась напротив дома, где мы жили. Сколько слез пролили мать и я, увидев его.

В сентябре 1941 года раненых и, в том числе, моего отца эвакуировали из [Одессы](#) на теплоходе «Днепр». Нам разрешили эвакуироваться вместе с ним.

В последнюю минуту был дан приказ гражданским лицам сойти с парохода. Так мы остались и не имели возможность уехать. Все это время город подвергался бомбежке и обстрелу дальнобойными орудиями. Пожары домов не прекращались, было много жертв среди местного населения во время бомбежек и обстрела города. 16 октября 1941 года румынские и немецкие войска вошли в [Одессу](#)¹.

Со стороны Пересыпа двигались колонны с вражескими солдатами и боевой техникой. Мы не выходили из квартиры, чувствовали, что приближается опасность. Спустя несколько недель евреев стали выгонять из домов на улицу и группами гнали в Одесскую тюрьму, где мы с мамой пробыли пару недель в ужаснейших условиях, почти без пищи и воды.

Вся тюрьма была битком набита стариками, женщинами и детьми, над которыми издевались.

Чтобы лечь спать, не было места, можно было присесть на корточки, или ноги держать под себя, по-турецки. Ежедневно из камер выгоняли мужчин и молодых девушек на работу.

Зачастую девушек насиловали и избивали. В тюрьме были несколько колодцев, из которых черпали грязную воду для питья. Если доставалась такая вода, это было счастье.

По возвращении с работ, люди приносили куски хлеба и овощи, которые давали им местные жители, делились этими продуктами в камерах. Были случаи, что не все возвращались с работы, так как изнеможенных тяжелой работой и не понравившихся надзирателям, убивали на месте. В основном, работали на аэродроме по очистке территории и ангаров, в которых был затвердевший цемент.

После выхода из тюрьмы и придя в наш дом № 6 по улице Самуэля, наша квартира была занята, а вещи разграблены местными жителями, и мы поселились в квартире маминого брата, Рафаила Учителя, его жены Мани и дочери Леночки по улице Чижикова, 94.

Ходить по улице нам было опасно, так как мы были евреями.

В январе 1942 года был приказ, чтобы 10 января 1942 года все евреи явились в гетто, которое было организовано в районе Слободки.

В гетто условия были ужасные, спали на полу в сараях. Продавали или меняли вещи, чтобы можно было скудно прокормиться.

Настроение у нас было ужасное, чувствовали, что нас ждет печальное будущее. Многие стали болеть, и было много смертных случаев.

Ежедневно утром полицейские из местных жителей и наряды военнотружеников обходили места, где жили евреи, выгоняли их на улицу, потом в школу, а из школы колоннами пешком гнали на станцию Сортировочную, которая находилась в районе Пересыпа, загоняли битком в товарные вагоны и везли на станцию [Березовка](#), которая находилась в ста километрах от [Одессы](#).

В одном из таких эшелонов я с мамой и с ее братом с семьей прибыли на станцию [Березовка](#). Когда открывались двери вагонов и люди прыгали на землю под ударами прикладов полицейских и военных, в вагонах оставались десятки умерших и замерзших, так как стояли страшные морозы, а евреи были сильно истощены.

От станции [Березовка](#) этапами гнали евреев на [Доманевку](#)². Зрелище было ужасное. Колонна растянулась вдоль заснеженной дороги, а местами стояла вода. Кто не мог идти и приседал,

чтобы отдохнуть, сразу же получал удар прикладом, а если кто не мог подняться, убивали на месте.

Вся дорога была усеяна трупами детей, стариков, женщин.

Куда нас гнали, никто не знал, и что нас ждет впереди, понятия не имели. Но предчувствия были плохие.

В [Доманевке](#) людей расселяли в бараках, где раньше был скот. Я с мамой попал в помещение клуба, где на полу спали сотни людей.

Полицейский Козакевич на своем белом коне заезжал в бараки, в клуб, где на полу сидели евреи, и издевательски обзывал нецензурными словами, бил нагайкой и заодно стрелял из своего пистолета в кого попало. Когда он уезжал, люди облегченно вздыхали, и выносили трупы, чтобы их захоронить. Часто в клуб навевались бандиты из местных жителей и грабили стариков и женщин. Трупы вывозились на телегах в лес на окраине [Доманевки](#), где работали похоронные бригады.

Некоторое время я работал в леднике, где замораживали воду в ледяные брикеты. Одежда и ноги были промокшие, кое-как после работы в клубе удавалось просохнуть. В один из февральских дней 1942 года группу в несколько сот человек погнали в лагерь [Богдановку](#)³ [Доманевского района](#). Среди этой группы был я с мамой, ее брат Рафаил Учитель с женой Маней и дочкой Леночкой.

Поселили нас в один из барачных дворов для скота. В разговоре с евреями, которые попали сюда до нас, мы узнали, что цель этого лагеря – уничтожение евреев, что уже тысячи расстреляны в яру, который находился неподалеку от барачных дворов.

Из барачных дворов выводили группами стариков, женщин и детей, предлагали сдать ценности, деньги и уцелевшие хорошие вещи, потом гнали к яру и расстреливали в упор. Сначала трупы были засыпаны снегом, а весной стали их сжигать, чтобы замести следы преступлений.

К этой работе были привлечены относительно здоровые евреи в специально организованные похоронные бригады. Работы проводились под наблюдением местных полицейских.

Условия в лагере были ужасные. Сотни людей умирали от инфекционных заболеваний и от голода. Кто не мог по состоянию здоровья выйти на работу, тех убивали на месте.

Со мной был случай, что я заболел, у меня была высокая температура. Знающие люди, сказали, что у меня брюшной тиф. Борясь со смертью, я в таком состоянии поднялся и пошел на работу, то есть эту болезнь я перенес на ногах. Вследствие чего получил осложнение на всю жизнь – варикозное расширение вен обеих конечностей.

Антисанитария была невыносимой. Вши заедали людей, мои ноги были изъедены вшами.

Одежда и обувь изнашивались. Люди ходили в лохмотьях и самодельных пастолах. В этих условиях была расстреляна моя дорогая, любимая мама, которая всю жизнь любила и заботилась обо мне. Ее брат с семьей умерли в этом лагере от болезней и истощения.

Издательствам не было предела, в особенности бесчинствовали полицаи – украинские националисты, которые находились под надзором румынской и немецкой администраций.

В конце 1943 года была отобрана группа из нескольких десятков человек и отправлена на строительство моста в [Трихаты](#)⁴.

Жили мы в бараках. Ежедневно утром выгоняли на построение, проверяли личный состав и гнали на работу. Тех, кто не мог выйти из барака по болезни или от истощения, расстреливали. Пища была самая скудная: похлебка, кусок хлеба из макухи, а работа была очень тяжелая, связанная с бетоном, с подноской и прикручиванием шпал и рельс. Мне пришлось работать с Гришей Кинкеровым, который мне во многом помогал, так как он был сильнее меня и старше. Морально он меня очень поддерживал.

По окончании работы, выстраивали всех в колонну, и снова проверяли личный состав. Убежать практически не было возможности.

Вследствие ранения правой ноги, меня, а также группу пожилых людей отправили в [Могилев-Подольское гетто](#).

Я сразу же попал в больницу, а спустя несколько недель, советские войска освободили [Могилев-Подольский](#).

Какая была радость у евреев гетто, когда поняли, что наступил час освобождения! Но наряду с этим многие плакали по умершим и погибшим родственникам и друзьям. Это потеря невозполнима. Никогда пережитое не забудется и при воспоми-

нении сжимается горло от спазмов и слезы текут не останавливаясь.

Если посмотреть на людей в гетто, в лагерях, то это были ходячие трупы, изможденные, худые – кости и кожа, одежда оборванная, если можно назвать это одеждой, но глаза их светились, когда они увидели советских солдат, которые их освободили.

Сразу же после освобождения в марте 1944 года, мне еще не было 18-ти лет, так как я родился 6 мая 1926 года, я пошел в [Могилев-Подольский](#) райвоенкомат и добровольно пошел служить в армию. Прослужил до середины 1946 года в 490 Строительной колонне ГУАС НКВД СССР. Мой путь в армии пролегал от [Могилева-Подольского](#) на [Брянск](#), [Смоленск](#), [Витебск](#), [Полоцк](#), [Крустельс](#), [Ригу](#), [Мемель](#).

Был демобилизован по приказу Министерства вооруженных сил в связи с тем, что мой отец был инвалидом Отечественной войны II группы, а я единственный сын, который мог смотреть за ним.

Память о моей маме – жертве нацизма – Фрима Пекарь, девицья Шеравнер, увековечена в музее «Яд Вашем» в [Израиле](#).

«Вестник», Нью-Йорк, № 6 – С. 33–35

«ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ БЫЛА ПРОСТО НЕВЫНОСИМОЙ»

ПЕКЕР Мошко (1930 г.)

Я, Пекер Мошко Хунович, родился 10 мая 1930 года в поселке [Атаке \(Молдова\)](#). Там же и проживал вместе с матерью, когда началась война. Мой отец, Пекер Хуна, умер в 1937 году.

В 1937 году я пошел в школу.

В июне 1941 года мы с матерью и с другими жителями – евреями поселка [Атаки](#) – собирались эвакуироваться в [Могилев-Подольский](#). Но нас и других беженцев захватили немецкие оккупанты и погнали в село [Ямполь](#), а потом в [Бершадь](#). Пока в [Бершади](#)¹ строили гетто, которое называлось «лагерь смерти», нас загнали на ферму для скота и там удерживали.

При переправке в лагерь мы шли двумя колоннами. Все, кто шел в левой колонне, были расстреляны в ближайшем лесу, среди них была сестра матери с детьми. Над живыми продолжали издеваться в лагере. Детей содержали отдельно от родителей. Мою мать ранили, а потом вместе с другими угнали на рабский труд в город [Николаев](#).

Когда был построен лагерь, нас перегнали туда. Страшную картину увидели мы. Сотни расстрелянных людей штабелями лежали в лагере.

Жизнь в лагере была очень тяжелой, просто невыносимой. Колодцы с водой были отравлены, кормили одной макухой. Зимой ходили обутыми в постолы, одежда была из мешков. Поэтому, умирали очень многие, особенно дети – до 100, 150 человек в сутки. Все, в том числе и дети, при морозе 25–30 градусов мороза были практически раздетые. Умирали от голода и холода.

Из детей, которые были вместе со мной, я запомнил Льва и Бориса Хаятов. Много моих знакомых и друзей умерли, а многих просто расстреляли. У меня от голода сильно распухали ноги. Вместе с другими ребятами мы ночью перелезали через высокий забор, чтобы попасть в отсек, где находились отходы немецкой кухни. В момент, когда мы ели очистки картошки, вбежал немецкий солдат и очередью автомата прошелся по детям. Из семерых нас в живых осталось трое.

Детей, как и взрослых, заставляли работать в карьере. Летом дети пасли скот под присмотром полицаев (из украинских запродавцев). Особенной жестокостью отличались Григорий Бойко, Николай Марахай и другие (не помню их имен). Оставшихся в живых, а их было не так уж много, освободили в марте 1944 года советские войска.

После освобождения, я нанялся работать пастухом, а после возвращения из [Николаева](#) моей матери, мы стали пешком добираться домой в [Атаки](#). Шли целую неделю. Наш дом был разрушен, поэтому мы пошли жить в дом сестры моей матери, которая вместе с детьми была расстреляна в лагере.

В школу я больше не ходил, так как вынужден был работать, очень много болел. Через полтора года после освобождения перенес операцию (удалили правое легкое). Сейчас я являюсь инвалидом второй группы. Часто болею. До сих пор дает о себе знать тяжелая жизнь в лагере смерти.

УЗЕЛОК С СУХАРЯМИ

ПИСАРЕВСКИЙ Борис

Семья наша в **Ольгополе**¹ жила бедно. Трое маленьких детей. Работал один отец, мама – домохозяйка. Так было принято в еврейских семьях. Старшая мама сестра, тетя Эстер, должна была летом 1941-го приехать из **Одессы** за мной в наше местечко. Не успела. Тетя и ее семья погибли. Так что я остался в живых. Мне повезло, если можно считать везением пребывание за колючей проволокой гетто на протяжении 32-х месяцев. Вспомнились почему-то последние месяцы – конец 43-го и начало 44-го. Тогда мне уже шел девятый год. Румыны как-то притихли, стали более смиренными. Комендант перестал совершать свои частые прогулки по территории гетто. Причину этого мы тогда не знали, но она была проста – успехи Красной Армии на полях сражений.

В один из осенних дней за зданием комендатуры высоко в небо поднялся столб дыма. Так продолжалось до темноты. Что творилось за комендатурой, никто из обитателей гетто не знал. Все это усиливало тревогу. Пословица гласит: «Утро вечера мудренее». Но утро еще больше усилило тревогу. Все двери и окна в комендатуре оказались открытыми настежь, а также ворота в здании пожарной команды, которую румыны превратили в конюшню. Ворота и калитки в гетто тоже были открыты, полиция исчезли.

Румыны остались верными себе. Внезапно, ночью, они явились и точно так же ночью исчезли. Правда, если их приход был отмечен грабежами, разбоем, насилием, убийствами, то ушли они чисто по-английски, не попросившись. Румыны ушли, исчезли полиция, а что будет дальше? Взрослые с опаской начали выходить за пределы гетто. Мы, мальчишки, по малолетству были более решительными и стали потихоньку осваивать близлежащую территорию за пределами

гетто. Румыны-то ушли, но вместо них пришли немцы, а это не сулило ничего хорошего. В один из дней они и появились на машинах, в черных шинелях. Правда, немцы в селе не задержались. Им, видно, было не до нас.

Наступил уже 1944 год. Середина зимы, январь. Правда, назвать это время года зимой можно было лишь условно. Снега и морозов не было. Шли дожди, всюду непролазная грязь. Украинский чернозем, который немцы вывозили в свой проклятый «фатерлянд», знал свое дело. Дороги стали буквально непроходимыми. Много лет спустя, о таких дорогах я прочитал в книге «В боях за Украину» маршала В. И. Чуйкова.

Точно таким, как и предыдущие месяцы, стал март. В какой-то степени обитатели гетто были довольны такой погодой – не так донимал холод.

Наше местечко **Ольгополь** располагалось в низине. С одной стороны возвышалась Бершадская гора, от которой дорога ведет в еврейский городок **Бершадь**, а с другой – Стратиевская гора, потому что с нее начинается «шлях» в украинское село **Стратиевка**. Мы, пацаны, облюбовали место возле здания тюрьмы, где дорога с Бершадской горы, под углом в девяносто градусов, делает поворот на Стратиевскую гору. По ней, истерзанной машинами, отступали немцы – те, которым удалось вырваться из Корсунь-Шевченковского котла. Через **Ольгополь** двигалась техника, шел личный состав. Вид у немцев был далеко уже не такой, как в злопамятном 41-м. Некоторые из них забредали на территорию гетто. Как-то мама рассказала, что к нам в хату зашли молодые немецкие солдаты и потребовали «яйки». Но откуда у нас было взяться этим «яйкам»? Калитка в гетто находилась рядом, была раскрыта, и мама побежала к соседям-украинцам. Те ее выручили – дали несколько яиц и заодно немного дров. Мама сварила немцам яйца, те их быстро поели и, уходя, заметили, что знают, что мы евреи, но им до этого нет дела, а вот после них придут эсэсовцы и тогда будут евреев убивать. Так что нужно спрятаться. Легко сказать: «Прячьтесь!», только где и у кого?

Как ни странно, но за все время пребывания в гетто однажды я получил сладости – причем, из рук немецкого солдата. Мы, ребятня, стояли небольшой кучкой на нашем углу, возле здания тюрьмы, когда к нам подошел заросший щетиной пожилой немецкий солдат. Одежда наша состояла из лохмотьев, но другой

у нас просто не было. Глядя на голодных детей-оборванцев, немец, вероятно, пожалел нас и начал что-то говорить. Из всего сказанного им я понял лишь одно слово – «киндер», которое он, вздыхая, несколько раз произносил. Кого-то он погладил по голове, достал из вещмешка несколько конфет, одну из них развернул и положил себе в рот, остальные каждому раздал. Вкус той конфеты, которую я тогда попробовал, помню до сих пор. Дома я поделился сладостями с родителями и братьями.

Жители гетто начали думать, что о нас уже забыли. Но это было не так. Немцы помнили не только об обитателях гетто, но и о сельчанах-украинцах. В один из дней было приказано всем мужчинам села – евреям и украинцам – собраться в парке. Пошел и мой отец Беня, а за ним увязался и я. Сельчане пришли с узлами, в которых была еда, а евреи – налегке, потому что никто не мог себе позволить взять из дома даже сухарь, когда там оставались голодные дети. Отец потом рассказывал, что украинцы с ними по-братски делились едой – ведь вместе росли, жили, дружили. Немцы построили всех мужчин и погнали в сторону села Стратиевка – рыть траншеи. А я вернулся домой. Наш Ольгополь прижался к маленькой речке Савранке – притоку Южного Буга. В сухое время года Савранку можно даже перепрыгнуть, но в марте 44-го это сделать было невозможно. Речка разлилась до пятидесяти метров в ширину и превратилась в солидную водную преграду. Единственный небольшой мост через Савранку охраняли немецкие пулеметчики.

К Ольгополю со стороны Бершадской горы подошли советские солдаты – налегке, со стрелковым оружием, из-за непроходимых дорог – без артиллерии и танков. На Стратиевской горе и ниже, в самом Ольгополе, обосновались немцы. С нее-то они и вели огонь в сторону позиций красноармейцев. Ночное небо над Ольгополем было исполосовано следами трассирующих пуль. Когда пули попадали в соломенные крыши крестьянских хат, то убогая кровля вспыхивала яркими факелами. Всполохи горящих домов наблюдались всю ночь с 14 на 15 марта. По селу, громыхая, проносился бронетранспортер, обгоревший корпус которого мы, ребята, обнаружили позже на Стратиевской горе. На следующее утро те евреи, у которых сохранились дома за пределами гетто, стали в них возвращаться. Нашему домику, находившемуся за границами гетто, в котором мы раньше

жили, не повезло. Еще осенью 1941 года Ольгополь подвергся авиаударам, и одна из бомб попала в нашу хату, после чего древесину растаскали сельчане, и к весне 44-го от хаты осталась лишь куча глины.

Мама решила, что нам тоже следует уходить из гетто. В числе еще нескольких семей мы оказались в доме Шмила Орловского. Все разместились на полу в одной комнате. Сын хозяина хаты и я прильнули к чудом уцелевшему окошку, из которого виднелась деревня колхозного сада и какие-то люди, перебегавшие от одного дерева к другому.

Это были не немцы, не румыны и не итальянцы – тех мы уже по обмундированию различали. Стало быть, это были, скорее всего, советские разведчики. Неожиданно в окно ударила пуля, пробив деревянную планку рамы, и застряла в противоположной стене. Нас от окошка, как ветром сдуло. То ли это был снайпер, решивший нас, пацанов, вспугнуть, то ли случайный выстрел. Кто знает...

Взрослых же это попадание в окно напугало всерьез, и, как только стемнело, все перебрались в большой сырой подвал.

Водная преграда в виде разлившейся речки задержала наступающих красноармейцев на семь дней и ночей. Все время шла интенсивная перестрелка.

Есть нам было нечего, но зато рядом с домом находился колодец. Ночью из него можно было вдоволь черпать воду. Через двое суток мама вспомнила, что дома остался маленький узелок с сухарями. Видя, что с младшим братиком стало совсем плохо, мама мне сказала: «Ты маленький, в тебя стрелять не будут. Сбегай домой и возьми узелок с сухарями».

И я побежал. Да, в меня не стреляли, но пули роились возле меня. Их свист я запомнил на всю жизнь. А еще где-то недалеко рвались снаряды и мины. Было ли мне страшно? Конечно, было. Сначала меня, хоть частично, прикрывали строения и дома, потом я оказался на базарной площади, ровной, как поле. Нарастающий вой снова завершился взрывом, и со страху я рухнул на землю. Совсем рядом, за зданием прокуратуры, упала бомба. Это здание и приняло на себя основную массу осколков и спасло меня от неминуемой смерти. Быстро поднявшись, побежал дальше и, услышав сверху рокот, задрал голову в надежде рассмотреть самолет, но яркое солнце слепило глаза, и я ничего

не увидел. Когда я подбежал к калитке, чтобы войти в гетто, в глаза бросилась немецкая зенитная установка, расположившаяся прямо возле нашего жилища. Орудие вело непрерывный огонь, и немцам было не до меня. Как только я открыл дверь нашего дома, в окошко ударила пуля. Тем не менее, ее летящий звук и звон разбитого стекла меня не остановили, я нашел узелок с сухарями и побежал обратно.

Через два дня мама вспомнила еще об одном мешочке с сухарями, и мне в тот пасмурный день снова пришлось под звуки выстрелов из орудий мчаться в наше прежнее жилище. Висячий замок открывать не пришлось – его кто-то сорвал вместе с железной скобой. В комнате все было перевернуто вверх дном. Хотя что можно было найти в этой нищете? Но мешочек с сухарями я все же отыскал и вернулся обратно.

...Шестой день в нашем селе продолжался бой. Запасы еды иссякли, и мама решилась на отчаянный поступок. Она взяла на руки ослабевших от голода младших братьев, Рому и Изю, и мы все вместе вышли из подвала. Шли огородами, каждый шаг давался с трудом – сырая земля комьями прилипала к ногам. Еле-еле дошли до хаты, в которой жила односельчанка, тетя Оля. Она нас накормила, напоила, кое-что из еды дала с собой, но у себя не оставила.

Мама почему-то решила возвратиться в гетто, но не в подвал, где мы раньше пребывали, прячась от пуль и снарядов, а в соседний дом. Мы долго стучали в дверь, пока нам не открыли. Все комнаты были битком забиты людьми, но для нас нашлось место у самого порога, и мы забылись тревожным сном. Среди ночи вдруг нас разбудил страшный вой снарядов. Это знаменитая «катюша» произвела два залпа, которых оказалось достаточно, чтобы завершить семидневный бой. Это произошло 22 марта 1944 года.

На рассвете раздался стук в дверь и чей-то радостный крик: «Выходите, наши пришли!» Дождались-таки, выжили. Кончились наши муки.

Мы здесь, 28.03.2013

<http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=5926> (25.12.2013)

«И ЛЮДИ ПОСЫПАЛИСЬ В БЕЗДНУ...»

ПИСМАН Нина (1928 г.)

В преддверии Международного дня памяти жертв Холокоста корреспондент газеты Донецкой еврейской общины «Наша жизнь в диаспоре и дома» взял интервью у 85-летней Нины Писман, которой чудом удалось спастись, выпрыгнув из грузовика, увозившего на страшную смерть всю ее семью.

«Сны при немцах были мучительными, изводящими», – вспоминает она. Глухая осенняя ночь 1941-го, ночь, в которую чуть не оборвалась жизнь маленькой Нины Писман, исключением не стала.

Дом на Четырнадцатой линии и спал, и не спал: стонал брат, ворочался отец. В предчувствии неотвратимой беды, сидя в кресле, в полном молчании из стороны в сторону раскачивалась мама. Не могла уснуть и Нина...

А ведь Писманы знали: немцы наступают, и уже не сомневались, что вот-вот они появятся и в Сталино, так почему же все-таки остались? Почему, уже наслышанные о фашистских злодеяниях, не бежали, как их многие знакомые?

«А это закон подлости, который на нашей семье отыгрался по полной, – с горечью вспоминает Нина Михайловна. – Если мама заболела еще задолго до 41-го года, то брат стал инвалидом уже перед самой войной, он лишился ноги, ну, и у папы открылась язва желудка, и он лежал в больнице. Как говорится, хуже не бывает. А при таком раскладе – как бежать?!»

Где мы в то время проживали? Там, где ныне площадь Ленина, стояла Совбольница, вниз в сторону Макеевки шло Макшоссе, и если по нему спуститься до самого Кальмиума, сразу слева, по Четырнадцатой линии, стоял наш дом. До войны я училась в третьей школе, рядом с трампарком. Знала ли я тогда, что с ним будет связана вся моя взрослая жизнь?..

Когда немцы появились на улицах *Донецка*¹ (*Сталино* – *ред.*) моя мама, чтоб себя не выдать, сразу сделалась немой. Дело в том, что дома они с отцом говорили только на идиш, а если, на людях, и переходили на русский, то, конечно, проявлялся их акцент.

Наивная, моя мама не учла, казалось, очевидного: как бы она ни молчала, за нее все скажет ее внешность. К тому же, она, очень больной человек, все время падала, и ее приходилось поддерживать.

В общем, мои родители после нескольких неудачных попыток выйти в город – косые неприязненные взгляды прохожих, их какие-то слова, совсем недобрые, – появляться на улице уже опасались, и тогда добытчиком стала я сама: боевая, доставала я еду и их кормила...»

Ни числа, ни месяца, когда это стряслось, она не помнит. Это отмечал еще Башевис-Зингер, классик еврейской литературы: «Вся Катастрофа окутана провалами памяти». Помнит только эту трагическую ночь, последнюю в жизни ее родных.

Город спал. Было очень тихо. Вдруг, чуткая девочка уловила отдаленный шум, перебранку голосов. Затаила дыхание: может быть, ей только померещилось? Еще через несколько секунд у ворот их дома остановилась машина. А еще через мгновение в их дверь заколотили: «Выходите!»

В открытом, бортовом, грузовике уже сидели притихшие, насмерть перепуганные евреи, несколько семей, проживающих на этой же линии. И Писманьы их, конечно, знали.

«Время для нашего уничтожения, ночь, было выбрано не случайно. И не потому чтоб никто из местных не узнал – шила-то в мешке не утаишь, – а потому чтоб нас застать врасплох, и фашистам это удалось, а вот точной даты я не помню». Так началась Катастрофа нашей семьи.

Загружая, нас бросали друг на друга. «Скорей, скорей!» – чтоб только не опомнились. Кажется, еще кого-то добирали, заезжали по дороге за евреями.

Мы ехали в каком-то столбняке. Плакали дети. Всего нас было двадцать человек. Знали ли мы, куда нас везут? Да, нам сообщили: нас куда-то перевозят, но по дороге я услышала, как один из наших конвоиров своему коллеге-полицаяу очень тихо так сказал вполголоса: «Будет им эвакуация! Сейчас их в шахту сбросим и привет!»

Чтоб даже на расстрелы им не тратиться. Разве ж я могла такое скрыть?! И тогда уже плакали все в машине. Плакали, кричали. Но машина ехала на скорости, нас охраняли несколько вооруженных немцев и тех самых полицейав, и поэтому все невольные пассажиры этого грузовика уже не в силах были что-то предпринять. Все, кроме меня.

Этот план у меня созрел спонтанно. В грузовик меня забросили последней, и я оказалась у заднего борта. Если по дороге я не выпрыгну, думала я, я наверняка уже погибну. А так есть шанс, и нужно им воспользоваться.

Машина двигалась по ночному городу, а я все никак не решалась. Вдруг какая-то сила меня подбросила, и я перемахнула через борт... Полицай от меня не ожидали... Боялась я разбиться? А что делать?..

Машина так и не остановилась, и за мной никто не побежал. Видно, побоялись, что, воспользовавшись остановкой, «пассажиры» разбегутся. Но стрельбу я услышала тут же, за спиной, и еще – как отчаянно кричала моя мама. А пристрелить меня могли, конечно, запросто. Но дело было ночью, ночь спасла.

Та машина, уже без меня, подъехала к шурфу шахты вплотную, кузов поднялся, вот, как песок там разгружают или щебень...

И люди, среди которых были мои мама, и папа, и мой родной брат Ушер, они просто посыпались в бездну. Так в свои неполные четырнадцать лет я осталась сиротой...

Совершенно одна, потерянная, я долго блуждала по городу. Не понимая, что подвергаюсь смертельной опасности, пробралась на место гибели моих родных. Там уже все было кончено, оцепление сняли, и я лежала на земле и долго плакала... Я, ког-

да в партию вступала, я же была коммунисткой, все это рассказывала, – деды, что слушали меня, они ревели...

Я лежала на земле, потом пошла, куда глаза глядят, вышла за город, где поля, какие-то постройки... Спала я в соломе, побиралась... Зимой, в морозы...

Как я только выжила? Помню, оказалась я в подвале. Не одна. Там еще ребята находились. Кто они, не знала. Да и я ни с кем не откровенничала: «Здрасьте!» – «До свиданья!» Вот и все. Я боялась, чтоб меня не рассекретили. Они евреи? Может быть, и да...

Я и дальше ни с кем не заводила разговоров, но если спрашивали: «Девочка, ты кто?» – я им отвечала, как заучено: «Ехала с родителями, эшелон наш немцы разбомбили, и в живых осталась я одна». А что родители погибли как евреи, и что я сама еврейка, и что спаслась, я никому открыться не могла. Я шла из дома в дом и побиралась, я просила хлеба, хоть кусочек. Мне подавали. Люди сердобольные...

Когда я шагнула в неизвестность, то, что я еврейка Писман, я постаралась вытравить из памяти и, когда спрашивали: «Девочка, ты кто?» – я представлялась Дусей Скрипниченко. «А документы?» – «Так война же и все пропало». Откуда «Скрипниченко»? Евдокия Андреевна Скрипниченко здесь, в [Донецке](#), жила с нами по соседству. Так что я ничего не придумала. И под такой фамилией была все время...

Сколько брела, уже не помню, может, с месяц. Я была одна, как палец, и искала себе гнездо, чтоб отогреться, чтоб хоть дух перевести. И доходилась! В одном из сел меня разоблачили. Там я лоб в лоб столкнулась с моим одноклассником, отсюда, из [Донецка](#). Видно, выменивал одежду на еду. Человек он был страшный, безжалостный, я это знала. Не ошиблась в нем и в этот раз. Он, едва меня увидел, завопил: «Вот жидовка!» – чтобы задержали.

То село находилось под немцами, рядом были местные... Я побежала... А потом узнала: здесь же, за несколько дней до того, расстреляли целую еврейскую семью, их тоже выдали. Мне же снова удалось остаться жить...

Мои страхи. Когда я бродила по дорогам, по полям, по этим селам, кого я в первую очередь боялась? Стай одичавших голод-

ных собак? Нет! Может, волков? Не волков! Я боялась [Донецка](#). Чтоб меня больше не узнали и не выдали!

В один из дней, обессиленная, я забрела в [Маломихайловку Покровского района Днепропетровской области](#). Еле передвигая ноги, шла от дома к дому – может, кто подаст что из еды – пока не оказалась у одной старушки. Она жила сама, тут же расспросила: кто я и откуда? Я ей заучено про эшелон, про смерть родителей. И вдруг она мне: «Не болтайся, оставайся у меня. Авось, протянем». Так я у нее и прижилась: помогала, собирала колоски. Может, она, и догадывалась, кто я, но немцам меня все-таки не выдала. Правда, однажды... Молодежь насильно вывозили в [Германию](#) в качестве оstarбайтеров. А у моей старушки-благотельницы была одна знакомая, может, родственница, девушка, которая тоже подлежала отправке. И вот тут она смекнула, эта бабушка. Как ее спасти? Да очень просто! Ее – заменить на меня: «Возьмите эту, это сирота, и о ней не будут убиваться».

Но меня отбраковали: «Нет, – сказали, – маленькая ростом». Мне не хватило каких-то пары сантиметров, представляете?! Я потом старушку опасалась: вот как с ней после этого и жить? Но уходить мне было уже некуда...

Сегодня у Нины Михайловны большая семья: сын, названный в память о погибшей маме (Соня – Саня), и невестка, двое внуков, трое правнуков. Страшно представить: а если бы в ту осеннюю ночь 41-го из машины выпрыгнуть она бы не решилась, что тогда? Не было бы ни ее внуков, ни правнуков, ни их потомков. Нерожденные, они бы тоже стали жертвами Холокоста...

«Говорят, евреи не любят работать. Чепуха! Мой сын труженик, слесарь трампарка, с семидесятого года и до сих пор. Я и сама там проработала, сколько бы вы думали? Пятьдесят шесть лет и три месяца, вот как!»

Труженица, награжденная медалью «За трудовую доблесть», на пенсию Нина Михайловна Писман вышла, когда ей было уже за семьдесят...

А начинала она в трамвайном депо с водителя трамвая. Этот день она запомнила во всех подробностях. Она вышла на маршрут. И на одной из остановок в ее трамвай вошел он, тот самый одноклассник, помните? Который, в оккупированной

немцами Маломихайловке, схватив ее за руку, завопил: «Она жидовка!»

«Трамвай тронулся. Сердце мое бешено колотилось. Нет, не могу! На самом склоне я трамвай остановила: «Выходи!» Он меня узнал и ужаснулся. В тот же день я на него и заявила.

В суде он передо мной бросался на колени, плакал, каялся. А я ему припомнила про танк»... *Интересуюсь: что за танк? Она рассказывает:* «Раньше Кальмиус был узкий, от силы метров пятнадцать. Мы сами там купались, и купали лошадей. Однажды там, на мелководье, заглох немецкий танк. Как ни пытались его вытащить – никак. И тогда этот гад по собственной инициативе стал указывать дома на нашей линии, где проживали евреи. Их согнали к речке, и они, как эти бурлаки, впряглись, тянули...

Ему дали срок по совокупности «заслуг»: стали копать, и оказалось, что за ним тянется такой шлейф преступлений, совершенных в те страшные годы... Помню, говорили и не раз: как же долго уходил он от ответственности!»...

Тот грузовик, прибывший за жизнями ее родных, как наваждение, преследовал ее постоянно, не оставляя Нину Михайловну даже по ночам...

Борис Лейкин,

Агентство еврейских новостей 24.01.2013

«Наша жизнь в диаспоре и дома» (Донецк), январь 2013.

МОЕ ДЕТСТВО В ОККУПАЦИИ

ПЛОТКИН Владислав (1938 г.)

В августе 1941 года мой отец – Плоткин Абрам Соломонович, директор средней школы в селе [Великие Копани на Херсонщине](#) – ушел на фронт.

Моя мама, Плоткина Мария Никитична, в свои 24 года осталась одна с двумя детьми – со мной и старшим братом Олегом. Мне было тогда 3 года, старшему брату – 5 лет. Мама пыталась с нами эвакуироваться в тыл страны, но немцы тогда наступали стремительно, все дороги уже оказались перехвачены, и нам на своей телеге пришлось вернуться в наше село.

А вскоре в село вошли немцы. Так мы оказались на оккупированной немцами территории. Мама приказала нам не появляться на улицах, мы должны были быть в доме или во дворе.

Через несколько дней было объявлено, что в комендатуре будут собирать всех жидов, коммунистов и их детей. Но мама не повела нас туда. По словам мамы, она переселилась с нами к знакомой учительнице, Евдокии Евпатыевне (фамилию уже не помню). Эта женщина вместе с мужем – бывшим белогвардейским офицером в конце тридцатых годов вернулась из эмиграции (из [Франции](#)) и мой отец как директор школы оказывал им какое-то содействие в трудоустройстве и в быту. В те годы страшных политических репрессий еврей осмелился заботиться о семье эмигрантов (!).

Теперь, когда маме моей пришлось спасти своих детей, этот скромный человеческий поступок отца сослужил и нам. Муж Евдокии Евпатыевны вписал нашу маму в свои семейные книги

как свою племянницу и приютил нас у себя. Так маме удалось пережить с нами более трех месяцев, не являясь в комендатуру. Но скоро под влиянием доносов в комендатуре перестали признавать наше «дворянское» происхождение.

Евдокия Евпатьевна с мамой наняли где-то цыганскую кибитку и холодной декабрьской ночью 1941 года мы покинули село [Великие Копаны](#). Ехали всю ночь. Цыган объезжал села, где могли быть немцы. Мы замерзли так, что утром нас с братом оттирали снегом.

Утром мы оказались в селе [Корсунка](#) под [Каховкой](#), у бабушки – маминой матери. У нашей бабушки Агафьи Ефимовны было много родственников и друзей, которые помогали ей прятать и спасать нас от немцев и полицаев.

Старостой в [Корсунке](#) был местный немец Альберт Энцмиллер. В голодные годы (1932–1933 гг.) наш дедушка по маме, работал в Корсунском монастыре скотником – пас летом скот, зимой кормил его, лечил, забивал и т. п., то есть он был человеком «при мясе». И он помог Альберту Энцмиллеру спасти семью от голодной смерти: то удавалось подкинуть им кусочек мяса или сала, то костей, то потроха и т. п. И теперь добро, сделанное этим людям бабушкой и дедушкой, обернулось добром и нам.

Многочисленная семья Альберта Энцмиллера заблаговременно информировала бабушку о наездах немецких карательных отрядов и нас успевали упрятать по соседям, по подвалам или увозить в соседние села.

От Энцмиллеров мама узнала о страшной расправе над еврейскими детьми в [Цюрупинске](#)¹: их живыми побросали в колодец...

От таких «новостей» жизнь не казалась сладкой. Особенно доставалось маме и бабушке от месного полицая Макухи – он постоянно угрожал уничтожить или выдать немцам нас – «жиденят»; он так нас называл. Мама и бабушка откупались от его угроз, чем только могли – в итоге все, что было в доме у нас, перешло к этому негодяю.

Тогда же мама узнала и страшную весть о гибели всех родственников моего отца, которые жили в селе [Гуровка](#) соседней [Кировоградской области](#).

Мою бабушку по отцу, Марию Хаймовну, несовершеннолетнего дядю Яшу, тетю Катю и ее шестилетнего сына Толика немцы сожгли живыми в сарае вместе с другими евреями села.

...А нам пока удавалось прятаться. Несколько раз меня с братом переправляли на другую (правую) сторону Днепра, где жила мамина сестра Долина. Это делали местные рыбаки по просьбам бабушки; и делалось это по ночам с помощью рыбацкой лодки.

А однажды пришлось в срочном порядке переходить Днепр зимой по льду. Большую часть пути меня несли на руках мама и бабушка, старший брат шел сам. Прятались мы в доме маминой сестры. Дом имел двойную крышу – там легко укрывалось двое детей.

Был случай, когда, пребывая в этом укрытии, мы с братом еле остались живы, отравившись угарным газом (видимо, в дымоходе где-то была утечка). Очнулись мы с братом от холода – нас отхаживали какие-то женщины и мама. К месту, где мы лежали полуживые, подошел и местный полицаи. Милостиво забрал у маминой сестры поросенка за проявленную «жалость» к детям и сказал: «Чтобы к следующему утру жиденят в селе не было».

Приходилось снова куда-то идти, где-то прятаться. По рассказам мамы, помню название сел, где нам приходилось временно пребывать при угрозе наезда карательных отрядов немцев. Это [Днепряны](#), [Берислав](#), [Старая Маячка](#). Чаще всего мы бывали в селе [Новая Маячка](#), где жила мать маминой подруги Екатерины Прудской. После отъезда немцев нас снова возвращали в [Корсунку](#).

С наступлением теплых дней прятаться стало легче: мы с братом целыми днями пропадали в плавнях или возле речки Конки – небольшой притоки Днепра. Собирали цветы акации, ягоды – так утоляли постоянное чувство голода. Если удавалось на самодельную удочку поймать несколько красноперок или верховодок (мелкие рыбки) – это был настоящий пир в нашем доме.

Надежда, что детей удастся спасти, появилась у мамы и бабушки после поражения немцев под [Сталинградом](#). Даже особо ретивые служаки-полицаи стали не так рьяно преследовать нас. Летом 1943 г. мы с мамой стали чаще бывать в плавнях на огоро-

де. Маме удалось посадить картофель, и к осени у нас уже было что поесть.

Осенью 1943 г. в [Корсунку](#) вступили части Красной Армии. На долгое время по Днепру установился фронт. Со своего берега немцы часто обстреливали и бомбили наше село. Приходилось прятаться от обстрелов и бомбежек в угловых башнях и глубоких подвалах бывшего Корсунского монастыря.

Впереди было еще много голодных и холодных дней. Но это уже была Победа! Мы были спасены. Вскоре с фронта пришло на имя бабушки письмо от нашего отца – он разыскивал нас; он не знал, уцелели ли мы...

А в конце лета 1944 года отец был командирован в [Челябинск](#) получать новые танки ИС («Иосиф Сталин»). Ему удалось на три дня заехать в нашу [Корсунку](#). Тогда я впервые узнал своего отца. До сих пор помню запах его гимнастерки, и как скрипел его офицерский ремень...

ЕЩЕ ОДНА ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА...

ПЛОТНИК Этя

21 августа 1941 г. Казалось бы, обычная дата, но спроси жителей [села Безводное](#), почему она вошла в историю родного края, не каждый сможет ответить. Мало кому известно, что – это еще одна трагическая страница периода Великой Отечественной войны.

Во второй половине этого дня, на окраине [Фелициановки](#) – так в то время называлось село [Безводное Ямпольского района Винницкой области Украины](#) – эсэсовцы и продажные полицаи зверски убили все еврейские семьи, которые проживали в этом населенном пункте. Вот имена тех, кто принял мученическую смерть:

1	Вайнберг	Дина	1898
2	Вайнберг	Исаак	-
3	Вайнберг	Иосиф	1929
4	Вайнберг	Хая	1927
5	Зальцман	Бетя	1941
6	Зальцман	Идель	1894
7	Зальцман	Клара	1921
8	Зальцман	Лея	1909
9	Зальцман	Мария	1927
10	Зальцман	Юдко	-
11	Зальцман	Соня	1940
12	Зальцман	Мотя	1940

13	Кац	Иосиф	1904
14	Кац	Иосик	1940
15	Кац	Мойше	1937
16	Кац	Роза	1938
17	Кац	Софка	1912
18	Кецельман	Белла	1938
19	Кецельман	Иосиф	-
20	Кецельман	Сруль	-
21	Кецельман	Фейга	1894
22	Кецельман	Хаим	1892
23	Кецельман	Ципа	1884
24	Кецельман	Шейва	1917
25	Лагер	Гершко	-
26	Лагер	Иосиф	-
27	Лагер	Ривка	-
28	Лагер	Рухл	-
29	Лагер	Соня	-
30	Лагер	Фейга	-
31	Снитман	Михайло	1906
32	Снитман	София	1931
33	Снитман	Фейга	1906

Вечная им память.

Список был опубликован в августе 2006 года в газете «Ямпільські вісті».

После войны останки убитых перевезли на еврейское кладбище в село [Дзыговка](#), что в шести километрах от [Безводного](#). Похоронили и поставили памятную плиту. Имена погибших увековечены в Музее Катастрофы Яд Вашем.

В 2005 году, уже живя в [Израиле](#), мы с подругой и ее мужем побывали в [Дзыговке](#), где я жила раньше, и увидели, что плита

осунулась: в [Безводном](#) и [Дзыговке](#) евреев не осталось, ухаживать за могилой некому.

Здесь, в [Израиле](#), мои односельчане ежегодно встречаются, и, вернувшись домой, на очередной встрече мы рассказали о состоянии этой могилы. Было решено собрать деньги на новый памятник. Так и сделали – отправили собранные средства в [Дзыговку](#) хорошему человеку Николаю Собко. Он организовал людей, которые поставили новый памятник.

На памятнике написано:

«В память погибшим 21 августа 1941 г. жителям села [Безводное](#) и не вернувшимся с войны дзыговчанам.1941–1945».

«В ПОГРЕБЕ Я ПЕРЕСИДЕЛ ВСЬ ОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД...»

ПЛОТНИКОВ Валентин (1936 г.)

Я, Плотников Валентин Владимирович, родился в г. [Киеве](#) 6 июня 1936 года. Отец мой – еврей, мать – украинка.

Смутно помню начало войны. Помню как я и моя мать провожали отца на войну. Потом в [Киев](#)¹ пришли немцы.

Помню ночь и мать, валяющуюся в ногах у немца и целующую его сапоги – она плакала и просила поверить, что мы не евреи. Видимо, он поверил, потому что прокричал что-то по-немецки и ушел.

Помню мать, лежащую на полу без сознания и себя, плачущего около нее.

Помню, стоящую недалеко от нашего дома крытую автомашину-будку, на крыше которой установлены огромные рупоры-громкоговорители, из которых слышны призывы к местным жителям, чтобы они собирали свои вещи и ехали в [Германию](#), где им будут созданы все условия и хорошая жизнь.

Моя мать не верила ни одному слову. Не поверила она и расклеенным по городу распоряжениям немцев о том, что всем евреям (в распоряжении говорилось «жидам») нужно с вещами, документами и ценностями явиться на Дорогожитскую улицу, возле еврейского кладбища.

В ту же ночь моя мать и я темным переулком бежали к знакомым (не евреям), живущим в частном доме. У них двойная радость: во-первых, корова Галка, которую накануне забрали немцы, удрала и с оторванным ошейником сама пришла домой. И, во-вторых, от убитой на соседней улице разрывом снаряда

лошади удалось отхватить (желающих было много) приличный кусок и, значит, проблема мяса на некоторое время была решена.

У знакомых был погреб. Там, в погребе? я, можно сказать, и пересидел весь оккупационный период. Было голодно и холодно. Изредка мать приносила что-либо съестное. Она часто отправлялась в близлежащие села, где удавалось поменять различные предметы одежды на продукты питания.

Один раз она взяла меня с собой. Хорошо помню, что было это уже перед самым освобождением. На улицах [Киева](#) было большое скопление немецких войск, много запряженных в повозки лошадей. Мы с матерью пробираемся среди этого скопища людей, лошадей и техники. Внезапно, неизвестно откуда, появляются низко летящие наши самолеты (я ясно вижу на крыльях большие красные звезды). Они пикируют на скопление немцев. Слышны взрывы бомб и пулеметные очереди. Мать толкает меня под забор и, прикрывая своим телом, падает на меня. Мы лежим не шевелясь. Вскоре самолеты улетают. Мы поднимаемся и только тогда замечаем, что забор, под которым мы лежали, прошит пулеметной очередью.

Вокруг много убитых, слышны стоны раненых и ржание лошадей. Мы схватываемся и убегаем подальше от этого места.

Больше меня мать с собой никогда не брала. Впрочем, вскоре [Киев](#) был освобожден.

«В ЭТО ТРУДНО ПОВЕРИТЬ»

ПОДЛЕСНЫЙ Леонид

Я долго не соглашался рассказывать, а тем более, писать о страшных днях пребывания в гетто. Что может помнить, а тем более, рассказать двухлетний, и того меньше, ребенок? Да, и когда о тех событиях рассказывают немного старше меня, возникает такое же ощущение.

И все же передо мной порой возникают достаточно отчетливые отрывочные картинки того страшного времени. К примеру, я как бы вижу высокого человека в черной форме, блестящих сапогах, рядом с которым всегда была большая злая собака. Я же очень боялся этой собаки и прятался за маму. Эта боязнь собака сохранилась у меня до сегодняшнего дня. И другая картинка. Несколько детей, в том числе и меня, привязывали одной веревкой к стоящей повозке, а рядом на цепи рычал злой пес. Взрослые в это время работали на кухне или в прачечной.

Может, так и не было? Может, это навеянные рассказами видения? Но ведь так могло быть. Судите сами. Да и мама, другие, с кем мне удалось через много лет разговаривать, подтверждали правоту моих видений.

Родился я перед войной в семье сельских учителей. Всю свою жизнь они прожили в селе [Рудка Дунаевецкого района Хмельницкой области](#). Мама – Подлесная (Лернер) Брана Липовна, 55 лет проработала в одной школе. И очень часто говорила нерадивому ученику, что его дед или бабушка учились гораздо лучше, чем он. Забегая наперед, скажу, когда мама в возрасте 96 лет умерла, я думал, что на похороны придут соседи, ну, еще 5–6 человек. Тем более, была суровая зима 2006 года. А пришло все село, вся школа. И говорили: «Наша Броня, наша учительница».

Эта часть событий, о которых я сейчас напишу, полностью основывается на рассказах мамы, отца, других людей, побывавших в гетто. Очень жаль, что они неохотно говорили о пережитых ими лишениях. Да и у власти тех времен не вызвали одобрения такие рассказы. Верно замечает доктор Борис Забарко, что мы упустили время, мы сами себя обокрали. И все это может повториться, если мы забудем о Холокосте.

Началась война. Как рассказывал мой отец, он был на воинских сборах в городе [Бердичеве Житомирской области](#). И уже там группе проходящих военную подготовку давались практические знания по подрывному делу, радиосвязи, немецкому вооружению. Им предстояло вернуться в родные места для организации партизанского движения в тылу врага. У них было на руках предписание, дающее им право взять любой транспорт для отправки их семей за линию фронта.

В колхозе была взята подвода с лошадьми. Наша семья и еще одна семья из соседнего села отправились в путь. А за спиной уже слышались выстрелы, урчание моторов. Изредка нас обгоняли небольшие группы отступающих красноармейцев. Отца с нами уже не было.

Нас вез другой человек. Я хорошо его помню. Он был вместе с отцом в партизанском отряде. После войны он бывал у нас. Это – Николай Рифляк. По-моему, он был учителем. Они вместе с отцом учились заочно в Винницком педагогическом институте.

Не доезжая города [Чуднова Житомирской области](#), впереди нас уже были немцы. Мы спрятались в лесу, а потом возвращались обратно только ночью. Дядя Коля хорошо знал окольные дороги. Другая семья – Лиза Рознер и ее сын – решили укрыться у знакомых в поселке городского типа [Литине Винницкой области](#). И только после войны мы узнали, что они попались украинским полицаям. Те их передали немцам. Впоследствии они были расстреляны в [Летичеве](#)¹.

Куда было возвращаться нам? В местечке [Деражня](#), где родилась моя мама, уже были немцы. Там оставались моя бабушка Эня Лернер-Бейдерман, ее второй муж Яков Бейдерман, дочь Якова, Фрида Цильман с двумя детьми, брат бабушки, Давид Лернер, его жена Соня. Сын Якова, Александр Яковлевич Бей-

дерман – офицер Красной Армии, участник войны с Финляндией, Великую Отечественную войну прошел от начала до конца, был ранен, контужен.

Другой брат бабушки, Миша Лернер, воевал в саперной роте и погиб, подорвавшись на mine при наведении переправы через реку Одер. Зять Якова, Абрам Борисович Цильман был на фронте. Судьба его неизвестна.

Вернувшись в [Деражно](#), нас бы постигла судьба всех наших родных. Бабушку Энню, ее мужа Якова, брата бабушки Давида, Фриду Цильман с двумя детьми нацисты угнали в Летичевское гетто и там расстреляли. Тела их вместе с сотнями других покоятся в братской могиле в [Летичеве](#).

Путь оставался один – попытаться укрыться у бабушки – матери отца. В свое село возвращаться было также опасно. Все нас там знали. А нацисты уничтожали и учителей, как выяснилось позже, они уже знали, что отец в партизанском отряде. Что нас там ждало? Смерть.

Бабушка Юзя жила в селе [Скипче](#) бывшего [Смотричского района](#). Это небольшое село, вдали от дорог, по которым двигалась гитлеровская армия. Нас там мало кто знал. Так решили мама и дядя Коля. Однако мы ошиблись.

Нам все же удалось добраться к бабушке. Наш поводырь, дядя Коля, тотчас отправился в лес к партизанам. Мы не выходили на улицу и, казалось, что о нас никто и не знает. Вскоре старшего брата Сашу забрали родственники по линии отца. Фамилия их Городецкие. Этим людям я не помню, а вот их сына Владимира Городецкого и его жену Тосю Городецкую я хорошо знаю. О них я чуть позже расскажу. Они сыграли большую роль в нашем спасении. С их детьми – Толиком, Мишей, Таисией мы встречаемся и сейчас. Живут они в городе [Каменец-Подольском](#)².

Конечно, о нас знали соседи. Я хорошо помню этих людей. С их детьми мы дружили, играли после войны. Это Антонина Гулай, Зина Ярославская, Надежда Пазыняк. У бабушки в то время еще жили ее дочь Аня с сыном Сашей и дочь Станислава. Муж тети Ани – Йосиф Дмитриевич Хоптынский – офицер, был на фронте. Впоследствии он попал в окружение. С группой красноармейцев им удалось пробраться в тыл и влиться в пар-

тизанский отряд имени Чапаева, в котором был и мой отец. И почти четыре года они были вместе.

Тетя Аня мне рассказывала о приходе к ним полицаев. Они спрашивали о ее муже и моем отце. Один раз они приходили с немецким офицером. По-видимому, в нашем укрывательстве у бабушки и их приходом была какая-то связь. Вскоре к нам нагрянули два полицаи и немецкий военный в черной форме (так рассказывала бабушка). Полицаи Шендеровский и Пухальский были жителями нашего села [Рудки](#). Кто-то указал наше пребывание. Они искали нас, приготовились поджечь дом со всеми остальными. Но нас в доме не было. В сарае был подвал, и мы там укрывались. Один из полицаев нашел это укрытие.

Нам ничего не оставалось, как выйти оттуда. Они искали старшего брата Сашу. Бабушка говорила, что немец очень кричал на полицаев, грозил им пистолетом. Полицаи избивали маму, бабушку, но так ничего и не добились. Мама им говорила, что когда мы пытались эвакуироваться, Сашу забрали знакомые, и где он сейчас, она не знает. Очень свирепо полицаи Пухальский допрашивал маму. Если они найдут отца, то его и всех родственников повесят.

Наконец, нас усадили на подводу и повезли в Смотричскую районную управу. По дороге я очень плакал, и один из полицаев предложил бросить меня в колодец. Они показали на меня и на колодец немцу. Он не согласился, показывая какую-то бумагу. Два или три дня нас держали на территории костела, а потом этапировали в город [Каменец-Подольский](#).

Нас не поместили в общее гетто. В [Каменец-Подольском](#) есть такой район – Польские фольварки. Там была казарма и еще какие-то помещения, скорее всего санчасть пограничного отряда. Эти помещения, наверное, и сейчас еще есть. Куда нас поместили, мы вскоре узнали. Называлось это учреждение «*Blockhaus № 13*».

Кроме евреев, там были взрослые, в основном, женщины и дети других национальностей. Это страшное заведение занималось медицинскими экспериментами над людьми.

А также у детей забиралась кровь, кожа для лечения офицеров рейха. Зловещий «*Blockhaus № 13*» – это темное, не раскрытое преступление нацизма. Никаких документальных сведений

о нем найти не удалось. Хотя по тем небольшим фактам и рассказам очевидцев, можно сделать определенные заключения.

«Blockhaus № 13» усиленно охранялся. Там хорошо кормили, даже игрушки детям давали. На первых порах дети и взрослые содержались вместе. Потом детей на ночь помещали отдельно. И только утром они встречались. Часто ночью приезжали машины и забирали детей. Одних увозили куда-то, говорили, что в Черновцы. Там был большой госпиталь для немецких офицеров. Судьба этих несчастных детей очевидна. В районе клиники Черновицкого мединститута есть захоронение жертв медицинских экспериментов нацистов.

Над другими детьми делались эксперименты прямо на месте. Им давали какие-то таблетки, от которых начинались или кровавый понос или вздутие живота и рвота. Другим делали уколы, после которых ребенок переставал говорить, терял координацию движений, а порой умирал сразу или через некоторое время. Приезжала иногда машина, в которую заталкивали нескольких детей. Машина стояла с работающим двигателем. Через некоторое время из нее извлекали трупы детей. Немцы в белых халатах осматривали эти трупы, что-то записывали. Все это видела Тося Городецкая. Она работала то ли грузчиком, то ли экспедитором по доставке продуктов для этого учреждения.

Бывший узник Семен Аронович Вайсблай также побывал в этом бараке. Он рассказывал, что очень жестоким был начальник или главный врач. Он мог приложить руку ребенка к раскаленной плите и любоваться, глядя на нечеловеческие мучения. А еще помещали руку или ногу в устройство наподобие холодильника. Через некоторое время изучали, записывали результаты омертвления тканей. Что переживал за это время ребенок? Измученных, истерзанных, полуживых детей бросали в машины и увозили в район еврейского кладбища. Там их выбрасывали из машины, а полицаи в воздухе, как дичь на охоте, достреливали их. Там есть могила и памятник сотням таких, как я, из этого барака № 13. Родителей детей, которых уже забрали, утром уводили или на расстрел или помещали в общее гетто.

Как же остался в живых я? Мне намазали почти все тело какой-то мазью. Тело покрылось сплошными язвами. «Весь в струпах»- так говорили обо мне. Шло время. Началось массовое

уничтожение евреев. Гетто перестало существовать, а барак № 13 еще год творил свои чудовищные преступления.

Отец несколько раз бывал в Каменец-Подольском. Через своих друзей он пытался найти возможность нашего освобождения. Я знаю этих людей, жаль, что их уже нет в живых.

Наконец, в феврале 1943 года партизаны осуществили нападение на охрану барака. В отдельном помещении, изоляторе, содержались такие как я, инфицированные дети, с ними были родители. Всем, кто был в этом помещении, удалось вырваться на свободу. Я не знаю, как сложилась их дальнейшая судьба.

С одним только Сашей Гительманом и его мамой Сарой Абрамовной мы встречались. Они приезжали к нам в село благодарить отца за свое спасение.

Жили они до войны в Биробиджане. Приезжали в Деражню к родственникам, там их и застала война. Обстоятельств их помещения в Каменец-Подольском я не знаю. Саша стал ученым. Он погиб при каких-то испытаниях на Семипалатинском полигоне.

Меня бросили в мешок, мама и еще одна нееврейская семья покинули территорию. Дальше мои воспоминания становятся немного отчетливее. Мы ехали на санях, было очень холодно. Приехали, кругом лес, а в землянке тепло.

Меня сразу осмотрел партизанский доктор Григорий Петрович Яремчук. После войны он долгие годы работал у нас в селе, его и поныне помнят люди. Долго нам оставаться в отряде было нельзя. Немцы уже отступали на Востоке, а здесь они очень свирепствовали. Партизаны постоянно меняли места расположения.

Куда деваться? Единственное место – это опять бабушка. Правда, мы тоже стали другими. В одном месте мы не задерживались. Особая благодарность сельской учительнице Анелии Васильевне Бартко (если мне не изменяет память). Она училась вместе с мамой в Проскуровском педагогическом училище. Ее муж погиб на фронте. У нее мы подолгу прятались. Прятались и у других людей. Очень многие рисковали жизнью – это настоящие Праведники мира. Жаль, что их уже нет в живых. Благодаря им мы остались живы.

Хочется вспомнить один эпизод. На печке у бабушки сушилась кукуруза. Мы с двоюродным братом Сашей играли там. Кукуруза попала мне в ухо. Через день началась боль в ухе – кукуруза начала расти, и вытащить ее никто не решался. Ночью приехал партизанский доктор и несколько партизан. Доктор Яремчук извлек проросшую кукурузу из уха. Мне еще дали потрогать автомат. Отца с ними не было, он был на задании. Говорили, что нужно взорвать железную дорогу, чтобы не дать немцам вывозить сахар с восстановленного ими вышневичского сахарного завода.

И, наконец, освобождение. Днем приехал отец, дядя Иосиф Хоптынский и другие партизаны. Помню, привезли конфеты. Хотя немецкие, но вкусные. Привезли и брата Сашу, с которым мы не виделись три года. Не сразу наступила мирная жизнь. В лесах скрывались бандеровцы, группы немцев. Партизаны вели с ними борьбу.

Через некоторое время отец и дядя Иосиф ушли с Красной Армией. Но вскоре отец вернулся. Близилось 1 сентября – начало занятий в школе. Часть учителей отозвали из армии.

Мы вернулись в родное село. Я держу в руках две трудовые книжки. Подлесный Иосиф Викторович. Запись № 2: «Участник партизанского движения с 1-го августа 1941 года по 18 апреля 1944 года». Запись № 3: «Назначен директором Рудецкой семилетней школы [Смотричского района](#). 20 июня 1944 года».

Вот другая трудовая книжка. Подлесная Брана Липовна. Запись № 1: «Общий довоенный педагогический стаж – 10 лет». Запись № 2: «Принята на должность учителя 5-7 классов Рудецкой семилетней школы. 1 июня 1944 года». Запись № 3: «Уволена в связи с уходом на пенсию». И все. 55 лет в одной школе.

Как сложилась наша жизнь после войны. Как у всех людей того времени. О некоторых послевоенных эпизодах следует рассказать. Где-то в 1947 году судили полицая Пухальского, Шендеровского, Бомка. Полицая Коса не могли долго выследить. Он был самым жестоким полицаем. По-моему, в 1950 году установили, что он прячется дома. Приехали военные. Он отчаянно отстреливался. И уже раненого, его сразили автоматной очередью. Несколько красноармейцев он убил. Я и мои сверстники

этот бой видели. Заслышав выстрелы, мы выскочили из клуба. В тот день для детей показывали кинофильм «Чапаев».

Мне пришлось учиться вместе с сыном полицая Шендеровского. Дочь Пухальского училась с моим братом. И никогда, ни отец, ни мама словом не обмолвились о злодеяниях их родителей. Я сразу после школы уехал из села и их судьба мне неизвестна.

А теперь, что же удалось узнать о «*Blockhaus № 13*»? Александр Яковлевич Бейдерман, Сара Абрамовна Гительман навели всякие справки, но от властей ничего добиться не удалось. Через черновицких друзей установили, что в [Румынии](#) есть какие-то документы. Этим заведовал некий Менгеле. И даже фамилию руководителя в Каменец-Подольском, якобы, установили. Это военный доктор гауптман Фриц Энкель. Кстати, эту же фамилию называли Тося Городецкая, Семен Вайсблай и сама Сара Гительман. Установили, что Энкель окончил Дрезденское военно-медицинское училище. Вроде, все сходится. Но дальнейшие поиски уже через содействие друзей из [ГДР](#) показали, что Фриц Энкель погиб на Восточном фронте в 1943 году.

Последний раз я встречался с Сарой Абрамовной и Александром Яковлевичем примерно в 1978 году. Потом связь прервалась, а вскоре оба эти человека умерли. Откровенно говоря, в то время я не осознавал необходимости вести дальнейшие поиски.

Что же сейчас. Я держу в руках еще один документ. Это свидетельство комиссара партизанского отряда имени Чапаева Иосифа Иосифовича Сырваровского.

Я приведу его почти полностью. «В роки Великої Вітчизняної війни я був комісаром партизанського загону ім. Чапаєва, що діяв на території Хмельницької області. В партизанському загоні воював ПІДЛІСНИЙ Йосип Вікторович, 1912 року народження, житель села [Скіпче](#) колишнього [Смотрицького району Хмельницької області](#). Взимку 1943 року групою партизанів було здійснено напад на охорону Кам'янець-Подільського гето. В результаті цієї операції була звільнена група в'язнів в тому числі, і дружина Підлісного з малолітнім сином Леонідом. 09.11.1999 року. Й. Сирваровський».

Вот, официально заверенное, свидетельство тети Ани Хоптынской. Она описывает, как мы укрывались, как нас забрали полицайи.

А вот ответы наших официальных органов. Да, гетто в [Каменеце-Подольском](#) было, но никаких больше сведений о событиях в нем нет. А что касается упоминания о «*Blockhaus № 13*» – вообще молчок.

Вот вся моя история. И не так уж важно, найдем еще какие-то документы или нет. Что это добавит к той страшной трагедии? Может, я и ошибаюсь.

Для меня важно другое. Нас называют последними свидетелями Холокоста. Я бы добавил к этому, что мы не только свидетели, мы жертвы этого чудовищного злодеяния. Как донести нынешнему поколению нашу боль, нашу тревогу за его будущее. Фашизм не исчез полностью. Его коричневая чума вспыхивает то в одном, то в другом месте.

Наш долг рассказать о том, что мы пережили, призвать к бдительности. Доктор Борис Забарко пишет: «Напоминание об этом может послужить предостережением о том, что мы должны всегда быть начеку, дабы не пропустить предвестники новой беды».

Нас осталось немного. И времени у нас тоже осталось немного. Но мы должны, обязаны выполнить свою миссию и свой долг.

«ВСЕ СЕЛО ЗНАЛО, ЧТО МЫ ЕВРЕИ...»

ПОЛИНСКАЯ Галина (1934 г.)

Я, Полинская Галина Николаевна, родилась 25 августа 1934 г. в городе [Кировограде](#).

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 7 лет.

Многие события тех дней еще живы в моей памяти. Помню, как горел город, как нас бомбили. Мы с сестрой, ей было тогда 4 года, плакали, боялись.

После того, как наш отец с первых дней войны ушел на фронт, наша мама, Ярошевич Фейга-Мордко Янкелевна, 1908 года рождения, осталась с нами, двумя детьми, и своим отцом на оккупированной территории в [Кировограде](#)¹. Мы не успели и не могли сами эвакуироваться.

Когда город заняли немцы, мама спрятала нас с бабушкой на чердаке. Сидели мы там без еды, без воды, а ночью мать выходила, чтобы достать нам поесть. Она рассказывала нам, что делается. Все вокруг горит, немцы и полицаи бегают, ищут евреев.

Никаких средств к существованию у нас не было. Дедушка не смог этого вынести и однажды вышел поискать какую-нибудь еду. Прошло много времени, а его нет и нет. Мама пошла его искать.

Не доходя до рынка, она увидела колонну евреев в сопровождении немцев и полицаев. Колонну вели к месту казни. Часть людей отделили от колонны и заставили копать ров. Евреев поставили на край рва, и начался расстрел.

Дедушку расстреляли на глазах у мамы.

Жить стало невмоготу, мы боялись немцев и полицаев. Наша соседка Екатерина Медведева предложила нам уехать к ее маме в село [Захаровка Новоукраинского района](#).

Мама собрала нас, и мы стали ждать подводу, которая должна была отвезти в село. И в это время началась облава. Нас спас случай. В соседнем доме повесился мужчина, выбежала его жена и начала голосить. Услышав крики, полицаи и немцы побежали в этот дом, а мама схватила меня и мою сестричку и убежала. Дядя Ваня, брат нашей соседки, отвез нас к себе в село.

Прятались мы в погребах, чердаках, сараях. Только ночью мама выводила нас подышать воздухом. Соседи брали нас, чтобы покормить, помыть. Помню, как однажды, когда мы зашли к Елене Багрий, вошел немецкий патруль. Она не растерялась и быстро спрятала нас.

Постоянно находясь в сырости, холоде, я очень часто болела – 4 раза воспалением легких. Лечили меня те же люди, что и кормили, что и спасали от немецкого расстрела.

Порядочные, добрые, чуткие люди этого села откликнулись на чужую беду, сами, подвергаясь опасности. Ведь почти все село знало, что мы евреи, и никто не выдал, не предал нас.

Благодаря таким людям мы спаслись и выжили. Многих уже нет в живых. Это семьи Медведевых и Паниотовых, Елена Багрий, Александра Катренко и многие, многие другие.

Я часто вспоминаю события тех дней и всегда помню доброту, сердечность, внимание, заботу наших спасителей.

«ВСЕХ ЕВРЕЕВ ОБЯЗАЛИ НАШИТЬ НА ОДЕЖДУ ЖЕЛТЫЕ ЗВЕЗДЫ...»

ПОЩУПАЙЛОВА Галина (1935 г.)

Я, Пощупайлова Галина Самуиловна, родилась 31 июля 1935 г. в городе [Феодосия \(Крым\)](#).

Когда началась война мне было без одного месяца 6 лет. Мой отец еврей, а мать русская.

Хорошо помню, как немецкие войска входили в [Феодосию](#)¹. Был пасмурный осенний день 1941 г. Мы жили тогда на улице Арабатской, ныне Чехова. Накануне в городе была паника. Население пыталось определиться: эвакуироваться, если была такая возможность (а она была не у всех), или оставаться в городе.

Кто-то вступал в партизанский отряд, кто-то в подпольную группу. Все это делалось, естественно, в тайне ото всех.

Мой отец, Самуил, вместе с соседом (им было уже за 40 лет) должны были работать в одной из подпольных групп.

Однажды в октябре 1941 года, под вечер, из двора во двор пронеслись крики: «немцы, немцы!». Толпа женщин и детей вышла на перекресток улиц Арабатской и Бульварной (ныне Десантников), и все увидели, что со стороны кинотеатра «Спартак» (ныне «Пионер») в нашу сторону направляется группа мотоциклистов.

Женщины пытались отправить непослушных чад по домам, но дети, послушавшись родителей, остались.

Наша соседка, одинокая женщина, сбегала домой и вынесла на вышитом рушнике большую вазу с фруктами: виноград, яблоки, груши. И обратилась к остальным женщинам со словами: «Надо хорошо встретить освободителей». Толпа восприняла ее слова с осуждением. Дети начали толкаться, и ваза с грохотом

разбилась, а фрукты разлетелись по пыльной мостовой, тут же став добычей детей.

Тем временем, подъехали мотоциклисты. С ними был переводчик. Соседка, стала благодарить немцев за освобождение и пригласила их к себе в гости. Они пошли за нею и стали с грохотом открывать все шкафы и ящики. Они искали «яйцо и молоко». Не обнаружив этого, зло хлопнули дверью и быстро ушли. Переводчик сказал: «Они недовольны».

Жизнь города изменилась. На улицах сложно было увидеть людей. Город замер. Молодежь 18–20 лет стали отправлять в [Германию](#) на работы. Нашу семью это не коснулось, так как нам с сестрой было 6 и 4 года, маме было 40 лет.

У наших хороших знакомых была дочь Ольга 18 лет, и за нее все очень переживали. На ее голове в нескольких местах выстригли волосы и велели говорить, что у нее лишай, т. к. больных не отправляли в [Германию](#). На улицу Ольга выходила в темном платке на голове, ходила, сгорбившись и шаркающей походкой.

В городе объявились предатели, которые выдавали немцам руководящих работников, их семьи, евреев. Всех евреев обязали носить на одежду желтые звезды.

В семье маминых знакомых Лейбманов было две дочери: 18 и 6 лет. Старшая дочь Фира в ноябре попала в облаву и погибла. Когда Фира не вернулась домой в течение трех дней, отец пошел искать ее в полицию. Там ему сказали: «Не волнуйтесь, ей было хорошо. Она получила максимум удовольствия и отправилась к праотцам счастливая».

Выйдя во двор, отец увидел ногу дочери, торчащую из груды дров. Еще ему сказали: «Скоро вы с дочерью встретитесь».

Дома, обсудив с женой всю обстановку в городе, они решили, что надо спасать младшую дочь. Ева собрала вещи дочери, и они пришли к нам с просьбой на время взять Свету на воспитание. Мама приняла Свету, как родную дочь. Так мы стали жить вчетвером – мама и три девочки.

Прощаясь с дочерью, Ева сняла с пальца кольцо и, вынув из Светиной косы ленточку, повесила перстень дочери на шею, со словами: «Пусть это кольцо напоминает тебе обо мне, береги его».

Когда в декабре 1942 г. евреев уводили на расстрел, соседи Лейбманов заявили немцам, что они спрятали свою младшую дочь у нас. Но к тому времени мы уже не жили дома, а прятались у знакомых Авдеевых – Марфы Кирилловны, Михаила Матвеевича и их дочери Ольги.

У Авдеевых был частный дом на окраине города. Это нас спасло. В доме было две комнаты. В одной жили два немца, а в другой располагались четверо взрослых и нас трое детей. Немцы думали, что мы все одна русская семья, они не могли себе даже представить, что рядом с ними в одном доме прячут трех детей еврея.

Полицейские стали постоянно навещать наш двор, они искали нас, но не знали, где мы прячемся. Так нас и не нашли.

Света часто доставала кольцо, целовала его, разговаривала с ним. Однажды за этим занятием ее застали немцы, и один из них схватил ленточку рукой и потянул на себя, чтобы отнять кольцо. Это было при мне. Моя мама считала меня старшей и всегда говорила: «Ты старшая, должна защищать младших сестричек». Я попыталась вырвать у него из рук ленточку. Озверевший немец взял штук и проткнул мне ладонь левой руки.

Бедная мама, ей надо было кормить троих детей. Кое-какие овощи выращивались на небольшом клочке земли при доме Авдеевых. Маме удалось устроиться работать грузчиком в порту. Знакомый был там бригадиром и взял ее в свою бригаду. Скидок на то, что она женщина, не было.

На рынке вещи менялись на продукты. Иногда мама вместе с другими женщинами носила посуду и другие вещи по деревням. Деревенские давали хоть какие-то продукты. Иногда просто зерно, просо, кукурузу, семечки. В каждом доме была самодельная мельница: два притертых камня – это жернова. Крутить было тяжело. Но голод заставлял самозабвенно крутить жернова.

29 декабря 1941 г., под Новый год, утром началась стрельба со стороны моря. Окно одной из наших комнат выходило в сторону моря, и мы видели зарницы от взрывов. Все соседи собрались у нас. Мужчины сразу предположили, что это десант. Нас утром освободят. «Ура! Конец нашим мучениям!».

На следующий день, утром, со стороны моря по улице Бульварной (ныне Десантников) группами продвигались десантники – матросы и солдаты. Декабрь 1941 – январь 1942 гг. были очень холодными, морозными. Десантники вели напряженные бои в районе Песчаной и Черной балок.

Отец мой с первых дней десанта вышел из подполья, присоединился к ним и участвовал в боевых действиях. В одном из боев на Черной балке он был ранен в левый глаз и потерял его.

В нашей квартире печь топилась круглосуточно. Мы, трое детей, спали на одной кровати, а на полу вповалку лежали десантники. Отдохнув 2–3 дня и подсушив одежду, они уступали места другим солдатам. В комнатах натянули веревки и сушили обмундирование. В квартире постоянно находилось 20–40 человек. Солдаты пили горячий чай. На плите стояли несколько чайников.

Во время отхода наших войск, многие, к сожалению, попали в плен. Содержали пленных во дворе собора Казанской Божьей Матери. Женщины, молодые и старые, часто приходили к храму и старались перебросить через колючую проволоку еду в толпу пленных.

Часто слышались женские крики: «Петя! (Коля, Вася, Дима, и т. п.) Где ты, откликнись, где ты? Отзовись!». Они обращались к охранникам с просьбой отпустить мужа, брата, жениха, сына, а в награду пытались сунуть им в руки что-либо. Таким образом, мы выкликнули Петю – молодого лейтенанта, раненого в ногу. Этот Петя потом стал мужем Ольги Авдеевой, которую всячески старались спасти от увоза в [Германию](#).

Многие мужчины ушли вместе с отступившим десантом и вступили в ряды Советской Армии. Это же сделали Петя и мой отец.

В 1943 г. немцы, боясь очередного десанта, пытались укрепить береговую линию. Вдоль всего берега на проспекте стояли противотанковые «ежи», были вырыты противотанковые рвы.

Чтобы местное население не оказывало помощь десанту, как это было в 1941 году, немцы стали выгонять местное население в сельскую местность. Мы, вместе с семьей Авдеевых, по-

пали в деревню [Ички \(ныне Краснофлотское\)](#). Нас поселили в избе, где жила семья из трех человек. Феодосийцев в деревне было много.

Однажды ночью над деревней подбили наш самолет. Странно, но факт, что и дети, и взрослые четко определяли по звукам моторов, чей самолет летит, наш или немецкий. Летчик сумел катапультироваться и попал на огромный стог соломы. Утром вся деревня была у стога. Немцы тоже были здесь же. Они острыми железными пиками протыкали солому, но летчика не нашли.

К вечеру группа сельчан отправилась к стогу вызволять летчика из соломенного плена. Вытащили его и решили, что он будет жить по очереди в каждой избе. Все боялись предательства. Таким образом, молоденький лейтенант Вася неделю жил в нашей избе, весь день сидел на русской печи, которая занимала большую часть нашей одной комнаты. Нас, детей, строго предупредили, чтобы мы никому не проболтались.

В январе 1944 г. в нашей большой дружной семье случилось пополнение: Ольга Авдеева родила дочь Тамару.

А с наступлением весны, в начале апреля, заболела моя младшая сестра Лидочка. Врачей и лекарств в деревне не было. 10 апреля Лида умерла.

А 14 апреля 1944 года советские войска освободили нас от немцев.

15 апреля мама и Марфа Кирилловна решили идти пешком в [Феодосию](#). Наша пешеходная группа была весьма живописной: молодая женщина с младенцем на руках – Ольга с дочерью, маленькая согбенная старушка – Марфа Кирилловна, две девчушки – Света (9 лет) и я; женщина 40 лет, которая несла мешки и сумки с вещами – моя мать.

Шли мы дорогами, по которым передвигались с грохотом советские танки и орудия на лошадиной тяге. Увидев нашу группу, солдаты часто останавливались и старались нас чем-нибудь угостить. Конечно, были и разговоры с рассказами. Кто мы, откуда, и куда идем. Иногда нас подвозили на телеге.

Из [Ичков](#) мы вышли на рассвете, а когда стемнело, были уже в [Феодосии](#), в своей квартире на Арабатской улице.

Мне и Свете Лейбман было уже по 9 лет, и в сентябре мы пошли в школу, в первый класс.

После окончания школы Света сразу же вышла замуж за Тофика Гутцайта и уехала с ним в [Азербайджан](#), откуда он был родом. В [Феодосии](#) Тофик был на курсах переподготовки офицеров.

Первое время Света жила с мужем в [Баку](#), у них родилось двое детей. Потом Тофика отправили служить в [Карабах](#). В то время в этих краях была военная обстановка. В одном из обстрелов погибла Света с сыном и дочерью. Тофик тоже погиб.

Так трагически закончилась жизнь еврейской девочки, спасенной от нацистов в годы оккупации.

Мама умерла в 80 лет и до последних дней вспоминала Свету и оплакивала ее, как родную дочь.

Сейчас (2010 г. – Б. З.) мне 73 года. И по сей день я проживаю в городе [Феодосия](#).

«Разлука». – Феодосия, 2010. – С. 55–61.

«СТРАШНЫЕ ДНИ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ...»

ПУПЧЕНКО (ЛОТКИНА) Клавдия (1931 г.)

Я, Пупченко (Лоткина) Клавдия Наумовна, родилась в городе [Полтаве](#) 11 сентября 1931 г. в семье рабочего.

Отец мой – Лоткин Наум Абрамович, уроженец города [Кременчуга](#), 1908 года рождения, по национальности еврей – работал на станции [Полтава-Южная](#), грузчиком. Мать, Карнаух Анастасия Павловна, родилась в 1912 году в [Кременчуге](#), по национальности украинка. Брат мой, Лоткин Борис Наумович, родился 21 апреля 1940 года в городе [Полтаве](#).

До войны наша семья жила в [Полтаве](#) по улице Чапаева, 15, кв. 3.

24 июня 1941 г. отец был призван в Красную Армию. Через несколько дней мы проводили отца на фронт, распрощались и, как оказалось, навсегда. Домой он не вернулся. В ноябре 1943 г. он пропал без вести, о чем получили извещение.

Эвакуироваться мы не могли, т.к. были бедны, и с тремя маленькими детьми мама осталась в [Полтаве](#)¹.

В конце сентября 1941 г. без малейшего сопротивления немцы заняли город. Повалили на улице города машины, мотоциклы, солдаты.

Так начались страшные дни немецкой оккупации. На видных местах стали появляться приказы, распоряжения – одни страшнее других. Началась регистрация в комендатуре лиц еврейской национальности. Уклонения обещали наказывать вплоть до расстрела.

Мама очень испугалась, она начала нас прятать в подвале, на чердаках. Кругом рыскали полицаи. Да и соседи были разные и по-разному относились к евреям. Тогда мама договорилась со своей

подругой Феней Ивановной Устименко и в октябре 1941 г. отвела нас в село **Гужулы** к ее сестре тете Миле. Но и там было страшно.

Тетя Мила говорила, что мы беженцы, что маму нашу убили. Когда начиналась облава, нас с братом прятали в соломе на огороде и в ямах с мусором. Есть было нечего, ходили по огородам собирали остатки. Одеты были в лохмотья. Тетя Мила тоже очень боялась, у нее были свои дети, ей тоже было трудно. Она отказалась дальше нас прятать, мы прожили у тети Милы до лета 1942 г.

В августе 1942 г. приехала мамина сестра, Ефросинья Павловна Карнаух из **Кременчуга**, и увезла нас с собой.

В **Кременчуге**² жила еще одна мамина сестра, Ольга Павловна Карнаух, и они нас вдвоем прятали до августа 1943 г.

Жить было очень тяжело, у теток были свои дети. Есть было нечего, ходили просили милостыню, лазили по мусоркам, по чужим огородам, подбирали, что оставалось после уборки. Топить было нечем.

Так в голоде и страхе прожили мы у теток до августа 1943 г. В августе же тетя Фрося привезла нас в **Полтаву**. Немцам уже было не до нас.

Освобождение мы встретили в **Полтаве**. Все ужасы войны и оккупации легли страшной тяжестью на наши детские плечи, ранили наши неокрепшие души. Описать все это невозможно, все пережитое вспоминаем с великой скорбью. Это отразилось на наших нервах и здоровье.

В октябре 1943 г. пошла в школу № 16, зимой училась, летом трудилась в колхозе на сельскохозяйственных работах, нужно было помогать маме, я была старше братьев. В 1947 году, когда мне исполнилось 16 лет, пошла работать, имею рабочий стаж 52 года.

В 1956 г. вышла замуж. Муж, Владимир Михайлович Пупченко, умер в 1978 г.

Имею двух сыновей, которые живут в странах **СНГ**. Я, в настоящее время нахожусь на пенсии, но пенсия такая, что прожить и оплатить свои нужды невозможно. Здоровье плохое. Если есть такая возможность, просим Вашей помощи. Хочется надеяться, что о нас не забыли.

«МАКИ, ВЗОШЕДШИЕ НА ЕВРЕЙСКОЙ КРОВИ...»

РАБИНОВА Фира (1932 г.)

Я, Рабинова Фира Израилевна, родилась в 1932 году в местечке **Комаргород Винницкой области**. Мои родители работали на станции и там жили.

В 1941 году в конце июня отец был призван в ряды Советской Армии, в августе месяца того же года он погиб.

Мама, я и мой брат, когда началась война и отец ушел в армию, переехали в местечко **Шпиков¹ Винницкой области** к маминной золовке. В июле немецкие войска оккупировали район, где мы находились.

Оккупировав местечко, немцы обязали всех евреев (детей и взрослых) носить повязки с нарисованной шестиконечной звездой.

По прошествии месяца после оккупации немцами местечка всех евреев собрали на площади и этапом погнали в неизвестном направлении под охраной немцев и местных полицейских.

Эту дорогу пожилые люди не могли выдержать, и многие старики падали. Чтобы не возиться с ними, их расстреливали. Дорога была длинная, и сколько мы шли дней, я не могу сказать. На ночь нас загоняли в какие-то сараи, и уставшие люди засыпали стоя, так как лечь было невозможно: эти сараи были переполнены, и, прижавшись друг к другу, мы коротали ночь. А днем снова в путь. Таким образом нас пригнали в лагерь смерти **Печору²**.

А там был ад: холод, голод, вшивость – люди стали болеть. Заболела тифом и я. Смерть косила людей. Я никогда не забуду, как трупы сбрасывали прямо с верхних этажей в кузова машин. Разве можно забыть эти кошмары?!

Мы, насколько это было возможно, держались вместе с маминкой золовкой, у которой было трое детей. Двое из них, не выдержав, умерли.

Однажды всех, кто находился в лагере, вывели на площадь, вместе с нами в этом лагере были и евреи из Румынии. Все ценные вещи велели сбрасывать в отведенное на площади место. Дети, держась за руки родителей, ждали машин, которые должны были отвезти их на место казни. Одна из машин уехала с лагерниками, и их расстреляли палачи. Остальные ждали своей очереди.

На наше счастье, кто-то из румынских евреев сумел подкупить коменданта лагеря, и расстрел отменили. Но это не спасало людей от костлявой руки смерти, которая убивала голодом и холодом.

Со временем прошел слух о том, что один мальчик-проводник выводил людей из лагеря. Мама с ним договорилась, и осенью мы трое и золовка с детьми совершили побег, но полицейские нас задержали, избили и вернули в лагерь. Мама решила на новый побег, и проводник нас вел ночью, а днем мы прятались в лесу. Направились мы к своим родственникам в Комаргород. Это местечко находилось на территории, оккупированной румынами.

В Комаргороде³ было гетто, и мы, дети, вместе со взрослыми работали в поле, убирали помещения.

Был такой эпизод. В марте 1944 года немцы, отступая, зашли в Комаргород. Один из немцев решил перед отходом отправить на тот свет несколько евреев. Он зашел в дом Кордонских (Кордонский – один из узников гетто – ныне живет в Мельбурне). В доме жили четыре семьи, в том числе и наша. Он нас выстроил и пошел проверить другую комнату, нет ли кого. Кто-то из взрослых его закрыл и запер дверь, и мы все разбежались. Нас спасли местные жители, украинцы, которые жили рядом.

Вместе с мартовскими ветрами пришло и освобождение.

В мае 1944 года мама погибла в автомобильной катастрофе, брат умер в 1953 году от болезней, которые он нажил, когда мы бежали из лагеря и переходили через осеннюю, холодную воду реки Буг, а ему в то время было только пять лет.

После смерти матери меня взяла к себе мамина сестра, а брата – папин брат.

Безусловно, в этой короткой заметке невозможно рассказать весь ужас, который нам пришлось пережить. Невозможно рассказать и о нашем детстве, которое украли эта проклятая война. Можно только удивляться, что находятся люди, которые утверждают, что Холокоста не было, что не было трагедии, не было Печоры, Бабьего Яра и тысяч яров и балок, где на удобренной еврейской кровью земле растут красные маки.

Маки, взошедшие на еврейской крови. Этого забыть нельзя! Помните, люди!

«В ШАРГОРОДСКОМ ГЕТТО БЫЛО ОКОЛО 7000 УЗНИКОВ»

РАЙБМАН Давид (1938 г.)

Когда началась война, мне шел третий год. Моя семья состояла из пяти детей, матери и отца. Двое малышей погибли в раннем возрасте до войны. Нас, детей, осталось трое: я, брат и сестра. Я самый младший. Сестра сейчас жива, она на 15 лет старше меня. Брата, к сожалению, нет.

Я родился в селе [Ивашковцы Шаргородского района](#). До 1940 года мы жили в [Ивашковцах](#), а в 1940 году переехали в [Шаргород](#), где нас застигла война. Немцы пришли в 1941 году, ровно через месяц после начала войны, т. е. 22 июля.

Гетто в [Шаргороде](#)¹ было создано в августе 1941 года. В ноябре этого же года гетто было пополнено евреями, пригнанными из [Бессарабии и Румынии](#) (5.000 человек). Шаргородское гетто насчитывало 7.000 узников. Оно третье по количеству узников в [Винницкой области](#). На первом месте Могилев-Подольское гетто, на втором – Бершадское, на третьем – Шаргородское.

В нашем гетто, которое было в зоне румынских оккупантов, практически не расстреливали. Жизнь в нем была не настолько сложной, как в других гетто, поэтому к нам многие бежали из тех регионов, где проводились массовые расстрелы. Румынские оккупанты, конечно, издевались, но все-таки многие узники выжили. Непосредственно от пуль у нас погибло несколько человек. А в целом погибли многие, около 3.000 жертв: скученность, антисанитарные условия, но самое главное – тиф.

От тифа умерла моя бабушка (по линии отца). Она была уникальным человеком, совсем непохожая на еврейку. Дедуш-

ке было 24 года, когда он женился на ней, а ей – 14. Но она была очень организована, очень умна, очень талантлива. Порядок в семье был на высочайшем уровне. Каждые два года она рожала ребенка, и всего у них с бабушкой было 11 детей. Она молодец! Но, к сожалению, бабушка погибла в 1943 году, заразившись тифом.

Они дали миру выдающихся, талантливых людей. Один из них, Наум Райбман, мой двоюродный брат, – доктор технических наук, лауреат Ленинской премии. Другой – доктор химических наук. Третий – Эдик Райбман, кандидат наук, чей отец был человеком с необычной судьбой. Он служил в канцелярии Кремля до войны. Еврей в канцелярии Кремля! Но ему изменила жена. И хотя он был освобожден от военной обязанности, в отчаянии пошел на войну и погиб. Три сына моей бабушки, т. е. три брата моего отца, не вернулись – погибли. Вот такая история семьи.

В Шаргородском гетто было около 7.000 узников. В городке – несколько синагог, одна из них, центральная, на сегодняшний день одна из самых крупных сохранившихся синагог в Европе. При турках она служила фортом для обороны. Стены этой синагоги толщиной в 1,3 метра. Там летом не было жарко, а зимой было не очень холодно. В ней и размещались узники, пригнанные из [Румынии](#). Остальные пригнанные узники были распределены в еврейских семьях, а также их поместили в других синагогах.

В нашей квартирке было 16 человек, которые ютились в двух комнатах, но мы жили очень дружно. Я даже помню фамилию одной семьи, пригнанной из [Румынии](#) – Гольденцвайг. Они все выжили, и после войны уехали в [Румынию](#).

Несмотря на то, что мой отец заболел тифом (тиф очень свирепствовал тогда), никто больше не заразился. Соблюдались максимально санитарные и гигиенические меры, насколько можно было иметь в этих условиях: ванны не было, воды в доме не было, туалета не было. Но благодаря такой дружбе и соблюдению режима мы все, в том числе отец, практически без лекарств, выжили.

Еду добывать было нелегко. Были маленькие базарчики, где обменивали, кто что мог. Иногда крестьяне из сел просто прихо-

дили и приносили кое-что. Мы ведь жили раньше в селе. Бабушка по линии отца осталась в селе и жила там во время войны. У нее была хата из двух половин: в одной – бабушка, а другую она отдала бездомным детям-сиротам, за которыми ухаживали и евреи, и украинцы.

Румынские евреи готовили еду из картофеля или из кукурузной муки. Приспосабливались, кто как мог. Выживали в основном за счет местных украинцев, у нас ведь ничего не было.

Евреи не могли появляться на определенных улицах. Но гетто не было окружено колючей проволокой. За любое нарушение – раздевали и 25 нагаек. Это была их «доза» для всех нарушителей! Свет нельзя было зажигать; если румыны видели, что где-то горит огонек – керосиновый фитилек – наказание.

В Шаргороде произошел трагический случай во время войны. Там была своя еврейская община. У доктора Тайха, директора общины, погиб сын. После смерти сына они с женой договариваются, чтобы тоже уйти из этого мира, чтобы быть вместе с сыном. И в итоге мать приняла яд, а отец – нет. Он остался...

Еще трагический случай. Я помню, когда начался тиф в конце 1941 – начале 1942 гг., много людей умирало. Каждый день на санях объезжали Шаргород и кричали, где есть мертвец, где есть труп? Потом их складывали на эти сани и отвозили хоронить на кладбище.

В Шаргороде была подпольная партизанская организация, в составе которой были и евреи. Я помню фамилии: Малинский, Зубков... Малинского предали, его загнали в Тираспольскую тюрьму, и он там в пытках погиб.

Жизнь все-таки и в гетто продолжалась. Люди есть люди. Они были такими оптимистами! Были тайные встречи, помогали друг другу, несмотря на то, что румыны издевались. Мою сестру гнали на плантацию табака, брат был подростком, ему было всего 14 лет, а его тоже гнали на табачные плантации, после чего он заболел астмой. Зимой гнали мою маму строить дорогу между Шаргородом и Жмеринкой, Шаргородом и Мурафой.

Что касается моего отца, так он чуть не погиб. Председатель еврейской общины в городе Шмулевич был человеком нехорошим; хотя и еврей, но очень жестокий. Через Южный Буг

строился мост, и молодых мужчин гнали туда на строительство. Есть такая станция Трихаты², оттуда редко кто живой возвращался. Председатель общины вызвал моего отца и говорит: «Давай деньги, потому что мы румынам платим». Им платили, чтобы они меньше издевались, румыны брали взятки. И председатель говорит моему отцу: «Плати деньги золотом, иначе отправим тебя в Трихаты». А у нас денег не было, и его с несколькими другими евреями отправили туда.

Когда он приехал на станцию, немецкий врач сортировал их, кого на какие работы. А мой отец был очень худым, истощенным, еле стоял на ногах. Врач посмотрел на него и говорит: «Что вы за труп привезли?! Где он может работать? Отправить!». И отца отправили. И он месяц добирался домой из Николаевской области, окольными путями – он же не мог поездом приехать. Суждено было отцу выжить.

Когда румынские евреи уезжали из Шаргорода (а мы – большие патриоты, Шаргород сильно любим, он нам очень дорог) они сочинили песню про наш город. Но это была песня ненависти. Я знаю эту песню на еврейском. Она звучит так:

«Шаргород, ты – местечко, которое я забуду,
Шаргород, я по тебе скучать никогда не буду,
Я уезжаю к себе домой, я тебя ненавижу!»

Война есть война... А для евреев это была война в войне!

Шаргород освободили 20 марта 1944 года. После окончания войны мне уже было шесть лет, я пошел в школу. Когда наши зашли, отца сразу забрали в армию. Его отправили в «Мостострой» – военная база, которая строила мосты. Отец был в армии до 1948 года.

После окончания школы я поехал поступать в мединститут в Челябинск, на Урал, 3.000 км от моих родных мест. Евреям в Украине было практически невозможно попасть в институт. Их принимали не более 3 %. Мой брат поступал три года, но неудачно. Я учел его опыт и поехал в Челябинск, где сразу поступил на общелечебный факультет. А после окончания учебы вернулся в Шаргород. Надо было отработать два года в селе, и я трудился на станции Ярошинка, а потом уже вернулся в Шаргород и прошел путь от участкового врача до заместителя главного врача.

Мой дедушка был глубоко религиозным человеком. У него было отдельное место в синагоге. Он пользовался большим уважением в общине. Все еврейские традиции в доме строго соблюдались. Бабушка не имела права зажечь свечку в субботу. Она по вечерам натапливала печь и все, что приготавливала, заворачивала так, что оно сохраняло тепло на следующий день, потому что нельзя было ничего зажигать и т. д. Отец мой эту традицию принял. И в нашем доме, несмотря на все невзгоды, соблюдалась Пасха. Мы в течение семи дней не кушали хлеба, только мацу. Из картошки делали оладушки, первые три дня правился Седер, трапеза с молитвами. В течение трех часов отец молился. Вечером вся семья собиралась вместе.

«Рожденные страдать?» Помни слезы и скитания
Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 129–132.

«МЫ ПОГИБЛИ БЫ, ЕСЛИ БЫ НЕ СЕМЬЯ УКРАИНСКОГО КРЕСТЬЯНИНА»

РАШКОВАН Юрий

Нашей семье судьба предназначала испытать все ужасы лагерей и гетто. В конце июня 1941 года мы эвакуировались из **Бельц**. Добрались до **Кодымы Одесской области** и там настигли нас немцы. Нам удалось бежать из **Кодымы в Ольгополь**, а затем в **Чечельник** – места концентрации и массовой гибели евреев **Бессарабии и Буковины**.

В конце августа – начале сентября 1941 года нас загнали в гетто **Крыжополь¹ Винницкой области**.

В начале зимы, 2 декабря, большое число узников, в том числе и наша семья, были интернированы в концлагерь, входивший в зону массового уничтожения евреев, в селе **Цыбулевка**.

Зима 1941–1942 гг. была суровой. Стояли сильные морозы. В одну из ферм для нескольких десятков коров фашисты загнали около двух тысяч человек. Люди погибли здесь от холода, голода, сыпного тифа. И из этого ада нам удалось бежать.

И возможно, что мы погибли бы где-то по дороге, если бы не семья украинского крестьянина **Тудосия Литовчука**. Хозяин, его жена **Ольга**, дети **Николай**, **Василий** и **Франя** относились к нам с исключительной добротой. В подвале под скотным сараем устроили нам жилье.

В ночь на 19 декабря хозяева взяли маму и меня в дом. Шла подготовка к христианскому празднику святого **Николая**, и они хотели обогреть и накормить нас. И вдруг облава. Когда жандармы и полицаи стали стучать, **Ольга** спрятала меня на русскую печь вместе со своими детьми, а маму поставила у ши-

рокой двери в сених. Когда жандармы и полицаи ворвались в хату, дверь прикрыла маму. Ольгу били и требовали, чтобы она сказала, где жида. Но нас не выдали. После этого случая нам пришлось покинуть гостеприимных хозяев и снова бежать, куда глаза глядят. По решению Яд Вашем семье Литовчук присвоено почетное звание «Праведников народов мира».

Наша одиссея продолжилась. Дошли мы до местечка [Жабокрич](#)² [Крыжопольского района](#) на [Винницчине](#). Здесь было гетто. В нем фашисты расстреляли более 500 узников. Здесь мы находились до дня освобождения – 15 марта 1944 года.

Отец не дожил до этого дня. Он умер от сыпного тифа 28 января 1942 года. Мы с мамой тоже переболели этой страшной болезнью. Но нам удалось выжить только благодаря тому, что мама умела шить и этому ремеслу научила меня.

Одной из причин, позволивших евреям выжить в Транснистрии, было разрешение работать. Узники гетто работали на местное население. Евреи шили одежду, делали и ремонтировали обувь, шили полушубки и головные уборы, изготавливали бочки, мыло.

А какие мастера работали в [Жабокриче](#)! В тех невероятных условиях мастера умудрялись производить превосходные товары ширпотреба. И сегодня помню прекрасного скорняка Шмулевича, резника Гелкера, ставшего мыловаром, мельника Шварца. В гетто были мастера маслобойного производства, бондари, жестянщики, столяры, которые изготавливали продукцию, необходимую в быту местному населению, да и районное начальство неоднократно прибегало к их услугам.

Заботы взрослых еще заключались в духовном воспитании детей. Добрым словом я вспоминаю и сегодня раввина из [Липкан](#), фамилию не запомнил, который стал обучать нас, мальчиков, молитвам, чтобы мы могли произносить Кадиш по погибшим родителям, братьям, сестрам. Самые теплые воспоминания у меня сохранились о семье Янкеля Гота из города [Радауцы Южной Буковины](#). Две его дочери – Ривка и Лея, бывшие студентки, стали нас готовить к школе.

Так, в трудностях, переживаниях, со страхом о завтрашнем дне прошел 1943 год и наступил год освобождения лагерей и гетто. Фактически это был самый тревожный период в жизни

узников лагерей и гетто. Никто не знал, чем закончится отступление фашистов из этого региона. Вот как описывает события этой весны Ицхак Арад: «Когда Советская Армия освободила Транснистрию, оставалось 46–48 тысяч депортированных евреев. Из примерно 185 тысяч местных евреев, находившихся в Транснистрии с самого начала оккупации, освобождения дождалось 15–20 тысяч. Надо было видеть глаза солдат и офицеров, особенно евреев, когда встречали живыми евреев после почти трех лет оккупации, массовых казней, угроз и издевательств над этими людьми».

15 марта 1944 года [Жабокрич](#) был освобожден. Мы вышли из гетто.

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ РЕДЬКОВА (ДРИЗ) Людмила (1939 г.)

Я родилась в смешанном браке. Мой отец – Дриз Фишель, еврей. Моя мама – Дриз (Харько) Ольга – украинка.

Когда началась война, мы жили в городе Николаеве по ул. Рыбной, дом 46 (теперь это улица Чкалова), в полуподвальной квартире. Папа с первых дней войны ушел на фронт. Беременная мама осталась со мной, двухлетней, на руках. Мама родила сестричку во время войны. В результате всех волнений, пережитых мамой, сестричка родилась больной и умерла в младенчестве.

Почти все родственники папы успели эвакуироваться. Остались только мы с мамой и папина родная сестра – Зельда Хусид с десятилетней дочкой Фридой. Ее муж, Матвей Хусид, воевал на фронте.

Моя мама родом из села Александровки Херсонской области (до войны – Николаевской области). Когда в Николаев¹ вошли немцы, мама вместе со мной, тетей Зельдой и ее дочерью Фридой уехали в Александровку на мамину родину к ее родной сестре.

В этом селе, еще с царских времен, кроме украинцев проживали немцы, как их называли – колонисты. На время войны это были уже их потомки.

Вскоре была оккупирована и Александровка. Немцы-колонисты (кто добровольно, а кто принудительно) стали работать на оккупантов. Мужчины надели «бляхи» и стали полициами, а женщины – переводчицами. К их чести, они оказались не палачами, а людьми.

Маминой сестре, Фекле Егоровне Ревенко, полицаи сказали: «Фекла Егоровна, мы знаем всю вашу биографию. Знаем,

что у вас зять жид и что вы прячете его сестру с дочкой и свою племянницу. Мы не можем этот факт долго скрывать, так что передайте своей сестре в Николаев, чтобы она забрала своих родственников и дочь». А в Александровке уже начались облавы.

Не успела мама приехать за мной, как немцы решили разместить в селе воинскую часть и установить зенитную батарею. Населению предписали покинуть село в течении 24 часов. Что было дальше, как ни странно, я помню.

Помню, как в телегу запрягли корову Зорьку и поклали туда самое необходимое. Но сколько может вместиться в телегу? Совсем немного. А нас было шесть человек: мамина сестра с мужем и сыном, тетя с дочкой и я. Поэтому все надели на себя столько, сколько смогли. Что не смогли одеть, взяли в руки, и даже за спины привязали. Мне, крохе, за спину привязали мою маленькую подушечку, а в руки пытались дать узелок с теплыми вещами. Помню, как сейчас: как я отбивалась от этого узелка, так как в руки хотела взять куклу.

Всех жителей собрали в колонну и погнали с полициами и собаками в никуда. Но не успели люди дойти до конца села, как дали отбой, и все вернулись в свои дома. К этому времени оккупанты «повеселились» – забрали с подворий всю живность и, какие были, припасы.

Возникла проблема: куда девать нас с тетей? Тетю с дочкой днем прятали в погребе, а меня – в собачьей будке. Ночью всех забирали в дом.

Наконец, пришла мама. 45 км от Николаева она шла пешком и перед селом набрела на провода немецкой связи, запуталась в них и только чудом не попала в руки к немцам и не погибла. Но Господь ее сохранил.

К тому времени из деревни никого не выпускали, всех проверяли на лояльность к немецкой власти, а заодно искали жидов (так они называли евреев).

Маму за взятку все-таки выпустили из села. В холодный дождливый осенний день мама взяла меня на руки и пешком пошла в Николаев. По дороге нас догнала крытая машина, в кузове которой ехали чехи. «Мамку» (так они называли маму) посадили со мной в кузов и довели до Николаева. Мне запомнилось, как

эти люди угощали меня печеньем и леденцами. Спасибо им – видимо, воевать пошли не по своей воле.

Тетя Зельда с Фридошкой сумели ночью тайком, под страхом смерти, покинуть село. По дороге они присоединилась к колонне беженцев, которая двигалась в сторону [Херсона](#) (это, примерно, 45 км от села).

Уже после войны мы узнали, что их всех расстреляли в районе [Голой Пристані](#)². Там они захоронены в братской могиле.

Мама вместе со мной добралась до [Николаева](#). Днем она прятала меня в кладовке, а ночью забирала в дом. Но нашлись «добрые» люди – соседи, которые сказали: «Що ви на неї дивитесь? Ідїть і заявіть, що у неї чоловік жид і нехай візьмуть дитину і розстріляють». Наверное, у самих не хватало «мужества» сделать это, а двухлетний ребенок мешал им жить. Нашлись «смельчаки», которые не единожды шли в полицейский участок и заявляли.

Меня вместе с мамой трижды забирали на расстрел. Моя мама со мной на руках, вместе с другими обреченными людьми, шла в этой скорбной процессии под лай собак и окрики полицаев на кладбище, где этих людей расстреливали. Но, видимо, даже среди немцев были не только палачи. Узнав, что мама украинка, нас отпускали. Очевидно, это судьба – Господь сохранил нам жизнь.

Закончилась война. Папа вернулся домой. Люди, которые посылали меня с мамой на смерть, встречали моего папу с хлебом-солью.

У меня родился брат, которого в память о погибшей тете называли Женей (так называли тетю в семье). Ныне мой брат, Евгений Дриз, профессор, проживает вместе с семьей в [Израиле в городе Бат-Ям](#) и преподает.

Война лишила меня раннего детства и заполнила мое маленькое детское сердечко страхом. Горькие воспоминания и рассказы моей мамы остались со мной до сих пор и, видимо, никогда меня не покинут, а уйдут вместе со мной в мир иной.

Я никогда не скрывала своего происхождения. Теперь, когда жизнь расставила все по своим местам, и евреи, пережившие Холокост, получили преференции от [Германии](#), некоторые люди, открестившиеся от своей нации и своего народа, в мирное вре-

мя, спрашивают меня: «Как ты доказала, что имеешь еврейские корни?». Я отвечаю: «Я свои корни никогда не выкорчевывала, так что доказывать мне ничего не нужно».

Р. С. Уважаемый Борис Михайлович!

Высылаю Вам свои воспоминания (со слов мамы).

С глубоким уважением и чувством искренней благодарности за все Ваши усилия и старания сохранить память о страданиях, которые пережил еврейский народ во время Холокоста.

Редькова Л.

«ДО СИХ ПОР Я НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ УЖАС ТЕХ ДНЕЙ»

РЕЙЗИНА Алла (1936 г.)

Хочу кратко рассказать историю своего спасения.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 5 лет. Отец ушел на фронт, а мы с мамой остались в [Кировограде](#). Маму уговаривали эвакуироваться, но она отказалась, так как в конце сентября должна была родить ребенка. Ей было 24 года.

Немецкие войска вступили в [Кировоград](#)¹ в середине августа 1941 года.

В начале сентября мама вместе с хозяйкой, у которой мы снимали квартиру, наводили в доме порядок – убрали, стирали. Меня, чтобы я не мешала, отправили гулять к знакомой девочке в соседний двор. Это меня и спасло.

Когда я вернулась домой, мамы уже не было. Бабушка, у которой мы жили, взяла меня за руку как свою внучку, и сказала, что надо посмотреть, где моя мама. Мы пошли к синагоге. Долго стояли в толпе. К синагоге подъезжали машины и привозили людей.

Поздно вечером бабушка отвела меня к тете – сестре моего отца. Отец был украинец.

У тети было двое маленьких детей и парализованная мать. Но она меня спрятала в кладовке в доме. Там было тепло и сухо, но последние полгода до освобождения [Кировограда](#) меня прятали в погребе общего двора. Одну из двух комнат, где жила

тетя с семьей, занял немецкий офицер, и в доме меня держать было нельзя.

Помню постоянный страх и ужас, что меня обнаружат, что кто-то донесет. Что тетя меня прячет, было тайной, так как за укрывательство евреев немцы расстреливали.

Поздно ночью она приносила мне в погреб еду и сухую одежду, так как в погребе было сыро и холодно. Она рисковала своей жизнью.

До сих пор я не могу забыть ужас тех дней.

О смерти моей мамы я узнала после окончания войны, в 1945 году, когда отец вернулся с фронта. Ему выдали свидетельство о смерти мамы, где было записано, что ее расстреляли в сентябре 1941 года.

«ВСЯ МОЯ РОДИНА НА МОЇХ ОЧАХ ПІШЛА З ЖИТТЯ...»

РІХТЕР Юлій (1926 р.)

Берегівський цегельно-черепичний завод здобув у далекому минулому славу підприємства, продукцію якого добрим словом згадували будівельники, коли зводили житло для людей чи споруджували складські приміщення, або стайні для домашньої худоби в селах не лише Берегівщини¹... А в роки лихоліття – Другої світової війни – і завод, і всю його велику територію, обнесену колючим дротом, згадували і донині згадують з болем. Бо тут було створено табір для тисяч людей єврейської національності. І називався цей табір словом «гето», що означало ще за феодальних часів територію примусового поселення певної групи людей, які зневажалися феодалами.

У «рідне» Берегівське гето я потрапив в середині березня 1944 року в супроводі двох німецьких солдатів, які прийшли за мною до дому і дали 5 хвилин на збори... Дозволили взяти пальто і ковдру, бо дні вже стояли холодні.

Гето... Хіба ж можу я і тисячі, таких само як я нещасних, забути про нього? Спати довелося на сирій землі. Їсти однісіньку напівзварену капусту з водою та ще видавали нам по кухлику води, яку завозили підводою у великих бочках. Яка доля чекає на кожного? Куди щодня відбирають і невідомо куди направляють чоловіків, жінок, юнаків і дівчат, маленьких дітей? Ці болючі запитання не виходили з голови ні вдень, ні вночі, ятрили душу й серце.

От і дійшла черга до мене, і до моїх рідних. Товарний вагон. Ущерть набитий людьми, так що ні прилягти, ні присісти...

Лише стоячи, закривши очі, можна було хвилю-другу дати відпочинок тілу, задрімати.

Потрапили ми, берегівські євреї, у польське місто **Аушвіц**. Відібрали жінок, дітей, чоловіків старшого віку і молодих... Я опинився серед молодих чоловіків і одержав на ліву руку «паспорт» – татуювання під номером А–4912. І дорога мого життя, життя невільника, повела на каторжну, тричі прокляту працю.

Каменяр на будівництві електростанції, вантажник на залізничній станції. Потрібно було бігом («шнель-шнель, юде!») на плечах переносити п'ятидесятикілограмові мішки з цементом – від вагонів до складських приміщень за 250–300 метрів. Нещадно били наглядачі тих «ледачих», які вже не могли бігти з вантажем. Люди від побоїв падали і вже ніколи не підводилися...

Наступ Червоної Армії заставив німців перевести живих вантажників із залізничного вузла в табір **Моновіц**. Перевозили у вагонах, переповнених настільки, що люди помирали від голоду і задухи.

З лютого до квітня 1945 року працювати довелося у концтаборі «**Дора**» в глибокому тунелі. Там розміщувались цехи з виробництва «ФАУ-1» – ракетної зброї фашистської Німеччини. На цю зброю Гітлер і його генерали поклали останню надію щодо перемоги...

Запам'яталося: щоденне шиккування невільників на плацу в негоду, холод, мороз, дощ... Щоденна привселюдна страта «штрафників». Їхні повішені тіла гоїдалися зі скрученими за спину руками під П-подібними шибеницями...

Щоденне мученицьке голодування та очікування кінця...

Уся моя родина на моїх очах пішла з життя, не витримавши отого сатанинського пекла, яке проклятий мільйонами людей Гітлер і його людоджерська банда скоїли на нашій планеті!.. А я один-однісінький з усієї численної родини залишився живим.

«Між життям і смертю».

Невільники спомини.

Ужгород, 2006. – С. 100.

«МЫ ПОХОРОНИЛИ МАМУ В ЯМЕ...»

РОЗЕНБЕРГ Михаил (1924 г.)

Сокиряны – так называется бессарабское местечко, где появился на свет я, Михаил Розенберг, в 1924 году. Тогда **Черновицкая область** была частью **Бессарабии**, ныне эти места относятся к **Украине**. Но это далеко не все перемены.

В нашем местечке с ласковым названием жили в основном евреи. И было нас намного больше, чем проживавших по соседству украинцев, венгров и представителей прочих национальностей. Они у нас были в меньшинстве. Такого сейчас вы не увидите в **Сокирянах**. Фашисты постарались.

Помню, в центре местечка была большая базарная площадь, где всегда бурлила жизнь – в лавках, магазинах и магазинчиках, ремесленных мастерских. Какие только товары не продавались там!

Дед мой был человеком религиозным. И жизнь в его семье была строго регламентирована, все делалось согласно религиозным предписаниям. Это не вызывало ни в ком протеста – так было, есть и, казалось, будет всегда.

Наша большая семья – папа, мама, два брата (третий родился позже) и сестра – жила хорошо, все любили друг друга, ладили, в общем, дружно жили. Не бедствовали, но и богатыми, конечно, не считались. Магазинчик свой, трактор и даже свое поле. Отец был настоящий труженик, работал с утра до вечера. Маму и нас он любил беззаветно. А она была красавица – глаз не отвести: тонкий семитский профиль, волнистые черные волосы – чудо как хороша. Тихая, скромная, не помню, чтобы

она хоть раз повысила на нас, детвору, голос. Мама была отцу во всем неизменным помощником, тоже работала от зари до зари. Не понимаю сейчас, как она еще успевала массу дел по дому переделать, нами заниматься.

Учиться мне долго не довелось. Какое-то время я ходил в еврейскую школу, а потом мамин двоюродный брат решил, что я могу быть ему полезен в магазине. И пришлось мне отправляться к дяде, который жил примерно в десяти километрах от наших **Сокирян** – в местечке под названием **Окница**. Так сложились обстоятельства, что в то время моя помощь семье стала нелишней.

Был я в то время совсем мальчишкой, а работать приходилось так, что просто падал от усталости. Не жалел меня мамин родственник, что и говорить. А жена его – та просто терпеть не могла. Нравилось ей командовать мной, шпынять, вечно всем была недовольна. Только присяду передохнуть, дух перевести, как она новое задание мне находит. Я же не только в магазине дяде помогал, но и всю тяжелую работу по дому выполнял, ребенка их грудного нянчил – по ночам тоже доставалось. Обидно, конечно, терпеть незаслуженные упреки, но что делать – надо. Одна радость только была – выходные. Не мог дождаться я, когда же попаду домой, обниму своих родных.

Так продолжалось, пока мне не исполнилось одиннадцать лет – на этом моя служба закончилась, и я, к великой общей радости, вернулся домой. Счастье мое длилось недолго – в семье нашей сразу после радостного события – родился младший братик Давид, но и пришло горе: умер отец.

Жить стало тяжело, хотя мама, которой в то время было 35 лет, старалась изо всех сил прокормить наше большое семейство – работала портнихой. Как-то мы выживали, пока не пришла к нам советская власть.

Сразу после того, как в местечко вошли отряды Красной Армии, из магазинов исчезли все продукты. Чтобы купить хлеб, приходилось всю ночь стоять в очереди. А еще вместе с Красной Армией к нам, в **Сокиряны**¹, пришли злоба и зависть. Голодным людям нужно было кого-то винить в своих бедах – вот они и нашли себе врагов в лице богатых соседей-евреев. Еще вчера нормальные люди были, а сегодня – антисемиты!

Большевики только радовались добровольным помощникам, указывавшим на тех, кого нужно «прижать к ногтю» как буржуя и «эксплуататора». И прижимали. Каждый день мы узнавали о новых и новых арестах. Имущество подлежало конфискации, а куда его увозили – никто не знал.

Так длилось почти целый год. До тех пор, пока в нашем местечке не осталось ни одного не просто богатого, но даже мало-мальски обеспеченного еврея. Все жили в нищете. Естественно, в таких обстоятельствах мама осталась без работы – некому было заказывать новые наряды, старое донашивали. Пришлось маме устроиться на работу в цех по засолке овощей. Брата старшего – ему было 17 лет – завербовали на какие-то работы в [Россию](#). Уехал он, и больше никто из нас его не видел.

Шел 1941 год. Первый день войны в нашем местечке я хорошо запомнил: после страшного боя небо стало черным, словно солнца не будет уже никогда. Власть несколько раз переходила из рук в руки: то румыны в городке командуют, то немцы, неразбериха.

Все еврейское население нашего местечка сразу же после прихода гитлеровцев, было взято на учет. Начались зверские акции по уничтожению евреев. От фашистов не отставали румыны и молдаване – они тоже нас грабили и убивали. Первыми жертвами геноцида стали старики, женщины и дети. Жизнь словно замерла.

В тот роковой день нас подняли рано утром. Не дали даже толком одеться и взять с собой что-то поесть. Фашисты очень торопились. Выгнали и нас из дома – маму, меня, маленькую сестру, братика Давида, брата матери Бенъямина, трех двоюродных сестер мамы – Ривку, Рацу и Двойру. Их мужей забрали раньше. Погнали на центральную колхозную площадь. Шел холодный зимний дождь. Людей там было несколько тысяч. В неимоверно длинной колонне плелись старики, женщины, дети. Последних уже не вели и не несли на руках. Они покорно, без слез и без жалоб, тащились следом за своими родителями.

Нередко люди падали и оставались лежать на дороге, даже если не было никаких препятствий. Просто кончались силы. Кто-то в колонне всхлипывал, но никто не обращал на это

внимания, не оборачивался, чтобы узнать причину. Тех, кто сильно отставал от колонны, полицаи тут же пристреливали. Особенно трудно было выжить в этом пути самым больным и старым. Мы шли по дороге, не зная, куда нас ведут. С обеих сторон нас окружали фашисты с собаками. Было ясно одно – дороги назад нет. Как нет пути влево или вправо. Вся наша жизнь словно исчезла в один миг. Слышно было только одно: «Юден капут».

Не знаю, сколько прошло времени, пока мы добрались до колхоза имени Сталина, в село [Балановка](#)² [Бершадского района](#). Мороз был сорок с лишним градусов, а мы все почти раздеты. Из нашей большой семьи к концу этого страшного пути чудом уцелели только я, мама и братик. Что со всеми произошло, точно не скажу. Помню только, что сестричка Маня по дороге заболела, и фашисты ее расстреляли. Нас загнали в свинарник, где не было даже соломы. Страшная теснота. Фашисты не дали нам воды, не говоря уже о какой-нибудь пище.

Кто-то из фашистов славился тем, что одним ударом молотка выбивал золотые зубы у евреев. Его звали Шлойте дер Ройте. Это был настоящий зверь. Все его боялись. Вскоре в амбаре началась сильная эпидемия тифа. Мертвых из барака вывозили на тележках. Их не хоронили, просто бросали в конюшню. Здесь сильно заболела и умерла моя мама. Я и брат старались не ложиться, потому что тот, кто ложился, уже не вставал.

Мы превратились в ходячих трупов. Даже ходить было тяжело, но мы решили похоронить нашу маму по-человечески. Нашли в колхозе глубокую яму, в которой раньше хранили картофель. К счастью, она была пустая. Подобрали лист кровельного железа и привязали тело к нему, чтобы легче было тащить. Желание проводить маму в последний путь придавало силы. Дотащив лист до ямы, мы постарались аккуратно опустить его вниз. Затем кусками замерзшей земли забросали яму.

Теперь я и брат остались совсем одни на белом свете. Опустошенные, оборванные, голодные и без какой-либо надежды на лучшее.

Не знаю, не помню, как получилось, но нас обоих, в числе других, отправили в [Балту](#)³ [Одесской области](#). Город был разделен на две части. Одна из них была ограждена колючей

провонокой – здесь находился лагерь. В нем было много полицейских, которые зверски издевались над заключенными. За каждую мелкую провинность они били людей резиновой плеткой, внутри которой была железная проволока.

Нас с братом сразу же разделили: его отправили в детский дом для сирот, а меня – в синагогу на улице Семякина. Здесь оказалось довольно много молодых и старых евреев. На деревянном полу у каждого заключенного было свое место. Каждое утро нас гнали на работу под присмотром полицейских. Иногда нас охраняли румыны или итальянцы. Если подобное случалось, я всегда получал от них какую-нибудь еду. Они давали булочки, макароны, совсем чуть-чуть, но я был страшно рад и этому. Я относил все брату.

Детский дом для сирот вмещал 140 детей. Мальчики были совершенно отрезаны от всего мира. Условия их содержания были ужасны, они страшно голодали. А привозили все новых и новых детей. Потом фашисты решили распределить всех детей по семьям. Так мой брат попал к хозяину, у которого находился до дня освобождения.

Меня освободили раньше, в марте 1944 года. Я переживал за Давида и... все время думал о маме. Побывал там, где мы ее похоронили.

Вернувшись в Сокиряны, я спрашивал у всех знакомых, остался ли в живых кто-то из наших. Но все было бесполезно. Никто ничего не знал. Война еще продолжалась, и я решил оставаться в местечке, надеясь, что объявится кто-либо из родных.

Мой младший брат Давид все еще работал на хозяина с утра до ночи. Ему было уже 14 лет. Однажды он не выдержал и ушел от хозяина. Непонятно, каким образом добрался до железной дороги. Там дождался поезда, идущего в нашу сторону, залез на паровоз и спрятался в угольной яме. Так переехал границу между Румынией и Бессарабией, и в скором времени добрался до нашего местечка.

Здесь мы встретились в июле 1944 года. Теперь нам вдвоем стало намного легче жить. Ведь каждый из нас чувствовал, что он не один, рядом брат. В 1945 году, в 17 лет, меня призвали в армию. Я был сержантом и имел медаль «За отвагу». Когда я

демобилизировался, мне было 24 года.

В 1952 году я женился. Поселились мы с женой в Бричанах. У нас родилось двое детей. В этом местечке мы прожили до 1972 года, до самого переезда в Израиль.

...Я участвовал во всех войнах Израиля. Имею немало наград от Армии Обороны Израиля. И горжусь тем, что получил награды за боевые заслуги на своей исторической Родине. В Израиле мои дети и внуки подхватили эстафету служения Родине.

С 1988 года я – пенсионер. Живу в Холоне. Почти вся моя семья погибла, сгорела в огне Холокоста. Мне повезло, мой род продолжается – здесь, в моей стране.

<http://www.holocost.net/fate/55-we-buried-our-mother-ina-ahole.html>
[25.12.2013]

«СОБЫТИЯ ТОГО СТРАШНОГО ВРЕМЕНИ ВСЕ ЕЩЕ ОЖИВАЮТ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ...»

РОЗЕНТАЛЬ Гедала

В 1940–1941 годах я работал в конторе Заготзерно на станции [Васкауцы](#), около города [Бричаны](#) в [Бессарабии](#). Кроме здания станции, там была только наша контора с несколькими складами и комнатами для отдыха и сна. В выходные дни я изредка ездил домой, в [Бричаны](#).

В субботу 21 июня 1941 года мне удалось поехать домой. Я собрал там друзей, немного погуляли, затем договорились завтра утром отправиться на горку, примерно в двух километрах от [Бричан](#).

В то воскресное утро, 22 июня, мы пошли на горку: погуляли, побегали, кто-то что-то читал и рассказывал о прочитанном. Примерно часов в 11 утра я увидел первую повозку с домашними вещами, на которой были дети. Таких повозок и пешеходов становилось все больше и больше, я подошел к ним и спросил: «Что случилось?» «Война», – ответили они.

Мы быстро пошли домой, а там паника, крик, плач. Многие начали эвакуироваться. Мы тоже принялись готовиться, но в это время люди стали возвращаться, потому что переправы через Днестр были заняты отступающими советскими войсками. Места скопления войск и гражданского населения на переправах бомбили немцы.

Наша эвакуация стала невозможной, и я пошел в военкомат и попросился в армию добровольцем. Там мне ответили, что по поводу добровольцев у них нет никаких указаний, я должен идти домой и ждать их вызова.

Через несколько дней Красная Армия отступила, и в городе появились румынские войска. Мы старались сидеть дома, потому что через соседей до нас доходили слухи, что где бы румынские солдаты ни встречали еврейских ребят, они их расстреливали на месте, без разбора и без причин.

Напротив нашего дома была большая конюшня, и там разместилась какая-то румынская кавалерийская часть. Иногда ее солдаты заходили к нам домой и беседовали с нами. Когда эта кавалерийская часть ушла, к нам явилась группа румынских солдат во главе с офицером, который заявил: «Мы знаем, что у вас запрятано оружие, и мы должны сделать обыск!» Они пересмотрели все наши мешки, оставшиеся после сборов в эвакуацию, забрали самые лучшие вещи и ушли. Мы были рады, что остались живы.

В нашем городке не было радиотрансляционной сети, и радиоприемников было очень мало. Когда нужно было сделать какое-нибудь объявление, его расклеивали в разных местах города или нанимали старика-крикуна, который обходил все улицы и выкрикивал нужное объявление.

Как-то под вечер слышим объявление: «Все евреи должны выйти из домов на следующее утро, взяв с собой вещи, которые смогут нести на себе, и собраться на футбольном поле за городом». Наша семья состояла из шести человек: отца, матери и их четырех сыновей. На сборы к изгнанию ушла вся ночь. Напекли хлеба, упаковали мешки с вещами и продуктами, хотя бы на несколько дней. Уходя из дома, даже не закрыли дверь на замок, нам было все равно, что случится с нашим добром и жильем.

После того, как мы ушли, румынские солдаты стали обыскивать все еврейские дома и, если находили тяжело больных или очень старых людей, которые не могли выйти из домов, расстреливали их на месте.

На площади солдаты сказали нам, что мы пойдем на [Украину](#) в гетто или в концентрационный лагерь. Дали нам понять, что мы обречены, что мы полностью лишены всех прав, что никому в гетто и лагере не выжить. Мы поняли, что идем на верную и скорую гибель.

Наша колонна евреев, примерно 14–15 тысяч человек, была сильно растянута. Нас сопровождали румынские солдаты,

вооруженные винтовками, и много хулиганствующих ребят-христиан из местных деревень. Они подгоняли нас палками, как скот, не давали передохнуть.

Мы шли весь день и всю ночь. Подошли к Днестру, недалеко от города **Секуряны**. Оттуда большую группу отправили в гетто в **Бершадь**¹. Среди них было много наших близких родственников. Уже после войны я узнал, что всех их расстреляли, трупы были сложены в штабель и сожжены.

Остальные дождались отстающих и были переправлены через Днестр возле деревни **Козлов на Украине**. Здесь нас разместили на площадке сухой земли возле маленькой речушки. Огородили площадку веревкой и предупредили, что выход за ограждение наказывается расстрелом на месте.

Речушка была источником воды для питья, приготовления пищи, умывания и купания, а также огромным туалетом под открытым небом. Сначала мы немного стеснялись, особенно женщины, затем перестали, видимо, потому, что быстро поняли: мы уже не люди, а пока еще живые существа, которых ведут на убой.

Такие же колонны евреев приходили и из других городов **Бессарабии**. И, на квадрате иссушенной земли, под палящим солнцем и проливными дождями скопилось свыше 40 тысяч человек.

Когда пребывание там стало совсем невозможным, несколько инициаторов собрали у людей золотые вещи на подарок полицейскому начальству и попросили облегчить наши мучения.

Полиция разрешила составить списки, по 100 семей в каждом, для отправки людей на работу по деревням, где они будут жить в коровниках и свинарниках. Сформировали колонны и развели их по разным направлениям, но до нашей семьи очередь почему-то не дошла.

Поскольку шли непрерывные дожди, нам разрешили заходить в коровники, чему мы были очень рады, лишь бы не стоять под дождем: наша одежда не успевала просохнуть. В этих коровниках мы пробыли дней 15–20. Каждый день просились, чтобы нас послали на работу в поле. Ведь на обратном пути мы находили оставшиеся в поле картофелины или свеклу и могли немного поесть.

Как-то под вечер, после проливного дождя, появились немецкие офицеры. Они выяснили, кто мы такие, и распорядились, чтобы мы убирались обратно в **Бессарабию**. Мы попросили разрешения уйти утром, но они и слушать не хотели и потребовали, чтобы мы немедленно уходили в ночь. Нам дали несколько крестьян, чтобы они сопровождали нас до города **Могилева Подольского**, где был большой мост через Днестр.

Шли всю ночь в страшной грязи, ноги вязли в густом месиве, да еще ночь выдалась такая темная, что мы друг друга не видели. Только слышали, что впереди чья-то нога ступает в грязь, и это был знак, что мы держимся вместе и идем правильно. К утру мы добрались до города и свалились от усталости прямо на мостовую. Такие же колонны приходили с разных сторон, и мы полдня ждали своей очереди перейти по мосту через Днестр.

Думали, что идем домой, но возле города **Секуряны**, в 28 километрах от **Бричан**, нас остановили и разместили в пустых бывших еврейских домах на нескольких улицах, которые были огорожены колючей проволокой. Евреев, вернувшихся домой в **Секуряны**, отправили в другие города, лишь бы они не оказались дома.

Сразу же начали формировать группу рабочих на ремонт дороги, и я был включен в эту группу. Целыми днями мы тяжело работали, кормили нас очень плохо. Дополнительным питанием были початки кукурузы, которые мы крали на соседних огородах. Жили мы на чердаках нескольких служебных домов.

В сентябре или октябре 1941 года нас опять отправили на **Украину**. В пути многие евреи размещались в колхозных коровниках, некоторые пристроились у местных евреев на любую физическую работу. Но мы продолжали идти: никому из нас не хотелось расставаться с нашей большой семьей, да и старший брат Хаим немного знал немецкий язык, и солдаты использовали его в качестве переводчика. Днем мы шли, а ночами устраивались в поле на сырой земле на ночлег. Так мы дошли до города **Жмеринки**.

Оттуда нас отправили на железнодорожную станцию **Копай**, там мы и остановились. Нас было примерно 550 человек. Мы заметили, что некоторые ищут помещение с деревянным полом. Мы тоже стали искать, и нам повезло занять небольшую служеб-

ную комнату с деревянным полом. Еще несколько семей оказались в комнатах с деревянными полами, но большинство расположилось в зале ожидания, где был холодный цементный пол.

Когда начались холода, люди стали массами умирать от голода, холода и болезней. Многие, истощенные и изможденные, лежали на цементном полу, укрывшись лохмотьями, и покорно ждали смерти. В нашей комнате мы как-то держались. Нашли топорик, одни мужчины переходили через железнодорожный путь и приносили дрова, другие ходили дальше в поле на поиски мороженых картофелин, свеклы, гороха, тыквы, а женщины топили печку и по очереди что-то готовили.

Перед глазами до сих пор стоит эта комната. У одной стены располагалась наша семья, у других стен были еще четыре семьи. Спали на полу, на ночь не раздевались, никакой бани, никакого мытья. Так, лежа на полу у стены, вся наша семья, кроме отца, переболела брюшным тифом. Отец как-то держался и ухаживал за всеми нами.

Остальные жильцы комнаты тоже переболели, без лекарств и без термометра. Единственным лекарством был чай с сушеной морковью, а главное – наше терпение.

Явился какой-то бывший работник станции, объявил себя начальником и железным прутом стал наводить порядок. Однажды он ударил мою мать прутом по спине, спина с синяками долго болела.

Из ближайших деревень приходили женщины, приносили с собой еду: кто суп, кто кашу, овощи, фрукты, но купить у них что-нибудь было почти невозможно, они бессовестно требовали за тарелку супа платье или туфли, или хорошую шапку. Ничего этого у нас не было, и мы довольствовались морожеными клубниками, которые приносили с поля. А когда находили перезревшую и перемороженую сахарную свеклу на десерт, это было особой удачей.

Весной 1942 года, ссылаясь на распоряжение о ремонте станции и железнодорожного пути, нас, оставшихся в живых 14 человек, отправили в другой лагерь, где ни одного живого еврея уже не было, были только несколько полицейских. В первую же ночь мы убежали оттуда и перешли в ближайшее еврейское гетто в *Копайгороде*².

После длительных поисков мы с трудом нашли пристанище в старом домике с несколькими жильцами. Пол был глиняный, в стенах щели, через которые в комнату попадали и дождь, и снег.

В апреле 1942 года, не выдержав ужасных условий нашего существования, умер отец. Мы не могли его сразу похоронить: было очень много покойников, и хоронили по очереди. Десять ночей мы спали на полу рядом с телом отца, пока не подошла наша очередь. Проводить его в последний путь мы не могли: нам не разрешалось выходить за пределы гетто. Мы смогли только вынести тело отца и положить его на повозку вместе с другими трупами.

Позднее мы узнали, что отца захоронили в одной из братских могил, в которых лежало по 80 – 100 человек. В какой именно братской могиле был захоронен отец, мы так и не узнали: никакого учета, никаких списков или записей не было. В мирное время на месте братских могил был установлен общий памятник всем евреям, погибшим в этом гетто.

После смерти отца, понимая, что нас ждет та же участь, и, видя, как поступают другие, мы тоже решили рискнуть и стали выходить ранним утром из гетто к ближайшим крестьянским домам, просили дать нам любую работу по хозяйству или в огороде, чтобы как-то выжить. Вначале мы получали за работу немного еды и продуктов домой, но когда крестьяне увидели, как много людей просит работы, они стали давать нам только обед. Мы вынуждены были соглашаться, другого выхода не было.

Потом начали ходить в более отдаленные села. Риск был значительно больший, но мы на него шли, не потому, что были очень храбрыми, просто иного способа спасения от голодной смерти не было.

Мы приспособились выходить из гетто ночью, и приходиться в деревню под утро. Мы шли лесом по окраинной тропинке, не выходя из него, чтобы нас не заметили, и, не углубляясь в лес, чтобы не заблудиться. Несколько раз доводилось встретить жандарма или полицейского, и те считали себя великодушными, если вместо расстрела ограничивались 25-ю ударами резиновой дубинкой, после чего мне не меньше недели приходилось отлеживаться.

В одно зимнее утро, когда я был в деревне, выпало очень много снега. Все село вышло с лопатами – расчистили дорогу для машин и подвод. Я собрался домой, так как боялся, что выпадет еще больше снега. Решил рискнуть и пойти дорогой. За спиной был мешок с несколькими килограммами картофеля. Вдруг я увидел, что мне навстречу едут сани с двумя румынскими офицерами, которые остановились возле меня, и один из них спрашивает:

– Как ты посмел выйти из гетто? Разве ты не знаешь, что за выход из гетто тебя следует расстрелять?

– Я никогда не выходил раньше из гетто, – ответил я, – но мы сидим голодные и, чтобы не умереть от голода, я пошел в деревню попросить немного еды.

Офицер меня не слушает, а говорит другому:

– Знаешь, я давно уже не расстреливал еврея. Затем этот офицер приказал мне идти прямо, но не по дороге. Я был уверен, что он меня расстреляет, мой труп упадет в глубокий снег, и его найдут только к концу зимы, когда снег растает. Мое нервное напряжение достигло предела, но я пошел и через каких-то десять шагов услышал выстрел, заметил мелькнувший возле левого уха огонек и понял, что пуля пролетела мимо.

Когда офицер увидел, что промахнулся, он позвал меня и сказал: – Тебе повезло, беги и не попадайся мне больше никогда.

Я, конечно, побежал, и долго еще в ушах стоял тот гул.

И еще случай. Иду я как-то рано утром из деревни лесом с тем же мешком с продуктами. Я должен был перейти через железную дорогу, и тут меня увидели два румына – офицер и солдат, проверявшие состояние путей. Опять вопрос, почему я вышел из гетто, меня по закону нужно расстрелять. Мои объяснения во внимание не принимаются: «Ничего, тебе уже никогда больше не придется голодать!»

Офицер был немного подвыпивший, и расстреливать еврея ему было только развлечением. Он приказал мне стоять в кювете глубиной в половину человеческого роста, а сам лег в траву и приготовился стрелять из положения лежа. Я был как-то спокоен, равнодушен и почти уверен, что пришел конец моим мучениям. Досадно было только думать, что братья вряд ли найдут мой труп.

Офицер выстрелил, но не попал – такова была моя судьба. Он начал перезаряжать винтовку, но в это время к нему подошел солдат и сказал: «Кажется, не принято второй раз стрелять по живой мишени». Офицер согласился, позвал меня, связал мне руки за спиной веревкой, и так мы вместе дошли до станции **Копай**. Тут он меня отпустил, строго приказав вернуться в гетто и никогда не выходить.

Мой двоюродный брат, Лев Розенталь, жил на территории, оккупированной немцами, и работал у хозяина-красильщика. Всем евреям было приказано выйти к лесу. Он пошел вместе со всеми и видел, как полицаи стреляют евреям в спину, те падают в яму. Его вместе с другими поставили к яме и стали стрелять, пуля в него не попала, но он тоже упал в яму. Почувствовал через какую-то минуту, что он жив. Он стал пробираться между трупами ближе к поверхности за глотком свежего воздуха. Вечером, когда полицейские закончили стрелять и ушли, выбрался из ямы и убежал в лес. Для конспирации он шел только ночью, а днем прятался, но заблудился и через пару дней опять вышел к яме. Он видел, что земля еще дышит, движется верхний слой почвы, а вокруг огромная лужа крови. Убежав оттуда, он уже следил за правильным направлением и вышел из немецкой территории. Не помню, каким образом он узнал, что мы живем в гетто **Копайгорода**, но, полумертвый, он пришел к нам.

На территории, занятой румынами, не было массового расстрела еврейского населения, однако условия, которые были искусственно созданы – перенаселение, голод, холод, болезни, – также были задуманы для полного уничтожения всех евреев, только без выстрелов. Это тоже был настоящий геноцид.

По распоряжению румынских и немецких властей для соблюдения внутреннего порядка в гетто был создан Юденрат (еврейский комитет) с еврейским председателем и даже еврейской полицией. Часто требовалось сформировать группы еврейских рабочих для отправки в другие места, и этим занимался Юденрат совместно с еврейской полицией.

Ни одна группа не обошлась без нас, четырех молодых братьев.

Осенью 1942 года такая группа еврейских рабочих создавалась для отправки в город [Крыжополь](#)³ [Винницкой области](#) на рубку и заготовку леса, и я оказался в этой команде. На работу нас отправили по железной дороге и по прибытии разместили в старом коровнике возле леса. Кормили нас очень плохо: один раз в день мы получали немного грязной жидкости, называемой супом. Одеты мы были в лохмотья, голод и холод сковал нас так, что мы были совсем немощными. Когда администрация убедилась, что из-за голода и холода от нас не будет никакой пользы, нас отправили обратно в гетто, но уже не железной дорогой, а пешком, и мы добирались туда несколько дней.

Весной 1943 года опять формировалась большая группа еврейских рабочих на строительство моста через реку Бут около города [Трихаты](#)⁴. Из нашей семьи администрация зачислила одного брата, затем председатель совета Орэнштейн вызвал старшего брата Хаима и предложил ему послать еще одного брата, который получит за это немного денег. Мы согласились и за полученные деньги купили пару ботинок – одну на двоих, а за остальные деньги купили немного продуктов.

В гетто мои братья Борис и Лейзер не вернулись.

Кроме крупных групп рабочих, ежедневно требовались люди на разные работы: уборку территории жандармерии, уход за городским садом, чистку лошадей и конюшен, уборку снега и т. д. На эти работы нас тоже часто привлекали. В остальное время мы искали работу по деревням, чтобы как-то получить немного еды для семьи.

В марте 1944 года немецкие и румынские войска, а также украинские полицаи начали отступать. Мы видели, что период гетто близится к концу, что мы, с Божьей помощью, остались живы.

Когда под сильным нажимом Красной Армии в районе строительства моста в [Трихатах](#) немцы стали отступать, они забирали с собой еврейских рабочих и выставляли их в первых рядах. Советские солдаты стреляли по узникам гетто, и вместе с еврейскими заложниками немцы относительно легко отступили до города [Яссы в Румынии](#).

В период окружения Яско-Кишиневской группировки немецких войск много военнопленных и узников гетто разбежа-

лись. Среди убежавших были и мои братья. Они отправились пешком домой в [Бессарабию](#), в [Бричаны](#). К этому времени я, отработав два месяца в Заготзерно, уже был мобилизован в Красную Армию.

Более полувека прошло с тех пор, а события того страшного времени все еще оживают перед глазами.

«Вестник» – Нью-Йорк, № 6 – С. 62–66.

«В ЖИВЫХ НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО...»

РОЗЕНФЕЛЬД Михаил (1937 г.)

Я, Розенфельд Михаил, родился 15 сентября 1937 года в селе (местечке) [Ялтушков Барского района Винницкой области](#). Находился в гетто [Ялтушкова](#)¹ с июля 1941 по 15 октября 1942 года. После бегства с матерью из [Ялтушкова](#) был в гетто города [Копайгорода](#)² в Винницкой области до марта 1944 г.

Мой отец, Розенфельд Самуил Ихилевич, 1906 года рождения, погиб в гетто [Ялтушкова](#) 15 октября 1942 года. Место захоронения – братская могила узников гетто в 5 км от [Ялтушкова](#).

Мой брат, Розенфельд Моисей Самуилович, 1928 года рождения, погиб в гетто, захоронен в той же братской могиле.

Мать, Розенфельд Дора Менделевна (в девичестве Вильнер), родилась 12 января 1908 г. Умерла 21 февраля 1974 г. Похоронена на кладбище села [Ялтушков](#).

С самого начала войны по дороге, которая пересекает [Ялтушков](#) пополам, двигались бесконечные колонны беженцев. Шли несмолкаемые разговоры о необходимости отъезда. Но куда? Организованной эвакуации не было. Боязнь голода и неизвестность лишали людей воли. Отец оставался с нами, т. к. из-за сильной близорукости он не был военнообязанным. Поскольку немцы наступали с фантастической скоростью, практически все евреи остались в [Ялтушкове](#).

Немцы пришли в наше село в середине июля 1941 г. Передовые части были настроены весьма миролюбиво. Помня первую оккупацию 1918 г., весь люд [Ялтушкова](#) – украинцы и евреи – решили, что у страха глаза велики, и при немцах можно будет жить. Вскоре, после прихода передовых частей, немецкая

жандармерия и созданные в спешном порядке подразделения шуцманов (полицаев из местного населения), стали спешно организовывать гетто в центре местечка. За колючую проволоку была свезена также часть евреев из окрестных сел. Подробности нашей жизни в гетто я плохо помню, но несколько фрагментов врезались в память навсегда.

...Я со старшим братом играю в мяч, мяч откатывается к колючей проволоке. Я бегу за ним. Раздается выстрел. До конца не поняв, что произошло, убегаю назад, интуитивно чувствую что-то нехорошее. Хотел ли меня убить охранник или попугать – мне не дано знать. Сейчас думаю, если бы он хотел меня застрелить – не промахнулся бы.

...Помню бесконечные построения в колонны взрослых, которых гнали на работу. Радость от прихода отца – он всегда что-то выменивал. Помню скученность людей в нашем доме, но мне, кажется, это нравилось. Жили мы в полной изоляции, местным жителям запрещалось общаться с нами. Но какая-то подпольная торговля шла, и это позволило просуществовать до октября 1942 года. Вместе с торговлей в гетто просачивались слухи об уничтожении евреев в других городах и селах.

Многие им не верили, не хотели верить. Мать рассказывала, что накануне массовой акции 15 октября 1942 г. появилось объявление о перемещении евреев гетто [Ялтушкова](#), включая стариков и малолетних, в другое место. Сбор был назначен у ворот гетто на утро 14 октября 1942 г. По рассказам очевидцев, в колонне было более 1000 евреев. После длительного прочесывания гетто и поиска прятавшихся, колонну увели на сахарный завод, где люди провели ночь в прирельсовых складах. Очевидно, многие уверовали в утреннюю посадку на поезд для отъезда. Однако, рано утром их увели к урочищу в 5-ти км от [Ялтушкова](#), недалеко от железной дороги сахзавода – на станции [Бар](#), и там расстреляли. Как рассказывают очевидцы, в живых не осталось никого. Среди погибших были мой отец и старший брат.

Где в это время были мы с матерью? Отец, вероятно, догадывался о цели сбора и, уходя, спрятал мать и меня в деревянной бочке для засолки, стоявшей в сарае, который примыкал к дому. В бочке мы просидели три дня.

Октябрь был холодным и дождливым. Помню жуткую тесноту, холод и голод, жажду и разговоры шуцманов, которые искали золото, драгоценности, дорогие вещи. Много выменивалось на продукты. Они страшно ругались, если не находили чего-то особенного.

В один из этих дней мы услышали тихую речь на идиш, помню женский голос. Кто-то тоже спрятался в другом конце сарая, за перегородкой. Неожиданно что-то упало, на шум прибежали шуцманы. Сначала увели женщину, а через некоторое время вернулись за нами: очевидно, женщина на дознании сказала о нас. Мать, сидя в сарае, с ней переговаривалась. Помню дикую ругань, крик, мать бьют прикладом. После бочки на улице светло, ветер разносит пух проколотых подушек и перин.

До сих пор перед глазами картина: я и мама, шуцманы по бокам, старший немец. Нас ведут по пустынной улице гетто в управу. Немцев не видно, вероятно, уехали в другое местечко проводить свои акции.

Нас приводят к начальнику шуцманов – Антонюку (я запомнил эту фамилию, т. к. после войны Антонюк во главе небольшой банды еще год или полтора терроризировал местное население. После поимки его труп был выброшен на площадь перед сельсоветом, чтобы все убедились в смерти убийцы и грабителя). Помню, Антонюк сидит, а мы стоим перед ним, и мать просит отпустить нас. Нашу семью многие знали в [Ялтушкове](#) и окрестностях. *(На похороны матери в 1974 году собралось много людей из соседних сел. Они проводили ее на еврейское кладбище).* Антонюк приказал запереть нас в сарае управы, чтобы назавтра, по приезде немцев, решить вопрос о нашей ликвидации. А мать еще пытается узнать у Антонюка о судьбе отца и брата, остальных близких. В ответ – презрительное молчание.

В сарае мы в состоянии прострации, ничего не ждем: сыро, холодно, страшно в надвигающейся ночи. Мать рассказывала, что я все сносил молча, не плакал. Неожиданно раздаются шаги. Мы в ужасе. Открывается защелка, шаги удаляются. Мать подходит к двери – она открыта. Мы быстро встаем, тихо и осторожно уходим с тыльной стороны управы. Но куда? Скорей из [Ялтушкова](#).

После войны мать пыталась разгадать загадку нашего чудесного спасения. Пожалуй, эта тайна так и останется неразгаданной. Мать предполагала, что сделать это мог знакомый отца, которого она видела среди полицаев. Он подал ей знак, чтобы она его не признала. Фамилия его не осталась в моей памяти, он погиб в войну, мне неизвестно, на чьей стороне.

Мы ушли в ночь. Потом, став взрослым, я пытался восстановить маршрут спасения. Помню к кому-то зашли, нам дали какую-то одежду, и мы по задворкам [Ялтушкова](#) стали уходить по дороге в [Бар](#). Мать стремилась в село [Чемерисы](#), где до войны работал отец и его там все знали. Целных воспоминаний об этом бегстве у меня нет.

Следует написать, что район, в котором мы жили, так называемая зона Транснистрии. Часть ее территории принадлежала румынам. К слову, большинству евреев удалось пережить Катастрофу, выжить благодаря румынской зоне оккупации Транснистрии. Очевидно, мать это знала, потому и стремилась туда.

Землей обетованной для нас должен был стать город [Копайгород](#), что примерно в 30 км от [Ялтушкова](#). Предстояло в холодную, сырую погоду пересечь опасное, полное немецких патрулей пространство, перейти охраняемую, в некоторых местах в колючей проволоке, границу, без еды, знания местности, в дырявой одежде и разбитой обуви. Но нас вело чудо и доброе отношение крестьян. Еще раз должен с сожалением констатировать, что фамилий и имен не помню.

Память сохранила некоторые эпизоды нашего похода.

Мы идем по дороге в крестьянской толпе – тогда многие передвигались пешком по дорогам. Навстречу – немцы. К счастью, не жандармерия. Вычислив нас из толпы, спрашивают: «Юден?». «Нет, нет, избави Бог», – крестится мать, пряча меня за спину и еще больше закутывая в плащ и закрывая лицо. Рассказывая этот случай после войны, мать говорила, что немец обратил внимание на меня.

Мы проходим через какое-то село. Вдруг ватага сельских мальчишек с оглушающими и леденящими душу криками: «Жида идут!» До сих пор слышу их крики. Они прыгают вокруг нас, кидаются грязью. Мы – изгои. Вскоре на их крики появляется шуцман. Правда, он не в себе – сильно пьян. Но

кто мы – понимает, и хочет вести в управу соседнего села. Мы идем по селу. Все больше людей выходят на сельскую улицу посмотреть, что происходит. Многие осуждают поступок полиция. «Куда ты их ведешь, видпусты, воны ж люды», – и сейчас звучат в ушах их голоса. В одном доме его приглашают выпить. Он не может отказаться. «А ци?» – спрашивает он, указывая на нас. Крестьяне обещают сторожить нас. Как только он заходит в дом, нам говорят, чтобы мы быстрее уходили в сторону леса.

Ночь. Мы в лесу. Где-то граница румынской зоны оккупации. Лесные звуки, шорохи. Страшно. Ждем рассвета, чтобы где-то перейти границу. Днем мать видела колючую проволоку и часовых. Рассвет приходит с туманом. Это наше спасение. Нас не видно, и мы можем искать проход в проволочном ограждении. На наше счастье выходим к реке. Это тоже граница. Мать не умеет плавать, надо искать брод. Раздеваясь, она спокойно говорит, что если утонет, то я должен идти по дороге к ближайшему селу. Я также спокойно соглашаюсь. Состояние полного безразличия. Вижу, как мать входит в речку, вот вода уже дошла ей до подбородка, еще мгновение – и она скроется под водой. Но этого не происходит, и мать возвращается ко мне. Брод найден, но мы еще не знаем, что это спасение, за рекой – жизнь.

Быстро, насколько хватает сил, идем дальше. Непрерывно мучают нас голод и холод.

Неожиданно появляются какие-то люди на повозке. Мы просим нас подвезти. В разговоре выясняется, что хозяин повозки, старик с костылем (запомнившаяся деталь), знает моего дедушку-мельника. Он дает нам поесть. В каком – то сарае мы ночуем вместе с ними. Мать готовит им еду. Рано утром уходим.

Вскоре показывается спасительный **Копайгород**. Хорошо помню, что там мы встретили семью Файнгутов, которой удалось бежать из гетто **Ялтушкова** до массовых акций уничтожения евреев.

Для евреев **Копайгорода** румыны также организовали гетто, но без жесткой охраны. Это был район только для евреев. Голод, скученность, завшивленность, тиф, издевательства румын.

О судьбе наших родных мы не знали, но верить в их гибель не хотелось, надеялись на чудо: мы спаслись, может, и им по-

везло. Из-за нищеты мать отправила меня в детдом при гетто, надеясь, что там я буду хотя бы сыт. Но там старшие дети отбирали еду у младших, били нас и т. д. Вскоре мать меня забрала оттуда.

Хорошо помню охвативший меня ужас, когда мы с мальчишками пошли на базар что-нибудь украсть съестное, и я увидел там немцев. Бежал обратно, не чуя под собой ног.

Из вкусовых ощущений в гетто я запомнил на всю жизнь горечь картофельных очисток.

Помню страх, охвативший всех обитателей гетто, когда возник слух, что румыны собираются уничтожить евреев. Скорее всего, это было перед освобождением. Мать говорила, что из детдома Красный Крест забирал детей в **Палестину**. Вроде бы отправка должна была быть пароходом. Мать меня не отпустила.

Помню ужасную тишину перед приходом Красной Армии, радость от встречи, горечь оттого, что среди бойцов нет моего отца.

В марте 1944 года мы узнали, что освобожден **Ялтушков**, и отправились домой. Радость возвращения, горькая правда о гибели близких, сожженный дом, отсутствие средств к существованию – все смешалось, но жизнь требовала своего. Вокруг кипела новая жизнь.

До войны **Ялтушков** считался крупным селом (сахзавод, МТС, бондарня). Помимо украинского и польского населения, здесь жили, по некоторым воспоминаниям, от 1,5 до 3 тыс. евреев (в разное время). Считается, что в братских могилах похоронено свыше 1000 человек.

После войны сюда возвратились из эвакуации, приехали из других разрозненных местечек несколько еврейских семей. Вернулись две семьи, чудом спасшиеся (мы и семья Файнгутов). Всего после войны в **Ялтушкове** жило где-то 20 еврейских семей.

Сейчас **Ялтушков** – «юден фрай», евреи там не живут. Старики умерли, молодежь уехала. Мне кажется, что я последний свидетель Катастрофы евреев **Ялтушкова**.

Мои воспоминания о гибели жителей гетто фрагментарны. Пять лет – это недостаточный возраст для запоминания и анализа. Но один вывод я могу сделать по своему личному опыту:

дети – это маленькие люди, которые, как и взрослые, чувствуют экстремальные условия, в особенности страх смерти.

Это чувство преследовало меня долгие годы в сновидениях. Я пережил состояние страха быть убитым десятки раз за время моего детства, отрочества и зрелости.

О времени Катастрофы написано много, особенно в последние годы, добавить от себя что-либо трудно. Возможно, в Яд Вашем собрано все. Пусть все эти воспоминания станут частью истории гибели евреев местечек [Украины](#).

Мир праху вашему, безвинно погибшие в Катастрофе.

«СПАСЛИ НАС ДОКТОР СТУКАЛЕНКО И ЕГО СЫН»

РОЙТБЕРГ Я. П.

Было мирное июньское утро. Я с двоюродным братом Ройтбегом Яней возвращался из [Могилева-Подольского](#) в родное село [Озаринцы](#), увидел своих односельчан, собравшихся около синагоги и повторяющих одно только слово – война. Вокруг слезы, причитания. А вскоре над моими [Озаринцами](#) пролетел самолет с черными крестами.

Фронт приближался.

А люди словно оцепенели. Уехали единицы, да и уезжать было мало времени. 22 июля в [Озаринцах](#)¹ появились немцы. Первая кровавая суббота – были расстреляны евреи, много евреев.

26 июля появились румыны. Бегали по домам, где жили евреи. Тех, кто не успел спрятаться, гнали на базарную площадь. Все эти евреи погибли. Остальных сгоняли в одно помещение и держали взаперти без еды, без воды. Появилось слово «гетто». Периодически нас выводили во двор, устраивали переключку и каждого десятого расстреливали.

Была не жизнь, а каторга. Нас гоняли на работы в каменоломни, на торфяники. В каменоломнях мы кололи и таскали огромные, тяжеленные глыбы. Тех, кто не в состоянии был выполнять каторжную работу, у кого сдавали силы – убивали.

Все время я жил в страхе за свою жизнь и жизнь близких мне людей. А еще голод. Нечего было есть. Приходилось ночью, рискуя, что поймут, делать вылазки и искать что-то поесть, чтобы не умереть от голода.

В моей семье, кроме меня, некому было этим заниматься. Родители – пожилые люди, старшие братья – на фронте, а младшая сестра больная была. Вот я со своим двоюродным братом и собирал у колхозного склада рассыпанный по земле горох, затем очищали его от земли, промывали, просеивали и варили или толкли на муку. Из этой муки мама пекла лепешки.

Находили также и другие источники для выживания. Брали у трактористов керосин, ночью ходили в Могилев-Подольское гетто, где было много евреев из Румынии, Бессарабии. Там обменивали керосин на деньги (у них были керосиновые лампы). Деньги отдавали трактористам, а совсем немного денег оставалось у нас, чтобы как-то прокормиться.

Если удавалось приобрести стакан кукурузной муки, ее в казане заваривали с огромным количеством воды, садились все узники вокруг казана и «наслаждались» горячей похлебкой.

Также ночью ходили по стерне, собирали полусгнивший картофель.

Чтобы как-то заработать гроши на пропитание, мы, по поручению сельских жителей, носили в город молоко, картофель, зерно. Там сбывали этот товар. Все это делали ночью, чтобы не заметили румыны, спускались с горы по крутым склонам, по еле заметным тропкам, рискуя жизнью. За проделанную работу односельчане давали нам что-нибудь из продуктов.

Болезни, одна за другой, одолевали узников гетто. Врачи экспериментировали над бедными больными людьми. Был сыпной тиф. Заболел и я. Сыпняк подкосил всю мою семью. Спасли нас доктор Стукаленко и его сын. Он явился сам, узнав об эпидемии, приходил не раз, лечил своими лекарствами, помог нам выжить, рискуя жизнью своей и своего сына. Стукаленко – праведник мира.

Летом 1942-го или 1943-го года (точно не помню) молодых еврейских ребят по списку, в котором значился и я, собрали на площади, и повели на железнодорожную станцию. Нас повезли в Тульчин на торфяные работы. Оттуда дорога была одна – после неминуемой потери трудоспособности – отправкой в лагерь, и там – конец.

Но мне удалось бежать.

В марте 1944-го нас освободила Красная Армия. А в июне 1944 г. я был призван в ряды Красной Армии. Был заряжающим противотанкового орудия, прошел с боями Румынию, Венгрию, Австрию в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов. Войну закончил 9 мая 1945 г. в городе Грац (Австрия). Награжден медалями «За отвагу», «За взятие Будапешта».

«СПАСИБО ДОБРЫМ ЛЮДЯМ ЗА ТО, ЧТО МЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ»

РОМАНЕНКО Елена (1940 г.)

Я, Романенко (урожденная Шрайбер-Белая) Елена Михайловна, родилась в городе [Одессе](#)¹ 2 июля 1940 года. Эти воспоминания я пишу со слов матери – Белой Анны Наумовны, и старшего брата – Белого Леонида Михайловича.

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г. страшной бомбежкой города и стрельбой. Над нашим домом все время пролетали снаряды, так как в первую очередь стали бомбить порт, а мы проживали поблизости. В городе началась паника, жители хватали первые попавшие под руку вещи и бежали, сами не зная куда. Мама схватила в охапку двух детей – меня и моего брата и сказала: «Никуда бежать не будем. Нам некуда бежать. Если убьют, то пусть убьют всех сразу и дома».

Отец – Шрайбер Михаил Исаакович – служил в военной части. Он появился 2 июля, как раз в мой день рождения, мне исполнился 1 год. Наспех спросился с нами и, как видно, распрощался навсегда, так как в 1943 г. пришло известие о его гибели.

Мы остались одни. Я очень смутно, да почти и не помню те события, но брат, которому было 8 лет, все хорошо помнит, и они с мамой часто рассказывали мне (особенно мама) о тех страшных, голодных и холодных днях.

Первыми в город вошли румыны, а за ними и немцы. Они ходили по квартирам и забирали ценные вещи, продукты. Из хороших квартир жильцов выгоняли на улицу и сами там поселялись.

У нас квартира была маленькой, темной и сырой. В давнее время там были конюшни, потом их переделали для комнат челяди, т. е. работников *пана*, а потом заселили жильцами. Поэтому нас не выгнали, но забрали последние продукты, которые нам оставил отец, когда уходил на фронт.

Вскоре есть стало нечего. А мне каждый день требовалось молоко. Мой брат со своей подружкой Мартой Гольинской (в настоящее время она проживает в г. [Одессе](#), ул. Пастера, 50, кв. 2, фамилия ее Соболева М. Л.), которой было 9 лет, бежали в порт и там собирали доски, щепки, выброшенные на берег от разбитых кораблей, а иногда море выбрасывало и тушенку и другие продукты питания. Немцы их часто гоняли и били. Не раз они приходили домой избитые. Часто их в пути заставляли бомбежки и налеты. Но они все равно бежали, нужно было как-то жить. Доски и дрова сушили и продавали.

Потом одна соседка Анна Шишкова (не помню отчества) сказала маме, что заявит, что у нас отец еврей и ей отдадут квартиру, откуда ее с семьей выгнали немцы, и они жили в сарае. К страху голода, бомбежек еще прибавился и этот страх.

Другая соседка тетя Нюра Гольинская (мать Марты) предложила спрятать нас у себя на даче на Большом Фонтане, но мама боялась бросить квартиру и твердила, что лучше умирать дома.

Через несколько дней к нам ввалился немец с автоматом и стал прикладом вытаскивать нас на улицу, дергать меня за волосы, а они у меня были очень кудрявые и кричать: «Юде, юде!» (Не знаю, то ли соседка Шишкова нас выдала, то ли по другим причинам нас пришли забирать). Мама стала сильно кричать. Прибежала Нюра Гольинская, стала просить немца отпустить нас, но он ударил ее прикладом автомата. Она говорила, что мы не «юде», а русские, но он показывал на мои кудри и кричал «юде!». Тогда она сняла с себя сережки и кольцо и отдала немцу. Маме нечего было отдавать кроме пухового одеяла, которое она и отдала. Только тогда он нас отпустил, и велел, как можно, быстрее убираться, не разрешив ничего взять с собой.

И мы все – мама со мной на руках, брат Леонид, тетя Нюра Гольинская с дочкой Мартой – бросились бежать через весь город на Большой Фонтан. Там тетя Нюра нас спрятала в погребе. Он был сырой и холодный. Она нам бросила мешки, одеяло,

тряпки и мы там сидели, тесно прижавшись друг к другу. Спасибо этим людям, они не только спрятали нас, но и подкармливали.

Недалеко от их дачи у людей была коза, и мама, оставляя меня с братом в погребе, ходила к этим людям стирать, убирать, готовить за кружку молока и это спасло мою жизнь.

От длительного нахождения в холодном и сыром подвале у моего брата всю жизнь радикулит. У мамы всегда болели ноги и руки, которые у нее всегда болели, а у меня были застужены уши и мне в 1946 году и, вторично, в 1947 году делали трепанацию черепа. Но ушами я страдаю всю жизнь. Малейшая простуда или насморк, как у меня начинается проблема с ушами.

Питались мы в основном макухой и мамалыгой. После войны тоже очень долго голодали. Мама всю жизнь тяжело работала и все мечтала, что мы с братом выучимся и будем жить хорошо. Спасибо добрым людям, что мы остались живы.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

РУБАНСКАЯ Галина (1939 г.)

Постараюсь написать автобиографический рассказ покороче, только о некоторых событиях своей жизни.

Был у меня самый любимый, самый дорогой мне человек – Мама. Это изумительная женщина. Ее неисчерпаемая доброта, честность, скромность, красота, широкая душа, искренность, любовь и сопереживание вызывали умиление, доверие, желание к подражанию. Она была комсомолка, спортсменка, пловчиха, парашютистка, но, в итоге – человек с безумно тяжелой судьбой.

Родилась мама Фира в городе [Одессе](#) в благополучной семье. Но вскоре, мой дедушка Авраам Яковлевич Шлаен оставил маму с бабушкой Анной Марковной и создал другую семью. Так мама Фира, задолго до войны, осталась с бабушкой Анной вдвоем.

Они испытывали огромные материальные трудности. Бабушка Анна болела, и маме с 9 лет приходилось работать на овощной базе – перебирать овощи. Ей даже трудовой стаж засчитали – выдали справку. В трудовой книжке она в пункте первом.

Как только мама получила комсомольский билет, сразу же завербовалась по молодежной путевке, и уехала на разработку леса, на добычу живицы (сосновой смолы) в поселок [Буда Олевского района Житомирской области](#). Это возле поселка [Кишин](#). Там еще было какое-то училище – типа ФЗУ, ПТУ, где перед самой войной она работала секретарем. В 1938 году вышла замуж в городе [Олевске](#) за Афанасия Рубанского и стала Фирой Рубанской.

22 декабря 1939 года в [Олевске](#)¹ родилась я – Галина Рубанская. Здесь прошло мое детство, юность и вся мамина молодость.

Как говорят, что все в жизни повторяется, так и у мамы не сложилась семейная жизнь, как и у бабушки Анны Марковны. А тут и война. Мне в это время было всего полтора года.

Война... Одна, можно сказать, среди чужих людей еврейка с маленьким ребенком. Куда? Кому нужна? И мама решила эвакуироваться вместе с детьми поселка [Буда](#), которые учились в ФЗУ. Вскоре бомбежки сравняли этот поселок с землей, его просто не стало. Как и не стало многих архивов в городе [Олевске](#).

Выехали колонной на гужевых повозках, запряженных быками, в сторону поселка [Глуховка Житомирской области](#).

Проехали лес, несколько поселков, опять лес, а дальше дорога потянулась через поле. Тишина. Слышно было как рыпели повозки в ритм тяжелой поступи быков. И вдруг неожиданно раздался гул. И началось....

Дикая, массивованная бомбежка разбросала тела, вещи. В этой мясорубке все перемешалось: рев моторов, крики, безумная суета, плач, стоны... Также неожиданно все стихло. Перед глазами выросло какое-то месиво, трупы детей, взрослых, животных, ужас и страх.

Чудом, в числе примерно десяти человек, мы с мамой остались живы. Потеряли все: вещи, еду, документы. Бежать было некуда, не на чем, не за что и мы возвратились пешком в город [Олевск](#), который был уже оккупирован немцами. Здесь мы и скрывались до конца войны.

Во время оккупации на Житомирщине, было массовое уничтожение евреев немцами. Не щадили ни стариков не маленьких детей. У реки, за кладбищем, на окраине [Олевска](#) с осени 1941 года в красном от крови яру, начались зверские расстрелы евреев – детей и женщин. Их вытаскивали гитлеровцы с любых укрытий, истребляя как ненужных животных. Проводились постоянные облавы на евреев. Мы с мамой не были исключением, скрываясь в нечеловеческих условиях по подвалам, чердакам и сараям в лохмотьях вместо одежды, в холоде, часто без еды и даже воды. В [Олевске](#) нас почти никто не знал. Возможно, это спасло нам жизнь.

Своим спасением мы во многом обязаны чужой женщине – бабушке Сиричихе, наверное, потому ее так звали, что дедушка был Сирик. Она подобрала нас, измученных, голодных. Домик ее стоял на окраине [Олевска](#).

Нам с мамой очень повезло, бабушка заботилась о нас, как о своих детях: обогрела, накормила, подлечила. Мне кажется, что таких людей в мире очень мало. Во время облавы прятались мы у нее в подвале разрушенной кладовки. Крышку она быстро сверху засыпала битым стеклом, мусором и другим хламом. Иногда, приходилось сидеть несколько дней даже без еды.

Затем, и это стало опасно, нас почти обнаружили, и мы прятались в каком-то одиноком, старом, заброшенном сарае. Найти убежище было невозможно, никто не хотел рисковать жизнью своей семьи. Все понимали, что если надо прятать – значит, еврейка да еще и ребенок.

Через несколько дней пришла бабушка Сиричиха и сказала, что есть женщина, которая возьмет только меня одну, у нее своих двое маленьких детей. И мама решила оставить меня в чужой семье, а сама скрывалась в ближайших селах, работая наймишкой: кому постирать, кому картошку выкопать.

Когда приходили полицаи, немцы или даже соседи, мы с детьми хозяйки пряталась на лежанке русской печки под потолком, как зверьки. А однажды, во время очередной облавы, я спряталась в дырке под печкой, где лежали поленья. Меня заметил полицай. Вытащил, ухватившись за мои черненькие, кудрявые волосы и с криком «жидовка» поднял к потолку. Все мы начали кричать, плакать и уговаривать, что я хозяйки дочь. Какая-то жалость появилась у него на лице, бросив меня на пол, ударив сапогом, он сказал: – «Живи». С тех пор мои кудряшки состригли наголо и надолго. От удара я получила травму бедра и долго болела. Помню, как старый дедушка в порванной фуфайке принес мне маленькую баночку молока. Это было счастье.

После этого случая меня перепрятали к одинокой женщине, которая скрывала меня на чердаке. Она засыпала тряпками и сеном и говорила:

– Сиди тихо, иначе всех убьют и маму твою тоже. Молчи пока я не приду.

И Бог помогал мне молчать, но было очень страшно.

Мама приходила редко, боясь навести на меня след. Встречи были в основном благодаря бабушке Сиричихе. Люди, рискуя жизнью, помогали нам изредка встречаться. Это были мучительные, душераздирающие минуты, когда маленькое, худенькое, как тень, существо с перепуганными глазами умоляло взять его с собой, что было невозможно. Ведь расстреливали людей ежедневно.

Много было горя. Всего не опишешь. Страх, голод, холод, оскорбления, унижения, бомбежки приносили много несчастья мне и маме. Так тянулись долгие тяжелые годы оккупации.

Помню, как при очередной встрече, мама принесла мне кусочек хлеба, вдохнув его запах, я потеряла сознание. Этот запах хлеба я чувствую до сих пор.

Конечно, мы с мамой мучились, голодали, скрывались и подвергались преследованиям. Какая еврейка с ребенком могла заявить о себе. Мы даже после войны, уже когда я училась в школе, не восстанавливали документы пребывания в оккупации. Дикий страх пережитого не позволял.

Когда мне было уже 4 года, я помню комнату, печку, стол и стул. Я взобралась на стул, затем на стол, встала в окне. На ступеньке дома напротив стоял мужчина с винтовкой, а на шапке у него была звездочка. Зашла мама.

– Мама, звездочка!

– Да, наши пришли, доченька!

Мама сильно плакала. И я плакала вместе с ней. С другого окна в этой комнате был вид на дорогу. Она мне казалась очень широкой, наверное, я была маленькой. А по дороге, по желтому сыпучему песку в сторону кладбища шли колонны пленных гитлеровцев.

Страх пережитого во время войны остался на всю жизнь. Даже после войны, и в школе, и в жизни я всегда боялась слова «жидовка», боялась слова «оккупация». Так глубоко в памяти отложились 30 месяцев и 12 дней на оккупированной территории, где были истреблены тысячи мирных людей.

Уже после войны мама узнала, что моя бабушка Анна Марковна в 1941 году, пытаясь эвакуироваться из города [Одессы](#) на корабле – погибла. Корабль разбомбили.

И только 24 ноября 2004 года мы с мамой случайно узнали, что в начале войны, 28 сентября 1941 года Авраам Яковлевич Шлаен с сыном Яковом, которому тогда исполнилось 11 лет, находились в эвакуации в городе [Караганда](#). Кто еще был с ним и почему – мы не знаем. Это совершенно другая, чужая для нас семья, другие судьбы. Маме было 8 лет, когда с моей бабушкой, Анной Марковной, они остались одни.

«ПОГРОМЫ ПОВТОРЯЛИСЬ ПЕРИОДИЧЕСКИ...»

РУБИНШТЕЙН Леонид (1936 г.)

Я, Рубинштейн Леонид Борисович, родился в городе [Хмельнике Винницкой области](#) 30 мая 1936 г., но проживал до войны с родителями в городе [Славуте Хмельницкой \(бывшей Каменец-Подольской\) области](#).

[Хмельник](#) – небольшой городок на [Украине](#), где до войны проживало несколько поколений моих родных по линии матери – Мучники.

Мать – Мучник Добрыш Фроимовна. В быту маму звали Дозя. Ее родители и сестры все родились и выросли в [Хмельнике](#), где у моего деда (отца матери) был свой большой дом.

Отец, Рубинштейн Борис Моисеевич, заведовал в [Славуте](#) аптекой, где также работала и мать, носившая всегда свою девичью фамилию – Мучник.

Начало войны застало меня и моих родителей в [Славуте](#), где в это время гостила у нас бабушка из [Хмельника](#) – Рахиль Мучник.

На четвертый день войны отец ушел на фронт, а мать с бабушкой и я стали пробираться в [Хмельник](#), где нас ждали дедушка, сестры матери для совместной эвакуации.

С большими трудностями, подвергаясь неоднократным бомбежкам, мы добрались до [Хмельника](#)¹, который уже был оккупирован немцами, а родные, не дождавшись нас, последним поездом уехали в эвакуацию.

Итак, я, мама и бабушка оказались на оккупированной территории. Это был июль 1941 г.

Лично мои детские воспоминания этого периода связаны с постоянной тревогой, которая была в доме, на улице. В соседнем доме напротив жили двоюродный брат мамы Липа Грингольц с семьей, родственники Абовичи и другие.

Однажды ночью, примерно в 3-4 часа, меня разбудила мама и с большим волнением судорожно стала меня одевать. После этого мы пошли в соседний дом, где жили наши родственники, спрятались в специальном подвале, как потом я узнал, это называлось «секретом». Бабушка в это время пекла хлеб и должна была вслед за нами прийти, но не успела.

Начался погром, в котором участвовали полицаи из украинского населения и немцы. Бабушку увели, и больше мы ее не видели. Ее расстреляли.

Район, где находился дом дедушки, был старой частью города, он был отделен от новой части города рекой и мостом. И в этой части города [Хмельника](#) организовали гетто. Все взрослое еврейское население должно было носить желтые шестиконечные звезды.

Жизнь протекала в постоянном страхе и чередовалась очередными погромами, во время которых проходили грабежи и убийства. Дом дедушки (в настоящее время на этом месте находится корпуса санатория) был разграблен, и мы вместе с другими семьями были переселены в другой большой дом, рядом с которым находилась церковь, а напротив была небольшая водолечебница, куда часто приезжали немцы (как потом я узнал это были радоновые ванны).

Погромы повторялись периодически, все старались спрятаться в «секретах», но не всегда это удавалось.

1942 год. Была очень суровая зима. Температура доходила до –30°C. Мы с мамой и другими еврейскими семьями прятались в очередной раз в «секрете». Среди прятавшихся была женщина с грудным ребенком, который начал громко плакать. И наш «секрет» был обнаружен. Так как близко к выходу всегда какой-то мужчина дежурил, то он сообщил нам, что нас обнаружили полицаи, которые переговариваясь между собой, сказали: «Никуда они не денутся, придем утром и заберем». После этого сообщения часть прятавшихся решила остаться. «Что будет, то будет», –

сказали они. А другая, меньшая часть, решили выйти и рискнуть спастись. Среди этой части была моя мать.

Мы вышли на улицу. Был страшный мороз, и мама решила пересидеть до утра в разрушенном доме (оставшиеся в «секрете» все были впоследствии расстреляны). Погром продолжался несколько дней. Мы с мамой все время сидели в разрушенном (с выбитыми стеклами и дверьми) доме. Там я сильно обморозил ноги. Ничего не оставалось больше делать, и мы вышли на улицу, где мою маму тут же схватил полицейский. Меня же она успела оттолкнуть в сторону.

Полицейский увел маму, как потом я узнал, в концлагерь, который был в другой части города, вне гетто. А я стал у стены какого-то дома и начал плакать. Вскоре ко мне подошел какой-то мужчина и спросил, чего я плачу. Я ему все рассказал. После этого он сказал мне, чтобы я посидел в разрушенном доме, а к вечеру он пришлет за мной своих ребят и они заберут меня. Мне ничего не оставалось делать, как послушаться его. Вечером, действительно, ко мне пришли двое ребят, лет 14-16, и повели через мост, где стоял немецкий часовой, в другую часть города.

Итак, я оказался в русской семье (или украинской). Знаю, что фамилия главы этой семьи – Басов. Эта семья меня прятала у себя и как могла лечила мои ноги. Ноги были так обморожены, что стали гнить, и я видел свои кости. До сих пор остались шрамы на этих местах.

Моя мама через лагерного старосту-еврея, который мог выходить в город, узнала, где я нахожусь, но встретиться со мной не могла. И все что у нее сохранилось, какое-то золотое кольцо, цепочка, она через старосту передавала Басову.

У Басова я находился до лета 1943 г. К этому времени лагерь, где была мать, почти уничтожили. И моей маме и еще нескольким людям одними из последних удалось бежать из него.

Когда Басов узнал, что мать убежала из лагеря, он больше не захотел меня прятать. А может, была какая-то другая причина. И в один из летних дней, обмотав мои ноги тряпками, вывел на железнодорожное полотно и сказал: «Иди и спасайся. Всем говори, что ты грузин» (я был смуглым). Так началось мое странствие, о котором знаю только я. Мама до конца своих дней так и не могла понять, как я спасся.

Я побрел по железной дороге и, если мне кто-то встречался, попрошайничал. Мне давали кусок хлеба и еще что-то (уже не помню). К вечеру я набрел на какую-то сторожевую будку, где сторож разрешил мне переночевать на сене, но утром местные мальчишки (рядом было какое-то село) стали кричать мне: «Жиденок!» и бросать в меня камнями.

Я пошел дальше по железнодорожному полотну. К концу дня дошел до какой-то железнодорожной станции, где было много вагонов и людей. Больше идти я не мог, ноги страшно болели, и я решил ехать куда угодно, только не идти пешком. Я подошел к одному вагону, возле которого стояла девушка с немецким офицером, и попросил ее посадить меня в вагон, так как на ступеньки взобраться сам не мог. Немец подхватил меня под мышки и посадил. Когда я вошел в вагон, то увидел какую-то бабушку с мальчиком, примерно, моего возраста. Я подсел к ним и сказал: «Бабушка, если будут проверять билеты, скажите что я с вами, а я вам дам конфету». У меня была в торбочке-мешочке одна конфета.

Поезд тронулся и я поехал. Куда – не знал. Вскоре мы приехали на большую станцию. Это была [Винница](#). Все вышли из вагонов, и в этот момент началась бомбежка. Все бегут, кричат, рядом взрываются дома. И вдруг я чувствую, что меня кто-то накрывает своим подолом. Это оказалась торговка из привокзального рынка. Когда бомбежка закончилась, она стала расспрашивать меня обо всем: кто я, откуда и т. д. Я ей сказал, что мне надо попасть в [Жмеринку](#) (от взрослых людей, будучи в гетто в [Хмельнике](#), узнал, что все стараются перебраться в [Жмеринку](#), там румыны, и они, мол, не убивают). Эта женщина стала бегать со мной по железнодорожным путям, где стояло много поездов и расспрашивать, какой из них едет в [Жмеринку](#). Наконец, она нашла какой-то товарный поезд, посадила меня в открытый тамбур вагона, и вскоре я поехал.

Вдруг, когда поезд уже ехал, ко мне в тамбур впрыгнули двое в немецкой форме. Я сжался и закрыл лицо руками. Думал, сейчас будут меня убивать. Но вдруг услышал, что они говорят между собой по-украински, а один даже погладил меня по голове, угостив семечками. Потом они вдруг исчезли, и вскоре поезд остановился. Вдоль поезда бежал немецкий офи-

пер с пистолетом в руке. Подбежав к моему тамбуру, он что-то кричал мне, но я ничего не мог понять. Опять сжавшись, подумал: сейчас будет в меня стрелять, но поезд вдруг поехал и офицер исчез.

Больше «приключений» в дороге не было. К вечеру поезд прибыл на какую-то станцию, где стояли и другие поезда. Я вышел из вагона, почувствовав, что поезд дальше не двигается. Это оказалась [Жмеринка](#)².

Идти я совсем не мог и сел прямо на перрон. Подошел взрослый парень и спрашивает, почему я здесь сижу. Я ему ответил, что у меня ноги в ранах и не могу идти. Он посадил меня на плечи и отнес в комендатуру, где были немецкие и румынские офицеры. Узнав, что у меня ранены ноги (а они были в кровавых пятнах), один из них (наверно, главный) приказал этому парню отвести меня в больницу.

Так я попал в другое еврейское гетто, где не убивали, и была какая-то нормальная жизнь. В больнице я пробыл, примерно, месяца три, пока мои раны не зарубцевались (рубцы остались до сих пор). Затем пришел, как я помню, полный, высокий человек, взял за руку, привел в одну еврейскую семью и сказал им, что они должны меня воспитывать как своего сына. Как я потом узнал, это был доктор Гершман – администратор гетто.

Это оказались очень милые, хорошие и добрые люди. Отец семейства Яша (фамилия, по-моему, Меламуд, может быть, Меламед), его жена – Роза и их дочь – красавица Нина. Я им все о себе рассказал и все время до прихода Красной Армии жил у них. Они все обо мне заботились, и я был как бы в кругу родной семьи.

Однажды, гуляя по улице, я встретил нашу родственницу из [Хмельника](#). Мы узнали друг друга, но не подали вида – боялись. Оказывается, она знала, где находится моя мама (она находилась в 20 км от [Жмеринки](#), в городе [Мурафе](#)³, где была и ее двоюродная сестра Мола, муж сестры Миша Абович и их дети Изя и Фрида).

Каким-то образом она сообщила маме, что я жив и где нахожусь. И когда пришло освобождение от фашистов, на второй день моя мама нашла меня и вскоре (это был, по-моему, март 1944 г.) мы пешком отправились в [Хмельник](#). По пути нас под-

возили на машинах солдаты, давали нам еду. Так мы добрались до [Хмельника](#).

Это было в конце марта 1944 г. В [Хмельнике](#) нас разыскали сестры матери. Они тогда эвакуировались и имели адрес отца, который воевал. Он считал нас погибшими, а мы были живы! Всем смертям назло! И ждали его возвращения.

После демобилизации в 1946 г. отец приехал к нам в [Хмельник](#), и вскоре мы уехали в [Слауту Каменец-Подольской](#) области, где жили до войны. Там я окончил школу, там умер и похоронен мой отец.

«Вестник» – Нью-Йорк, № 6. – С. 19–21.

«Я НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛА...»

РУДАЯ (ЗУСЛИНА) Ольга

Я ничего не забыла, даже во сне нахожусь в яме, прошу о помощи на украинском языке: «Рятуйте!». Столько времени прошло, а забыть не могу.

Когда началась война, не прошло и двух недель, как пришли немцы. Они пришли, чтобы уничтожить нас. Собрали евреев, человек 50, загнали в дом по ул. Боженко, 81, за кинотеатром. Заставили нашить на спине и рукаве желтые шестиконечные звезды. Были везде вывески «Жидам и собакам вход на базар воспрещен».

Однажды ночью мы с отцом пошли в наш дом взять кое-что из вещей и по дороге попали в облаву. Потом нас, человек 50, в том числе были я и мой отец Илья Рудой, посадили в кузов грузовика, покрытый брезентом. Я сильно плакала и кричала, что хочу еще один день прожить и увидеть солнце. Мы проезжали мимо школы, где я училась в 10 классе, а потом через [Городище](#), а потом по дороге к Скибинскому лесу. Кажется, что яма была неглубокая и не свежерытая.

Приехав к месту назначения, приказали раздеться и выстроиться по 15 человек. Как только прозвучали первые очереди из автоматов, я потеряла сознание. Не знаю, как я очутилась между убитыми, но вся была облита кровью, которая стекала на меня из трупов. Опомилась и подняла голову, но встать мне было очень трудно, туманилась голова.

Был базарный день: женщины шли в [Жашков](#) на базар в белых платках. И вот, они связали платки и вытащили меня, я была очень худенькая. Недалеко был ручеек, женщины смыли с

меня кровь. На базар они уже не пошли, а отвели меня, рискуя своей жизнью, к себе домой.

Моя мама находилась тогда в доме по ул. Боженко. Потом нас с мамой полицаи погнали этапом на карьер [Буки¹](#) – в село [Антоновка](#). Скалы стояли и, наверное, они еще есть. Каменоломы кололи их, а мы вагонетками возили и составляли в штабеля камни, которые потом их отправляли на строительство дорог. В концлагере села [Антоновка, под Буками](#), мы с мамой находились с 10 марта 1942 года по 15 октября 1943 г.

Как мы выжили? Как остались живыми? Спасибо каменоломам и их женам – они нас подкармливали. Мы, кто остался живым, в большом долгу перед ними.

После войны мы неоднократно ездили искать место расстрела возле Скибинского леса, но не нашли.

«В ЖИВЫХ ОСТАЛАСЬ ОДНА Я...»

РУСМАН Елена (1917 г .)

В том далеком 1941 году, 21 июня, я – учительница украинского языка и литературы, проводила вечер выпускников-семиклассников. 60 счастливых получали свидетельства об окончании Киликиевской семилетней трудовой школы.

Весело, светло и уютно было в зале, где дети чувствовали себя именинниками, а родители и учителя гордились своими воспитанниками. И никто из нас не знал, что ожидает нас завтра. А на следующий день, в полдень, по телефону из райцентра передали горестную весть: «На нашу страну напали немцы, бомбят [Здолбуново](#), [Шепетовку](#), [Киев](#)». Это было совсем недалеко от нас. Началась война.

Война катком прошла по нашей семье. В живых, пережив все ужасы, кошмары и ад Холокоста, осталась одна я, самая младшая – седьмой ребенок в семье.

Весть о войне повергла нас в отчаяние. Мы были растеряны, дожидаясь беды. А она пришла быстрее, чем мы думали.

2 июля 1941 года в наше село [Киликиев](#)¹, которое находится в 32 километрах от ближайшей железнодорожной станции – г. [Славута](#) – ворвались немцы. Они проехали по улице, где проживали 70 еврейских семей, на открытых автомобилях – сытые, надменные, наглые захватчики.

Мы оказались в оккупации. Улица замерла. И уже на следующий день, забирая все выращенное тяжким трудом, они топтали наши огороды своими коваными сапогами. Им еще нужны были яйца, куры, масло. Грабили все, и в этом им помогали полицаи.

В нашем селе не было состоятельных еврейских семей. Тяжелым трудом зарабатывали кузнецы, печники и другие ремесленники себе и своим семьям на жизнь, которую у них отняли 18 июля 1941 года. 35 еврейских мужчин и подростков загнали в сарай возле школы и оставили их на ночь запертыми. А в это время в 30 метрах от школы в клубе (бывшей церкви) гремел духовой оркестр, немцы развлекались.

На рассвете несчастных вывезли за село и расстреляли. Ямы, в которые их закопали, по всей вероятности, были не глубокие, а трупов было много, и собаки днем позже волокли по земле остатки человеческих тел.

Матери, жены, сестры собрались на площади у синагоги, взывая о помощи. Плач, рыдания, крики сотрясали землю и небо, но некому было им помочь.

А 2 августа 1941 года пришла беда и в нашу семью. Сын моей старшей сестры, шестнадцатилетний красавец Янкеле, одаренный музыкант, игравший на нескольких инструментах, был схвачен бандитами и под конвоем трех вооруженных убийц был выведен за село и расстрелян. Много времени прошло со дня гибели Янкеле, но до сих пор содрогаюсь, представляя, что чувствовал этот невинный мальчик, идя, окруженный убийцами, в свой страшный последний путь.

Бедная моя сестра Брайндл обезумела от горя. У нее ни на минуту не закрывался рот. Она говорила, говорила. Подходила к людям, искала поддержку, утешение.

Но это был не последний удар: два ее старших сына не вернулись с фронта, а четверо младших детей лежат с ней в общей могиле.

Прошло много лет с тех пор. Вечная им память!

Беда ежечасно, ежедневно надвигалась на нас, оставшихся в живых. Кончались продукты. Не на что и негде было что-либо купить. Новый приказ новой власти гласил: «Жидам не продавать». Все, что требовалось от нас – это работать в поле. За труд, конечно, не платили. Мы работали, перелопачивали зерно на току.

Вскоре новой власти понадобились и деньги. 79 нищих еврейских семей должны были выплатить дань сто тысяч рублей. Такую сумму не собрать. Но угроза быть расстрелянными сде-

лала свое дело. Продали все, что наживалось годами, но и это не спасло, право на жизнь мы не получили.

4 марта 1942 года на рассвете нас, всех евреев, выгнали из своих домов, согнали в школу и там отобрали старых немощных женщин, посадили на повозки, перевезли через реку и в лесу начали расстреливать. Среди обреченных была моя мама. В нее выстрелили, она упала, но осталась жива. Спасло ее то, что она была одета в толстый ватник, и пуля, попав в правую лопатку, только ранила ее.

Это было ее второе ранение. После революции, когда власти в нашем селе менялись так же часто и быстро, как нашествия бандитов, к нам в дом ворвались белополяки, требуя у моего отца денег, которых у него не было. Бандит замахнулся саблей, и удар пришелся бы по голове отца, если бы мама не подставила руку. Она приняла удар и боль на себя. Рана зажила. Но шрам остался как знак преданности и верности семье.

С пулей в теле, в шоке мама выбежала на дорогу. Нас гнали по талому снегу под конвоем вооруженных немцев и под злобный лай собак. Мы не знали, куда нас ведут, но путь был длинным, и многие, не выдержав, падали. Немцы их тут же расстреливали. Мама шла с нами. Раненая, она прожила еще четыре месяца и была расстреляна вторично.

Вечная и светлая память моей доброй маме, матери семи детей и бабушке 17 внуков!

Измученных, голодных к вечеру нас пригнали в город [Славуту](#)² и поместили в аду, именуемом гетто. Большая площадь была отгорожена колючей проволокой, у ворот стояли немцы. Они отбирали то небольшое, что людям удалось захватить с собой. Мы поселились в пустых домах. Выход из гетто карался смертью.

На второй день, надеясь найти что-либо съестное, мы ходили по пустым домам. Голод мучил ужасно. Со временем нам стали выдавать по 100 граммов хлеба в день и больше ничего. Когда распустились деревья, сушили листья, растирали их вместе с отрубями, если удавалось их раздобыть, пекли лепешки. Люди не выдерживали голода и, рискуя жизнью, перебирались через проволоку, но редко кому удавалось что-либо раздобыть. Чаще всего через проволоку обратно перебрасывали трупы.

Каждый день нас гнали на работу. Мы грузили лес на платформы. И сейчас не могу понять, как могли измученные голодом, замордованные женщины поднимать такие колоды.

Охраняла нас и руководила работой женщина из местных. Более жестокого агрессивного чудовища я до сих пор не встречала. Все это длилось до 26 июня 1942 года.

В три часа ночи нас выгнали на площадь гетто. Площадь была окружена немцами и собаками, на людей были направлены пулеметы. Началась сортировка: 80 молодых и здоровых отвели в одну сторону, остальных, более 1000 человек – в другую. В число этих обреченных попали моя мама и пять моих сестер с детьми. Все понимали, что пришел конец, но люди, сломленные голодом, страхом, бесправием, стояли молча в оцепенении. Не было слез, не было мольбы. Площадь походила на кладбище живых покойников. Кое-кто из детей доедал сэкономленные кусочки хлеба. Раздавались окрики немцев, лай собак. И так было до полудня. В полдень подъехали закрытые брезентом грузовые машины, несчастных погрузили и вывезли туда, откуда не вернулся ни один живой человек.

Увезли самых дорогих мне людей: мою маму, Райцл Янке-левну, сестер Брайндл, Енту, Перл, Фриму, Басю и их детей. Ничего противоправного они в своей жизни не совершили – ни против Бога, ни против людей. Их «вина», наверное, была лишь в том, что они родились евреями, и фашисты – эти нелюди – чьи сердца обросли шерстью, расстреляли их.

Нас, оставшихся в живых, погнали пешим строем в город [Аннополь](#)³, в 2 километрах от [Славуты](#). Там разместили в пустом доме, где не было даже соломы для подстилки. Там мы грузили камни для строительства шоссе. Работой руководил некий Тарасов. В разговоре он представился как генерал, попавший в плен. Однажды он подошел ко мне и тихо сказал: «Бегите отсюда, вас расстреляют».

Вместе со мной в лагере были две сестры – Женя и Соня. Старшая, Женя, до войны работала учительницей в [Аннополе](#). Один из ее учеников, узнав, что она в лагере, стал приходить, приносить хлеб, одежду. Он также повторил слова Тарасова, что надо бежать, что нас будут расстреливать.

Я дружила с Женей, и мы решили бежать вместе. А подхлестнуло нас одно событие. Заболела одна из девушек, работавших с нами, Фира Черноморская. У нее отекли ноги. Она не могла ходить и не вышла на работу. Лежал больной и один мужчина. У него были боли в позвоночнике от травмы, полученной на работе.

Однажды нас вывели во двор, построили, двум еврейским парням приказали копать яму. Они бежали из плена, и тоже оказались в этом лагере. На наших глазах расстреляли Фиру, больного мужчину и этих двух парней. Немец, совершивший это злодеяние, пообещал, что так будет со всеми, кто не поддерживает немецкий порядок.

После этого мы решились на побег. И как только остались дежурить на кухне, мы сварили похлебку из листьев свеклы и 17 июля 1942 г. бежали – я, Женя и Соня. Бежали полем, садами, огородами, и к концу дня оказались в 20 километрах от города [Ровно](#).

Хотели пробраться в [Югославию](#), к партизанам, слава о делах которых доходила даже к нам, в гетто. Но город [Ровно](#), как оказалось, был забит немцами, и пройти незамеченными без документов было невозможно. Мы, выдавая себя за крестьянских украинских девушек, угнанных в [Германию](#) и пробирающихся домой, на [Черниговщину](#), пошли на восток.

Мы нанимались на поденные работы в хуторах [Западной Украины](#), с нами расплачивались едой и хлебом на дорогу. Выручало нас то, что мы все родились и выросли в сельских местностях, прекрасно знали украинский язык, обычаи, а больше всего то, что мы умели работать в поле.

Наступила вторая половина июля – время жатвы. Мужчины были на фронте, а хлеб нужно было убрать. Нас брали на работу, хозяевам выгодны были почти дармовые работники. Мы жали серпами рожь, пшеницу, вязали снопы. На наше счастье, никто не заподозрил, что мы еврейки. Отработав, мы получали хлеб и двигались дальше на восток.

Шли долго и мучительно, пришлось нам узнать вкус сырой свеклы, тыквы с чужих огородов. Нам удалось пройти город [Белоцерковичи](#).

Бывало, что мы встречали немцев, но каждый раз удавалось пройти неопознанными. Прошли вблизи города [Олевска](#), добрались до [Полесья](#), где песок до колена и тонкие жалкие соsenки. Здесь мы по-настоящему поняли, что такое голод. Соня, как самая младшая, подходила к дверям покосившихся домов белорусов, выпрашивая кусок хлеба. И люди, сами голодные, делились последним, спасая этими крохами трех измученных еврейских девушек.

Тогда я поклялась себе, что если останусь в живых, кто бы ни подошел к моим дверям с просьбой о помощи – получит ее.

2 августа 1942 года мы наткнулись на группу партизан, которые привели нас в отряд «За победу». Помню фамилию командира – Маликов...

Мои милые попутчицы живы. Проживают на [Украине](#). Много времени прошло с тех пор, но память до сих пор удерживает все события тех лет. И то, что я взялась сейчас вновь мысленно пройти этот страшный путь – это дань памяти моим дорогим, незабвенным: моей матери, сестрам, племянникам, а также всем невинным жертвам, зверски убитым в [Славуте](#) 26 июля 1942 года.

Прошли годы, и жизнь повернулась ко мне своей светлой стороной, я вышла замуж за Льва Пейсаховича Русмана, который прошел войну от первого до последнего дня. Мы прожили вместе 44 года. У нас родились, выросли замечательные дети, которыми я горжусь.

Я заканчиваю свои тяжкие воспоминания. Действительность была страшнее, трагичнее. Желаю всем, чтобы нигде в мире ничего подобного тому, что пришлось испытать мне во время войны, не повторилось.

Книга памяти. Судьба еврейского народа во Второй мировой войне. Воспоминания очевидцев. Составитель-редактор Е.А. Файзенберг-Гальперина. – Кельн, 2009. – С. 93–96.

«ОККУПАЦИЯ ОСТАВИЛА СТРАШНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

САВИЦКАЯ Инна

До войны наша семья жила в доме напротив порта. Отец – Савицкий Ефим Захарович, мама – Величко Евгения Ивановна, старший брат – Валентин и я – еще одна семья в Ялте, которая не сумела эвакуироваться. Мы жили в коммунальной квартире. У нас было две комнаты – одна большая, светлая, с балконом, выходящим в сторону порта, вторая – маленькая, темная. Кухня была общей. На кухне встречались люди разных национальностей – армяне, греки, татары, украинцы, евреи. Мы жили очень дружно, всегда помогали друг другу. После войны наши бывшие соседи Алан и Василя (жена) Байрамовы и их мама Хатидже Асана приезжали повидать нас.

В 1941 году мне было около трех лет. Я мало что понимала в происходящем, но когда к нам в дом вошли двое незнакомых мужчин, меня обьял ужас, который живет во мне до сих пор. Они сказали отцу: «Собирайся!». Отца забрали и отвели в Ялтинское гетто. Что пережила моя мама?! Я все время спрашивала: «Где папа?»

Позже, когда мне уже было лет 10, мама рассказала, как она спасла папу от расстрела. В течение нескольких дней она ходила в гетто. Домой отца не отпускали. Однажды, по дороге в гетто, мама встретила знакомых, которые рассказали ей о какой-то женщине, которая увела своего мужа из гетто. И моя мама, эта мужественная женщина, тоже решила освободить папу. Но как? Никаких драгоценностей, кроме одного колечка, у нее не было. Она подошла к часовому и отдала колечко, сказав: «У меня цвай

киндер, они хотят видеть отца...» Часовой привел папу и отпустил его... Как они бежали!

Отец недолго побыл дома, но я успокоилась. Он ушел и через какое-то время сумел добраться до фронта и воевал в рядах Советской Армии.

После того, как отец ушел, мама повела нас с братом в Ай-Василь (поселок Васильевка) к своей мачехе. Туда же пришла сестра мамы Поля с двумя сыновьями. Было очень страшно, и мы, шесть человек, жили в сарае вместе с козами.

В Ялте свирепствовал голод и почти все жители ходили менять вещи на еду. Мама тоже ходила. Помню, что наряду с другими вещами, она взяла мои «золотые туфельки» и игрушку. Мне так их было жалко! Но она привезла чемодан кукурузы. Мы, голодные дети, хватали горстями кукурузу и бросали на печку. Зерна раскрывались, как цветы, и были очень вкусными. Голод заставлял варить супы из трав – крапивы, люцерны... После последнего обмена мама купила козу, которая помогла нам выжить.

Оккупация оставила страшные воспоминания. Я видела в Ялте повешенных людей. Помню, мне было 3–4 года, и мы шли по набережной мимо сквера. Вдруг мама сказала: «Доченька, опусти голову, не смотри вверх». Но ребенок, наоборот, подняла голову и... увидела висящих на платанах людей, ноги, таблички на груди... Они и сейчас перед моими глазами и вызывают дрожь.

«НЕЗАБЫВАЕМАЯ БОЛЬ ДУШИ...»

САМОЙЛОВА Светлана (1938 г.)

Все, что помню о себе, это отдельные случаи, а остальное рассказывали родственники отца – бабушка и тетя.

Я, Самойлова Светлана Михайловна, добрачная фамилия Подорожко, уроженка города Ромны Сумской области, родилась 24 мая 1938 г.

До Великой Отечественной войны я с родителями: отцом, Подорожко Михаилом Ивановичем, и мамой, Подорожко (девичья – Цейтлин) Густой Шевельевной, проживали в городе Ромны. Младшая сестра Алла родилась 8 июня 1941 года. Отец по национальности украинец. Он кадровый военный, с первого дня на фронте, погиб под Курском. Мама же по национальности еврейка.

В сентябре 1941 года город Ромны¹ был оккупирован и сразу же все еврейское население, в том числе все родственники мамы, мы с мамой и сестрой были выселены на одну улицу Шучкина, а в начале октября началось массовое уничтожение евреев. Тогда были расстреляны мамины родители – мои дедушка Шевелий и бабушка Фаина.

Маму со мной и маленькой сестрой без вещей, полураздетых ночью вывезли с остальными евреями в лагерь, который сначала называли тюрьмой, а потом – еврейское гетто. Все вокруг было обнесено колючей проволокой, лай собак, как мне казалось, не прекращался, немцы с автоматами.

Помню, что подбирали какую-то еду, брошенную, видимо, людьми через проволоку (типа капуста, свеклы).

Из гетто меня вывел учитель немецкого языка из села Засулье по фамилии Балаклацкий. Его невестка – еврейка с двумя детьми – сыном и дочкой (примерно моего возраста, находились в гетто). Он смог добиться от немецких властей разрешения освобождения своих внуков (как говорили, путем подкупа золотыми вещами). Но, как оказалось, внучки уже не было в живых и его упростили вывести меня. Ему это удалось.

Помню смутно, он сказал, чтобы я называла его дедушкой все время, сильно жал мне руку, было больно, я плакала, пока проходили через посты, а он все время повторял: «Я твой дедушка». (Как он впоследствии говорил, что так было для него безопасней, чтобы я плакала). А когда вышли на улицу, он почти бежал, сильно тянул мою руку, я бежала и плакала, падала, мне было больно. (Как оказалось впоследствии, были обморожены пальцы). Он кричал на меня и почти тянул по земле.

Мама ему сказала адрес бабушки (папиной мамы) Евдокии Подорожко, у которой было трое детей и с которой жили еще две мои тети, папины сестры – Елена и Мария. Когда он привел меня, просил немедленно спрятать, так как очень рисковал сам.

Меня через огороды спрятали в заброшенном доме с забитыми окнами. А вечерами забирали, кормили чем могли, обрабатывали чем могли болячки. Руки и нос были обморожены, живот вздутый, рассказывали, что в гетто ели даже сухой бурьян.

В один из таких вечеров, когда тетя Маруся возилась со мной, ворвались немцы с полицаем. Когда дверь открылась, «коганец» потух, но я успела понять, что это немцы и забилась в угол кухни. Немцы кричали «юда!», «юда!», полицай тоже кричал, светили фонариками. Потом зажгли коганец, бабушка упала на колени с иконой, стала молиться, просить их, дети тети Маруси бросились к ней, прижались. Немец увидел меня, навел на меня автомат и стал толкать меня к двери с криком «юда!». Не знаю, какое подсознание сработало во мне, но я с криком – «мама» бросилась к тете Марусе и бесконечно кричала «мама», «моя мама», вцепилась ей в ноги. А полицай продолжал кричать, что я еврейка, что они прячут еврейскую дьитыну, но тетя Маруся тоже кричала, доказывала, что я ее ребенок.

Они все-таки не забрали меня, очевидно, были не уверены, чей я ребенок, но и меня не могли оторвать от тети Маруси, пальцы по одному разжимала бабушка, и плакали все.

После этого стали меня забирать реже и позднее ночью. А немцы приходили (как бабушка рассказывала) еще не один раз, били ее прикладом, грозились, а она утверждала, что меня забрали и увезли немцы с полицаями.

К концу зимы маму с сестрой, которой было чуть больше полугода, выпустили. Знакомый полицаи за золотые вещи, которые собрали все родственники, выпустил ее ночью. Она шла огородами почти раздетая, во все что было у нее, она завернула сестричку, а зима была лютая. К бабушке мама пришла обмороженная, сестричка была опухшая, глаза не открывались, язвы у обеих по всему телу. Нас всех троих этой же ночью спрятали в подвале дальних родственников бабушки Натальи Гальченко в селе **Процовки**.

Что руководило мамой, может, сильно хотелось есть, но 8-го марта мама с сестрой вышла из подвала на улицу (это было утром). Ее сразу же схватили и увезли опять в гетто.

Расстреляли маму 1 июня 1942 года, в 5 часов утра, за селом **Герасимовка**, где всех евреев расстреливали. Бабушка и тети мои стояли за забором (иначе не разрешалось), а мама, когда поравнялась с бабушкиным домом, кричала все время: «Елена, на тебя оставляю детей».

Сестру потом принесли люди, завернутую в мамино кроличье пальто. Мама ее выбросила при выходе из гетто. А на подкладке пальто химическим карандашом была надпись: «Галя Подорожко (Цейтлин) умерла в 23 года за то, что родилась на свет еврейкой». Это пальто я долго хранила...

Нас с сестричкой продолжали прятать в том же заброшенном доме за огородами. Немцы с полицаями приходили к бабушке, требовали сказать, где еврейские дети. Забирали даже тетю Елену в тюрьму и держали целую неделю, но потом выпустили.

А когда нас уже можно было забрать домой, мы были очень больны, особенно сестра. От постоянной темноты и золотухи глаза у нее не открывались. Она все время плакала, просила еды, рвала на себе волосы. Всю жизнь сестра болела, всем, чем только

можно, потом – туберкулез, переведена на инвалидность, впоследствии – рак легких, отчего она и умерла в 47 лет. Я была крепче, родилась до этих страшных дней, поправилась от болячек и дистрофии и выжила.

Воспитала нас тетя Елена – папина сестра. Она исполнила волю мамы, помнила прощальные ее слова и не могла не исполнить ее последнее желание.

В 1945 году тетя Елена уехала в **Киев** к мужу (подполковник Сергей Павлович Павлов), а бабушка нас сдала в так называемый сиротский приют. Там нас кормили за счет того, что приносили люди, солдаты, а дома было пусто и сестра, помню, просила – «хоть крехитку хлеба».

В начале 1946 года тетя Елена вместе с мужем забрали нас в **Киев**, стали нас кормить, и мы обе после этого попали в больницу. Врачи даже не надеялись на выздоровление, так как после такого голода нельзя было давать хлеб, сухари в таком количестве.

Тетя Елена с мужем смогли дать нам приют и образование, но всю жизнь я чувствовала свое сиротство и постоянную боль души. Никогда не забывала перенесенное чувство голода.

«ОТЦА УБИЛИ...»

САРКИС Маргарита (1931 г.)

Я, Саркис Маргарита Инвиевна, родилась 10 июля 1931 года в Турции.

Отец, Саркис Инвия, 1879 года рождения, национальность – еврей. Мать, Саркис Сара, 1879 года рождения, национальность – еврейка.

В 1932 г. наша семья переехала из [Турции](#) в [Советский Союз](#), в город [Полтаву](#).

В 1937 году мать, отца и моего старшего брата, Саркиса Авдыша Инвиевича, 1906 года рождения, осудили по политическим мотивам. Моя мать была осуждена по части 10 статьи 54-1 на десять лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере без права переписки. Отца и брата арестовали как членов семьи «врага народа». Они отбывали наказание в Полтавской тюрьме.

В 1937 году нас, четверых детей – Эстер, Асмар, Патабер и меня – НКВД отдал в еврейский детский дом.

В 1938 году Полтавский еврейский детдом расформировали и нас отправили в город [Саратов](#), а потом меня одну – в [Воронеж](#).

В ноябре 1939 года мои отец и брат были освобождены из тюрьмы. Брат меня нашел в детдоме города [Воронежа](#) и привез в [Полтаву](#) в декабре 1939 года.

В начале войны два брата ушли в партизаны, и мы потеряли с ними связь, а я и две мои сестры остались проживать с отцом.

17 сентября 1941 года немецкие фашисты оккупировали [Полтаву](#)¹, а 19 сентября, когда отец выходил из дома, его убили как еврея. Я с сестрами и соседями по двору в этот момент находились в бомбоубежище.

23 сентября сосед дядя Гриша (фамилию не помню) взял телегу, на которой возил уголь, и отвез тело отца. Соседи похоронили его на кладбище под монастырем. Документов о захоронении нет.

В октябре 1941 года, когда немецкие оккупанты объявили о том, что все евреи должны надеть на левые руки повязки с желтой шестиконечной звездой, мои сестры уехали в [Киев](#).

Меня взяла к себе соседка Ульяна Ивановна Федосеева с мужем, своих детей у них не было. Днем меня прятали в подвале в семечковой лузге для топки, а на ночь – заводили в дом. В этом дворе жил и дворник Константинов (имя я не помню). Он пособничал немцам, и Ульяне Ивановне пришлось меня увести к своей подруге в село [Гожулы Полтавской области](#). Меня очень любили и называли «армянским подкидышем».

Там мы прожили до сентября 1943 года, когда была освобождена [Полтава](#).

23 сентября Ульяна Ивановна (моя праведница) привезла меня в [Полтаву](#), где проживал ее муж.

В январе 1944 года меня взяла на работу Лидия Константиновна Черица-Лученко к себе в 387 госпиталь. Я с ней трудилась в подвале на переработке овощей до апреля 1945 года. А потом закончилась война, и наступил мир.

«ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ»

СИМОНОВА Лилия (1933 г.)

Я, Симонova Лилия Леонидовна, родилась 23 мая 1933 г. в городе Донецк (Сталино)¹.

Когда началась война, мне было семь лет, но я помню все с первого дня до последнего. Такое не забывается.

Нас в семье было четверо детей – я самая старшая. Папа и его младший брат ушли на фронт. Помню, когда поезд увозил отца, он стоял на ступеньках уходящего вагона и кричал: «Катя, береги детей!».

Мы чудом уцелели, а папа и его брат не вернулись...

Наша семья пережила еще одну самую страшную трагедию, когда узнали, что ночью всех евреев, проживавших в нашем городе, бросили в шахту «4 Бис». Трое суток в районе шахты был слышен стон умирающих людей...

Бросили в шахту и нашу бабушку (папину маму), двух ее старших сестер и четырех несовершеннолетних детей. Погибла вся семья.

Мы, дети, днем гуляли в соседских дворах, а на ночь уходили спать по одному в сырые, холодные подвалы соседей.

В центре города на видном месте я видела трех повешенных молодых ребят.

Помню, как под открытым небом, поздней осенью, несколько дней и ночей сидели наши военнопленные солдаты – полураздетые, голодные, беспомощные. Мы, дети, носили им картошку, сухари. Охрана нас отгоняла. Потом их куда-то угнали. Кто не мог уже идти, тех бросали на подводы, как дрова, друг на друга. Такое не забывается. Ужас!

Перед войной папа построил большой дом, но жить в нем нам не пришлось. В доме останавливались проходящие, отходящие солдаты. Помню, бурно там праздновали день рождения Гитлера. А на Новый год солдаты получили от родных новогодние поздравления, подарки, сладости и даже елочные игрушки. Иногда они угощали нас, детей.

Однажды завели в дом лошадей, а когда увели их, были изуродованы стены, провален пол. Одну лошадь застрелили. Люди набросились на нее и разделили на куски. Бабушка нажарила нам пирожков. Наелись за все военные годы.

На следующий день после освобождения Донецка на территории медицинского института я увидела бездыханное тело немецкого офицера. Он был высокий, стройный, со светлыми слегка волнистыми волосами, голубыми глазами. Я, десятилетняя девочка, стояла и думала, что у него, наверное, есть семья, родители, дети, и он уже никогда не вернется домой, как и мой папа и миллионы других солдат – русских, немецких...

О чем думал Гитлер и его окружение, посылая людей на бойню?

«ЭТО У МЕНЯ ЗАПЕЧАТЛЕЛОСЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

СИРОТА Илья (1891 г.)

Родился я в 1891 г. в селе Николаевка Новотроицкого района Запорожской области. В Крыму живу с 1926 г. По социальному положению – служащий.

Война застала меня в Симферополе. Я работал в Аптекоуправлении. До последнего момента не мог эвакуироваться ввиду того, что меня назначили заместителем заведующего базой. База снабжала воинские части и до последнего момента я не получил разрешение на выезд. Семья не уехала: жена работала на том же складе, правда, она могла без меня уехать с детьми, но не хотела.

Мы переживали большие налеты немецкой авиации. Бомбежка началась с 25 сентября, то есть, дней за пять до прихода немцев, налетало самолетов по 30–40 штук.

Я проживал в Советском переулке, там, где проходит Нижне-Госпитальная улица. Поблизости падали бомбы: все дома вокруг были разрушены, а наш маленький дом уцелел.

После бомбежки 2 ноября 1941 г. я вышел из убежища в 10 часов утра, в это время я находился в Доме специалистов по Жуковской, семья моя была в каменоломнях за Сергеевкой... Тут я увидел немцев, вид у них был зверский. Я отлично знал, что нас ждет, ничего хорошего не ожидал. Мы все понимали, что обречены. Несколько наших сотрудников были евреями. Один командир нашей армии, отступавшей из Перекопа, рассказывал, что когда немцы высаживались в разведку в Геническе на Арабатской стрелке, то там сразу, на второй или третий день, все еврейское население было расстреляно (несколько тысяч че-

ловек). Так что я хорошо знал, что нас ожидает. Плохо то, что я упустил случай уйти в лес к партизанам. Многие из моих знакомых ушли из армии в лес.

2 ноября, когда я увидел немцев, я пришел в квартиру на Жуковскую к сестре... Мы с зятем не пошли в город, а женщин послали на разведку. Они еще не вернулись, а во дворе Дома учителя стал собираться кучкой народ. Я спустился вниз, пришла одна учительница и говорит: «Я могу сообщить вам приятную новость. Есть приказ Гитлера, в котором говорится, что он воюет не с нами, а воюет с жидами и коммунистами». Большинство присутствовавших реагировало на это заявление плохо. Но были и такие люди, которые радовались, целовались и обнимались.

Вернулась сестра, я поднялся наверх. Младшая сестра ударилась в панику и стала кричать на меня, что я столько лет работаю, и не достал яду, чтобы отравиться. Она сама видела этот приказ, читала его. Это, вернее, был не приказ, а воззвание, пунктов сорок. Каждый пункт оканчивался и начинался словами «жид» и «коммунист». Говорилось, что Германия воюет исключительно с жидами и коммунистами, что русский народ может быть спокоен, его не тронут.

С этого началось. До 10 ноября 1941 г. были созданы общины, которые должны были зарегистрировать всех евреев. Председателями комитета общин стали Бейлинсон, скрипач из кинотеатра «Большевик», и еще кто-то из Жилсоюза. Я вместе с ним работал, а он не знал, что я еврей. Ведь он удивился, почему я пришел на регистрацию.

После регистрации все евреи должны были носить знак Соломона (Давида – Б. З.) на левой стороне груди, величиной 10 см. Я не носил знак Соломона (Давида – Б. З.), а также и моя семья. Зять носил и был избит немцами. Приказа такого не было, что евреям нельзя ходить по тротуарам, но когда навстречу немцам попадался еврей, то они всегда его избивали. Зятя избивали около того места, где была на базаре милицейская столовая. Там была и регистрация евреев со двора. Народу на регистрацию приходило много. Проверяли паспорт, записывали фамилию, имя, место проживания и год рождения. Случаев избиения евреев было много.

В здании автостанции был большой склад. В воззвании было сказано, что на самые тяжелые и грязные работы мобилизуется еврейское население. Поэтому работа на складе была мучительной, евреев заставляли нагружать и разгружать мешки по 6–8 пудов. Поднимет кто-то мешок и упадет – его тут же избивают.

На второй же день после вступления в город немцы повесили несколько человек на Малобазарной улице, около здания автостанции. Пять человек висели на столбах около городского сада. На большинстве трупов была табличка с надписью: «За грабеж»...

После регистрации евреи надели знак Соломона (Давида – Б.З.). В общину все обязаны были являться ежедневно, отсюда немцы забирали их на работу. Я сам на работу не ходил, знак не носил, и до самого приказа не ходил на регистрацию. Но в паспорте у меня указано – «еврей».

Евреи выполняли самую непосильную работу. Сестра моя, учительница, почти все время была использована на работе по очистке уборных на базаре. Женщин возили в госпиталь, где была раньше Первая советская больница, там они чистили уборные, на консервном заводе работали по очистке картофеля из уборных.

Немцы дали общине приказ собирать вещи. Кроме того, они сами ездили на машине по еврейским квартирам и забирали вещи. Был дан приказ собрать десять коверкотовых костюмов. За невыполнение этого приказа Бейлинсона избили. Дальше последовали приказы о сборе посуды, подушек.

10 декабря появился приказ. Наша соседка (русская женщина, она сейчас жива, ей, наверное, лет 90) видела на столбе в Советском переулке небольшую бумажку, в которой было написано, что все еврейское население, невзирая на возраст, должно явиться в обозначенные пункты – в мединститут и в здание бывшего обкома партии, имея с собой носильные вещи и на пять дней запас продуктов.

Это я запомнил на всю жизнь. У меня собрались все мои знакомые, в большинстве русские, они мне советовали не идти, во всяком случае, не идти моей семье. Я все-таки побоялся. Ко мне пришел брат, он совсем создал панику, и мы 11 числа пошли. Я явился в бывший обком партии. В вестибюле сидели переводчик-немец и двое русских полицейских. Они забирали паспорт и документы, а выход был один – во двор. Мы с братом

имели продукты только на пять дней. Вещи при входе в здание тотчас же отобрали. Один из моих знакомых привез вещи на двух линейках. Он верил до последнего момента, что поедет в эвакуацию. Были такие, которые требовали расписку о приеме вещей, многие не хотели их отдавать. Но им говорили, что вещи будут отправлены отдельно.

Когда мы вышли во двор здания, народу было очень много. Уже были крики и слезы, потому что вещи были отобраны, а по обращению немцев с евреями было видно, что это конец. Разговор был такой, что евреев увозят, потому что уже увозили народ с этого двора, отсчитывали по 40 человек на машину и вывозили. Детей отобрали там же, сказав, что есть специальные детские дома, туда их направят. Матери детей не отдавали, их вырывали у матерей насильно. Особенно грудных младенцев матери не отдавали. Это была ужасная картина.

Днем было еще кое-как терпимо, а ночью просто ужас, женщины рыдали.

Вечером, часов в девять, пришли офицер и солдаты с фонарями, отобрали молодых девушек. Мы сидели в темноте, а кое-кто жег площадки. Офицер отбирал девушек, а солдаты вводили их. Куда они потом направлялись и где они – неизвестно. В тех семьях, где были матери с дочерьми, при отборе девушек офицером, стояли ужасные сцены прощания. Помню двух стариков и их дочь-красавицу. Мать ее не хотела отпускать, офицер схватил мать, а двое солдат девушку, и таким образом оторвали ее от матери.

С нашего двора была одна еврейка, звали ее Эсфирь, у нее было четверо детей, муж ее работал в клубе НКВД киномехаником. Забрали всех ее детей, это было ужасно – она маленькая, тщедушная, обхватила всех четверых, ее немец чуть не задавил, когда отрывал от детей.

Я всю ночь ходил по двору. Там же была моя сестра, детей у нее не было. Мой дядя имел большую семью, но она была в другом пункте сбора – в мединституте.

Особенно ужасна была ночь: дети просили воды, воды не давали. Нас немецкий патруль не пропускал по воду, били прикладами.

Все ожидали конца. Утром, часов в десять, я попал в число 40 человек. Эта обстановка, женские крики и слезы, эта ночь

убила в нас все. Я ни о чем не думал, знал, что сопротивляться бесполезно, только думал – скорей бы конец. Хорошо знал, что расстреляют. С этим я смирился с момента выхода из дома.

Когда нас отсчитали 40 человек, вывели через садик на Пушкинскую улицу – стоял автобус. День был пасмурный, падал снег, но на земле он таял. Нас посадили в автобус, два немца сопровождали нас. При входе стояли два солдата, около ограды также находились солдаты.

Ночью, в здании, среди некоторых евреев был спор и упреки друг другу, почему не уехали? Некий Фукс мне говорил, что он виноват в том, что я погибаю. Он человек с высшим образованием, очень умный. Я его как-то спрашивал: «Вы старше меня и изучали книги, скажите, как быть?» Он мне ответил, что согласен, что будут гонения, но он никак не согласен с тем, что будут расстреливать. И теперь, находясь в здании обкома, он мне сказал, что я погибаю из-за него. Я ему сказал, что вполне сознательно шел на смерть. Своего личного «Я» у меня уже не существовало.

Страшно больно было прощаться с домашними, это был тяжелый момент, но как только мы вышли на Малобазарную улицу, я сказал брату: «Витя, все кончено, чем скорее – тем лучше. Дай Бог только, чтобы нас не мучили». Я был подготовлен. Мы с братом ходили всю ночь, думали достать воды.

Выводили партиями то женщин, то мужчин, немцы садились в автобус – один впереди, другой сзади. Задушить их никто не догадался, как-то не пришла такая мысль в голову, но если бы решились, то могли бы это сделать.

Ехали мы по Феодосийскому шоссе в направлении через Сергеевку. На шоссе стояли женщины и махали нам руками, прощаясь с нами. Они кричали: «Прощайте!». Это было на повороте трамвая на Красную Горку.

Нас привезли к противотанковому рву напротив совхозного птицетреста, примерно на 13 километре, с левой стороны рва стояли женщины, там я увидел сестру. Нас сбросили с кузова и велели раздеваться, снимать верхнюю одежду. Я снял галоши, пальто, но сапоги не снял. Напротив нас, может быть, в метрах десяти, стояли военнопленные, человек сорок, их привезли, как я думаю, чтобы зарывать трупы.

...Надо рвом стояли женщины без головных уборов, но одетые, только без пальто. Напротив женщин стояли станковые пулеметы и ходили немцы с бляхами, страшно пьяные, разговаривали между собой. Моя старшая сестра и все остальные стояли и смотрели в ров, изо рва были слышны крики и стоны.

Когда я снял галоши, ко мне подошел немец и сказал: «рус, ком». Я пошел за ним. Раздался пулеметный залп, все повалились. Он повел меня сзади пулеметов, там лежала груда одежды, хорошие пиджаки, женские платки, теплые кофточки. Он заставил меня бросать вещи на пятитонную машину. Когда я стал это делать, у меня появилась мысль: если я буду в машине, и меня увидят, то снимут и расстреляют. Я решил так: если кто сядет на машину, он меня убьет, а если никого не будет, то, может быть, я спасусь. Я набросал полную машину вещей и сам зарылся в них, минут через пять машина тронулась. Я подождал несколько минут и стал вылезать, посмотрел – никого сверху не было. Заглянул в окно – проводник сидел рядом с шофером. Я захватил чье-то пальто и соскочил с машины под Сергеевкой. Разбил колено, но сгоряча не почувствовал боли.

Пошел я в город на улицу Гоголевскую, 60, там жил татарин, артист, он работал в татарской труппе. Пришел я к нему и спрашиваю: «Примешь меня?» Тот меня с радостью принял. Он жил не в своей квартире, а в квартире ответственного работника, коммуниста. Квартира хорошая, татарин ее занял при немцах. У него я жил два дня, квартира имела два выхода. Когда он уходил, то меня запирали, вешал замок. Рядом была еврейская квартира, туда приходили немцы, искали евреев. Как только я слышал шорох, я выскакивал в другой коридорчик.

Этот татарин пошел и сказал моей семье, что я жив, отнес им мою записку. Я написал, что остался жив. В тот же вечер он возвратился и сказал мне:

– Дядя Илюша, немцы вешают за сокрытие евреев.

Это сообщение на меня сильно подействовало. Вечерело. Было уже четыре часа, и уходить было нельзя, немцы разрешили хождение только до четырех часов. Я решил остаться до утра. Он меня запер и ушел. В эту ночь приходили опять в соседнюю квартиру, искали еврейку, которая жила рядом. Я слышал все разговоры и думал, что, если вздумают открывать дверь, то я вы-

скочу через другую дверь. Ночь прошла благополучно, утром татарин пришел. Я увидел по его лицу, что мне нельзя здесь оставаться. Он мне сказал, что видел уже повешенных за сокрытие евреев. Тогда я сказал ему:

– Знаешь, Рефат, я пойду домой, потому что ты из-за меня можешь пострадать. Он меня не отпускал, но я сказал, что все-таки я пойду домой. Я только попросил его, чтобы он шел позади, в случае, если меня схватят, чтобы он мог сообщить моей семье о моей судьбе.

Так мы пошли с ним по внешней улице: я впереди, он сзади шагов на двадцать. Дорогой нас никто не задержал, и мы дошли благополучно до «толкучки», свернули на улицу Севастопольскую. Там, на углу улицы Фонтанной, я увидел – висел один повешенный с надписью «За скрывание жида». Я удачно дошел домой (Советский переулок, 10). Рефат хотел зайти. Но я ему сказал, чтобы он не заходил, может быть, кто-то из соседей увидит. Он вернулся. Я пришел в дом и стал с женой советоваться, что делать дальше.

Я шел спокойно, но каждый переулок мне казался засадой. Я не боялся, что меня убьют, но впечатление от висельников осталось тяжелое. По улицам народ бежал, не смотрели друг на друга. Чувствовалась растерянность, это было тяжело видеть.

Жена мне сказала, что в течение этих двух дней, что я не был дома, она сделала разведку через одну русскую женщину, которая жила у нас до немцев. Она была нам очень предана и ходила к нам и теперь. После разведки мы убедились, что вокруг города стоят заставы, выйти из города нельзя.

Разговаривая с женой, я вспомнил, что хозяин дома, когда уезжал, то сказал мне, что в доме есть двойная стена, выходящая к соседям рядом, потолок общий, примыкает непосредственно к соседской стене. Если будет нужно что-либо спрятать, вещи или продукты, то можно туда – там сухо и все сохранится. Это две фундаментальные стены и между ними сухое место, где можно сохранить и никто не догадается, но для этого нужно прорубить фундаментальную стену в конце дома и можно пролезть в пустое место между соседями и нами.

Когда эта мысль пришла мне в голову, я сказал жене, и мы решили посмотреть, что это за место. Дождались вечера, то есть

четырёх часов, когда по разговору на улице мы догадались, что уже пошли патрули, значит, четыре часа и всякое хождение по улицам прекращается. Мы прорубили стенку, там оказался узкий проход, лежать было нельзя, только сидеть и стоять. Я туда залез. Жена втолкнула мне туда небольшую перинку, в бутылку налила воды. Меня замуровали. Жена замазала стенку, побелила на чердаке (мы пробрались туда через чердачный ход). Потом жена слезла вниз, и мы с ней договорились, что я буду стучать в стену, чтобы указать ей там место. Так, она пробилла небольшую дырку, чтобы нам можно было переговариваться. Вырубила кусочек дерева, обмазала его глиной и затыкала эту дырку после разговора. Я взял с собой лом, топорик и, когда не видела жена, взял бритву. Я решил, что живым оттуда не выйду, чем сдаваться – лучше умереть.

Начался день. Там было темно, я постучал, она открыла отверстие, я говорю:

– Утро, а у меня темно.

Я пробуровил отверстие шириной в большой палец, и луч света ударил прямо в стенку. Жена спросила: «Ну, как тебе?». Я сказал, что мне хорошо, отоспался.

Часов в десять утра залаяла собака во дворе, я услышал глухой топот ног. Оказалось, что пришли из полиции русские. Сделали повальный обыск, искали, где муж. Жена сказала, что я ушел давно. Полицай ушел, но спустя два часа пришли полицаи и забрали жену и дочь.

Через стенку была темная комната, в которую ход был из сарая, в комнате висел рукомойник. Мы договорились, что если ее, жену, будут забирать, то она придет туда, будет стучать рукомойником и закричит: «Верочка, собирайся, пойдем». Но этого она не успела сделать, когда пришли первый раз, спрашивая меня. Когда же пришли через два часа за ними, она пошла в темную комнату и стала стучать рукомойником и кричать: «Верочка, собирайся, пойдем!». Я все понял, их забрали.

Я решил, что раз их забрали, значит – все. Жена моя русская. Можно себе представить мое состояние. Но выбраться оттуда я не решился. По узкой полоске света я наблюдал, что наступает конец дня, и часа в четыре свет совершенно пропал, значит, наступает ночь.

Патрули вокруг громко разговаривают, собака принялась жутко выть, а ведь во дворе никого не осталось. Я в эту ночь чуть было не рехнулся, но все-таки решил еще подождать. Думаю, если утром не вернутся, то надо кончать. День этот переждал, смотрю – луч света уходит, а никого нет. Не знаю, чем объяснить, но я все-таки переждал еще ночь. Это уже была вторая ночь без семьи. Собака эту ночь так выла, что нельзя было места найти. Тут самому не знаешь куда деваться, а еще собака воеет. Свет у меня появился не раньше девяти часов утра.

В бутылки осталось литров шесть воды. Во рту все высохало, воду пил, а есть не хотелось, даже о еде и не думал. Первый день ел, когда семья была тут, а когда уже их забрали, то только пил.

Стал ждать, думаю: ну, если сегодня не придут, значит, все. Решил твердо кончать это дело, что же жить без семьи?

Часа в два дня слышу: собака залаяла, хлопнула калитка быстро. Я решил, что наша знакомая русская женщина пришла проведать меня, она имела ключ и знала, что я там нахожусь. Рядом со мной был большой сарай, слышу, дверь туда отворяется – а в сарай ход знала только одна жена. Она через сарай пробежала и вскочила в темную комнату. И стала кричать: «Илюша!»

У меня дыхание остановилось, слезы душат меня, и ответить я не могу, а она меня зовет: «Илюша!».

В это время опять хлопнула калитка, опять кто-то прибежал, слышу шаги, но не знаю, кто это. Слышу, жена крикнула: «Верочка, папы нашего нет». А я ответить не могу, только за стенку хватаюсь. Прошло некоторое время, волнение улеглось, и я ответил:

– Ой, родненькие, вы живы!

Я спрашиваю их, что с ними было? Жена говорит: «Все расскажу, только не волнуйся». Я немного успокоился и пришел в себя. Жена говорит: «Прежде всего, мы не ели и ты тоже, я приготавливаю покушать, а потом все расскажу».

Я кое-как дождался, пока наступил вечер, жена постучала и втокнула в отверстие в пробирке грамм тридцать бульона с рисом. Я из пробирки вылил в чашку, так она дала мне пробирок двадцать, и пока теплое, я поел.

Жена рассказала, что их забрали в полицию пятого участка. Там было несколько евреев. Ночью их вызвали на допрос,

спрашивали, где мы жили раньше. Откуда приехали, кто такие? Жена сказала, что я у нее второй муж, и дочь от первого брака. Все-таки ей не поверили и отправили обратно в камеру. Вызвали людей с того двора, где мы жили раньше, по улице Розы Люксембург. Они сказали, что дочь эта от еврея.

Больше всего жена мучилась из-за дочери. У дочери брали на исследование волосы, измеряли голову. Дочь держалась смело. Она очень смелая у нас, я даже этого не ожидал. Она сказала, что я не ее отец, что ее отец русский, можете узнать по метрике. Она родилась при советской власти на Украине, и в метрике записали – «украинка». Метрическое свидетельство сохранилось. Немцы ничего не могли сделать и выпустили их обеих.

Мы немного успокоились. Так прошло несколько дней. Не могу сказать точно, но наверно, дней через четыре-пять опять залаяла собака, а до этого целые дни никто не приходил. Зашло порядочно людей, было ясно по шагам. Условились, что жена даст мне знать в случае чего. Опять начался обыск.

Как я узнал позже – оказалось, что в полицию пришла русская женщина, которая работала в Аптекоуправлении бухгалтером. Она жила у нас, поскольку была неимущая, мы ее пожалели. Женщина знала, какие вещи и сколько чего у нас есть, так что все это она сделала с корыстной целью. В полиции она заявила, что моя жена и дочь еврейки. И опять забрали обеих. Жена прибежала в темную комнату и снова начала стучать ручкомойником и кричать: «Верочка, идем!».

Опять я две ночи просидел один. На этот раз было хуже, потому что их повели не в полицию, а в гестапо по улице Подгорной. Там, в основном, стали проверять дочь, т. к. признали, что жена моя русская. Дочь исследовали, измеряли во всех направлениях голову, отрезали волосы, но не издевались, не били. Сказали, что жена свободна, а дочь оставляют. Жена набросилась на немца. В это время в комнату вскочил русский немец. Спросил: «В чем дело?». Жена рассказала, в чем дело, что она хочет идти вместе с дочерью. Оказалось, что этот русский немец из-под Каховки, из немецкой колонии, что он знает жену, ее отца. Он пошел к какому-то высокому чину и долго разговаривал с ним. Немец все приговаривал: «Гут, гут». Потом немец пошел к дочери, пощупал голову и сказал: «Ничего», и вышел.

А русский немец сказал им: «Идите за мной». Жена думала, что он их поведет в камеру. Он вывел их в коридор и сказал: «Идите домой, счастье ваше, что я случайно наскочил на это дело, а то был бы вам капут». Дочь сначала думала, что он шутит. А он подтвердил, чтобы мы шли домой и не беспокоились. Дочь сказала: «Я не пойду домой. Если вы меня признали русской, дайте мне документ, что я русская, потому что я приду домой, а через час вновь явится полиция, и опять надо мной начнут издеваться».

Русский немец сказал им, чтобы они подождали его в коридоре. В комнате, куда он зашел, сидел офицер. Вскоре оттуда русский немец принес дочери метрическую справку, а жене – паспорт и написал там, чтобы их не трогали, что они проверены. Вот таким образом они вернулись домой.

Мне было очень тяжело без них, но я почему-то жил надеждой, знал, что они вернуться, потому что дочь несколько не похожа на еврейку.

Положение мое было жуткое: страшный холод, одеяло, правда, у меня было, но двигаться и прилечь было нельзя, эта неподвижность меня ужасала и утомляла. Приподнимешься немного, переступишь с ноги на ногу и все. Я чувствовал, что сидеть там долго будет невозможно, просидел я одиннадцать дней.

23-го декабря опять залаяла собака, я решил: опять начинается. Кто-то зашел, по разговору не слышно, только слышен гул. Слышу, стали опять рыться везде, даже в сарае все перевернули, рылись долго. Потом все стихло, мне не подают никаких знаков, собака тоже не лает. Вдруг опять залаяла, я стал слушать – или ушли, или вновь пришли. После этого жена открыла дырку и сказала, что приходили из полиции два человека, сделали тщательный обыск, обстукивали стены, в яме была картошка, и туда лазили, словом, везде. Сказали, уходя, чтобы ничего не трогали, оставили, так как есть – разрытым, пока они опять не придут. Залазили на чердак, там смотрели, но стенка забелена и ничего не было заметно. Слезли с чердака и перед уходом сказали, что у нас с домом что-то ненормальное: снаружи дом большой, а внутри меньше. Велели не трогать их следы, после праздников они придут с инженером и сделают замер дома. Жена говорит – что же делать будем? Я решил вылезать. Сказал жене: «Знаешь, поиди

сегодня к Паше на Красную Горку, и пусть она разведает, что делается за городом. Прошло уже одиннадцать дней и, может быть, заставы сняты, я выберусь и раненко уйду». Так и решили.

23-го я не выбрался оттуда, еще ночь просидел. Паша сообщила, что кругом заставы. Я решил: так или иначе надо вылезать, все равно сцапают. В час ночи, на 25-е, я вылез. Жена помогала долбить стенку со с воей стороны, а я – со своей, стучать громко было нельзя. Когда я очутился в комнате, глянул в зеркало – не узнал себя: голова за эти дни совершенно облысела, хотя и зарос весь, борода вся белая, прямо старик. Жена виду не подавала, что я страшный. Она дала мне воды. Но идти я не мог, сделаю шаг и падаю. Жена вместе с дочерью вывела меня под руки во двор подышать воздухом, голова у меня кружилась. Я просидел на камне, хочу встать – и падаю. Я потом вымылся, переоделся, жена дала мне кусок хлеба, сала и я пошел.

План был – выбраться за город, а куда идти, сам не знал. Пошел я по Малобазарной улице, меня никто не остановил. Шел по улице Пушкинской через Кирова и по Карла Маркса до Ленинского садика к вокзалу. Через Перекопскую улицу шли несколько женщин. Здесь же проходит железная дорога и будка переезда. Я решил, что буду идти в отдалении от женщин, которые шли с котомками, возможно, менять продукты. Я их пропустил, остановился посмотреть, что будет. Они прошли через переезд. Я видел, что впереди переезда стоят два гестаповца. Будочник обратился ко мне: «Куда идешь?» Я ответил, что иду на [Украину](#), на работу. В это время женщины поравнялись с гестаповцами, те их остановили, задержали и отвели.

Я решил, что этой дорогой не пойду. Направился от будочника к сгоревшему заводу КИМ, везде лежали обгорелые столбы. По разбитым переплетам моста переправился на другую сторону речки. Я ползком передвигался между обгоревшими стенами завода. Потом пошел к селу [Жигулина Рошча](#).

Вошел в село, там было полно немцев. Многие умывались, натирались снегом, раздетые молодые парни, меня никто не остановил. Я пересек [Жигулину Рошчу](#) и пошел по шоссе на [Сарабуз](#), и здесь меня никто не задержал. Вид у меня был старика, жена дала мне русский паспорт. Один русский отдал ей свой паспорт, жена ему заплатила за это. Теперь я был Фома Гаври-

лович Нагленко, с этим паспортом я и прожил два с половиной года.

Я вошел в [Сарабуз](#), шел долго и устал. Там было полно немцев, в какой двор не зайдешь, везде немцы, везде написано «штаб». Ближайший поселок был [Китай](#). Я, насколько возможно, ускорил свой шаг, а грязь была невылазная. Дошел до поселка, стало темнеть.

В самом [Китае](#) стояла рота немцев, там немцы не разрешили оставаться. Тут мне встретились еще два военнопленных из [Украины](#). Целый день шел дождь и все, что на мне было, промокло до нитки, а ночью стал я замерзать. Нам не разрешили остаться здесь, сказали: «Идите в село, через три километра есть русское село, там будете ночевать». Я чувствовал, что сил у меня совсем не было. Эти военнопленные оказались хорошими парнями. Я им сказал, что у меня есть что покушать, поделюсь, только вы меня не бросайте. Ребята были голодные, взяли меня под руки и почти все эти три километра тянули меня.

Пришли мы в село, обратились к старосте, он сказал, что у него полно румын. Правда, в каждой хате по 10–15 человек, места не было. Просили его хоть как-нибудь, чтобы нас впустили.

В это время пришел один румын и спрашивает: в чем дело? Ребята рассказали, что они военнопленные, а я сказал, что с подвод возвращаюсь, что я – подводчик. Этот румын оказался хорошим. Он завел нас в одну хатку, там была печка, показал, где есть солома. Ребята набрали соломы, затопили печь, стало тепло. Мы обогрелись, сбросили с себя всю мокрую одежду. Я расспросил ребят, как пройти на [Украину](#). Они сказали, что по дороге задерживают, но не особо: как пройдешь Чонгарский мост, там не спрашивают, кто ты, и там жить можно. Я им отдал все продукты, какие у меня были.

Так наутро мы распрощались, они пошли на [Симферополь](#). Один из них был из Евпатории, другой из [Алушты](#). А я пошел на [Украину](#). По дороге в [Джанкой](#) нас уже было пять человек. Под [Джанкоем](#) нас остановила румынская застава, спросили, кто мы такие. Забрали нас всех в [Джанкой](#), это было в два часа дня. Нас повели в здание кино, что возле станции, и туда бросили, там находились военнопленные. Оттуда нас вызывали по пять человек. Когда подошла моя очередь, я в числе четырех военнопленных

пошел. Нас допрашивали комендант и жандарм, был русский переводчик и два конвоира, которые нас привели. У военнопленных спрашивали кто они такие, как попали в плен, бежали или с фронта? Они все говорили, что их отпустили с фронта. Подошла моя очередь. Спрашивают, кто такой? Отвечаю – из [Украины](#).

– Из какого места?

Предъявляю паспорт. Переводчик показал немцу, немец ничего не понял. Я сказал, что я из [Киевской губернии](#), из [Васильковского района](#), из такого-то села и сколько мне лет.

– Как же ты попал в [Крым](#)?

– Меня забрали с подводой на [Украину](#), и я своими лошадьми добрался до самого [Симферополя](#). Меня два месяца держали, вши заели. Я стал проситься, но меня не отпускали.

– А где пропуск?

– Я убежал. Просился два месяца, командир меня не отпускал. Ну, я и ушел сам, меня никто не останавливал.

Комендант все говорит: «гут, гут...»

– А ты верующий?

– Как же старик может быть неверующим.

– А молитвы знаешь?

– Как же не знать.

– Прочитай молитву.

– Какую молитву: вечернюю, утреннюю?

– Все равно какую.

Я ему прочитал, они посмеялись, а немец говорит: «гут, гут».

А жандарм все сидит и головой качает, не верит. Комендант говорит с жандармом, что этого старика надо отпустить. А жандарм говорит: нет, надо его поставить налево. Военнопленных двоих поставили направо, двоих налево. Может быть, это значило, что меня надо проверить, я не знаю.

Переводчик говорит: «Ты не беспокойся отец, завтра пойдешь домой». Я решил, что в левую сторону попали проверенные. Когда нас вывели, то тех двоих повели обратно в кино, а нас в здание комендатуры. В здании комендатуры было человек 50, все мужчины, стали друг друга расспрашивать, но никто ничего не знал, что будут делать с нами. У меня было какое-то плохое

предчувствие. Эту ночь, несмотря на усталость, я совершенно не спал.

Часов в десять утра зашел к нам офицер, и двое солдат сопровождали его. Сказали, чтобы мы раздевались и вставали к стенке редко друг от друга. Мы все стали раздеваться, я остался в кальсонах. Мне сказали, что надо раздеваться совсем. Нам сделали осмотр, и офицер как закричит: «юде». Велели одеваться. Этот офицер меня одного забрал опять в комендатуру, и опять там сидит жандарм с бляхой, который все головой качал. Он стал смеяться, мол, говорит, что знал (я по разговору понял). Комендант схватился: «Не может быть!» Стали меня спрашивать:

– Старик, в чем дело?

Я не растерялся и сказал, что был на войне, ранен осколком, лежал в госпитале, и врач сказал, что надо сделать операцию.

Комендант схватился за это, и стали они с жандармом спорить. Комендант кричит: «Никс юде. Ни один еврей не знает русские молитвы, по разговору видно, что он русский». Меня оттуда забрали, дали конвоира-солдата, он повел. Привел меня в бойню с огороженным двором. Вошли в здание, солдат сдал меня коменданту. Во дворе бойни были евреи, женщины и дети и очень мало мужчин. Они сказали, что расстрелы здесь были раньше, а это были уже такие евреи, которых собирали после – они прятались по погребам и кладовым. Рассказали, что находятся в этом дворе несколько дней, но их было 800 человек. В этой бойне есть помещение, куда собирали и травили собак, там же забивали животных. Двор окружен высоким деревянным забором полтора человеческого роста. Лежали и сидели евреи на земле: кто на соломе, кто на траве. Кушать не давали, детей было очень много, особенно подростков. Там я пробыл до вечера и всю ночь.

Часов в десять утра, это было или 28, или 29 декабря, мы услышали шум машин, подъехали немцы, и нас погнали пешком ко рву. В балке есть артезианский колодец и около него противотанковый ров. К этому рву нас и повели. Тут разыгрались жуткие сцены, многие не хотели идти, их избивали. Когда подогнали ко рву кучей, тогда стали разбивать на группы по 20–25 человек. Справа от меня стояли двое детей с матерью. Когда меня гнали, я был очень спокоен, думал, чтобы скорее только конец.

Расстреливали из станковых пулеметов. Я оглянулся на пулемет, а мне немцы махнули рукой – не оглядывайся. Раздался залп. Боли я не почувствовал. Пуля рассекала кожу головы, но кость не задела. Я потерял сознание, наверное, от сильного удара в голову, и свалился в яму. Этого момента я не помню, только помню, что очнулся я от удара в спину – на меня упали три человека после очередного залпа. Я вывернулся из-под них, а сверху опять стали падать люди после каждого залпа. Я вывертывался, чтобы не задохнуться. Осмотрелся, направо мне показалось ближе, а налево дальше ползти. Я стал отползать направо, яма была не полная. Я посмотрел, наверху стояли два наших солдата как раз у ямы, и один из них сказал другому:

– Дывься! Лизе живий.

– Нехай лизе, вин жить хоче.

Я вижу, что дальше ползти нельзя, меня могут увидеть, на меня еще упали два человека. Я и з-под них развернулся и лежал до тех пор, пока не прекратились выстрелы. Минут через пять начала сыпаться на меня земля. Я понял, что нас засыпают. Я опять потерял сознание, не помню, что было дальше. Я стал задыхаться и последним сознанием понял, что вот-вот задохнусь, мне не хватает воздуха, земли много. Я копнул, и струя воздуха ударила в нос, мне сразу стало легче, никакой боли не было. Я надышался воздухом. В это время я почувствовал, что подо мной все колышется. Подо мной лежали раненые, но не убитые, а придушенные. Я дал струю воздуха, а когда воздух к ним дошел, они вдохнули и стали ворочаться. Это был такой ужасный момент, когда вся могила стала шататься, трудно было пережить это. Мне в дырочку видно, что еще день и вылезать нельзя, и в то же время лежать тоже невозможно. Подо мной и по бокам все колышется, мне казалось, что вся земля шатается, это был кошмар. Все же я нашел силы, чтобы лежать и смотреть в дырочку. Я почувствовал, что земля больше не сыплется. Могила засыпала чуть-чуть сверху, но достаточно, чтобы задохнуться. Так я лежал, пока дождался зари, потом вылез очень легко, кругом никого не было. Чувствую, что меня кто-то дергает за ногу. Оказалось, что рядом со мной лезла женщина. Я вылез первый, потом она. Смотрим друг на друга, как сумасшедшие. Она мне говорит:

– Там мои дети, я полезу за ними.

– Дети ваши умерли.

Женщина мне сказала, что она стояла около меня перед расстрелом. Тут я вспомнил, что так и было. Мы поднялись и пошли. Она спрашивает:

– Куда идти?

Я сказал, что ей лучше будет уйти в лес. Она мне ничего не ответила, только развернулась и ушла. А я пошел по направлению [Дуб Джанкоя](#), что около [Джанкоя](#).

Было морозно, шел маленький снежок. В Дуб Джанкое я постучался в одну хату, женщина отозвалась. Я попросил открыть. Она открыла дверь. Я вошел в комнату, там был полумрак, около икон горела лампада. Женщина сказала мне: «Проходите, дяденька, и сидайте на лавку». Около лампадки она разглядела меня и говорит: «Дяденька, да вы весь в крови, наверное, вы партизан?».

Я решил, что другого выхода нет и сказал, что я партизан. Что у нас был бой, и меня ранили в голову. Она ответила:

– У меня муж тоже в партизанах. Наверное, сейчас за вами придут.

Я говорю:

– Не беспокойся, дочка, мы их поколошматили хорошо, и до утра никто не придет.

Она была напугана, но все-таки сказала мне:

– Скидайте все, дяденька, да лезьте на печку.

Я все с себя снял, женщина дала мне белье. Я переоделся, а она стала стирать мое белье. Я сказал: «Все равно ты не отстираешь, я тебе оставляю мое хорошее пальто, а ты мне найди ватник и брюки, и я пойду».

Наутро она мне все это дала, и я ушел через Сиваш. Нас шло трое. Мы шли не через посты, а прямо по воде. Промерзли до костей, были без чувств. Сиваш не замерзает, но вода в нем леденящая. Мы особенно мерзли, когда вышли из воды. Я своим попутчикам, приставшим по дороге, сказал:

– Вы как хотите, а я пойду помирать в свое село, где я родился, там подохну.

Дождь ночью и пошел в село [Николаевку Новотроицкого района](#). Пришел ночью к своему приятелю, приняли меня хорошо, но посоветовали не показываться, так как меня односель-

чане могут выдать. Меня накормили, обогрели. Но после перехода через Сиваш я простудился и заболел горячкой, пролежал шесть дней с высокой температурой и в бреду. Я сказал своему приятелю, что как поправлюсь, то пойду в [Новотроицкое](#) в комендатуру, будь что будет. Но они мне посоветовали туда не ходить, а походить по селам, может быть, найду место.

Когда я поправился и пришел в себя, они мне дали на дорогу кое-что, и я пошел в [Мелитополь](#). Так я полтора месяца ходил по [Украине](#), нигде меня не прописывали, ночевал в селах. Решил вернуться в свое село, надоело мытарствоваться и скитаться. Не доходя до своего села километров двенадцать, зашел в село [Воскресенка](#). Меня там никто не знал, несмотря на то, что это село было вблизи моего села.

Там переночевал, решил идти в общину поступить на работу. В общине им нужен был конюх, глава общины расспросил меня, откуда я. Я ответил, что из [Киевщины](#).

Я ему понравился, тем более что я сказал, что умею ухаживать за лошадьми и все делать. Он пошел со мной в сельское управление и попросил старосту принять меня на работу. Там меня и приняли на жительство. Я стал работать в этой общине.

При советской власти этот колхоз назывался имени Горького, а при немцах община ГЗ. В этой общине я проработал три месяца конюхом, потом увидел, что работать конюхом опасно, рядом было село, где меня знали: мне нужно было ездить, это был наш район [Новотроицкий](#). Начальник полиции и староста района были из нашего села, мои товарищи, с которыми я вместе ходил в школу, показаться им – значило погибнуть.

Я стал проситься, чтобы меня назначили сторожем сада и огорода. Меня перевели, где я и работал два года.

За это время я видел, что ловили евреев, очень издевались над ними. В нашем селе [Воскресенка](#) ловили таких же проходящих евреев, как и я. Заметят по разговору и обличью и предадут жители села. Евреев немцы забирали и после осмотра уничтожали. При мне было два случая, когда сильно издевались над евреями, заставляли есть землю и пр.

В общине висел плакат с нарисованным евреем за решеткой, у которго были рога наподобие черта, и весь плакат был исписан надписями, содержание которых сводилось к тому, что над на-

родом издеваются евреи, они виноваты во всем. Был в общине один человек по фамилии Путиленко, когда вешали этот плакат, он стоял рядом со мной. Прочитав эти надписи, он поверил, весь затрясся и как закричит: «Вот жидовская морда, я бы его!..». А я стоял рядом с ним и думал: возле тебя стоит тоже еврей.

Когда я был сторожем на баштанах, видел, что женщины ужасно боялись коменданта. Дело в том, что баштаны выделили общинникам по кусочку, но обрабатывать их не представлялось возможным, все работали от зари до зари на немцев. Женщины вырывались среди дня, или во время обеденного перерыва, и прибегали на баштан, чтобы хоть что-нибудь сделать. Комендант приехал ко мне с переводчиком и дал распоряжение не пускать никого на баштан, только в воскресенье.

Когда он приезжал и захватывал женщин на баштане, то избивал их. Женщины, как завидят бидарку с комендантом и переводчиком, то зарывали голову в землю, чтобы, если будет бить, то не по голове. Одна девушка ослепла от удара по лицу.

Я думал, что с евреями все покончено. Если я встречал евреев за эти два года, так только тех, которых ловили, и не видел и не слышал, что где-нибудь жили евреи на [Украине](#)...

С момента вступления наших, я пошел работать в госпиталь, где и работал до момента освобождения [Крыма](#). На квартире у меня жил один командир. Я заметил, что он еврей, несколько раз я его об этом спрашивал. Может быть, он меня подозревал в чем, но не признался, что он еврей. Только спрашивал, почему я так интересуюсь. Я ему ничего не говорил. Последний раз он меня задержал и сказал, что не выпустит меня, пока я не отвечу ему, почему я его спрашиваю. Я ему сказал, что спрашивал потому, что я сам еврей. Он удивился и сказал:

– Не может быть. Я прошел 1800 километров и нигде не встречал живого еврея...

Передайте детям нашим о нашей судьбе.

Сборник документов и воспоминаний. – Симферополь, 2001. – С. 121–135.

«И ПОШЛИ МЫ ОТ СЕЛА К СЕЛУ...»

СКРИПНИК Галина (1936 г.)

Когда началась война, мне было 5 лет. Жили мы тогда в частной квартире на Основе. Папа – Блехман Семен Борисович, мама – Литовченко Александра Сергеевна, я и братик Витя, младший меня на год и 5 месяцев.

Папа ушел на фронт, а мы остались в [Харькове](#)¹. Уехать не было возможности. Мама записала нас с Витей на свою фамилию. Эту запись я нашла в домовой книге по месту нашего жительства. Мы там числились «Литовченко».

Помню, как было страшно, когда бомбили город. С нашей крыши дежурные сбросили зажигательную бомбу. Потом все стихло. Соседи наши – Нейшбуты Петр, Ида и их сын Изя – он сейчас в [Америке](#) с семьей) – давно эвакуировались. Было пусто, одиноко и страшно. Хозяйка квартиры Наталья Илларионовна была постоянно в подпитии (самогона пила сама и пса своего поила). Но она была доброй женщиной. Когда (позже) маму забрали полицаи, она ходила в комендатуру ее выручать, за мной и братом присматривала, подкармливала нас.

А маму забрали по доносу соседки, которая приходила со своим сыном к нам обедать. А когда мама отказалась их кормить, эта женщина кричала, обзывала нас «жидами». А в это время был развешан на улицах приказ, что за выданного еврея будут выдавать пуд ржи. И эта соседка написала донос, что мама – еврейка, скрывается под украинской фамилией. Вот тогда за маму заступилась наша хозяйка, доказала, что мама украинка и наша доносчица вместо ржи получила наказание за обман.

Но оставаться там уже было опасно, и мама договорилась с папиной знакомой, чтобы мы, дети, перешли жить к ней. А

мама ушла на менку. В это время по приказу немецких властей евреев с семьями сгоняли на тракторный завод.

Мы жили с чужими людьми, а мама нас снабжала едой. Однажды, вернувшись, мама узнала, что на старую квартиру приходили из комендатуры, искали нас, но Наталья Илларионовна нас не выдала. Она узнала, что на нас подано заявление.

Мама собралась, сложила самое необходимое на санки, и мы рано утром ушли из города, с тем, чтобы добраться до села, **Жучиха** (колхоз имени «1 Мая») **Вачениловского района**, где мама родилась.

Это было в феврале 1942 года.

И пошли мы от села к селу, оставляя в благодарность за ночлег и сочувствие свои пожитки. Для ночлега выбирали хатку победнее, так как к богатым домам было не достучаться, а иногда и собак на нас спускали: «ходите тут заразные». Это на просьбу попить водички.

Помню, что очень было жалко маму, она часто несла Витю на себе, и санки тащила. И старалась нас тщательно закутывать, чтоб не попались на глаза злым людям наши курчавые волосы.

Добрели до **Краснограда**. Больные, измотанные. Под **Красноградом** есть русское село **Песчанка**, где жила мамина тетя Матрена Ивановна. Мама решила добраться к ней и побыть у нее до прихода тепла. Но нужно было разведать дорогу. Она оставила нас у чужих людей, где мы ночевали. Не помню, сколько мы там жили, но помню, как рыдала женщина, что ей «подбросили детей» и «что мне теперь делать с ними?!»

Там мы впервые в жизни увидели новорожденного ребенка и всю живность во дворе. Нас поили вкусным парным молоком. Не помню имени этой женщины, но спасибо ей.

А маму по дороге задержали полицаи. Как-то она вырвалась и пришла за нами. Вещи и санки мы уже оставили у чужих людей. И брели по грязи в одних бурках, так как галоши потеряли.

По дороге пришлось вброд переходить речку, там вода со льдом (шуга) и дно ледяное. Мама Витю перенесла, вернулась за мной. Там еще оставалось папино пальто (для тепла). Мама на одну руку взяла пальто, а на другую меня, но сама она уже промокла и промерзла, на середине речки она поскользнулась и

меня уронила. Меня понесло течением. А Витя стоит на берегу и кричит: «Галя, ты купаешься?!»

В общем, ватное пальто, бурки все насквозь промокло. Вытащила меня мама, а я и идти не могу, вся как ком мокрый. Еле добрались к тете Моте. Она увидела нас, узнала маму: «Сашка, ты? Откель?», – так у них в деревне говорят. Мама говорит: «Спасая, тетя, детей от немцев».

Я после этой «купели» двое суток не приходила в себя, была с высокой температурой. Тетя забросила нас на русскую печку. Меня растерли самогонкой, козьим жиром. Но последствия были долгими и мучительными: ноги покрылись жуткими гнойными нарывами, на всю жизнь остались глубокие шрамы на ногах.

Там мы впервые праздновали Пасху.

Но подсохли дороги, оставаться там было опасно, в селе все на виду. Нужно было идти дальше.

Увидели хату в степи, а вокруг хаты – сады. По километру вокруг – ни одного жилого селения, ни души. Эту хату строил мой дед Сергей Иванович вместе с огромной семьей. Сейчас там ровное поле.

Нам казалось, что теперь уж мы основательно спрятались. Да и идти уже было некуда. В хате жил с семьей один дед Павло Нишета с женой Евпраксией и двумя взрослыми сыновьями. Этот дед держал пасеку, но болел туберкулезом. Нам он симпатизировал, и мы поверили, что нас не выдадут. Мы стали жить в одной из комнат. Было очень голодно. Иногда нас подкармливали.

Но потом съехались все родичи – дедушка с бабушкой приехали из **Макеевки**, мамина сестра Маруся и ее сын Славик, сестра дедушки Ганна с дочкой и внуком. Стало еще голоднее. А потом поселился чужой человек, Иван Тютюнник с женой и новорожденным сыном (я его нянчила), так этот человек терроризировал нас до самого освобождения района от немцев: «Я этих жидов все равно уничтожу!»

Так набралось в хате 17 человек, как в той сказке про терем-теремок. Больные, голодные, заболели все чесоткой. Мама где-то раздобыла компоненты для мази от чесотки, весь коллектив намазывался и чухался.

У дедушки были золотые руки. Из какого-то хлама он изготовил крупорушку, на ней измельчали все съедобное, а хлеб

готовили из макухи и отрубей (повезло достать). Братик Витя говорил: «Плохой хлеб, он с палками».

У семьи дяди Павла, конечно, были запасы. Когда потеплело, они раскладывали рядна во дворе, рассыпали на них зерно сушить, а я была сторожем: бегала вокруг, отгоняя птиц и другую живность. За это мне вечером давали большую ложку засахаренного вкуснейшего меда...

Помню первый щавель, молочай; взошел огород; пошли овощи. Стало легче. Я, правда, жутко маялась от нарывов на ногах. Но все же казалось, что мы в безопасности.

И тут нас выдали. Наверное, выдали раньше, но то ли комендант был нерадивый, то ли руки не доходили. Мама потом узнала, что на нас было подано пять заявлений. Это сделал житель соседнего села Василий Яровой со своим дядей. (Рассказывали, что он потом отсидел 2 года, он ведь не только нас выдал).

Приехали за нами на тачанке. Все в доме плачут, бабушка моя Дарья Ивановна собирается ехать с нами (ее не взяли). Маленький двоюродный братик Славик (ему и четырех лет не было) рыдает навзрыд.

Привезли в село [Зачепиловку](#) уже глубокой ночью. Я ни на минуту не заснула, все помню. Бросили в камере на пол. Это был август 1942 г.

Так нас догонял Дробицкий Яр.

В камере было еще семь еврейских семей. В живых остались только мы и еще одна женщина – полукровка. Были там и дети. Один мальчик около двух лет сосал грудь матери. Говорили, что она от всего перенесенного сошла с ума.

Я у мамы спрашивала: «Почему за нами гонятся? Почему мы здесь сидим?». И она мне, как взрослой, рассказывала, что мы сидим в тюрьме у немцев за то, что мы евреи, а Гитлер ненавидит евреев. «Давай убежим!» – мне казалось, что это вполне возможно. Но мама сказала, что это невозможно, да и Витя маленький, не сможет.

Маме один полицейский (я не помню его имени, но он фактически спас маму от смерти) предлагал бежать. Но с маленькими детьми далеко не убежишь. И все равно могут выдать. С тех пор меня всю жизнь преследует чувство страха, что вот скоро нас убьют.

Чужие люди приносили нам еду – даже борщ и курицу, и хлеб. Мне запомнилась женщина по фамилии Покуса. Она давала нам еду, когда нас выводили гулять, ругала громко полицаев прямо в лицо.

Помню, как маленький братик сидел на досках и громко пел: «Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой». Заскочил полицай и носком сапога подбросил его с грязной бранью. Мама бросилась на полица с кулаками, а он вытащил пистолет, чтобы выстрелить в нее. Но в это время был тот, кто помогал маме, и он не дал выстрелить, вытолкнул из камеры полица. Я орала, как резанная. Витя тоже громко плакал от боли и испуга.

Пару раз приезжал дедушка, привозил вкусных яблочек и еще что-то из еды. Мы делились в камере с людьми, особенно с теми, у кого были дети. Маму все в камере очень любили. Она была добрая и красивая (ей ведь было всего 27 лет). Она знала много стихов и поэм Шевченко, и часто читала вслух. Однажды заскочил полицай: «Где “Кобзарь”»? Мама показывает на голову: «Здесь» – и смеется. А он: «Смотри мне!»

С нами сидела одна 80-летняя старушка. Она тоже полюбила маму и говорила ей: «Я забыла свой язык, я всю жизнь прожила с одними людьми. И я очень старая. Еврея я уже не рожу. Дали бы мне умереть своей смертью!». Ее расстреляли.

В день расстрела (мама говорила, что это было 16 августа) пришел конвой и переводчик. Стали выводить всех из камеры. Переводчик закричал: «Литовченко! Остаться в камере с детьми!». Мама меня подняла, и я смотрела в окно и рассказывала, что там происходило.

От камеры до комендатуры – строй солдат. Проходят узники до стола, покрытого зеленой тканью. Там за столом – комендант. С другой камеры ведут мужчин. Рассказывали, что их гоняли копать яму на окраине [Зачепиловки](#). Для казни. Один мужчина побежал (говорили, что он был парикмахер), но его застрелили.

Когда всех увезли, убрали стол, – пришли за нами. Мама Витю несла на руках, а я шла рядом, держась за ее руку. Мама сказала: «Вот ведут маленьких преступников». Комендант заорал: «Юде!» Переводчик говорит: «Нет, украинка». А мама

была с короткими вьющимися черными волосами, красивая и похожа на папу.

Привели в комендатуру. Переводчик стал говорить, что мы еще очень маленькие дети, и нас можно воспитать как угодно, (Мама потом мне перевела, что он говорил.) Комендант только говорил: «Кляйне, кляйне киндер...» – и посмотрел на фото под стеклом на его столе – девочка с бантом и мальчик, наверное, это его дети.

Нас не убили, предупредили маму, что она скомпрометирована тем, что родила еврейских детей. И ей не разрешается работать у немцев на ответственной работе и выезжать в городскую местность ближе 100 км. Мама в это время произнесла: «Баба з воза – кобилі легше». Комендант спрашивает: «Что она говорит?», переводчик отвечает, что она благодарит.

Возвращались мы на попутной подводе. Встречало нас все село. Подхватили на руки, несли, и кормили, и радовались, что мы остались в живых. А я вся в зеленке: водили меня из камеры в медпункт смазывать мои фурункулы. Жутко болели раны на ногах, меня на руках несли.

До самого освобождения нашего края от немцев мы находились под постоянным страхом, что нас снова предадут и расстреляют.

СУДЬБА

СМОЛЯНИЦКАЯ (МАРТИНОВИЧ) Кира (1936 г.)

Я родилась 5 декабря 1936 года в городе [Константиновка](#)¹ Сталинской (ныне – Донецкой) области в обычной еврейской семье. Папа, мама, дедушка, бабушка, два моих братика Вова и Миша, многочисленные дяди и тети – все были евреями. Но о том, что я еврейка, я узнала уже в военные годы. Просто очень рано поняла, что я не такая, как все.

Папа, Смоляницкий Давид, до войны работал портным. На фронт ушел в первые дни войны, пропал без вести в августе 1944 года. Мама, Большинская Фрида, нигде не работала. Нас трое детей, дедушка, бабушка – все на ее руках.

Дальше – мои воспоминания.

...Ясный, солнечный день. Старший брат Вова, ему 8 лет, привел меня в детский сад. А там, во дворе, такое чудо! Каждому приходящему ребенку взрослые сбрасывали с чердака двухколесные велосипеды. Мы стоим и смотрим, как зачарованные. Я тоже так хочу сесть на велосипед, но Вова крепко держит за руку, и я понимаю: мне не положено, потому, что я не такая, как другие дети. Еще одно воспоминание. У всех девочек в волосах красные банты, такие яркие, красивые, а мама почему-то принесла ленту бордового цвета. Я кричу, топаю ногами, я не хочу такую, хочу, как у всех, красную, но воспитательница что-то говорит маме, и мама соглашается. И снова детским умом постигаю: я не такая!

Летом детский сад вывезли на дачу. Потом другим детям и в другое время рассказывали, что мы жили в раю: солнце, небо

синее, белые пушистые облачка, а на зеленой траве тарелка полная разноцветных «конфет» – горошка. К деревьям привязаны гамаки, мы в них сидим малой кучей, а воспитатели нас раскачивают.

И вдруг лица у взрослых стали необычно строгими. О чем-то тихо они между собой переговаривались. Потом наша воспитательница завела нас в спальню, приказала подойти к своим кроватям и во всем слушаться Люську, свою дочку, такую же четырехлетнюю пигалицу, как и мы, и ушла, закрыв дверь. Это было необычно, не как всегда. Люська заставила всех переодеться в одинаковые штанишки, разложенные на кроватях. Это была моя первая казенная одежда, но я еще не знала об этом.

Ночью нас подняли и куда-то повели. Кто не проснулся, несли на руках. Выходим во двор. Ночь черная, сверкают молнии, только не в небе, а как-то ближе к земле такими красноватыми полосками. И все время гремит гром. Так мы впервые услышали слово «канонада». Много лет спустя узнали, что детский сад решили эвакуировать, потому и выдали эти самые штанишки.

...И вот мы в поезде. Подъезжаем к станции. Встречают меня мама и бабушка. Папы нет, но я не спрашиваю, где он. А бабушка, как взял на руки, так и нес до самого нашего дома, а это очень далеко, а я его крепко, со всей силы, стискивала за шею. Принес домой, поставил перед столом, а на нем большая куча яблок. Такие красивые яблоки, краснобокие. Понимаю, что насыпали для меня, но стою тупо, не шелохнусь.

Взрослой сразу стала. Поняла, что скоро все и все исчезнут: и мама, и бабушка, и братики, и папа так и не вернется ко мне. И эти яблоки тоже исчезнут, а я останусь одна на всем белом свете.

Что дальше было, не помню. Но вот мы с мамой и бабушкой около нашего дома. Мама закрывает ставни, а бабушка заколачивает их крест-накрест деревянными досками. Дверь тоже заколотили. Где мы жили до зимы, не помню совсем. Осталось только ощущение ужаса в душе при виде грузовиков и собак овчарок. Грузовик для меня был не машиной, а страшным зверем, который для того и есть, чтобы меня раздавить, уничтожить. Еще много лет спустя при виде их вопила диким криком, а по

ночам снился один и тот же сон. Грузовик движется на меня, а я бегу, добегаю до стены, вжимаюсь в нее и... просыпаюсь от собственного крика.

Сколько прошло времени, не знаю, но вот мама ведет меня за руку, а в другой руке держит маленький сверток. Я понимаю, что в свертке ребенок, но Миша, младший братик, большой, ему 1,5 года, а этот совсем маленький. Заходим в чей-то дом, а там женщина и две ее взрослые дочери, взлохмаченные, в дырявых кофтах. Мама о чем-то просит их, они кричат, рвут на себе и без того дырявые кофты и волосы. Потом все-таки взяли у мамы сверток и вынесли в сени, а меня посадили на лавку и показали на рот и на горящую печь. Я поняла, надо молчать, а не то...

И снова провал в памяти.

...Мама приводит меня домой, отдирает доски от двери. В доме темно, ставни заколочены. Мама переодевает меня во все новое: пальтишко, которое папа шил, бурки с новыми сверкающими галошками, повязывает на голову большой розовый платок с длиннющей бахромой. И снова куда-то ведет. В доме, в который мы вошли, женщина и двое ее детей, старшая, в моем представлении, почти взрослая, и младший братик. Наверное, я их знала, потому, что младшего называла по имени. Его звали, как и моего братика, Вова. Оставила меня мама и ушла. Я думаю, что таким образом она хотела хоть кого-то из нас спасти от расстрела. Но уж лучше бы расстреляли, чем то, что пришлось испытать дальше.

К женщине пришел немец с ружьем, они зашли в комнату и закрылись. Через какое-то время женщина вышла полностью раздетая и снова зашла в комнату, закрыв за собой дверь. Я зашла в плаче, ее дочка сначала цыкала на меня, грозила, что немец сейчас придет и убьет меня, а, когда не помогло, раздела меня и поднесла к горячей печке (везло мне на печи). Я затихла. Наконец немец ушел, женщина одела меня во все старое, равное, а я не хотела одеваться: это не мое, Вовкино, наше добро вон в том мешке, что моя мама принесла! Схватила она меня на руки и очень быстро понесла по улице, потом бросила в снег и убежала.

Я осталась одна, забралась на чье-то крыльцо, вошла в комнату, а там мама, нет, не моя мама, собирает в дорогу троих сво-

их детей, вешает им на спину котомки. Посадила она и меня к себе на колени, обнимает, целует, плачет, показывает на своих детей. А я и так понимаю, что они уйдут, а я маленькая, не смогу идти далеко. Дала она мне сухарик, поцеловала, и ушли они, а я осталась на заснеженной улице.

Сколько «путешествовала», не знаю, плакала горько. Подошел ко мне, как рассказывала всем, «добрый полицей», и занес в какое-то помещение. Я попросила пить. Он набрал большую консервную банку снега, растопил в печке и дал мне. Я пить не стала, выражаясь взрослым языком, побрезговала. У мамы с папой мы в чистоте жили. К грязи еще предстояло привыкнуть.

...И вот я в большой комнате среди женщин. Они все сидят на кроватях, спрашивают, а я обстоятельно рассказываю, что я Смольницкая Кира Давидовна, что мой папа на фронте, бьет немцев... Вдруг открывается дверь и заходит молодая женщина или девушка, не знаю. Она говорит, что она комсомолка Люся, пришла проведать меня, ставит бутылку с молоком и сообщает женщинам: «Ее мать немцы расстреляли». Где мои братики Вова и Миша, я не знала. Только в 1992 году наша довоенная соседка рассказала: «Немцы приехали за твоим дедушкой, а мы загородили Вову подолами юбок, но нашла среди нас одна, схватила его и бросила в машину».

Потом вместе с другими детьми я оказалась в немецком госпитале. Запомнила имена детей: Валя Полюхина, Катя Сидоркина, Валя Гулидова, Вова Васин, Эмма Кузьмичева. Может, еще кто-то был, не помню. Нас поместили в палату, где все было чистое, белое. Наверное, и кормили хорошо, потому, что в шкафчике на тарелке стоял нарезанный на кусочки хлеб, но мы его не брали, чувства голода не помню.

Собрала нас в госпитале Антонина Васильевна Богуславская. Как ей это удалось, не знаем. После войны она работала инспектором облОНО, а в те годы скрывалась под видом няни. Так нам говорили. Из всех детей я одна была еврейкой. Чтобы спасти от расстрела, меня записали Алексеенко Ириной Николаевной. Очень долго привыкала к новому имени. У родителей я была Кирочка, *доця*.

В госпитале нам разрешали ходить везде, нельзя было только подходить к забору из колючей проволоки. Вдоль него ле-

жали длинные круглые предметы. Мы их минами называли. Я свободно ходила по госпиталю. Когда по вечерам приносили носилки с ранеными, я подходила, открывала одеяла, рассматривала лица. Солдаты терпеливо ждали, пока я отойду. В это трудно поверить, но так было. Подходила и к палатам. Стану у двери и рассматриваю раненых, папу ищу. Я хорошо понимала, что папа на фронте, что его здесь не может быть, но все равно искала, искала.

И вот однажды нам сказали, что отвезут нас в [Иванополье](#), в детдом. И я сразу поняла, что там будет очень-очень плохо. [Иванополье](#) в 6-ти километрах от моего родного города [Константиновки](#).

17 августа 1942 года (дату сама запомнила) нас посадили на линейку и повезли. Завели в большую спальню. В ней рядом стоят койки, на них грязные тряпки. Разместили по койкам. Платице, которое подарила Антонина Васильевна, забрали, а вместо него натянули длинную рубашку без рукавов. Так я и проносила эту рубашку от лета 42-го года до осени 43-го, ни сверху, ни снизу не было больше одежды и обуви.

Нам почти не давали никакой еды, вода была в глубоком колоде. Зимой ели снег и лед, а летом я с такой жадностью смотрела на лужи, может и пила, не помню. Даже после освобождения, до самого моего выхода из детдома в 1951 году, внизу в коридоре стояла выварка с водой, а около нее алюминиевая кружка. Из нее мы и пили. А было нас после войны около 150-ти.

Но возвращусь назад. Через двор детдома проходила дорога, что соединяла город с селом. По ней иногда шли женщины с мешками за плечами, мои «однокашники» обступали их со всех сторон, протягивали руки, просили хоть что-нибудь. Иногда женщины давали то кусок макухи, то кукурузную лепешку. Я стояла позади, руку не тянула, понимала, мне – нельзя, я не такая. И очень стыдно было. Рылись на свалке, куда немцы выбрасывали объедки. Они жили тут же, в одном дворе с нами, но в другом здании, а в клубе стояли их кони. Охраняли ли нас, что ли. Подбирали даже (не немцы, а мы), высохшие коровьи кизяки, грызли их вместо макухи. Я, правда, не помню. По вечерам лезли на койки, натягивали на себя тряпки, сворачивались тугими клубками (на всю жизнь сохранилась эта привычка) и

кое-как засыпали.

Я дожидалась, пока все уснут, потихоньку выходила в коридор, набирала в рубашку мусор, который выбрасывали старшие после походов за чем-нибудь съестным, накрывалась с головой и перебирала, что можно отправить в рот, пожевать хоть что-нибудь.

Утром просыпались не всегда все. Однажды не встал с кровати Ваня Елкин. Лежит на первой кровати и смотрит на нас. А мы не понимаем: раз смотрит, значит, живой, почему тогда не встает? Умирали и другие. Умерла и воспитательница Анна Ивановна. Взрослые не работали с нами, они приходили к нам из жалости. А будущая моя первая учительница Галина Акимовна рассказывала, что побывала немного и ушла, не выдержала.

На детей мы не были похожи. Втянутые серые щеки, палочки руки-ноги, у некоторых раздутые животы. А ко всему, нас от чесотки мазали черной мазью. И нас, и окна одной и той же мазью. Зачем окна? Иногда ночью зажигали «каганчик» так чтобы через окно не было видно, чтобы бомба в нас не попала.

Слово «детдом» я самостоятельно расшифровала уже в первом классе. А до это воспринимала, как «дедом». Это слово больше к нашей жизни подходило. Ни во время войны, ни после, никогда не слышала этого словосочетания: детский дом.

Однажды к нам привезли грудных детей, разложили по койкам. Но очень скоро они исчезли. Если бы разобрали в семье, мы бы знали. Всем было очень-очень плохо. Но хуже всего доставалось мне. Называли не по имени, а «еврейка», «жидовка», «юде», «пархатая». Сжималась в комок, прятала глаза. С нами были и «переростки», что намного старше нас. Кто-то из них знал нашу семью и, конечно, меня. Окружат, бывало, и рассматривают, как зверька, ищут «жидовское»: нос, губы, глаза. Волосы и те были кудрявые. Ни раз грозили потащить к «фрицам» на расстрел, а они тут же через двор, только крикни погромче. Но не потащили, наверное, из страха, что их тоже пристрелят за компанию.

По ночам сказать, что было страшно, значит, ничего не сказать. Лежу напряженная и прислушиваюсь, не протопают ли сапожищи. Это за мной, на расстрел. Размышляла, где спря-

таться: в шкаф нельзя, найдут сразу, печка маленькая, не влезу, под кровать... не пройдет. Решила: под сетку, уцеплюсь снизу руками и ногами и как-нибудь удержусь. Еще не знала, что они постели штыками протыкают.

Так «прожили», кто сумел, осень, зиму, весну, лето. Однажды утром старшие рассказали, что прибежали два наших разведчика, бегали везде и все просили: «дайте прикурить».

Ночью село бомбили. Мы попрятались под кровати, «такое надежное убежище», сидим, дрожим. Днем раздался звон колокола. Немцы заставили всех выйти во двор. Помню, я уже не шла, по ступенькам спускалась на четвереньках. Построились. Мало же нас осталось. А немцы сидят на линейках. Федор Захарович (он работал завхозом еще в том, довоенном детдоме, его, детдом для детей репрессированных родителей, эвакуировали, а Федор Захарович остался из-за дочери-инвалида) что-то говорит им, немцам, показывает на нас и смотрит так жалостливо. Много позже узнали, что немцы хотели нас или пострелять или взорвать вместе со зданием. Стоим мы, а я опять понимаю все, но уже не страшно, смерти не боюсь. Только бы кончилось все поскорее, а то ноги совсем не держат. То ли Федор Захарович разжалобил немцев, то ли времени у них совсем не оставалось, укатили они.

А нам Федор Захарович велел спуститься в погреб. Лежали на голой земле, дрожали. Бомбежка продолжалась. Утром все стихло. Но вдруг кто-то как забарабанит в дверь. Мы в крик. Но из-за двери веселый голос: «Не бойтесь, открывайте, свои!» Еле справился с задвижкой Федор Захарович. В открытую дверь влетели наши бойцы, схватили нас на руки, вынесли на воздух, отмыли, переодели, накормили.

Это было 6 сентября 1943 года.

Через год я пошла в школу. Училась только на «отлично», росла тихой, послушной.

Однажды на уроке почему-то мне стало плохо. Учительница разрешила выйти. Стою на пороге школы, качаюсь. Стошнито. И вдруг звонок, крики, топот ног: «Победа!», «Победа!», «Ура!!!».

Не знаю, не уверена, поймет ли кто-нибудь. Ну, не испытала я радости, наоборот, такое горе навалилось, такое чувство несправедливости. Поняла окончательно, некого ждать, никто не

вернется, никто-никто, никогда-никогда. Так и останусь одна на всем белом свете.

В детдоме я пробыла до июня 1951 года. И все эти годы ощущала себя отверженной, еврейкой. Я не могла играть, дружить с кем хотела. Очень хотела танцевать, но в самодеятельность не брали по той же причине. После приезда Московских артистов цирка начала заниматься акробатикой самостоятельно, и овладела, и выступала.

Часто, особенно когда все смеялись, доводили до слез, потому что... плакала часами.

А еще это горе, эта боль от гибели всех моих родных так и живут во мне всю жизнь.

Советуют: «Отпусти, забудь, не вспоминай». Не получается, не забывается, вспоминается.

И так болит...

«Я ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ»

СОЙРЕФ Ефим (1933 г.)

Я родился 1 февраля 1933 года в селе [Дзыговка](#)¹ [Ямпольского района Винницкой области](#) в многолетней еврейской семье.

С 1941 года по 16 марта 1944 года я вместе с мамой, сестрой и братьями находился в гетто. После войны я окончил школу и военное училище, служил офицером. Я привык, что писать надо о подвигах. Никакого подвига я не совершил. Я остался в живых – вот и все. Но...

Пресса сообщила, что Институт исторических исследований в [Калифорнии](#) разослал в американские студенческие газеты статью о новом расследовании Катастрофы, в которой говорится, что все пережитые нами ужасы преувеличены и надуманы. Многие университеты отказались эту статью печатать, но нашлись и такие, где ее опубликовали.

Пусть частичка моих воспоминаний останется на этой земле, как свидетельство против фашизма.

Когда началась война, мы с мамой пытались бежать на Восток, но было поздно: немцы прошли село и двинулись дальше. В доме у нас началась паника – прибежали евреи из [Ямполья](#) (это районный центр в 12 км от [Дзыговки](#)) и рассказали, что идут карательные отряды и расстреливают евреев и коммунистов.

В [Ямполье](#)² расстреляли всех, кто не убежал. Туда пришли каратели, убивали всех, кого поймали, разграбили все, что было в домах, и ушли дальше на восток. Мы побежали прятаться в леса и поля или к знакомым русским, украинцам и полякам...

Через два дня пришли румыны и объявили, что убивать не будут, пусть все вернутся в местечко – будет гетто. Нашли мы

все желтые звезды, поселились в местах, отведенных нам, по 15–20 человек в домах. Румыны обнесли все колючей проволокой и стали гонять нас на работы. Было холодно и голодно, но пока никого еще не убивали. Трудились на разных работах. Наиболее тяжелая была в самой жандармерии, потому что там еще били очень сильно, а за что – всегда находилось.

Потом брата моего Шуру забрали в концлагерь под Николаев – в Варваровку, оттуда он бежал в 1944 году и выжил. Он сейчас живет в Израиле и отыскал узников из Варваровки (4 человека).

А мы в гетто страдали от голода. Люди превращались в живых скелетов. И тогда я стал главным кормильцем семьи.

Выбираясь тайком под проволокой из гетто, босой и одетый во что попало, я ходил по селам, просил милостыню, что подадут. Давали! Представьте себе, что украинцы и поляки давали, что могли – кусочек хлеба, картошку, свеклу, кукурузу.

Всякое бывало: и гнали прочь «жидовскую морду», и собак спускали, но в основном – подавали. Я в семье был «специалистом» по полям бродить и собирать что-нибудь, в том числе из-под снега, у меня это получалось. Осенью прятал находки в земле и запоминал, где, а зимой откапывал картошку или свеклу и приносил домой. Главное было – не попасться, ни когда прятал, ни потом, когда приносил ночью в темноте.

В марте 1944 года стали слышны выстрелы. Жандармерия собралась уходить. Стало ясно, что пора прятаться, как в 1941 году. Мы попрятались в лесу и пережили эти дни, пока не вошли наши войска – 14 марта 1944 года.

«ТАК МЫ ВЫЖИЛИ»

СОКОЛЕЦКИЙ Борис (1935 г.)

Я, Соколецкий Борис Исаакович, родился в 1935 году в селе Шпикове, около Тульчина, в Винницкой области. Мои родители были простыми людьми: мать необразованная, отец – батрак, потом он стал парикмахером. Я был у них единственным сыном.

В 30-х годах мой отец был арестован и попал в заключение как враг советской власти. Ему удалось сбежать и спрятаться где-то в поле. Когда милиция стучала к нам в дверь, мама была с ребенком, ребенок упал, и девочка умерла. Мои другие брат и сестра тоже умерли еще до моего рождения.

Началась война, немецкий вермахт оккупировал Шпиков¹ в июле 1941 года. Повсюду зловеще гремели выстрелы, я это хорошо помню. Под оккупацией румынами было создано гетто. До этого мы жили на центральной улице, но после организации гетто должны были переехать на другую улицу. Моего отца не призвали в ряды Красной Армии, потому, что сердце у него было больное с самого раннего возраста.

К концу 1941 года, в декабре, нас погнали, как потом выяснилось, в деревню Рогозна² Тывровского района. Туда согнали все население Шпикова. Погода была ужасная, шел сильный снег. Часть узников расположили в здании школы, а другую часть, включая нас – в помещении клуба, набили битком, как сардины в банку. Все лежали на полу.

Вот так мы должны были выживать: совсем без еды, не говоря уже обо всем остальном. Нашей семье было немного легче, потому что папа у меня был парикмахером. Ему разрешили обслуживать румын. Ну, а так как ему уже сделали скидку, он ходил по селу, стриг людей, а нам за это давали объедки.

Мы жили всей семьей: я, мама, папа, тетя с двумя детьми (дядя был на фронте) и бабушка. Так мы выжили.

В **Красном** и **Мурафе** также были гетто. В **Красном** жили родственники отца, и условия там были намного лучше.

Приехал папин двоюродный брат забрать нас в это село, где жила его семья. Охрана в **Рогозне** не была строгой, поэтому можно было выйти. Но случилось, так, что я заболел корью, и папа с мамой отказались ехать. И все же отец говорил тете с детьми и бабушке: «Вы уезжайте». Но тетя отвечала: «Нет. Нет. Нас скоро освободят, и мы поедем в **Шпиков**». Потом папин брат пообещал: «Мы приедем во второй раз и вас заберем». Но кто-то донес на наших родственников, и никто за нами уже больше не приехал.

В начале весны считалось, что я уже выздоровел, и мы решили бежать из **Рогозны**. Отец отдал полицейам бритву, и они подсказали, куда надо идти, чтобы нас не задержали. Но нас все-таки предали, потому что, если бы мы пошли той дорогой, нас бы поймали и вернули бы обратно, как и поступали с теми, кто пытался бежать.

Было очень важно, чтобы полицейские позволили нам выйти из **Рогозны**. Но мой отец, будучи батраком у владельцев лошадей, пасущим в юности стада, знал местность очень хорошо. Мы шли по реке Южный Буг, лед был тонкий, и я провалился в прорубь. Папа успел схватить меня за воротник, я выжил. Так мы шли ночью. Днем же не пойдешь. Обогреться негде. Просто у меня судьба такая, что я выжил в ужасной обстановке.

Таким способом мы дошли до **Красного**³. Несколько дней прожили – и вдруг в **Красном** облава.

Папа решил идти в другое село, в **Мурафу**⁴ **Шаргородского района**. Там тоже жили родственники. По дороге мы заночевали в маленьком селе у единственного еврея. Потом мы снова направились в **Мурафу**. Нам повстречался немец, и, если я не ошибаюсь, он говорил на идиш. Спросил, куда мы идем? Папа сказал, что мы идем в **Мурафу**, но сомневался: может, вернуться в **Красное**? Немец ответил: «Вы только не возвращайтесь!»

Но вот новая беда: я не мог уже идти дальше – сильно болел. Я не мог ходить потому, что протер ноги. Пришлось моим родителям меня нести: они и сами не могли идти, не было сил. Папа

говорил, что хотели меня уже оставить. Но, на мое счастье, ехала какая-то подвода, нас посадили, так мы доехали до **Мурафы**.

Папина родственница не хотела нас принимать. Боялась. Но нашелся один хороший человек по фамилии Тубершлак, еврей, и он нашел нам квартиру. Там много людей жило из **Черновцов**, из **Буковины**. Жили мы там до самого дня освобождения, когда пришла Советская Армия в 1944 году.

Гетто в **Мурафе** – это было гетто в полном смысле слова, но не такое страшное, как то, откуда мы бежали. Среди каждого народа есть хорошие люди и плохие. Там, в **Рогозне**, и среди наших евреев, были такие изверги, что издевались над узниками. Я даже помню их имена: Скляр, был такой, и Кандыба, и еще один, но я забыл его имя. Люди говорят, что он сразу после освобождения уехал из **Шпикова**. Это были не полицейские, а бандиты, самые настоящие. Одного из этих извергов, я узнал потом. Наши евреи повесили его в клубе.

В **Мурафе** украинские полицейские не трогали нас, но буковинская еврейская полиция была намного хуже полицейских.

Когда мы поняли, что война подходит к концу, моя тетя с детьми и бабушкой убежали в **Джурин**. Но вскоре она вернулась одна и рассказала нам, что бабушка и ее маленький сын умерли от голода и были похоронены в большой яме. Ее дочь бежала через какое-то село, было холодно, зима, да и голод мучил страшно. Какие-то люди ее пожалели, накормили, она съела слишком много – и сразу умерла.

Нас освободили партизаны за день до того, как пришла Советская Армия. Одним из партизан был некий Погорелов, наш земляк. Этих партизан вели два местных еврея.

Когда мы вернулись в **Шпиков**, то увидели, что наш дом сгорел. Мы стали искать чужой покинутый дом. К нашему счастью, такой нашелся, и мы заселились. Папа стал работать опять парикмахером. К счастью, испытания войны не слишком отрицательно сказались на здоровье родителей: отец прожил 82 года, а мама – 90, но я столько не протяну...

«Рожденные страдать?» Помни слезы и скитания
Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 155–157

«ОСТАЛАСЬ Я ОДНА ИЗ ВСЕЙ СЕМЬИ»

СОКОЛОВА К. М. (1937 г.)

Маленькое еврейское местечко [Кодыма Одесской области](#), где проживала я с родителями до начала войны с [Германией](#). И сейчас оно есть, только в нем нет ни одного члена моей семьи и очень многих евреев, которых живьем побросали в ямы и расстреляли.

Когда началась война, отца моего призвали в армию. Мама осталась со мной и моим братиком. Мне было тогда 4,5 года, а братику 7 лет.

Когда объявили, что завтра в [Кодыму](#)¹ войдут немцы, евреи на подводах стали уезжать в села. Дороги были уже перекрыты немцами.

Нас всех сняли с подвод и загнали в бараки под колючую проволоку, где в углу стояла вышка с патрулем. Бараки закрывались на толстые засовы. Там была полутьма. Мы все лежали на полу голодные, перепуганные и несчастные. Только по утрам слышно было топот немцев и лай овчарок. Взрослых каждое утро выгоняли на непосильную работу. На детей говорили: «Клайне юден – капут!».

Сколько мы пробыли здесь, я не знаю. Только мне запомнилось одно утро. Рассветало, открылся барак, и вошла женщина – крестьянка с самодельным бидоном молока и предложила поменять молоко на вещи. Моя мама подбежала к ней, отвязала от меня платочек с ценностями и попросила ее, чтобы она меня спасла. Женщина отдала все молоко, взяла меня за руку и вышла из барака. Она мне сказала, если нас остановят, чтобы я называла ее мамой.

Беглым шагом мы ушли из этой территории. Только лесом пошли обычным шагом. Мама сказала, что, если она останется жива, она меня найдет. Все это происходило в селе [Слободка Одесской области](#).

Я прожила у этих людей от осени до весны. Они были бездетны. Затем произошел скандал у этой женщины с соседкой. Соседка грозилась заявить, что здесь прячут еврейскую девочку. Они испугались, что их и меня убьют. Женщина отвела меня в жандармерию и сдала.

В это время у нас уже хозяйничали румыны. Они не убивали евреев. Они собрали всех евреев, которые прятались в селах, и повезли нас в [Балту](#)². Там была еврейская община. Когда спросили у меня фамилию отца и матери, оказалось, что в [Балте](#) жил мамин двоюродный брат Бриставецкий. Его вызвали, и он меня узнал и забрал к себе. Дядя был на войне, а тетя со своими тремя детьми оставались в [Балте](#).

Когда в [Балту](#) вошли немцы, начались еврейские погромы. Немцы создали гетто. Евреи не имели право выходить на улицу. Шестиконечные звезды должны были носить на груди и спине. По ночам выводили девушек, насиловали и потом стреляли в затылок. Так погибли две юные, 18 и 19 лет, мои двоюродные сестры. А маленьких детей прятали под столом и закрывали длинной скатертью, чтобы немцы не заметили их и не убили.

Моя тетя дружила с русской соседкой Лукией, и когда в [Балту](#) вошли эсэсовцы, то нас, 11 человек, Лукция прятала в конюшне, где стояли впереди лошади, а за замаскированной дверью находились мы. Рады были кусочку мамалыги и вареной свекле.

И в погребах мы сидели, чтобы только дожить до победы. Маленьким пятилетним ребенком я шла под бомбами и пулями. Когда летел немецкий самолет и бросал бомбы, я падала на землю, чтоб меня не убило.

В 1944 г. освободили [Балту](#). Мы все выбежали из конюшни и увидели, что бежит толпа людей, и мы побежали. Прибежали к яме, где стояли военные, врачи из «Скорой помощи». Они вытаскивали мертвых евреев, которых расстреляли, в одну сторону, а кто еще дышал – увозили спасать.

Закончилась война. Голод, разруха. Тетя отдала меня в детдом для детей фронтовиков, а сама пошла работать на швейную фабрику.

Отец мой с войны не вернулся. Погиб при взрыве моста, чтобы немцы не смогли через мост уйти из города. Осталась я одна из всей семьи. Мать и семилетнего братика расстреляли. В детдоме я прожила с 7 до 13 лет. Потом меня родственники забрали. В 19 лет я уже окончила школу, работала на мукомольной мельнице. Вышла замуж за еврейского парня, с которым больше пятидесяти лет. У нас хорошие дети с высшим образованием. Дочь в [Днепропетровске](#) живет, сын – в [Израиле](#).

Сейчас бы только пожить, так нет здоровья. Муж прикован к постели, я серьезно болею.

Вот и вся моя вкратце история.

«РАССТРЕЛИВАЛИ ЗА ГОРОДОМ...»

СОКОЛОВСКАЯ Лилия (1934 г.)

Я, Соколовская Лилия Михайловна, родилась 17 октября 1934 г. в городе [Запорожье](#). Мама была по национальности еврейка, отец – белорус. Мама моя умерла до войны, когда мне было 3 года. Отец женился на другой, а я осталась жить у бабушки по маме в городе [Херсоне](#) по ул. Горького, № 33.

Когда началась война и немцы вошли в [Херсон](#)¹, никто не знал, что нас ожидает. Немцы заставили всех евреев переселиться в отдельный район города, так называемый Северный форштадт. Все евреи обязаны были пришить на одежду желтые шестиконечные звезды. Этот район был превращен в гетто.

Там, в гетто, я встретила свою тетю Дору Купчик с двумя маленькими дочками. Бабушка была уже старенькая, ей тяжело было переносить все неудобства, в которых мы жили. Места в домах не хватало, люди томились в грязных сараях без еды и воды. По ночам подъезжала грузовая машина, и немцы выборочно забирали евреев. Их увозили неизвестно куда, но больше эти люди не возвращались. Потом мы узнали, что их расстреливали за городом, под селом [Зеленовка](#).

Меня спасла вторая жена отца, которая, узнав, что меня могут расстрелять, нашла своего знакомого полица и упросила его помочь мне уйти из гетто. Он согласился не сразу и не бесплатно. Его подкупила моя мачеха Мария Васильевна Логвинова, а отец в это время был на фронте.

После этого, на следующий день, мы узнали от людей, что всех евреев вывозят и расстреливают. Так погибли моя бабушка, Голда Самойловна Любарская, тетя, Дора Матвеевна Купчик, и ее дочери.

«Я И ТЕПЕРЬ УДИВЛЯЮСЬ, КАК МНЕ УДАЛОСЬ ВЫЖИТЬ»

СОЛОДОВНИК Леонид (1928 г.)

Я, по паспорту, Солодовник Леонид Семенович, по рождению – Хланович. Родился в 1928 г. в городе [Днепропетровске](#). Смена фамилии была вынужденной, так как с сентября 1941 по сентябрь 1943 гг. находился на оккупированной территории в городе [Павлограде](#)¹ [Днепропетровской области](#).

Мой отец, Хланович Семен Яковлевич, умер в 1932 году и мы с братом Мойсеем остались только с мамой. Мать, Хая-Двойра Лейбовна Хланович (до брака Баркан), спасаясь от фашистов, вывезла меня и старшего брата Мойсея, 1923 года рождения, в [Павлоград](#). По приезде в [Павлоград](#) мой брат Мойсей был призван в армию и ушел с советскими войсками.

С сентября 1941 г., поселились мы в квартире брата мамы, Бориса Лейбовича Баркана, который ушел на фронт, а семья его эвакуировалась.

28 сентября 1941 г. фашистские войска вошли в [Павлоград](#) и начался сбор и переписка всех евреев, а затем и массовые расстрелы. В связи с тем, что до войны мы часто приезжали к брату мамы и многие нас знали, мы с мамой были вынуждены скрываться, покинув эту квартиру.

Нас с мамой в начале приютила знакомая Барканов, Александра Романовна Терещенко, а ее муж, Иван Тимофеевич Терещенко, который поступил на работу в городскую управу, достал матери справку на имя Веры Петровны Солодовник.

Но скоро поступил донос, что родственники Баркана, мать и сын, скрываются в городе, и начались поиски нас. Мы вынуж-

дены были с матерью разойтись. Это было вызвано тем, что у меня явно еврейская внешность, да еще наличие «обрезания», не вызвало бы никаких сомнений в моей национальности.

Мать перешла жить к одинокому старику-инвалиду Николаю Гаркавенко на окраину города, где занималась его небольшим хозяйством.

Так как дед боялся меня держать из-за моей внешности, я вынужден был пуститься в бега по селам, где производил обмен спичек, соли, сахара и других товаров на продукты питания. Приобретать товары мне помогала Александра Терещенко, а ее муж, работник биржи труда в управе, сделал мне справку, что я Леонид Семенович, 1928 года рождения, направляюсь на работу учеником слесаря в обозный завод под город [Павлоград](#).

Этот «хлипкий» документ я мог, на всякий случай, показать при проверке. Очень много мне помогло и то, что ходил я по селам с Жорой Савченко, 1925 года рождения, с которым подружился. С ним, немного скрадывались подозрения о моей внешности. Ходить приходилось в «лохмотьях», часто попрошайничать. После освобождения города Жору призвали в армию, он погиб под [Кенигсбергом](#) в 1944 году.

Я и теперь удивляюсь, как мне удалось выжить в эти годы Холокоста, имея такие данные, как у меня.

Спасение пришло в сентябре 1943 года, когда советские войска освободили [Павлоград](#). Наконец-то я встретился с матерью, которая переживала за меня. Я пошел в школу под этими же документами, так как других, настоящих, нигде не сохранилось. Осталась на этой же фамилии и мать, но, выйдя замуж, стала Варновицер. Умерла она в 1975 году в [Запорожье](#), а похоронили мы ее на родине, в [Днепропетровске](#). По своим документам, я поступил в летное училище в 1950 г., пролетав военным летчиком до 1974 г., уволился на пенсию в звании майора.

Мои спасители: Александра Терещенко умерла в 1971 году, а Иван Тимофеевич – в 1974 г. Мой родной брат, Мойсей Семенович, вернулся с войны инвалидом. В 1990 году он с семьей выехал в [Израиль](#), где и проживает в настоящее время в городе [Ашкелон](#). Мы поддерживаем с ним постоянную связь, а в 1996 году, я посетил его в [Израиле](#).

Мы вспоминали наши детские годы, эти страшные годы войны, которые ему пришлось пережить в армии, и о том положении в котором я прожил страшные два года, под каждодневной угрозой быть расстрелянным лишь только потому, что я еврей.

Мой брат признанный писатель в [Ашкелоне](#). Он много пишет об этой трагедии в своих публикациях и книгах.

**«И ВОТ ТОГДА ЛЮДИ ПОНЯЛИ,
ЧТО ЭТО КОНЕЦ...»**

СОЛОНИНКИНА Кира (1926 г.)

Когда началась Великая Отечественная война, мой отец, Солонинкин Николай Алексеевич, был мобилизован на рытье окопов вокруг [Харькова](#). Я и моя мать, Солонинкина Софья Ефимовна (девичья фамилия Генина), еврейка по национальности, готовились к эвакуации.

Вскоре отец вернулся с окопов тяжело больным. Эвакуационных листов у нас не было, они выдавались в основном на крупных промышленных предприятиях, которые вывозили оборудование и людей. Пытались достать лошадь с повозкой, пошили рюкзаки, купили удобную для ходьбы обувь, но отъезда из Харькова на восток так и не состоялось. Сведения об уничтожении немцами евреев на оккупированных территориях почти не поступали.

24 октября 1941 года немецкие войска оккупировали город [Харьков](#)¹.

Первые полтора месяца обыскивали все дома, искали партизан и оружие, хватали заложников, вешали на площади по малейшему подозрению, в квартирах забирали то, что увидят ценное (часы, золотые вещи).

В начале декабря 1941 года началась перепись населения. Нам из домоуправления принесли переписные анкеты – белые и желтые листы. Приказали переписывать на желтые листы евреев, на белые – украинцев, русских и лиц других национальностей.

14 декабря 1941 года был издан приказ о том, что все евреи города [Харькова](#)¹ должны отправиться в бараки Тракторного завода в трехдневный срок. В случае неповиновения – расстрел на

месте. Я с мамой отправилась на Тракторный завод 16 декабря 1941 года. Остаться мы не решились, так как подвергли бы отца и окружающих соседей расстрелу за укрывательство. Так было написано в приказе, развешенном по всему городу.

Отец проводил нас до Харьковского моста. Дальше он не мог идти, потому что был болен. По дороге, ведущей к баракам Тракторного завода, шли сотни и тысячи женщин, стариков и детей. Многие везли на саночках больных, которые не могли двигаться самостоятельно. Были и такие, что везли кое-какой домашний скарб на санях и на телегах с лошадьёю. Люди думали, что это им понадобится, верили, что будут жить. По пути на обочинах я видела много трупов, особенно стариков, которые присели отдохнуть и уже не поднялись, замерзли. Мороз был 25–30 градусоv.

Молодые парни из местных жителей издевались над евреями, бросали в нас камнями, выкрикивали: «*Батько* Гитлер пришел! Бей жидов!». Мы не смогли в этот день дойти до бараков, так как измучились, замерзли ноги. Одна женщина сжалилась над нами и впустила обогреться. А на утро мы снова двинулись в путь. Бараки были уже близко.

Трудно описать место, куда фашисты загнали десятки тысяч евреев. Это были полуразрушенные, брошенные после окончания строительства завода бараки с выбитыми окнами, без печек, без воды, без элементарных условий для жизни.

Скученность, голод, холод, антисанитария скоро привели к кишечным заболеваниям, завшивленности. В помещения для 7–8 человек набивалось по 70–80 человек.

После 16 часов запрещалось выходить из бараков, но люди не выдерживали и выходили по нужде, а утром их находили убитыми на снегу. Каждый день по 20–30 трупов. По вечерам немецкие солдаты и полицаи заходили в бараки и требовали часы, золотые вещи, еду, деньги. Если люди не собирали сколько надо, то немцы расстреливали на месте.

Было очень страшно от неизвестности, что с нами будет дальше, от холода, голода, плача маленьких детей, стонов стариков и стрельбы по ночам.

Одни раз я попыталась выйти за пределы гетто, чтобы принести что-нибудь из еды. Мне это не удалось, потому что часо-

вой меня заметил и не пустил. Он ткнул меня автоматом и сказал: «Если пришла сюда, то сиди здесь».

23–24 декабря немцы объявили, что будут отправлять на работы в *Полтаву*, *Кременчуг*, *Ромны*. Переписали даже кто, какой специальности обучен. Вещи приказали погрузить на одну машину, а людям лезть на другую. Везли евреев большими партиями.

И вот тогда люди поняли, что это конец, что их отвезут на расстрел. Они отказывались лезть на машины, тогда их заталкивали силой. Отвозили их в овраг – *Дробицкий Яр*, который находился в 4 километрах от гетто. Там были вырыты огромные ямы. Евреев заставляли раздеться и их расстреливали. Там убивали женщин, детей, стариков. Мы слышали отдаленную стрельбу, пулеметные очереди.

В самом конце декабря в гетто пригнали евреев из поселков, которые находились под *Харьковом*. Я встретила знакомую мне семью *Шляпинтух* – отца, мать и дочь *Лизу* с двумя маленькими детьми. Я знала эту семью до войны, они жили в поселке *Высоком*, где наша семья отдыхала летом. *Лизе* с сыном удалось бежать, а ее родители и дочь погибли в гетто.

Из наших близких родственников были расстреляны мамин родной брат, *Иосиф Ефимович Генин*, с дочерью и мамина сестра, *Лиза Ефимовна Стрельцова*, с мужем, *Лазарем Стрельцовым*.

Когда собирались уничтожить наш барак, мы с мамой решили бежать. Один раз в день женщинам разрешалось идти по воду – с 12 до 13 часов.

2 января 1942 года мы взяли чайник и пошли по воду. На расстоянии трех километров от гетто была колонка, где все (в том числе украинцы и русские) брали воду. Мы выбрали момент, когда часовой отвернулся, и потихоньку отошли от колонки в сторону дороги. Там мы смешались с другими людьми, и пошли в направлении города.

Было очень страшно. Куда идти? Кто нас впустит к себе в дом? Еле дошли до города. Попросили хорошо знакомую семью *Морозовых* спрятать нас. Но они побоялись и отказали. Пришлось идти к себе домой. Это было очень опасно, так как соседи могли нас увидеть и донести. Отец спрятал нас в комнате, на

двери повесил висячий замок, чтобы было видно, что комната заперта и пустая.

Нам удалось приобрести для мамы русский паспорт умершей женщины Елены Ивановны Солнцевой. Помогли верные друзья – сестры Потемкины Наталья и Надежда Петровны, которые жили на улице Подгорной. После расстрела мужа Надежды Петровны, Исаака Итина, в его же квартире по доносу соседей, обе сестры поселились в нашей квартире по улице Епархиальной, 36 (теперь – улица Артема).

С русским паспортом мама долго скиталась по селам, а с августа 1942 по октябрь 1943 гг. жила в городе [Ахтырка Сумской области](#).

Весной 1942 года маме помогла подруга-врач Д. А. Тумалевич лечь в первую больницу к профессору Мещанинову, который спас жизнь многим партизанам и евреям, укрывая их в своей больнице. Меня так же укрывали в этой больнице в августе–сентябре 1942 года. Пребывая дома у Потемкиных, мне пришлось скрываться от соседей, знакомых, чтобы меня не выдали.

К нам в квартиру часто приходили соседи, знакомые, друзья родителей, но чтобы не показаться на глаза, я подолгу скиталась по городу и в пригородах, а к вечеру приходила в квартиру, где меня укрывали сестры Потемкины. Бывали случаи, когда им приходилось объяснять немцам, что я их племянница. Они обе хорошо говорили по-немецки. Это было моим спасением. У них не было детей, и они относились ко мне, как к дочери.

Впоследствии я им помогала, когда они постарели и стали немощными: ухаживала, лечила. У них не было родственников, и я их хоронила. Свидетельства об их смерти и сейчас хранятся у меня.

Подготовил Юрий Радченко.

Нацистская оккупация и Холокост в Харькове // Голокост і сучасність, 1 (7), 2010 – С. 154–161

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРОХОДИЛ ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ»

СТАРИКОВА Рива (1924 г.)

В августе 1941 года немецкий карательный отряд, войдя в местечко [Томашполь¹ Винницкой области](#), расстрелял на еврейском кладбище 350 человек (женщин, стариков и детей). Спаслись только двое: Ерма Урман и Клара Блувштейн.

Матери своими телами прикрыли их, и они остались живы. Ночью, в одежде, залитой кровью, они приползли в местечко и рассказали, что произошло на кладбище.

Оставшихся в живых евреев загнали в гетто. Для этого были отведены две улицы, которые обнесли колючей проволокой. Немцам помогли полицаи и некоторые из местных жителей. Обитатели гетто должны были носить желтую шестиконечную звезду. Там был кошмар. От холода, голода и антисанитарных условий в гетто начались эпидемические заболевания.

Большинство мужчин, и моего отца, забрали в концлагерь [Варваровка² Николаевской области](#). Многие оттуда не вернулись.

Томашпольские парни и девушки вместе с буковинскими и молдавскими работали летом на разных подсобных сельскохозяйственных работах в бывшем совхозе села [Александровка Томашпольского района](#). Условия труда и быта были ужасные. Жили мы в пустом здании без окон и дверей, работали по 14–16 часов. От непривычной и непосильной для нашего возраста работы руки покрылись волдырями.

Многие не выдержав, в том числе и я, бежали, прятались, но полиция выловила всех и посадила в тюрьму. В Томашпольской

тюрьме нас избили и, продержав трое суток, пешком отправили обратно в [Александровку](#).

Сопровождали нас румыны и мадьяры на лошадях. Я в то время болела малярией, но, несмотря на болезнь, меня тоже отправили этим этапом. Ходить я не могла, и меня под руки вели подруги, не давая упасть. Когда нас привели в [Александровку](#), то, не дав передохнуть и мстя за побег, несмотря на ночь, погнали на работу.

Очень благодарна я своему брату Саше, которому было в то время только 12 лет, но он, по возможности, подменял меня (он выходил на расчистку дорог от снега и на другие работы).

В течение трех лет каждый день нашего существования проходил под страхом смерти. Мы остались жить благодаря тому, что нас освободили советские войска, и немцы так лихорадочно отступали, что не успели ликвидировать Томашпольское гетто.

Освободили [Томашполь](#) 16 марта 1944 года.

«ФАШИСТЫ ЛИШИЛИ НАС ДЕТСТВА, НО ОНИ НЕ МОГЛИ ЛИШИТЬ НАС ПАМЯТИ»

СТАРК Борис (1935 г.)

Когда началась война, мне было шесть лет, но я помню события, связанные с нашей семьей, до мельчайших подробностей.

У нас в местечке [Томашполь](#)¹ [Винницкой области](#) появилась беженка из [Молдавии](#), которая рассказала о зверствах фашистов по отношению к евреям и советовала всем, кто может, бежать на Восток. Так как отец умел управлять лошадьми, мои родители решили ехать вместе с семьей папиного начальника, используя лошадей, которые были на фабрике.

Загрузив пожитки и посадив детей на подводу (у начальника была девочка моего возраста), мы отправились в путь на Восток.

Никогда не забуду бомбежек во время нашего похода, когда мы прятались во ржи или в посадках кукурузы. Самая страшная бомбежка была у переправы на реке Синюха возле города [Первомайска](#). Там мы впервые столкнулись с десятками жертв как гражданского населения, так и военных, погибших во время фашистских налетов. Я впервые увидел мертвых и раненых. Кругом лежали трупы: военные, женщины, дети. Вперемешку с ними – убитые и раненые лошади.

Увидев это, мой отец вместе со своим начальником решили поскорее уйти с этого страшного места и ехать другой дорогой. Это было ошибкой – вскоре нас догнали немцы, и мы оказались в тылу у врага. Пришлось ночами возвращаться обратно, и вскоре мы приехали в город [Тульчин](#) [Винницкой области](#), где мы остановились у маминой сестры и прожили там пару недель.

В то самое время, когда мы подъезжали к своему родному поселку [Томашполь](#), там происходила карательная операция СС. Они расстреляли 350 евреев из нашего местечка, среди которых была и наша родственница. Мы повернули обратно в [Тульчин](#) и пробыли там до тех пор, пока из [Томашполя](#) не ушли каратели.

После того как наша семья уехала из [Тульчина](#), все еврейское население этого города и близлежащих местечек, было загнано в концентрационный лагерь [Печора](#)². В этот лагерь смерти попали все наши родственники (двоюродные братья, сестры, дяди и тети – всего 49 человек). Почти все они там и погибли. В живых остались только двое родственников – мой двоюродный брат Саша (умер в 1995 г. в [Кливленде, США](#)) и его тетя. Задержись мы в [Тульчине](#) на неделю дольше, нас постигла бы та же участь.

В один из летних дней 1942 г. все оставшееся еврейское население поселка согнали на городскую площадь возле школы. Женщин отделили от мужчин. Мне было 7 лет, и я пошел с мамой. В центре площади стоял румынский комендант с огромной овчаркой и плеткой в руке. Я не заметил, как он оказался рядом. Овчарка вскочила и уперлась передними лапами в меня. От страха у меня перехватило дыхание (я до сих пор боюсь овчарок). Он начал что-то кричать, схватил меня и толкнул в сторону мужчин. Затем нагайкой полоснул меня по спине. Я вскрикнул от боли. Помню, отец подбежал и, взяв меня за руку, потащил в группу мужчин. Там, на площади, нам объявили, что отныне все евреи будут находиться в гетто за колючей проволокой, и обязаны носить на верхней одежде звезду Давида.

На следующий день мы уже были в гетто. Мы поселились в доме у наших знакомых, при въезде в гетто. Сразу же эсэсовцы провели облаву в гетто с целью изъятия у евреев драгоценностей. Наш дом был расположен первый. Вошли к нам двое здоровенных, как мне запомнилось, фашиста с автоматами в руках. Один из них схватил моего отца и поставил его к стенке. Я и мой старший брат бросились на колени перед эсэсовцем и начали умолять его не убивать отца. Он отшвырнул нас ногой и начал что-то говорить. Мы поняли, что он требует золото («голд» – золото и на немецком, и на идиш одинаково звучит). Отец ска-

зал, что золота у нас нет. Тогда немец начал считать до десяти и направил дуло автомата на отца. Наша мама быстро сняла обручальное кольцо и отдала нацисту. Он опустил автомат, взял у нее кольцо и начал рассматривать. К этому времени второй закончил обыск нашего скромного имущества. Не помню, что он у нас забрал, но они ушли. Мы еще долго боялись выйти на улицу. Нам хорошо были слышны крики соседей, плач и выстрелы.

В местечке были немецкая и румынская комендатуры. В первые дни оккупации организовали еврейскую общину и избрали еврейского старосту. Почти каждый месяц нам через старосту объявляли, что будут расстреливать, а чтобы на время остаться в живых, необходимо заплатить контрибуцию. Евреи сдавали все, что у них было ценное, чтобы откупиться. И взрослые, и дети обязаны были выполнять различные виды работ.

Время от времени в гетто проводились облавы. И всегда та же картина: крики и плач женщин и детей.

В 1943 г. моего отца вместе с группой евреев забрали ночью и отправили в рабочий лагерь – порт [Варваровка](#)³ [Николаевской области](#). По рассказам отца, каждое утро их выстраивали на плацу на поверку, и каждый день недосчитывалось по 20–30 человек, умерших от невыносимых условий работы, холода и голода. Места погибших пополнялись за счет вновь прибывших.

Остановлюсь только на двух эпизодах, рассказанных отцом. 17-летний еврейский парнишка был пойман фашистами при попытке к бегству. Тут же, на плацу, соорудили виселицу и устроили показательную казнь. При повешении веревка оборвалась, и парень упал еще живой. Бедный мальчик просил о пощаде, но его повесили вторично. Не помню, где я читал, что существует неписанный закон, что в подобных случаях казнь отменяют и жертве даруют жизнь. Но никакие законы, писанные или неписанные, не существовали для извергов-нацистов, а где уж говорить о законах морали и совести. Более того, они еще и фотографировались на фоне повешенного, чтобы отослать памятное фото своим родным в [Германии](#).

Случай, который произошел в этом лагере с моим отцом, закончился, прямо скажем, удивительно. В порту был эсэсовец, который прославился тем, что каждый день топил в море одного

или двух евреев. Для этого он находил всевозможные причины: за то, что человек случайно уронил в воду какой-нибудь инструмент или даже гвоздь, или за то, что кто-то не так посмотрел на него. При этом никакие мольбы не помогали.

В этот злополучный день отец по ошибке принес по приказу нациста молоток вместо ведра (эти два слова произносятся по-немецки почти одинаково). Когда он принес молоток, нацист вырвал его из рук отца и бросил в море.

– Доставай, – приказал он ему. Все, кто стоял недалеко, махнули на отца рукой – погиб, мол, бедняга. Но отец начал его просить и как смог объяснил, что у него маленькие дети. И тут произошло чудо: в душе изверга что-то зашевелилось, и он произнес: «Вэк!» – уходи.

Отцу удалось спастись и с несколькими земляками добраться домой.

16 марта 1944 г. нас освободили.

Где-то в мае или чуть позже, уже точно не помню, в наш поселок приехала Государственная комиссия по расследованию злодеяний фашистов на оккупированных территориях. Комиссия направилась к месту расстрелов, где начались раскопки и фотографирование останков.

Все евреи поселка, мал и велик, пришли туда. До сих пор, как вспомню – мороз по коже, когда моя тетя Бася обнаружила куски платья в горошек от ее расстрелянной дочери, 18-летней студентки Харьковского университета, гитаристки и певуньи, которую мы все так любили слушать. Истерический крик моей тети до сих пор звучит в моих ушах, когда вспоминаю.

В 1941 г., когда фашисты пришли в [Кодыму](#)⁴, моя бабушка Дина повесилась у себя в квартире, чтобы не погибнуть от рук извергов.

Нам суждено было остаться в живых. Фашисты лишили нас детства, но они не могли лишить нас памяти. Долг тех, кто остался жить – записать все, что они помнят. Чтобы будущие поколения знали, что произошло в эти страшные годы с нашим народом, и оставались бдительны.

«ДВАЖДЫ СПАСЕННАЯ»

СТОЛОВИЦКАЯ Анна (1921 г.)

Я, Столовицкая Анна Филипповна, в целях самосохранения во время нахождения в немецком плену, а впоследствии и на оккупированной территории, сменила свое отчество Файтелевна на Филипповна. Родилась 11 октября 1921 г. в городе [Полтаве](#). Здесь же окончила медучилище и как военнообязанная была направлена в октябре 1940 г. для прохождения военной службы в санчасть 194 горно-стрелкового полка 12 армии. Полк дислоцировался в городе [Черновцы](#).

16 июня 1941 г. полк выехал на летние учения в пограничный район местечка [Герцы Черновицкой области](#). Здесь, 22 июня 1941 г., около 4-х часов утра, нас обстреляли первые залпы начавшейся Отечественной войны.

До 2 июля 1941 г. мы сдерживали атаки немецких войск, а потом получили приказ планомерно отходить с занятых позиций во избежание окружения.

С боями, с ужасными людскими потерями отходили из территорий [Черновицкой](#), [Винницкой](#), [Киевской областей](#). В районе села [Подвысокое Кировоградской области](#) оказались в двойном кольце окружения, обессиленные, голодные, без боеприпасов.

8 августа 1941 г. в бессознательном состоянии, будучи тяжело контуженной, с черепно-мозговой травмой, вследствие чего до сих пор плохо разговариваю, я была пленена немцами.

Если бы была в сознании, предпочла бы смерть от собственного оружия, чем быть пленной теми, кто варварски уничтожал моих соплеменников.

Придя в сознание, ужаснулась, узнав, где нахожусь. Стала беспокоить мысль, чтоб не объявился предатель. Мои опасения оказались напрасными.

Сначала находилась в плену на территории бывшего аэродрома в [Виннице](#)¹ под открытым небом, палящим солнцем, под холодным дождем и морозами.

В конце декабря 1941 г. меня как раненую перевели в госпиталь для военнопленных, располагавшийся на территории Винницкой психбольницы в бараке № 25.

Здесь едва ли не стала жертвой доноса врача психбольницы. Спасли меня мои однополчане, также находившиеся в этом госпитале, убедившие немцев, что я не еврейка.

Весной 1942 г. снова переведена в госпиталь для офицерского состава, который был расположен в здании бывшего детсада около железнодорожного вокзала в [Виннице](#).

24 мая 1942 г. вместе с группой военнопленных женщин, меня освободили из плена. Получила соответствующий документ – энтласугаусвайс. Была направлена на работу медсестрой в больницу местечка [Литин Винницкой области](#).

Вскоре помещения больницы заняли немцы, меня же перевели в больницу села [Багриновцы](#). В первые дни пребывания в этом селе познакомилась с Аней Шмалий (после войны в замужестве Корчак), которая стала моей истинной спасительницей, близким человеком. Она уговорила своих родителей, чтобы они приняли меня в их семью.

Из плена освободилась в лохмотьях, сапоги были почти без подошв, изможденная и больная. Семья Шмалий буквально вырвала меня из объятий смерти, старалась откормить, приодеть.

До конца своих дней буду помнить благородный подвиг этой семьи. Они фактически дважды меня спасали – после плена и болезни, а потом не испугались, когда я призналась о своей национальной принадлежности. Укрывая меня, они очень рисковали.

В 1996 г. их гражданский подвиг отмечен институтом Яд Вашем. Членам этой семьи присвоено почетное звание «Праведники народов мира».

Находясь в [Багриновцах](#) мне удалось связаться с партизанским отрядом Хитриченко. Они забрали меня в свой отряд.

«Я ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНА СВОИМ СПАСИТЕЛЯМ»

СУПОНИЦКАЯ Вера (1938 г.)

Я, Супоницкая Вера Семеновна, родилась 6 января 1938 г. в городе [Лубны Полтавской области](#).

Отец, Супоницкий Семен Ильич (Гилевич) – еврей, мать, Любичская Валентина Петровна – украинка.

Когда началась война, мне было три с половиной года. Конечно же, я не могу помнить все, что тогда со мной происходило. Но мне много рассказывали и вспоминали вместе со мной о том страшном периоде жизни мама, родственники, знакомые, все те, кто участвовал в моем спасении, кого моей маме потом удалось разыскать. Но кое-что я и сама помню. Мама даже удивлялась, что я могла такое запомнить.

До войны мы жили в [Лубнах](#): папа, мама, бабушка, два брата, сыновья отца от первого брака (их мать умерла), я и моя няня. Старший брат Борис учился в [Харькове](#) в институте, он ушел на фронт в первые дни войны. Няня уехала домой.

Мы задержались с эвакуацией из-за моей болезни. Как только мое состояние улучшилось, мы погрузились на подводу (поезда уже не ходили) и наш обоз, в котором было много беженцев, двинулся в путь.

Когда доехали до моста через реку Сулу, соединяющего город [Лубны](#) и село [Засулье](#), нас обстреляли немецкие самолеты. Люди бросились врассыпную, появились раненые и убитые. Мама уложила меня и моего брата Руву в ров на обочине дороги и сверху легла сама. Это было так страшно: гул самолетов, стрельба, взрывы, крики людей.

Хотя я была совсем маленькой, весь этот ужас навсегда врезался в мою память. Самолеты улетели, но начался бой. Мы

спрятались в каком-то большом подвале вместе с другими. Потом бой стих.

Немцы оккупировали [Лубны](#)¹ 13 сентября 1941 года. Нас обнаружили, выгнали из подвала. Несколько человек, в том числе папу и дедушку забрали. Мы возвратились домой. Мамины друзья посоветовали маме прятать меня и Руву, так как немцы расстреливают евреев, даже детей. Поэтому мы прятались в погребе, откуда нас выводили только по ночам. Мама разыскивала папу и дедушку, но вскоре узнала, что их расстреляли как евреев.

Потом к нам с братом присоединились два военнопленных, бежавших из плена: поляк Сигизмунд Казимирович (фамилию не знаю) и украинец Василий Степанович Горобчук. Мамины друзья Кацуны Сергей Наумович и Фаина Петровна были подпольщиками группы Коробкова, моя мама им помогала. К активной работе ее не привлекали из-за нас, но она собирала еду для наших пленных, и этих двух человек на время привели к нам. Через некоторое время им достали фальшивые документы, и они ушли на другую квартиру.

Нам с Рувой тоже достали поддельные документы, по которым мы стали Любицкими Романом и Верой, детьми маминного брата, умершего до войны. Но все равно нам было опасно оставаться в [Лубнах](#), слишком много людей там знали нас как евреев. Мама собиралась увести нас с Рувой в село, но Рувочка тяжело заболел. Мама осталась с ним в [Лубнах](#).

Меня забрала тетя, мамина сестра, и увела в село [Шафоро-стовку Миргородского района](#) к родителям моей няни Ульяны. Оставила там, а сама возвратилась в [Лубны](#). Это было в ноябре 1941 г., после годовщины Октября, так вспоминали мама и тетя.

Рувочку прятали на печке, чужим говорили, что у него тиф. Он долго тяжело болел. Потом ему стало лучше. Но в село он идти еще не мог, в погреб тоже его нельзя было прятать, он был еще очень слаб.

Однажды его увидел в окно сосед-предатель и выдал немцам. Ворвались полиция и забрали Рувочку. Был февраль, было очень холодно, а больного мальчика уволокли полураздетым. Мама с тетей пытались его спасти, предьявляли поддельную справку, где он значился украинцем, но это не помогло. Полиция искали и меня, допытывались, где я, и мама сказала, что я

умерла. Только и удалось маме получить разрешение на передачи для Рувы. Больше двух месяцев мама носила передачи, а потом узнала, что Рувочку расстреляли через несколько дней после ареста. Мальчику было 15 лет. Он похоронен в братской могиле в центре [Лубен](#).

Потом, когда мама передавала немного продуктов нашим пленным, работающим за колючей проволокой на стройке рядом с нашим домом, ее заметил охранник и ранил в ногу. Тете с трудом удалось втащить ее в дом. Рана была не тяжелая, кость не задета. Но из-за отсутствия медикаментов рана загноилась и долго не заживала. Маму вылечил хирург Сергей Александрович Тимофеев. Он в своей больнице создал подпольный госпиталь для раненых советских воинов. К нему Кацуны привезли и мою маму.

Мама очень волновалась за меня, скучала по мне, но не могла ко мне добраться, а о том, чтобы забрать меня в [Лубны](#), не могло быть и речи, это было слишком опасно для меня.

Некоторое время я жила в семье няни Ульяны. Хотя у меня была поддельная справка, но все же меня прятали в подвале. Боялись, чтобы никто меня не увидел, а когда стало очень холодно, меня закрывали в кладовке. Я и в подвале, и в кладовке очень боялась сидеть, часто плакала. Хотя дом стоял на отшибе, на воздух меня боялись выводить даже ночью.

Однажды меня навестила тетя. Когда она пришла, я грызла сухарик. Я очень просила, чтобы тетя забрала меня домой, но она, скрепя сердце, вынуждена была оставить меня там, попросив хозяев, чтобы я еще у них пожила. Тетя оставила немного продуктов и ушла. Она потом рассказывала, что всю дорогу домой плакала, так ей было меня жалко. Она вспоминала, что я была очень худенькой и бледной.

Через некоторое время родители Ульяны, боясь, что их семья из восьми человек может из-за меня пострадать, решили отвезти меня домой. Ульяна пошла со мной на станцию [Ромодан](#), чтобы попытаться сесть на поезд. Пешком идти в [Лубны](#) я не могла, у меня сильно болели ноги, да и слишком мала я была для такой дальней дороги – мне было четыре года. Пока мы дошли до станции, поезд ушел, и нужно было ждать следующего до утра.

Мы попросились на ночлег к людям, жившим недалеко от вокзала. Хозяйка спросила, не больна ли я, уж очень худенькая и бледная. Ульяна ей рассказала, что меня держали закрытой из-за того, что я еврейка. Тетя Нила, так звали хозяйку, и ее дочь Анна Григорьевна возмутились, что Ульяна об этом рассказывает незнакомым людям, так и до беды недалеко. Утром Ульяна ушла на вокзал узнать, когда будет поезд на [Лубны](#), но попала в облаву. Ее забрали и увезли в [Германию](#). Юра, сын тети Нилы, видел, что Ульяну увели.

А я осталась в семье Неонины Дмитриевны Приходько. Они переживали, что моя мама не знает, где я, и не знали, как ее найти. У меня была только справка на чужую фамилию (тетя мне привезла новую справку, по которой я была Стеценко) и фотография мамы. Еще они знали, что я из [Лубен](#). Тетя Нила и Анна Григорьевна оставили меня у себя, надеясь в будущем отыскать мою маму. И здесь меня прятали в темной каморке, но там хоть не было так холодно, как в подвале.

Я жила в семье Приходько с марта по сентябрь 1942 г. Потом к ним на квартиру поселили немецкого офицера, и мои спасители вынуждены были отвести меня к своим знакомым в село [Шарковщину](#). Обо всем этом позже рассказали Неонила Дмитриевна и Анна Григорьевна Приходько, когда их нашла моя мама.

В [Шарковщине](#) я попала в семью Екатерины Ивановны Назаренко, вместе с которой жили дочери Пелагея, Анна, Настя и сын Михаил. И здесь меня прятали в чулане, стригли налысо, чтобы мои кудрявые волосы не выдали мою национальность, если меня вдруг кто-то увидит. Когда в селе появлялись немцы, я жила в лесной землянке. Вместе со мной там были Поля или Аня, дочери бабы Кати, как я называла Екатерину Ивановну. Однажды нас там залило водой. Я этого не помню, мне об этом рассказала Поля. Рассказывала она и о том, как я почти сутки просидела в скирде сена, куда меня спрятали от немцев.

Мама, как только поднялась на ноги, пошла ко мне в [Шафоростовку](#), но там меня не оказалось. Хозяева не знали, что случилось со мной и с Ульяной, считали, что мы обе погибли. Но мама отказывалась в это верить. Они с тетей искали меня, исходили пешком почти весь [Миргородский район](#), никто ничего обо мне не знал. Кто-то сказал маме, что в селе [Попивка](#) живет чей-то потерявшийся ребенок. Мама сразу же пошла пешком

туда, но это была не я. Шло время, все уговаривали маму смириться с мыслью, что меня нет в живых, но мама говорила, что сердцем чувствует, что я жива.

В июне 1943 г. родители Ульяны получили от нее письмо из [Германии](#), из которого узнали об ее судьбе и о том, где она оставила меня. Она не знала фамилии хозяйки, знала только, что ее зовут тетя Нила и что она с дочерью и сыном живет в [Ромодане](#), недалеко от вокзала. Когда об этом сообщили маме, она сразу же поехала в [Ромодан](#), нашла семью Приходько и с помощью Анны Григорьевны разыскала меня.

Наконец-то, в июле 1943 г., после двадцати месяцев разлуки, мы встретились с мамой. До конца оккупации мы жили в [Шарковщине](#) у Екатерины Ивановны, уже не расставаясь.

17 сентября 1943 г. [Лубны](#) были освобождены от немецких оккупантов. Вскоре мы возвратились домой. А с 1 октября 1943 г. мама уже работала в школе, она была учительницей.

Мой брат, Супоницкий Борис Семенович, был ранен и контужен. Он приезжал после ранения в отпуск. Это я хорошо помню. Мне было пять с половиной лет. Помню, как я рыдала, когда мы провожали Борю снова на фронт.

Еще долго война напоминала о себе. Все пережитое не прошло бесследно. Я долго панически боялась самолетов, услышав их гул, бежала сломя голову, натываясь на предметы и людей, пряталась под кровать. Боялась пленных немцев, а их много работало в [Лубнах](#), разбирали руины ([Лубны](#) были сильно разрушены). Пряталась, если кто-то заходил к нам в дом.

Из-за простуд, ведь во время оккупации мне приходилось жить в погребе, в землянке, я заболела ревматизмом, потом энцефалитом, перенесла в детстве и туберкулез. Из-за болезни не смогла создать семью.

Я очень благодарна своим спасителям. Давно нет в живых Неонины Дмитриевны Приходько и Екатерины Ивановны Назаренко. Дочь Неонины Дмитриевны, Анна Григорьевна Приходько, живет в городе [Лубны](#). Мы с ней и сейчас поддерживаем родственные отношения. Дочери Екатерины Ивановны, Пелагея Ивановна Назаренко и Анна Ивановна Бабенко, живут и сейчас в [Шарковщине](#). С ними я тоже общаюсь, особенно с Полей.

Теперь я живу в [Лохвице Полтавской области](#).

«МОЖЕТ, ЭТО БЫЛ НЕ Я, МОЖЕТ БЫТЬ, МНЕ ЭТО ПРИСНИЛОСЬ...»

СУШОН Сергей (1928 г.)

Я, Сушон Сергей Петрович, родился в [Одессе](#) в интеллигентной семье. Отец – инженер, мать – врач. Я и младший брат Леня были с детства окружены любовью родителей и бабушки.

Мы росли в [Одессе](#), которая отличалась своей интернациональной атмосферой. У нас никогда не было никаких разговоров по поводу национальностей, никакого расизма. И если появлялись какие-то нехорошие выходки относительно нации, это порицала общественность.

Еще до начала войны, в 1937 году, нашу семью постигло большое горе: отец, главный инженер на крупном пивоваренном заводе, был объявлен «врагом народа» и арестован. Этот период в истории [Советского Союза](#) характеризуется массовыми арестами часто невинных людей, политическими репрессиями и ссылками. Отец, а также директор завода и его жена были арестованы по обвинению в шпионаже вскоре после того, как завод посетила делегация из [Японии](#).

Я помню, как ночью пришли люди из НКВД в фуражках. Папа всех нас поцеловал, сказал, что это недоразумение. Разберутся, и он вернется через три дня. В тюрьме он просидел почти два года, а директора вскоре расстреляли, но это стало известно лишь потом. Отец не подписал ни одной бумаги, где бы признался, что он шпион. Его выпустили в 1939 году. Ему тогда было 37 лет, а он вернулся без зубов и без волос.

Этот эпизод стал большой трагедией для всей семьи.

В 1939 году [Советский Союз](#) заключил договор с [Германией](#).

Мне было 11 лет, и я никак не мог понять, как фашисты приезжают в Москву и заключают договор с Молотовым, когда до этого все газеты писали, что фашисты – это националисты и люди, не достойные, чтобы с ними дружили. Даже показывали фильмы, в которых нацисты издеваются над евреями. В [Германии](#) арестовали Тельмана, коммуниста, который должен был организовать коммунистическую революцию. И тут вдруг в [Одессе](#)¹ появляются пароходы со свастикой на трубе, и на них грузят зерно, металл – торгуют с [Германией](#). Мы этого никак не могли понять.

В этот же период были созданы замечательные произведения музыки и литературы, песни, которые пел весь народ. В них воспевалась демократия в СССР, говорилось, что Советская Армия – самая сильная в мире, что, если будет война, мы победим всех, и будем воевать только на территории противника.

И вот, в 1941 году, 22 июня, выступает по радио министр иностранных дел Молотов, говорит о вероломном нападении. Без объявления войны начинают бомбить Москву, Киев.

[Одессу](#) не бомбили 30 дней. 22 июля, ровно через месяц после начала войны, стали бомбить и [Одессу](#). Бомба попала в наш дом, и мы увидели первых убитых людей.

После этого подошли войска и окружили город. До этого люди с большим трудом могли покинуть город на поезде. Но когда окружили [Одессу](#), никто выезжать больше не мог. Пароходы, которые тоже вывозили людей, были потоплены недалеко от выхода из порта.

Бомбежки практически не прекращались. Мама работала в больнице, куда каждый день привозили по 300–400 раненых. И вот такие мальчишки, как я и даже мой младший брат, развозили на тележках раненых в отделения, и даже в морг вывозили мертвых.

[Одесса](#) мужественно оборонялась более 2-х месяцев, проявив героизм солдат и моряков, отбивающих атаки немцев и румын. Тем не менее, немецкая армия имела преимущество в авиации, против которой советская зенитная артиллерия была бессильна. Солдаты Красной Армии, вооруженные винтовками устаревшего образца, не могли противостоять немецким автоматам и пушкам.

В это же время в **Одессе** скопилось огромное количество людей, бежавших из **Бессарабии**, **Буковины** и **Одесской** области в надежде, что им удастся эвакуироваться. Среди них было много евреев. Но в середине октября 1941 года последние корабли с советскими войсками покинули **Одессу**. 16 октября город был захвачен немецкими и румынскими солдатами. Он был обессилен бесконечными обстрелами и бомбежками, а также отсутствием воды.

По планам гитлеровской коалиции и в соответствии с немецко-румынским договором, на территории **Одесской** и **части Винницкой** и **Николаевской** областей, а также левобережной части **Молдавии** румынскими властями была создана административно-территориальная единица Губернаторство Транснистрия. Ее столицей стала **Одесса**.

Будучи союзником нацистской **Германии**, румынское правительство проводило план по ликвидации евреев и цыган. Было принято решение, что именно на территории Транснистрии будут проведены операции по уничтожению всех евреев, которые оказались на оккупированных землях. Первые расстрелы мирных жителей начались непосредственно после захвата города.

В первый же день оккупации в больницу, в подвале которой жила наша семья, привели около 40 пленнх. Среди этих пленнх были нам, мальчишкам, знакомые – два шофера, которые привозили раненых с фронта на автобусах «скорой помощи». Этим пленнх поставили возле входа в центральный корпус, а на лестнице водрузили пулемет. Румынские офицеры крикнули: «Евреи! Шаг вперед!» Оказалось, что один шофер, дядя Яша, был евреем, а другой, дядя Леня – русским. И из 40 человек 7–8 вышли вперед, в том числе и дядя Яша. Эту группу пленнх евреев отвели в дальний угол больницы, и мы слышали, как их расстреляли там.

Это был шок для детей таких, как я; это было совершенно непонятно! О том, что немцы могут убивать, мы знали. Но не могли представить, что такие люди, как они, которые дали столько гениев – музыкантов, ученых, художников, инженеров, писателей, могут применять жестокие меры к невинным.

По городу появились объявления, что лица еврейской национальности должны явиться в трехдневный срок в районные отделения полиции и сдать все свои ценные вещи. Кто не сдаст драгоценности, будет передан в военно-полевой суд, и будут применены самые строгие меры.

Моя бабушка тоже пошла, сдала все золотые кольца и серьги в полицию и получила справку.

Оккупанты распространяли газеты, в которых писалось, что немецкие войска находятся под **Москвой**, что немецкие офицеры видят в бинокль время на Кремлевских часах. Писалось о том, что правительство Сталина сбежало из Москвы, и Гитлер уже готовит победный парад на Красной площади. Люди были шокированы такими сообщениями. Наступила паника. Местное население отвернулось от евреев.

С 17 октября в район артиллерийских складов на Люсдорфской дороге (теперь в районе площади имени Толбухина) начали прибывать военнопленные, которые не смогли по каким-то причинам эвакуироваться с частями Красной Армии.

19 октября было объявлено о начале «регистрации мужского населения», и к военнопленным стали добавлять мирных жителей, которые при регистрации или первых облавах на улицах города показались оккупантам подозрительными.

Всех их заперли в пустых пороховых складах и в течение нескольких дней, начиная с 19 октября, расстреляли. Некоторые склады были облиты бензином, и узники были сожжены в них заживо.

Женщин, детей, стариков загнали в артиллерийские склады и около 25 тысяч евреев сожгли живыми. Запах от сгоревших человеческих тел три дня развевался по городу, и все знали, что там сожгли живых людей. В этом огне сгорела моя тетя с двумя детьми, 18 родственников моей учительницы по музыке. С родственниками моей учительницы я познакомился в апреле 1941 года (мне было 13 лет), меня пригласили на седер Песах. Там я узнал о еврейских обрядах, как ищут мацу, наливают вино, читают Агаду. Я был пионером и не верил в Б-га, поэтому спорил, что не может море разойтись, чтоб евреи прошли, а фараоны утонули. И вот все эти люди сгорели... А моя учительница не попала в эти склады. После того, что произошло, она пришла домой и выпрыгнула в окно с 5 этажа.

Когда я бываю в **Одессе**, я прихожу во двор ее дома, смотрю на то окно, на то место и вижу ее мертвой... И когда мне удастся сесть за пианино, я тоже вижу перед собой лицо моей учительницы...

Через несколько дней, 22 октября, в одесском здании НКВД, которое было занято румынской военной комендатурой, произошел взрыв мины замедленного действия, заложенной туда саперами Красной Армии во время их ухода из города. В результате этого теракта погибло 67 человек, среди них 16 румынских и 4 немецких офицера, а также румынский генерал-комендант города.

Ответственность за взрыв возложили на коммунистов и евреев.

В ответ на взрыв начались облавы и расстрелы, проведенные румынскими войсками и прибывшей 23 октября немецкой айнзатцгруппой. По всей улице Маразлиевской солдаты врываются в квартиры и всех найденных жителей расстреливали или вешали. Облавы производились на улицах и рынках города, в пригородах. Людей расстреливали прямо на месте у стен домов или заборов. Самое страшное зрелище, по воспоминаниям выживших, представлял собой Александровский проспект: на нем было повешено около 400 горожан. Эти ужасные сцены навсегда запечатлелись в моей памяти.

На всех столбах и деревьях висели люди: в основном это были евреи. В одесскую тюрьму загнали очень много людей. Всех мужчин, а мужчин было мало – многие ушли на фронт или были эвакуированы, остались только старики, инвалиды, больные, но все равно всех мужчин от 18 до 60 лет, отделили и отвезли за 20 км в село **Дальник**. Там были массовые уничтожения, где евреев расстреливали поголовно.

Румынскими властями был издан приказ, обязывающий всех евреев явиться 24 октября в **Дальник**. У заставы собралось около 5 тысяч человек, которые были распределены по баракам с отверстиями в стенах и полом, залитым бензином. Люди в бараках были безжалостно расстреляны из пулеметов в тот же день. Некоторые из барачников были сожжены, другие – забросаны гранатами.

В последующие месяцы еврейское население города и области, а также множество евреев, согнанных из **Бессарабии** и

Буковины, рассылалось в различные концлагеря, устроенные в сельской местности.

Позднее гетто было организовано в самой **Одессе**, в районе Слободка, куда в январе 1942 года были выселены 35–40 тысяч оставшихся в городе евреев. В это гетто холодной морозной зимой отправились и мы.

Стояла страшная зима. На всей территории страны были такие морозы, что немцы под **Москвой** замерзали. А в **Одессе** в это время евреи должны были идти на Слободку. В мороз 25 градусов бабушка, я, брат и мама, с мешками за плечами, в которых лежали сухари и кое-какие вещи, вместе со всеми, поплелись по улицам на Слободку.

Этот поток людей шел несколько дней. Кто тянул за собой саночки, кто детские коляски с грузом, кто плелся с торбами. Вся дорога была покрыта замерзающими трупами. Я видел, как хулиганы садовыми ножницами отрезали пальцы с кольцами с мертвых тел. Это картины, которые запечатлел мозг мальчика 14 лет: идут люди, которые бросили свои квартиры, идут в неизвестность, а на земле лежат мертвые, и собаки обгрызают их лица... Это забыть невозможно...

Район был огорожен колючей проволокой, а на вышке стояли румыны с автоматами. Туда пускали, но обратно никто не мог выйти. Когда мы пришли на Слободку, людей загнали в пустые амбары, в сараи, гаражи. Все располагались на полу со своими детьми, чтобы прилечь, занять место. Евреи замерзали, помещения ничем не отапливались.

Через 3 дня после прибытия в Слободку, 15 января, мне исполнилось 14 лет. Свой 14-й день рождения я запомнил на всю жизнь. И у моей бабушки в тот день тоже был день рождения. В бараке было 24–25 человек. Зашли 2 румынских солдата и два полица-украинца, и они сразу увидели небольшой белый чемодан. Это был мой чемодан. В нем лежали книги для 7 класса, коллекция марок, коллекция заграничных монет, молоток, рубанок, белье. Один из полицаев схватил этот чемодан. Я почувствовал, что лишаюсь своего богатства, и начал кричать, что там книги (я понимал, что им нужен только мой чемодан). Румыны не понимали, но полицаи понимали все. Но вместо того, чтоб выбросить мои книги на пол, полицаи ударил меня сапогом в

живот. Я отлетел к стенке и упал. Моя мама подбежала и начала говорить с полицаем, но он ударил ее в ухо. Этого забыть нельзя, потому что таким был мой день рождения.

В Слободском переполненном гетто нам приходилось жить в ужасных условиях. Вскоре все почувствовали, что у них начинают появляться вши, распространилась эпидемия сыпного тифа.

Врачи, находившиеся в гетто, в том числе и моя мать, организовали госпиталь в пятиэтажном помещении бывшего общежития Водного института. Нашли переносные печки, которые топились перегородами с чердака.

В этом госпитале в одной комнате вместе с нами (бабушкой, мамой, братом и мной) жили еще 6 жильцов. Все спали на полу – кто, где мог.

Мама привела к нам в комнату тетю Фаню – красивую еврейку с пышными формами. Она была с маленьким ребенком 6–7 лет, у которого была забинтована голова. Когда мама и бабушка (она была акушеркой) начали снимать бинт с головы, я стоял рядом. Они открыли рану на голове ребенка – там были черви...

Однажды ночью с этой женщиной произошло страшное событие: к ней пришел румынский офицер и хотел ее изнасиловать. Но старший мальчик, который не спал, подбежал к румыну и хотел его ударить. У него это не получилось, и румын схватил утюг и убил старшего мальчика, а потом ударил младшего. С этим раненым ребенком женщина долго скрывалась и потом попала в Слободку, где мама забрала ее в нашу комнату.

Хотя госпиталь в гетто и был, медикаментов и надлежащих условий для ухода за больными не было. Врачам приходилось очень тяжело. Сыпной тиф, брюшной тиф, воспаление легких и другие болезни распространялись и уносили множество жизней. Условия были ужасные; воды не было, туалеты – замерзшие. Я, мой брат, а потом и мама заболели сыпным тифом.

Эта болезнь имела такой период: кризис, когда температура поднимается до 41–42 градусов, а потом резко падает. Это самый опасный момент: если не умер, то ты выживешь. Но мы выжили!

Рискуя жизнью, я, вместе с другими мальчишками из гетто, лазил через забор и бежал в больницу, где раньше работала моя

мать. Врачи и медсестры, которые ее знали, давали им еду, и все это приносилось в гетто.

Если кого-либо из беглецов ловили, немедленно следовало жестокое наказание. Солдат держал беглеца за руку и водил во двор дома, где был госпиталь, а все жильцы должны были смотреть в окно, как солдат 25 раз ударял парня ремнем с пряжкой. И когда он его водил и бил, мальчик должен был кричать: «Кто будет убегать из гетто, будет получать так, как я!» Если после 25 ударов он выживал, солдат его отпускал внутрь. А практически добивали до смерти.

Не проходило и дня без трагедии, без чьей-либо смерти.

Когда умирали люди, мы, пацаны, главным образом были заняты тем, что выносили трупы по лестнице вниз, в котельную. Поскольку был мороз, все замерзло, а когда наступили март, апрель, все оттаяло, и стоял невыносимый запах. Мы должны были потом вытаскивать из котельной эти полузамерзшие трупы, выносить во двор, и грузить тела на подводу.

Этого забыть нельзя. Я думаю: может, это был не я, может быть, мне это приснилось... Но жизнь есть жизнь, приходится все похоронить в себе и продолжать жить. Хотя эти картины я видел еще много лет после освобождения; просыпался оттого, что снились эти ужасы.

Гетто на Слободке организовали с определенной целью: сконцентрировать всех евреев на ограниченной территории для последующей депортации. Ежедневно из гетто отправляли в этапы людей. Ходили мрачные слухи о том, что всех уничтожали. Каждый день в школе собирали слободских евреев, готовя очередные этапы по 500–1000 человек для вывоза за пределы [Одессы](#) по направлению [Виноградное или Березовка–Мостовое–Доманевка–Акмететка–Богдановка](#). В лютые морозы 1942 года евреев гнали по этим «дорогам смерти».

Из Слободки группы по 500–1000 человек вели пешком на железнодорожную станцию и отправляли в вагонах, предназначенных для груза, угля или скота, в село [Березовку](#), а оттуда в концлагерь. Никто из этих людей не возвращался. Причем были такие семьи, в которых мальчик 15–16 лет и девочка 18 лет попали в этот этап, а родители остались в [Слободке](#). И никто не возвращался обратно. Думать о том, что всех убивают, не укладывалось в голову.

Рано или поздно наступила очередь для всех без исключения. Последним этапом ушли слободские врачи и еще 500 человек, среди них мы – бабушка, мама и я с Ленией.

Нас погнали пешком до железнодорожной станции, посадили в вагоны из-под угля. Набили так, что люди могли только стоять, все испражнения только под себя.

Утром, когда приехали в [Березовку](#), солдаты открыли дверь, там платформы не было – надо было прыгать из вагона два метра вниз. Те, кто стоял у двери были сразу вытолканы толпой, все упали вниз. Люди начали прыгать на них. Все были в угле черные, как негры.

Из [Березовки](#) пешком нас гнали дольше в [Доманевку](#). Был июнь, шли дожди – глинистая почва, большие лужи, а конвоиры, румынские солдаты и полицаи, гнали этот этап по лужам.

Вот мы подходим к [Мостовому](#), и, когда нас вели через [Мостовое](#), с двух сторон улицы стояли жители и говорили: «Зачем вам эта шапка, зачем это платье, пиджак? Вас там, за селом, всех расстреляют». Разве человек может поверить, в то, что они говорят; как можно вдруг там, за селом, кого-то застрелить. Никто не хочет ничего отдавать, а они подходят к тебе и срывают с тебя все...

В [Доманевке](#) нетрудоспособных – раненых, калек, матерей с маленькими детьми – отделили от трудоспособных. Я с братом, бабушкой и мамой попали во вторую группу, которую послали на сельскохозяйственные работы.

Прошло еще некоторое время, и тех, от которых польза не очень большая, а нормы большие, отправили в другое гетто – в [Акмечетку](#)². В [Акмечетке](#) нас загнали в свинарник, где были клетки для свиней.

Клетка в том свинарнике, где мы были, предназначалась для свиноматки с поросятами. В каждой клетке поселили по 8 евреев. Никаких постелей, кроме соломы. Когда нас туда привезли на подводе, там уже все было занято, оставалось только дополнительно подселить. Там стоял такой запах от свиней – аммиак, что резало нос, но человек может ко всему привыкнуть.

Таких свинарников было три. В последний селили больных. Там была малярия, фурункулез, тиф.

Там, в 3-м бараке, умерла бабушкина сестра. Причем она была уже не совсем в своем уме, потому что ее старшая дочка с двумя детьми сгорела в складах. А вторая дочка, студентка университета, вовремя не пошла в этап, так мать, которая тоже не пошла в этап, поднялась на 4-й этаж по винтовой лестнице и стучала в дверь квартиры, но та ей не открыла. Мать чувствовала, что дочка дома; она спустилась вниз и стала кричать ей: «Сара! Сара!». Сара открыла занавеску и показала ей рукой: «Уходи!». А дворник увидел, что она дома, поднялся по лестнице, взял топор, разбил дверь и тащил Сару за ноги по винтовой лестнице с 4-го этажа вниз. Она билась головой о ступеньки, пока он ее не спустил, но Сара была уже мертва. Мама потом вернулась обратно и увидела свою мертвую дочь...

В другой клетке, среди 8 человек, был одесский адвокат Фукс. Он был когда-то высокий красивый мужчина. Жил он там с женой и дочкой 18 лет, которая училась в художественном училище. Когда мы приехали, этот Фукс был – кожа и кости. Он вскоре умер. Его дочь Валя на картонке от тары обгоревшей палочкой нарисовала силуэт его мертвого лица. Мой брат говорил, что он потом видел этот рисунок в музее Холокоста в [Вашингтоне](#).

В гетто каждый день приезжал старик на повозке с бочкой, в которой была просяная мука, перемолотая с зерном. Становилась очередь евреев, старик зачерпывал каждому кружку муки. У кого была посуда, он насыпал в чашку или кружку, кастрюльку, а у кого не было, так он насыпал в полу или в тряпку. Многие прямо эту сырую муку кушали.

Мне было 15 лет, и брат Леня уже подросток. Мы ловили сусликов: они вылезали из земли, маленькие, похожие на мышей. Мы их жарили на костре: ставили два кирпича, а на них железку от крыши. Бабушка разбавляла муку водой и пекла – и это был деликатес. У нас был большой зеленый чайник с выпуклой белой крышкой, из которой мы могли кушать.

Вокруг этой «плиты» бегали дети, которые остались без родителей. Моя бабушка угощала их, она всегда отличалась любовью к людям. Среди детей был один мальчик, который до войны приходил ко мне на именины. Папа его был в армии, а мама и бабушка уже умерли в [Акмечетке](#). У этого Аркадия Альтмана

был фурункул, и осталась дырка на щеке. Он мог показать язык оттуда. Позже и он умер.

Несмотря на то, что мы, евреи, жили в таких ужасных условиях, мы все равно на что-то надеялись. Вот ночью, когда уже меньше стонов, меньше плача, меньше рыданий, когда становится тихо, евреи из одной клетки свинарника разговаривали с евреями из другой. Такой разговор: «Если придет Красная Армия, всех евреев сделают героями Советского Союза и всех пошлют в крымский санаторий», а кто-то отвечает: «Ты, сумасшедшая, зачем тебе Крым? Пусть будет чистая постель, табуретка, маленький столик, картошка в мундирах и селедка. Мне больше ничего в жизни не надо».

Был юмор, и было много трагедий, но мечта, что это может кончиться, она была, хотя никто не мог сказать с уверенностью, что наши победят немцев. У евреев не было ни радио, ни газет. Мы ничего не знали. Единственное, о чем мы слышали, что под [Сталинградом](#) у немцев была три дня панихида по погибшим войскам Паулюса. Потом, когда Красная Армия уже наступала, по самолетам, которые летали то в одну сторону, то в другую, мы понимали, что что-то происходит.

Мне тем временем исполнилось 15 лет. Я много работал: косил траву, пас скот, возил воду для лошадей. Позже хозяин свинофермы, немец по фамилии Фиттер – одноглазый пьяница, который любил хвастаться, что убил 5 тысяч евреев, сделал меня своим кучером. Сам Фиттер и его жена жили среди крестьян. Он часто пьянствовал и насиловал местных девушек. Жена его потом злилась и избивала его бедных жертв.

Запомнился следующий эпизод. Однажды Фиттер приказал запрячь лошадь, и мы с ним поехали туда, где была его администрация, в 3 км от свинарника. Уже вечерело, и я подождал его час-полтора – он не выходил. Он вообще выпивал крепко. Потом он вышел, увидел меня и махнул рукой мне. Я понял, что он там остается, и чтоб я уезжал. Я быстро уехал, распряг лошадь, пошел в конюшню – там у меня было 12 лошадей. Я собрал 6 лошадей, напоил их у колодца, потом других 6 лошадей, дал им сена и стою возле конюшни, разговариваю с ребятами и девушками.

И вижу, что он идет пешком, и по мере приближения я замечаю, что у него в руке не кнут, а только палка от кнута, виш-

невая палка, которая гнется, но не ломается. Когда он подошел ближе, я по лицу понял, что он недоволен, что пешком шел, а он сразу стал меня этой палкой бить. Несколько раз ударил меня по плечу и потом по руке, и я побежал к зарослям колючек. Я бежал, бежал и упал – я не понимал, за что же он меня бьет, если сам меня отослал.

Вот так я пролежал в этих колючках, а один из крестьян верхом на лошади подскочил ко мне и сказал, что «господин заведующий требует, чтоб ты вернулся обратно».

Когда я подошел, немец закричал: «На колени! Ты должен при всех извиниться передо мной!». Я сказал, что ни в чем не виноват. Он начал меня опять бить. У меня больше не было сил обороняться. Я упал, и мать одного моего товарища говорит мне: «Ты, сморкач. Извинись перед господином заведующим!». То, что она сказала, для меня было больше, чем удары. Я не понимал, как она может мне это сказать.

И потом, много лет спустя, сколько она была жива, я ее не раз спрашивал, как она могла мне это говорить. А я и на колени не встал, и не извинился. Он, по-моему, устал меня бить. Вспоминая этот эпизод, я тоже задумываюсь: это я был или не я?

В последние дни немецко-румынской оккупации нашу семью прятала семья украинцев. Лиду, девочку из этой семьи, «Праведницу мира», я люблю, как родную сестру. Она живет с мужем в [Израиле](#). После войны моя мама помогла Лиде устроиться в [Одессе](#) на курсы медсестер.

И вот, наконец, долгожданный день освобождения. 28 марта 1944 года канонада от пушек (где-то были бои) вдруг затихла. Мы были в погребах, где украинцы нас закрыли, потому что это было самое опасное время. В последние дни шли не немцы, а власовцы – русские, которые были на стороне Гитлера. Они знали, что, если попадут в плен, их сразу убьют. Их сильно боялись. Они бежали с факелами и кричали: «У вас жиды прячутся?» Если кого-то находили – дом поджигали, а дома были покрыты камышом, соломой.

28 марта Лида прибежала в погреб, где я был с бабушкой (мама с братом были в другом погребе), и говорит: «Сергей! У нас червоні». Я пошел туда, где сидели 4–5 солдат. И когда я

зашел, то увидел, что у них погоны. Я помнил, что у Красной Армии погон не было, а были знаки на воротнике. Я испугался, не знал, что в Красной Армии ввели погоны, и они начали спрашивать, кто я и откуда.

И вот начинается жизнь, когда ты приходишь опять к себе домой. И ты вспоминаешь что там, в свинарнике, говорили, что ты будешь Героем [Советского Союза](#), но когда ты пришел к себе домой, соседи говорят: «Почему тебя не убили?»

Начинается другая полоса жизни человека, когда чувствуешь, что ты такой же как и все другие, ничем не отличаешься. И вдруг есть какая-то сила, которая говорит, что нет, ты не такой! Тебя надо убить!

Во второй половине 1940-х, когда свежи еще в памяти ужасы Холокоста, [Советский Союз](#) охватывает так называемая «борьба с космополитизмом», носившая антисемитский характер и сопровождавшаяся увольнениями и арестами евреев под знаком борьбы за советские приоритеты достижений в сфере науки.

Будучи студентом, становится, я был свидетелем, как профессор термодинамики Гольфштейн был обвинен в «преклонении перед Западом» и снят со своего поста. А в 1967 году, во время Шестидневной войны, другой лектор рассказывает студентам о международных событиях и упоминает об [Израиле](#), разбомбившем египетские самолеты. Никакого сионизма в его лекции никто не заметил, более того – не почувствовал даже еврейства лектора. Но беспощадные власти на следующий же день шлют письмо в райком партии с докладом о его «произраильском настрое». Лектора увольняют, выгоняют из партии и навсегда лишают возможности читать лекции.

Антисемитизм проявляется с огромной силой. Если евреи собирались у Бабьего Яра, их немедленно арестовывали. Если позже ко мне – уже начальнику отдела – обращаются на работу еврей и украинец, то я обязан был отослать первого.

Я стал ученым, написал 10 книг, 350 научных статей, выезжал больше 20 раз в составе государственных делегаций за границу, получил квартиру в центре [Киева](#). Но дышать свободно я не мог. Таких людей, как я, было очень много!

Причем у меня двойное ощущение: первое, что ты еврей, а второе: ты не можешь сказать, что ты думаешь. Поэтому, когда появилась возможность выезда, люди спохватились. У кого по-

явилась возможность уехать, он должен был себе открыть этот кислород.

Сменить место, где ты родился, где ты учился, где у тебя есть знакомые, очень трудно. И вместе с тем люди шли в неизвестное, лишь бы оттуда вырваться.

Вторая мировая война не изменила человечество, люди не вынесли из нее нужный урок. Вражда между людьми, между народами, между конфессиями или даже внутри одной религии, – продолжается. Политики, преследуя свои цели, сталкивают народы друг с другом.

Провозгласи в наше время кого-либо вне закона – нашлись бы люди, готовые их уничтожить. Спроси в России или на Украине: кто пойдет защищать евреев? Никто не пойдет! Память о том, что было, – это важно, но еще важнее воспитание людей в самых лучших качествах проявления любви.

Я говорю устами многих тысяч людей. Мы, те, которые должны были погибнуть, и я говорю за тех, кто погиб, и уверен, что они на том свете могут радоваться, что кто-то остался и может за них сказать хорошие слова тем людям, которые идут нам навстречу. Чтобы следующие поколения были научены и воспитаны со знанием того, что происходило...

Потому что, если эту работу не проводить – мы опять погрузимся в темноту.

«ЛЮДЕЙ УМИРАЛО ОЧЕНЬ МНОГО...»

ТАРАСОВА (ГРИНБЕРГ) Мария (1937 г.)

Я, Тарасова (Гринберг) Мария Мееровна, 1937 года рождения, проживала с матерью и сестрой в городе [Виннице](#) по ул. Кармелюка, 1.

Отца в 1938 г. репрессировали как сиониста и сослали без суда и следствия на 10 лет в [Коми АССР](#), где он и умер в 1943 году.

Когда началась война, мама, я и сестра приехали в город [Тульчин Винницкой области](#) к тете.

После того, как румынские войска заняли [Тульчин](#)¹, нас вместе с другими родственниками погнали в лагерь в [Печору](#)², где мы находились с 7 декабря 1941 по 14 марта 1944 гг.

Вспоминаю, как нас гнали этапом из [Тульчина](#). Шел мокрый снег. Те, кто не мог ходить – падал, их били и расстреливали на месте. Люди поддерживали друг друга, потому что боялись упасть. Тем, кто падал, подняться уже не давали.

Загнали нас в барак всех вместе: стариков, детей, женщин, мужчин. Все мы спали на полу. На каждого человека приходилось по 3–4 доски пола. Если кто-то умирал, то несколько дней находился рядом с живыми, так как похоронная команда не успевала убирать трупы. Умирили от холода, голода, сыпного тифа и других болезней. Везде лежали раздетые и полураздетые трупы. Людей умирало очень много. Их сбрасывали на подводы, друг на друга, как дрова, а затем вывозили за территорию лагеря.

На территорию лагеря никого не впускали и не выпускали. Еду нам не давали. Местные жители (когда поблизости не

было полицаев) перебрасывали через забор свеклу, картофель. Тех, кто пытался убежать, при поимке сразу расстреливали. Я ходила по лагерю полураздетая, босиком по снегу. Каждый раз в лагерь прибывали новые люди из разных мест [Винницкой области](#).

Однажды (не помню, в каком году) разнесся слух о том, что фашисты готовят ямы и будут нас расстреливать. Приехали немцы, выгнали всех на площадь и начали сортировать людей. Молодых для работы – в одну сторону, а стариков и детей для расстрела – в другую. Все стремились перебежать к молодым, чтоб остаться в живых, но людей били и прогнали обратно. На территории лагеря был страшный крик и плач, все понимали, что видят своих родных и близких в последний раз.

Молодых забрали и вывезли на работу под [Гайсин](#) (точного места не знаю) и через некоторое время расстреляли. В числе расстрелянных были две мои двоюродные сестры. Когда молодых увели, стариков и детей загнали обратно в лагерь, чтоб утром отправить всех на расстрел.

На следующее утро нас выгнали из лагеря, некоторых погрузили на машины, а остальные шли за машинами, но приехал румынский префект и не разрешил вывозить людей из своей территории. Мы остались в лагере.

Как мы дожили до освобождения и не умерли – не знаю. Нас освободила Советская Армия 14 марта 1944 г. Мы были опухшие, вшивые, голодные, полураздетые и едва живые. Из 9 членов нашей родни, осталось в живых только 4 человека...

«ИЗДЕВАЛИСЬ ОНИ СТРАШНО...»

ТАРНАРУДСКАЯ (1935 г.)

В 1941 году, когда началась война, мне было 6 лет. В июле 1941 г. наш населенный пункт, село [Лучинец¹ Винницкой области](#), был оккупирован немцами. Начались преследования лиц еврейской национальности. Все евреи в обязательном порядке должны были носить шестиугольные звезды на левой руке, спине и левой стороне груди.

Люди украинской национальности, рискуя жизнью, приносили нам еду в гетто.

Был назначен староста Арсений Живилко, полицейские Николай Ткачук, Василий Бацего, Роман Косовец, Сергей Головатый и другие. Издевались они страшно, врвались в квартиры, обзывали жидами, били...

После немцев прибыли румыны со своими порядками и издевательствами. Гнали на аппельплатц, и мы стояли при любой погоде с утра до вечера. Ноги не выдерживали.

С этого места забирали на принудительные работы. Некоторые возвращались, а многие уже нет. Румыны их расстреливали и за малейшую провинность людей наказывали 25 ударами плетки.

Перед освобождением в 1944 г. были опять немцы. Помню, как-то шел немец с соседом Делидецким. Я очень боялась, чтобы сосед не сказал, что я еврейка. Я добежала до колодца, где стояла девушка С. Малюшак, я же сильно плакала, испугавшись, что немец меня убьет. Девушка меня успокоила и отвела к соседке Марии Сагач. Вместе с ее сыном я пряталась на печке. В этот момент зашел немец с каской в руках. В каске были яйца. Он

потребовал пополнить содержимое. Спасибо этим людям, которые спрятали и не выдали меня.

В селе [Ивашковцы Шаргородского района](#) (это в 9 километрах от нас) немцы готовили ямы для нас, но партизаны окружили немцев, они не успели нас расстрелять.

24 марта 1944 года нас освободили от этой нечисти. Когда первым вошел солдат Красной Армии, на него кинулись, стали его обнимать и целовать.

После освобождения я пошла в школу, окончила 10 классов, а потом и медицинское училище. Имею трудовой стаж около 24 лет.

«ИХ ПРЯТАЛИ НЕСКОЛЬКО УКРАИНСКИХ СЕМЕЙ»

ТЕПЛИЦКАЯ Рая (1930 г.)

Я, Теплицкая (девичья фамилия Фломина) Рая Кивовна, родилась в 1930 году в селе Терновка Джулинского (теперь – Бершадского) района Винницкой области.

Когда началась война, я с родителями, сестрами Анной, Розой, Соней и братом Борисом находилась в своем доме. Я была самой старшей из детей в нашей семье. Вскоре оккупанты ворвались в Терновку, был издан приказ о том, чтобы все евреи покинули свои дома и переселились в гетто. Потом начались еврейские погромы.

В годы немецкой оккупации у нас «хозяйничали» фашисты. Поэтому во всех селах евреи были полностью уничтожены. В Терновке¹ расстреляли 2600 человек еврейской национальности, а в селе Тырловка² – 10 человек, в Джулинке³ только за один день расстреляли 500 евреев.

Меня поймали и вывезли в лагерь недалеко от Умани.

Отец, Кива Маркович, мама, Полина Бенционовна, сестры и брат были вывезены на подводе в село Тырловку. Их прятали несколько украинских семей. Особо много усилий, чтобы спасти нашу семью приложили Илья Афанасьевич Ковбасюк и его родители. Они приносили еду в место укрытия.

Так продолжалось до дня освобождения – 14 марта 1944 года. В этом же, 1944 году, мы встретились в нашем селе Терновка. Мои сестры и брат сейчас живут в Израиле, а я – в Умани.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ, ГЕТТО И НЕ ТОЛЬКО...

ТИМОШЕНКО Анатолий (1938 г.)

Морально трудно и сложно вспоминать, а тем более излагать на бумаге, трагические события собственной жизни, а также своих близких периода войны, спустя многие десятилетия.

Война пришла в наш маленький, хотя и древний город Полонное¹ Хмельницкой области, неожиданно, несмотря на то, что военная тема и разговоры о тяжелой жизни в семье часто обсуждались.

Жили мы на окраине поселка, возле железной дороги Казатин–Шепетовка, а за железной дорогой уже начинался лесной массив. Дедушка Николай и бабушка Стефанида вспоминали спокойное время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, о коллективизации, голоде, репрессиях, а отец – еще и о бесславной финской компании 1939 года, в которой участвовал. Но они не догадывались, что самые тяжкие испытания для семьи были еще впереди.

В начале июля 1941 года Полонное было занято немецкими войсками. Как только началась война, отец был призван в армию. В стареньком доме, построенном еще прадедом, немецкую оккупацию пыталась пережить большая семья: дедушка, бабушка, брат отца Аркадий (украинец), мать, Геля Марковна (еврейка, девичья фамилия – Друкер), я и старший на два года брат Борис.

Дядя Аркадий был инвалидом с детства, сильно хромал на одну ногу и мог ходить, только основательно опираясь на палку.

Поэтому в армию не призывался. В возрасте 25 лет он и оказался единственным кормильцем и защитником семьи в эти страшные годы.

С приходом оккупационных властей Аркадий продолжал работать на фарфоровом заводе мастером по ремонту и строительству. Когда начало действовать связанное с партизанами подполье, он стал его активным участником.

С сентября 1941 года фашисты стали проводить мероприятия по планомерному уничтожению евреев. Сначала забрали нашу маму. Ее несложно было вычислить, так как до войны она работала бухгалтером на молокозаводе рядом с домом и, пожалуй, была единственной еврейкой в этом окраинном районе поселка. Она не захотела прятаться за городом у знакомых, уходить от детей.

В этот момент мне шел только третий год. Поэтому никаких образных воспоминаний о родной маме не осталось. Каких-либо подробностей о ее дальнейшей судьбе, месте расстрела и захоронения никому неизвестно.

В декабре 1941 года подошла и наша очередь. Никакие уговоры близких родственников и соседей, что это маленькие дети, что они не евреи, так как воспитывались в исконно украинской семье, не помогли.

Я помню этот момент, когда отец моего друга детства и наш сосед, Степан Захарович Черный, на телеге и собственной лошади вез нас в гетто по улице Барановской через греблю на реке Хомора. Рядом с телегой шел дедушка и плакал. Помню въезд на территорию гетто в виде оштукатуренных кирпичных колонн с керамическими вазами сверху.

Знаю, что гетто было расположено в административных зданиях возле гранитного карьера, возможно, на территории керамического завода. Эта местность была выбрана не случайно: недалеко от центра города, где наиболее плотно проживали евреи, к тому же рядом находилось ритуальное еврейское кладбище. Из-за ассоциаций, которые неизбежно возникали от этих мест на подсознательном уровне, я там ни разу не был после войны.

Само пребывание в гетто в моей памяти стерто. Брат рассказывал, что я все время плакал и звал маму, просил кушать.

Не знаю, доставалось ли нам что-нибудь из продуктов, которые передавались родственниками. Дети находились отдельно от взрослых. Чтобы как-то их занять в ожидании тяжелой развязки, заставляли выполнять бесцельную уборку территории и помещений от мелкого мусора и пыли. Я, естественно, копировал действия старших как мог.

Светлая память моему покойному дяде Аркадию Николаевичу Цимуху, который, рискуя собственной жизнью, спас нас от приближающейся смерти.

Узнав от своих ровесников и знакомых, местных полицаев, что готовится уничтожение всех сосланных в гетто и, таким образом, его ликвидация как временного места насильственного содержания евреев, дядя Аркадий через подпольщиков связался с командиром местного партизанского отряда и попросил помощи. Совместными усилиями, с использованием подложных документов и подставных лиц, через местных полицаев меня и брата вывели за ворота гетто и передали им под расписку. А дальше уже рисковали и другие родственники, и близкие соседи.

Чтобы не испытывать судьбу во второй раз, нужно было нас спрятать от посторонних глаз. Нашими соседями через дорогу была молчаливая, замкнутая пара Будник Александр и Марфа. Он работал машинистом на железной дороге, поэтому в начале войны в армию не призывался. С приходом немцев Александр продолжал работать в железнодорожном депо, на станции [Шепетовка](#). Там же, рядом с депо, он имел небольшую квартирку с отдельным входом. Несомненно, он тоже был связан с подпольщиками. Ведь информация об обстановке на железной дороге и военных перевозках считалась для партизан самой важной.

Было начало июня, второй день после нашего с братом освобождения из лагеря. Согласно договоренности, утром бабушка прошла огородами вместе с нами к железнодорожной станции, где стоял товарный поезд в [Шепетовку](#). Машинистом паровоза был Будник. Мы подошли к пустому вагону без крыши, а точнее, к высокой платформе. Охранявший полицейский пытался нас прогнать, но бабушка отдала ему узелок с куриными яйцами, и он махнул примирительно рукой. Я помню тот момент,

когда мы, дети, первые, а бабушка за нами, по металлическим ступенькам взобрались наверх и спрыгнули вниз платформы, притаившись на корточках, пока поезд не тронулся.

Через 30 км на станции **Шепетовка** поезд остановился, мы благополучно сошли и под видом дальних родственников поселились на квартире Будника. Это уже была жизнь. Крылечко выходило в небольшой палисадник, деревья и кусты смородины закрывали нас с улицы, и можно было играть на солнышке.

Там мы прятались до осени 1943 года, когда война уверенно вошла в наступательную фазу для наших войск, а «еврейская программа» немцами была выполнена полностью. За это время отец, попавший в окружение под **Харьковом**, некоторое время пробыл в лагере военнопленных, с помощью местных жителей был «опознан» как свой, земляк, и таким образом освобожден. Истощенный и оборванный, он долгое время пробирался домой. Я помню, когда он пришел и узнал о трагедии в семье, отец сидел на кровати, рыдал и от отчаяния рвал на своей голове волосы.

Через некоторое время отец, придя в себя, устроился в депо станции **Шепетовка** помощником машиниста к Буднику. Несколько раз он подрывался на партизанских минах, но паровоз, вернее передняя его часть с будкой машиниста, успевал проскочить место подрыва.

После освобождения **Полонного** отец снова пошел на фронт, был ранен в ногу, дошел до **Будапешта и Вены**, затем был перебросен на Восток для войны с **Японией**. Но она вскоре капитулировала. Отец был награжден боевым орденом Красной Звезды.

Тяжелые испытания достались и дяде Аркадию. Выполняя задание подполья, он попал в облаву, был задержан и жестоко допрошен. Ему выбили зубы, но он ни в чем не признался, сославшись на то, что выезжал на велосипеде в сторону леса по поручению директора завода для организации заготовки леса и торфа к зиме. А связную партизан, которой дядя должен был передать разведсведения, немцы расстреляли.

Все трагическое, что происходило в семье, прошло через сердца и души бабушки и дедушки. От взрыва бомбы вблизи дома, осенью 1944 года, были выбиты все окна, осыпалась полностью штукатурка и дом насквозь светился щелями, продувался ветром, а жестяная крыша во многих местах была про-

дырявлена осколками. Во время осенних дождей с потолка капало, как сквозь решето. Конопатили стены мхом, тряпками и чем попало.

А затем начался голод. На всю жизнь запомнил плачущего деда, который рассматривал свои опухшие от голода ноги. Мы, дети, выжили, благодаря им, взрослым.

И вот прошли многие годы. Жизнь ставила все новые проблемы, и их нужно было решать: школа, институт, работа на оборонном заводе, 27 лет военной службы, две полугодовые поездки в **Афганистан** в составе команд спецназначения в 1980–1981 гг., выход на пенсию, деловая и благотворительная деятельность в интересах бывших боевых коллег.

Но трагедия и испытания детства, хотя и воспринимались как неизбежность, связанная с войной (у всех было и свое горе), всегда накладывали отпечаток на мое отношение к происходящему вокруг. Когда росли дочь Елена и внук Александр, я был особенно внимателен к ним в возрасте 3–5 лет, представлял себя в таком же возрасте в ситуации 1941–1944 гг.

Больно задевали необъяснимая несправедливость и жестокость людей при личных взаимоотношениях, а тем более при выполнении служебных или идеологических установок под прикрытием долга. Уже не говорю о проявлениях антисемитизма на бытовом (и не только) уровне.

Благодарен Господу Богу, а также дорогим и близким людям, оберегавшим меня в самые трудные периоды испытаний.

И ныне благодарен добрым людям, организациям, оказывающим нам, бывшим малолетним узникам гетто, материальную и моральную поддержку. Это позволяет не испытывать крайних жизненных лишений на склоне лет.

«БЫЛО СТРАШНОЕ ЖЕЛАНИЕ ВЫЖИТЬ»

ТКАЧЕНКО Анюта (1927 г.)

Тяжело писать о том, как мне удалось выжить в годы Холокоста. Многие случаи моего спасения считаю чудом.

Я и моя мама остались на оккупированной немцами территории в Вендичаны¹ Могилев-Подольского района Винницкой области. В первые дни оккупации мы прятались в поле, в огороде, за селом: мучил голод и холод, ведь мы ушли без еды и одежды. Сколько мы там пробыли дней, уже не помню, а потом ушли в лес, где до холодов прятались в разрушенном здании бывшей воинской части.

Наступила зима 1941 г. Мы возвратились в село, где укрывались на чердаках, в подвалах наших бывших соседей и старых знакомых. Каждый день ожидали, что нас найдут и убьют, но нас никто не выдал. Нас поддерживали крестьяне, кто, чем мог, спасая нас еще и от голодной смерти. В селе у власти были местные парни-полицаи, с которыми я училась до войны.

В 1942 г. мы вернулись в свое помещение, где жили до войны, это был бывший амбар. Из нашего убогого «имущества» ничего кроме стола и железной кровати не было. Помещение не отапливалось, на стенах лежал снег, окон не было. Начался в селе паратиф. Я и мама пролежали с высокой температурой много дней и ночей. Соседи через оконный проем передавали воду и немного пищи.

Жизнь продолжалась. А весной я нанялась пасти коров у соседей, а мама лежала все эти годы до освобождения. У нее отмерзли пальцы на обеих ногах, образовались страшные пролежни, она лежала на голой соломе. Как-то зашли два солдата, увидели эту страшную картину и ушли. Мы снова остались живы.

Потом я начала работать. В селе был сахарный завод, но евреев туда не брали. Меня чудом приняли на работу, на подсобное хозяйство завода. Мне было 15 лет, но я трудилась на всех работах. Очень было тяжело, ведь работать приходилось по 12–14 часов, а мой заработок составлял сумму, на которую я покупала 2 кг кукурузной муки и 0,5 л постного масла. Но, рискуя каждый день жизнью, я приносила в карманах кое-какие продукты-овощи. Этим и спасала тяжело больную маму от голода. Это была страшно мучительная жизнь без мыла, соли, света и даже воды.

Но... было страшное желание выжить! Было много случаев спасения, которые не могу объяснить. Уже в 1943 г. (точно не помню когда) меня схватили и затолкнули в поезд, который был переполнен евреями. Это был товарный вагон, «двери» были не плотно прикрыты и уже, когда поезд набирал скорость, меня кто-то в эту щель вытолкнул на улицу. Была ночь. Я побежала в сторону села, где лежала без сознания моя бедная мама, без надежды увидеть меня живой. Дорогу я знала... Очередное чудо свершилось, и я продолжала жить и бороться за выживание.

В памяти остались очень многие добрые, сердечные люди, которые помогли преодолеть все ужасы и выжить!

Шли дни, недели, годы. Ежедневно был страх – сегодня убьют и меня, и маму. В селе евреев не было, но мы жили под фамилией Файкетман. Я не была похожа на еврейку. Евреям нужно было носить повязку со звездой Давида, у меня ее не было, и это тоже не раз меня спасало от смерти.

Описать хоть вкратце то, что пришлось пережить, просто невозможно. Осталась память. Постараюсь ответить на вопрос – как мне удалось пережить страшные годы Холокоста? Уже в последнюю ночь оккупации к нам в хибару зашли 2 донских казака, они были страшно удивлены, увидев нас, евреев. Мама лежала, прикрыв меня лохмотьями, было темно. Меня они вроде не заметили. Увидев, что мама калека, совсем неподвижна – ушли. На следующее утро оккупация уже закончилась, и наша жизнь продолжалась! Мама прожила недолго, а я вот еще живу! Не дай Бог, чтобы что-то подобное повторилось.

Пусть память об этой трагедии не пропадет. Буду рада, если в этом помогут и мои воспоминания.

«ЖИЗНЬ НАША БЫЛА АДОМ...»

ТКАЧЕНКО Лидия (1931 г.)

Я, Ткаченко Лидия Николаевна (девичья фамилия Кобец), родилась в **Киеве** 19 октября 1931 года. Родители: мама – Шейнина (Кобец) Гея Осиповна, 1908 года рождения, по национальности еврейка. Отец – Кобец Николай Порфирьевич, 1895 года рождения, украинец. Братья: Борис – 1928 года рождения и Виктор – 1929-го.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Отца забрали в армию. Мама осталась с тремя детьми на руках: со мной и моими братьями (нам было тогда 10, 12 и 13 лет). Будучи на оккупированной немцами территории, мы стали узниками-заложниками. Мать очень волновалась за нас, так как в **Киеве**¹ развесили объявления, чтобы все евреи явились в Бабий Яр. Ведь мама была по национальности еврейка.

29 сентября 1941 года мама ушла в Бабий Яр, а мы остались дома, поскольку были больны. У меня отнялись ноги, так как сердце чувствовало гибель. Мы очень долго ждали возврата матери, но ее не было.

Так мы остались сами. В то время проживали мы по ул. Воздвиженской, 66, кв. 6 (на Подоле). Нам пришлось тяжело: нас обзывали жидами, приходили немцы с полициярами и делали обыски, но мы прятались. Хозяйка показывала подворную книгу, где было написано, что национальность отца – украинец, и они уходили. Когда это происходило, мы прятались в подвалах, чердаках, а также у знакомых и родственников отца.

Братья отца: Иван Порфирьевич Кобец и Василий Порфирьевич Кобец и их жены нас и прятали, и кормили. Нам при-

ходило тяжело: голодали, денег не было, продавали вещи родителей для того, чтобы пропитаться. Чаще всего дома не находились, так как были постоянные облавы и обыски. Нас немцы хотели расстрелять, но мы убегали и прятались. Попадали под облавы, старались не показываться немцам на глаза, особенно старший брат Борис был очень похож на еврея. Жизнь наша была адом, всего описать невозможно.

Нас грабили, убивали фашисты, но наступило время, когда вернулся отец с фронта, считая, что нас, троих детей, нет в живых. Ведь возвращаясь через **Харьков**, он зашел в дом к сестре жены по имени Гинда и узнал, что фашисты ее расстрелял. Он понял для себя, что его детей в **Киеве** также расстреляли.

Но в **Киеве** брат сообщил отцу, что дети живы, и он быстро пошел домой. 1 сентября 1942 года мы встретились с отцом, после чего у нас появилась надежда на спасение. Пришлось сменить место жительства на Сталинку, Богуславский переулок, 8, частный дом, где также несладко жилось. Постоянно отец нас защищал, доказывая, что он украинец. Но соседи догадались, что мама была еврейкой, и покоя не было.

В 1943 году всех жителей **Киева** выгнали, и мы пешком ушли в село под **Белую Церковь**. Тащили с собой тачку, погрузив необходимые вещи. Но снова пришла беда. Мы остановились у одной хозяйки, у которой жил немецкий офицер, а у него была переводчица, которая знала нашу семью. Она заявила немцам, что мы евреи. Приехали немцы на лошадях и вывели нас на расстрел. Отец начал доказывать своим украинским паспортом, что мы украинцы, и чудом мы остались в живых.

В это время Красная Армия наступала, освобождая **Украину**. При отступлении немцы заходили с автоматами, искали мужчин, но отец и братья спрятались в погреб. Наконец, немцев выгнали из села, и мы уехали домой, в **Киев**.

Возвратившись в город, мы увидели полное разграбление: в квартире не было ничего. Мы снова начали все с нуля.

СУДЬБА, ПРЕДПИСАННАЯ ВОЙНОЙ

ТРАКТИРЩИК Лидия (1923 г.)

Я родилась в [Кымпулунге](#), небольшом живописном городке в [Румынии](#). В 1941 году мне исполнилось 18 лет.

28 октября 1941 года вышел приказ выслать всех евреев из нашего города. Одну из наших пяти комнат сразу занял начальник полиции. Он сказал, что все вещи в квартире должны остаться нетронутыми и можно взять только самое необходимое, до 25 кг на человека.

Всю ночь я упаковывала то, что можно было взять. Утром на станции нас ждал товарный вагон для транспортировки скота. Папа заплатил рабочим, и его очистили от навоза. Вот в этом, битком набитом людьми вагоне, без окон, без воды и туалета, нас заперли. Так мы ехали трое суток до [Атак](#). В пути люди сходили с ума, умирали.

Когда мы прибыли в [Атаки](#), узнали, что всех местных евреев убили. Мы видели в разграбленных домах надписи на идиш: «Евреи, прочтите по нам Кадиш!» и «Отомстите за нас!»

По сути, все держалось на мне одной: папа был после операции, мама сердечно больная, еще сестра-инвалид и девятилетний братик. Я единственная, кто мог нести вещи и что-то делать.

Нужно было срочно перебраться через Днестр в [Могилев-Подольский](#)¹. Мост был разрушен. Паром всего один, а людей на берегу стояло столько, что глазами нельзя охватить. Папа курил и за папиросы паромщик перевез нас на тот берег без очереди.

Была страшная холодина. Нужно искать ночлег и укрытие, – всех евреев сгоняли в лагерь. На несколько ночей удалось снять комнатку, за которую мы платили по 40 марок в сутки. А потом папа нашел немца с машиной, который согласился перевезти нас в [Джурин](#)². Папа тогда отдал свои швейцарские часы «Омега» и мое золотое кольцо.

Так мы попали в еврейское местечко. Там был раввин Каральник, который нас приютил. Нас поселили в маленькой комнате без печки. А морозы все усиливались, наступала та самая холодная зима 1941 года. А на мне только туфли. Мы смастерили маленькую жестяную печку и топили ее. Я ходила с папой в лес по дрова, ноги мои были все в страшных ранах.

Потом Кива, мой будущий муж, предложил нам комнату в своем доме, более просторную, чем та, где мы жили раньше. Он был партизаном и помогал нам продуктами и деньгами.

Евреев, депортированных из [Буковины](#), поместили в неотопляемой джуринской синагоге. Люди умирали от холода, голода, тифа, у всех были вши. Трупы вывозили возами. Страшно вспоминать, что творилось. Я сама переболела тифом, но смогла выкарабкаться.

Был страшный голод, нам нечего было есть. Однажды к нам поселили еврейскую девочку, которую спас немецкий капитан. Он спас ее от расстрела в [Немирове](#), когда она уже стояла над ровом, и привез в [Джурин](#), так как у нас не убивали евреев.

Румыны в отличие от немцев не устраивали массовых убийств. Они сгоняли нас в гетто, заставляли работать, могли и расстрелять в качестве наказания за проступок, но был шанс выжить. Этот немецкий капитан часто навещал девочку и привозил продукты. Однажды он сказал, что едет в [Румынию](#) и может привезти нам что-нибудь. Мы дали ему адрес нашего брата в [Бухаресте](#), который через этого капитана передал деньги.

Тогда мы смогли снять квартиру получше и купить продуктов. Украинцы очень нам помогали. Они даже говорили на идиш. Когда нас сгоняли на работу в поле, именно они меня научили копать картошку и выносить ее, чтобы не заметили полицаи. Благодаря этой картошке и кислым яблокам нам удалось выжить.

В 1944 году в местечко пришли русские – это было счастье. Они были поражены, увидев живых евреев, отступавшие в спешке эсэсовцы не успели с нами расправиться...

Записала Елена Кержнер,
Киев – Петах-Тиква – Киев
<http://jukraine.org/vinnickaya-oblast/dzhurin/>

ПРЕРВАННОЕ ДЕТСТВО

ТРАХТЕНБЕРГ Александр (1931 г.)

22 июня 1941 года я проснулся очень рано: в школе был праздник – окончание учебного года. Надел новую белую рубашку, с особой тщательностью повязал пионерский галстук. Я, десятилетний мальчишка, не знал, что это последний мирный день моего детства.

В Хотин война пришла рано утром. Сначала откуда-то издалека послышалось тяжелое гудение, потом частые удары, затем улицы оглушил рев моторов, затряслась земля, наш дом задрожал. Над городом появились немецкие самолеты и стали бомбить Хотин...

В оде «...на взятие Хотина 1739 года» Ломоносов писал: «Пускай земля, как понт трясет./Пускай везде громады стонут,/Прозрачный дым покроет свет, /В крови Молдавски горы тонут». То сражение показалось бы детской игрой по сравнению с воздушным налетом 22 июня. Одна из бомб попала в единственный в городе родильный дом. Окружавшие его деревья представляли апокалипсическую картину: на ветвях висели фрагменты тел младенцев и рожениц. Забыть это ужасающее зрелище невозможно.

Через несколько дней по городу пошли колонны грузовиков с отступающими частями Красной Армии, бронемашины и орудия. Войска направлялись в сторону Днестра, к понтонному мосту. На второй или третий день появились беженцы из западных регионов Бессарабии, Буковины и Румынии. Усталые, запыленные, с тюками на плечах, они также шли в сторону Днестра с надеждой добраться до Каменец-Подольского, где находилась конечная станция железной дороги, по которой можно было

эвакуироваться на восток, подальше от наступающих немецких и румынских войск. В поток беженцев влилась и часть жителей нашего города.

Увы! Горькая участь выпала добравшимся до Днестра беженцам: через временный понтонный мост пропускали только военные колонны. Днем немцы разбомбили и этот мост. Красноармейцы переправлялись вплавь, а беженцы вернулись обратно, в город. Никто из них и представить себе не мог, что вскоре им предстоит встретиться лицом к лицу с немецко-румынскими палачами.

Еще при отступлении Красной Армии, в Хотине начались пожары, причем одновременно горели все дома густонаселенного Приднестровского района, в котором проживало большинство евреев. Дранка на крышах – общепринятый на Западной Украине вид деревянного покрытия – пылала, как бумага. В пожаре сгорело более половины города, остались одни головешки. Погорельцы, успев прихватить лишь самое необходимое, ютились в уцелевших подвалах и садах.

Сгорел и наш дом. Родителям удалось во время пожара выбросить через окна в сад какую-то часть имущества, в основном одежду и белье. Альбомы с фотографиями семьи и родственников остались в комод. Сгорели фотографии дедушек, бабушек, молодых родителей, родственников, а также наши детские фотографии. Возможно, у моих двоюродных братьев и сестер, эмигрировавших в 20–30-х годах из Румынии в Америку, Канаду, Колумбию и Чили, такие фотографии сохранились. Но, к сожалению, после войны связи с ними не было.

6 июля 1941 года в Хотин¹ вошли немецко-румынские войска, а с ними приехал бывший комиссар Смыда (довоенный начальник полиции). Начались бесчинства и издевательства над еврейским населением. В первые часы немцы и румынские жандармы расстреляли около тысячи человек, укрывшихся в садах и подвалах. Украинцы ничего не сделали, чтобы защитить, спрятать своих недавних друзей и знакомых от расстрелов. Наоборот, некоторые водили жандармов к еще горевшим домам и указывали на подвалы, где прятались евреи. Несчастных выводили на улицу и тут же расстреливали. На центральной площади города расстреляли несколько сот мужчин, женщин и детей.

Расстрелы продолжались до утра следующего дня, местных жителей заставляли хоронить трупы в садах догорающих домов. Весь день румынские жандармы ездили по городу, и громкоговорители передавали приказ военного командования: всем евреям явиться в мужскую гимназию для регистрации. За уклонение – расстрел. Многие жители не выходили из подвалов, понимая, что последует за этой «регистрацией». Но мои законопослушные родители и четырнадцатилетний брат Ефим отправились, как было велено, в гимназию. Меня с 11-месячным Хаскелем оставили в саду нашего сгоревшего дома охранять спасенные от пожара вещи, строго наказав никуда не отлучаться и ждать их возвращения.

Прошел день, сгустились сумерки. Не дождавшись возвращения родителей, я взял братика на руки и отправился в центр города их искать. Было страшно, хотелось есть. Хаскель громко плакал от голода. Над городом стоял удушливый запах пожара и горелых тел. В десятках мест на улочках, между догорающими домами, лежали трупы расстрелянных евреев. До сих пор помню охвативший меня ужас. Минуло более шестидесяти лет, но перед глазами все стоят эти страшные, разрывающие душу картины: пепелища домов, трупы на улицах, еще дышащие раненые, окровавленные и обгоревшие люди.

Дотащив братика почти до гимназии, наткнулся на группу румынских жандармов. Выстроив у стены сгоревшего дома человек двадцать евреев, повернув их спиной к себе, жандармы приготовились расстреливать. Увидев и догадавшись, кто мы, поскольку на улицах кроме военных и евреев никого не было, жандармы схватили нас и затолкали в строй евреев, державших по приказу руки над головой.

Я понял, что сейчас с нами произойдет. И тут – могу это объяснить только чудом – вижу: бежит мама, размахивая какой-то бумажкой, а за ней папа и Ефим. Оказывается, после регистрации в гимназии их отпустили, и они поспешили к нам, младшим детям. Не выпуская из рук братика, я бросился к ним. Одному Богу известно, почему жандармы не выстрелили мне в спину. Старший жандарм внимательно прочитал регистрационное свидетельство – своего рода «вид на жизнь». Убедившись, что это действительно наши родители, он отпустил нас. Все вместе

мы побежали в сторону нашего сгоревшего дома. Через минуту услышали сухие звуки выстрелов: стреляли в евреев у стены, где только что стоял я с Хаскелем на руках. Какие-то мгновения решились нашу судьбу...

Еще раз повторю: для меня спасение от гибели явилось истинным чудом. Именно этот эпизод помогал мне в последующей жизни пренебрегать мелкими неприятностями, легче их переносить. Никогда не забывал, что выжил благодаря случайности...

Расстрелы продолжались в течение месяца. Руководил «зачисткой» Смыда, он снова возглавлял полицию, как при старом режиме, и уж кто, как не он, лучше знал жителей Хотина.

В первый день после регистрации были отобраны и расстреляны более двухсот человек. Уничтожали в первую очередь интеллигенцию, духовенство, сочувствовавших советской власти, тех, кто, по словам румынского диктатора Антонеску, должен был ответить за радость, с какой евреи **Бессарабии** встретили ее присоединение к **Советскому Союзу**. Расстреливали на окраине города, у леса, и закапывали в общей могиле, точнее – в огромной яме. Среди безвинных жертв были и два моих двоюродных брата – адвокат и инженер. После войны, по просьбе родственников, могилу вскрыли. По личным вещам (одежде, очкам, часам, зубам) многие трупы опознали и перезахоронили в различных местах нашей страны и за ее пределами. На месте расстрела впоследствии соорудили памятник.

Здесь уместно повторить, что до войны я был, мягко говоря, наивным – не понимал, что такое национальность. Только в 1941 году впервые в жизни столкнулся с антисемитизмом. Мы, дети **Хотина**, не знали о масштабах массовых убийств, вершившихся тогда по всей **Европе**.

В студенческие годы из опубликованных в **Румынии** статей я узнал, что акции румынских жандармов по уничтожению евреев в первые дни войны явились следствием политики государственного антисемитизма, проводимой режимом Антонеску, который пришел к власти в **Румынии** в сентябре 1940 года. С установлением военно-фашистского режима евреев изгнали из государственных и частных коммерческих, промышленных, финансовых учреждений **Румынии**. Их собственность конфи-

сковали, запретили заниматься культурной и гуманитарной деятельностью.

Нееврейская часть местного населения никогда не обогащалась так быстро, как в те годы. Война для Румынии стала большим «предприятием». То, что происходило, не сравнить с погромами, о которых писали раньше. По-существу, шел грабеж под флагом антисемитизма. В родном городе я был очевидцем многих акций массовых расстрелов евреев румынскими солдатами.

Первая крупная акция, унесшая жизни более тысячи человек, произошла, как я уже писал, на второй день после вступления в город немецких и румынских войск.

Вторая акция – расстрел румынскими фашистами нескольких тысяч человек – случилась при депортации из временного гетто в Секурянах² в постоянное гетто в Винницкой области. Документы Государственного архива Черновицкой области свидетельствуют: в конце июля 1941 года в концентрационный лагерь города Секуряны было интернировано более 20 тысяч человек. В течение только трех месяцев (сентябрь–ноябрь) в этом лагере уничтожили около 12 тысяч человек.

Я – живой свидетель страшных издевательств, избиений, глумления над евреями перед массовыми расстрелами. Происходило это обычно так: на окраине города заранее выкапывались ямы. Людей перед расстрелом раздевали, вещи забирали местные жители – те, кто копал яму, а драгоценности – жандармы. Жертв подводили по два ряда к краю ямы и расстреливали. Убитые вместе с еще живыми, получившими ранения, падали на трупы. Могилы засыпали землей, обрекая на мучительную смерть тех, кто еще дышал. Бывало, что трупы закапывали не полностью, тогда несколько недель они оставались на месте расстрела. Тела растаскивали по кускам одичавшие собаки...

Дорога в гетто

В конце августа румынская администрация Хотина распорядилась переселить евреев якобы на другое место жительства. Ночью из окружающих сел в город прибыло множество повозок, запряженных одной или двумя лошадьми. Каждой семье выделили телегу для вещей, дабы подтвердить «доброту» замысла.

Родители погрузили в повозку собранные в баулы и наволочки, оставшиеся после пожара пожитки. Хаскелю также выделили на повозке место.

Картина «переселения» до сих пор стоит перед глазами: забитая повозками дорога, толпы подавленных взрослых и детей, бредущих пешком за повозками. Маленьким детям и старикам иногда разрешали временно присесть на телегу. Но, как говорится, это были цветочки, ягодки нас ждали впереди.

Многотысячную колонну обреченных хотинчан сопровождали всего четверо вооруженных винтовками румынских жандармов на конях. От Хотина дорога проходила в основном по полям и лесам, минуя села и поселки. Люди двигались в сторону села Атаки Хотинского района, там нас должны были переправить через Днестр.

В нескольких километрах от Атак, в лесу, конвоиры решили устроить массовый расстрел мужчин. Потом я понял, что главной их целью был выкуп. В числе отобранных оказался и мой отец. Мама вместе со мной направилась к двум жандармам, охранявшим сидящих на траве мужчин, и стала умолять отпустить отца. В кармане моих брюк были спрятаны пятьсот лей, мама отдала их одному из жандармов. Тот поднял отца, ткнул прикладом в спину, грязно выругался и велел быстрее уйти. Мы побежали к повозке, где сидел Хаскель под присмотром Ефима. Вдогонку жандарм крикнул: «Уходи, счастливчик, и благодари сыночка за спасение своей жизни». После нашего отъезда в Атакском лесу у Днестра расстреляли не менее 1000 мужчин – их не смогли «выкупить». Это был, по существу, третий массовый расстрел хотинчан румынскими жандармами.

В Атаках скопилось огромное число депортированных евреев со всех регионов Бессарабии и Буковины. Нашу семью загнали в одну комнату маленького домика, где мы и переночевали. Утром узнали, что беженцы находятся в селе несколько недель, так как паромные лодки не в состоянии переправить всех пригнанных через Днестр в Могилев-Подольский. На второй день поступил приказ рассредоточить депортированных по разным местечкам, поскольку переправы пришлось бы ждать несколько месяцев. Для нас, хотинчан, накануне прибывших в село, определили временное гетто в городке Секуряны.

Предстояла долгая и нелегкая дорога в [Секуряны](#). Из [Хотина до Атак](#) вещи везли на повозке, обратно мы должны были нести их на себе. Естественно, смогли забрать лишь малую часть «имущества». В нашей семье было два с половиной «носильщика»: отец, брат Ефим и я; мама несла Хаскеля – он еще не ходил.

И сегодня перед глазами эта картина: жандармы вскрывают наши мешки, тюки, наволочки; вещи выбрасывают на улицу через окно домика, где мы ночевали. Вижу довольные лица местных крестьян, подбирающих одежду, обувь, белье. Один ловит правую туфлю, другой – левую... Вот жандармы выгоняют нас из дома и строят в колонну. И снова ведут через поля и леса – слабых, голодных людей с тяжелыми узлами...

Старики, больные и маленькие дети отставали – их расстреливали, оставляя тела на дороге. Родным не давали их хоронить. Крестьяне снимали с трупов одежду, но не хоронили. В пути еду не давали, колодцев не было – пить было нечего. Когда встречался водоем – пруд или лужа – все бросались пить, но жандармы не разрешали, били и даже стреляли. Стреляли и тогда, когда по дороге кто-нибудь отходил в сторону, подбирая подсолнух, кукурузу или свеклу. Гнали с утра до вечера, от темна до темна. Где настигла ночь – там и привал. Эти привалы делались на открытых местах – в поле, чтобы охране легче было наблюдать за нами. От усталости люди валялись на голую землю. Оправлялись здесь же, за пределы установленного периметра выходить запрещалось.

Наконец добрались до [Секурян](#). Почти всех жителей этого города – в основном это были евреи – уже уничтожили. В их домах разместили новых узников, устроив гетто, отгороженное от нееврейского населения колючей проволокой. В этом временном гетто уже находились папина мать и сестра с детьми. Люди голодали, болели, многие умирали. Здесь мы потеряли нашу бабушку Симу, умершую от голода и, возможно, брюшного тифа. Медицинскую помощь не оказывали. Среди узников были врачи, но не было медикаментов.

В [Секурянах](#) мы прожили около двух месяцев. При повторной депортации в [Атаки](#), для переправы через Днестр в [Могилев-Подольский](#), нас разделили на три части. Первая группа (несколько тысяч человек) не дошла до [Атак](#) – всех расстре-

ляли в поле, километрах в пятидесяти от [Секурян](#). Ров предварительно выкопали крестьяне окрестных сел. Расстрел длился около суток. Людей заставляли спуститься в яму, после чего расстреливали. Следующие ложились на убитых и раненых, еще дышавших, еще бились их сердца...

Одному счастливицу из первой группы удалось в суматохе смешаться с крестьянами, он вернулся в гетто и рассказал о том, что видел...

Два дня спустя, депортировали вторую группу. Хорошо помню, как люди, зная о продажности румынских жандармов, в течение дня ходили по домам, собирая драгоценности – кольца, серьги, цепочки. Собранное утром отдали двум жандармам-конвоирам. Так вторая колонна, включая нашу семью, дошла до [Атак](#). По пути я видел большую яму, вырытую крестьянами для нашей группы, состоявшей приблизительно из шести тысяч человек.

На сей раз из [Атак](#) нас переправили на украинский берег. С содроганием вспоминаю эту переправу через Днестр на лодках понтонного моста. Люди были вконец измучены. Некоторые несли на руках мертвых детей, чтобы похоронить на другом берегу. Боясь перегруза лодок, жандармы выбрасывали в Днестр трупы, а также людей с умершими родственниками на руках.

Ночь мы провели в [Могилеве](#) в сгоревшем доме. На другой день влились в новый конвой и так попали в город [Лучинец](#)³ [Копайгородского района Винницкой области](#). Тех, кто уже не мог идти, расстреливали. Горько вспоминать, но от правды не уйти: многие украинцы были не менее жестоки, чем румынские жандармы и немцы. Крестьяне-мародеры охотно забирали одежду убитых.

Часть жителей [Лучинца](#) эвакуировали, их дома пустовали – в них и разместили беженцев. Депортированные ранее уже жили в гетто – специальной территории города, состоящей из узких улочек, огороженных двумя рядами колючей проволоки. По углам стояли сторожевые вышки. Охраняли гетто румынские жандармы и полицейские из местных жителей.

Семьи депортированных хотинчан разместили в ветхих домиках. В маленькие комнатухи напихивали по тридцать–тридцать пять человек. Спали на общих нарах – голых досках.

Ужасающая скученность. Отсутствие элементарных бытовых удобств. Если было пальто, чтобы ночью укрыться, – это считалось счастьем. Мы были такими «счастливчиками» благодаря нашей энергичной маме. Она постелила нам старенькое пальто, подушкой служил вещевой мешок, одеялом – другое пальто. Но мы вообще не раздевались, спали одетыми, потому что пальто-одеяло утром могло оказаться в другом конце общих нар. Водопровода и канализации не было, помыться было негде, негде и постирать. Отец и брат не брились и не стригли волосы. И что говорить о лекарствах, когда не было еды...

В комнате, где мы жили, разместились шесть семей – тридцать один человек. От голода, антисанитарии и болезней начался повальный мор. Основной причиной смерти был, конечно, голод. Но люди гибли и от инфекционных болезней – сыпного и брюшного тифа, дизентерии. Нас одолевали вши. Особо безжалостно смерть косила детей. Малыши умирали на глазах родителей, а те ничем не могли помочь, ведь в гетто не было ни больницы, ни поликлиники, ни врачей. В первую же зиму детское население сократилось наполовину, к следующей весне – на две трети.

Зима 1941 года выдалась суровой. Дул ледяной северный ветер. Никогда я не испытывал такого сильного голода и холода, как в те месяцы в Лучинце. Весной мама готовила суп из свежей крапивы, иногда – из очисток картофеля, полученных от местных евреев, проживавших в городе до войны. Это спасло нас и помогло выжить. Но Хаскель заболел рахитом, превратился в скелетик, так и не начал ходить.

Проживавшие на территории гетто местные евреи были, естественно, в лучших условиях – они оставались в своих домах, у них были связи с украинскими селянами. Но и они умирали от инфекционных заболеваний, страдали от завшивленности, их тоже коснулись издевательства немецких солдат и выборочные расстрелы.

В первый год нашей жизни в гетто местные евреи получали от нас мизерную квартирную плату – расплачивались вещами. Весной 1943 года в гетто стали пропускать крестьян из ближайших сел, чтобы они могли обменивать продукты на вещи. В центре Лучинца стихийно образовалась барахолка. Но вещей хватило ненадолго – люди продолжали умирать от голода. Еже-

дневно вывозили трупы, по сорок–пятьдесят тел складывали на повозку и придавливали сверху длинным бревном, словно снопы. Хоронили в общих могилах (ямах). Нередко трупы долго лежали на улицах, пока не наступала их очередь «эвакуации». В течение первого года жизни в гетто были похоронены в общих ямах семеро моих близких родственников – тетя и дядя со своими семьями.

Сегодня в кино жителей гетто показывают истощенными, с выпирающими ребрами. Но белковый голод выглядит гораздо страшнее: раздувшиеся до невероятных размеров тела, слоновьи ноги, пузыри, как при ожогах, сочащаяся лимфа. Шевелящиеся от вшей волосы и брови, бороды мужчин. Невыносимый запах гниющих тел. Дети-скелеты с огромными глазами, в которых застыла немая мольба о помощи. Несмолкающий кашель. И каждый день – смерть.

Возможно, кто-то будет шокирован этими подробностями, но люди должны знать правду. Я – живой свидетель «окончательного решения еврейского вопроса» по-румынски. Трудно освободиться от ужасных воспоминаний, невозможно передать словами нечеловеческие страдания.

До 1943 года выход за пределы гетто был строго воспрещен, нелегально пробиравшихся в села расстреливали. Тогда же узников-мужчин гетто стали использовать для принудительной работы, чаще всего на торфяных разработках и лесоповале. Среди них были мой отец и старший брат. Иногда их кормили пустым супом, он лишь немного заглушал голод. От непосильной работы и издевательств люди слабели и заболевали. Тех, кто не в состоянии был вернуться в гетто, расстреливали. Трупы не закапывали. Зимой отец вернулся с отмороженными пальцами ног и рук, а Ефим заболел куриной слепотой – к вечеру ничего не видел. Это стало спасением – на работу их больше не брали.

В это время мать, отец, старший брат и я переболели тяжелой формой сыпного тифа, чудом выздоровели. Наша семья жила дружно, все поддерживали друг друга, родители отдавали нам последнюю ложку супа. Возможно, это и помогло выстоять.

Помню, что в первый год дважды или трижды в гетто появлялись немецкие фашисты соседних гетто, производили обыски, забирая себе случайно сохранившиеся вещи и драгоценно-

сти. Однажды отобрали группу молодых мужчин, увезли в лес и расстреляли. Родители не смогли мне объяснить причину таких выборочных расстрелов. Возможно, палачи зверели, не находя чем поживиться.

В течение 1942 года число жителей гетто [Лучинца](#) продолжало уменьшаться: в живых осталось меньше трети. Люди умирали от голода и сыпного тифа в ужасных муках. В тогдашних условиях выходить больного было крайне трудно, чаще – невозможно. Сейчас, вспоминая симптомы болезни, поражавшей детей, я как врач понимаю, что многие умерли от туберкулеза: у всех была высокая температура, кашель, потливость и все усиливающаяся слабость. Туберкулез всегда появляется там, где голод, антисанитария, скученность, нищета и психическая подавленность. В первую очередь гибли дети. В гетто [Лучинца](#) редко можно было увидеть на улицах ребятишек, а если они и выходили из дома, то бродили как тени.

Говоря о детях, имею в виду и себя.

К началу 1943 года вещи для обмена на продукты у нас иссякли, и мы, по сути, стали очередными кандидатами на голодную смерть. Отец сказал: «Лучше умереть, чем видеть своих детей, теряющих силы из-за постоянного голода».

Глядя на мучения детей, мама придумала способ добывания продуктов. Из одной–трех картофелин она варила так называемый суп, чтобы хотя бы раз в день «покормить» семью и притупить мучительное чувство голода. А способ был прост, но наказуем – воровство с благородными намерениями. Мама ходила на толкучку, якобы для того, чтобы обменять вещь на продукты, поднимала одной рукой небольшие мешочки с картошкой – вроде бы для определения веса, а когда опускала мешочек на землю, в ее руке оказывалась картофелина, прикрытая тыльной стороной ладони. И этот поступок – я часто при этом присутствовал, чтобы отвлечь внимание хозяйки, – совершала моя мама, честная женщина, всю жизнь делавшая добро и помогавшая людям. Помню, как до войны она пекла по пятницам немного больше плетенок, чем было нужно для нашей семьи, и вечером отдавала их бедным еврейским женщинам.

В 1943 году режим охраны ослабили, и жителям гетто удавалось уходить вместе с крестьянами в села на заработки – помо-

гать по хозяйству. Крестьяне расплачивались продуктами. Мама решила заняться заработком честным, но весьма рискованным, потому что выходить из гетто было все-таки опасно. Она нашла работу у пожилой одинокой крестьянки в соседнем селе [Плоское](#). За труд та давала маме пшено и картофель. Обычно мама брала с собой меня, и, по мере своих детских сил, я помогал ей. Бабушке Даше я понравился, она часто говорила, что я очень похож на ее внука, жившего в [Харькове](#).

Вскоре я тяжело заболел: поднялась температура, начался сильный кашель. Вконец обессиленный, я уже не мог помогать маме. Впоследствии она рассказывала, что они с папой были уверены, что я скоро умру. Несколько дней мама ходила в [Плоское](#) без меня. И однажды бабушка Даша спросила, что случилось. Узнав о моей болезни, она пришла к нам, увидела, в каких условиях мы живем, и сказала родителям, что забирает меня под видом внучонка [Сашко](#) к себе в деревню. До сих пор не понимаю, как у меня хватило сил добраться с ней до деревни, ведь я уже едва мог ходить. (После войны и возвращения в [Хотин](#) у меня диагностировали туберкулез легких.)

Моя спасительница

Своим спасением и жизнью я обязан доброму сердцу крестьянки из села [Плоское](#) Дарьи Михайловны Рудко. Рискуя жизнью, она вывела меня из гетто – в лохмотьях, вшивого, обросшего, истощенного, тяжелобольного. У себя во дворе разделала догола, обстригла ножницами волосы, даже брови обрезала, потому что я был весь во вшах, и все это сожгла. Потом выкупала с мылом в горячей воде, уложила на печь и дала теплого молока. Впервые за последние два года я спал в чистой постели и не на голодный желудок. А баба Даша всю ночь шила мне новую одежду – штаны и рубашку из своей юбки и кофты. Около месяца не выпускала из дому, откармливала, чтобы, как она говорила, на меня можно было смотреть без слез. Баба Даша держала корову – и выходила парным молоком меня, умирающего мальчишку.

Домик у Дарьи Михайловны был типичным для бедных крестьян: одна комната, к ней примыкала кухня с земляным по-

лом и русской печкой, ставшей для меня постелью. Но после гетто ее домик казался мне царскими хоромами. Деревне баба Даша представила меня своим внуком, который у нее действительно был, но родился и проживал в другой области, соседи его никогда не видели. К весне я немного окреп, стал помогать по хозяйству: кормил кур, копался в земле, пас корову. Примерно через месяц-полтора Дарья Михайловна разрешила мне вывести корову в поле. Помню свою радость от похвалы, когда вымя у коровы стало заметно увеличиваться, и молока она начала давать в два раза больше.

Соседи и верили, и не верили, что я – кровный внук бабы Даши, но видели, что *Сашко* пасет корову добросовестно, на участках с самой сочной травой. Тогда они стали уговаривать Дарью Михайловну, чтобы ее внучок пас и их коров. К лету 1943 года я стал пастухом маленького стада из шести буренок.

За работу хозяева коров меня по очереди, по неделе, кормили и давали продукты в поле. Кроме того, мою «зарплату» составляли четыре килограмма картошки в месяц. Свежий воздух и парное молоко делали свое дело – я почти поправился.

Вскоре познакомился с двумя деревенскими мальчиками и девочкой, которые также пасли коров. Так сколотилась компания пастушков. Мы пасли стадо из десяти буренок. С одним из мальчишек, *Миколой*, я подружился, и после войны мы долго переписывались.

Воскресенье у моих друзей было выходным днем, и я оставался пасти все стадо один. А по понедельникам у меня был выходной, и мы с бабой Дашей ходили в гетто и относили родителям продукты. Нередко кто-то из хозяев коров давал мне бутылку молока. Охрана принимала меня за местного, потому что я был одет, как украинский *хлопчик*. Так я стал фактически кормильцем семьи.

Первый раз, выгоняя корову бабы Даши в поле, испытал неопишуемый страх. Думал: если мне не удастся победить свой страх – выглядеть евреем, – погибну. Страх может выдать. Уже тогда понимал, что мне не выжить, если не перестану походить на жителя гетто. Уговаривал себя: ты должен стать таким же, как все дети села *Плоское*, и вести себя так же, как они! Слава Богу, мне это удалось. По внешности трудно было определить

мою национальную принадлежность, украинский я знал хорошо. Страх окончательно развеялся, когда с бабой Дашей я стал носить родителям в гетто заработанные мной продукты. Вскоре перестал думать о себе как о мальчишке из гетто. Деревенский пастух – вот кто я! Я жив, и это чудо!

И это чудо помогло выжить моим родителям и брату. И все же моя жизнь в деревне, невзирая на хорошее отношение крестьян, не всегда была спокойной. Думаю, кто-то в деревне все же догадывался, что пастух *Сашко* – не родной внук Дарьи Михайловны, а мальчик из гетто. Несмотря на мой свободный украинский, едва заметный акцент в моей «мове», наверное, все же был слышен чуткому уху. Подтверждением послужили два эпизода: один раз меня страшно избили, в другой раз – в деревню приехали два немца, искавших пастуха-еврея.

Местные поля охранял мужик, звали его «лановой» Петя. Было ему лет сорок. Раненный на войне, он вернулся в село без ноги. Объезжая огромные поля, раз в день обязательно оказывался на нашем пастбище. Лето 1943 года выдалось засушливым, травы почти не было. Наша компания практически ежедневно пасла коров на гороховом поле, при этом мы не загоняли их вглубь, опасаясь появления «ланового». Один раз этот плюгавый наездник с тусклыми злыми глазами и жидкими усиками нас «застукал». Внезапно появился, увидел стадо у края посевов и налетел на нас, как вихрь. Прогнал с поля, но, не ограничившись этим, набросился именно на меня, жестоко избив кнутом. Слава Богу, не затоптал лошадей. Вырвавшись, я убежал через ручей в лес и только тем спасся. Я был весь в крови. Особенно сильные кровоподтеки были на спине, а на лице – синяки, раны и отеки под глазами. Друзья помогли вернуться вечером в село. Неделю не мог работать. Когда отеки сошли, и я смог видеть, вновь принялся за дело. В мой выходной баба Дарья сама отнесла в гетто продукты. К немалой моей радости, через полтора месяца партизаны повесили «ланового» Петра прямо в центре села. Видимо, у него были более серьезные заслуги перед оккупантами, чем избивание мальчишки.

Другим случаем, доказывающим, что кто-то считал меня евреем из гетто, стал приезд в село к дяде Тарасу двух немцев на мотоцикле. Думаю, донес на меня в жандармерию одноно-

гий «лановой». Дядя Тарас, один из шести моих хозяев, считался румынским служащим, так как собирал с крестьян оброк для немецкой армии – по тридцать куриных яиц в месяц с каждого двора. Пока немцы толковали с ним во дворе, расспрашивая, где пасется стадо, он отправил свою дочь предупредить меня об опасности и сказать ребятам, чтобы немцам обо мне – ни гу-гу. Дядя Тарас отлично знал, где мы находились в то утро, – сам указывал пастбище на день.

Если бы немцы меня схватили, дяде Тарасу не поздоровилось бы, поскольку одна корова принадлежала ему. Бабе Даше и вовсе грозил расстрел, несмотря на ее преклонный возраст, ведь она совершила тягчайшее преступление: тайно, обманным путем, вывела еврея из гетто и укрывала его. К счастью, дочь дяди Тараса прибежала вовремя, и, пока немцы плутали на мотоцикле по раскисшим полям, я успел спрятаться в ближайшем лесу. Мои друзья сказали немцам, что пасут стадо втроем. Так в очередной раз я остался жив благодаря хорошим людям. Считайте, что это было уже третье чудо в моей жизни.

К середине 1943 года в комнате, где жила моя семья, из тридцати одного человека в живых остались только десять – остальные умерли от голода и болезней. Их похоронили в общих могилах. Не выжил и мой трехлетний братик Хаскель – умер в день, когда меня избили в поле. Хаскель протянул в гетто почти два года только благодаря родителям – они отдавали ему свою еду, превратившись от голода в ходячие мумии. Труп брата родители не стали хоронить в общей могиле, и пять дней прятали под нарами, дожидаясь моего прихода. Мама отлично понимала, в каких условиях живет, и все равно не могла допустить, чтобы ее младшенького, как бездомного котенка, бросили в общую яму. Она дождалась моего прихода и поручила мне похоронить Хаскеля на кладбище, находившемся недалеко от местечка. Мама даже приготовила лопатку, чтобы я мог вырыть могилу. Она завернула трупик в свою шаль. Хаскель был почти невесомый. Помню это место на кладбище: от входа двадцать моих детских шагов вперед и десять шагов вправо. Уложив брата в могилку, я засыпал ямку землей и положил сверху валявшийся рядом камень. Вернулся с кладбища в гетто, где меня ждала баба Даша, и мы с ней пошли обратно в деревню...

Освобождение

В марте–апреле 1944 года Красная Армия освободила Винницкую область. Случись это на пару месяцев позже, жители гетто, и наша семья в том числе, вряд ли дождались бы освобождения: несмотря на мою помощь, силы родных были на исходе.

Весть об освобождении застала меня в поле, где я занимался делом, ставшим смыслом жизни. Ко мне с восторженным криком прибежал друг и напарник Микола: «Сашко! Ты – свободен, Красная Армия вернулась в Лучинец!».

И тут-то я окончательно убедился, что все знали истинную причину моего появления в селе и полтора года молчали, даже не намекая на это.

Баба Даша и радовалась победе, и грустила. Она отвела меня в гетто и передала родителям. Прощание было трогательным – слезы радости смешались со слезами печали из-за неизбежной разлуки. Мы стали больше, чем родными друг другу, ведь благодаря бабе Даше моя семья спаслась от неминуемой гибели. На предложение поехать с нами она с грустью отказалась: «Нет, внучонок, мне уже восемьдесят... Мы с буренкой будем по тебе очень скучать. Будь счастливым!».

Прощаться со мной пришли многие сельские жители: хозяйка коров, друзья, соседи бабы Даши. Принесли продукты в дорогу, а Микола отдал мне свой детский костюм.

Между тем возвращение в родной Хотин стало немалой проблемой – освобожденные жители гетто Лучинца были настолько истощены и слабы, что не могли не только работать, но и ходить. Хорошо помню выживших: это были люди без возраста, изможденные, с бледно-желтушным цветом лица, беззубые, и мужчины, и женщины коротко стриженные – они казались выходцами из ада или сбежавшими из сумасшедшего дома. Мы с родителями пешком добрались до ближайшей железнодорожной станции. Денег на билеты, разумеется, не было, вещей тоже. Жалостливый дежурный по станции разрешил нам устроиться на площадке нефтяной цистерны у места сцепления длиннущего железнодорожного состава. Мама привязала меня к себе ветхим платком, боясь, что я упаду во время движения поезда. Так,

под открытым небом, через двое суток (состав долго стоял на разных станциях) мы добрались до **Черновцов**. Оттуда добрый водитель военного грузовика привез нас в **Хотин**.

Город был мрачен. Три с половиной года его радикально изменили – ничто не напоминало шумное, красивое местечко, каким оно было раньше. Стены уцелевших домов были испещрены следами пуль и осколков снарядов. На месте сгоревших в начале войны хат люди сажали овощи и фруктовые деревья. В сохранившихся еврейских домах в центре города уже проживали семьи, ранее возвратившиеся из гетто. Наша семья поселилась в сарайчике возле сгоревшего дома. Позже мы узнали, что в этой «квартире», состоявшей из маленькой комнатухи и кухоньки, проживала служанка одной состоятельной семьи, погибшей в гетто. Но и эта хибарка показалась мне раем по сравнению с многолюдной комнатой в гетто.

Война еще продолжалась. Советские войска наступали на территории стран **Восточной Европы**. А через год наша армия уже штурмовала **Берлин** и водрузила флаг над Рейхстагом.

В это нелегкое время была карточная система распределения хлеба – по четыреста граммов на душу в сутки. Отец, истощенный и больной, без пальцев на ногах – напомним, результат обморожения в гетто – устроился развозчиком хлеба. В запряженном лошадью закрытом фургоне он возил хлеб из пекарни в единственный городской хлебный магазин. Попутно служил «справочником» для горожан: от него узнавали время, когда идти в магазин и занимать очередь.

Нередко мы со школьным другом Иваном Петруком разгружали хлеб и первыми получали положенные семье порции, а за труд – по сто граммов дополнительно. Ваня впоследствии окончил военную академию, стал полковником танковых войск. Долгие годы он с благодарностью вспоминал моего отца за те крошечные заработки, которые помогли его семье выжить в послевоенные годы. Отец вообще был доброжелательным, честным, уважаемым в городе человеком, а для меня – примером во всем. Я им гордился и всю дальнейшую жизнь старался ему подражать.

Посещение бывшего гетто

Бабу Дашу я никогда не забывал. Переписываясь с *Миколой*, другом-пастушком, узнал, что Дарья Михайловна умерла через год после нашего расставания. Забегая вперед, скажу: при первой же возможности я, уже врач-хирург, поехал в **Лучинец** и **Плоское** навестить своих друзей, узнать, как они живут, отвезти подарки бывшим хозяевам моих буренок, а также поклониться могилам бабы Даши и младшего брата. Увы! Его могилку и камень над ней не нашел.

Микола работал директором школы в **Лучинцах**. Вместе мы пошли в село **Плоское**. Вручить подарки смогли только четверем бывшим хозяевам буренок. А на месте избушки моего ангела-спасителя, бабы Даши, рос кустарник. Сохранился лишь ветхий сарай, в котором когда-то стояла корова.

Дядя Тарас меня не признал. За службу у румын его отправили на фронт в штрафной батальон. Получил тяжелое ранение – лишился обеих ног. Увидев его, я заплакал – на полу сидел пожилой безногий человек. Жил один, в страшных антисанитарных условиях. Память о штрафном батальоне терзала его, боялся преследований. А ведь когда-то он спас мне жизнь! От *Миколы* узнал, что дядя Тарас сотрудничал во время войны с партизанами, помогал им. Вместе с *Миколой* мы доказывали дяде Тарасу, что во время войны я – «жидок-Сашко» – был пастухом, но он настойчиво утверждал, что в те годы его корову пасла младшая дочь, которой, как помню, было тогда три года. Вероятно, Тарас принимал меня за сотрудника органов безопасности. *Микола* сказал, что я – врач. Но и это не помогло. Тем не менее, подарок я ему вручил с огромной благодарностью.

В заключение рассказа о том страшном времени таков итог: в нашей семье в живых остались родители, старший брат и я. Умерли и похоронены в неизвестных могилах десять человек: младший братик, бабушка по отцовской линии, тетя с семьей (четверо) и дядя с семьей (четверо). Печальный итог Холокоста для моей семьи.

Я – очевидец и случайно выживший...

Вспомнилось предвидение Ильи Эренбурга. Задолго до Бабы Яры и печей **Освенцима**, в книге «Необычайные похождения

ния Хулио Хуренито и его учеников», вышедшей в 1922 году, он написал: «В недалеком будущем состоятся торжественные сеансы уничтожения иудейского племени... В программу войдут, кроме излюбленных уважаемой публикой традиционных погромов, также реставрированные в духе эпохи: сожжения иудеев, закапывание живьем в землю, опрыскивание полей иудейской кровью и новые приемы «эвакуации», очистки от позорительных элементов и пр. и пр.».

Страшные предвидения писателя сбылись...

Дарья Рудко – Праведница народов мира

Много зла я увидел во время войны: разорение румынами и немцами Хотина, патологическую их жестокость при уничтожении евреев, варварство помогавших им в этом украинцев и молдаван. Гибель от голода и холода детей и стариков, женщин и мужчин. Но видел и добро: сердечность крестьян села Плоськое, заботу украинских друзей-пастушков, помощь дяди Тараса. Была, наконец, в моей жизни Дарья Михайловна Рудко – названная бабушка. В 2008 году я обратился в отдел «Праведники народов мира» (Яд Вашем, Израиль) с просьбой увековечить память моей спасительницы. Через полгода, после рассмотрения представленных мной документов, мне сообщили, что Дарья Михайловна Рудко посмертно удостоена звания Праведницы мира и награждена медалью «Праведники народов мира». Ее имя высечено на Стене Почета, в Аллее праведников мира.

А. Х. Трахтенберг. Спасенный – чтобы спасти. – М., 2010. – С. 22–42.

«СТРАДАНИЯ И УЖАСЫ ОККУПАЦИИ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА»

УРАЗМЕТОВА Алла (1938 г.)

Когда началась война, мне едва исполнилось три года. Большинство моих воспоминаний написаны со слов матери. Есть такие воспоминания, которые не забыть никогда.

Это было в Николаеве¹ во время Великой Отечественной войны, когда город был захвачен немецкими оккупантами.

Однажды мама и я пошли на биржу труда. Там нас посадили на открытую машину и повезли в штаб, находившийся на улице Никольской. Во дворе штаба нам приказали выстроиться в две шеренги: в одной дети, в другой – матери. Комендант вышел с переводчицей, которая сказала, что он хочет сделать подарок фюреру ко дню рождения. Выкатили пулемет. Было ужасно. Женщины теряли сознание, дети кричали. К счастью, комендант был сильно пьян и ему не дали исполнить угрозу.

На улице адмирала Макарова была комендатура, рядом находился склад, и вот там, среди грязного тряпья, мазута, мама прятала меня и брата во время проверки смешанных браков.

И все-таки нас однажды поймали. Меня с братом и маму отправили в село Сливино Варваровского района Николаевской области, в рабочий лагерь.

Там над нами издевались, как хотели. Нечеловеческие условия забрали жизнь моего брата, мне же посчастливилось остаться живой, но с кучей хронических заболеваний с детства.

Освободили нас партизаны. И до освобождения Николаева спасались как могли, прячась и в подвалах, и в канализационных люках.

Перенесенные страдания и ужасы оккупации мне не забыть никогда.

«ОНИ БЫЛИ ЕВРЕЯМИ...»

УЧИТЕЛЬ (ШТАРКМАН) Раиса (1938 г.)

2 мая 1941 года у нас в семье умер седьмой ребенок, мой братик. Не успели высохнуть слезы, как пришла другая беда – война.

Эвакуироваться не успели: немцы разбомбили мост, стали бомбить и город.

Мама, ее сестра и пятеро маленьких детей бежали в село [Черновцы Винницкой области](#), в 30 км от [Могилева-Подольского](#). Меня и братика всю дорогу несли на руках. По дороге шли толпы беженцев. К нам подбегали пастухи с кнутами и били взрослых по ногам и кричали им вдогонку: «Жида».

С большими трудностями мы добрались до села, у всех были окровавленные и распухшие ноги, никто уже не мог передвигаться. Побыв немного в селе, мы вернулись в [Могилев-Подольский](#)¹, но нас уже в наш дом не пустили.

По городу был вывешен приказ о том, что евреи должны носить на рукаве повязку с шестиконечной звездой и переселиться в гетто.

Скученность в гетто была ужасная. В одной комнате жили по 4–5 семей, без воды, без еды, без света и тепла. Грязь и отсутствие возможности искупаться создали такие условия, что люди стали болеть брюшным тифом, дизентерией и другими болезнями, заедали вши.

Я очень тяжело болела, и меня начали оплакивать еще живой, думая, что я умру. Но благодаря ежедневному стакану молока, которое мне приносила моя довоенная няня, я выздоровела. Но после этого еще долго еле передвигалась на тонких ножках.

Брат тоже тяжело болел. Но как только ему стало легче, зная, что он может быть единственным кормильцем семьи, брат сделал лоток из фанеры. Он укрепил его веревкой и повесил себе на шею. Таким образом, стал торговать бубликами, которые пекли местные жители, давая нам для продажи. Это обеспечивало в какой-то степени нашу семью материально. А шел ему в то время только одиннадцатый год. Но бывали и случаи, когда у брата эти бублики воровали, брали без денег и вдобавок избивали. Тогда домой он приходил весь в слезах, без заработка, и мы не были в состоянии приобрести ничего из продуктов, которые были необходимы, чтобы я не умерла. Брат постоянно отказывался от еды, да и не только он – взрослые члены семьи делали все, чтобы только меня выводить.

Сейчас брат со слезами на глазах вспоминает, как однажды дедушка с опухшим животом и опухшими ногами стал искать в шкафчике еду и нашел там кусочек хлеба. Брат вырвал у него этот кусочек и сказал: «Не трогай, это для Раечки».

Вскоре дед умер от голода, ему тогда было чуть больше 50-ти лет. Брату сейчас очень больно за то, что он тогда сказал дедушке, и он не может себе этого простить – ведь, может, тот кусок хлеба спас бы дедушку от голодной смерти.

Часто в гетто устраивались облавы на людей, и задержанных угоняли в концлагерь [Печора](#). Нашей семье несколько раз удавалось дать взятку старосте и на некоторое время откупиться от лагеря смерти. Но время шло и откупаться уже было нечем, и нас отправили в [Печору](#)².

По дороге, когда нас гнали в [Печору](#), к нам подошла наша бывшая няня Параска и попросила маму отдать ей меня, чтобы спасти от верной смерти. Мама меня отдала, и я пошла с Параской, но, оглянувшись и, не увидев маму, я стала кричать и плакать, и маме пришлось за мной вернуться.

В лагере некоторым удавалось бежать, менее удачливых расстреливали на месте, многие умирали в лагере от голода, болезней и холода.

Однажды, подобрав подходящий момент, наша семья бежала из лагеря, но по дороге двух маминих сестер с ребенком и мужем одной из них поймали и всех расстреляли. Нам повезло.

Мы добрались до [Могилева-Подольского](#). Там брат вырыл яму, и мы с мамой спрятались в ней.

Однажды зимой мы с братом шли по улице Мельника и стали свидетелями трагедии: из помещения, где до войны был Дом культуры, выносили обледенелые голые тела и грузили их на телеги. Смотреть на мертвецов было страшно, и я отвернулась, но мой брат повернул мое лицо и сказал: «Смотри и запомни – они были евреями!»

С тех пор прошло много лет, но этого ужаса забыть невозможно. Лагерь укоротил жизнь моим родителям и близким.

Всем бывшим узникам гетто и концлагерей, пережившим ужасы войны, я желаю хорошей старости и спокойной жизни.

«ФАШИСТЫ РЕШИЛИ ПОКОНЧИТЬ С ОСТАВШИМИСЯ ЕВРЕЯМИ»

ФАБИЯН Исаак (1931 г.)

Я, Фабиян Исаак Михайлович, родился 22 сентября 1931 года в городе [Умань](#). Отец – Фабиян Михаил Яковлевич, по национальности чех, мать – Шофман Анна Борисовна, по национальности еврейка. Я коренной житель Умани.

Во время Великой Отечественной войны наша семья не эвакуировалась и, когда немцы захватили [Умань](#)¹, они сразу стали вести вражду между национальностями и особенно против еврейского населения. Немцы выезжали на агитационных машинах и объявляли, что они освободили [Украину](#) от «жидобольшевистской власти», и что все евреи должны стать на учет. Они организовывали гетто, куда сгоняли всех евреев со всей округи. Это было сделано для того, чтобы легче было уничтожать еврейское население. Меня с матерью и сестрой тоже заставили поселиться в гетто, так как немцы считали, что мы воспитаны по матери, а отец остался один.

Одновременно немцы вели вражду между украинцами и русскими. Так военнопленные, захваченные немцами, разделились по национальности. Кто был украинцем – того могли отпустить домой или же они могли служить немцам, а русских военнопленных оставляли в плену. Евреев, попавших в плен, вообще отбирали и сразу отвозили в концлагеря или расстреливали.

В конце августа 1941 г. немцы устроили первый еврейский погром. Отец, узнав о предстоящем погроме, сумел предупредить мать, меня и сестру, и мы сумели выйти из гетто до полного окружения. Отец перепрятал нас у своей сестры, которая жила в нашем городе.

Немцы и полицаи выгоняли евреев с детьми из их домов, собирали их в колонны и гнали в Дом пионеров, а кто сопротивлялся – того били прикладами, издевались как могли.

В Доме пионеров был большой подвал, и они всех евреев насильно и нахально заталкивали туда, как сельдь в банки. Там от удушья погибло много стариков и детей, а многие погибли от газа машин, которые немцы ставили у здания. Так закончился первый погром.

Многие дети остались без родителей. Немцы их забирали и отправляли в концлагеря.

После первого погрома евреев опять согнали в гетто. Мы с матерью и сестрой вынуждены были поселиться там, так как оставаться у тети не могли – она боялась за свою семью.

8 октября 1941 г. начался второй массовый погром. Погибло около 20 тысяч евреев, которых расстреляли в так называемом Сухом Яру или Уманской яме. Многие узнали, что будет погром, и каждый спасался как мог.

Мы с матерью сумели выйти из гетто до его окружения. Отец нас встретил и отвел к другой своей сестре, которая прятала нас в подвале. Но после погрома нам опять пришлось уходить в гетто ибо оставаться у родных мы не могли, они боялись за свою жизнь. Немцы издали приказ, кто будет прятать евреев, тот будет расстрелян.

После второго погрома евреев осталось еще меньше, их согнали опять в гетто, которое находилось по улицам Некрасова, Тургенева, Восточной. Каждый день немцы брали на работу евреев и обращались с ними, как со скотом: били, а кто был болен, того могли расстрелять.

Нас, подростков, пинали ногами, давали подзатыльники, издевались, кричали «юдин». Меня один полицай ударил в ухо так, что пошла кровь, и с тех пор у меня начало падать зрение и болеть голова, а подрастающих девочек иногда насиловали.

Жизнь в это время была очень тяжелой. Каждый еврей должен был отличаться даже одеждой от местного населения. Немцы заставляли их на своей одежде носить шестигранную звезду или же пришивать два желтых круга на спине и на груди, на верхней одежде, чтобы видно было, что идет еврей.

Уводя на работу женщин, их заставляли убирать в казармах,

стирать, помогать на кухне, выполнять любые работы, а кто не мог – того могли избить до полусмерти.

Однажды, помню, привезли одну соседку полуживую. Говорили, что ей дали 20 розог за то, что она плохо постирала. Мужчин заставляли грузить тяжелый камень, копать глубокие ямы, возить большие кучи мусора, в общем, все, что приходило немцам в голову.

Был такой случай. Стояла холодная и суровая зима. Передовые части немцев ушли вперед, а за ними шли так называемые тыловые части. Немцы поселились в дома, которые были свободны, и заставляли евреев топить печки. В одном доме из печки выпал жар, и дом начал гореть. Обвинили, конечно, евреев, что они специально это сделали и издали приказ повесить троих самых грамотных евреев. Их повесили без суда и следствия на деревьях в центре города, на площади.

После погромов оставались подростки – девочки по 15–16 лет. Они не имели куда идти, оставались в своих домах и там жили. Немцы, узнав об этом, стали туда ходить и насиловать их. Гестапо узнало, что девочки живут одни и прячутся, пришли, забрали их и расстреляли.

Наряду с этими насилиями, немцы огласили добровольный набор юношей и девушек в [Германию](#) на работу. В начале многие кинулись на этот набор. Их провожали с музыкой и песнями, а после оказалось, что это обман – молодежь привозили в рабство. Их там отправляли на химические заводы, заводы, которые изготавливали оружие, кого-то забирали для работ няньками. Некоторые оттуда убегали и рассказывали обо всем этом.

После первого добровольного набора немцы объявили второй набор, но добровольцев уже не было. Тогда немцы стали ловить на улицах молодежь по 16–18 лет. Их сажали в повозки, которые были похожи на цыганские – пара лошадей и покрытые брезентом телеги. Молодежь свозили в помещения, где собирали всех вместе, а оттуда этапом увозили на вокзал и там грузили, как скот, для увоза в [Германию](#). Ходили по квартирам, искали молодежь на чердаках и в подвалах.

Такая была тяжелая жизнь во время оккупации. Люди нуждались, голодали, хлеб получали по карточкам. Особенно было тяжело еврейскому населению. Немцы не считали нас за людей. Так мы с мамой и сестрой прожили до весны 1943 года.

23 апреля 1943 г. начался третий еврейский погром. Фашисты решили покончить с оставшимися евреями. Отец узнал о предстоящем погроме и расстреле всех евреев, находящихся в гетто, и предупредил маму. Я с мамой сумел выйти из гетто до его окружения, а сестра не успела, и с тех пор мы ее больше не видели. Она, по всей вероятности, погибла во время расстрела.

Отец забрал нас и повел к себе, так как больше некуда было идти. Родственники боялись за свою жизнь. С весны 1943 по 10 марта 1944 г. я с мамой вынужден был прятаться в квартире отца, в которую его переселили, когда немцы разобрали наш дом на топливо. Эта квартира оказалась для нас судьбой. В ней была небольшая кладовка: темная, сырая, без окон, которую мы сами случайно обнаружили. Сделав небольшой лаз внизу, чтобы могла пролезть мама, мы туда залезали и просиживали там с утра до вечера, так как к отцу мог кто-нибудь зайти из соседей или полицаев, которые знали, что его жена еврейка. И только поздним вечером вылазили оттуда.

Немцы издали указ, что за еврейскую голову будет вознаграждение. Нам приходилось все время прятаться. Мы сидели, как в карцере, заболели. У меня ухудшилось зрение, а мама совсем ослабла.

Зимой 1943 г. было мнимое освобождение **Умани**. Немцы в панике покинули город. Он на некоторое время остался без власти. Но после этой паники, когда немцы вернулись в город, они еще больше начали свирепствовать. Арестовывали по малейшему подозрению и расстреливали без суда и следствия. В таком ужасе мы с отцом и матерью прожили до 10 марта 1944 г.

После освобождения города от фашистов, евреев осталось в живых очень мало. Они все были сильно больны. Мы с мамой тоже.

Вот такую нелегкую и совсем небезопасную жизнь я прожил подростком во время оккупации.

После освобождения города от фашистов я пошел в школу, как и все дети. Учеба давалась нелегко, так как я был очень потрясен всем увиденным и пережитым во время оккупации.

ТРАГЕДИЯ МЕСТЕЧКА ШАРОВКА

ФАЙГЕНБЛИТ Бетя (1919 г.)

Родилась я в 1919 году в местечке **Шаровка Ярмолинецкого района Хмельницкой области**. До войны окончила педагогическое училище в **Каменец-Подольском**. Меня направили работать в соседнее с **Шаровкой** село учительницей. Вся моя семья жила в **Шаровке**¹ и, когда началась война, так и осталась там жить. Я осталась вместе с ними.

15 июля 1941 г. немецкая армия была уже в **Проскурове**, отдельные ее представители находились в **Ярмолинцах**, а в **Шаровке** – только полицаи.

Ходили самые невероятные слухи, но совхоз и колхоз (еврейский – **Б.З.**) в Шаровке продолжали работать. Пережили тяжелую зиму, полную страха.

Весной стали доходить слухи, что в **Проскурове** для евреев открыли гетто и всех загоняли туда жить и работать под присмотром полицаев.

Я решила уйти в село, где работала учительницей – там ко мне раньше хорошо относились. Моего отца, портного, пригласили в богатое соседнее село обшивать жителей, за что с ним рассчитывались продуктами.

В начале осени стало известно, что в **Ярмолинцах**² уничтожены все евреи. Мы поняли, что наша участь решена. Однажды прибежали ко мне знакомые крестьяне и рассказали, что моих родителей убили – труп матери скормили свиньям, а труп отца повесили для всеобщего обозрения. Мне посоветовали бежать из этого села.

С тех пор я стала скитаться по окрестным селам. Ночью шла, под утро заходила в село, умоляла спрятать меня на день, а вечером снова уходила.

Так продолжалось до тех пор, пока не начали забирать украинских девочек в Германию. Тогда уже прятали их, а меня прятать не хотели. Раздобыв немного еды, я уходила в лес и там ночевала. Костра не зажигала, чтобы меня не обнаружили. Мерзла, голодала и тряслась от страха и холода. Иногда забегала в село немного обогреться и поесть, затем снова в лес. И так всю зиму. Кашляла, кости ныли, тело чесалось, десны кровоточили. Весной стало легче: сосала свежие почки деревьев и кустов, чтобы не заболеть цингой.

28 марта 1944 года Красная Армия освободила Шаровку и окрестные села. Впервые за много месяцев я открыто ночевала в хате и могла свободно ходить по селу.

Самая большая трагедия местечка Шаровка произошла 4 ноября 1942 года. Жители местечка были готовы к своей участи – усердно молились, плакали, призывали окрестных жителей к милосердию: ведь многие поколения шаровских евреев жили с ними в согласии, обшивали одеждой и обувью, снабжали различными товарами, вместе работали, учились, дружили, делили невзгоды. Но люди будто оглохли и ослепли.

На рассвете вышеуказанного дня местечко плотно окружили вооруженные полицаи и местные жители. Евреям приказали построиться в колонну и не брать с собой никаких вещей и ценностей. Сказали, что поведут их в [Ярмолинцы](#) – такой приказ. Больных посадили на подводы. Люди чувствовали, что идут на смерть, поэтому все мужчины были одеты в талесы. Колонна двигалась по дороге на [Ярмолинцы](#). На окраине местечка, у карьера, где добывали глину, колонну остановили, всем велели встать у отвесной стены карьера. Все до единого – женщины, старики, дети – были расстреляны.

Теперь на этом месте братская могила и памятный знак с надписью: «Здесь, 4 ноября 1942 года, немецко-фашистские варвары зверски расстреляли стариков, женщин и детей – жителей местечка [Шаровка](#). Вечная память дорогим землякам».

Памятный знак поставили уцелевшие земляки – евреи, которые по разным причинам уехали до войны в другие города

Союза. Каждый год в дни траура приезжают сюда люди, чьи родственники погибли здесь, и произносят зауспокойную молитву, кладут цветы на братскую могилу.

Я еще 20 лет проработала учительницей в шаровской школе. Вышла замуж за местного жителя, который сумел пробраться к румынам и поэтому выжил. Дали нам старую покосившуюся хату.

Много мне пришлось еще потом пережить. Были времена, когда приходилось скрывать, что находилась в зоне оккупации. Но и это пережили.

Труднее пережить другое: смерть ослепшего мужа и молодой дочери, оставившей малолетнюю девочку и мужа-вдовца... Несколько лет назад мне дали однокомнатную квартиру в селе [Шаровка](#). Но все пережитое не прошло даром: у меня развился страшный ревматизм, полиартрит, суставы распухли, меня всю скрутило, с трудом самостоятельно передвигаюсь.

Жизнь для меня почти утратила какой-либо смысл.

«ПРОСТЫЕ УКРАИНСКИЕ ЛЮДИ ПРИХОДИЛИ НАМ НА ПОМОЩЬ»

ФАЙНГОЛЬД М. М.

1941 год. 1-го августа немцы оккупировали [Умань](#)¹. С первых дней начались гонения на евреев. Немецкий комендант требовал явиться в комендатуру 20 человек еврейской интеллигенции для переговоров. В числе 20 человек были врачи фармацевты, учителя и раввин. Но домой они не вернулись. Через пару дней в местной газете было объявлено, что расстреляно 20 жидов за саботаж. Это было только начало.

Убивали каждый день. С утра нас гнали на самые тяжелые, грязные работы, не обходилось без жертв. 24 сентября 1941 г. хватали евреев на улицах и загоняли в подвал по улице Ленина, где когда-то был Дом пионеров. Туда пустили газ, потом вытянули трупы и увезли куда-то.

Евреи жили в разных частях города. Чтобы их было легче собрать и уничтожить, немцы издали приказ – всех поселить в старой части города под названием гетто, всем нашить на груди и на плече с левой стороны круглые желтые нашивки. За невыполнение – расстрел.

Мы жили на улице Челюскинцев. Я, моя мать, сестра 16-ти лет и брат 13-ти. Гетто занимало еще такие улицы: Островского, Некрасова, Тургенева, Восточную, Шолом-Алейхема, Ремесленную и другие. Жизнь – сплошные ужасы. Грабили, убивали, гоняли на самые тяжелые работы. Это длилось около двух недель.

5-го октября был еврейский праздник. В этот день все соблюдали пост, даже больные, старые люди и дети, не исключая малышей (кушать все равно было нечего).

Через три дня – 8 октября 1941 г. – ранним утром, еще было темно, нас подняли с постели и палками, прикладами выгоняли из квартир. Повели нас на базарную площадь. Со всех сторон гетто собирали туда людей. В стороне стояли грузовики, на которые помещали детей, стариков и больных. Толпа гудела, дети кричали, женщины плакали. Били нас, стреляли. Это был кошмарный сон наяву. Для этой okazji приехала специальная ко-

манда озверелых немцев, которые прекрасно справились с беззащитными женщинами, детьми и стариками.

Чтобы не видеть и не слышать всего этого, я решила бежать, получить пулю в спину и закончить все. Свою мать, сестру и брата я потеряла в этой суматохе и больше никогда их не видела. Мне удалось пройти мимо этих грузовиков, где стояли немцы-водители. По мне стреляли, но я ушла, сама не помню, каким образом мне это удалось.

Попала я на Софиевскую слободку, встретила знакомую женщину-украинку. Она меня накормила. За ее домом была вырыта яма для хранения картофеля, женщина меня туда опустила, дала одеяло и замаскировала яму. Утром она меня выпустила. Я побежала в гетто, к нашему жилищу, думала, вдруг, кто-то спасся. На улицах было много трупов, а наш дом был пуст.

Но полициям удалось собрать людей, которые прятались в подвалах и на чердаках улиц: Островского, Некрасова и Восточной. Евреев осталось очень мало: было расстреляно 15 тысяч и гетто уменьшилось.

Мы дожили до 22 апреля 1942 г. В этот день нас снова выгоняют и направляют в село [Кузьмина Гребля](#). Там было подготовлено помещение, обнесенное колючей проволокой. Утром нам давали 200 г хлеба и чашку кипятка. Выгоняли на работу чистить и строить дорогу, которая была в 6–8 км от лагеря.

Сельские люди помогали нам. Они выносили кусочки хлеба, свеклу, морковь и клали на дорогу, где мы должны были идти. Мы, голодные, истощенные, набрасывались на добычу, по нас стреляли и, иногда, не обходилось без жертв. Помню, однажды сельская женщина принесла на коромысле два ведра вареной картошки. Полицаю она принесла выпить, и он разрешил раздать нам этот картофель. Но случалось такое не часто. Мы были далеко от села, но простые украинские люди приходили нам на помощь, без них мы бы не выжили.

Нас охраняли украинские и литовские полицаи. Для забавы они устраивали свои увеселительные игры. Когда мы работали, они подходили, отбирали 2–3 человека. Затем отводили их в сторону, заставляли копать яму и на глазах у всех их расстреливали. Одна женщина перед расстрелом просила разрешить ей скушать кусочек хлеба, который она держала с самого утра, чтобы

покупать в обед. И вот она, сидя на земле, ноги свесив в яму, съела свой последний в жизни хлеб.

Обратно в лагерь нас гнали галопом, полицаи спешили развлекаться. А мы уже стояли в очереди за похлебкой и быстро кинулись на «постель». Ноги, руки и все тело горело огнем – так кончился рабочий день.

Через несколько месяцев нас перевели в село [Михайловка²](#) [Гайсинского района Винницкой области](#). Была приготовлена конюшня, обнесенная колючей проволокой. Охрана та же – вооруженные полицаи. Режим тот же. Нас стало намного меньше и нам подбросили свежие силы – евреев из [Теплика](#) и [Терновки Винницкой области](#).

Был у нас в лагере один еврей, Айзик, из [Умани](#). Он взял в руки большую палку и стал помогать рейху в уничтожении евреев. Он боялся, что немцы, украинские полицаи и литовские варвары с нами не справятся, вот он и стал им помогать. Бил палкой так, что убил на смерть парня из [Теплика](#). Своими куриными мозгами он рассчитывал, что чем скорее покончат с евреями, тем скорее его отпустят домой. Но мы увидели, как его тоже заставили копать яму для себя и прикладами его убили, как он убивал других. Нигде я об этом не писала и никому не говорила. Мне было стыдно за него, но люди должны об этом знать.

Через несколько месяцев нас перевели в село [Краснополка³](#) [Гайсинского района Винницкой области](#). Конюшню выстелили соломой и загнали нас туда, как скот. Охрана, режим работы такие же, как в [Михайловке](#), где мы строили дорогу [Гайсин–Винница](#).

В этот лагерь привезли евреев из [Румынии](#) – холенные, красивые, шикарно одетые, среди которых старики и младенцы. Их обманули, сказали, что они едут на работу, потом их отпустят домой. Они – люди образованные, говорили на немецком языке даже между собой. Они и думать не хотели о том, что их ждет. Мы были страшно измученные, оборванные, завшивленные, а их поместили в другую конюшню, рядом с нами, они нам дали немного одежды. Но жизнь у них, в основном, была такой же, как у нас. Разница в том, что мы привыкли к нищете, голоду, а они – еще нет.

Однажды все ушли на работу. Остались в их лагере старики и дети. Когда мы вернулись – никого не было. Их расстреляли, вырыли яму и закопали, а родственникам сказали, что их отправили домой. Трудно было в это поверить.

В этот лагерь однажды явился немец – подтянутый, в особой военной форме. Звали его доктор Грубер. Он был инженером шоссежных дорог и нам показывал, как строить дорогу. Каждый день он со своего завтрака отделял кусочек хлеба с чем-то и отдавал кому-нибудь из нас. Но, главное, что в его присутствии полицаи боялись нас избивать. Для нас это много значило, ибо мы уже еле держались на ногах.

Вдруг приезжает грузовая машина, и немцы отбирают 20 человек и меня в том числе. Везут нас – куда не знаем. Остановился грузовик под [Гайсином](#). Там тоже был концлагерь, и тоже было много румынских евреев. Нас туда поместили, а ходили мы в [Гайсин⁴](#) – там немцы строили колбасную фабрику. Мы, как чернорабочие, подносили кирпичи и растворы. На зиму нас поместили в [Гайсинском гетто](#). В лагере свирепствовал брюшной тиф, и я тоже заразилась, но ходила на работу с высокой температурой. Работать не могла, меня там закрыли в каморку. Я лежала на цементном полу, тихая, как мышь, пока не закончился рабочий день. Потом меня выпустили, и мы пошли в лагерь. Там было много тифозных.

Однажды мы пришли в лагерь и никого не застали, их всех вывезли и расстреляли. Тогда нас перевели в [Гайсинское гетто](#), где мы проживали, пока не закончили строительство. Нас снова на грузовике отправили в село [Таталаевка Христиновского района](#). Там был карьер, где добывали песок. Мы нагружали подводы и вывозили на дорогу. С другой стороны этого села проходила узкоколейка. Приходил вагон с камнями, и мы его разгружали.

Это место было недалеко от села [Ивангород](#), где тоже находился концлагерь. Но тех людей не видно было и меня отправили в [Ивангород](#) узнать, где те евреи. Когда я вошла в село и спросила, где концлагерь – мне ответили, что вчера их расстреляли. Я вернулась в свою колонну и сообщила им об этом. Нас привезли в лагерь и закрыли. Это было приблизительно 14 декабря 1943 года. Ночью мы прорвали проволоку и разбежались. Но немногим удалось спастись.

Я пришла в село [Христиновку](#), и бедная украинская женщина оставила меня переночевать, рискуя собственной жизнью. Утром она вывела меня из села и показала дорогу на [Умань](#). Пришла в город, но там никаких евреев не было, о них уже давно забыли. Я решила идти к знакомой женщине, с которой мы работали вместе. Когда я пришла в этот дом (улица Энгельса,17), меня встретил там мужчина невысокого роста в штатском. Он не заподозрил, что я – еврейка. Я спросила, где Ольга Борисовна? Он ответил, что она выбралась, и дал мне ее адрес. Когда я пришла к знакомой и все ей рассказала – с кем встречалась в ее прежней квартире. Бывшая сотрудница сказала, что был помощник начальника полиции. Я была снова у черта в лапах.

Побыв пару дней у нее, я пошла в село [Собковку Уманского района](#). Жила пару дней у Наталки и Андрея Герасименко, потом пошла в село [Сушковку](#) тоже [Уманского района](#). Жила у Ефрасиньи Руденко. Ходила в [Умань](#) и обратно. Дождалась освобождения города, но перед отступлением, чтобы замести следы своего злодеяния, немцы могилу в Сухом Яру облили бензином и подожгли. Всю ночь пылал огонь, вроде горел весь город.

Мало вероятно, что это можно скрыть или забыть. Вечером вошли наши танки, и немцы стали отступать.

В 1981 году меня вызвали в [Германию](#). Судили одного фашиста, который расстреливал евреев в [Умани](#). В этом он сам признался, но мы, свидетели, должны были рассказать, как все это происходило. Нам было нелегко рассказывать и вспоминать события тех лет. Но для этого нас пригласили.

Когда освободили [Умань](#) 10 марта 1944 г., нам было очень тяжело, что никого нет с нами из наших родных. Мы – жалкие, одинокие, но радовались победе и тому, что можно ходить без охраны, то есть, свободно. Много тяжелого мы, узники, пережили и если смогли дожить почти до 80 лет – это второе чудо. Просто не верится мне, что человек может такое пережить. Но это так.

«ИЗБЕЖАТЬ ГИБЕЛИ БЫЛО ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО...»

ФАЙНЗИЛЬБЕРГ Любовь (1925 г.)

Я, Файнзильберг Любовь Ефимовна, родилась 28 декабря 1925 года в городе [Умань Черкасской области](#).

22 июня началась война, а 1 августа 1941 г. немцы оккупировали г. [Умань](#)¹. В начале оккупации мы жили в своем доме, но вскоре фашистские власти издали приказ о том, что евреи обязаны оставить свои дома и переселиться в гетто. Приказ был жестким: в случае неповиновения – расстрел. Я с отцом, мамой и пятилетней сестричкой переселились в гетто. Вскоре немцы издали еще один унижительный приказ: всем евреям носить отличительную повязку – на белом полотне вышитую шестиугольную звезду. Позже ее заменили желтой.

Гетто располагалось на территориях рынка и близлежащих улиц – Тургенева, Некрасова, Островского. Мы голодали, ночью замерзали, о санитарии не могло быть и речи.

Через некоторое время началось самое страшное – погромы. Людей ранним утром выгоняли на улицу, и длинную вереницу колонн вели в никуда.

Первый погром был 28 сентября 1941 года.

Второй – 8 октября 1941 г. Во время второго погрома количество расстрелянных детей, женщин и стариков превзошло во много раз предыдущий. Их гнали под усиленной охраной к Сухому Яру – предварительно подготовленному для убийства длинному, глубокому оврагу. И избежать гибели было практически невозможно.

Во время погромов мы с родителями прятались на чердаке дома, где жили наши знакомые. Это была краткая передышка.

Мои родители и сестричка погибли во время второго погрома. Меня спасла моя соученица – Тамара Ивановна Пушко. Ввиду того, что ее дом был расположен в центре города, находиться там было опасно. Она отвела меня к своей тете, которая жила в отдаленном районе **Умани** – Мещанке.

В июне 1942 года я вынуждена была уйти из **Умани** к ее родственнице в село **Фурманка**, что в 30 км от **Умани**, где я пряталась до августа 1942 г.

В сентябре 1942 г. я возвратилась в **Умань**.

Жизнь моих спасителей оказалась в опасности, так как в приказах властей строго запрещалось укрывать евреев. Мы решили, что я должна покинуть город **Умань**.

Ранним декабрьским утром в сопровождении тети Фроси мы ушли. До станции **Яроватка** шли пешком, затем поездом я доехала до станции **Поташ**, а следующим товарным составом – до станции **Цветково**. Это большая узловая станция. Здесь было много немецких и венгерских войск.

Благодаря тому, что у меня был документ на имя Екатерины Юльяновны Струнковой, я устроилась разнорабочей в столовую.

Я жила в **Цветково** до освобождения нашими войсками **Умани** 10 марта 1944 г. 16 марта я возвратилась домой в **Умань**.

ОНИ СПАСЛИ МОЮ ЖИЗНЬ

ФАРБЕР Михаил (1940 г.)

Я, Фарбер Михаил Гдальевич, родился 17 октября 1940 года в городе **Черновцы** в семье военнослужащего.

Мой отец, Фарбер Гдаль Абрамович, как только началась война, хотел, чтобы мы с моей мамой, Ройт Ривой Хаскилевной, эвакуировались.

Мы заехали в город **Винницу**, чтобы забрать с собой мою бабушку, маму моей мамы, но эвакуироваться мы уже не успели. Германская армия очень быстро захватила город. Мы жили в **Виннице**¹ у родственников моей мамы, а затем попали в гетто.

Маме со мной удалось убежать из гетто. Мы прятались в разрушенных домах, потом в подвале в доме у родственников, но кто-то нас выдал, и мы опять попали в гетто.

Моя мама очень хотела спасти меня, она отдала меня своей знакомой женщине и просила сохранить мне жизнь, но в конце 1941-го и весной 1942 года пошли облавы, начались аресты и расстрелы евреев. Женщина, которой меня отдала мама, увезла меня из **Винницы** к своим знакомым в село **Майдан-Юзвенский**.

В этой деревне жило много верующих. Меня взяла семья Григория и Александры Рожанских. Так я стал Митей Рожанским. Семье Рожанских пришлось пережить немало страшных моментов из-за меня. Были в селе и такие, которые угрожали Рожанским, что донесут обо мне. А за молчание они требовали или плату, или чтобы старший Рожанский бесплатно сложил печку. Григорий Рожанский был очень хорошим печником. Этим ремеслом он зарабатывал на жизнь. Он кормил всю семью: сына-подростка Володю, дочь Веру, жену и меня, подкидыша.

Семья Рожанских была глубоко верующая. В его доме собирались верующие, читали молитвы, Григорий читал проповеди. Когда в дом приходили германские солдаты, меня прятали в соломе, в чулане, в ворохе грязного белья. Меня брали с собой в поле или же с Володей, сыном Рожанских, отправляли пасти коров.

Так они прятали меня и помогли мне выжить во время войны.

Когда в [Винницу](#) из эвакуации вернулись родственники моего отца, им рассказали, что с нами произошло. Мария Абрамовна Фарбер, сестра моего отца, стала меня искать: встретила с женщиной, которая отдала меня Рожанским, и та рассказала моей тете, где я. Тетя нашла меня в селе [Майдан-Юзвенский](#) и сообщила моему отцу на фронт.

После окончания войны отец демобилизовался и приехал к Рожанским, чтобы меня забрать. Но они не хотели меня отдавать, так как любили меня как родного сына, и я любил их тоже.

Но кровные связи крепче, отец настаивал, чтоб ему вернули сына, и семье Рожанских пришлось меня отдать родному отцу. Маме Александре пришлось ехать со мной в [Винницу](#) и находиться там некоторое время со мной, чтобы я привык к новой семье. Мне было очень тяжело привыкнуть к новой жизни. Я часто просился обратно, в село к Рожанским.

Мы разыскивали мою маму и узнали, что она погибла. Отец решил жениться второй раз. А мне запретил говорить о родной маме, да и о семье Рожанских тоже.

Позже я узнал, что моя мама вместе со своими родственниками, которые не успели эвакуироваться, была расстреляна в лесу, под [Винницей](#), где сейчас поставлен памятник.

Спустя годы, когда я вырос, я возобновил родственные отношения с семьей Рожанских. К сожалению, в живых остался только Владимир, сын Григория, который проживал с женой Евгенией и шестью детьми в селе [Некрасово](#), недалеко от [Винницы](#).

На тот момент я с женой Зинаидой и сыном Русланом проживали в городе [Нарва \(Эстония\)](#). И оттуда мы приезжали в гости в [Некрасово](#).

В 1980 году умер Владимир. И мы продолжали переписку с его семьей. Приблизительно в 1989–1990 годах младшая дочь Владимира Лидия приезжала к нам в гости в [Нарву](#).

Из-за перемены места жительства двух сторон мы потеряли связь. И совсем недавно, в 2010 году, меня нашла Лидия, внучка Григория, которая проживает со своей семьей в [Украине](#), в [Мариуполе](#).

«Єврейські вісті». – Киев, ноябрь, 2010, № 11. – С. 5.

«ЖИЗНЬ ПРАКТИЧЕСКИ ВИСЕЛА НА ВОЛОСКЕ»

ФИШБЕЙН Геннадий (1941 г.)

Я, Фишбейн Геннадий Львович, родился 1 мая 1941 года в городе Красноармейске Ровенской области.

Мой отец, Фишбейн Лев Вениаминович, мать, Фишбейн Лидия Павловна, девичья фамилия Борухович.

Отец – уроженец города Сандомеш Варшавского воеводства, Польша.

В 1939 году после занятия Польши немецкими оккупантами отцу удалось бежать на Украину в город Красноармейск Ровенской области. Здесь он встретил мою мать, и в результате их брака родился я.

Когда немцы оккупировали Красноармейск, нашей семье не удалось эвакуироваться. Мама не могла оставить свою большую мать, мою бабушку.

В Красноармейске немцы свирепствовали в полную мощь. Особенно вылавливали евреев и коммунистов.

Кого-то соседи спасали и прятали в годы оккупации, а наши «сердобольные» соседи предали нашу семью как еврейскую немцам.

Отец вместе со своим другом под покровом ночи успел уйти в направлении Днепра, но их поймали немцы и расстреляли.

Мать со мной на руках забрали немцы в жандармерию. Над ней издевались в основном полицаи и чудом не успели расстрелять.

Один из наших родственников знал старшего полицая, ему удалось выкупить нас.

Через короткий промежуток времени немцы снова пришли в дом. Мою мать со мной на руках и прятавшуюся у нас

родственницу-еврейку хотели расстрелять, уже поставили в комнате к стенке, но снова произошло чудо. Немецкий офицер увидел висевший на стене портрет моего деда в железнодорожной форме. Он принял его за офицера царской армии и остановил экзекуцию. Так мы снова остались живы.

Все время оккупации мы с бабушкой и мамой прятались в подвале. Я заболел крупозным воспалением легких. Жизнь практически висела на волоске. Мать, прикинувшись умалишенной, просила милостыню, рыскала по мусорникам и добывала хоть какую-то еду.

Немцы ужесточали режим жизни оккупированных с каждым днем. Оставаться в Красноармейске стало невозможно.

Мама с бабушкой, взяв меня, убежали в село за шахтой Димитрово. Немцев там практически не было, там мы находились в относительной безопасности.

В сентябре 1944 г. нас освободила Красная Армия, и мы вернулись в родной Красноармейск.

Наш дом разбомбили, не уцелел и подвал, где мы спасались.

Все наши мытарства во время оккупации описать невозможно. Но многое осталось в моей памяти на всю жизнь. Отчетливо помню и голод, наступивший после войны. Соседи, выдавшие нашу семью немцам, понесли заслуженные наказания. Одну из соседок осудили за предательство нашей семьи на 15 лет.

Снова тяжело, снова больно...

Дальше я свою биографию описывать просто прекращаю.

«Разлука». – Феодосия, 2010. – С. 66–67.

«ТРИДЦАТЬ ТРИ МЕСЯЦА ТРЕВОГ И НАДЕЖД НА СПАСЕНИЕ...»

ФРАЙБЕРГ Бенцион (1930 г.)

Я, Фрайберг Бенцион Аронович, родился 7 июля 1930 года в селе [Михайловка Шаргородского района Винницкой области](#) в еврейской семье колхозника.

Мои родители: отец Фрайберг Арон Бенционович, мать Фрайберг Поля Соломоновна.

Я в 1938 году пошел в первый класс Михайловской семилетней школы, где до начала войны окончил три класса.

Кроме нас, в селе [Михайловка](#) еще проживала моя бабушка, Крышталь Сара Гедалевна, которая в начале июня 1941 года выехала в город [Одессу](#), где проживала ее дочь, и учился в пединституте ее сын.

В июне месяце 1941 года должен был состояться в институте выпускной вечер. Началась Великая Отечественная война. Бабушка со своей дочерью эвакуировалась в [Казахстан](#), а сын – брат моей матери, ушел на фронт и в бою погиб. В селе остался бабушкин дом.

Отца же в армию не забрали, так как он участвовал в войне с финнами, простудился и был снят с воинского учета по болезни.

В прессе сообщалось, что немцы убивают евреев. Отец на стоял, чтобы колхоз выделил транспорт для эвакуации.

Нашей семье были выделены лошади с повозкой. Мы доехали до села [Печора](#), где во время оккупации был лагерь смерти, это в 70 км от села [Михайловка](#). Дальше ехать мы не могли, так как у нас забрали лошадей и через неделю эту территорию

оккупировали немецкие войска. Мы, оставив вещи, окольными путями пешком вернулись домой. И так, мы одна еврейская семья в селе, оказалась на оккупированной территории.

Бабушкин дом был занят новой властью под примарию (контору). Одна из комнат была оборудована под комнату для приезжих жандармов и других представителей оккупационных властей.

Нам в нашем доме недолго довелось жить. В сентябре 1941 года в село приехал кузнец и стал настаивать, чтобы нас выселили из нашего дома, а дом отдали ему. Он поехал в город [Шаргород](#), в райцентр, к претору (это был самый высокий чин в районе) и сказал, что в селе [Михайловка](#) живут жида, их необходимо выслать в гетто, которое находилось в восьми километрах от села в местечке [Мурафа](#), а наш дом отдать ему.

Кроме того, он навел на нас военных мадьяр, которые проезжали через село. Мы с отцом увидели, что к нашему дому идут военные, стали убегать через огороды к саду. Мадьяры, увидев нас, открыли стрельбу из винтовок, но мы успели скрыться.

Узнав, что военные ушли, мы вернулись домой и увидели жуткую картину: двери сорваны, в квартире побита посуда, было забрано много вещей.

Через несколько дней пришел староста села и сказал, чтобы родители освободили дом и отдали его кузнецу, а сами поселились в одной из комнат бабушкиного дома. Нам была отдана маленькая, не благоустроенная комната, но был туда отдельный ход.

Нас выгнали из нашего дома. Все имущество разграбили – часть мебели забрала жандармерия, которая находилась в селе [Деребчин](#), а часть – полицаи.

Мы оказались на оккупированной территории в родном селе, без средств существования. В нечеловеческих условиях, без всяких прав и в полной изоляции от внешнего мира.

Недалеко от нашего села были организованы румынами гетто в населенных пунктах: [Мурафа](#), [Шаргород](#), [Джурин](#), [Красное](#), а в [Печоре](#) – лагерь смерти.

В село часто приезжали жандармы. На станции [Михайловка](#) жили немецкие солдаты, которые занимались вырубкой леса и отправкой его в [Германию](#).

Мы жили все время в страхе быть высланными в гетто или лагерь смерти, или быть расстрелянными. По мне стреляли дважды: один раз мадьяры, а второй раз румыны. Я чудом остался в живых.

Из 33 месяцев (1941–1944 гг.) пребывания на оккупированной территории нам больше чем 18 месяцев приходилось прятаться. Много раз жандармы вламывались в нашу комнатушку, искали нас, но мы в ней не жили.

Мы прятались у соседей в семье Харитона Лапчевского и Марии Задубняк, которые рисковали своей жизнью. Нам помогали добрые люди, но в селе были и плохие, особенно полицаи.

Прятались мы в подвалах, сараях, в лесу. Всякое было. Выходили подышать свежим воздухом ночью, чтобы никто не видел. Соседи нас кормили и рассказывали все новости. Очень жаль, что тех, кто нас прятал, кормил и одевал, уже давно нет в живых, нет в живых и моих родителей.

И так, 33 месяца тревог и надежд на спасение. В марте 1944 года нас освободила Красная Армия, и мы почувствовали свободу. Нам вернули дом, а имущество, конечно, пропало.

Я благодарен всем, кто принимал участие в нашем спасении. Очень жаль, что всех их уже нет в живых.

После войны я окончил среднюю школу, Одесский нефтяной техникум, отделение «Промышленное и гражданское строительство». Проработал в строительстве на разных должностях 38 лет.

В настоящее время нахожусь на пенсии и проживаю в городе Черкассы.

РАССТРЕЛЫ В НАРОДИЧАХ

ФРИДМАН Семен (1929 г.)

Я родился на [Украине](#) в 1929 году в семье кожевника, в местечке [Народичи Житомирской области](#), где большинство населения – евреи. Были в [Народичах](#) до войны два сельсовета – еврейский и украинский, три синагоги, еврейская школа. Правда, школу и синагоги еще до войны закрыли.

Отец мой умер в 1931 году. После его смерти мать стала работать в колхозе. Семья у нас была большая – трое моих братьев и одна сестра. Жили мирно и дружно, не предчувствуя надвигающейся беды.

16 августа 1941 года [Народичи](#)¹ были оккупированы немцами. Спустя несколько дней начались грабежи домов тех евреев, которые успели эвакуироваться, а через неделю стали грабить дома и тех, кто остался в местечке. Местные жители заходили в дома, выгоняли евреев и забирали одежду, белье, мебель, и каждый старался взять себе лучшее, даже возникали между ними драки. Немцы охотно фотографировали все это.

После грабежей евреев выселили из их домов и поместили по несколько семей в домах, что были расположены на еврейских улицах.

28 августа 1941 года немцы совместно с их пособниками – местными украинцами-националистами, которые показывали, где живут евреи, стали выгонять евреев на улицу. Грудных детей оставляли при этом одиноким старикам. До сих пор стоит в ушах крик матерей, расстающихся со своими младенцами.

Всех евреев согнали в сельский клуб – Дом культуры. По дороге украинские националисты и немцы избивали палками

стариков, женщин, детей. В Доме культуры произвели регистрацию, всех записали и разместили – отдельно мужчин, отдельно женщин и отдельно детей.

В десять часов утра из клуба вывели около пятидесяти мужчин с лопатами и увезли на машинах за город, где заставили их вырыть большую яму, предназначенную для проведения расстрела.

После обеда из клуба начали вывозить мужчин, а потом – женщин. Во время посадки на машины людей нещадно избивали палками.

Во второй половине дня пошел дождь. В это время стали сажать в машины детей. Меня тоже втолкнули в машину. Дождь усилился, пошел настоящий ливень, и нас, детей, вернули в помещение. А когда дождь прекратился, опять повели нас к машинам. Но в это время вернулась карательная команда, промокшие убийцы решили просохнуть. Нас вернули в клуб, а спустя несколько часов и вообще выпустили из клуба.

В этот страшный день было расстреляно пятьсот евреев. Я потерял родных. Была расстреляна моя мама. Оставили в живых только немощных стариков, некоторых женщин, детей – всего двести пятьдесят человек.

После этого расстрела я вместе со своим приятелем Пиней Киржнером ушел из [Народичей](#). Мне было двенадцать лет. Пиня был на год старше меня. Мы решили перейти линию фронта. Шли через села, встречали евреев, рассказывали им о массовом расстреле в нашем местечке. Многие не верили. В селе [Юзеповка](#) мы остановились у Ратнеров, их семья – шесть человек – впоследствии была расстреляна. В селе [Кабаны](#) встретили мы семью евреев из нашего местечка. А в городе Иванково Киевской области застали в живых все еврейское население.

В детстве я был голубоглазый, светловолосый – не очень похож на еврея. Друг же мой Пиня был типичным еврейским мальчиком. Переходить линию фронта мы решили в [Чернобыльском районе](#). Около [Чернобыля](#) встретили окруженцев, один из них оказался евреем. Стал расспрашивать, куда мы идем, объяснили ему. «Через Припять не перейти вам, – сказал он, – идите с нами в сторону [Румынии](#), там евреев не убивают».

Пошли вместе, пришли в село, попросились на ночлег, мы – в одну хату, окруженцы – в другую. Хозяйке дома сказали, что

мы из ФЗО, добираемся в свое село. Приняла она нас хорошо. Пришел хозяин дома, оказалось, что он – полицейай, стал рассказывать: «Поймали жида и жидовку, за селом в поле расстреляли...» Мы сидим: ни живы, ни мертвы. Постелила хозяйка солому на полу, улеглись спать, а сон не идет. Летом рано рассветает. Едва развиднелось, мы ушли. Пять километров отошли, стали ждать окруженцев, но так до вечера и не дождались.

Пошли сами, добрались до [Житомира](#)². Там евреи с нашитыми звездами – только старики и дети. Поняли одно – везде нас ждет смерть.

Около села [Вязовка](#) два моста через реку. Один не охранялся. Переночевали мы у реки под копной, а в 9 часов утра задержали нас полицейай на мосту. Один полицейай говорит другому: «Иван, отпусти жиденят, зачем держишь!» Но тот не согласился. Повели нас в село. А в этом селе жила еще одна еврейская семья, им кто-то сказал, что, мол, задержали двух еврейских пацанов. Одна девушка из той семьи знала отца Пини. Выпросила она у полицейая, чтобы отпустили нас. Ее послушались. Накормили нас в той семье, предлагали остаться у них. Но мы решили – вернемся в [Народичи](#). Едва успели отойти от дома, обернулись – полицейай в дом заходят, чтобы забрать нас...

Итак, в конце наших странствий, в сентябре месяце вернулись мы в [Народичи](#). Застали там живыми тех, кто остался после первого массового расстрела.

Жили все уцелевшие евреи в отдельном еврейском квартале около полиции. Взрослые каждую неделю ходили в полицию отмечаться. Заставляли их работать в самых грязных местах – чистили они туалеты, вели уборку. Ежедневно получали разнарядку на работу в полицию. При малейшем возращении их избивали. Был даже случай, когда начальник полиции Хреновский тяжело ранил женщину, что-то ему возразившую. Был он садистом, и ему доставляло удовольствие издеваться над беспомощными людьми. Под стать ему был и его заместитель, в прошлом активный коммунист. Врач больницы Снитко запретил лечить евреев. Никакой медицинской помощи нам не оказывалось. Работающим давали 500 г хлеба, а мы, дети, ходили по деревням и просили подаяния, питались этим сами и приносили семье.

Очень страдали от голода младенцы и маленькие дети, почти каждый день кто-нибудь умирал.

16 ноября 1941 года нашу улицу окружили полицаи, выгнали нас из домов, согнали в полицейское управление, переписали и разместили по камерам, детей и взрослых отдельно. Всю эту операцию производили исключительно полицаи, немцев я не видел ни одного.

В этот ужасный день были расстреляны все оставшиеся евреи района – 250 человек. Расстрел производили на еврейском кладбище. Был в этот день расстрелян и мой друг Пиня.

Я избежал расстрела чудом. Когда сажали детей в машины, я забежал за здание и остался во дворе. В ноябре рано темнеет, и меня никто не заметил. А ночью я перелез через высокий забор, метра четыре он был, да наверху еще колючая проволока...

И началось мое странствие по оккупированной территории **Украины**. Выдавал я себя за детдомовца, который не знает своих родителей. Называл себя **Семеном Иваненко**. Ходил я из села в село, просил еды и ночлега, мне почти нигде не отказывали.

Так я добрался до села **Лисовичи Дымерского района Киевской области** и попросился на ночлег к слепым Харитону Ивановичу Мурге и Екатерине Ивановне Мурге, которые после всех расспросов, узнав, что я детдомовец, предложили мне стать у них поводырем. Я согласился и ходил с ними поводырем по деревням весь 1942 год, а с весны 1943 года стал пасти коров в селе. Кормился я по два дня в каждой хате, где держали корову.

6 ноября 1943 года село **Лисовичи** освободили советские войска, и я вместе с солдатами двинулся в сторону **Народичей**, которые были освобождены в конце ноября.

Там я вступил в истребительный батальон, а потом пошел добровольцем на фронт.

В **Народичах** узнал о том, как погибли евреи во время второго массового расстрела, которого я, один из немногих, избежал. Уничтожение евреев вели местные националисты, руководил расстрелом начальник полиции Хреновский. Каждый из извергов старался принять свое участие в кровавой бойне. Полицай Иван Бессмертный доставил к месту расстрела, скрывавшуюся Фиру Кофман.

А в селе **Латаши Народического района** староста села лично расстрелял свою соседку – еврейку и троих ее племянников, которых она забрала к себе после расстрела их родителей в **Народичах**. Мальчику было 12 лет, Белле – 8 лет, а Циле – 9 месяцев.

Во многих селах, куда я заходил, произошло много таких кровавых историй. Да и у нас, в **Народичах**, хватало предательства. Из окружения пришел еврей **Элья Меламед**, зашел к своему хорошему знакомому, с которым вместе работал до войны, тот сразу сообщил полиции, Меламеда схватили и расстреляли. Перед самым освобождением **Народичей** также вернулся еврей, фамилию его я забыл, зашел к своему соседу – другу детства, а тот оказался полицейским. Вот этот «друг детства» сразу передал гостя в полицию, и там его расстреляли.

Я лично, когда ходил по селам, почти никогда не заходил в крупные районные города, а также не просился на ночлег у зажиточных жителей, а всегда находил питание и приют у тех, кто победнее.

Многое пришлось перенести. Видел я повсюду, что трагическое уничтожение евреев на оккупированной немцами территории лежит во многом на совести пособников фашистов – местных жителей.

За содеянные преступления, связанные с расстрелом евреев в **Народичах**, был расстрелян только начальник полиции Хреновский. Сроком на 25 лет тюрьмы осужден Коструба, Бессмертный – на 10 лет, а его брат – на 25 лет. Но многие убийцы скрылись и не были наказаны.

И никто не вернет мужчин и женщин, стариков и детей моего местечка, живущих лишь в моей памяти.

Кровоточащая память Холокоста.

http://palmnicken.ru/mediacorner/108_20.html [25.12.2013]

«РОДНЫХ СВОИХ Я БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА»

ФРОЛОВА (СИПСЕР) Саля (1932 г.)

Я, Фролова (Сипсер) Саля Абрамовна, родилась 15 декабря 1932 года в селе [Большовцы Галицкого района Ивано-Франковской области](#).

В июне 1941 года [Большовцы](#)¹ оккупировали немецкие войска. В нашей семье было трое детей, я – самая младшая. Еврейские семьи проживали отдельными группами. Наши дома огородили колючей проволокой, на одежду мы нашли еврейские звезды. Место, где мы жили, стали называть гетто. Каждый день нас гнали на работу. Помню, что было очень холодно, голодно, страшно.

В ноябре 1942 года ночью мой дядя отвел меня в село [Гньльче Подгаецкого района Тернопольской области](#). Приняли меня Ю. И. Машук и его жена. У них я жила на нелегальном положении до прихода советских войск.

Много раз в селе проводились проверки. Я пряталась в яме, сверху которой ставили комод.

До 1950 года я жила в селе [Гньльче](#). Потом уехала в [Ивано-Франковск](#). Родных своих я больше никогда не видела. С помощью земляков я восстановила документы, нашла работу. В 1952 году вышла замуж. Муж в 1986 году умер, я осталась с детьми и внуками. Всю жизнь проработала портнихой в Ателье мод, откуда и ушла на пенсию.

«ИЗ НАШЕЙ СЕМЬИ ОСТАЛСЯ Я ОДИН...»

ФУКС Лев (1930 г.)

Я, Фукс Лев Леонтьевич, родился 6 июня 1930 года в тихом украинском селе [Жабокрич Крыжопольского района Винницкой области](#) в семье колхозника. Местечко состояло из четырех улиц. В нем было четыре колхоза, в одном из них «*Шляхом Леніна*» до войны работали родители. Семья состояла: отец – Фукс Леонид Лейбович, 1902 года рождения, мать – Фукс Ципа Шансовна, 1902 года рождения, бабушка, сестра матери и четверо детей (я – самый старший).

В 1937 году пошел в первый класс сельской украинской школы, а в 1941 году учеба прервалась, так как началась Великая Отечественная война.

Отец ушел воевать с фашистами, а 22 июля 1941 г. село [Жабокрич](#)¹ было оккупировано фашистами.

25 июля 1941 г. всех евреев согнали на одну улицу, загородили ее ключей проволокой – устроили гетто.

С 27 по 29 июля 1941 г. фашисты согнали стариков, женщин, детей и расстреливали всех подряд из пулеметов разрывными пулями. Из нашей семьи (семь человек) остался я один. Мать, поняв, что нас ведут на расстрел, а ей с тремя моими маленькими сестричками не уйти, вытолкнув меня из толпы, сказала: «Убегай!». И я убежал за село в огороды с коноплей.

Три дня продолжался кошмар. Поиски и вылавливание евреев, среди которых был и я – одиннадцатилетний мальчишка. Мы прятались в оврагах, кустах, лесах, на чердаках своих и чужих домов. Сельчане оказывали помощь своим бывшим со-

седам, друзьям, но были и такие, которые усердно помогали румынским солдатам, сменивших немцев, делать черные дела.

Трупы лежали в погребках и ямах до середины августа 1941 года.

Во второй половине августа евреи, оставшиеся в живых после экзекуции, под надзором румынских солдат вырыли братские могилы в трех местах и предали земле трупы расстрелянных, памятники которым поставлены уже после войны.

Из проживавших до войны в местечке 400 семей евреев было расстреляно, по неточным данным, 322 человека разных возрастов – от годовалых детишек до преклонных стариков. Оставшиеся в живых люди вновь были согнаны в гетто, которое просуществовало до марта 1944 года – до освобождения села Красной Армией.

Меня приютили в гетто дальние родственники, у которых я проживал. Наравне с взрослыми работал весной, летом и осенью на колхозных полях. Фашисты колхозы не разгоняли. Зимой все дни проводил в конюшне, убежал из гетто, зарабатывая кусок хлеба у сельчан.

После освобождения села директор школы добился направления меня в Соколовский детский дом для детей фронтовиков, где я прожил с мая 1944 по июль 1945 гг.

В июле 1945 года отец демобилизовался по ранению и забрал меня из детдома в **Жабокрич**, где я жил и учился в средней школе. А в 1947 году, окончив 7 классов, я уехал в Харьковский техникум промышленного транспорта, который окончил в 1951 году и был направлен на работу в **Кузбасс** – город **Прокопьевск**. Работал путейцем, дорожником. С 1980 года проживаю в городе **Горловка Донецкой области**. До 2002 года работал путейцем, но с 1990 года – пенсионер.

Жена Надежда Григорьевна Фукс, 1932 г. рождения, бывшая узница гетто пгт **Крыжополь Винницкой области**, работала учительницей, ныне – пенсионер. Наши две взрослые дочери, обе учительницы, живут в **России** со своими семьями.

«НАС НАЧАЛИ ВЫВОЗИТЬ ЭШЕЛОНАМИ ЗА ДНЕСТР»

ФУКСМАН Карол (1930 г.)

Я, Фуксман Карол Яковович, родился 14 ноября 1930 г. в городе **Черновцы**. До войны мы жили с родителями, бабушкой и дедушкой в их собственном доме по ул. Флорилор, ба, в городе **Черновцы¹ (Румыния)**.

С началом войны и оккупацией города всех евреев заключили в гетто, организованное в районе улицы Волгоградской, где разместили по 3–4 семьи в одной комнате. Из домов разрешили забрать только то, что можно носить в мешках и чемоданах.

Спустя некоторое время нас стали вывозить эшелонами за Днестр. В первых эшелонах оказались все наши родственники, которых мы больше не видели.

После войны нам сказали, что их вывезли в район **Шаргорода² Винницкой области**, где и расстреляли, а половину закопали живьем. Подробности так и не удалось нам узнать.

Затем пришла наша очередь. Погрузили нас в грязных вагонах после перевозки скота и отправили в город **Атаки**, где ожидали очередь на пантонной переправе через Днестр.

В городе **Атаки** не было ни одного уцелевшего дома – одни руины. Там мы пробыли несколько дней. Заставили всех раздеться до нижнего белья и устроили настоящий контроль, чтобы ничего драгоценного не осталось у нас. После конфискации всего и сжигания документов мы фактически оказались без фамилии, без имени, без роду и племени.

Затем пришла наша очередь для переправы. Нас погрузили в лодки, а немцы и полицаи стояли на площадке понтонного моста. Во время переправы полицаи ради шутки выбрасывали наши вещи в воду и очень смеялись, когда все это поплыло по течению реки.

После переправы группу евреев, около 700–800 человек, погнали пешком в село [Троповое Могилев-Подольского района Винницкой области](#). Среди этих людей были больные и старики, которые падали по дороге и не могли дальше идти. Они отстали, и больше мы их не видели.

В селе [Троповое](#)³ нас разместили в разрушенном (без полов, окон, дверей) сельском клубе, без права выхода за его пределы. Там же от болезней, голода и холода умирали ежедневно десятки людей, которых вывозили за пределы села и бросали в ямы, овраги. В период страшных зимних морозов тем, кто остался в живых, разрешили проживать в домах местных жителей. Выход из села был запрещен. Охраняли полицаи.

Мы разместились в доме Станиславы Костыпиной. Жили голодно, ежедневно обменивали какие-то вещи на несколько картофелин или стакан крупы.

Из села людей часто брали на работу на станцию [Вапнярка](#)⁴, где заставляли носить известняк из одного места в другое, пока руки не превратились в сплошное кровавое месиво. Затем заставляли носить известняк обратно. Потом людей отпускали на несколько дней. И снова брали на работу. Характерно, что известняк никуда не отправляли и ничего с ним не делали. Просто заставляли евреев работать по 14 часов в сутки, выполняя никому ненужный труд.

В [Вапнярке](#) был настолько изнурительный труд, что многие умирали, а многие, в том числе и мой отец, просили надзирателей лишить их жизни. Но там хотели, чтобы работающие сами умирали страшной мучительной смертью.

Когда менять на продукты уже было нечего, мама с дедушкой ночью, полями по колено в снегу, пробовали добираться до [Могилева-Подольского](#), чтобы найти знакомых или какую-нибудь работу. Мама заболела тифом и попала в Могилев-Подольскую больницу, где пролежала несколько месяцев без лекарства, без врачебного обслуживания, без всякого ухода.

Дедушка вернулся в село больным с обмороженными руками и ногами. Вскоре он умер в сарае, где хозяева его вынесли живого, чтобы не заразить других. А на улице были сорокаградусные морозы.

За дедушкой ровно через 14 дней умерла бабушка. Их местные жители вывезли за село (нам не разрешали выходить), вынули золотые зубы и бросили в снежную яму. Никто не собирался копать могилы в такие морозы. Мама чудом осталась в живых и вернулась в село, где отец уже болел тифом, и только я ухаживал за ним, очищая одежду от вшей.

Весной 1943 г. отец, мать и я тайком перебрались в [Могилев-Подольский](#)⁵ и разместились в лагере-гетто по ул. Виноградной, 36, в маленькой комнате разрушенного дома еще с тремя семьями. Здесь мужчин и мальчиков старше 10-ти лет периодически брали на работу по ремонту моста через Днестр, а также по ремонту железной и шоссейной дорог. У детей часто брали кровь для раненых немецких солдат.

В апреле 1944 г. город был освобожден советскими войсками. Отец ушел на фронт, а мы с мамой возвратились в [Черновцы](#), в свой пустой, разграбленный дом. Мама пошла на работу на кирпичный завод, а я продолжал учебу.

ПЛАТОК-ТАЛИСМАН

ХВОЩАН (ГРИГОРЬЕВА) Жанна (1934 г.)

Война 1941 г. Эвакуация. Из города Николаева¹ мой отец-коммунист увозит маму с детьми в село Поды Очаковского района Николаевской области к его родственникам, где в то время гостила я, а сам ушел на фронт. Никто не знал, что всех ждет. На прощание бабушка Роза дала моей маме большой шерстяной платок – самое дорогое, что у нее было. «Пригодится на кусочек хлеба для детей», – сказала она со слезами на глазах.

Находясь в оккупации, кроме страха за жизнь, одолевал голод и холод. Но мама берегла платок, как талисман, как надежду на Победу и встречу с родными. Чтобы платок не отобрали, мама его заложила в стене кирпичами и замазала стену.

Так он пролежал более трех лет до освобождения. Когда освободили Николаевскую область² бабушка нас разыскивала и получила ответ, что мы живы. Старенькая, безграмотная сама приехала к нам в село из города Челябинска. Очень трудная для нее в то время была дорога, но она ехала к нам на крыльях счастья, будто летела – ведь мы живы. При встрече моя мама, ее дочь Клава (Хая), накинула на плечи бабушке этот платок. Бабушка поняла, что мама жила надеждой на эту встречу. Слезы радости не высохли на ее больших красивых глазах, а лицо светилось счастьем от встречи. Такой бабушка запомнилась мне на всю жизнь. Она не расставалась с этим платком – так он стал для семьи Курис семейной реликвией.

После смерти бабушки платок взял ее младший сын – ветеран войны дядя Илья. После его смерти – младшая дочь тетя Полина, а после ее смерти, платок вернули нашей семье. Об этом

я рассказала детям и внукам. Этот платок свидетель тяжелых испытаний выпавших на нашу долю. Ни холод, ни голод не заставили маму воспользоваться платком-талисманом. Она говорила: «И на нашей улице будет праздник». И он пришел. Пришел день освобождения.

Но отца мы так и не дождалась. Отец погиб 8 декабря 1943 года на Керченском полуострове.

Платок напоминает мне об ужасах войны, о голодном тяжелом босоногом детстве, о гибели моего отца, о наших спасателях, кому мы обязаны своей жизнью.

Нас с сестрой спасала семья Куценко, маму с братьями спасала семья Григорьевых, папины родственники и соседи.

Наше село было небольшое. Когда маму при облаве забрали в лагерь в село Каменку, так как у нее не было документов (она их уничтожила), родственники и соседи старались помочь ее освободить. Собрали выкуп полицейским, сделали справку на имя Клавдии Андреевны Григорьевой (так звали жену папиного брата), и освободили ее. Соседи знали, что мама еврейка, а отец коммунист.

Нас, детей, разобрали родственники и соседи. Меня и сестру Любашу забрали родственники Куценко в село Солончаки. Помню, вели полицаи старушку еврейку на расстрел, а мы, дети, были во дворе. Старшие дети засуетились и побежали прятать нас в стоге сена. Об этом не забыть мне.

Платок, наш талисман, теперь находится в музее общества еврейской культуры Николаева.

Пусть мир и покой будут на планете Земля. И светлая память в наших сердцах о людях, которые под страхом смерти спасали нас.

КАК ЭТО БЫЛО

ХЕЛЬМЕР Яков (1935 г.)

Война застала меня, шестилетнего мальчишку, в местечке [Джурин Винницкой области](#) (я гостил у бабушки).

Когда взрослые суетились и паниковали, часто повторяя слово «война», для нас, детей, оно ни о чем не говорило. Но когда первые бомбы упали на местечко и появились первые разрушенные дома, первая кровь и первые жертвы, мы очень быстро поняли, что значит война! Мы быстро повзрослели. Наш детский мир сразу разделился на две части: первая – довоенная, и вторая настоящая – тяжелая, голодная, страстная и ненавистная.

Вскоре родители забрали меня домой в [Брацлав](#), где мы постоянно проживали. По словам матери, уже в июле 1941 года местечко захватили немцы. До сих пор удивляюсь тому, как детская память сохранила и воспроизводит сегодня то один эпизод, то другой из «той жизни»...

У нас возле дома был погреб, дверь которого выходила на улицу. [Брацлав](#)¹ поначалу подвергся артобстрелу, и многие наши соседи считали, что в погребе можно найти убежище. На ступеньках у двери постоянно сидел юноша, его звали Наум (с комсомольским значком, что вызывало у нас, мальчишек, зависть). Он смотрел в щель и информировал всех, что происходит на улице. День клонился к вечеру, когда мы услышали рев моторов и возглас «смотрящего»:

– Они уже здесь!

Мы бросились к щели, и тут я увидел много мотоциклов и сытые надменные морды немецких солдат в касках. Но это продолжалось недолго, так как они рассыпались по местечку и, ведя огонь из автоматов, кричали: «Выходите все!» Мы,

конечно, быстро отпрянули от двери и, дождавшись темноты, разбежались по домам.

Дома началось сжигание компрометирующих документов, вещей и т. д. В огонь полетели Почетные грамоты отца с портретами Ленина–Сталина, книги, благодарности. Но больше всего мне было жалко сжигать свой костюм. Незадолго до начала войны мне сшили военный костюм – галифе и гимнастерку с «крылышками». Он был предметом зависти всех мальчишек, потому что в игре я уже был экипирован как командир. Все мои просьбы и доводы оказались неубедительны и напрасны – и костюм полетел в огонь.

Спустя несколько дней в местечке определили несколько улиц, обнесли их колючей проволокой и гетто было готово! Всех евреев сразу же согнали туда. Страшная скученность, голод, болезни и смерть – вот что там было. Мне все это было непонятно: почему мы ушли из своего дома, почему нельзя было выходить за колючую проволоку на другую улицу, почему не всегда есть еда и почему по ночам стреляют по нашим окнам.

Вскоре немцы ушли, охрану гетто поручили румынам и полициям. Вот когда начался для нас настоящий кошмар, а для охраны – прекрасная, развеселая жизнь. Целыми днями они отбирали остатки «еврейского добра», а по ночам устраивали пьянки и прогулки по гетто со стрельбой по окнам.

Свою звериную сущность они продемонстрировали в ночь на 7 ноября: после очередной пьянки, устроили «праздничный салют» по окнам. Мама меня разбудила и уложила на пол, так было безопаснее. Для многих евреев эта ночь стала последней. Но покоя не было и днем.

Слухи о расстрелах евреев все нарастали и ширились. Оказалось, что небезосновательно. Однажды утром, после бессонной ночи, мы увидели, что гетто окружено румынами и полициями. Нас всех с вещами стали выгонять из домов на площадь, а тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, убивали на месте.

Уже был снег, на площади стояло несколько конных саней и охрана на лошадях. Когда всех выгнали, была дана команда детей и вещи разместить на санях, и колонна двинулась. Шли долго и тяжело.

Как потом выяснилось, гнали нас в печально известную [Печору](#)², лагерь позже получивший название «Мертвая петля». Подробности этого перехода стерлись в памяти, но кое-что помню. Мама была беременна, ей трудно было идти. Она подошла и села на сани возле меня. Тут же подъехал полицай на лошади и стегнул ее плеткой по спине, да так, что она тут же слетела со своего места. К счастью, она устояла на ногах.

То и дело слышались выстрелы: конвоиры добивали упавших. Среди них оказалась бабушка Бейла (по моим понятиям, она была в свои 50 лет старой) – близкий друг нашей семьи, добрая, красивая, умная. Она поскользнулась и упала, захотела встать и вновь упала. В это время подъехал конвоир и расстрелял ее в упор. Я не помню, чтобы трупы подбирали.

Так мы попали за каменный забор. Сведущие люди сказали, что это бывший санаторий. В это время там уже бродили десятки детей голодных и завшивленных, чесоточных, которых пригнали раньше. Они у нас, «свежих», выпрашивали что-нибудь пожевать. Мы с мамой разместились под лестницей. Знакомство с местностью состоялось гораздо позже, летом.

Место действительно живописное, лесистое, на берегу Южного Буга. Не зря его облюбовал граф Потоцкий для одного из своих имений. Сохранилась купальня графа. Каменная лестница вела прямо в воду, а дно было забетонировано. Напротив лестницы, в 30 метрах, большая скала размером в двухэтажный дом. После революции здесь был военный санаторий, а немцы нашли ему другое применение: загнали туда более 10 тысяч евреев в расчете на полное вымирание. Самое большое количество людей толпилось у лестницы. Тут можно было постирать, вымыться и здесь же брали воду для питья.

Охраняли лагерь полицаи, среди которых были звери в полном смысле этого слова, но были и такие, которые шли на контакт с целью личной выгоды. Они разрешали товарный обмен – вещи, украшения, драгоценности на хлеб, муку, крупу, картофель, которые приносили местные жители.

Иным, не похожим внешне на евреев, смельчакам полицаи разрешали выходить из лагеря, естественно, за определенную мзду. Те ходили по окружающим селам и обменивали вещи на

продукты, поддерживая тем самым оставшихся в лагере членов семьи.

Это, пожалуй, был единственный источник, позволявший выжить, особенно в первое время, зимой 1942–1941 гг., когда люди умирали сотнями.

Вначале трупы складывали в сарай, затем «похоронная команда» грузила их в сани и вывозила за пределы лагеря – одежда умерших была их добычей. Однажды я видел, как грузили трупы, и один из них согнулся пополам (не успел замерзнуть) – так его и бросили в сани. В другой раз в руке трупа оказался зажатый намертво замшелый сухарь, кто-то кинулся к трупу и стал «добывать» этот трофей.

Весной и летом 1942 года стало чуть легче: появилась трава, листья, молодые побеги, косточки прошлогодних ягод. В памяти моей остался один страшный эпизод, свидетелем которого я стал и не забуду его никогда.

Летом к забору местные крестьяне принесли ведро вишен. Какой-то юноша выменял его на что-то. Он залез на забор и едва успел приподняться и взять ведро, тут же прогремел выстрел, и парень был убит наповал. Это было страшное зрелище: юноша, раскинув, словно птица крылья, падает на землю, ведро с вишнями на эту же сторону. Вишни рассыпаются вокруг него, как капли крови. Но голод оказался сильнее страха смерти и некоторые бросились подбирать ягоды.

Кто-то тем временем побежал за матерью убитого (как выяснилось, единственного сына). Она прибежала, и, поняв, что произошло, стала кричать и плакать, а затем смеяться. Взрослые сказали, что она сошла с ума.

Только чудо помогло мне остаться в живых. Это благодаря матери, родственникам и другим людям, благословенна их память, спасибо всем им! Две попытки бегства с помощью немецкого полковника Вилли Арем, да будет благословенно имя его (более детально об этом эпизоде опубликовано в статье «Список Арема» в газете «Секрет» от 21 февраля 2010 года), оказались безуспешными.

Третья попытка оказалась успешной, хотя переход был тяжелым и сложным, и мы в [Джурине](#)³. Да, в [Джурине](#) было гетто, но по сравнению с [Брацлавом](#), не говоря уже о [Печоре](#),

это был просто рай. Не было колючей проволоки, все жили в своих домах. Конечно, были ограничения, запреты: нельзя было выходить за пределы местечка и т. д.

При большой скученности (в местечко были депортированы около 3000 беженцев из Буковины, Бессарабии, Румынии) голод, эпидемии делали свое дело, люди умирали ежедневно.

Немцы, часто проезжавшие по трассе, рвались в местечко произдеваться над евреями. Но находились ангелы-хранители в лице священника местной церкви, старосты, некоторых полицейских, руководителей еврейского комитета самоуправления, которые все делали, чтобы спасти местечко: собирали драгоценности и откупались, а на въезде в местечко повесили щит, что в местечке свирепствует тиф. И местечко выжило!

Гораздо позже мне рассказали, что в начале не все было так облачно. Семен Крывошей рассказал, что перед приходом немцев в местечко один из старшего поколения, побывавший в Первую мировую в плену у немцев в, охарактеризовал немцев, как цивилизованную нацию и убедил стариков, их было 5–6 человек, встретить немцев хлебом–солью. Когда они преподнесли хлеб–соль, офицер ногой выбил у них из рук угощение и, передав нож солдатам, приказал побрить им бороды. Началась экзекуция, прибежали женщины и спасли стариков от расправы. Только, очевидно, один Бог спас их от расстрела.

А вот другой эпизод. Рассказывает Лазарь Розенцвит. Немцы ушли и передали власть румынам. Из соседней деревни Боровка приехали несколько мужчин и стали убеждать односельчан расправиться с евреями, мол, у себя мы всех жидов уничтожили, собирайте православный народ и приступайте к делу. Но среди евреев жили два сапожника-украинца. Они побежали к старосте, к священнику, в полицию и предупредили о готовящемся погроме. Те не замедлили прийти и, пригрозив незванным гостям расправой, выгнали их.

Да, в гетто не расстреливали, и этому обстоятельству все были рады. Но постоянные переживания, страх и непредсказуемость, неуверенность в завтрашнем дне не отпускали людей ни днем, ни ночью.

Большое напряжение вызывали все события, которые происходили в это время: и убийство румынского жандарма

партизаном Радецким, падение немецкого транспортного самолета с немецкими летчиками вблизи [Джурина](#), небольшой бомбовый удар советского самолета по стрелявшим в него румынам и любое передвижение немецких войск по трассе. А до освобождения местечка было еще далеко...

Казалось бы, зачем ворошить прошлое, зачем вспоминать весь этот ужас? Считаю, что это необходимо! Это дань памяти о расстрелянных и замученных. Мы, живые свидетели, клялись рассказать о них. Это призыв ко всем людям быть бдительными, беречь мир и делать все, чтобы такого не повторилось!

Так было.

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Khelmer01.html>
[25.12.2013]

СПИСОК АРЕМА

ХЕЛЬМЕР Яков (1935 г.)

Все дальше и дальше в глубину истории уходят победы и поражения, «чудеса» и удивления, происшествия Второй мировой войны. Но воспоминания живых свидетелей, их переживания не дают забыть о прошедшем. Мне хочется рассказать о том, что произошло много лет назад.

В 2003 году в издательстве «*Terra inkognita*» была напечатана моя «Повесть о пережитом». Это автобиографическая повесть о пути легком и пути тяжелом, о людях, с которыми я встречался, общался, кто спас меня и помог мне выжить в трудные годы. Там, в частности, описан такой эпизод из моей жизни.

В местечке [Джури́н](#)¹ [Винницкой области](#) во время войны было еврейское гетто. Там не было колючей проволоки, но была условная граница (до мостика), за которую евреям нельзя было переступать. Кроме того, в [Джури́н](#) были депортированы 3,5 тысячи евреев из [Буковины](#), [Румынии](#), [Хотина](#). Местных евреев было 1,5 тысячи. Был создан совет гетто, который возглавил М. Розенраух, М. Кац был его заместителем. В [Джури́не](#) разместилась румынская жандармерия во главе с претором.

Фронт ушел далеко на восток и [Джури́н](#) оказался в глубоким румынском тылу. Претор быстро «освоился» – нашел себе «интересных» девушек нестрогих правил из местного украинского населения и стал устраивать регулярно вечера отдыха. Фавориткой претора стала некая А. Чтобы выглядеть хорошо, ей нужны были наряды. Она нашла себе модистку, еврейскую девушку Фаину, беженку из [Румынии](#). Фаина жила с родителями (Перец и Сурка) и двумя бра-

тьями (Айни и Йоси) на квартире у моих родственников. А. приезжала на бричке, забирала Фаину к себе на несколько дней и та ее обшивала «с ног до головы». Затем она рассчитывалась с ней продуктами и привозила ее обратно в гетто. Фаина рассказала родственникам, что на этих вечеринках бывает немецкий офицер, который спас нескольких евреев от смерти и привез в [Джури́н](#).

А дело было так. В местечке [Немиров](#)² немцы вначале расстреляли 2500 евреев, оставив только ремесленников и физически здоровых людей. Когда готовился следующий погром, этот офицер спас несколько человек и перевез их в [Джури́н](#) (подробнее об этом я расскажу позже). Эту новость в местечке скрыть было невозможно. Об этом говорили полупешотом и благодарили Бога и офицера за такой поступок.

Наши родственники стали просить Фаину (она говорила по-немецки), чтобы та попросила офицера спасти меня с матерью из концлагеря [Печора](#)³. Офицер велел ей записать нашу фамилию. И вот однажды в лагере нас стал разыскивать полицай из охраны. Естественно, мы спрятались. Но он так настойчиво искал (ведь ему задание дал немецкий офицер!). Наши знакомые посоветовали нам открыться – не стал бы он для плохого так тщательно нас искать.

Когда он нас нашел, то рассказал, что в его дежурство к лагерю подъехал немецкий офицер, отдал ему бумажку с нашей фамилией и приказал найти нас и привести к определенному часу в определенное место. Быстро собравшись, мы вышли из лагеря, но полицай не стал нас провожать до указанного места и на словах рассказал, куда надо идти. Конечно, мы не попали в нужное место, и встреча не состоялась.

Мучительно было наше возвращение в лагерь... Спустя некоторое время все повторилось. Но в этот раз полицай довел нас до нужного места. К сожалению, офицер не смог нас увезти: в его машину сели еще другие офицеры. Правда, при встрече с Фаиной он объяснил ей обстоятельства и пообещал, что все равно нас спасет.

Наши родственники не успокаивались, и вскоре за нами зашел парень (нееврейской внешности), который постоянно вы-

водил людей из [Печоры](#) и мы не без приключений добрались до [Джурин](#).

Да, этому офицеру не удалось нас спасти, но сам поступок и его желание помочь все время будоражило мой мозг! Кто он? Немецкий коммунист? Подпольщик? Гуманист? Антифашист? Но наводить справки ни тогда, ни позже было невозможно и опасно.

Прошло много лет. Я в [Израиле](#). Мне случайно попадает на глаза статья Виктории Мартыновой в газете «Новости недели», 02.09.2004 г. «Полковник из фирмы “Фикс”». В ней рассказывается, как немецкий полковник спас подростка Владимира Анапольского в [Немирове](#), долго опекал его, и он выжил. Владимир встретил в [Израиле](#) еще одну спасенную женщину – Дору Зальцман. От нее он узнал, что спасителя звали Вилли Арем, и он признан «Праведником народов мира».

Когда я ознакомился с этой публикацией, у меня учащенно забилось сердце. Я подумал, что это, может быть, тот офицер, который и меня собирался спасти. Я начал поиск. Тут же обратился в Яд Вашем с вопросом: «В личном деле “Праведника мира” Вилли Арема не указано ли гетто местечка [Джурин](#)?»

Ответ из Яд Вашем расставил все точки над и: да это он!

...Затем я разыскал Владимира Анапольского и встретился с ним. Он мне рассказал о своем спасении и спасителе. О том, как его поймали немцы, когда он переходил Буг. Его привели в комендатуру, чтобы утром расстрелять. Казалось, выхода нет. Но тут появился добрый ангел и, чудо, спас его. Это был Вилли!

Когда готовился второй погром, Владимира предупредили. Днем он прятался в каморке столовой, а ночью мыл посуду.

Анапольский мне рассказал о своей поездке в [Германию](#). О том, что Вилли умер в 1968 году, похоронен под [Бонном](#). Он побывал на могиле и поклонился его праху. Да будет Благословенна его память.

10 декабря 2009 года в газете «Новости недели» появилась еще одна статья В. Мартыновой о чудесном спасении Владимира Анапольского, о том, как чтят в [Германии](#) участие немцев в спасении евреев.

После этого я познакомился еще с одним живым свидетелем, которого спас Вилли. Это Дора Зальцман. Она рассказала мне много подробностей о жизни Вилли.

Вилли был женат на дочери крупного владельца фирмы (дороги, мосты) [Германии](#) Вильгельма Фикса. Когда началась война, Арему присвоили звание полковника, он возглавил воинскую строительную часть и был командирован на [Украину](#) на строительство дороги [Немиров–Винница](#).

Дора окончила 1-й курс Винницкого пединститута и приехала домой на каникулы в [Немиров](#). Началась война и вскоре к ним во двор забрела семья Менчер: Оскар, Регина и их малолетний сын Ежи, которая спасалась после того, как их эшелон разбомбили. Семья Зальцман их приютила. После первого погрома (погибла семья Зальцман) осталась в живых семья Менчер и Дора. Их заставили убирать улицы. Вскоре командир немецкой части обратил внимание на Оскара, хорошо владеющего немецким языком, и забрал его работать в бухгалтерию, а Регину – на кухню. Дора оставалась дома с малолетним Ежи.

Вспоминают Владимир, Дора, что Арем окружил себя надежными помощниками, которые понимали и поддерживали его действия – это шеф-повар Петер и личный шофер Франц. Когда привозили обед на дорогу, где работали узники, то немцам, охранявшим их, обед был более калорийный. Но Франц подзывал Володю и громко приказывал вымыть котелок, а там было много мяса.

Франц и Петер предупреждали, когда готовилась очередная облава – спрятаться и не высовываться. Вилли принимает решение увезти их в [Джурин](#). Готовилась окончательная расправа с оставшимися.

Он взял грузовую машину, уложил семью Менчер и Дору в кузов, накрыл брезентом и повез в [Джурин](#). Гетто находилось на территории Транснистрии (территория между Днестром и Южным Бугом), которая была подконтрольна [Румынии](#). Там евреев не расстреливали. Вилли хотел их поселить в [Джурине](#) с разрешения властей. Но так как коменданта не было, то он обратился к дежурному офицеру. Вилли не знал румынского языка и поэтому представил Регину как переводчика. Дежурный связался с комендантом. Тот ему намекнул, что желательно их задержать. На улице Регина об этом сказала Вилли, и они тут же уехали обратно в [Немиров](#). Их поселили на чердаке столовой, лестницу убрали. Ночью им передавали еду и воду,

а повар Петер напевал и в песенке передавал нужную для них информацию.

Вскоре Вилли вновь усадил их в машину и увез снова в [Джурин](#). На этот раз он не стал заезжать в комендатуру, а повез их прямо в гетто. Там он приказал еврейским руководителям гетто поселить этих людей.

Так они попали в [Джурин](#), но оказались без каких-либо вещей и средств существования. Но обо всем позаботился Вилли.

Дора рассказала мне еще об одном эпизоде. Франц и Петер попросили разрешения съездить в деревню, купить свинью, забить ее, чтобы мясо и сало отправить семьям в [Германию](#). Получив разрешение, они отправились в [Гайсинский район](#). Вышли на старосту и рассказали ему о цели своего приезда. Староста пообещал все сделать, но вскоре привел партизан. Их разоружили и стали допрашивать. Франц почувствовал, что дело может плохо кончиться, он распорол подкладку голенища сапога и достал свой партбилет коммуниста [Германии](#). Это вызвало некоторое замешательство. Посоветовавшись, их решили отпустить. Партизаны вернули им оружие, т. к. Франц и Петер заявили, что если они вернуться без оружия, то их там расстреляют, так лучше вы нас расстреляйте. И их с оружием отпустили. Это для Вилли тоже была большая неожиданность.

О жизни в [Джурине](#) вспоминает и Лиза Нойман: холод, голод, болезни и т. д. Арем ей очень помог. Он часто ездил в [Бухарест](#), там нашел ее родственников и они передали ей деньги, что помогло ей выжить.

Вспоминает Менчер, что Вилли стал фиктивным редактором туристической фирмы в [Бухаресте](#). Это дало ему возможность установить связи с евреями [Бухареста](#), которые передавали письма и деньги на проживание в гетто. Все это не могло долго оставаться незамеченным румынами, но подарки и деньги делали свое дело.

В 1943 году, вспоминает Дора, удар в спину Арему нанесла жительница [Немирова](#) (фамилию не называет, щадя родственников). Она донесла на Вилли. Друзья посоветовали ему уйти в другое место. Его перевели в [Жмеринку](#).

Вскоре он возвращается в [Германию](#), попадает в зону наступления английских войск. Вначале был пленен, а затем переходит на службу в английскую армию.

О его помощи евреям гетто есть еще одно свидетельство. В своей книге Барух Хегер (да будет Благословенна его память) «Живой и благословенный», изданной в [Израиле](#) на иврите, в части второй «В долине плача» рассказывает об этом. Эта книга – дневник Вижницкого раввина о периоде Катастрофы. Она свидетельствует об изгнании в Транснистрию евреев из [Румынии](#). Автор книги тоже жил в этом гетто.

Он вспоминает, что в январе 1942 года была организована больница на 60 коек. В первую очередь лечили больных сыпным тифом. Но всех спасти не удалось, скончались около 500 человек. Множество людей погибало от голода. Люди опухали, скитались по улицам гетто, как тени, рылись в мусоре, надеясь найти что-нибудь съестное.

Одной из первоочередных задач была необходимость создания общественной столовой. И большая часть денег, полученных из [Бухареста](#) и из других источников, использовалась для столовой. В начале 1942 года в столовой ежедневно раздавали суп и хлеб для 300 голодающих. А к концу 1942 года уже 1000 человек получали суп и картошку. Денежная помощь из [Бухареста](#) начала поступать только летом 1942 года.

24 октября 1943 года был открыт приют для 50 сирот. И хотя раввин прямо не указывает, кто привозил деньги из [Бухареста](#), но мы понимаем, что в отсутствие почтовой связи единственным курьером был Вилли Арем.

Кто он Вилли Арем? У него была семья в [Германии](#): жена и трое детей. Во время войны жена и двое детей погибли. Остался сын, который сейчас живет в [Америке](#).

В 1963 году с просьбой о признании Арема «Праведником народов мира» в Яд Вашем обратились Лиза Нойман, Оскар и Регина Менчер, Дора Зальцман. И 15 июня 1965 года он был признан «Праведником народов мира». Его имя записано на Стене Почета.

В 1968 году Вилли не стало. Ушел из жизни порядочный, добрый Человек, который, рискуя карьерой, благополучием, жизнью, не мог спокойно наблюдать страдания евреев и де-

лал все возможное и невозможное, чтобы облегчить эти страдания.

Я ощущаю чувство выполненного долга. Да, он меня не спас, но две попытки, сделанные немецким офицером, подвергавшим себя большой опасности, говорят о многом.

Я рад, что узнал, наконец, имя этого Человека! Часто задаю себе вопрос, что им двигало? Ведь все у него было: и карьера, и семья, и материально был обеспечен. Чего он добивался? Чего достиг? Ведь все он делал бескорыстно. И отвечаю – это высшая степень человеколюбия!

Память о нем будет жить вечно!

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Khelmer01.html>
[25.12.2013]

«19 АВГУСТА 1942 Г. ЕВРЕЕВ БАРА ПОВЕЛИ НА РАССТРЕЛ»

ХОДА Циля (1918 г.)

Я, Хода Циля Федоровна (девичья фамилия Шнайдер), родилась 17 сентября 1918 г. в городе [Мацеве Волинской области](#) (до 1939 г. – [Польша. Теперь – г. Луков Волинской области](#)).

Семья: отец, Шнайдер Федор Абрамович, мать, Шнайдер Злата Мееровна, брат – Семен 1912 года рождения, я – Циля 1918 года рождения, сестра – Соня 1926 года рождения, сестра – Дора 1930 года рождения.

В 1939 г. советские войска вошли в [Польшу](#). В 1940 г. я вышла замуж за политрука Михаила Израилевича Либмана.

В январе 1941 г. приехала с мужем в [Киев](#) – его направили на работу преподавателем в Киевское военно-политическое училище. В мае, после окончания занятий, весь состав училища выехал на учение в лагерь. Муж отправил меня к своей сестре в [Могилев-Подольский район Винницкой области](#).

Война застала меня в [Могилев-Подольском районе](#). Эвакуироваться не удалось. Пошла пешком в направлении [Бара Винницкой области](#), сказали, что, возможно, с работниками военкомата удастся уехать. Но не успела. Во время облавы я в июле 1941 г. попала в гетто города [Бар¹ Винницкой области](#).

Работала на разгрузке кирпича, жили по 30–40 человек в одной комнате. Грязные, голодные. Потом послали меня работать на сахарный завод. Здесь я познакомилась с Григорием Гавриловичем Ходой. Он был одним из первых комсомольцев в городе [Бар](#). А во время войны создал подпольную организацию. Узнав, что евреев будут расстреливать, он предложил мне

бежать, но я отказалась. Неудобно было одной с чужими мужчинами.

19 августа 1942 г. евреев [Бара](#) повели на расстрел. Заставили раздеваться догола перед ямой. Я решила убежать с места расстрела. В спину будут стрелять – не так страшно, как в лицо. При побеге получила ранение в ногу, пряталась в стогу сена в поле. Нога опухла и болела.

Решилась постучать в дом, который находился рядом с речкой. Женщина (фамилию и имя я не помню) спрятала меня у себя и лечила ногу. А когда в сентябре стали копать картошку, она одела меня в свою одежду, мы взяли лопаты и ушли вроде бы в поле. Так я пришла в [Бар](#). Там меня прятал Григорий Хода у себя дома на чердаке.

Опять облава и опять гетто. В июле 1942 г. Григорий Хода организовал побег. Мы ушли вместе к его родне в село [Котюжаны Мурованокhuriловецкого района](#).

Устроились работать в колхозе, который немцы не распустили, установили связь с партизанами. Я стирала бинты, носила партизанам продукты.

В августе 1942 г. опять попала в гетто в селе [Котюжаны](#). Была там до освобождения нас советскими войсками в марте 1944 г.

После войны искала родных, писала во всевозможные места. Жители [Мацеева](#)² и соседи свидетельствуют, что всю нашу семью немцы расстреляли сразу, как вошли в город.

Муж М. И. Либман пропал без вести в 1942 г.

После войны я вышла замуж за своего спасителя Г. Г. Ходу. Вырастили мы троих детей. Старший сын – Евгений Григорьевич Хода – главный инженер Барского машиностроительного завода, академик Украинской технологической академии, лауреат Государственной премии. Дочь – Хода (Предко) Зинаида Григорьевна – окончила Киевский институт пищевой промышленности. Ныне пенсионерка. Растит внуков и ухаживает за мной. Сын – Валерий Григорьевич Хода – капитан судна дальнего плавания, рыбачит у берегов [Африки](#).

«КОЛИ ЄВРЕЇВ ВЕЛИ НА РОЗСТРІЛ, МАМА З НАМИ, ТРЬОМА ДІТЬМИ, ВТЕКЛА...»

ЦИБУЛЬСЬКА Марія (1938 р.)

Я, Цибульська Марія Сергіївна, народилася 1 березня 1938 року в селі [Стара Гута Деражнянського району Хмельницької області](#).

Коли почалася Велика Вітчизняна війна, батьки мої не встигли евакуюватись, і в 1942 році, оскільки мій батько був євреєм, нас забрали в [Летичів](#)¹ в гетто (які числа і місяці я не знаю, бо я була ще дитиною). І, зі слів мами, коли євреїв вели на розстріл, мама з нами, трьома дітьми, втекла. Були ми в [Деражні](#) затримані тимчасово, поки мама зробила документи, що ми українці, а після переїхала з нами в село [Стара Гута](#) до Карла Матвійовича Плотницького і були там до дня визволення території від окупантів (березень 1944 р.).

В 1947 р. я пішла в перший клас Старо-Гутянської початкової школи. В 1951 р. – в 5 клас Прилужнянської семирічної школи, закінчила її 1953 року. В серпні 1954 р. стала ученицею швейної майстерні Вовковинецької промартілі імені «19-річчя Жовтня». Там і пропрацювала до 1961 р.

У 1965–1980 рр. працювала у Вовковинецькому ССТ продавцем. З жовтня 1980 р. до липня 2002 р. – завгоспом Вовковинецької ЗОШ. Заміжня з 1958 р., маю дочку 1959 р. народження.

«ЭТО БЫЛО 18 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА...»

ЦИКОВИЧ Виль (1932 г.)

Я, Цикович Виль Александрович, родился в 1932 году в городе [Херсоне](#). В 1941 г. я окончил первый класс и мы – мама, я и младший брат – поехали на лето к бабушке, которая жила в городе [Ялте](#) ([Крым](#)).

Войну я встретил тогда, когда, проплывая город [Севастополь](#), в 5 часов утра, немецкие самолеты его бомбили. Это потом объявил капитан корабля.

Через шесть месяцев [Ялта](#)¹ была оккупирована немцами. Помню тот день. Утром я вышел на улицу, была непонятная тишина. И тут я увидел немецкого солдата. Это был рыжий, довольно упитанный, среднего роста солдат, который верхом на лошади (представляете при полной тишине) проскакал по улице. Потом я их много видел, но этот запомнился на всю жизнь.

Как и все евреи, оставшиеся в оккупации, наша семья, кроме дедушки, который был татарин, попала в гетто. Там увидели картину, которую обычными человеческими словами описать невозможно: холод, голод, грязь, издевательства, побои, наказания и страх. А нам ведь говорили, что соберут нас, чтобы перевести в другое место. Мы поверили и ждали этого дня «икс».

Еды не было, каждый питался, чем мог, иногда попадало что-то извне. Нашей семье очень помогала соседка бабушки – Евдокия Кузьминична Горюшкина, которая проживала после с нашей семьей до самой своей смерти. Получила Евдокия Горюшкина за наше спасение звание «Праведника народов мира».

Рискуя своей жизнью, она приносила нам еду, но как это ей удавалось, я не знаю.

И вот настал этот день «икс». Это было 18 декабря 1942 г.

Рано утром нам всем было приказано построиться во дворе, женщины и мужчины – отдельно. Полицаи ходили по рядам и отбирали детей, вещи.

Меня мама спрятала под юбку, и я остался незамеченным. Брата спрятала бабушка, началась погрузка в большие, крытые брезентом машины. Началась паника, плач, крики... Разлучались семьи.

Первые машины с евреями уехали. Остальные евреи стояли, ждали. Такая процедура стала наводить на мысль, что это не переселение, а что-то другое. Люди стали уходить из первых шеренг в конец строя, как будто это спасет. Над всем этим был строгий надзор полицаев и немцев.

Подошла наша очередь. В машину набили много людей, все стояли. Когда машина подъезжала к «лобному месту», стали слышны выстрелы.

Что я увидел: небольшая площадка, по которой бегают немцы с крючкообразными палками и непокорных за шею стаскивают с машины и ведут к куче всевозможных вещей, заставляют раздеваться.

Напротив этой кучи вещей, через площадку – обрыв, на краю которого ставят раздетых людей и немцы стреляют им в спины, после чего они падают туда, а немцы уже подгоняют другую группу. И так работал этот конвейер по уничтожению населения, национальность которого – евреи.

Нас тоже подогнали к вещам, чтобы мы разделись, что мы и начали делать, но тут маме пришла спасительная мысль. Она взяла меня за руку, брат был у нее на руках, и пошла к двум офицерам, наблюдавшим в стороне. Солдат увидел это и подбежал к нам, но мама уже говорила им, что мы татары, а не евреи, что это ошибка.

Дав команду солдату оставить нас (один из них говорил по-русски) офицер сказал: «Отвернитесь и не смотрите на эту жуткую картину!»

Не все немцы тогда и теперь думают одинаково, точно так же, как и среди других народов. Но эти два офицера стояли у меня перед глазами всю жизнь, и кто знает, будь на их месте другие, где бы мы были сейчас.

Что это – судьба, счастье, охранял нас кто-то – не знаю. Подошла очередная машина, офицер подозвал солдата, что-то сказал ему, а к нам обратился: «Возьмите свои вещи и вас отвезут домой этой машиной». Мы взялись за руки, опустив глаза, пошли к машине мимо кучи вещей, мимо обрыва, где все еще стреляли. Мы торопились, потому что:

а) мы все еще не верили в это чудо и боялись, что это обман;

б) нам было стыдно перед всеми – их расстреливают, а мы живые, уезжаем и не можем им помочь.

Вот такое чудо произошло с нашей семьей.

Еще два военных года мы жили при оккупации в Ялте. Несколько раз по доносу маму и бабушку арестовывали, но опять чудо нам помогло. Оно, по-моему, имеет одно значение – есть хорошие, добрые люди: как русские, так и татары, которые нас прятали, помогли нам в беде.

АКМЕЧЕТКА

ЧЕРВИНСКИЙ Давид

Акмететка¹ – большое село в Доманевском районе Николаевской области, на берегу Буга. В долине, в двух километрах от села, было четыре огромных свинарника под соломенными крышами.

Весной 1942 года начальник еврейских лагерей, полковник румынской армии Модест Изопеску приказал: всех евреев, которые не в состоянии выполнять тяжелую работу, собрать в свинарниках Акмететки. 10 мая 1942 года слабых, больных евреев, включая стариков, женщин и детей, загнали в этот лагерь. Вокруг него был забор из колючей проволоки и глубокий ров, охраняемый полицией-украинцами. Тысячи узников находились в нем без пищи и питьевой воды.

Узнав о мучениях своих собратьев, оставшиеся «на воле» евреи пытались им помочь. Мы, узники гетто Доманевки², в июле 1942 года добились разрешения завезти продукты в Акмететку. Хотя у нас было мало пищи, мы устраивали пост один день в неделю и откладывали кое-что из наших скудных запасов. Нам говорили, что узники лагеря сотнями умирают голодной смертью.

В одно воскресенье начала августа подошла моя очередь – и я поехал в Акмететку. Подъезжая к лагерю, я увидел, как люди толпились за оградой, слышны были их крики. И когда я подошел ближе, то увидел полуголых, босых мужчин и женщин, и даже детей. Они были унылые, тощие, как палки, грязные, с торчащими во все стороны волосами, как у дикарей. Кое-кто ползал по земле на вспухшем животе, рвал и жевал тоненькую травку. Когда они увидели повозку с продуктами, раздался счастливый рев, испугавший нас: мы боялись, как бы они не напали на нас.

В повозке было 96 буханок хлеба, 10 бутылок постного масла и 5 кг соли. Я разрезал каждую буханку на части, чтобы дать по

кусочку каждому из 500–600 человек, оставшихся в живых. Вначале их было 5000 человек.

Люди были такими слабыми, что они даже не могли стоять на ногах, и только в глазах еще теплилась какая-то воля к жизни. Среди них я узнал и некоторых из тех, с кем мы под конвоем проделали путь депортации из Кишинева в Транснистрию. Я помнил, какими они были здоровыми и крепкими, теперь же они, изголодавшиеся, с трудом поднимали руки, чтобы взять кусочек хлеба.

В тот же день мы купили на соседней ферме повозку помидоров и привезли ее в лагерь. Из каждой загородки раздавались крики: «Червинский, пожалей нас, дай нам еще парочку помидоров, мы хотим жить, не дай нам умереть с голоду».

С волнением и тревогой покидал я это место. Пришел румын – управляющий фермой, наблюдавший за лагерем, и попросил меня помочь собрать всех, чтобы что-то сказать им. Наконец, они собрались, а мне пришлось переводить его слова, так как среди них были украинские евреи, не знавшие румынский язык. Управляющий говорил им: «Приближается осень, скоро пойдут дожди, повалит снег, надо сделать печки, пусть самые «здоровые» собирают кирпичи, топливо на зиму». На это «гуманное» предложение они все, как один, отвечали: «Если собираетесь держать нас здесь зимой, то принесите пулеметы и расстреляйте нас всех, укладывая друг на друга. Лучше умереть, чем зимовать в таких условиях...»

С горечью и болью в сердце покидал я их. Они смотрели на нас в отчаянии. Удаляясь, мы слышали, как они кричали нам вслед: «Не забывайте нас, спасите наши души...»

Впервые эти воспоминания были опубликованы в 1944 году на иврите в книге «Уничтожение евреев Бессарабии», изданной землячеством бессарабских евреев. На английский язык воспоминания перевел сын Давида Сэмюэль Арони (Червинский) и опубликовал в виде приложения к своей книге «Memories of the Holocaust: Kishinev 1941–1944».

Сокращенный перевод с английского Давида Розенфельда.
«Мигдаль Times», Одесса. [http://: www.migdal.ru](http://www.migdal.ru) [25.11.2013]

«ПРИШЕЛ НАШ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС...»

ШАБШИС Фаня (1904 г.)

22 июня 1941 года началась война, но никому из евреев нашего местечка и в голову не приходило, какие бедствия и несчастья она им несет.

Многие из местечковых приехали обратно в городок, в том числе и студенты.

Но 15 июля началась эвакуация из местечка Плискова¹ Винницкой области. Однако, те, кто тронулись в путь, далеко уехать не успели, так как линия фронта быстро приближалась, и многие оказались в окружении и вынуждены были возвратиться обратно в Плисков. В частности, это случилось и с нашей семьей. Но, когда мы возвратились, все было разграблено.

Началась страшная и мучительная жизнь. Были изданы оккупационные законы. Евреи имели право ходить по улицам только до четырех часов дня, им было запрещено что-либо продавать, чтобы содержать семью. Их использовали на самых тяжелых работах и требовали давать контрибуцию, которую надо было в указанный срок приносить в районную управу. Заставили нашить на одежду шестиконечную звезду и постоянно ее носить, чтобы издали видно было, что это идет еврей. Был составлен список всех евреев местечка, который находился в районной управе.

Из местечка Погребище в Плисков приехала полиция, арестовали мужчин. Их жестоко избили, покалечили, а затем убили. Через несколько дней после этой акции всем приказали явиться на перерегистрацию.

Когда все собрались, выбрали 50 мужчин и объявили, что их ведут на работу, но повели их к глубокому колодцу недалеко от конского кладбища и всех бросили в этот колодец.

В сентябре 1941 года в местечке [Плисков](#) устроили погром. Собрали всех евреев, снова для перерегистрации и начали сортировать: мужчин отдельно, женщин отдельно. Молодых девушек и женщин насиловали, избивали. Мужчин также избивали. Обреченные поняли, что настал их конец, и стали прощаться со своими родными. После прощания их загнали в помещение, бежать никому не удалось.

Вскоре после этого погрома приступили к организации гетто. Для этого отвели участок в городе, который окружили колючей проволокой. В домах, что отвели для жилья, была большая скученность, так в одной небольшой комнате жили по несколько семей.

После организации гетто, ежедневно давали разнарядку, куда и сколько человек направить на работу. На работу шли под охраной полиции. Бежать из гетто не было возможности. За побег жестоко наказывали, расстреливали родных бежавших, а также и тех, которые давали приют беглецам. На место убитых евреев привозили евреев из других близлежащих местечек и снова их убивали.

Однажды собрали пожилых женщин и детей, усадили их на подводу и повезли на кладбище, где хоронили падаль, и там расстреляли, а наблюдавшие за этим немцы все это фотографировали. Женщины просили убийц, чтобы сначала их убивали, а потом детей, чтобы не видеть это страшное зрелище. А тех, кого ранили – заживо зарыли в общей яме.

Я не могу сказать, что все украинцы были убийцами: были и совестливые, порядочные люди. В частности, Мирон Титаренко, который как мог помогал и прятал евреев.

С 15 января 1943 года я с двумя детьми скрывалась на чердаке у Василя Вивсяного в селе [Юзовке Винницкой области](#).

В январе месяце ночи холодные, на улице вьюга, мороз. Люди спали, а мне не спалось: перед глазами проходила моя жизнь, и мне было непонятно и обидно, почему Гитлер приговорил всех евреев к смертной казни. За что? Нам, словно крысам, приходилось прятаться, искать спасения у людей, которые тоже

рисковали своей жизнью, и жизнью своих родных, и держали нас на чердаке, не впуская в свой дом.

Холод пробирал до костей, а у нас только одно пальтишко на всех, которым мы укрывались. И чтобы было теплее, зарылись в солому, прижавшись друг к другу, дрожали от холода.

Мой пятилетний сын меня спрашивал: «Мама, почему мы прячемся, почему мы страдаем, в чем мы провинились? Со всеми вместе я ходил в детский сад, вместе с украинскими детьми игрались, никогда не слышал слова юда или жид. Скажи мне правду, кто в этом виноват?»

От этих вопросов все во мне немело: я не знала, что ему ответить, я чувствовала, что я лишусь ума.

И перед моим взором проходит то время, когда мы счастливо жили в нашем местечке. Я видела своих братьев, сестер, мать, мужа и свою 18-летнюю дочь Соню, ее красивое еврейское лицо, ее черные кудри, черные горящие глаза – за что ей, безвинной душе, срубили голову?

Вспомнила ее школьный выпускной вечер, когда она получила грамоту за отличную учебу. И как я была на этом вечере счастлива. О, если бы я знала, что жизнь и счастье так скоро у нас отнимут, что убьют мужа, дочь...

Вспомнила ее каникулы, когда она приезжала из института домой. Училась она в Киевском стоматологическом институте. Если б я знала, что уже в следующем году она будет лежать засыпанная снегом...

Вспомнила тот последний день, когда из дома уходили навеки муж, мать и дочь. Как мы прощались, как дочь поцеловала свою младшую сестричку и брата, и, уходя, сказала, чтобы ее не забыли, чтобы сестричка хранила ее фото и, если они останутся живы, сделали большой портрет, чтобы не забывали ее могилу, навещали, поставили памятник, а когда придут наши, чтобы отомстили за их невинно пролитую кровь.

А на дворе была пурга, холодный ветер гулял по чердаку, а перед глазами мысленно проходили те дни, когда во время погрома я сидела в вырытой в подполье яме. К нам доносилась песня, которую пели мадьяры, уезжая из местечка после кровавого шабаша. Они были довольны своей работой.

Прождав еще некоторое время, я сказала детям, чтобы они запомнили этот день, 27 мая 1942 года, день, когда не стало бабушки, отца и сестры.

Мы просидели в подполье трое суток, а наверху полицаи стерегли гетто, чтобы никто не сбежал. Нам повезло в тот раз – нас не нашли. Тогда же от смерти спаслись восемь мастеров (сапожники и портные). Их решили оставить до следующего погрома.

На четвертые сутки мы услышали, что говорят на идиш. Тогда мы ночью выбрались из ямы и присоединились к оставшимся в живых обитателям гетто. Люди нас встретили со слезами на глазах, так как думали, что мы погибли. В живых оказались и две мои сестры.

Вскоре после погрома был издан новый приказ, чтобы оставшиеся в живых, прошли новую регистрацию. После регистрации потребовали, чтобы мы отдали все наши драгоценности, и люди стали сдавать все, что у них еще осталось.

1 июня 1942 года в гетто появился полицай и объявил, что сидеть без работы не положено. Нужно идти и собирать вещи убитых людей, сортировать и складывать. Придя в дом, где мы жили, стали собирать вещи дочери, матери и каждая из этих вещей – это боль и слезы, но полицай запретил плакать. Я увидела платье дочери, которое ей сшила, когда она приезжала на каникулы. И косынку, чтобы не видел полицай, забрала на память.

8 июня 1942 года стали собирать в наше гетто евреев со всего района. Всех поселили в один большой дом. Мы поняли, что пришел наш последний час.

14 июня пришедший полицай объявил, чтобы все взяли лопаты и пошли на конское кладбище засыпать могилы своих родных. Могилы стояли разрытыми, вокруг валялись погрызенные собаками тела, отдельно руки, детские головки. Увидев это, я окаменела. Я не могла сдвинуться с места, а потом, видимо, началась истерика – я стала рвать на себе волосы, одежду. Увидев мое состояние, полицай «успокоил»: «Не кричи, и тебя ждет такое!».

Недалеко от того места, где мы работали, одна крестьянка пасла свою корову, и когда я немного пришла в себя, она рассказала мне про смерть моего мужа. О том, что, когда их поставили

на расстрел, он стал убегать от ямы, но его поймали, отрезали язык, нос, уши, выкололи глаза.

Когда мы вернулись с конского кладбища, то я решила, что чем умереть от рук бандитов, лучше покончить собой, и я сказала об этом детям. Дети стали плакать и просить меня уйти куда глаза глядят – им хотелось жить. И я, глядя на детей, решилась покинуть гетто.

В тот день шел страшный ливень, охрана была не так внимательна, и я ночью, а ночь была темная, взяв за руку дочь и на руки спящего сына, ушла из гетто. Всю ночь мы блуждали, а на рассвете добрались к знакомой, Наде Лихомановой. Она нас приняла и поселила в каморку, где мы прожили несколько суток. Она дала мне свой паспорт, чтобы мы имели возможность передвигаться. Я вклеила свою маленькую фотокарточку и решила идти в другой район, где меня не знали. Надя помогла мне с продуктами, подводой.

В другом селе я стала проситься переночевать, сказала, что я с [Донбасса](#), что там голод, но нам не верили, нас гнали. А в одном месте нас хотели пустить ночевать в хлев, но, узнав, что мы евреи, не хотели даже разговаривать. Я подумала, что надо возвращаться в гетто. Но дети стали говорить, что лучше ходить из села в село, чем вернуться в гетто и там погибнуть. Так мы и бродили от села к селу, иногда кто-нибудь сжалится и пустит переночевать, другой раз спали в стогах сена.

Однажды решилась пойти на сахарный завод к доктору Бахлевскому. Дождавшись своей очереди, я зашла к нему на прием и рассказала все о себе: кто я, зачем пришла и почему прошу его помощи. Жена доктора накормила нас и предложила ночевать у них. Вечером к доктору пришли партизаны, с которыми он поддерживал связь. Они обещали нам помочь, но только продуктами, потому что отряда у них тогда еще не было. Партизаны ждали, когда фронт подойдет поближе, и они совместно с армией будут бить фашистов.

Уйдя от доктора, я пошла к бабушке Паше, которую просила нас временно принять. Она жила в маленьком старом домике, с продырявленной крышей. Она нас поселила в хлев, где у нее стояла корова, и ночью спали куры. Бабушка Паша нас очень жалела и кормила чем могла.

Однажды, когда к ней пришли полицаи, чтобы отобрать у нее корову на мясо, они застали моего сына *Давидку* в сарае, он был накрыт мешком и полицейские подумали, что это поросенок. Бабушка его спасла: она сказала, что это соседский мальчик, что мать его пошла на речку стирать, а его оставила. Когда я с дочкой Маней пришла от врача, бабушка рассказала, что случилось, и мы решили перебраться на чердак. Продуктами нас снабжали партизаны, жили мы на чердаке у бабушки Паши, расположившись около дымохода.

Весной, когда растаял снег, дочь заболела гриппом. Я никому не сказала, что она больна, и своим теплом ее согревала. Находясь в таком положении, и, не зная, что будет завтра, я решила все записывать и положить написанное под соломой с просьбой, кто найдет эти записи, отправить их по адресу к родным моего мужа, которые живут в *Москве*.

Бабушка Паша жалела нас, особенно *Давидку*, который сидел на чердаке и сквозь щель с завистью смотрел на детей, которые играли во дворе.

Но время бежит, и мы вскоре узнали, что *Киев* освобожден от фашистов, что партизаны взорвали в *Казатине* склад боеприпасов, что староста с семьей начал эвакуироваться.

Но к нам в дом поселились отступающие немцы. Мы на чердаке слышали, как они ругались, проклинали грязь и бездорожье, срывали солому с крыши и подкладывали ее под колеса буксующих машин. Слышна была стрельба, и вдруг мы услышали, как кто-то из немцев крикнул слово «Катюша», и они, быстро собравшись, покинули дом.

Под утро показались советские разведчики, а потом пришли и советские войска. Бабушка Паша с радостью стала кричать, что пришли наши. Одевайтесь и заходите в хату, хватит жить на чердаке.

Давидка сидел у окна и смотрел, как идут солдаты Советской Армии, а мы лежали на печи и грелись. Спать не хотелось. Когда солдаты вошли в дом, бабушка показала на печь и рассказала о нас, и о том, где мы у нее жили. Когда солдаты рассказали об этом в штабе, к нам явились военные и принесли еду, водку и устроили пир в честь нашего спасения.

На третий день я пошла к генералу и рассказала обо всем пережитом и просила его отправить меня с детьми в тыл. Генерал написал нам справку, дал машину и отправил нас в *Киев*. А бабушку люди стали запугивать, что вот немец вернется назад и ей не поздоровится.

В *Киеве* в райисполкоме дали список свободных квартир, велели занять любую из них. Евреев в *Киеве* не было.

Вскоре я устроилась на работу, сын пошел в школу, а дочь поступила в ремесленное училище. Через некоторое время я узнала, что мой брат с семьей живет в *Куйбышеве*, и он нам помог как мог в то тяжелое время. Но, несмотря на все, мне не верилось, что мы спасены, что не надо скрываться, и что все пережитое нами было не сон, а реальность.

Бабушке Паше мы помогали и часто ездили к ней. Я была также в нашем местечке *Плисков*. Оставшиеся в живых евреи совместными усилиями поставили памятник на месте расстрела.

Я заканчиваю свои записи годом, когда кончилась война. Проклинаю тех, кто не хочет мирно жить и несет людям войну и несчастье. А моим детям и всем людям желаю мира, спокойной и радостной жизни.

КАК Я УБЕГАЛ ОТ СМЕРТИ...

ШАМРАКОВ Семен (1929 г.)

Когда началась война, я и моя семья жили в городе [Первомайске Одесской области](#) (ныне [Николаевской](#)).

В августе 1941 г. в [Первомайск](#)¹ вошли немцы. Они стали вешать людей прямо на улицах, начиная с первых дней оккупации, прикрепляя к казненным таблички, сообщающие об их национальной принадлежности.

[Первомайск](#) делится реками Буг и Синюха на три части: Голту, Богополь и Ольвиополь. Я с семьей жил тогда в Богополе. Немецкие и украинские полицаи собирали еврейское население у церкви как будто бы для работ, сажали их на грузовики и вывозили в неизвестном направлении. Люди поняли, что здесь что-то не так и начали прятаться. Тогда фашисты стали делать ночные облавы по домам.

В одну из декабрьских ночей полицаи ворвались и к нам. В нашем доме собрались, оставшиеся тогда в живых, родственники: двоюродные братья, сестра, родной брат, моя мать, мой дядя и 12 детей. Самому младшему было 5 лет, а самому старшему – 13. В доме стоял невероятный крик – кричали испуганные дети. Полицаи пытались заткнуть им рот, чтобы избежать ненужного шума.

Два двоюродных брата, Ефим Шамраков, живущий сейчас в [Мельбурне](#), и Аркадий Шамраков, живущий в [Берлине](#), воспользовались суматохой, и ушли через черный ход. Моя мать, заметив это, вытолкнула меня следом. Все оставшиеся родственники были расстреляны.

С этого начались наши мытарства. В тот год стояла суровая зима, а мы были плохо одеты. Прятались в развалинах и брошенных складах. Мы понимали, что долго так не протянем. В Богополе же в живых из евреев никого не осталось.

Решили бежать через замерзший Буг в Голту, там немцы оставили часть евреев-специалистов для необходимых работ. Замерзшая переправа через Буг охранялась немцами, и когда мы перебежали, в нас стреляли, но мы спаслись.

В Голте мы продолжали прятаться в развалинах. Ноги у нас были обморожены. По утрам ступни примерзали к ботинкам. Никто не хотел нас приютить, так как люди сами боялись за свою жизнь. Но однажды нас вычислили. Забрали жандармы и поселили в дома, где проживали евреи. Я и мои двоюродные братья стали ходить на работу к итальянским солдатам. Мы носили воду с Буга, рубили дрова, за это они кормили нас макаронами.

Мы еще были детьми и однажды, когда играли во дворе недалеко от немецко-румынской префектуры, где проходило какое-то совещание, нас опять поймала полиция и отвела в участок, где уже сидело много пленных. Нам предъявили обвинение в попытке поджога префектуры и требовали признания, применяя всевозможные пытки. Но признаваться нам было не в чем. Это была провокация – если бы мы смалодушничили и признались, то всех находящихся там евреев расстреляли бы. Полицаи обещали нас отпустить, если мы «честно» сознаемся. Вскоре они поняли, что ничего от нас не добьются и отпустили, но ненадолго...

В скором времени всех евреев поместили в огражденный колючей проволокой барак и приставили охрану. Там я познакомился с моей будущей женой Мусей Магазинник, Сарой Сатановской (в девичестве Заславской) и ее сестрой Розой Зелинской, которые сейчас живут в [Сиднее](#).

Летом 1942 года сиротских детей и людей без специальности выслали из [Первомайска](#) этапом, сначала в село [Доманевка](#), где был пересыльный пункт, а затем в лагерь [Акмечетка](#).

[Акмечетка](#)² – это был лагерь смерти, хотя там и не было газовых печей. В основном там находились старики и дети, которых практически не кормили и которые умирали от голода. Трупы убирали редко, и в лагере стояла страшная вонь. Тех, кто

могли передвигаться, брали на работу в село [Акмечетка](#), где их хоть как-то кормили. Нас, в числе прочих, тоже брали на работы, потому-то мы и выжили. Что могли, мы приносили в лагерь, чтобы поддержать других.

Часто полицаи были пьяны, и мы решили этим воспользоваться и сбежать. Однажды ночью нам с братьями и еще одним узником по имени Юзя удалось перерезать колючую проволоку и бежать. При побеге я потерял братьев. После чего мне пришлось бродить по степям. Спать в скирдах соломы, отыскивать и питаться пшеницей и кукурузой, которые остались на полях после сбора урожая.

Затем меня опять чуть не поймала полиция. Проходя мимо села, я натолкнулся на полицаев. Меня выручил один крестьянин, который сказал, что я его внук и пришел из другого села. Те не очень поверили, но решили оставить меня в покое. После этого я поселился у того старика. Помогал ему по хозяйству и пахал огород. У него мне было не плохо, но злые языки донесли в полицию, что я еврей, и меня опять забрали.

В селе проживало небольшое количество евреев, которые работали в поле и жили в бараке под охраной полицейских. Поместили туда и меня. Там я пробыл недолго, работал в поле и, в конце концов, заболел тифом. Больных в том месте не держали и меня отправили опять в лагерь [Акмечетка](#).

Туда я не доехал, соскочив с повозки на высоком подъеме. Но меня опять поймала полиция и отправила на этот раз в лагерь [Богдановка](#)³. В этом лагере, к тому моменту, когда я туда попал, почти всех уже расстреляли. Те, кто оставался в живых, работали в бывшем колхозе. Кормили очень плохо. По соседству с лагерем находилась кухня, где варили конину, и нам иногда удавалось там что-нибудь раздобыть. В этом лагере судьба опять свела меня с моими двоюродными братьями.

Через несколько месяцев я опять устроил побег и направился в сторону [Первомайска](#). Снова был пойман румынским жандармом, от которого узнал, что меня ждет суд, что меня будут судить как государственного преступника. Нашли и моих братьев, которые тоже сидели в жандармерии, а меня тем временем отправили в Первомайский лагерь, находящийся на территории завода имени 25-го Октября.

Наряду с евреями здесь держали и цыган. Кормили ужасно. Через некоторое время меня отправили поездом в сопровождении жандарма в [Тирасполь](#) на суд военного трибунала. По дороге меня связали вместе с одним партизаном. Немцы, ехавшие в том же вагоне, спрашивали у сопровождавшего меня жандарма, почему я связан вместе с партизаном. Тот им сказал, что я участвовал в поджоге префектуры. Тогда меня стали избивать. Я думал, что они меня прикончат до суда.

Суд состоялся и меня каким-то чудом не приговорили к расстрелу, сославшись на малолетство. Практически всех, кто попадал на этот суд, приговаривали к расстрелу, особенно тех, кто бежал из лагерей.

После суда нас опять отправили в лагерь – меня в [Первомайск](#), а братьев – в [Богдановку](#). Мне даже выдали какой-то документ, который у меня не сохранился. Да и вообще, люди боялись держать документы, свидетельствующие о том, что они находились в оккупации, поскольку советские власти считали людей, не успевших эвакуироваться, предателями Родины.

В лагере я пробыл до прибытия советских войск в апреле 1944 года.

«В НАШЕМ СЕЛЕ СОЗДАЛИ КОМИТЕТ ПО СПАСЕНИЮ ЕВРЕЕВ»

ШАНИС Шай (1938 г.)

Я родился 20 апреля 1938 года в селе [Яруга](#)¹, на границе с [Бессарабией](#). Село [Яруга](#) основано в XVIII веке, а в 1896 году там проживало 1500 человек, 1300 из них – евреи. В селе образовались два колхоза: один – украинский, второй – еврейский. В 1940 г. [Бессарабия](#) была оккупирована СССР. Когда началась война, немцы захватили наше село. Они хотели уничтожить всех евреев и сделать село «юден фрай» – совсем без евреев.

Мой отец был кузнецом, он ушел на фронт, когда началась Великая Отечественная. Я его фактически не помню, не помню ни бабушку, ни дедушку. А брат тоже ушел на фронт – я узнал гораздо позже, что он погиб в 1941 году: 7 ноября он был ранен, а 9 ноября умер под [Москвой](#).

В нашем селе создали комитет по спасению евреев, организованный украинцами, поэтому не все евреи были уничтожены. В каждой семье жило по несколько семей из [Бессарабии](#) и [Буковины](#). Так мы прожили до 1942 года.

Это было по сути гетто: со всех сторон наши дома огородили, на базар не разрешалось ходить. Мы не могли закрывать дверь: жандармы приходили и могли брать все, что хотели... Немцы выпускали листовки и настраивали украинцев против евреев. Хотя очень много помогали украинские крестьяне, но не все. Были такие, которые приходили из [Буковины](#) и забирали вещи.

Еще приходили из айнзатцкоманды, заходили в любое время суток, забирали все, насиловали женщин. К концу года еврейский колхоз закрыли.

Нам помогали, потому что председателем был раскулаченный Коровянюк, который имел связь с партизанами, как и начальник полиции Крыжевский. Я после войны учился с его сыном, он тоже помогал партизанам. И его судили (думали, что он был связан с немцами), но потом освободили...

Был случай, когда нацисты гнали по дороге евреев из [Могилева-Подольского](#). На полпути они остановились. Была очень большая колонна. Из них более 600 человек расстреляли. Там была молодая женщина, которая родила ребенка прямо в поле. Жандарм схватил живого младенца и бросил в яму, потом застрелил и эту женщину.

В 1968 году эту яму раскопали, останки перенесли на еврейское кладбище, и там всех похоронили. Убитые были в одежде, с золотыми кольцами или цепочками, золота не нашли. Это по воспоминаниям тех людей, которые помогали в раскопках и собирали прах.

Весной 1942 года гетто расформировали и нас погнали в сторону [Могилева-Подольского](#) и села [Сторожинец](#)². Там мы были до 18 марта 1944 года (до освобождения).

Кто имел деньги, подкупал полицейских и возвращался в село. Там было тоже гетто, но не такого масштаба. Гнали нас по распоряжению румынского маршала Иона Антонеску, заключившего договор с Гитлером о том, что всех евреев надо уничтожить. Нас погнали туда, и я помню, что мы хотели собирать траву, но жандармы с палками не разрешали этого делать. Помогали нам только украинцы. Мы меняли у них вещи на продукты и так жили.

Жили очень бедно, мать была безграмотная. Однажды вызвали ее в комендатуру на уборку, там ее на пальцах спросили, сколько у нее детей, она показала – 2. Румын сказал, что у него тоже 2 и дал кусок хлеба. Не все были такими...

Сестра была старше меня, и ее взяли на работу – переборку картошки в подвале. Я просил, чтоб мне тоже дали работу, но мне не дали. Жандарм ударил меня, и несколько дней я пролежал и приходил в себя. Хуже всего, когда приезжал начальник полиции. Он избивал большой палкой всех, кто попадался ему; у него была очень огромная собака, как теленок.

После лагеря, когда шли по селу, падали и умирали, были опухшие от голода, у меня – одни ребра. Это страшно все, что там было. Когда людям плохо, они всегда обращаются к Б-гу.

В 1944 году, в марте, мы вернулись в село – наш дом разбомбило, не было где жить. Так мы и не имели постоянной квартиры, каждый раз меняли: то тут, то там жили.

Сейчас в [Яруге](#) не осталось ни одного еврея. 1300 было в 1896 году – теперь ни одного. Люди бежали – кто в [Америку](#), кто в [Австралию](#).

Груз прошлого, голода и смертельной опасности в гетто продолжает давить и сейчас, многие годы спустя.

«Рожденные страдать?» Помни слезы и скитания
Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 167– 169.

«ОТЦУ УДАЛОСЬ СПАСТИ МЕНЯ, А МАТЬ, ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ УЗНИКАМИ ГЕТТО, БЫЛА РАССТРЕЛЯНА»

ШАТАЛОВ Леонид (1939 г.)

Я, Шаталов Леонид Алексеевич, родился 27 мая 1939 г. в городе [Славуте Хмельницкой области](#).

Мой отец по национальности русский, а мать – еврейка. С началом оккупации города, т. е. с июля 1941 г., отец прятал меня вместе с матерью в кладовке дома, в котором мы жили, по улице Средняя Гребля, д. № 3.

В марте 1942 г. немцами в [Славуте](#)¹ было организовано еврейское гетто. Наши соседи нас выдали. Меня с матерью забрали в гетто. Там мы находились с марта по июль 1942 г.

Отцу удалось спасти меня из гетто, а мать 14 июля 1942 г., вместе с другими узниками гетто, была расстреляна.

Мой отец спасал меня у своих хороших знакомых Добровольских по улице Новоместной. Там я жил с июля 1942 по январь 1944 г., когда 18 января 1944 г. [Славута](#) была освобождена Советской Армией от немецко-фашистской оккупации.

«МЫ ОСТАЛИСЬ ОДНИ...»

ШАФАРЕНКО Розита (1931 г.)

Я, Шафаренко Розита Ароновна (по мужу – Кильдищева), родилась 1 февраля 1931 года в городе [Ичня Черниговской области](#).

Семья у нас была из четырех человек: отец, мама, я и старшая сестра. В 1941 году, когда началась война, папу сразу забрали на фронт, а мы с мамой и сестрой остались в [Ичне](#)¹.

Были бесконечные бомбежки, мы прятались в подвале своего дома. Эвакуироваться не смогли. 15 октября 1941 года в наш город вошли немцы.

Дом, где мы жили, находился в центре города. И поэтому нас сразу вычислили. Нам с мамой и сестрой пришлось уйти на окраину города в чужую хату.

В декабре месяце к нам ночью пришел староста, он был связан с партизанами. И он предупредил маму, что на рассвете нас должны забрать на расстрел. Мама нас быстро собрала, и ночью мы ушли за двадцать километров в село [Монастырище Черниговской области](#). Был большой мороз, и очень много снега. Я не могла идти, грузла в снегу по самый пояс. Мама как могла мне помогала, тащила на плечах, и так шли всю ночь до утра.

На окраине села Кошиловка, жили две пожилые сестры. Они нас приютили и прятали как могли. Мама им помогала по хозяйству, ходила в лес по дрова. Ходила помогать и другим людям, чтобы заработать нам на еду. И так нас прятали до весны 1943 года.

А потом мама очень заболела, и 3 апреля 1943 года умерла, ей было 35 лет.

Старшую сестру забрали в другую деревню работать. А меня с деревенскими детьми послали с коровой в лес, чтобы немцы ее не забрали. Они уже начали отступать и угоняли все, что было у людей.

Осенью 1943 г., когда немцы начали отступать, мы вернулись в село [Монастырище](#). Был октябрь месяц, а я была босая и раздетая, не знала что делать, и решила уйти в [Ичню](#). Но меня и там никто не ждал. Ночевала, где придется, люди дали кто что мог одеться и обуться.

А в ноябре месяце с фронта приехал отец. Недалеко проходил фронт, и он на одни сутки отпросился. Узнал обо всем, что произошло с нами. За одни сутки он ничего не мог сделать. Ему пришлось еще задержаться на сутки, чтобы немного нас устроить. За самовольную задержку попал в штрафбат. И 29 декабря 1943 года погиб, ему было 38 лет.

Мы остались одни. Старшей сестре было 16 лет, она работала в госпитале, а я училась в школе. Одноклассники приносили мне кто что мог покушать. А потом мне за папу была назначена пенсия. Вот так я и выжила.

Сейчас я живу одна. Имею двух дочерей, трех внуков и трех правнуков.

«МЫ БЫЛИ НА КРАЮ СМЕРТИ...»

ШВАРЦ Ида (1934 г.)

Мир – это благополучие людей, цивилизация, а война – преступление. Она отнимает миллионы жизней: отцов, матерей, детей.

У меня война отняла детство, здоровье, как и у всего моего поколения. И не случайно мы раньше времени повзрослели, получили глубокие душевные и физические раны. Мы были на краю смерти, и потому я сегодня не могу смотреть кадры кинохроники военных лет. Не могу видеть зелено-серые мундиры захватчиков-убийц. Спазмы подступают к горлу, невольно льются слезы из глаз.

Мне трудно вспоминать это время. Мое поколение – дети войны. У нас не было оружия в руках, мы не участвовали в боях. Мы были в гетто, в концлагерях. И этого нам хватило.

Мы пухли от голода, подбирали картофельные очистки. Нам изредка выдавали чечевицу. Рискуя жизнью, удавалось выменивать у местных крестьян-украинцев за сохранившиеся вещи крохи продуктов. Из сострадания добрым людям удавалось передавать через колючую проволоку пару картофелин, краюху хлеба, чтобы как-то помочь знакомому или незнакомому еврею.

Детская память цепкая. Жаркое лето 1941 года в Приднестровье. Провинциальный город [Могилев-Подольский](#)¹ на [Винницине](#) на берегу Днестра. Здесь, на окраине города, в окружении соседей-украинцев проживала моя семья. Отец, мать, бабушка, мамина сестра с ребенком и я. В семье бухгалтеров жизнь была не роскошной. Я была единственным и болезненным ребенком. Жизнь проходила однообразно. Родители работали с утра и до позднего вечера.

Семья была в меру религиозна. Скромно отмечали еврейские праздники. На чердаке, в специальном сундуке, хранилась пасхальная посуда. Бабушка молилась дома, зажигала свечи, рассказывала внукам библейские притчи. Папа на рассвете уходил в законспирированную синагогу, ибо власти запрещали иудейскую религию.

Но внезапно все рухнуло. В июне 1941 года из чернобумажного репродуктора сообщили о нападении фашистской [Германии](#), о начале войны.

Летняя тишина наполнилась гулом вражеских самолетов. Начались бомбежки железнодорожного моста через Днестр. Поднялась паника среди мирного населения. Люди старались уйти от этого ужаса. По дорогам двигались войска Красной Армии. Кто в бой, кто отступал. По обочинам дороги шли беженцы, в том числе и мои родители, которые несли меня, переболевшую, на руках. Но далеко уйти пешком не удалось.

Сначала остановились в селе [Озаринцы](#)² в 12 км от города, а потом пошли в райцентр [Шаргород](#)³. Думали, что дальше враг не пойдет, ведь пропаганда уверяла, что Красная Армия непобедима, и враг будет разбит. Нас провожали взгляды крестьян: кто с жалостью, а кто со злорадной усмешкой – «мол, некуда вам бежать – вас по шкуре узнают».

В [Шаргороде](#) нас обогнали фашисты, и родители решили глухими дорогами в ночное время вернуться обратно в [Могилев-Подольский](#). На окраине города набрали на одинокого немецкого автоматчика с железным щитом на груди. Мой папа ему не понравился, и он с криком «Юде!» направил на него автомат, но наш дружный плач, мольбы возымели свое действие. Это было первое испытание страхом и жестокостью.

Наш дом оказался разграбленным до основания. Валялись на полу клочья разорванных фотографий, которые я храню до сих пор.

Рядом с нашим домом проходила магистральная дорога на [Винницу](#), недалеко от которой создали для евреев лагерь [Печора](#)⁴. В [Печору](#) гнали колонны евреев из [Молдавии](#), [Румынии](#). Охранники с овчарками стерегли этот лагерь, где людей ждала одна участь – смерть.

Однажды из колонны мои родители успели вывести престарелую женщину с дочерью, которых мы приютили в нашей семье.

Часть депортированных евреев временно оставили в нашем городе. Создали гетто, оградив его колючей проволокой. Евреи обязаны были носить на спине и на рукаве желтую звезду Давида.

Пули, голод, тиф косили людей. Нашу семью переселили в гетто, так как наш дом оказался вне его границ. В наш дом вселился зловеще-мстительный начальник городской полиции Степанов. Нас втиснули в дом, ранее служивший для офицерских семей, по улице Виноградской. Обитателями дома стали депортированные евреи и несколько местных семейств.

Со всех сторон сыпались угрозы, издевательства. Редко попадались люди сочувствующие. Однажды меня пожалел венгерский солдат, отсыпал котелок каши. Благо, что их часть располагалась рядом с границей гетто.

Нашу семью разделили: бабушку и тетю с ребенком разместили в другом конце гетто вместе с матерью и дочкой, которых мы приютили.

Сочувствуя нашей семье, находившейся в опасном положении, изредка стали помогать нам ранее работавшие с моим отцом украинцы. Они стали передавать нам через колючую проволоку понемногу картофеля, крупы. Отец мой имел ножницы-кусачки, которыми прорезал проволоку ограждения и сделал небольшой лаз. Рискуя быть пойманным, пробирался через этот лаз к кому-нибудь из друзей-украинцев за продуктами для нашей семьи. Чаще одевали меня под крестьянскую девочку. В белом платочке я и пролезала через лаз.

В нашей комнатухе – 8 квадратных метров – проживало пять человек. Да еще стояла самодельная железная печка-буржуйка с трубой, которая выходила в окно. У этой печки мы грелись зимой и готовили пищу, когда было из чего готовить. Топливом служила шелуха подсолнечника (лузга), которую в ограниченном количестве смогли нам передать друзья отца. Я впрягалась в саночки и везла часть этого топлива на другой конец гетто – бабушке. Так было безопаснее. Да и взрослые были заняты на принудительных работах.

Однажды зимой во время перевозки топлива наблюдала страшную картину. Огромную колонну изнуренных евреев гнали в концлагерь конвойные с овчарками. Помня наказ родителей, я спряталась за каменным забором какого-то дома и с ужасом смотрела на проходящих.

Потом наступила и наша очередь идти в концлагерь [Печора](#). Но папины друзья-украинцы смогли уговорить местную полицию, и нас как «рабсилу» использовали на разных работах. Чтобы обезопасить нашу семью, нас прятали в глубоком погребе позади бочек и всякой рухляди. Изредка зажигали свечку-коптилку, но и она гасла без достаточного количества воздуха.

Мы бесконечно благодарны за наше спасение бывшему сослуживцу моего отца Василию Бойко, светлая ему память.

Особая опасность грозила жителям гетто в последнее время перед освобождением. Немцы и их союзники румыны просто озверели, мстили за поражения на фронтах.

19 марта 1944 года нас освободила Красная Армия. Мы выбрались из погреба и устремились к своему дому. Во дворе стоял советский танк. Красноармейцы усадили меня на броню танка и дали радионаушники, и я впервые услышала голос диктора Всесоюзного радио Левитана.

Начальник полиции, проживавший в нашем доме, бежал с фашистами, оставив награбленное, которое тут же вывезли новые местные власти. Дом оказался пустым опять, но соседи-украинцы, грабившие наш дом, вернули нам кое-что из вещей.

Папа сразу был призван в армию. День Победы он встретил в [Румынии](#). Демобилизовался только в 1946 году. Снежным утром я брела в школу и увидела возвращающегося моего отца, в солдатской шинели и с тощим вещмешком на плече.

В школе я училась писать огрызком карандаша на старых газетах, на исписанных листах бумаги. Училась с жадностью. Мне шел уже десятый год, а я впервые познавала школьные азы. Школу окончила в 1952 году с хорошими результатами. В Львовский мединститут меня не приняли, так как в это время разворачивались события с «врачами-убийцами в белых халатах».

С отличными оценками зачислили в Львовский университет на классическую филологию. По окончании университета я 3 года работала в сельской школе, а затем 33 года – в Витебской ветеринарной академии старшим преподавателем латинского и немецкого языков.

Забвению не подлежит. – Мельбурн, 2003. – С. 159–162.

«ДВА ГОДА МЫ БЫЛИ В ПОДВАЛЬНОМ ПОМЕЩЕНИИ...»

ШВАРЦМАН Ревекка (КИСЕЛЕВА Раиса) (1921 г.)

Я, Шварцман Ревекка Ароновна и Киселева Раиса Антоновна, есть одно и то же лицо, родилась 10 ноября 1921 г.

19 сентября 1941 г, немцы оккупировали город Киев¹. 10 дней, находясь на оккупированной территории, мы жили в тревоге. Случаи страшные, но деваться было некуда. Я видела ужасное зрелище. Я шла на руках с маленьким сыном Вячеславом по бульвару Шевченко, и видела, как немецкий офицер натравлял собаку породы овчарка на еврейского парня. Собака вырывала куски его тела. Он упал, потерял сознание и после чего умер. Затем я видела, как по Брест-Литовскому шоссе немецкий конвой гнал военнопленных. Тысячи их были – полуголые и босые с лопатами в руках. Там были украинцы, русские и много молодых еврейских парней. Гнали их в сторону Лукьяновского кладбища. Замученным, голодным людям бросали куски хлеба, кто успевал поднимать по дороге хлеб – лежал потом на шоссе убитым.

Молодые ребята, бежавшие за военнопленными и вернувшись оттуда, рассказывали, что они копали ямы, после чего немецкие солдаты расстреливали их и сбрасывали в эти ямы. Люди на шоссе, узнав об этом, очень плакали, а мы, еврейская семья, больше всех при виде этой сцены, боялись, что эта беда дойдет и до нас.

И вот наступил наш черед. 28 сентября были вывешены объявления, в которых говорилось, что все «жиды» города Киева и его окрестностей должны явиться 29 сентября, в понедельник, к 8 часам утра, на угол Мельника и Доктеривской улиц. Они должны иметь при себе документы, деньги, ценности и теплую одежду. За неявку – расстрел.

Я с ребенком Славиком оставила свою квартиру, где мы проживали (Боршаговский пер. 24, кв. 5). Сестра Сонечка с двумя детьми (Алику было 2 года, Неле – 3 года) оставила свою квартиру по улице Львовской, 1, кв. 4, и пришли со своими родителями Шварцманами на улицу Брест-Литовское шоссе, 17. Еще сестра папы Полина Шварцман с мужем Велвелом и тремя детьми (сын

и две дочки) пришли с улицы Чкалова на Брест-Литовское шоссе, 17. Мы всю ночь с 28 на 29 сентября, плакали.

На следующий день, утром, забежал к нам в квартиру немецкий солдат и начал кричать и выгонять нас из квартиры, как будто ему кто-то подсказал, что здесь еврейская семья живет. Мы поняли, что кто-то указал, поднялись и вышли во двор. Подошли к нам соседи, плакали вместе с нами и прощались. Мы ведь вместе выросли, выросли вместе и наши дети. Соседка тетя Паша пошла с дочерьми Леночкой и Валею нас проводить. Мы все шли по Брест-Литовскому шоссе плакали, несли детей на руках. Завернули по улице Керосинной, и вышли на улицу Мельника.

По дороге и шоссе шло много людей, везли вещи и парализованных на тачках. Немецкие каратели ехали на мотоциклах с пулеметами на плечах и на груди их блестели цепи с какими-то орлами. Лица их были смеющиеся, а мы шли, плакали, не знали, куда мы идем. Уже подошли к Бабьему Яру. Там заслоном стояли немецкие солдаты и подгоняли людей. Соседи с нами попрощались и быстро вернулись, а девочки Леночка и Валечка понесли Славика на руках дальше. С нами они потом тоже попрощались, отдали мальчика.

Немецкий солдат обратил внимание на нас. На руках у меня был маленький белообрый ребенок, и он обратился ко мне: «Юда?» Я ответила: «Я, пан». Он проговорил: «Цурюк, капут, шейн блонд клейн кинд, цурюк». Мы с сестрой Сонечкой поняли, что он подсказал, что нужно убежать, он чуть не вытолкнул нас из толпы. Я со Славиком еле выбралась из толпы, забыв о родных. Мы очутились на кладбище и спрятались в склепе. День 29 сентября был жаркий, а в склепе холодно. Мы пересидели там.

На рассвете мы выбралась на дорогу, и я побежала в село Крюковщина. Там жили Милания с тремя мальчиками и Ирина с дочкой Маней. Они до войны приходили на Шулявку, на маленький базарчик, к нам в дом заходили, носили козье молоко.

Они нас приютили, и мы два месяца были у них в подвале. А потом они прочли на станции объявление о том, что, кто будет прятать евреев, будут расстреляны вместе с евреями. Они испугались и отказали нам в дальнейшем пребывании. Дали нам два пирожка и бутылку молока, и мы ушли на Киев.

По дороге я вспомнила, что по улице Пушкинской, 25, жили мамини приятели Радченки Ганна Ивановна и Савелий Климен-

тьевич. Они были бездетные, верующие люди. Я к ним направилась с ребенком на руках. Они открыли, пустили, покормили. И я попросила, чтобы они забрали у меня ребенка, а я пойду, чтобы меня расстреляли, так как некуда было деваться.

Мы у них переночевали. Ганна Ивановна поговорила с близкими людьми: Нечаем, Лузановым, Олексеевич. Они разместили нас в подвальном помещении, забрали ребенка и покрестили его в Свято-Троицкой церкви. Сожгли мой паспорт, в котором было написано Шварцман Реввека Ароновна, сделали мне новый паспорт на фамилию мужа Киселева, сменили имя и отчество на Раису Антоновну, написали «украинка» вместо «еврейка», и все подписались на случай облавы, так как немцы проверяли. Затем они поместили нас в подвальное помещение по улице Пушкинской, 2.

Два года мы были в подвальном помещении. Нас кормили, помогали как могли. Я плакала и просила Бога, чтобы Бог помог немецкому солдату, который нас спас от Бабьего Яра, чтобы он остался живой, и чтобы мать его встретила живого и здорового.

6 ноября 1943 года советские войска освободили Киев. Мы со Славиком ушли на улицу Львовскую, где жила сестра Сонечка. Свекровь рассказала, что сестра последовала моему примеру и тоже сбежала из Бабьего Яра с двумя детьми. Дедушка и бабушка Воиновы – русские люди, скрывали внуков Алика и Нелечку до Нового года, а накануне Нового года Сонечка вывела своих двоих детей во двор. Молодая соседка завела во двор немецкого офицера на празднование Нового года. Он увидел Сонечку и пригласил ее на встречу Нового года, а Сонечка отказалась, сказав, что у нее маленькие дети. Соседка ему объяснила, что она жидовка. Офицер ничего не ответил, и на завтра прислал душегубку, Сонечку и детей забрали и отвезли в Бабий Яр.

Затем я пошла на Борщаговский переулок, 24. Дом был разбит. Негде было жить, и я пошла на Брест-Литовское шоссе, 17. Там была когда-то мама.

Благодаря русским и украинским людям: Радченкам, Лузанову, Олексеевич (Царство им Небесное, и спасибо им), Юлию Нечаю, Елене Звеняцкой и их детям за то, что спасали нас.

Затем я через суд восстановила свое имя – Шварцман Ревекка Ароновна.

«ЖИЗНЬ В ГЕТТО БЫЛА УЖАСНОЙ»

ШВЕЙБИШ Рита (1936 г.)

«Только берегись и тщательно храни душу твою, чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои, и чтобы они не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей; и поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих»...

(Второзаконие 4:9-10)

Я родилась 30 августа 1936 года в местечке Тульчин.

До войны в Тульчине проживали в основном евреи, а также поляки и украинцы, жили дружно, без конфликта.

Когда началась война, первым долгом фашисты взялись за евреев. Организовали в Тульчине¹ гетто, и тут-то все началось. Жизнь в гетто была ужасной. Никого никуда не выпускали, люди не имели ни воды, ни еды, ничего. Дети очень плакали, не было ни туалета, никаких условий, была большая скученность. Молодых женщин насиловали румынские солдаты. Многие бедные женщины не выдерживали насилия и умирали. Мужчинам евреям выдергивали бороды.

В Тульчине имеются две братские могилы невинных жертв, павших от гитлеровских рук.

В начале декабря 1941 года нас перевели в бывшую еврейскую школу. Там нас держали трое суток. Всем сделали какие-то прививки, чтобы мы заболели тифом. Потом нас погнали в баню. Одежда была возвращена вся мокрая и вшивая. Вечером, 7 декабря 1941 г., всю мою семью и других евреев Тульчина этапом погнали в Печору... Эта дорога стала для угнанных евреев «дорогой смерти». Нас сопровождали немцы на мотоциклах и

полицей с овчарками. Тех, кто не мог идти – стариков и детей – убывали сразу.

Ночевали мы в конюшне села [Торков](#): ни окон, ни дверей, даже крыши не было. Можете себе представить, как мы там спали... Люди спали стоя, была большая скученность. Меня мои родители, дедушки, бабушки, родственники, все по очереди держали на руках.

Утром 8 декабря уже было много трупов: особенно детей и стариков. Нас было 8 тысяч. Пригнали нас в [Печору](#)², открыли ворота, с обеих сторон были вышки, на вышках – полицей. Выхода никакого не было, еды, воды не было и даже не было туалетов.

Когда нас гнали в лагерь, папа мой выменял скатерть на хлеб. И тут же наехала машина фашистов, их было трое, все трое выстрелили и убили отца.

Через месяц умерла моя мама от болезни, от голода, от горя. Я своих родителей помню, но не очень четко. Я осталась круглой сиротой в 5 лет. Был со мной еще брат, старше меня на 10 лет. Но он как бы помешался, забился в угол, ничего ему не надо было, его преследовала абсолютная апатия. Пришлось мне самой добывать еду для него и для себя.

...Я расскажу о лагере в [Печоре](#).

Этот узкий вход был зверским местом: здесь многих заключенных, которые бежали из лагеря и снова были пойманы, избивали до смерти охранники. Ворота и стены всегда были в крови. Теперь здесь намного больше деревьев. В [Печоре](#) моих родных погибло 23 человека. Остались только я и мой братик.

Всех евреев выгоняли к фонтану и там отделяли стариков и детей в одну сторону, молодежь – в другую. Молодых гнали на работу и потом убивали, а остальных убивали так.

В здании бывшего санатория было всего два этажа, очень большие комнаты, и туда полно напихали евреев. А по утрам вывозили оттуда очень много трупов. С левой стороны там есть подвал, туда свозили эти трупы. Дальше находились тифозные бараки. Фашисты брали детей и зверски били об дерево головой – на них пули было жалко. И мамы или умирали от разрыва сердца на месте, либо падали в обморок. Много матерей и маленьких детей погибли здесь – черепа детей валялось просто на земле.

Люди выползали сюда на четвереньках, было очень много парализованных, тут их и убивали. Они же когда-то были здоровые, нормальные люди, но нечеловеческие условия в концлагере привели их к инвалидности. То же случилось и с сестрой моего отца.

Тогда очень многие умирали от тифа. И по мере того, как те умирали, пригоняли из [Буковины](#), [Румынии](#) и [Бессарабии](#) других евреев. Они были чуть богаче нас. Они имели вещи, и крестьяне со всей области приходили к воротам и меняли продукты питания на одежду. А у меня ничего не было, я была полностью раздетая, абсолютно без всякой одежды, и я стояла у ворот с протянутой рукой и просила. В основном старушки украинки жалели меня, и давали, кто кусочек хлеба, кто свеклу, кто картошку, что-нибудь давали. Одна женщина бросила мне мешок и сказала: «Дитино, заліз туди, то ти хоч зігрієшся».

Охраняли нас в основном румынские полицей. Но приезжали очень часто немцы, они были на другой стороне Буга. Забирали молодых парней и девушек, увозили строить дорогу возле [Вороновиц](#), а потом их расстреливали. И когда люди умирали, а умирало очень много, то запрягали в сани узников, и волокли они мертвецов на гору, на кладбище, потому что до войны в местечке [Печоре](#) было и еврейское кладбище.

Так продолжалось до весны 1942 года. Потом из-за тифа началась эпидемия в селе. И тогда в лесу вырубали большую поляну и заставили копать ямы для евреев. Там, на кладбище, сначала хоронили в основном тульчинцев, а потом в лесу уже были и из [Могилева](#), и из [Черновцов](#), и из [Молдавии](#), и из [Румынии](#). Было уже много евреев из разных стран. Их тоже туда пригоняли, а там убивали или живьем закапывали.

С другой стороны Буга – немцы, у них были пулеметы. Немцы часто играли на гармошке и не давали набрать воды. Как только мы подходили – они сразу же стреляли. Вода в реке была красной от крови. Но нам вода была необходима, чтобы выжить, и мы старались как-то добыть ее. Дети доставали воду и давали людям в лагере в обмен на пищу.

Были случаи, что женщина из [Брацлава](#) умерла, у нее мертвой отрезали груди и съели. Очень сложно было выжить в этих нечеловеческих условиях. Чтобы что-то выпросить и как-то прожить, дети все-таки ухитрялись пролезть под высоким забором,

над которым еще и ряды проволоки. Мы были совсем маленькими, но все были с опухшими животиками, ножками, ручками.

Были разные полицаи, некоторые из них «более-менее». Был такой полицай Шурка Ружило. Так он, когда дежурил, выпускал детей, чтобы они хоть что-то выпросили. А были полицаи Сметанский, Семеренко, и еще Мишка с «кубанкой» – очень вредные, очень злые, очень жестокие. Они избивали, так избивали – аж до смерти.

Я однажды шла просить, ходила из дома в дом. Я ж не знала, кто где живет, и я попала в дом Сметанского. И его жена делала на веранде вареники. Я и говорю ей: «Тьотю, дайте що-небудь». А она, вместо того, чтобы сказать беги, позвала хозяина, и он топором ранил меня. Я полгода не могла встать на ноги.

Люди меня поддерживали. Делились последней крошечкой. Жена полицая Ружило приносила мне кушать, а ей говорят: «Зачем вы годуете цю жидівку?». А она отвечает: «Я годую Риту, а Г-сподь дасть мені дитину». Она потом родила.

Было очень сложно выжить, очень тяжело. Не передать словами мучения этих несчастных евреев. Там были только евреи, и наказание несли только за то, что они евреи. И тогда был приказ румынского правительства, чтобы больше не убивать, а мучить живьем. И наша яма осталась пустой.

После войны на могилах было насыпано очень мало земли. И там много валялось игрушек, черепков детских, ботинок, туфель и пр.

После освобождения мой брат пошел добровольцем в армию, а меня отдал в Тульчинский детдом. Мой братик погиб 18 апреля 1945 года, ему было всего 19 лет.

Осталось нас из лагеря триста человек. Когда пришла Советская Армия, мы все забились в подвал, там, где лежали мертвецы. А красноармейцы сказали: «Выходите, выходите, это Красная Армия! Вы свободны!». А мы не верили. А когда мы вышли, солдаты были на лошадях. Это была кавалерия. И мы начали целовать лошадей и лошадиные ноги, падали в обморок... Мы рассказали о полицаях, и Мишку «с кубанкой» они тут же застрелили.

Полицаи отсидели 25 лет и вернулись. Сметанский недавно только сдох. Я с ним после войны ни разу не встречалась. Я боялась его, боялась, что мне станет еще хуже.

В детдоме я часто болела, и все время скиталась по больницам. То в **Одессу**, то в **Винницу** меня направляли, то в **Гайсине** я лежала, то в **Тульчине**...

Дом наш в **Тульчине** разбомбили, и мне негде было жить, и никому я не была нужна.

Потом я окончила 7 классов и поступила в медицинское училище, работала в селе акушеркой. Затем я была медицинской сестрой в Тульчинской райбольнице. Вышла замуж, у меня два сына, четыре внука и одна правнучка. Проработала я больше 55 лет. Но я еще работаю и помогаю людям. Такая моя биография.

Надо верить в Б-га и в то, что Б-г поможет. А Б-г мне все время помогает. Ведь я осталась жить и прожила почти 70 лет после войны. Очень больно, очень жалко, что много детей, женщин, стариков погибло ни за что. И люди шли на смерть со словами молитвы «Шма Израэль».

Шли с сиддурями и молились, видели, что это был их конец, но все равно молились Б-гу.

На еврейском кладбище мы видим несколько больших, расположенных близко друг к другу, могил массового расстрела. Справа – прямоугольное поле, это еще одна огромная могила. Десятки тысяч людей похоронены здесь, и все – евреи.

Надпись на одной из могил: «На этом месте захоронены тысячи невинных евреев, которые умирали от расстрелов, издевательств, от голода, холода и болезней в период 1941–1944 гг. в концлагере села **Печора**».

Надпись на памятнике скорбящей еврейской матери: «Тысячи этих людей так и не увидели День Победы. Немецкие каты и полицаи нечеловеческим образом остановили им дыхание. Смерть детей, женщин, стариков нельзя описать словами. Ваши матери, отцы, братья, сестры похоронены здесь. Радуйтесь своей мирной и счастливой жизни. Пообещайте, что никогда не забудете и не дадите забыть другим о тех жертвах, которые похоронены здесь. Пусть память живет о них».

«Рожденные страдать? Помни слезы и скитания Избранного народа». – Винница, 2011. – С. 77–81.

«МОЯ МАМА И ВСЕ ЕВРЕИ ЗОЛОЧЕВА БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ...»

ШЕВЧЕНКО Леонид (1940 г.) (Описание событий со слов отца)

Я, Шевченко Леонид Яковлевич, родился 29 октября 1940 года в городе Наровля Гомельской области Белорусской ССР.

Отец – Шевченко Яков Матвеевич, 1916 года рождения.

Мама – Штумер Соня Моисеевна, 1913 года рождения.

В январе 1941 года отец вместе с матерью и со мной приехали в поселок Золочев Харьковской области.

Когда началась война, отца в июне 1941 года призвали в действующую армию, где он воевал в должности помощника командира бронепоезда в Особом железнодорожном батальоне 8 дивизиона войск НКВД Западного фронта. С июля 1941 по май 1945 гг. находился в плену у немцев в Германии в концлагере «Заксенхаузен». С мая по ноябрь 1945 года отец находился в 222 и 28 стрелковых полках 123 стрелковой дивизии ЮЖУрВО на спецпроверке. 22 ноября 1945 года в звании лейтенант был уволен в запас.

С января 1941 года я вместе с мамой проживал в поселке Золочев Харьковской области по улице Ярмарковой, 24.

В ноябре 1941 года всех евреев вместе с детьми согнали к сельсовету Золочева, но без родственников, проживающих с ними. Мне в то время был годик. Мама держала меня на руках. Возле сельсовета все, подлежащие расстрелу, были перерегистрированы и конвоированы за поселок, к месту расстрела.

У моей мамы в ушах были золотые серьги. Она вынула их, попросила кого-то из стоящих жителей поселка, отдав эти серь-

ги, чтобы взяли меня и спрятали. Так я был спасен от смерти. В тот же день моя мама и все евреи, проживающие в поселке Золочев, были расстреляны.

А я тайно был передан моей бабушке, Шевченко Марии Николаевне, 1885 года рождения, которая и прятала меня от немецких солдат и полицаев в подвале дома, вплоть до освобождения Золочева. Бабушка умерла в декабре 1946 года.

В том же, 1946 году, отец забрал меня в город Черновцы по месту работы. В 1959 г. я окончил индустриальный техникум. С 1959 по 1962 гг. служил в армии на Дальнем Востоке. В 1967 г. окончил Харьковский политехнический институт. С 1973 г. кандидат технических наук, с 1995 г. – доктор технических наук. С 2003 г. – академик Международной академии экологической безопасности жизнедеятельности. С 2007 года профессор Кембриджского университета Великобритании.

В 2006–2007 гг. включен в книгу автобиографических данных великих ученых Мира (Вашингтон).

В настоящее время пенсионер, не работаю.

В августе 2003 года в честь 60-летия освобождения Золочева открыт мемориал памяти жертв Холокоста, расстрелянных в Золочеве в 1941 г. во время оккупации фашистами. Ежегодно у мемориала проводятся митинги памяти.

«ВПЕРЕДИ ЖДАЛА СМЕРТЬ...»

ШИЙКА Кира

Фрагмент, с которого хочу начать свои воспоминания, запомнился на всю жизнь. Родители перенесли празднование моего дня рождения с 20 июня на 22 – воскресенье. Радость праздника омрачилась трагедией – объявлением о начале войны и бомбежкой [Киева](#).

Во всем нашем городе [Жмеринке](#)¹ [Винницкой](#) области началась паника. Мы, трое детей, отец и мать, начали собираться в эвакуацию. На десятые сутки были предоставлены товарные вагоны, но уехать нам не удалось, потому что перед самой нашей отправкой вернулся обгоревший состав предыдущего поезда, в котором дымились останки людей и имущества. Все, погрузившиеся в вагоны, стали в панике выгружаться. Всем стало понятно – ехать нельзя. Впереди ждала смерть. Мы вернулись домой.

После вторжения немецких войск в [Жмеринку](#) в июле 1941 года нам зачитали приказ, в котором говорилось, чтобы мы оставили свои дома и переселились в указанный район города – на улицу Урицкого. Нас поселили в дом, где в трех комнатах было тридцать человек.

Гетто оградили колючей проволокой. У ограды были повешены несколько евреев с надписью, что каждого, кто посмеет попытаться убежать или даже приблизиться к проволоке, ждет та же участь.

Ежедневно стали уводить людей на работы, в том числе и членов нашей семьи. Возвращались они изможденные, голодные, избитые. Однажды после земляных работ привели мою маму и толкнули ее в дом лицом вниз, окровавленную и изби-

тую. Мы с трудом ее подняли. Я этот эпизод хорошо помню. Брат пришел с разбитой губой, из ушей у него текла кровь. Постоянное чувство голода, холода, вечного детского страха сопровождало каждый день и каждый час.

Были такие дни, когда все население гетто, и стар и млад, выстраивались в колонну, а приехавшие полицаи выхватывали отдельных людей и загоняли их в конюшню. Это означало, что их забирают на верную смерть. Дети стояли в ужасе, вцепившись в своих матерей, не зная, кого схватят следующим.

В голоде, холоде и ужасе ожидания, что и нас может постигнуть участь тех, кто ушел и не вернулся, мы прожили до марта 1944 года, когда нас освободили советские войска.

«ДОРОГА БЫЛА УСЕЯНА ТРУПАМИ...»

ШИПИЦИНА Рима (1923 г.)

Я, Шипицина Рима Евсеевна (Бройтман Рива Овсеевна), родилась в 1923 году в бедной еврейской семье, в местечке [Петроверовка \(село Октябрьское – Жовтневое\) Одесской области](#).

В 1929 г. умер мой отец, и моя мать с четырьмя детьми, мал мала меньше, переехала к деду в местечко [Гросулово Одесской области](#). О своем тяжелом детстве и школьных годах я писать не буду – это тема для других воспоминаний. Отмечу только, что до войны у нас был небольшой дом и небольшое хозяйство (корова, 5 овец, коза и несколько кур). Мама и отчим работали в еврейском колхозе «Фрайгайт» и были вписаны в районную книгу почетных граждан местечка [Гросулово](#).

Окончив десятилетку на «отлично», в 1940 г. я поступила без экзаменов в Одесский мединститут.

22-го июня 1941 г. я узнала о начале войны от сокурсника. Ночью этого же дня [Одессу](#) бомбили. В условиях войны, в конце июня мне удалось окончить 1-й курс института.

Местечко [Гросулово](#)¹, ныне – райцентр [Великая Михайловка](#), расположено в 100 км от [Одессы](#). Мать очень беспокоилась обо мне и передала письмо с оказией, чтобы я немедленно приехала домой, так как нужно эвакуироваться.

Дома были: мать, Бройтман Бася Моисеевна, отчим, Ройтерштейн Рувим Моисеевич, и младший брат Шая – 14-ти лет. Старший брат Ньюма был на фронте, вскоре его следы затерялись (пропал без вести), старшая сестра с ребенком эвакуировалась из [Каунаса](#), а муж ее был кадровым офицером, погиб в 1943 г., под [Старой Руссой](#).

Собрав наш бедный скарб, мы через 3–4 дня эвакуировались, но лошади нам достались «доходяги». Естественно, на таком «экипаже» мы достигли аж Варваровского моста близ города [Николаева](#), где после страшных трехдневных боев очутились на оккупированной территории. И тут начались наши беды и напасти.

Когда бои затихли, и мы увидели немцев, мы растерялись, но мама была у нас оптимисткой и сказала, что нужно вернуться домой, в [Гросулово](#). Мы не успели отъехать и 2–3 км, как четыре бессарабских молдавана с бранью в адрес Сталина и СССР выкинули наш нехитрый скарб прямо среди поля и уехали на нашей подводе. Очень жалко было маминой швейной машинки (единственная ценная вещь).

Обратное шествие в [Гросулово](#) сопровождалось страхом и ужасами. Мама хотела видеть могилу нашего отца (а мы шли через село [Петроверовку](#)). На кладбище нам сказали, что нужно быстрее бежать, так как немцы заставляют евреев рыть большую яму, где вечером должны их всех расстрелять.

Мы с трудом вырвались из [Петроверовки](#) и пошли на [Чебриково](#). В [Чебриково](#) нас приютила семья немцев-колонистов. Мы у них прожили три недели, пока не появились румыны. Открылась стрельба, убивали евреев. Хозяева нам показали дорогу на [Гросулово](#). Это была тропа вдоль виноградников, чтобы не идти по шоссе

Мой отчим в колхозе работал брынзарем, в летнее время он жил в кошаре, в 3-х км от местечка. Туда мы и направились. В кошарах (землянках) уже прятались человек 30 евреев из нашего местечка в основном женщины с малыми детьми, старики. В землянке мы прожили несколько дней.

Туда случайно забрел один чабан по фамилии Панфилов. Отчим попросил его помочь нам в беде. Он «помог». К вечеру он привел отряд румынских солдат. Нас всех построили, заставляли поднять руки вверх, присесть, встать, лечь, снова встать. Они открыли стрельбу вокруг нас холостыми патронами. На утеху палачам, дети и женщины заходились в плаче. Наконец-то они нас построили в колонну, и повели в [Гросулово](#), где заперли на ночь в Доме культуры.

На следующий день нас отправили в город [Тирасполь](#), в лагерь, который был расположен на территории бывшего летнего театра. Там было много евреев из разных районов области и [Бессарабии](#). Крик, шум, кого-то избивали, кого-то грабили, особенно запомнились мне истошные крики рожавшей женщины, ужас, ужас...

Пришли румынские солдаты с офицером. Они отбирали молодых для работ. Я тоже попала в это число. Из нас образовали маленький концлагерь, охраняемый 4-мя румынскими солдатами. Работали посменно, убрали улицы, столовые и ресторан.

В начале декабря ко мне пробралась мама и сообщила, что их куда-то отправляют, кажется, к Южному Бугу. Больше я свою маму не видела.

В феврале 1942 г. наш лагерь тоже погнали к Бугу. Сначала нас пригнали в город [Березовку](#)², где мы присоединились к большому этапу евреев, направляемых из [Одессы в Доманевку](#)³. Народу было около 1,5–2 тысяч, гнали нас пешком. Зима была очень холодной. То и дело была слышна стрельба, стреляли спереди, сзади, слышно было крик, плач, стоны умирающих, проклятия...

Дорога от [Березовки](#) была усеяна трупами нашего и прежних этапов. Ночью, во время привала, мне удалось прорваться в какой-то сарай, чтобы немного отдохнуть. От усталости я не заметила, что уселась на замерзший труп. Только утром, при свете скупого зимнего дня, я увидела, на чем я просидела всю ночь.

Наконец-то нас привели в [Доманевку](#). Из этапа 1,5–2 тысяч евреев нас осталось не более 300. Не знаю, то ли молодость, то ли страх за жизнь, дали мне возможность выжить. В [Доманевке](#) нас привели в здание бывшего клуба, где на сцене штабелями (как дрова) лежали голые, застывшие трупы.

На следующий день мне повезло. Из совхоза села [Карловка](#)⁴ пришел какой-то полицай и отобрал 35 человек на работу, в их число и я попала. Голодали, трое суток не ели.

В марте месяце начался повальный сыпной тиф. Первой заболела 15-летняя Рива Лейбович из [Тирасполя](#). Я считала себя обязанной ухаживать за ней, ее я подняла (она осенью умерла), а сама свалилась. Один за другим стали болеть и остальные.

Всего нас было больных человек тридцать, а выжили после болезни только двое – я и Хая Бизикчук из [Маркулешт](#). У меня были тяжелые осложнения: сухая дистрофия, осложнение на сердце, гнили подколенные ямки.

Полицаям не терпелось нас послать на работу. В первый же день работы я грохнулась в обморок. Подружки меня оттянули за дом, где я и отлеживалась, заброшенная тряпками. К вечеру меня привели в лагерь, он располагался в бывших коровниках. В лагерь прибывали и прибывали евреи, но многие умирали от истощения и болезней.

Весна взяла свое. Это был уже апрель 1942 г. В теплый весенний день я вылезла из коровника к небольшому болотцу напиться воды. Крестьянка из села [Новоселовка](#), проходя мимо меня, перекрестилась и остановилась. Я была похожа на мертвеца. На мне было дешевое зимнее пальто. Мы с ней разговорились. За пальто она мне обещала принести каравай и 10 штук яиц, латанную, перелатанную кацавейку («все равно умрешь»). Она все принесла. Яйца я съела в один присест, а хлеб я спрятала под соломой, на которой спала. Ночью у меня украли хлеб. Я была обречена.

Однако были и добрые люди, которые меня подкармливали крошками. К лету я окрепла, хотя и выглядела 12-летней (а мне было уже 19 лет). Вскоре я вышла на работу. В это лето в наш Карловский совхоз пригнали человек 400–500 евреев из [Доманевки](#). Они должны были построить мост через речушку. Среди них я встретила свою подружку по [Тирасполю](#) Гителе. Ей было всего 15 лет. Ее родителей, как и моих, расстреляли в [Богдановке](#)⁵.

Детей среди пригнанных евреев не было. Оказывается, детей собрали в другом месте и держали их в свинарнике, где они ежедневно умирали десятками. То был настоящий лагерь смерти.

Я продолжала работать, нас выводили на работу под конвоем в поле, на огород. Летом 1942 года я случайно узнала, что 21 декабря 1941 г., в селе [Богдановка](#)⁵ [Доманевского района Одесской области](#), примерно в 30 км от [Карловки](#), были массовые расстрелы евреев, там погибли также мои родители и младший брат. Стреляли из черного соснового лесочка. Евреев ставили

на край глубокого рва, где круглосуточно горел неугасимый огонь, многие сгорали живьем, будучи только ранеными. Всего там погибло около 60 тысяч евреев в основном из [Одесской области](#) и из [Бессарабии](#).

Один человек мне сообщил, что старостой над уцелевшими евреями был мой сосед. Он был неплохим человеком – Коин Шойхет. В ненастный октябрьский день я решила бежать в [Богдановку](#). Шойхет где-то раздобыл мне старенький ватник и пару ботинок. Юбка на мне была из сплошных лоскутов, разумеется, на мне не было ни белья, ни платка, ни чулок. Кто-то донес полиции, что в лагере находятся «чужие евреи». Нас было всего трое «чужих»: я, старушка и девочка лет 12–13. Нас на ночь закрыли в погреб, а утром вывели во двор и били нагайкой. Мне досталось 25 ударов нагайкой. Как мы все это выдержали – не знаю.

Будучи в лагере, я узнала, что в [Богдановке](#) есть действующий партизанский отряд, врачом в этом отряде работал узник лагеря, некий Аккерман. В 1944 году его вместе с отрядом расстреляли, их выдал какой-то предатель. Я была знакома с девушкой Катей, которая мне, по секрету сообщила, что в [Семихатке](#) есть другой партизанский отряд, действующий в том районе.

После экзекуции нас отправили в Акмечетский лагерь смерти. Через три дня мне чудом удалось бежать. Я прибыла в лагерь [Карловка](#), моя подружка Гителе бросилась мне на шею, плакала от радости и тревоги. На работу мы ходили по очереди, ведь на несколько подружек полагалась пара ботинок.

Питались мы в лагере жидкой баландой, которую получали один раз в день. Осенью, когда снимали урожай с огородов, мы воровали картошку, фасоль, кукурузу, подсолнечник. За все годы жизни в лагере мы не видели ни соли, ни сахара, не говоря о жирах.

В конце марта 1944 г. приблизился фронт. Румыны бежали, перед самым отступлением немцы подожгли лагерь, амбар с зерном и даже водовозную деревянную бочку.

Испугавшись расстрела, я вместе с группой людей бежала из лагеря. Я помнила, что в селе [Поплавское](#) нашего района живет моя соученица Ольга Александровна Стоянова (ныне Евдокимова). Туда я прибежала оборванная, грязная, вшивая. Отец,

мать, Ольга и ее старшая сестра Нина Александровна (сейчас Н. А. Марчук), рискуя собственной жизнью, меня спасли.

После прихода Красной Армии в 1944 г. я восстановилась на 2-й курс Одесского мединститута, окончила его в 1948 году. Была направлена на работу в [Карагандинскую](#) область как бывшая на оккупированной территории во время войны. 35 лет работала врачом – рентгенологом.

Никогда, ни перед кем не скрывала, что находилась в оккупации, в концлагере и гетто.

В ОЗАРИНЦАХ НЕТ БОЛЬШЕ ЕВРЕЕВ

ШИСМАН Илья (1933 г.)

Подольское местечко [Озаринцы Могилев-Подольского района на Винницчине](#) – одно из старейших на [Украине](#), возникло примерно 600 лет тому назад.

Накануне Великой Отечественной здесь проживало множество евреев. Это были колхозники – члены еврейской артели, ремесленники, учителя. В [Озаринцах](#) до самого начала войны и в первый год после освобождения успешно функционировала еврейская начальная школа. Создал ее Наум Борисович Хандрос. Здесь я вместе с другими евреями-озаринчанами – будущими рабочими, инженерами, педагогами, врачами, конструкторами и учеными получила первые знания, можно сказать путевку в жизнь. Ее воспитанники – доктор физико-математических наук, профессор Я. А. Ройтберг, лауреат Ленинской премии конструктор М. М. Гольдберг, журналист, кинодраматург Б. Н. Хандрос и многие другие.

Мы, дети довоенных лет, учились в еврейской школе. У нас было счастливое детство, которое закончилось в июле 1941 года, когда в [Озаринцы](#)¹ вошли немцы (21 июля). В тот же день всех евреев – от мала до велика – согнали в синагогу, где нас в страшной духоте, без воды и пищи продержали два дня. Пошли слухи, что всех расстреляют или сожгут живыми.

Первыми вывели из синагоги группу молодых мужчин, которых под конвоем повели на работу. К вечеру следующего дня нас выпустили. При выходе из синагоги фашисты избивали всех взрослых и детей палками и дубинками, всем досталось – мне, брату, родителям. От сильного удара по голове скончалась моя бабушка Фира Шисман.

Через несколько дней от местных крестьян мы узнали о судьбе «угнанных на работу» мужчин и парней – в том числе о моем дяде, брате отца Пине Шисман и двоюродном брате Шлоймане Рикельмане. Их вывели в поле и расстреляли. Так пролилась невинная кровь.

А неделю спустя, 28 июля, наступила вторая кровавая суббота. В местечко на лошадях приехали пятеро румын-карателей. Как нам потом рассказали – «из Дикой дивизии». Они врываются в еврейские дома, ищут мужчин. Тех, кто не успел спрятаться, выводили на базарную площадь – всего 28 человек. Их не расстреляли. Нет, их резали как свиней, финками, наносили удары в грудь, живот, вырезали на спинах и лбах звезды... Увидели на запястье руки Ицика Энтина татуировку – якорь – и тут же срезают ее вместе с кожей. Ицику Фуксу выкололи глаза, отрезали бороду. Заглушая стоны окружающих, мясники-каратели кричали, что это их месть жидам за [Бессарабию](#) – и мыли руки, уже не знаю для чего, в образовавшейся кровавой луже. Эта бойня происходила у всех на глазах – стариков, женщин, детей...

В тот же день румынский офицер объявил, что все евреи местечка – узники лагеря. Они должны беспрекословно выполнять все приказы коменданта, ежедневно собираться на площади для проверки. Им запрещалось выходить за пределы местечка.

С этого дня началась наша жизнь в лагере-гетто с изнурительным ежедневным трудом на полях и в карьере. За малейшее нарушение режима узники избивались до смерти. Периодические налеты карателей на местечко заставляли всех прятаться в подвалах. Здесь умирали от голода, от страха. Именно так умер мой младший брат, пятилетний Ленья.

И длился этот голод и эти страхи до того самого дня, пока местечко не освободила Красная Армия...

Теперь в некогда веселом местечке [Озаринцы](#) нет ни одного еврея. Осталось лишь несколько покосившихся от времени домов под бурой черепицей и еврейское кладбище, где в братской могиле лежат замордованные фашистами евреи.

После войны средствами оставшихся в живых евреев на братских могилах установлены памятники.

ЖИВЫЕ ИЗ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

ШИСМАН Рена (1934 г.)

Наш век пронесся над планетой, как смерч, ибо, породив неслыханные прежде скорости, он оказался не только самым стремительным в прогрессе науки и техники, но, пожалуй, самым результативным по жестокости и насилию, самым масштабным по числу человеческих жертв. И пусть нас учили, что войны бывают справедливые и несправедливые передовых или отсталых классов, подлинная правда в другом: война это кровавая бойня и лучше о ней говорить, да не дай Б-г увидеть... Но порой, и разговор выше сил, и никакими словами не высказать боль воспоминаний. Разве что стихами Наума Коржавина:

Я жив. Дышу. Люблю людей.
Но жизнь бывает мне постыла,
Как только вспомню: это было –
Мужчины мучили детей.

И пусть уже давно (неужели давно) остыла зола в потушенных печах [Дахау](#) и [Майданека](#), а у тех детей – свои дети и внуки, но прошлое никак не уходит насовсем, не отпускает их, словно не разрешая все позабыть. Судьба ведь вещь невыясненная, и то, что случилось более чем полвека назад с другими, сегодня – наша общая беда, одно горе. Чтобы разделить его, вовсе не обязательно вспоминать о миллионах погибших, о разрушенной общине [Амстердама](#), где жил и творил Барух Спиноза, или уничтоженной Берлинской стены – родном доме Моисея Мендельсона... Бабий Яр, где тоже была уничтожена вся еврейская община [Киева](#), некогда с твердостью противостоящая кровавому навету на процессе Бейлиса, и с которого начинается счет

6 миллионов погибших – все равно это будет лишь перечисление наугад.

Увы, нам, возможно, понятнее и ближе уму и сердцу трагедия маленьких городков и местечек, где, гонимые по велению царя, евреи селились в черте оседлости и жили горькой и веселой своей жизнью, из поколения в поколение передавая трудовой опыт и душевное богатство. Неубитыми случайно остались немногие дети или, как именуют их ныне, малолетние узники гетто.

Одним из таких местечек на Подолии были [Озаринцы](#)¹ [Винницкой области](#) на берегу речушки Немия, где украинцы, поляки, евреи вместе выращивали хлеб, кормили скот, мастеровали. Если нужен был глиняный горшок для молока, шли к Айзеку-кривому. Доба Тверская торговала синькой, Бруха Зукина слыла лекаркой. А довоенный базар? Это был праздник! Крестьянки в белых с цветами по краям платочках восседали на камнях, разложив перед собой для продажи нехитрый свой товар. Основной мерой был десяток – десяток яиц, груш, яблок, картофеля. На базаре всегда было шумно, товар пробовали, рядом на «торговище», где продавали бычков, лошадей, индюшек или кур. Цены быстро падали, довольные продавцы и покупатели били по рукам. Нередко играл духовой оркестр. После базара люди любили зайти в домашний шинок, где не грех было пропустить «чарочку» с добротной еврейской закуской – рыбой, селедкой, варениками. Да, это был праздник!

Но уже через месяц после начала войны вся [Винницкая область](#) оказалась большим гетто.

Почти 400 лет простояла в [Озаринцах](#) синагога. 19 июля 1941 года туда согнали всех евреев местечка. Вечером вывели и расстреляли группу мужчин, на рассвете еще одну. Хоронить не разрешили. Позже туда пригоняли людей из [Бессарабии](#) и [Буковины](#).

День 28 июля стал второй кровавой субботой – фашисты любили символику. Тех мужчин, кто не успел спрятаться, резали, убивали на глазах у родственников, детей. Так погибли старый раввин, учитель, аптекарь и многие другие. Остальные умирали от голода и страха, посылая по ночам детей за ограду гетто в поисках еды.

Еще не было душегубок, они появились только в 1942-м, не было крематориев и «циклона» [Треблинки](#), [Освенцима](#).

В [Могилеве-Подольском](#) евреев уничтожали без применения достижений науки и техники. Те же, кто пытался сразу выехать на лошадях за пределы [Могилева-Подольского](#) в город [Тульчин](#), вынуждены были вернуться: немцы их опередили. И они тоже попали в гетто. Существование за колючей проволокой было на удивление однообразно: переключка – расстрелы, переключка – «выезды на работы» в поле, карьеры. После переключки из разных гетто колонны отправлялись в разные концлагеря. Из этого – в [Печору](#)...

Маленький Илюша Шисман видел, как умерла бабушка от удара по голове. Семилетняя Рена Иойнис вспоминает, что из колонны, в которой их с мамой и младшим братишкой гнали в Печорский лагерь смерти, ее выхватила чужая украинская женщина Ксения Волошина, а потом прятала и кормила белокурую еврейскую девочку у себя в [Ведничанах](#) до 1947 года. Пока не нашлась тетя, вернувшаяся из эвакуации. К тому времени Рена уже знала, что и папа пропал без вести на фронте. С тетей они оказались потом в [Черновцах](#), где было проще с жильем. Там она окончила финансовый техникум, работала и снова училась – заочно в финансово-кредитном институте.

Похоже, нет в этом мире ничего случайного – ни событий, ни встреч, ни любимых, ни подруг. Вот и Рена с Ильей, случайно встретившись, вдруг обнаружили, что и родители их давно друг друга знали, и каждый из них пережил свое гетто в Транснистрии (так называлась часть оккупированной территории [Украины](#) под управлением [Румынии](#)). Гетто, о каких в 1944 году написал Илья Эренбург:

Нас больше нет.
Остался только холод.
Трава кусается, и камень жжет.

По статистике в канун Второй мировой войны на [Украине](#) проживали 2,7 млн евреев – больше половины из них были уничтожены в годы Холокоста. Сколько их там теперь – сказать трудно... Известно лишь, что община [Украины](#) стареет, что нет

больше многих еврейских сел и местечек, как нет теперь евреев и в [Озаринцах](#).

Чудом спасшиеся потомки убитых живут ныне в [Израиле](#), [США](#), [Австралии](#), даже в [Германии](#). Каждого привела на чужбину собственная дорожка. Шисманы отдали своей стране по сорок лет трудовой жизни: Илья на транспорте – начальником отряда военизированной колонны, Рена – главным бухгалтером в Аптечном управлении; вырастили сына, дождались внуков.

Рена и Илья не так давно побывали в [Могилеве-Подольском](#), в [Озаринцах](#), где стараниями бывшихозаринчан (как и во многих других селах) установлен памятник жертвам фашистского геноцида – чтобы никто не был забыт, потому что мертвые живы, пока живые помнят о них.

Совсем недавно мне довелось услышать слова, которые, как мне кажется, впору привести в заключение: «Народ математиков, врачей и шахматистов больше не пойдет в концентрационные лагеря, гетто и газовые камеры. У агнца выросла львиная грива!».

«Я ВСЕ ПОМНЮ, ЧТО ВИДЕЛ И ПЕРЕЖИЛ»

ШКЛОВСКИЙ Л. П.

Мне было 7 лет, когда наш город *Лубны*¹ *Полтавской области* был оккупирован немецкими войсками.

Но я все помню, что видел и пережил. Город был сдан почти без боя. Еще ночью горожане разграбили магазины и склады. Шла война, и люди не имели запасов продовольствия. Начался страшный голод. Я это подчеркиваю, потому что люди умирали не только от пуль, но тысячами от голода.

И я начал промышлять, искать еду. Пока в городе находились войска и шли бои, можно было остатки еды раздобыть возле военно-полевых кухонь. Солдаты иногда давали детям остатки своей еды, хотя чаще отгоняли нас от котлов. Но можно было выследить, куда выбрасывают остатки, и там подобрать, если успеешь это сделать раньше собак.

Но фронт продвинулся на Восток, и это кончилось. Я понял, что около немецких казарм и госпиталей можно было кое-что найти в мусорниках. Но немцы запрещали гражданам подходить к своим домам – могли пристрелить. Но есть хотелось. И я, вооружившись увесистой палкой, прятался от немецких солдат, отбиваясь от собак, которые тоже искали еду и часто огрызались, нападали на немцев и на нас. Собак скоро немцы перестреляли.

Вот случай.

Я со своим другом, таким же сиротой и голодным, наблюдали в щели забора за немецкой казармой и мусоркой. В казарме находилась охранная рота с 8–12 собаками-овчарками.

Немцы варили собакам в ведрах большие куски мяса и кости

и, иногда, выставляли ведра около входа в казарму, чтобы пища остыла. Когда солдат ушел, мы через дыру в заборе бросились к казарме, схватили по куску мяса и стали убегать. Солдат увидел нас, но, пока он позвал часового с ружьем, мы уже перемахнули через забор.

И тут раздались два выстрела. Бежавший впереди меня товарищ (он был старше меня) через несколько шагов упал. Я пробежал мимо, но, подумав, может, он ранен, я остановился, подполз к нему. Я увидел у него кровь на щеке и шее. Но это было не пулевое ранение. Убегая, он не заметил проволочную оттяжку от электрического столба и врезался в нее головой, и потерял сознание. Я оттер его снегом, он очнулся, и мы убежали. Мясо мы не бросили. Остались с добычей.

«ЭТО БЫЛА СМЕРТЬ»

ШКОЛЬНИК Роза (1924 г.)

Я, Школьник Роза Ароновна, родилась в 1924 году в городе [Виннице](#).

Я, еврейка, оставшаяся в живых жительница [Винницы](#)¹, находилась вместе с моей матерью в занятой немецкими войсками области, и была свидетельницей жестоких расправ нацистов с еврейским населением.

Когда гитлеровцы устроили 19 сентября 1941 года в [Виннице](#) первый погром, я убежала из ямы, где в пятничанском лесу происходили расстрелы.

5 декабря 1941 года в [Виннице](#) были развешены объявления немецкой комендатуры: «Все евреи должны явиться на стадион для регистрации». Моя мать и я пошли. Больше чем 10 тысяч евреев зарегистрировались. Мы стояли там до вечера, потом нас отпустили.

В апреле 1942 года была издана новая немецкая команда о том, что 16 апреля все евреи должны были явиться на стадион, для отправки в гетто. Каждый еврей должен был взять с собой два одеяла и ценности.

Мы вышли из дома. Снаружи нас ожидали гестаповцы и местные полицейские. Они привели нас на стадион. Появились черные грузовые машины. Сначала затолкали в них детей, женщин и стариков. Это была смерть. Из всей массы евреев – больше чем 11.000 человек – отобрали тысячу специалистов, и их отправили в тюрьму.

Жизнь в тюрьме была жестокая, мы выполняли рабскую работу, нас избивали, расстреливали. Тюрьма была адом. Моя мать была застрелена, однако, мне удалось пережить это.

Я убежала из тюрьмы, попала в лагерь [Печора](#)², позже – в гетто в деревне [Красное](#)³.

После освобождения от немецкой оккупации в 1946 году я была свидетельницей при судебных разбирательствах против местных полицейских Барбира, Мороза и Щербачкого, которые были осуждены.

ПОЧЕМУ Я ОСТАЛСЯ ЖИВ...

ШЛАИН Беня (1927 г.)

Я, Шлаин Беня Исаакович, родился 8 марта 1927 г. на Подолье в пгт [Озаринцы Могилев-Подольского района Винницкой области](#) в семье сапожника. Окончил 4 класса начальной еврейской школы, продолжил учебу в украинской школе.

Через месяц после начала войны, 20 июля 1941 г., местечко было оккупировано немцами. Я вместе со средним братом и матерью попали в гетто. В тот же день всех евреев, взрослых и детей, согнали в синагогу, где продержали в страшной тесноте без еды и воды двое суток, постоянно угрожая взрывом и поджогом. Карателями отобрано 28 мужчин и расстреляно.

Через неделю, в кровавую субботу, проведена вторая акция – расстреляна и зарезана ножами еще большая группа евреев.

За время изоляции евреев в синагоге наш дом, как и большинство других, был полностью разграблен. Не осталось ни вещей, ни пищи.

С первых дней был установлен режим гетто: повязки с желтой шестиконечной звездой, издевательства, запрет пересечения границ местечка и другие ограничения. Отсутствовало всякое питание, люди побирались, ходили опухшими от голода, холода. Свищепствовали сыпной и брюшной тиф, которыми мы с братом переболели. Нас гнали на работу за 8 км на кирпичный завод без какого-либо питания. Постоянно проводились переключки-проверки с отбором мужчин и подростков в лагерь смерти [Печора](#). Нам удалось бежать.

Налеты карателей совершались постоянно, все время находились в страшном напряжении, ожидании беды. Прятались в оврагах, склепах польского кладбища, тайниках. Много раз я только чудом спасался от неминуемой гибели.

...Теперь мне 85 лет. Позади 55 лет, отданных служению в сфере медицины: 9 лет в отдаленном райцентре в качестве врача-хирурга самого широкого профиля, главврача района, затем 4 года общей и 42 года торакальной хирургии в городе [Хмельниц](#)

ком. Особенно памятны первые годы работы, годы становления врачом. В середине 50-х годов XX столетия мы с женой несколько лет были единственными врачами на весь район – земскими врачами! Через мою жизнь прошли тысячи больных, проведено множество разнообразных операций. И хотя уже шесть лет, как не работаю – во сне и наяву я продолжаю встречаться со своими пациентами. Поверьте – есть о чем вспомнить!

Однако и днем, и бессонными ночами не отпускают другие события-видения и кошмары 973 дней проведенных в гетто местечка **Озаринцы**, что в **Могилев-Подольском районе Винницкой области**. Мои воспоминания об этих днях изложены в двухтомнике моего земляка и очень близкого друга Б. Н. Хандроса «Местечко, которого нет». Моя помощь и поддержка автора отражена в предисловии к книгам. Опубликовано и мое послесловие.

Многие бывшие узники гетто и немецких концлагерей, победившие смерть, поделились своими воспоминаниями. С чувством солидарности и единомыслия, хочу коснуться темы, которая давно меня волнует, хотя, может, эта тема кому-то показаться неактуальной. Поводом является давнее, казалось бы, незначительное воспоминание. Был 1946 год. Я поступил в Черновицкий мединститут. В первые же дни на организационном собрании мне пришлось рассказать свою биографию (меня назначили старостой группы). Когда я упомянул о пребывании в гетто, сидящий в президиуме директор института Дмитрий Сергеевич Ловля, задал вопрос: «А почему вы остались жить?» Как я впоследствии узнал, доцент Д. С. Ловля был порядочным человеком, перенес репрессии 1937 года. Он явно имел в виду не почему, а как я остался живым. Однако вопрос «почему?» глубоко застрял в моей памяти навсегда. И неспроста. Неоднократно он возникал, читался в глазах моих собеседников. И ответ как бы сам собой подразумевался: гетто находилось в Транснистрии (Заднепровье), подвластной **Румынии!** Да, это имело место и определенную роль сыграло. Но, далеко не очевидную.

Участие **Румынии** в геноциде еврейского народа освещено недостаточно. О страшных испытаниях, которым подвергались узники гетто, постоянном страхе, ужасном голоде, холоде, повальном сыпном и брюшном тифе, дизентерии известно. Тем не

менее, звучат заявления, что румыны заслуживают, чуть ли не благодарности, так как, мол, не проводили акций массовых расстрелов.

Я свидетель того, что в первую субботу после оккупации, 26 июля 1941 года, в наше местечко прибыл отряд румын из «дикой» дивизии. Этот отряд устроил погром, румыны издевались над всеми попавшимися: отрезали бороды, вырезали звезды на лбу, а у кого были татуировки, вырезали их, а затем вывели на площадь 28 мужчин и, правда, не расстреляли, пожалели патроны. Просто зарезали финками и штыками.

Поздней осенью 1941-го румыны устроили изгнание евреев **Бессарабии**, **Северной Буковины** и некоторых областей **Румынии**. Через Днестр, город **Могилев-Подольский** путь пролегал в наше местечко. Липкая грязь и наступившие холода превратили дорогу для стариков, детей, больных в настоящий ад. Жестокость жандармов, сопровождавших этапы, не знала предела. Людей подгоняли прикладами по голове, больных и отстающих расстреливали, могли закопать еще живыми.

В нашем местечке был привал, ранним утром их гнали дальше. Мы стали выходить навстречу, помогали нести поклажу. Свидетельствую, что увиденное было страшным: вся дорога от **Могилева-Подольского** до нас, а это 10 км, была усеяна десятками замерзших трупов. Несомненно, на дальнейших этапах число жертв возрастало.

Впечатления об ужасном количестве погибших депортированных евреев описаны в книгах Бориса Забарко «Живыми остались только мы», трехтомнике «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста», «Мы хотели жить...» и др. Симптоматично также заявление румынского губернатора в **Бессарабии** Войкулеску в ноябре 1941 года: «В **Бессарабии** еврейская проблема решена!» Отличается ли это от решения еврейского вопроса немцами?

Румыны не проводили массовых расстрелов... Они решали вопрос по-другому: изуверски предоставили евреям возможность медленно, но неизбежно умирать. Не требовалось даже затрат на сооружение забора вокруг гетто: куда мы могли убежать? Да и переключки проводились регулярно. Палачам просто не хватало времени. К их огорчению не все узники гетто успели умереть.

У каждого из оставшихся в живых своя история. Нелегко дать однозначный ответ на вопрос, почему и как я остался жив в условиях режима гетто. Везение, судьба, «госпожа удача»? Провидение? Например, я не попал в синагогу, куда немцы согнали всех евреев местечка, где без еды, воды, в страшной тесноте они 2 дня провели в ожидании смерти. Уже были подвезены канистры с бензином. Одному Богу известно, почему поджог был отменен, отобрано несколько десятков мужчин, якобы на работу. О том, что их расстреляли на краю села, стало известно позже. Я же интуитивно спрятался в овраге.

Ничего не ведая и не испытывая страха, я, мальчишка 14 лет, с любопытством смотрел как по шоссе через местечко днем и ночью непрерывным потоком продвигались войска, военная техника. Однажды румынские солдаты остановились на обед и один из них, помню, немолодой, вручил мне кусок хлеба. Я надеялся, вдруг это повторится. Но однажды издалека увидел приближение группы румын, у переднего вроде чалмы на голове... Каким чутьем я почувствовал, что надо бежать? Это оказались каратели из той самой «дикой дивизии» и я мог оказаться их первой жертвой.

...Конец лета 1942 года. На площади собралось все население гетто. Идет вроде очередная переключка. Называют фамилию, следует сказать «Ргеш!» и перейти на другую сторону. Я обратил внимание, что мужчин группируют отдельно, меня определяют туда же (мне 15 лет, высокого роста). Что-то мне показалось неладным, воспользовавшись суматохой, я нырнул за здание универмага на краю площади и убежал. Этим избежал участи отправки в лагерь смерти [Печора](#), откуда никто живым в местечко не вернулся. Опять интуиция? Моему брату Хаиму, правда, удалось сбежать из колонны уже на вокзале [Могилева-Подольского](#)...

Трагикомический случай далее. В поисках места, где можно в очередной раз спрятаться при облаве, я попал в живописное польское кладбище, где было много деревьев, кустов сирени и вскрытых склепов. Находясь в склепе, услышал голоса и, выглянув, увидел группу румынских офицеров (их отличали большие головные уборы). Я успел скрыться за кустами, но оставил снаружи склепа принесенный с собой кусочек хлеба, завернутый

в бумагу. На следующий день все местечко гудело: на польском кладбище прятались партизаны! Приказано все склепы замуровать, все деревья и сирень вырубить! Что и было исполнено.

Чаще всего мы с братом прятались в тайнике («секрете»), который соорудили в своем доме. Кратко описать его трудно. Достаточно сказать, что вход-выход был через главный дымоход дома. Крышку люка мама засыпала жужелицей, пеплом. Найти тайник, мне кажется, было просто невозможно. Через стену мы слышали, как пытали маму, били шомполами, спрашивая: «*Unde baieti?*» – где хлопцы? Но разве мать выдаст детей?

Спасением от смерти, тому, что выжил, я обязан, прежде всего, моей матери. Благодаря ее героическим усилиям, ее уму и самоотверженности мы не погибли от голода, холода, сыпного тифа. Мать после всех перенесенных переживаний и страданий рано, в возрасте 55 лет, ушла из жизни, успев только, уже тяжело больной, увидеть свою мечту: вручение красного диплома врача «младшенькому» сыну сапожника. Я всегда ощущаю ее любовь и благословение.

А брат Хаим сразу после освобождения ушел добровольцем на фронт. Жажда немедленно отомстить немцам стоила ему жизни в первом же бою на территории [Румынии](#). Старший брат Исер был мобилизован еще в 1940 году, прошел через всю войну, был дважды ранен. Отец был репрессирован перед войной, освобожден в [Татарии](#) и служил в нестроевых войсках, умер годом раньше матери тоже в 55 лет.

Вновь и вновь прокручиваю в памяти пережитое... Как избежал встречи, а значит и смерти, с немцем, который минутой раньше застрелил возле нашего дома молодого парня, как убежал от полицейского, падал, вывихнув при этом правую руку, как был задержан румынским патрулем, посажен в подвал полиции города [Могилева-Подольского](#), но и оттуда вышел. Все еще свежо чувство страшного напряжения, постоянного ожидания беды.

Да, судьба была ко мне благосклонна. Спасибо Богу. Но, уверен, жить мы остались не благодаря [Румынии](#), не ПОТОМУ, а ВОПРОКИ ее стремлению погубить нас медленно, но неотвратимо. Говоря о роли [Румынии](#) в Холокосте нельзя забывать, что она была активным союзником фашисткой [Германии](#), ее войска

дошли до **Сталинграда**. Свой мандат на **Бессарабию** и огромную территорию между Днестром и Бугом, включая город **Одессу**, она получила в благодарность от немцев. Ее мечта о «*Romania mare*» – быть великой и свободной от евреев, не осуществилась. Осознав крах гитлеровской авантюры, **Румыния** к концу войны вернула небольшую часть изгнанных евреев обратно, а после поражения объявила о переходе на сторону союзников.

Однако это ни в какой мере не оправдывает и не реабилитирует преступников перед миром и тысячами погибших. Многие страны **Европы** извинились перед евреями за участие их граждан в Холокосте. Сделала ли это **Румыния**? Нельзя предать забвению память о пережитом. Надеюсь, компетентные исследователи дадут должную оценку всем участникам геноцида еврейского народа, чтобы избежать повторения ужасных страниц истории.

ЭТО БЫЛО ПОД ОДЕССОЙ...

ШЛАКМАН Жанна (1930 г.)

Я родилась под **Одессой**, в таком прекрасном и солнечном местечке, как **Кривое Озеро**¹. Нас было четверо детей в семье портного Абрама Шлакмана. Это был золотой человек, он имел маленькую пошивочную мастерскую, куда приходили евреи, русские, украинцы, чтобы Абрам Шлакман сшил им великолепный костюм. У нас был свой дом, вокруг которого цвели вишни, и когда они созревали, птицы не давали нам покоя, потому что вишни были тугие, сочные, налитые алым соком и южным солнцем.

– Софа, – говорил отец маме. – Мы так счастливо живем, что я опасуюсь, как бы мы не забыли синагогу.

Абрам Шлакман был верующий человек, и все еврей-ремесленники в нашем местечке имели большую любовь к Богу. Это были выдающиеся люди: портные, сапожники, краснодеревщики. С украинцами и русскими они жили дружно, и никто не делал никому что-нибудь паршивое.

Когда началась война – я помню смутно. Помню только, как мама крикнула отцу, вбегая в дом: «Абрам, кажется, сюда идут фашисты!», и ножницы, большие серебристые ножницы, упали к ногам отца, как подбитая птица.

Еще помню, как в темном холодном погребе нашего дома с чадающей керосиновой лампой под потолком собралось несколько еврейских семей. Мы сидели, затаив дыхание, и слушали, как где-то наверху бьют орудия. Потом все стихло, и над нашими головами топали подковы солдатских сапог. Мы не ели несколько суток, и Леник, мой младший брат, стал плакать и кричать от голода.

– Софа, – сказала наша соседка тетя Броня. – Софа, от вашего ребенка мы можем иметь много неприятностей.

– Тогда возьмите его, Броня, – сказала мама, – и задушите собственными руками.

Я помню, как заплакала тетя Броня и как запихивала она себе в рот пуховый платок, чтобы сделать свои рыдания беззвучными.

Потом наверху опять стало тихо, и мы по одному выбрались из погреба. В доме был ужасный беспорядок: все было разграблено, сломано.

Я тут же полезла на чердак, чтобы увидеть, что происходит в местечке. Я увидела залитую солнцем площадь, обрывки каких-то бумаг и в тени синагоги убитого старика-раввина. Он лежал на спине с желтым страшным лицом и вздернутой кверху седой бородой, которую нюхали бегавшие по площади собаки.

На чердак ко мне поднялся отец и отвернул мое лицо от пыльного окошка.

– Доча, – сказал отец. – Если Бог допустил, чтобы святой человек принимал такие мучения после смерти, то я заявляю, что Бога нет.

Безлунной ночью отец и двое его приятелей завернули тело старого раввина в половик и закопали на глинище, месте, откуда люди брали красную глину для строительства своих домов.

Мои воспоминания очень разорванные, детская память хорошо защищена природой, поэтому в черной цепи этих ужасов у меня возникают спасательные пробелы.

Я помню, как в наше местечко прибыл отряд эсэсовцев. Эти солдаты имели зеленые мундиры с закатанными рукавами, словно готовились к большой работе. Но закатанные рукава им нужны были для того, чтобы удобнее было пользоваться автоматом.

На рассвете к нам в дом пришли двое полицейских. Я назову их фамилии, потому что эти люди, как потом выяснилось, были связаны с партизанами. Это были местные жители: Полтавский и Чернецкий. Они сообщили, что всех евреев забирают в гетто, а оттуда по этапу доставляют в лагерь смерти.

Они нас вывели в соседнюю деревню и спрятали у добрых людей. Отец стеснялся кушать чужое, он говорил: «Я вам буду бесплатно шить, а вы давайте моим детям кусок хлеба».

Наша семья оказалась разбросанной: всех вместе нас прятать было невозможно. Я и моя сестра Чара попали в дом стариков Гудзовских. Днем мы сидели в клуне, а ночью приходили в хату.

Могу ли я передать словами то золотое сердце, которое имели эти люди?

Бабушка Гудзовская, старуха с ласковым лицом и глазами голубиной нежности, совала в наши грязные ладошки теплые маслянистые драники, а дед тихо молился в углу, чтобы Христос спас двух ни в чем неповинных «диток».

Кажется, я заболела тифом первой. Я лежала под образами, почти мертвая, стриженная, в белой сорочке дочери Гудзовских, и свеча уже горела у моего изголовья. Потом заболели Чара и дочь Гудзовских. Несколько месяцев выхаживали нас старики: обирали вшей, жгли одежду и поили горьким отваром, вкус которого до сих пор помнят мои губы. (Извините, но тут я хочу сделать маленькую передышку, потому что у меня колотится сердце.)

...Нас с Чарой забрали в гетто зимой. Кто-то доложил и утром полицейские вышвырнули нас, ослабленных, не имеющих теплых вещей, из хаты на снег.

В это время на нашей территории хозяйничали румынские фашисты: немцы ушли дальше, за реку Буг. В гетто мы с Чарой встретили свою семью. И тут в нашей судьбе появляется такая зловещая фигура, что у меня даже нет сил думать о нем спокойно. Я не могу назвать его человеком, хотя у него и было имя. Юзик Канц, еврей, фашистский прихвостень, занимающий в гетто должность бригадира. Я опишу его внешние данные, потому что в конце своего рассказа я еще к ним вернусь.

Юзик Канц был молодой человек невысокого роста, скорее маленького, у него был хищный орлиный нос и глубоко сидящие обезьяньи глазки. У него была походка зверя и голос евнуха. Юзик Канц выслуживался тем, что обладал привычкой доносить на неудобных для него евреев, и тех потом отправляли в лагерь смерти. Он разнюхал, что Чернецкий поддерживает связь с портным Абрамом Шлакманом. Моего отца и Чернецкого забрали в тираспольскую тюрьму и там, в весенний день, расстреляли, бросив тела в наспех вырытую яму.

Потом Юзик Канц взялся за нас. Неподалеку от [Кривого Озера](#) находился лагерь смерти под названием [Акмечетка](#). Туда сгоняли больных, детей и немощных стариков. Юзик Канц отправил в [Акмечетку](#) меня и старшего брата Мишу, а маму с братом и сестрой – в другой лагерь смерти.

[Акмечетка](#)² сорок второго года... Весь двор за колючей проволокой был усеян телами полуголых истощенных людей. Они лежали на сухой, без единой травинки, вытоптанной земле, и когда солнце освещало эти полуживые скелеты, то можно было видеть, как работают их организмы. Люди за кусок хлеба выменяли всю одежду. Там были: неподвижные старухи, прикрывающие седыми космами высохшие черные груди, старики со злыми слезящимися глазами, отталкивающие детей и старух острыми, как ножи, локтями, когда привозили (раз в день) дымящееся пойло.

Там были дети, передвигающиеся по двору на четвереньках. Там были люди, не похожие на людей, переставшие быть ими.

У самой колючей проволоки я заметила кустик травы. Это была зеленая, свежая весенняя трава. Я бросилась к ней, и мой брат сделал то же. Проволока срывала кожу с ладоней, кровь капала на траву (я не знаю, можно ли это читать?!), но мы выдирали ее с корнем, с землей и запихивали в рот, давясь до слез тяжелой клейкой массой.

Потом нас били два грязных старика. Они увидели, что мы жуем, что челюсти наши работают, и это послужило сигналом для нападения. Я до сих пор помню запекшиеся в белой слизи глаза этого старого еврея. Он ударил меня по лицу наотмашь, но я не упала: сухой, будто отполированный кулачок только скользнул по моему лицу – сил у старика больше не было. Но мой брат Миша был сильнее, ему было четырнадцать лет, и он набросился на стариков, и те легли на землю и стали плакать.

– Собаки! – кричал Миша и тоже плакал. – Я разнесу ваши поганые головы, потому что в них не осталось ничего человеческого.

...Люди-люди, кто виноват в том, что в какой-то момент мы превращаемся в животных? Кто придумал войну и когда? Я знаю, я имею право говорить так: первым, кто придумал войну, был не человек, это было животное...

В ту весну сорок второго мы с Мишей совершили побег из [Акмечетки](#). Мы поняли, что не выживем там, и однажды ночью проползли под проволокой.

Нам нужно было уходить, прятаться, а мы вернулись в гетто, надеясь встретить там нашу семью. Но их там уже не было. Зато Юзик Канц оставался на месте. Он затащил нас с Мишей в сарай и долго бил. Мише он сломал косточку на ноге, и Миша долго не мог ходить. А меня опять отправил в [Акмечетку](#), но я сбежала с этапа. Со мной была еще одна девочка – Броня Бондарь, мы обходили деревни, прятались в перелесках, и однажды увидели, как на окраине хутора у большого рва расстреливали людей... Нет, этого я не могу вам передать... С тех пор я имею седые волосы и травму в сердце.

Потом я опять попала в гетто, но на этот раз Юзик Канц сдал меня румынским жандармам.

– Их вонючее семя связано с партизанами! – кричал он.

Боже, мой Боже, где ты был тогда? Жандарм ударом сапога повредил мне позвоночник...

Я замечательно помню эту дату: 28 марта 1944 года. Это был день нашего освобождения. Вся наша семья, кроме отца, встретила в доме Татьяны Билой, которая прятала нас тоже в начале оккупации. Это была такая радость, потому что я думала, что моих родных уже нет на этом свете. Мне до сих пор кажется, что этот день был ярким, теплым, что цвела сирень, было много цветов, и улыбки людей, как бабочки, летели от одного сердца к другому. Но мама спустя годы сказала: день был хмурый, накрапывал дождик, и цветов не было, потому что никто их не сажал во время войны...

Прошли годы. Память моя залечивала раны, но судьбе было угодно снова подготовить мне встречу с войной.

В мае 1989 года я поехала в гости к своей сестре Чаре в [Израиль](#), в город [Беер-Шева](#).

Чара позвала меня с собой в супер-магазин, в котором было изобилие. Она хотела, чтобы я от этой роскоши упала в обморок. Но когда я пришла в магазин, мне стало дурно по другой причине. В огромном зеркале у корзины, забитых пестрым товаром, я увидела отражение... Я увидела Юзика Канца! Седой маленький старик с орлиным носом катил перед собой тележку.

– Чара, – сказала я. – Чара, держи меня покрепче. Это Юзик Канц. Я не забуду эту фигуру до конца своих лет.

Мы подошли к продавщице, и сестра спросила ее, что это за человек с тележкой?

– Нет, – покачала головой продавщица. – Завут нашего работника не Юзик Канц. Он приехал из Советского Союза в пятьдесят шестом году.

– А был ли этот человек во время войны в Транснистрии, оккупированной территории? – спросила сестра.

– Да, – сказала продавщица. – В начале сороковых.

На следующий же день я обратилась в советское представительство, мне обещали помочь, но пояснили, что начинать розыски человека по фамилии Юзик Канц нужно в Советском Союзе. Приехав из Израиля, обратилась в КГБ, ездила на родину в Кривое Озеро, но, увы, следов этого человека мне пока не удалось разыскать. Многих свидетелей того времени уже нет в живых, а многие уехали за границу. Но я не теряю надежды: буду искать...

Записала Г. Вострикова.

«НАС ПРЯТАЛИ ХОРОШИЕ ЛЮДИ...»

ШЛАФЕР Галина (1929 г.)

Я, Шлафер (Хайтер) Галина Михайловна, родилась в 1929 году в городе Балта Одесской области.

К началу войны наша семья состояла из четырех человек. Отец, Хайтер Михаил Давыдович, мать, Хайтер Хума Янкелевна, брат Яков и я. Много было родственников, но, к сожалению, никого уже нет в живых.

Когда началась война, отец был мобилизован, а мы бежали. Нас настоящий ужас настиг в Одесской области, в селе Березовка¹, где на следующий день фашистами были собраны все евреи на базарной площади.

Но мы не пошли и отправились с большими трудностями домой, в Балту². Но едва добрались домой, как опять собрали всех евреев, и началась этапная высылка в лагерь смерти села Балановка, где мы были загнаны в сарай вместе с лошадьми. Многие дети были ими растоптаны.

На следующий день, мать взяла нас и сказала, что будем уходить. И ночью мы оттуда сбежали. Охраны не было, ведь мороз был свыше 40 градусов. Ходили мы несколько дней, блуждали, но нам помогали местные жители. Помню, у брата был приступ почеч, и он сказал, чтоб его оставили в степи, но мама сняла фуфайку, мы его положили на нее и так тянули брата по земле. Спали в стогах сена в поле.

С большими трудностями пришли домой, но тут начался следующий этап высылки. Мать взяла брата и успела сбежать. Я

осталась одна и, чтоб меня, ребенка, никто не увидел, я залезла в яму, где просидела два дня. Затем одна, не зная, где мать и брат, пошла в тот район, где работал отец. Меня увидела женщина, которая знала отца и забрала к себе. Но через три дня мне пришлось уйти, она боялась, что придут к ней немцы, .

Случайно встретила с братом, которого мама послала меня разыскать. Мы переночевали в заброшенном сарае, а едва начало светать, мы пошли в село, где нашли маму. Нас прятали хорошие люди. Каждый день мы бывали у разных людей и чем могли они нам помогали. Но пришло время, и нам надо было оттуда уходить. Мы вернулись опять домой, где было гетто.

Каждый день людей забирали, избивали, расстреливали. Забрали брата, но он сбежал. Жили мы подаяннем. Я брала торбу и, пользуясь тем, что была маленькой, ходила по домам, и кто чем мог, помогал. Особенно помню семью Гранат, которая, не смотря ни на что, проникала в лагерь и приносила нам пищу.

Спасло нас то, что в гетто началась эпидемия сыпного тифа и фашисты, боясь болезни, не заходили в лагерь.

Очень много людей умерло, ведь не было лекарств, холод и голод. У меня на ногах образовались язвы, ходить я не могла, и меня носили на руках. Как выжила, сама не знаю.

В начале весны 1944 г., когда советские войска приблизились к городу, в гетто ворвались фашисты, увели 80 человек, и сожгли их живьем в сарае. Передать этот ужас невозможно. Помню, как бегала девочка и кричала: «За что вы сожгли мою маму?». Впоследствии она сошла с ума.

В марте месяце город был освобожден, но немцы еще раз его бомбили и тут погиб мой брат.

Мама не могла смириться с потерей сына и до конца своей жизни прийти в себя. Писать обо всех страхах, унижениях не хватает сил.

«ФАШИСТЫ НЕ ЩАДИЛИ НИ ДЕТЕЙ, НИ СТАРИКОВ»

ШНАЙДЕРМАН Валентин (1937 г.)

Перед Великой Отечественной войной наша семья проживала в городе [Малая Виска](#)¹ Кировоградской области.

При приближении фронта к нашему городу мой отец, Шнайдерман Соломон Ефимович, был призван в Красную Армию. Уже тогда люди говорили о зверствах фашистов по отношению к евреям.

Попытка матери со мной и младшим братом эвакуироваться не удалась, и мы были вынуждены вернуться в [Малую Виску](#). Наша квартира в поселке сахарного завода была разграблена. Мы с матерью приютились у ее родителей, которые жили в частном доме.

В августе 1941 года фашисты вошли в город [Малая Виска](#). Начались гонения и облавы по «отлову» евреев. Пойманных людей собирали группами, вели на окраину (там был глубокий овраг) и расстреливали. Многих евреев живыми сбрасывали в колодцы. Фашисты не щадили ни детей, ни стариков.

Многие люди знали, что мы семья еврея. По рассказам мамы и бабушки, неоднократно были угрозы от местных антисемитов и прислужников фашистов выдать «жидовских детей». С каждым днем угроза быть схваченными и уничтоженными росла.

Под угрозой расстрела всем запрещалось укрывать евреев. Но, несмотря на это, находились добрые люди, которые шли на риск и прятали евреев. Мать прятала нас с братом и пряталась сама на окраине [Малой Виски](#) и в ближайших селах, где только можно было спрятаться.

В невероятно тяжелых условиях нам пришлось выживать до прихода Красной Армии в марте 1944 года.

Когда меня спрашивают, что осталось в памяти от тех страшных лет войны и фашистской оккупации, я вспоминаю постоянный страх, бомбежки, пожары, взрывы. Помню повешенного человека, разрушенные сахарный и спиртовой заводы, школу и Дворец культуры, построенные перед войной; взорванный железнодорожный мост. Люди говорили, что наступает конец света.

Я помню детей – учеников из нашей школы (они были старше меня), подорвавшихся на минах, снарядах, бомбах, оставленных немецкими фашистами.

Прошло много лет, но такое забыть невозможно.

Будь проклята война! Это не должно повториться!

«СТРАШНЫЕ ДНИ МОЕГО РАССТРЕЛЯННОГО ДЕТСТВА...»

ШНАЙДЕРМАН Лев

Мне кажется, что я помню все: в моей памяти всплывают давние истории моих далеких детских лет. И пусть многих событий моей жизни, волновавших то горечью, то отрадой, терзавших и возносивших душу, я коснусь только поверхностно, но обязательно кто-то так опишет все, чем мы жили в далеком детстве, опаленном войной, и каждый узнает себя в те годы.

Как бы там ни было, мне бы очень хотелось встретиться со своими старыми друзьями и знакомыми, которые еще живы и живут в моем старом-старом местечке [Тростянец](#) на [Винницчине](#). Хочется подойти к своему домику или хотя бы к тому месту, где стоял наш домик, посмотреть издали на наш местечковый парк, на речку и школу, прийти на старое-старое, почти разграбленное кладбище, где нашли вечный покой мои далекие родные, и положить свежие цветы...

Мне почему-то кажется, что так бывает со многими людьми, что чем старше я становлюсь, тем больше я начинаю скучать по местам моего детства. И все же я убежден, что у каждого старика приходит время, когда все больше хочется просто походить босиком по земле, где ты родился, подышать воздухом детства, посидеть с самыми дорогими людьми – твоими друзьями детства – и никакие моря-океаны не смогут заглушить это желание.

Я, наверное, никогда не смогу объяснить ни самому себе, ни кому-либо другому, почему после стольких прожитых лет я вспоминаю свое детство, свое родное еврейское местечко только как осень 1941 года, как осень начала нашего уничтожения. Да, я действительно помню и другие осени: осень золотую, тихую

почти как на картинах Левитана, ибо чем-то очень родным веет от милых с детства рыжих опушек, от голубоватых мягких холмов и недавно убранных полей.

Такая осень полна какого-то особого задумчивого покоя. И все же в моей памяти осталась осень моего расстрелянного детства. А может, это вовсе навеяно не памятью, а сегодняшней погодой, когда как-то по-особому воеет холодный ветер, моросит мелкий нудный дождь, и нет желания выходить на улицу, да и дома также не хочется чем бы то ни было заниматься. В такие минуты не хочется даже думать.

Мысли блуждают и тянутся, тянутся, тянутся... В такие минуты я решаюсь поваляться на диване и, представьте себе, иногда происходит чудо: охватывает приятное состояние, на сердце становится легко, точь-в-точь, как бывало когда-то в далеком детстве, когда приляжешь на топчан, где сидит мама. Она гладит твои волосы и тихо-тихо напевает колыбельную песенку. В эти минуты появляются крылья, которые уносят тебя именно туда, где ты был особенно счастлив, в ту чарующую страну радостных времен, поразительных раздумий и самых чистых помыслов. Эта страна – твой отчий дом, дорогое сердцу местечко, где жили твои родители, где много лет прожили твои бабушки и дедушки, где ты был беззаботно счастлив...

А может, вся прелесть в том, что в той прекрасной стране твоего детства остались самые удивительные места: сад у речки, где по вечерам слышались концерты лягушек; бабушкины сказки, в которых добро всегда побеждает зло; чарующие ночи, покрытые черно-синим небом и освещенные миллионами золотых и серебряных звезд. И начальная еврейская школа, в которой ты учился четыре года, а потом украинская средняя школа, где ты успел проучиться еще только два года...

А дальше – война... Но вот я просыпаюсь, и мне не хочется открывать глаза, чтобы еще хотя бы на миг задержать то прекрасное видение далекого детства, то неповторимое время красоты моей жизни. Но просыпаться надо, часто и звонко стучит мое сердце, а кругом кажется тихо-тихо. Я боюсь прикоснуться к этой тишине – мало ли что может случиться! Я боюсь раскрыть глаза, ибо снова услышу вой осеннего ветра, шум дождя и стук его капель о подоконник, напоминающие автоматные очереди в

том моем детстве, которое отобрала война, и почти телесно буду ощущать то страшное, голодное, расстрелянное детство, выпавшее на мою долю.

Несмотря на то, что мне уже скоро семьдесят, а от того моего детства я не могу отрешиться: оно встает перед моими глазами, и с каждым прожитым годом я все больше чувствую мою неразрывную связь с теми далекими днями. Я хочу хотя бы мысленно увидеть многих дорогих друзей, родных и знакомых, которых унесла война.

А может, не в этом прелесть детства? Может, она в твоей памяти, когда рано утром тихо открывается дверь комнаты, где ты спишь, и твоя мама на цыпочках подходит к тебе (ты же, конечно, прикидываешься спящим) и, чтобы не разбудить тебя, поправляет одеяло и легенько гладит волосы, вздыхает. И также тихо выходит из комнаты. Вспоминая свое далекое детство, я хочу хотя бы мысленно увидеть мою Маму, и не могу ее вспомнить, не получается, ни глаза, ни лицо, ни волосы, а только руки: такие добрые, мягкие, ласковые, всегда чем-то занятые, что-то творящие...

Я не знаю, каким был последний день ее жизни. Не знаю, кто закрыл ей глаза, где место последних минут жизни, что она говорила в своем последнем слове, если то слово дали ей сказать...

Я не знаю и, вероятно, никогда уже не узнаю то место на земле, которое приняло в свои объятия мою Маму. А вместе с ней десятки тысяч, таких как она, когда из лагеря смерти [Печора](#), что в [Шпиковском районе на Виннитчине](#), забирались узники на различные работы, а откуда больше уже никогда не возвращались...

Сегодня, через столько лет, я снова и снова задаю себе вопрос: чем смогут расплатиться фашистские изверги за содеянное зло? Ведь не может быть, чтобы безнаказанным осталось уничтожение целого народа только потому, что этот народ еврейский. Чем смогут они расплатиться за материнские слезы, из рук которой вырывают грудного ребенка и, схватив за ножки, ударом головки об дерево, убивают его на глазах у матери. Правда, потом убивают и саму мать... Или же, вырывая грудного ребенка из рук матери, бросают его на землю и ударом сапога раздавливают ему головку, потом, конечно, убивают мать ([село Нижние Станивцы на Буковине](#)).

Местечко [Тростянец](#)¹ было оккупировано в июльские дни сорок первого. Сначала в наше местечко вступили венгерские оккупационные части и никаких притеснений с их стороны оставшимся местечковым евреям они не создавали. Более того, какой-то высокий чин выбрал себе комнату в доме моей тети (дом был построен где-то в 40-м году). Его, этот дом, почти своими руками построили мой дядя Исаак Школьник – плотник совхоза, его жена (моя тетя – сестра моей мамы) Хова, их малолетние дети Лиза и Семен.

Но очень скоро венгерские части сменила румынская администрация, которая тут же потребовала, чтобы все евреи, от мала до велика, носили желтую шестиконечную звезду Давида.

Когда же наступила осень (опять осень!) нас ранним утром разбудили удары прикладов в двери. Румынские солдаты с местными полицаями начали сгонять всех евреев на площадь, разрешив с собой взять узелки в руки – сколько кто может унести.

Нас погнали в село [Ладыжин](#)² [Тростянецкого района](#), где буквально за два–три дня до нашего прихода были расстреляны все евреи этого села. Все! Там была убита и моя бабушка Рося – мать моего отца.

По прибытии в [Ладыжин](#) нас загнали на одну улицу у самой реки Южный Буг, в уже разграбленные дома по 4–5 семей в один домик, который еще хранил тепло бывших хозяев.

Там нас продержали до рождественских морозов и опять этапом погнали в село [Печору](#)³, где в бывшем имении графа Потоцкого, был создан лагерь смерти для многих тысяч людей.

Когда-то нам говорили, что не может быть в будущем гармонии, если хоть одна слезинка замученного ребенка остается неоправданной. Чем же должна оправдать страна кровь и слезы тысяч детей лагеря-смерти [Печора](#) и может ли вообще быть этому оправдание?

Неужели не видел мир, что гитлеровский [Берлин](#) источает из себя тьму, которая ползет по всему земному шару, из страны в страну, задергивая окна черным, гася вечерние огни, погружая города и села в ночь, оставляя лишь зловещий свет пожаров? Неужто мир не видел, как в [Берлине](#) кишат и клубятся самые ядовитые, самые подлые и смертоносные замыслы против народов и, в первую очередь – против многострадального еврейского народа?

У моего поколения прошедшего через ужасы лагеря-смерти [Печора](#), испытавшего на себе нечеловеческие страдания, систематическое недоедание, унижение человеческого достоинства, непосильный труд, никогда не исчезнут из памяти те лагерные дни.

Совсем нелегко даются воспоминания о пребывании в концлагере: я не просто все это переживаю заново, а чувствую почти физическую боль, боль за себя и боль за тех, кому ничем не смог помочь.

Сегодня, через столько лет, я никак не могу понять, чем провинились малолетние дети, еще не успевшие наиграться, не успевшие понять, что такое жизнь, радость?.. Чем провинились младенцы не сумевшие запомнить еще свое имя, запомнить лицо своей матери?

И если я через пятьдесят с лишним лет говорю о своем опечаленном войной детстве, то скорей всего для того, чтобы мои дети и внуки знали о прошлом. Они слишком далеки от войны, но они должны знать о тех страшных днях, потому что там, в небытии, остались их ровесники, так и не узнавшие что такое звонкий смех...

И как бы далеко в глубь истории не ушли годы войны, а также, значит и годы моего детства, все равно не смогут зарубцеваться все раны, все равно не померкнут воспоминания о пережитом. Воистину время не властно над памятью, которая опять возвращает меня в осень 1942 года, в лагерь смерти [Печора](#).

Прожит в лагере почти год. За это время (в основном зимой 1941–1942 гг.) умерли моя тетя Чарна (старшая сестра моей мамы), ее дочь Ита, много родных и близких мне людей.

Мы – мама, я и мой старший брат Коля – выжили только потому, что мы с братом приспособились уходить из лагеря на колхозное поле, где хранилась сахарная свекла. Вот эта-то мерзлая свекла и была основным продуктом нашего питания. Когда же потеплело, мы уходили в села и просили милостыню. Люди нам давали то пару картофелин, то кусочек хлеба и мы приносили целые торбы еды.

Однако осенью 1942 года нашу маму, вместе с группой других людей, взяли куда-то на работу, и она больше не вернулась.

Мы решили из лагеря бежать в село **Ободовку**³, где было создано гетто для евреев, пригнанных из **Буковины и Бессарабии**. Нам с братом это удалось – оборванные, завшивленные мы пришли в **Ободовку** и нас взяла к себе наша землячка из **Тростянца** Софья Исааковна Криворук, которая заменила нам маму и стала для нас самым близким человеком.

А до весны 1944 года было еще так далеко и память моего детства на этом не обрывается. Вместе со мной и моим старшим братом в **Ободовку** к Софье Исааковне пришла наша двоюродная сестра Рая Битман, которая также сбежала из лагеря-смерти **Печора**.

Люди старшего поколения знают, что самым замечательным свойством человеческой памяти является способность забывать. С истечением какого-то времени притупляются и бывшие радости и бывшие боли. Но только радость иногда вспыхивает как яркая заря на какое-то краткое мгновение и... гаснет, а вот боль непременно оставляет по себе в памяти грубые незаживающие рубцы... О, сколько этих рубцов появилось в те страшные дни моего расстрелянного детства, что до самой моей старости так и не могут зарубцеваться.

Время уверенно шагает вперед, но от этого боль и невзгоды, пережитые мною и такими, как я, не становятся тише. Я очень хотел бы, чтобы люди, которые придут нам на смену, имели ясные головы и светлый ум, чтобы могли отличить правду от правдоподобия, деловитость от делячества, сомнения от неверия, одаренность от пронырливости, патриотизм от бахвальства.

Уходят годы... И каждый прожитый мною день, каждые мысленные прикосновения к маленькому кусочку земли на большой планете, где я родился, где провел так мало своих детских лет, усиливают мои связи с прошлым. И стоит только потянуть за одну ниточку из клубка истории моего детства и моего местечка, как тянутся воспоминания, воспоминания, воспоминания...

Прошлое не умирает – оно всегда с нами. Ему есть, что сказать нам голосом утраченного детства.

«ДЛЯ МАССОВОЙ КАЗНИ НЕВИННЫХ ЛЮДЕЙ ФАШИСТЫ ИЗБРАЛИ СЕЛО ОБОДОВКА...»

ШНАЙДЕРМАН-БЕККЕР Нелли (1930 г.)

К началу войны наша семья состояла из пяти человек: отец, Шнайдерман Роман Захарович, мама, Шнайдерман Раиса Нухомовна, два моих брата – Захар – 5 лет и Ефим – 2 года. Мне в то время было 11 лет, родилась 2 января 1930 года.

Помню, как началась бомбежка села **Ободовка Винницкой области**¹. Утром нам выделили быков, чтобы мы могли эвакуироваться. Мамы в это время дома не было, она работала, а отец в первый же день ушел на фронт. Я с маленьким Фимой на руках побежала искать маму. Бомбили нашу улицу. Дома горели. Люди в ужасе метались из стороны в сторону. Рядом с нашим домом разорвалась бомба. Половина нашего дома была разрушена. Жить стало негде. Нас приютил сосед Юхим Крысько. Мы сидели в яме для жома. Ночью нам приносили еду и воду, мы выходили по нужде. Так в яме мы прожили неделю.

Через неделю в село вошли немцы. Они ходили по домам, искали евреев. Зашли и к Красько. Угрожали, что если найдут евреев, расстреляют и тех, и других. Но наш сосед нас не выдал. На заборе он повесил икону Божьей Матери – это был знак, что в доме евреев нет. Вечером его дочка Маня пошла по селу узнать, что произошло с евреями.

На окраине села жил старик Бенцион, в его сарай и согнали всех евреев, оставшихся в живых после бомбежки. Туда и отвел нас Юхим.

Через некоторое время в **Ободовку** пригнали евреев из **Румынии, Бессарабии** и даже из **Италии**. Так в нашем селе соз-

дали лагерь-гетто. Построили несколько бараков без окон и дверей, обнесли территорию колючей проволокой, а вокруг вырыли ров.

Немцы издевались над нами, били нас. Девушки и молодые женщины вымазывали себе лица грязью, прятались от надзирателей. Только в нашем бараке были изнасилованы три девушки.

Особенно старались надзиратели из местных. Они были настоящими карателями без совести и чести. Никакой жалости к нам они не испытывали, издевались над нами больше, чем сами фашисты. А ведь не так давно они дружили с евреями...

Помню, к лагерю часто приходил бандит-полицейский, фамилия его Негода. Он играл на гармошке и пел такие частушки:

Дайте в руки мне жида –
Разорву на части,
Чтобы не было жида
При немецкой власти.

В лагере был всего один колодец и в него немцы скинули тифозных больных, еще живых. В результате весь лагерь остался без воды. Питались мы в основном лебедой, спорышем, акацией и тем, что передавали нам наши украинские друзья.

В одной комнате находились по 15–20 человек. Каждая семья имела свой угол. Лечь на пол было невозможно – места было настолько мало, что каждый мог только сидеть. Прямо в сенях устроили туалет – на улицу было запрещено выходить. Зимой было еще ничего. А вот летом! Вонь невыносимая, дышать нечем, черви ползали прямо по полу.

Вместе с нами в лагере были три маминых сестры: Софья Шаргородская с детьми (ее муж воевал на фронте), Любовь Брондарбит с детьми (ее муж погиб на фронте) и Татьяна Семидуерская с сыном (ее муж тоже погиб на фронте). Была с нами и наша бабушка Эстер.

Хорошо помню, как однажды я с сестрами пошла нарвать траву в черте гетто, очень кушать хотелось и дети очень страдали. Так нам устроили ловушку: рассыпали по траве битое стекло. Мы боялись, чтобы нас не заметили охранники, поэтому

пошли прямо по стеклу. Сильно порезались. Я порезала ногу, выгащить стекло не смогла и побежала к маме. Мама выгащила стекло и засыпала рану песком, затем пеплом. Рана сильногноилась. Когда нас освободили, хотели отрезать мне ногу. Спасибо, женщина-военврач сказала «Будем лечить!» и вылечила. Только шрам остался – память на всю жизнь. И это не единственный памятный знак.

Однажды мы с девочками пекли на огне лебеду, она была такая жесткая, что невозможно было ее жевать. Костер был прямо посреди комнаты, дым разъедал глаза. Вдруг в комнату зашли двое молодых немецких солдат, всех поставили к стенке и объявили, что они хотят учить украинский язык. Каким же образом они его учили? Каждой из нас сделали наколку на руке – начальную букву имени. Потом эта наколка сильногноилась. И по сей день у меня на левой руке буква «Н».

На работу нас гоняли в [Верховскую Дубину](#), колхоз имени Котовского – это километра два от нашего гетто. Работали мы без еды и воды. Сильно били.

Однажды нашли в лесу парашютистов. Трое были мертвы, а один еще живой. Всех согнали на площадь и объявили, что если среди них окажется еврей, сожгут гетто. А украинцев тоже согнали, чтоб они смотрели на эту казнь. Когда найденных раздели, евреев среди них не оказалось. Парашютист, оставшийся в живых, сказал, что среди них не может быть евреев, так как евреев в тыл не посылают. Несмотря на это, многие мужчины из гетто были расстреляны вместе с ним.

Трупы вывозили каждый день целыми подводами по сто и больше тел. Их раздевали наголо, вырывали золотые зубы и сбрасывали в заранее приготовленные ямы. Там трупы лежали штабелями, как дрова.

Помню такой случай. Однажды зимой все трудоспособное население угнали на работу, а стариков и детей выгнали во двор. Мороз был страшный. У меня на руках двухлетний Ефим, а рядом стоял пятилетний Захар. Малыш был завернут в разное тряпье. Шел снег. Дул резкий ветер, а мы стояли с раннего утра. Нас завалило снегом, дети начали засыпать от холода и голода. Очень хотелось пить, глотали снег, и каждый раз кого-то избивали за это. Избивали до смерти. У Захара побелели щеки, я

стала их растирать. Около меня стояла женщина, она и говорит мне: «Смотри, у тебя малыш на руках засыпает. Не давай ему спать». Я стала тормошить Фимку, растирать ему ножки и ручки. Так мы простояли до темноты. Потом нас загнали обратно в барак. Взрослым же сообщили, что нас повели на расстрел. Они с криками бросились в лагерь. К счастью, все обошлось.

Многие евреи из нашего села ушли в партизаны. Яша Шаевич, Миша Ходеров, Мика Фельдман, Наум Зицер, Меер Печерский, Сольцман (имя, к сожалению, забыла).

Также было много молодых ребят, пригнанных из Молдавии, Бессарабии. Мамина двоюродная сестра Дора Израилевна Фарбер была связной у партизан. Однажды ее поймали, сильно били, руку зажимали дверью. Ее вызволил из тюрьмы наш староста Иванченко. Он дал начальнику тюрьмы взятку, Дору выпустили. Она вышла оттуда совсем седая и попала к нам в гетто. Но я с ней встретилась только после освобождения. Дора говорила всем, что она одна, иначе всех бы расстреляли.

Для того, чтобы мы, евреи, отличались от остального населения, нас заставляли носить на рукаве белые повязки с синими звездами Давида. А потом еще нашили на груди и спине желтые звезды.

Моя мама часто переодевалась в украинскую одежду и ходила в село просить еды. Нередко ее ловили полицейские и били, выбили зубы. Все, что ей давали добрые люди, отбирали, топтали ногами. Мама возвращалась вся в крови, но на следующий день опять переодевалась и шла в село.

Зимой мы заболели тифом. Лежали на холодном полу. Очень хотелось пить. Ни лекарств, ни врача, конечно, не было. Мама пошла в село и там ей дали чекушку молока и немного картошки. Когда она возвращалась, у самого лаза в заборе ее окликнул полицейский Филька: «Рыся, чего несешь?». Мама стала говорить ему, что дети больны тифом и что добрые люди дали ей немного молока и еды. Хотела уже идти дальше. Но Филька схватил ее, сильно избил, молоко вылил, а еду растоптал. Мама плакала, умоляла его не делать этого, ведь дети очень больны. На что он ответил: «Вас, жидов, все равно расстреляют! Все подохните!». А ведь Фильку вырастили евреи! Он был сиротой и до войны жил среди евреев, по очереди в каждой семье. Его одевали, воспитывали,

он ходил с нами в школу и хорошо говорил на идиш. И вот в благодарность за все это он пошел в полицаи и издевался над нами. Как-то раз он заявился в гетто вместе с несколькими полицейскими и немцами. Стал звать Риву. Рива – это девочка, семья которой помогала Фильке больше всех. Вышла мать Ривы и на идиш спросила, что он хочет от Ривы. Филька ответил, что хочет ее изнасиловать. Женщина набросилась на него с кулаками, стала его бить. А пришедшие с Филькой смотрели на это и смеялись: они не поняли в чем дело, разговор шел на идиш. После этого случая Рива куда-то исчезла и вновь появилась в местечке только после освобождения. А Филька сбежал с немцами.

Помню еще такой случай. Как-то раз моя мама и две ее сестры, переодевшись, пошли в село раздобыть немного еды. Полицаи их поймали, сильно избили, поволокли в комендатуру. По дороге их встретил наш староста Иванченко и вызволил их. Иванченко был очень хорошим человеком. Он нас жалел, помогал нам, сообщал о готовящихся облавах или карательных акциях. Говорил нам: «Ховайтесь, дивчата!».

В лагере свирепствовали тиф, дизентерия, голод. Мы были подвержены всем кожным болезням – фурункулы, чесотка, грибок. Все были острижены наголо – кожу съедали вши. Люди умирали от болезней и постоянных побоев.

Когда немцы и румыны отступали, поступил приказ уничтожить гетто. Всех собрали на площади, а вокруг расположились надсмотрщики с собаками и пулеметами. Взрослые поставили нас, детей, в середину и предупредили, что когда начнут стрелять, мы должны упасть на землю, а они прикроют нас своими телами. Вдруг появился самолет с немецкими опознавательными знаками. С самолета что-то скинули. Немцы побежали в сторону скинутого предмета. В это время на площадь въехал немецкий танк. На нем сидели солдаты в немецкой форме. Они поговорили о чем-то с охранниками, те забрали собак, оставили пулеметы и ушли.

На площади стояла жуткая тишина. Старик Бенцион сказал: «Одни бандиты уехали, другие приехали. Давайте, евреи, прощаться! Мы жили вместе, вместе должны лежать в одной могиле». Но вдруг, когда надзиратели скрылись из виду, нам объявили: «Расходитесь по домам! Все свободны!».

Оказалось, на танке были партизаны, переодетые в немецкую форму. Но никто из нас не поверил, что мы спасены. И раньше случались провокации, когда немцы переодевались в русскую военную форму, кричали «Ура!». Евреи бежали к ним навстречу, а их расстреливали. Поэтому все боялись очередной провокации и не расходились. Тогда человек, одетый в офицерский мундир, снял китель и сказал: «Посмотрите! Я же Коля Прокопенко!». А его отец Никита Степанович Прокопенко был наш ободовский врач. Его знали все, и он всех знал. Только тогда мы поверили, что спасены. Конечно, после всего пережитого у людей началась истерика. Все плакали, кричали. Постепенно люди успокоились и пошли по домам. А партизаны еще несколько дней стояли в селе, охраняя нас до 14 марта 1944 г. – в этот день пришла Советская Армия.

В 1946 г. вернулся с войны мой отец.

Хочу выразить благодарность тем, кто, рискуя жизнью, помогали нам выжить: Иванченко, староста нашего села, Краско-Очан, Тисманецкий, Бурдейный, Наташа Ельцова, Данила и Ира (их фамилии, к сожалению, не помню).

И вот итог: в [Ободовке Винницкой области](#) есть три большие могилы. В них похоронено 26 тысяч евреев... Но там даже памятника нет. Мы, оставшиеся в живых, старые и больные, не можем уже ничего сделать. А в [Ободовке](#) не осталось ни одного еврея, а ведь большое местечко было.

Семен Цванг написал книгу «Дикий огонь». Там есть стихи про нашу [Ободовку](#). Ими я хочу закончить свой рассказ.

Ни газовых камер, ни страшных печей –
С Майданеком сравнивать даже неловко.
Для массовой казни невинных людей
фашисты избрали село [Ободовка](#).
Для повода – рвы и окопы копать
Из гетто евреев сюда приводили.
В трескучий мороз за этапом этап
Шли люди себе же готовить могилы.
На скотных дворах запирали народ
Без пищи в жестокую зимнюю стужу.
Морили несчастных три дня напролет –

И все. Здесь и газовых камер не нужно.
А ночью бросали в глубокие рвы,
Как дерево, окоченевшие трупы.
Лишь ветер по-волчьи неистово выл,
И снова о землю стучали уступы.
Из [Кодымы](#), [Балты](#), [Саврани](#) сюда
Шли молча моисеи, раисы, реветки,
В пургу и мороз, за этапом этап,
И в мерзлую землю ложились навеки.
От имени тех, кто свободен и жив,
Стоял я в слезах и в раздумье глубоком.
И в скорбном молчаньи цветы положил
На холмик у въезда в село [Ободовка](#).

«ЖИВЫЕ ПРОСИЛИ У БОГА СКОРОЙ СМЕРТИ...»

ШТЕЙНБЕРГ Клара (1936 г.)

Я родилась в 1936 году в еврейском местечке [Шпиков Винницкой области](#). В семье моих родителей Гриши и Фани были еще старшая дочь и двое сыновей. К началу войны мама была на восьмом месяце беременности.

Для жителей местечка, уверенных в победе Красной Армии над фашистской [Германией](#), стало неожиданностью появление здесь в начале осени 1941 г. румынских солдат.

И совсем ошеломил приказ румынского офицера: всем евреям с ценностями и документами явиться на площадь. Толпу евреев, пришедших со всех уголков местечка, солдаты погна-ли, как скот, в далекую деревню [Рогозна¹ Тульчинского района Винницкой области](#), где был уже сооружен концлагерь.

Вскоре румын заменили украинские полицаи, проявлявшие особую жестокость к детям, старикам и женщинам. Людей выгоняли на поляны с травой, приказывали становиться на колени и «пасться», каждого ослушавшегося убивали. Поляна покрывалась трупами. Рядом с поляной протекала река Буг. Туда загоняли людей, многие тонули, а те, кто выходил из воды живым, просили у Бога скорой смерти. Начальник полиции концлагеря Майкос ради «забавы» ходил по территории лагеря с дубиной и каждого, кто ему не нравился, убивал.

После 10 месяцев пребывания в концлагере [Рогозна](#), всех перегнали в другой концлагерь в [Печоре²](#).

Это был страшный концлагерь. Каждый день отбирали здоровых людей и увозили на работу на другой берег Буга. После чего их убивали.

В один из дней всем приказали выйти из барака, чтобы сдать кровь для немецких солдат. Мама должна была рожать и не вышла, ее силой вытащили полицаи на плац. К ней подошел эсэсовец, стал ногой на живот и со смехом сказал: «Ты будешь рожать!»

Маме было очень больно, ночью, на бетонном полу, в страшных муках, без посторонней помощи, она родила девочку. Через несколько недель при попытке выйти с ребенком из лагеря, чтобы выпросить хлеб у крестьян, ее избили, а девочку застрелили.

От голода и холода умер и мой семилетний брат, а трехлетнего братика и десятилетнюю сестру полицаи загнали в реку, чтобы утопить. От испуга они потеряли дар речи и до сих пор заикаются.

Когда ситуация на фронте изменилась, мы, подкупив полицаев, глубокой ночью преодолели высокий каменный забор и бежали.

«Never Forget». – Chicago, 2010. – P. 72.

«МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ – ГЕТТО...»

ШТЕЙНМАН Абрам (1937 г.)

Я, Штейнман Абрам Иосифович, родился 22 апреля 1937 года в городе [Могилеве-Подольском](#) Винницкой области.

Началась война. Бросилась наша семья искать возможность эвакуироваться. Добрались до [Шаргорода](#), где во время бомбежки папа был ранен в глаз, прикрыв меня своим телом. И мы вернулись в [Могилев-Подольский](#)¹.

Для евреев в [Могилеве-Подольском](#) определили место проживания – гетто, в которое входила и наша улица Базарная.

5 апреля 1942 г. родилась моя младшая сестренка Кларочка, а через некоторое время нас отправили в концлагерь [Печора](#)². Там мы, малыши, перебравшись через забор уходили в села и выпрашивали картошку, свеклу, кто что давал. Там, в селе, я порезал ногу, и она кровоточила и опухала. Зайдя к одной хозяйке, я попросил кусочек хлеба. Она, увидев, что я хромаю, оставила меня у себя на ночь, обработала рану и перевязала ногу, дала мне немного продуктов.

Когда я появился в лагере, мама меня отшлепала и страшно обрадовалась, что я жив. Моя мать до войны работала аптекарем и, когда я заболел кровавым поносом, она меня вылечила.

После того, как немцы начали забирать мужчин, несколько семей, подкупив охранников, решили бежать из лагеря. Бежали и мы. Шли в основном ночью. И тут моя сестренка раскашлялась, расплакалась. Люди испугались, стали просить маму заставить ребенка замолчать, вплоть до того, чтобы она задушила девочку. Но мать сказала, что лучше погибнуть, но она ребенка не убьет.

Часть людей ушла, а нас спрятали в подвале. Когда на следующий день мы продолжили наш путь, по дороге мы увидели трупы этих расстрелянных людей.

Наконец, мы добрались до [Могилева-Подольского](#). Когда пришли к своему дому, он был занят чужими людьми, которые сказали, чтоб мы убирались, иначе они нас выдадут. Мы ушли и прятались недалеко от кладбища.

Во время новой облавы нас поймали и отправили в [Ананьев](#)³ [Одесской области](#).

Отец подружился с украинцами из ближайших сел. У них мы прятались до освобождения [Одесской области](#) от оккупантов. Как только советские войска вошли в [Могилев-Подольский](#), мы вернулись домой.

КАК МЫ ВЫЖИЛИ В ГЕТТО

ШТЕЙНМАН Михаил (1938 г.)

Ни одну еврейскую семью в годы Второй мировой войны в большей или меньшей мере не миновало то большое горе, которое принес нашему народу фашизм. И я, как и другие бывшие узники, не являюсь исключением.

Родился и вырос в еврейском местечке **Копайгород** на **Виннитчине**. Там же и был в гетто с мамой, бабушкой и старшим братом Борисом. Ко мне судьба была благосклонна, и я выжил.

Выучился, работал на весьма престижных должностях в бывшем Союзе: был проректором и заведующим кафедрой одного из вузов Москвы, стал доктором наук и профессором. Но это скорее чудо, чем закономерность: ведь Катастрофа унесла жизни шести миллионов человек, и среди них – немало тех, кто прошел ужасы гетто.

Нас, бывших узников, являвшихся свидетелями той страшной эпохи, с каждым днем становится все меньше, и мы просто обязаны успеть рассказать молодым все, что помним. Чтобы не повторились ужасы целеустремленного массового истребления целого народа! Чтобы не угасла память у подрастающего поколения! Чтобы новые фашисты типа Ахмадинежада не уповали на нашу забывчивость! Каждый из нас должен внести свою лепту в эту разъяснительную работу. В меру своих скромных возможностей я старался это делать на своей доисторической родине, являясь одним из руководителей московской организации бывших узников нацизма «РУФ». Это я стремлюсь делать и сейчас, исполняя обязанности заместителя председателя Всеизраильского общества переживших Катастрофу.

Хорошо помню, когда в **Копайгород**¹ – местечко с подавляющим еврейским населением – пришли немцы (это было 18 июля 1941 г.), и нас – старых и совсем маленьких – гнали пешком 6 км из **Копайгорода** в лагерь, расположенный в лесу около станции **Копай**, а я, мальчишка трех с половиной лет, шел, спотыкаясь, но упорно нес в руках старый чайник.

Помню холодные осенние ночи в лесу, где полгода размещался наш лагерь. Помню тамошние ночевки, даже не в землянках, а в шалашах, насквозь продуваемых ветром и слабо защищенных от дождя, где мой старший брат Борис сильно простудился и на всю жизнь у него остался бронхит.

Следует отметить, что с нами в лагере находились евреи, прибывшие из **Бессарабии** и имевшие опыт строительства шалашей из подручных материалов. Именно благодаря их стараниям удалось создать более-менее сносные условия проживания в лагере.

Не исчез из памяти и голод; не забыты острые переживания нашей любимой мамы, которая изо всех сил старалась найти хотя бы что-нибудь съестное и накормить нас, своих голодных детей.

Невозможно забыть, когда в конце сентября 1941 г., возвращаясь, опять-таки пешком, из лесного лагеря в гетто, мы видели, как местные жители местечка выносили из нашего саманного домика единственную оставшуюся ценную для нашей семьи вещь – старый, но очень дорогой для нас диван, а также крышку от бабушкиного сундука?

Как мне неоднократно рассказывала мать, к царившему в нашем гетто голоду прибавился целый букет болезней – дизентерия, брюшной и сыпной тиф, а о простудах и речь уже не идет. Поскольку с лекарствами была большая проблема, их, по существу, не было, то неудивительно, что многие жители местечка (по некоторым сведениям, около трех тысяч человек) умерли, особенно в период зимы 1941–1942 гг. Прибавьте к этому числу и людей, которые пытались выбраться из огороженной забором территории в близлежащие села в поисках пищи взамен на вещи или ценности, которые кое-кому из евреев удалось сохранить.

Освобождение нашего гетто было 21 марта 1944 года. Помню, как мы с братом и другими радостно встречали в этот день

бойцов Красной Армии и вручали каждому из них приветственные листовки с надписью «Добро пожаловать!» и гимном Советского Союза, которые отпечатал наш отец Яков в ночь перед вступлением Красной Армии в [Копайгород](#). Особо запомнился мне командир на коне, который, получив листовку, поднял к себе на руки меня и брата и поцеловал.

Хотел бы обратить внимание на текст упомянутой листовки, врученной бойцам. Пусть слабыми и непрофессиональными в поэтическом плане были стихи в этой листовке, но сколько в них преданности и любви к Красной Армии-освободительнице! Мы с братом гордились тем, что эти стихи сочинялись на наших глазах врачом из города [Черновцы](#), который жил с нами в тесном домике в гетто. Вдумайтесь в такие простые слова этого проникновенного стихотворения!

Добро пожаловать к нам, красные бойцы!
Добро пожаловать, неустрашимые сыны...
Мы вас ждали, как может ждать
Детей любимых родная мать...
Мы ждали вас томительно и долго,
К вам одним неслись наши мечты...

И в завершение стихотворения автор выражает уверенность в том, что «мы уничтожим гнусный фашизм, что в крови мир потопил, суд кровавый, злодейский над нами творил».

Ни во время учебы в школе и вузе, ни на практической работе меня никто и никогда не спрашивал, а по своей воле я не рассказывал о пребывании в гетто. Дома родители мало говорили об этом страшном времени, по-видимому, щадя наши неокрепшие детские сердца. Запомнил лишь некоторые эпизоды. Вот один из них.

Для оставшихся в подполье местных партийных и советских органов важно было систематически доносить до сведения населения состояние дел на фронтах, поддерживать в народе веру в неизбежность победы над врагом. Одним из средств такой пропаганды, безусловно, являлись листовки. Эта работа была поручена моему отцу – бывшему заведующему типографией, одинаково хорошо владевшему навыками наборщика, печатника и метранпажа, в умелых руках которого спорилась любая типографская работа.

Моему отцу, который не был коммунистом, удалось вынести и закопать (часть в лесу, и часть – во дворе дома, где мы жили) для нужд Шестого партизанского отряда имени Хрущева Ленинского соединения около 20 кг шрифтов, черную типографскую краску и другие материалы, которые были необходимы для партизанской работы в тылу врага.

Эта история имела неожиданное продолжение. Отца начали вызывать на допросы в местное отделение Сигуранцы – румынской тайной политической полиции, которая находилась на территории Транснистрии для борьбы с партизанским движением. От него требовали подробно объяснить, с какой целью он изъял из местной типографии, кому и зачем он передал шрифты и типографскую краску. Несмотря на то, что отец знал о доносе на него, он твердо придерживался своей позиции о том, что ничего не знает об этом.

Лишь спустя много лет в восьмидесятые годы моему старшему брату Борису, заслуженному журналисту Украины, удалось получить в архиве [Винницкой области](#) ряд материалов, касающихся нашего отца, в частности, ознакомиться с доносом. Оказалось, что автором доноса являлся ученик отца, помощник печатника типографии – позор еврейского народа, который, желая выслужиться перед властями, написал немало доносов на моих земляков.

В деле отца в областном архиве находятся также тексты отпечатанных им листовок, а также справка о работе копейгородской подпольной организации, подписанная заместителем председателя райисполкома и начальником РО НКВД. В справке, в частности, говорится о том, что в ознаменование победы Красной Армии под [Сталинградом](#) моим отцом вместе с М. Дорошенко было подпольно отпечатано 150 экземпляров листовки «У Сталинграда» и 100 экземпляров песни «Ко дню Красной Армии»; что связная Клара Москаль из Шаргородской подпольной организации получила в копейгородской организации 15 экземпляров песни «Ко дню Красной Армии» и передала их в Шаргородскую газету «Красный партизан».

Но не только об этом хотел сегодня рассказать. О тяготах жизни в гетто помнят и пишут многие. Я хотел рассказать и о еврейском самоуправлении в нашем гетто. Один из руководите-

лей общины с риском для себя многое сделал, чтобы облегчить жизнь обитателей гетто. Как говорили нам мама и бабушка, когда его благодарили за то, что он сделал для еврейского населения гетто, он только просил: «Евреи, не надо мне благодарностей. Прошу только, если останемся живы, не бросать в меня камни за то, что мне удалось сделать для вас».

Когда пишу эти воспоминания, невольно думаю: как же заблуждаются антисемиты всех мастей относительно участия евреев-воинов во время Великой Отечественной войны! Как же далеки от истины наши недоброжелатели, когда, выдавая желаемое за действительное, говорят, что не соответствует истине бытующее мнение о бескорыстной взаимопомощи в еврейском народе! Мы, еврейский народ, выжили в веках и переживем все невзгоды именно благодаря тому, что в нашем народе всегда были, есть и будут его преданные сыны и дочери, которые свято чтят память о своих героических предках.

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Shteinman.html>
[25.12.2013]

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

ШУЛЬКИН Хаим (1928 г.)

Мои дорогие дети и внуки! То, о чем я сейчас расскажу, никогда и нигде за всю свою жизнь я не рассказывал. С одной стороны, хотелось забыть все, как страшный сон, с другой – не попасть в советский концлагерь (что не лучше немецкого), а именно это и случилось с некоторыми, кто хотел сразу после войны сменить свою фамилию. Дело в том, что для спасения своей жизни я взял украинскую фамилию. В 1955 году женился. Я просил жену остаться на своей фамилии – Кац Ида Аркадьевна. В течение многих лет она не знала всего, так как я не хотел ее огорчать, все рассказывать. Потом мы с женой не хотели огорчать своих детей. В 1978 году меня вызвали в КГБ СССР Риги и предъявили обвинение в шпионаже в пользу нацистской Германии. Спас меня тогда от советского концлагеря начавшийся развал СССР.

Я родился 12 декабря 1928 года в колонии Новожиитомир Сталиногорского района в 20 км от города Кривой Рог. Это был еврейский район, где государственными языками были идиш и украинский. Евреи проживали здесь более 300 лет, занимаясь сельским хозяйством.

Отец мой, Захар Шулькин, работал бухгалтером. В нашем доме были книги на идиш, русском и украинском языках. Поэтому наши родители передали эту любовь и нам, детям. Впоследствии старшая сестра Ида Шулькина стала писательницей. Кроме сестры, у меня было два брата: Абрам, отец Зорика, и брат Михаил, погибший в 1942 году на фронте под Харьковом.

К началу войны я был уже сиротой. Мое школьное образование состояло из трех этапов. Первый и второй класс я учился в колонии на идиш. Мне преподавали украинский, русский и немецкий, а идиш был основным. 3–4-й класс я жил у тети в [Кривом Роге](#) и учился в украинской школе. К тому времени все еврейские школы и газеты были закрыты.

В 1940 году я переехал к сестре в город [Сталино](#), ныне [Донецк](#), и там окончил пятый класс.

Вот здесь-то я понял, кто я, и что такое антисемитизм, о котором шепотом говорили взрослые. Антисемитизм в то время был в полном расцвете. Хотя я учился много лучше других, учительница делала мне разные замечания, подчеркивая мое еврейское происхождение. Например, когда я отвечал урок по литературе, читал стихи Тараса Шевченко, она говорила классу: «Хоть Хаим и еврей, но стихи читает хорошо. Лучше, чем украинец». Абсолютно правильная украинская речь в будущем помогла мне сохранить себе жизнь. На переменах все выходило из класса, в классе оставался только дежурный, он открывал окно для проветривания, и мальчики говорили: «проветрить от жидовской вони». На моих тетрадях писали: «жид вонючий» и прочее. В городе я жил только один год. Товарищей у меня не было. После окончания пятого класса я с трудом упросил сестру разрешить мне уехать в нашу колонию в [Новожи́томир](#), где я раньше жил постоянно.

Это была еврейская деревня, где все говорили только на идиш, годом раньше была еврейская школа, где я окончил два класса, выходила еврейская газета и детские журналы. По решению компартии, все было закрыто как источник распространения сионизма. Но там были мои друзья, с которыми я учился, там была близкая мне жизнь, никто там не говорил мне, что я жид. Я обошел всех своих друзей, меня встретили радостно, мы купались на речке, я им рассказывал о городе, где я прожил целый год. Я приехал в деревню 19 июня 41-го года. А 22 июня началась война. Было только два счастливых дня. И на этом кончилось мое детство.

Взрослые люди, мой дядя старались не выключать радиоприемник. Тогда это была редкость – во всей деревне было 3–4 радиоприемника. В воскресенье 22 июня выступил Молотов и

объявил, что началась война. И началось стремительное движение. Все, кто приехал в отпуск из города, вернулись на свои рабочие места. Через 2–3 дня была объявлена мобилизация всех мужчин с 18 до 55 лет. Тут же вышел приказ: сдать радиоприемники, чтобы не слушать вражескую пропаганду.

В ближайшие недели немцы начали бомбить [Кривой Рог](#)¹. Деревня находилась в 20 км от города. Самолеты заходили на город с нашей деревни. Видны были разрывы зенитных снарядов. Один раз видели подбитый немецкий самолет. Вышел приказ: весь скот, колхозный и личный, гнать на восток.

Медленно деревня пустела. Люди все побросали и уехали. Через деревню двигались бесконечным потоком отступающие войска, без оружия, без командиров. Жара была свыше 30 градусов. Солдаты скапливались у колодцев, пили и набирали воду и шли дальше к Днепру. Разрешения на эвакуацию военные власти не давали. Через Днепр был один мост, он должен был пропускать только военных. Но, готовые к эвакуации люди ждали разрешения. Однажды ночью попытались без разрешения уехать на телегах. Военные стреляли в воздух, чтобы остановить и вернуть колонну обратно в деревню.

Время шло. Из рассказов отступающих солдат мы уже знали, как быстро немцы продвигаются. В какой-то момент военные исчезли. Мы тронулись в путь, но через 50–60 километров от деревни нас уже обогнали немецкие войска. Мы остановились. К нам подошли украинские полицейские с повязками на рукавах. Во главе был немецкий офицер. Нам приказали оставить телеги со всем имуществом и возвращаться в свои деревни. Украдкой кое-какие вещи удалось взять. Два дня шли пешком к своей деревне.

Деревня была пуста, если не считать трех-четырех сельнукраинцев, которые не эвакуировались. Два-три дня было тихо. Потом в нашей деревне расквартировалась немецкая часть. Раньше в деревне была одна машина «ГАЗ» и один трактор «ХТЗ». А теперь там были сотни машин. Много машин было типа «Москвич-401». Но вместо переднего стекла стоял крупнокалиберный пулемет. Так как большинство дорог были грунтовые, и стояла сильная жара, немецкие машины поднимали столбы пыли, солдаты были грязными, как шахтеры. Они умывались,

потом начали стрелять кур и уток, которых в деревне было очень много. Наевшись, они стали набрасываться на женщин. Женщины, чтобы защитить себя от насилия, вначале обмазывали себя и свою одежду коровьим навозом, а когда дело приняло широкий размах, обмазывали даже лицо. Немцы были веселы, бодры. Простояли два дня. К концу второго дня прибыли танки. Ночью они двинулись к Днепру. Прошло еще три-четыре дня, и они вернулись обратно. Объясняли, что русские сильно укрепились. Из тех солдат, которые стояли в нашем доме, вернулись только трое: один был убит, еще один ранен. Радости у них уже особой не было.

Через несколько дней прибыли большие машины с солдатами. Нам с ними общаться было легко, так как язык идиш – один из диалектов немецкого языка. К тому же, дядя мой был солдатом русской армии в Первую мировую войну, был в плену у немцев около четырех лет. Он владел немецким свободно. Они рассказывали, что евреи живут в **Германии**, и их никто не трогает. И у нас появились кое-какие надежды. Через неделю войска ушли. До нас дошли слухи, что им удалось форсировать Днепр.

В деревне появилась новая власть. Для начала велели всем собраться на школьном дворе. Велели построиться, стали считать, сколько нас. Среди нас было много пожилых женщин и очень пожилых стариков. И женщины, которые не могли понять, что такое «строиться». И тут новая власть показала себя. Били плетками и резиновыми шлангами, наполненными дробью и гайками. Били, чтобы убить. Командовали всеми два немца, остальные были украинцы и русские из военнопленных.

Нам объявили, чтобы мы все, более 500 человек, оставили свои дома и переселились в 8–10 домов, указанных ими. И на завтра, в 6 утра, все должны были выйти на уборку урожая. Вокруг этих домов патрулировали верхом на лошадях полицейские.

Через некоторое время все дома огородили колючей проволокой. Это было гетто. Каждый день в 6 утра строились и шли на колхозный двор и на поле работать – до 6–7 вечера. На еду нам давали просо, из которого делают пшено. Охранники, часто без каких-либо причин избивали людей, приговаривая: «На фю-

рера надо быстрее и лучше работать, чем на Сталина». Полицейские врывались в дома и забирали все, что еще оставалось. В первую очередь, требовали деньги, золото. Это зверье считало, что у евреев мешки с деньгами, они говорили: вы должны расплатиться за убийство Иисуса Христа. Все это сопровождалось избиениями всех, кто попадался им на глаза.

До октября убирали урожай. В начале октября все должны были идти на работу в село **Широкое** в 5 км от нашей деревни на строительство дороги **Кривой Рог–Днепропетровск**. Вначале нам показалось, что на строительстве дороги лучше. Дорожный мастер-немец требовал только качество. Первое время не били. Местные немцы из немецких колоний и украинцы на подводах подвозили большие камни, которые нужно было разбить и обработать до получения прямоугольного булыжника. Это была очень тяжелая работа. Булыжники подносил я своему двоюродному брату. Он его подгонял к уже уложенному ранее и обсыпал песком.

Когда комендант лагеря появлялся на строящейся дороге, друг другу передавали: идет. Надо было усердно работать. Его гибкая палка, как плетка, одним ударом рассекала кожу. Женщины разравнивали кучи привезенного песка. И вдруг комендант заметил, что у одной женщины из телогрейки выпала книжка. Его это привело в бешенство. Он схватил женщину и, зажав ее голову между ногами, начал ее избивать. Она кричала. А он избивал ее, пока у него вокруг рта образовалась белая пена. Женщина упала. Он бил ее ногами. Я видел его искривленную рожу и белую пену вокруг рта. Один из полицейских поднес ему бутылку самогона. Он жадно пил и ушел. Женщину на руках унесли в лагерь. Вот такова была цена человеческой жизни на оккупированной территории в гетто и лагере.

Кормили нас чрезвычайно плохо. Давали только просо, которое надо было истолочь, просеять от оболочки, чтобы получить пшено. И только вечером можно было сварить на костре кашу. Для этого надо было собирать дрова по щепочке и нести с собой. У местных немцев и украинцев, подвозивших камни, мы просили принести что-нибудь съестное. На второй день они уже сами привозили. Многие знали дядю как мельника и привозили ему еду. Было очень много порядочных людей.

А к этому времени уже начали выходить многие украинские газеты. В них евреи изображались кровожадными, алчными, со сущими кровь украинского народа.

Охранниками на строительстве дороги были украинцы, вполне сносные люди. У дороги были лесозащитные полосы, деревья. Там росли дикие абрикосы. Мы отпрашивались по 2–3 человека, набирали мешочки с абрикосами для всех. Но это продолжалось недолго. Вскоре вместо украинцев поставили на охрану латышей и русских из военнопленных. И если им кто-то не нравился, могли забить до смерти. Даже дорожный мастер кричал: достаточно.

Нас перестали пускать в деревню. Загнали всех в коровник. Избитые и больные, которые не могли больше работать, оставались в коровнике. С приходом новой охраны всех не вышедших на работу отвозили в село [Новожиитомир](#) и там расстреливали и сбрасывали в заранее подготовленные ямы. В ноябре–декабре 41-го года всех, кто оставался в [Новожиитомире](#), расстреляли. В основном это были старики и дети – около 400 человек.

В конце декабря 41-го года, когда мы вышли из коровника, нас окружила охрана и велела строиться. Так как участок дороги, который мы строили, был окончен, мы знали, что нас перегоняют на другой участок. Нас погнали в сторону районного центра [Софиевка](#). По дороге тех, кто отставал, расстреливали. За день, пока нас гнали, было расстреляно более тысячи человек. В районном центре [Софиевка](#) нас всех загнали в церковь. Там мы оставались три дня без пищи и воды. Падал снег, и это была наша вода.

На третий день нас погнали в село [Любимовка](#)³, где был оборудован ранее концлагерь для военнопленных. Как поступили с военнопленными, я не знаю. Находясь в этом лагере, мы продолжали работать на строительстве дороги. Начались морозы. И строить дорогу было невозможно. Выпало много снега, и мы его расчищали с шести утра до темноты. Большая скученность и голод, вши – в лагере начались болезни. Каждый день умирало 10–15 человек. Каждую неделю, иной раз и два раза в неделю, пригоняли все новых людей. Снег валил без перерыва днем и ночью.

Снег очень мешал продвижению немецких войск. Машины не были приспособлены к движению в зимних условиях [Украины](#). Солдаты были легко одеты: без зимних шапок, в пилотках. На ушах наушники. Без валенок. В летних шинелях. Сидя в кузове грузовиков, они мерзли и обмораживались. Это на [Украине](#), где температура 10–15 градусов. А в [России](#)? Мы начали находить советские листовки о победе под [Москвой](#) и понимали, что немцы войну проиграли. Но это был только конец 41-го года.

Когда мы были нужны для расчистки снега, перестали убивать, временно, и чуть-чуть лучше кормили. Однако отсутствие каких-либо санитарных условий, вши и скученность продолжали уносить людей на тот свет. Устроили барак для больных. Им давали возможность умереть своей смертью.

Весной снова начались работы на строительстве дороги. Были добрые люди, которые вместе с камнями и песком привозили и какую-то еду. Мой брат Ефим заболел тифом. Родители и я старались достать ему какую-нибудь еду и хорошую чистую воду. Когда стало теплее, его вывели из барака для больных в укромное место, которое не знали охранники. Постепенно ему становилось лучше. И в августе он уже снова вышел на работу.

В лагерь непрерывно прибывал поток людей для строительства столь важной для немецких войск дороги. Весной машины застревали в грязи. Зимой – в снегу и плохо заводились. Масло у них было летнее (это я уже узнал после войны), и оно замерзло. Они паяльными лампами разогревали мотор. Мой дядя и тетя находились уже в плохом физическом состоянии. Но говорили мне и своему сыну Ефиму: надо подбирать момент для побега из лагеря.

Началась зима 42-го года. Снег опять шел днем и ночью. В 5 часов утра всех поднимали на расчистку снега. Так как в 5 часов утра было еще темно, охрану увеличили, чтобы не было побегов. По бокам дороги были огромные сугробы снега. Днем солнце подогревало, под водой был лед. Машины непрерывно буксовали, и нам приходилось их толкать. Бывали часто случаи, когда немецкие солдаты, сидевшие в кузове машины, ели консервы. И недоеденные банки выбрасывали. Все гонялись за этими банками с остатками пищи.

Мы, человек пять, толкали машину с ящиками. В какой-то момент шоферу удалось набрать большую скорость. Все бросили машину. Я один уцепился за борт, подтянул ноги, и машина меня понесла. Так как дорога была скользкой, машину бросало из стороны в сторону. В один из таких моментов меня буквально выбросило из кузова, и я попал в сугроб мягкого снега и почти что утонул в нем. Вначале я хотел выбраться. Но снег был пушистый, я утопал еще больше. Я замер: вот момент для побега. Присел, надеясь, что меня найти будет трудно. Время уже было к вечеру. И я ждал, когда уведут всех в лагерь, и станет темно. Я долго сидел в снегу. Потом услышал команду охранников: строиться и идти в лагерь. Я продолжал сидеть не шевелясь. А снег продолжал идти, и я был надежно спрятан. Я ждал, пока прекратят двигаться машины. Ночью они останавливались, и движение возобновлялось только утром. Взошла луна, это была уже полночь. Я попытался выбраться из моего укрытия. От долгого сидения ноги не двигались. Не знаю, сколько прошло времени, пока мои ноги начали шевелиться. Я протоптал в снегу проход и выбрался наружу.

Около дороги, за отвалами снега виднелось кукурузное поле. Идти по полю было трудно, снег был почти до колен. Я устал, останавливался отдохнуть и ощупывал кукурузные стебли, искал остатки початков. Вскоре нашел. Наполнив рот кукурузными зернами, я почувствовал, наконец, сытость. Мне надо было уйти подальше от лагеря, и надо было набрать побольше початков. И все это на ходу.

Шел я долго, начинался рассвет, и надо было найти место, где спрятаться. Впереди я увидел большую скирду соломы, залез наверх и стал зарываться в нее как можно глубже. В соломе было тепло и мне казалось безопасно. Я тут же уснул.

Когда я проснулся, был уже день. Это был первый день без концлагеря. В первую очередь я решил переодеться. Переодеть брюки. На мне были две пары брюк. Верхние рваные, нижние еще целые. Я переделался, чтобы выглядеть как можно лучше. Начал тихо спускаться со скирды на землю. И тут я увидел пятерых парней лет 17–18. Они увидели меня и спросили: «Ты тоже прячешься?». «Да, – ответил я, – вчера убежал из дому, была облава». И тут меня выручило знание в совершенстве украинского

языка. Из разговоров охранников лагеря я знал обстановку в деревнях. «И мы бежали от облавы полицейских, – сказали они».

Осенью 41-го года немцы приглашали украинскую молодежь ехать на работу в [Германию](#). Они обещали, что можно получить хорошую специальность, хорошую работу и разные другие блага. В начале нашлись наивные ребята и девушки и поехали. Из [Германии](#) приходили прекрасные письма на [Украину](#) о счастливой жизни. Но вскоре уехавшие начали возвращаться больные и девушки в положении. Они рассказали правду о рабском труде. Добровольцев больше не оказалось. Начались облавы и насильственная отправка в [Германию](#) на работу. Война продолжалась, надо было работать, немецких рабочих забирали в армию, их заменяли украинцами.

Я примкнул к этим ребятам. Они ждали у скирды прихода матери одного из них. Она сказала, что нам надо идти в одну сожженную деревню, искать погреб, которые были в каждом доме, и там прятаться. Когда делили еду, досталось и мне. Такую еду я уже два года не ел. Мы снова спрятались в скирде, а с наступлением темноты пошли в названную деревню. В темноте долго искали погреб, но нашли. Он оказался сухим, мы натаскали все, на чем можно было сидеть и лежать, натаскали обгоревшие доски. В погребе нашли остатки картофеля и моркови. Тут же в погребе разложили маленький костер и пекли картошку.

Назавтра, к вечеру, пришла мать другого парня и снова принесла еду и информацию: тех, кого полициям удалось поймать, уже увезли на сборный пункт. Наверное, около месяца мы прожили в этом погребе. Однажды пришла маленькая сестренка одного из парней и сказала, что можно вернуться домой, облавы прекратились, необходимое количество людей уже набрали. И ребята ушли домой. Мы попрощались. Но мне идти было некуда.

Я вернулся в тот же погреб. Когда они ушли, я решил избавиться от вшей, которые меня очень донимали – они были в волосах, на теле, на рубашке. Разложил небольшой костер, разделся до пояса и стал вытряхивать их. В найденную кастрюлю я набрал побольше воды из глубокой лужи и стал умываться. Это было впервые после побега из лагеря и скитаний. Потом я потушил костер и крепко уснул. Опять я остался один... И так

изо дня в день я жил в этой разрушенной деревне, переходя из погребца в погреб в поисках пищи. Но все и здесь закончилось. Нужно было искать выход.

В нашем районе, кроме еврейских и украинских деревень, были и немецкие. Общаясь с ребятами, я слышал, что в немецких деревнях требуются мужчины для работы в поле. Всех немцев-мужчин еще в начале войны депортировали вглубь страны. Остались их семьи, которых не успели депортировать в связи с быстрым продвижением немецкой армии. Я пошел в эту колонию, которая называлась Грюнфельд. Нашел старосту колонии и попросил его дать мне работу. Он посмотрел на меня и сказал, чтобы я помогал одному военнопленному узбеку кормить овец.

Овцы находились в большом хлеву. Их было около 500 штук. На тележку я накладывал сено, подвозил в хлев и бросал сено в ясли. Потом на эту тележку ставил бочку, набирал из колодца воду, подвозил и заливал воду в корыто. И так весь день без отдыха. Для мальчика 13 лет это была тяжелая работа. Военнопленный узбек умел ухаживать за овцами, умел доить.

На день мы получали по большому куску хлеба и немного пшеницы. Узбек варил кашу с овечьим молоком. Почти за два года я не ел ничего подобного. Я прислушивался ко всем разговорам на немецком, украинском и русском языках и стал понимать: Советская Армия успешно продвигается.

В этой немецкой колонии находились на излечении и отдыхе немецкие солдаты. Они активно спорили, ругались, раскладывали карты, называли города, где идут бои. И я догадывался, где сейчас находится фронт. Немцы не умели отличать еврея от украинца. Но когда появлялись украинские полицейские, я прятался в хлев к овцам и просил узбека заменить меня. Украинские полицейские очень тщательно старались выявлять евреев и военнопленных, за которых они получали премии.

Советская Армия приближалась. Ночью слышны были звуки артиллерийских орудий. Началась подготовка к эвакуации немецких семей. Было объявлено об обязательной эвакуации. Оставшиеся будут расстреляны. Я понял, что мне надо уходить. Но нужна была пища, и я стал ее собирать – благодаря пьянству немецких офицеров в доме старосты. Жена старосты после сбо-

рищ немецких офицеров выносила поднос с остатками пищи, крича по-немецки: «Узбек, иди сюда». Я бросал работу, бежал к узбеку и направлял его к подносу с пищей. Эту пищу делили пополам. Свою часть я прятал, зная, что мне придется снова скитаться.

В один из вечеров, когда стемнело, прихватив подготовленную пищу, я потихоньку выскользнул из хлева и направился в знакомую сожженную деревню. Нашел тот же погреб, устроился на ночь. Наутро, выглянув из погреба, увидел знакомых ребят. Но с ними было много новых. Разговоры у всех были: приближение советских войск. Радость была общей, им не грозил угон в Германию, а у меня появилась возможность выжить. Ожидание длилось больше недели.

Ранним утром в начале февраля 1944 года пришла сестра одного из ребят с радостной вестью: наши пришли. Радость была безгранична, все сразу побежали в деревню, из которой пришла девочка. Там было много машин, пушек, тракторов, тягачей. Как сейчас помню, один из офицеров сказал другому, глядя на нас: «Вот наше пополнение».

Среди встретившихся ребят, я подружился с одним из них, так как он был моего роста. Остальные были более рослые. Он пригласил меня к себе, его мать сразу нас накормила. Он был очень рад, что вернулся домой, сразу стал мне показывать свое хозяйство, своих кроликов. Пришли ребята и рассказали об объявлении советских властей у сельского совета. Мы все двинулись туда, там висело объявление: «Всем мужчинам от 18 до 50 лет обязательно явиться в Красиловский райвоенкомат. Не явившихся, будет судить военный трибунал». Мы договорились, и на завтра все вместе пошли в райвоенкомат. Там уже была очередь, которая медленно двигалась.

Я решал: как себя назвать. Даже сейчас, уже находясь на освобожденной территории, я не мог назвать свое настоящее имя, так как слышал о ненависти к евреям у этих же ребят. Поэтому решил назвать фамилию, имя и отчество соседа по парте в пятом классе. Я так задумался, что не заметил, как подошла моя очередь. Громкий голос писаря привел меня в чувство: «Твоя фамилия?». Я ему четко, без запинок ответил: «Андрющенко Василий Петрович, 12 декабря 1925 года рождения», при-

бавив себе три года. «То-то же, а ты уснул. Проходи, получай обмундирование, оборванец», и сунул мне в руку картонку с номером.

... Так началась моя военная жизнь. Первый город, во взятии которого я участвовал, был город **Львов**. За **Львовом** началась **Польша**. В какой-то вечер нас, 25 человек, усадили в американские «Студебеккеры» и срочно повезли на помощь другой части. Нас, обучавшихся 10 дней, бросили в бой. Через месяц меня ранило первый раз. В госпитале я пробыл три недели – и снова на фронт.

Начинался 1945 год. Советские войска стремительно наступали, приближаясь к границам **Германии**. Немцы отчаянно сопротивлялись в надежде изменить ход событий в свою пользу. Нас, солдат, перебрасывали с одного участка на другой. Так наша часть в составе 4-го Украинского фронта оказалась в **Варшаве**, разрушенной до основания. От своих родителей я слышал о **Варшаве** как о центре еврейской учености и культуры. А я увидел одни только разрушения. Из Варшавы нас повезли в направлении **Кракова**, который, благодаря советской разведке, остался целым. Мы пробыли в **Кракове** до того времени, пока определили место форсирования реки Одер.

Прибыли танки и началось наше наступление. Немцы бежали на другой берег. Указывая туда, командир батальона сказал: «На том берегу начинается **Германия**». При нашей попытке сходу переправиться на другой берег, немцы начали артиллерийский обстрел, и я был тяжело ранен в обе ноги во второй раз, 27 апреля 1945 года. Санитар занес меня в подвал ближайшего дома. Там уже было много раненых солдат. Когда наша часть форсировала Одер, за нами прибыли санитарные машины, и нас отвезли в город **Краков**, в госпиталь, где я лечился в течение шести месяцев.

В мае война закончилась. Я остался жив. В июне наша часть уже направлялась на войну с **Японией**. Командиры пришли в госпиталь и приглашали выздоровевших солдат поехать с ними. Я еще не был готов, и желания у меня такого не было. Многие уехали. Я начал думать, как разыскать своих родных. В сентябре меня выписали в часть. К этому времени я уже получил адрес и списался со своей сестрой. Я написал заявление на отпуск после

ранения. В сентябре 46-го года я уже был в **Оренбурге**, где жила моя сестра Ида, эвакуировавшаяся из города **Сталино**, ныне **Донецк**. Там я заболел и опять оказался в госпитале. Меня признали негодным к строевой службе, демобилизовали, и началась для меня новая жизнь...

За участие в боях меня наградили орденом: «Отечественной войны» II степени, медалями «За освобождение Украины», «За Победу» и другими.

Дорогие дети и внуки! Я рассказал многое из того, что осталось у меня в памяти спустя 60 лет после окончания Второй мировой войны.

Книга памяти.

Судьба еврейского народа во Второй мировой войне.

Воспоминания очевидцев.

Составитель-редактор Е. А. Фйзенберг-Гальперина. – Кельн, 2009. –

С. 120–127.

«18 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА ЯЛТИНСКОЕ ГЕТТО БЫЛО РАССТРЕЛЯНО»

ЭЛЬТИНД Борис

8 ноября 1941 года. Над [Ялтой](#)¹ зарево. В огне какие-то склады, здания... По улицам шли солдаты врага. Это никак не вязалось с передачами по радио, что [Крым](#) никогда не отдадут. Люди смотрели на немецких солдат из-за заборов, из окон. Только две женщины (одна – жена будущего полицая, другую не помню) угощали чем-то захватчиков. Солдаты были потертые и почему-то с разнокалиберным оружием. Таких я больше не видел. На следующий день появились лощенные, гордые, особенно офицеры, и ходили с высоко поднятой головой.

Запомнился один из первых дней оккупации. На улице собирались мужчины – оккупанты решили, что нет продуктов, нет транспорта, и потому всем здоровым мужчинам надо организовано пойти в [Симферополь](#) и принести продовольствие для города. Эти люди уже не вернуться. Их загонят в «картофельный городок» – концлагерь в степном [Крыму](#).

В первые же дни появились приказы на двух языках (немецком и русском) о том, чтобы все члены ВКПб, военные и евреи срочно зарегистрировались. Вводился комендантский час. За нарушение – смертная казнь. Другого наказания не было.

В числе первых приказов прозвучало требование о ношении евреями шестиконечных звезд (одна на груди, другая на спине) и переселении в гетто. Через пару дней приказы о евреях звучали: «Всем жидам...» Слово «еврей» исчезло раз и навсегда.

В начале евреям днем можно было покидать гетто, которое устроили на Симферопольском шоссе, в здании табачной фа-

брики. Ходить евреям разрешалось не по тротуару, а по проезжей части дороги, возле тротуара.

Бытовой антисемитизм поднял голову. Помню, встретился с двумя соучениками из класса (друзьями мы не были). Они остановили меня – это было возле улицы Морской, и начали нагло допытывать, почему я не в гетто. Впервые почувствовал ненависть из-за различия национальности.

Сначала детей от смешанных браков не трогали. Потом уже находились «доброжелатели» из местных, которые заявляли в полицию о детях, отец или мать которых были евреями.

...Мать ходила навещать отца в гетто каждый день. Несколько раз в неделю брала меня и пятилетнюю сестру. Выпал снег. Такой затяжной и холодной зимы я не помню. Дорога к гетто отходила от Симферопольского шоссе возле ворот гестапо. В гетто посетителям входить было нельзя, но возле ворот внешняя охрана (не помню, немецкий солдат или полицай) вызывала внутреннего дежурного из евреев, который спрашивал, кого звать. Затем подходил отец.

Многие приходили навещать своих родных и близких. Смешанные браки в Ялте встречались довольно часто.

18 декабря 1941 года жители Ялтинского гетто были расстреляны. В этот день мать ходила одна. Полицейский, который когда-то лечился у матери, рассказал, что всех узников заставили встать на колени читать молитву, а затем партиями увозили на Массандровскую свалку и там расстреливали. По слухам, фашисты были «гуманны» и детей до пяти лет не расстреливали, а мазали им губы помадой с синильной кислотой.

Интересно (как-то запомнилось), что весь внешний бытовой антисемитизм исчез, спрятался. К этому времени не осталось ни одного человека, кроме откровенных предателей, полицаяев, которые не поняли бы, что такое фашисты. Многих расстреливали за связь с партизанами. На набережной вешали людей, даже детей.

Начался голод. Хлеб по карточкам стали выдавать через шесть месяцев. Пришла к нам соседка с женихом – немецким офицером. Мать обменяла золотую цепочку на крупу. Они хотели сделать из цепочки обручальные кольца. Запомнил, что звали офицера Альфредом. Он жил у этой самой соседки. Навсегда запомнил его уничижительный взгляд на меня и сестру.

Он немного говорил по-русски. Мать в гимназии изучала немецкий. Он сказал (по словам матери), что не понимает, как могла моя мать, армянка по национальности (по их расовой теории, армяне, персы – арийцы), выйти замуж за еврея. Мать ответила, что она воспитывалась по иным критериям.

Голод свирепствовал. Люди уходили менять вещи. В нашей семье от голода умерли бабушка и тетки. Не ели много дней. Ходили менять вещи в деревню Ай-Василь (п. Васильевка). Обмен шел слабо.

Осенью иногда работала начальная школа. Помню интересную деталь: в школе учились двое детей полицейских. Они были изгоями – их пинали, оскорбляли. Те боялись и молчали. Ненависть к врагу у детей проявлялась откровеннее.

В 1942 году мать стала работать в «заразной» больнице для местных жителей (теперь это инфекционная больница) в Ялте. Свирепствовал тиф двух видов. Мы ходили на работу втроем, т. к. если заберут немцы, то всех. Да и бомбили каждый день.

Соседка написала в русскую полицию, что мать – скрытая еврейка. Полиция находилась в Народном переулке, напротив здания тубдиспансера. Повели под конвоем мать, меня, девятилетнего мальчишку, и сестру пяти лет. Сзади шел полицейский в черной форме с белой повязкой и нашей трехлинейкой с примкнутым штыком. Помню следователя, говорил нудно. Запомнил фразу: «Можно ходить обходным путем, но мы пойдем прямо...». Меня с сестрой посадили в коридоре возле часового, а мать по городу собирала подписи у врачей, которые работали с ней и отцом, о том, что они знают и подтверждают, что мать – армянка. Обошлось...

Однажды возвращались с маминой работы, шли по набережной. Пройдя немного от ювелирного магазина, увидели надпись «позорный столб». На привязи стоял какой-то пожилой человек, а на шее у него была табличка с надписью, что он служащий управы, что-то нарушил. На посту возле наказуемого стоял полицейский. Перед нами шли несколько человек, за нами тоже. Все жители тогда ходили быстро, и редко кто громко разговаривал. Я обратил внимание, что каждый останавливался, читал табличку и с полностью отсутствующим взглядом, не выражающим ничего, шел дальше.

В оккупированной Ялте выпускалась газетенка «Голос Крыма». Кажется, ее вывешивали на щит по ул. Виноградской (ул. Чехова), напротив банка. Запомнилась карикатура – злощестно-комического вида отец и сын – евреи. Сын Цуцик спрашивает отца, почему тот не на войне, а отец отвечает: «Там стреляют».

А разве после войны не создавался образ еврея – хитрого, трусливого проходимца, который скрывается от военной службы?

В 1966 году в «Правде» от 6 мая, № 126 (17078), была помещена статья «Дружба народов в СССР и наша Великая победа», где (раньше мне ничего подобного что-то не попадалось) есть такие данные: «...Звания Героя Советского Союза были удостоены 7.998 русских, 2.021 украинец, 299 белорусов, 161 татарин, 107 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 89 армян, 67 узбеков, 63 мордвина, 47 чувашей, 44 азербайджанца...» и т. д.

А ведь сколько евреев, по известным обстоятельствам, скрывали свою национальность и скольким не присвоили это звание только потому, что они были евреями.

Сколько мы пережили! И, конечно, не только евреи. И вот опять находятся негодяи, которые тоскуют по фашизму. Но фюрерам сегодня намного тяжелее, чем в 1941 году.

«ФАШИСТЫ УНИЧТОЖИЛИ ВСЕ ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА»

ЭНТИН Владимир (1925 г.)

Родился я 6 января 1925 года. Моя семья: отец Борис Энтин, мать Сура, брат Абраша и я. До 1933 года мы жили благополучно, т. е. было, что покушать – это был самый важный критерий жизни в те времена, так как на Украине был голод. Не успели мы прийти в себя, началась война. Детство мое пролетело, промчалось в желании утолить голод. Сколько я себя помню, в детстве я всегда был голоден. В 1941 году грянула война.

Спустя два месяца после начала войны город Прилуки Черниговской области был оккупирован немцами. Мы пытались эвакуироваться на лошадях, так как железнодорожный транспорт уже не работал. Брат был мобилизован в Красную Армию. Мы, отец, мать и я, отъехали от Прилук всего 40 км и попали в так называемое Локвицкое окружение фашистской армией. По размытым дорогам под проливными дождями ехали военные телеги вперемешку с эвакуированными, толпы солдат, машины, застревавшие в грязи, подталкиваемые солдатами, преодолеывая ухабы, в панике металась с одного конца в другой, образуя на дорогах заторы.

В эти моменты налетели немецкие самолеты, и бомбили, создавая месиво из человеческих тел, живых и мертвых, и растерзанных лошадей. Все это снова повторялось на следующий день. Люди перестали радоваться наступлению утра, предчувствуя новые налеты. Командование армиями исчезло, и солдаты побросали оружие. Наступило жуткое затишье.

Село Шевченко, где нас застали фашисты, было последним прибежищем нашей эвакуации. Местные жители сразу, как только вошли немцы, разграбили наши телеги. Наше имуще-

ство составляло то, в чем мы были одеты. Немцы забрали всех мужчин из нескольких еврейских семей, которые ехали с нами, в том числе моего отца.

Мы с мамой вернулись в свой город Прилуки¹. Евреи города, лишенные права на жизнь и подлежащие уничтожению по законам фашистской Германии, были переселены на одну улицу, в так называемое еврейское гетто. Там был тяжелейший труд. Евреи, понукаемые и подгоняемые битьем немцев и полицаев, жестоко эксплуатировались с целью унижения и истребления. Восемь месяцев я пробыл в неслыханном рабстве без питания и без тепла в зимнее время. Еврейское гетто в Прилуках просуществовало с сентября 1941 года по 20 мая 1942 года.

Прилукский Бабий Яр. Не случайно местом сбора евреев для так называемого «переселения в Палестину» был назначен Плискунивский мост. Небольшой мостик, перекинутый через речушку Плискунивка, в честь которой и назван. Буквально в нескольких сотнях метров от моста фашисты обнаружили небольшой, но глубокий овраг (яр), окаймленный со всех сторон возвышенностями. Крутизна склонов такова, что не каждый спортсмен взберется по ним. В верхней части яра склоны раступались, образуя широкий пологий вход, по которому можно хоть машиной въезжать. В нижней части, между крутых склонов, узкий вход, где был заранее вырыт котлован. От места сбора евреев шла дорога к яру... Перед входом в яр с нижней стороны небольшая зеленая лужайка, расположенная за холмом, так что ее не видно ни с моста, ни из яра, где уже была уготована могила.

Немцы собрали полицаев со всех прилегающих районов, для совершения неслыханного преступления.

В ночь на 20 мая 1942 г. в гетто никто не спал, кроме маленьких детей, тревожно вздрагивающих в своем последнем сновидении. Рано утром от четвертой школы – центра еврейского гетто, с прилегающих улочек и переулков ринулись люди, в сторону улицы Ленина, главной и самой протяженной улицы города, которая вела прямо к Плискунивскому мосту. Старики шли по двое, шли семьями и группами с малышами на руках, таща скарб в узах. На улице стало многолюдно, передвигались по мостовой шаркающие, изможденные и обессиленные люди.

За восемь месяцев пребывания в гетто люди превратились в призраков, неведомо откуда они черпали силы передвигаться. Мужчин почти не осталось. Опасаясь сопротивления и бунтов, немцы истребили всех взрослых и здоровых мужчин. Женщины с детьми шли, еле передвигая ноги, без защиты и опоры, сопровождаемые плачем голодных детей и мольбами стариков. Шли по проезжей части улицы, а по обеим сторонам тротуаров траурную процессию идущих на смерть наблюдали местные жители. Некоторые верили в переселение или убедили себя в нем, и шли покорно. Большинство знало, на что идут и что ждет их в конце пути, но шли обреченно, не способные на сопротивление ни физически, ни морально.

Приютившие нас старики шли рядом, поддерживая друг друга. Старик был крупный мужчина, некогда физически сильный, а сейчас он еле-еле передвигал большие ноги в шитых валенках и резиновых чунях. Его жена рядом с ним казалась очень маленькой. Ее голова едва достигала уровня его груди. За ними шел Лазарь, держа девочку на руках. А жена несла грудного младенца. Их старшая тринадцатилетняя дочь шла между родителей, держа обоих за руки. За ними шла моя мама, несколько впереди от остальных соседей. Тонкое одеяло, которое она носила вместо платка, опустилось вниз и еле держалось на краях ее опущенных плеч, обнажив ее убеленную ранней сединой голову. Она шла и молилась. Лицо ее было сосредоточено. В своем обращении к Всевышнему, она шептала: «Господи, я у тебя для себя ничего не прошу, пусть будет все, так как тебе угодно, только об одном умоляю, спаси моего сыночка. Выведи его из этого ада, дай жизнь моему сыночку Иосеньке. Ты Всемогущ, я Тебя в своей последней просьбе умоляю, сделай, так как я прошу! Во имя его жизни, я тебе отдаю свою жизнь. Только спаси и защити его».

Под накидкой одеяла с распущенными, лучащимися белизной волосами, в своей материнской любви, вымаливающая жизнь своему сыну и ничего не просящая для себя, она воистину была святая. Переживающая за своего сына, она позабыла о своей спасительной накидке и шла, уже ничего не боясь.

За зловещим Плискунивским мостом немцы вместе с полициями перекрыли улицу, передние ряды остановились, а задние, подходя, образовали беспорядочную толпу. Здесь началось са-

мое страшное. Полицай отделили группу людей и погнали их за поворот, на зеленую лужайку. Тут на незащищенных неожиданно накнулись казаки с дубинками. Они беспощадно избивали всех подряд, приказав всем раздеваться догола.

Обнаженных людей гнали в яр, к заранее вырытому котловану. Немцы из зондеркоманды начали свою привычную для них «работу». А вот полицай вздрогнул. Но, услышав угрозы фашистов, начал тоже стрелять в незащищенных. Яр заполнился беспорядочной стрельбой, душераздирающими криками женщин и детей, стонами раненых и умирающих.

Среди расстрелянных оказались полицай совсем еще мальчишки. Увидев такой ад, который они себе не представляли, опустили свои ружья и отказались стрелять. Немцы набросились на них с криками: «Шисен, шисен, шнель!» «Стрелять, стрелять, быстро!» Но они не стали этого делать. Один из них, смотря прямо в глаза немецкому офицеру, сказал: «Нет, я не могу и не буду». По команде офицер их обезоружил. Им дали лопаты и велели копать себе могилу.

Покончив с первой партией обреченных, полицай загнали на злополучную площадку следующую группу.

Это массовое истребление продолжалось целый день. Как и обещали фашисты, «помощь» всем инвалидам была оказана: их грузили в машины, специально оборудованные так, чтобы выхлопные газы от двигателя отводились в кузов. Эти душегубки заезжали с верхней части яра для выгрузки трупов.

Молодых ребят-полицаев немцы расстреляли, оказав им честь быть похороненными в отдельной могиле, и не принудив их раздеваться. Они могли бы спасти свою жизнь, перешагнув границу, разделяющую человека и нечеловека, но не смогли и не захотели. Они предпочли умереть людьми, чем продолжить жить с руками в крови невинных. Ценой собственных жизней они остались людьми, сохранив честь и человеческое достоинство до конца.

В пятидесятые годы эту могилу сравнивали с землей, якобы потому, что в ней покоятся полицай. Возможно, кому-то было не по душе, что они отказались убивать евреев, а, может, пытались позабыть сам факт уничтожения евреев в городе. Во времена советской власти, когда устраивались митинги в память погибших, чья-то невидимая рука всегда втыкала на месте бывшей

могилы крестик из тоненьких веточек очищенных от листьев, несмотря на пристальный надзор властей.

20 мая 1942 года фашисты уничтожили все еврейское население города. Насколько я знаю, здесь было расстреляно более пяти тысяч человек. Моя родная мама, вместе со всеми евреями-прилучанами ушла в вечность. Но ее жизнь продлит внука, моя дочь Соня, которую я назвал ее именем. Сын Борис носит имя отца. Есть правнуки, жизнь продолжается.

До 1967 года братская могила была безымянной, 25 лет был негласный запрет на установление памятных знаков. Не добившись разрешения от горисполкома, я без разрешения вместе с моим другом по гетто Леонидом Брискиным установил на могиле памятную чугунную плиту. Надпись была сделана угодная властям, по тем временам ни одним словом не было упомянуто, что здесь покоятся евреи.

Спустя некоторое время, после того как был установлен мемориал на могилах людей, расстрелянных фашистами рядом с тюрьмой, вспомнили и о могиле евреев. Небольшую мраморную плиту, с надписью идентичной надписи на плите установленной нами, положили прямо на землю, просто так, без фундамента. Исторические сведения я получил из рассказов очевидцев тех событий, которые жили в районе Плискунивки на окраине города Прилуки.

Финал моей семьи безрадостный и трагичен. Родителей расстреляли фашисты, брат на войне остался без обеих ног и умер от туберкулеза после войны. Мне пришлось пережить гетто, немецкий лагерь военнопленных, советский лагерь спецпроверки, работать на угольной шахте.

Благодарен Богу за супругу – самого преданного человека, матери наших детей: дочери и сына, благодарю за оставленную мне жизнь, за то, что Он привел нас на обетованную землю **Израэль**, где я сейчас проживаю вместе с детьми и внуками. Жена ушла в мир иной. Я уже в преклонном возрасте, и обращаюсь к нашим внукам и правнукам: прошу помнить и не забывать, то, что фашистам нельзя простить.

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Entin.html>
[25.12.2013]

ХОЛОКОСТ. ГЕТТО. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

ЭРЕНБУРГ (КРАВЦОВА) София

Ильинцы

Наш классный руководитель Валентина Кирилловна до советской власти, при царе, окончила гимназию. Она была превосходным преподавателем русского языка и литературы. После освобождения нашей территории от нацистов, в январе 1944 года, в Ильинецкой средней школе в нашем девятом классе учились только двенадцать человек. Однажды Валентина Кирилловна рассказала о том, что в далекие прежние времена местечко **Ильинцы** было именем графа Потоцкого, и что его жена-красавица была еврейка.

Во время погромов, которые были во все времена, граф спас много евреев. На окраине **Ильинцев**, после Второй мировой войны, еще сохранилось польское кладбище с памятниками из черного мрамора. Один выделялся особо: девушка-красавица, по преданию – княгиня, погибла от укуса змеи. В те времена там был лес. Сохранился склеп, в котором поляки хоронили своих достойных людей. Исторически известно, что после изгнания евреев со своей исторической родины, король Польши в XIV–XV веках (а Польша была в то время экономически отсталым государством), предоставил возможность проживания еврейскому населению. Благодаря еврейским труженикам экономика Польши расцвела, государство стало богатым, расширило свои границы.

Во время очередных войн евреи оказались в **России** вместе с отвоеванной бывшей польской территорией. Жизнь евреев в **России** впоследствии была тяжелой. Существует легенда, что

кто-то из близких царской семьи, выйдя замуж за еврея, принял иудейскую веру. Возможно поэтому со времен Ивана Грозного была столь велика ненависть к евреям. В России была христианская вера. Уже в подростковом возрасте меня удивлял вопрос, почему еврейские дома располагались только в одной половине Ильинцев. Потом это оказалось готовым гетто для евреев при оккупации нацистами.

Въезд в Ильинцы начинался с деревянного моста с небольшим водопадом реки Соб, впадающей в большую реку Буг, там находился областной центр – город Винница. С древних времен в Ильинцах была средняя русско-украинская школа, еврейская школа, агрономический техникум.

Синагогу и еврейскую школу в 1937 году закрыли и запретили еврейскую речь.

Со времен графа Потоцкого сохранился у реки мукомольный завод, затем рядом сахарный. Через дорогу на горе – высокий костел, который по указанию первого секретаря райкома партии, после Второй мировой войны, снесли и на этом месте построили государственную парикмахерскую. В Ильинцеком парке стояла церковь. В центре Ильинцев находился клуб. Был еще молочный завод, где готовилось мороженое, рецепт которого хранился с древних времен. Мороженое было очень вкусным, что всегда отмечалось приезжими людьми.

Река Соб называлась так потому, что там когда-то были болота, и крестьяне, проезжая, погоняли коней этим словом. Так оно и осталось. Очень красивая река, на которой летом цвели прекрасные бело-розовые лотосы (а это значит, что в далекой древности там были тропики), по берегам – густые цветущие кусты. На берегу, у моста – огромные камни, песок. В конце недели еврейские женщины там стирали, чистили до блеска самовары и медные тазы, в которых варили варенье. Местечко было еврейским, где много трудились ремесленники, где каждый старался проявлять свое творчество.

Дома во второй половине Ильинцев были в основном прямоугольной формы, по 6 квартир с выходом на улицу для каждой семьи. Расстояние между домами такое, что проехать на велосипеде было нельзя, и называлось это на идиш «сыткыс», созвучно с «сити».

Во время оккупации Ильинцев нацистами лучшего гетто для облав во время акций и преследований не придумать. В Ильинцах расстрелами больше занимались эсэсовцы, но после очередных акций, кто-то один из семьи, оставшийся в живых, должен был отмечаться в жандармерии. За этим строго следили фашисты и полицаи. Кто не выполнял, расстреливали или жестоко избивали.

Первое знакомство

На третий–четвертый день фашистской оккупации, утром, к нам в квартиру ворвалась шумная толпа с криками: «Мое!». Местные жители в сопровождении нациста взорвали двери шкафа и грабили все подряд. Когда все дошло до драки, нацист лет тридцати, высокий, широкоплечий блондин, выстрелил из автомата в потолок и грабители с нашими вещами сразу исчезли.

Мы, все шестеро, молча стояли у стены: отец, мама, четырехлетняя сестра, брат двенадцати лет, брат девяти лет и я – четырнадцати лет. Отец говорил по-немецки, но тоже молчал.

Нацист оглядел нас широкой улыбкой. В его правой руке был автомат, а в левой – железная трость. Он подошел к серванту и тростью стал медленно сдвигать чайную посуду на пол, пока она вся не разбилась. Открыл весь сервант. Внимательно посмотрел на картину на стене. Она была размером 70 см x 50 см, с автографом в нижнем правом углу. Автора не помню. На картине была изображена высокая гора, на вершине стоял прекрасный замок, утопающий в лесу. У подножия горы тихое море. Краски были подобраны так, что все казалось живым и я, глядя на картину, всегда успокаивалась. Я очень ее любила. Нацист в грязных сапогах вскочил на чистую убранную постель. Снял картину и положил на кровать. Вновь посмотрел на сервант и увидел на верхней полке шкатулку, забрал. В ней были семейные украшения: золотая брошь из очень тонкой паутины, в центре которой – маленький паучок с рубиновыми глазками. Тонкая короткая нить жемчуга. Золотые серьги с прозрачными камнями в виде слез. Два обручальных кольца. Нацист соскочил с кровати. Из ящика выбрал шесть серебряных ложек и шесть серебряных вилок. Остальные были простые, не взял. Забрал все вместе с картиной и, широко улыбаясь, молча ушел.

Мы стояли в состоянии стресса, а мама сказала: «Дети мои, но мы живы». Отец пришел в себя чуть позже. Он был ветераном Первой мировой войны. Четыре года он был в плену в Венгрии, в городе Будапеште. Работал на фабрике по изготовлению одежды и, вместе с пленными других национальностей, учился высокому мастерству портного. Все пленные, в том числе немцы, относились друг к другу очень уважительно и считали всех достойными людьми. За четыре года работы он стал говорить на венгерском, чешском и немецком языках. Кроме того, владел украинским и русским. Говорил, писал и читал на идиш. Когда в 1918 году вышел указ Ленина – российским пленным вернуться в Россию, – отец вернулся в свои Ильинцы, после чего выезд за границу был запрещен. Отец женился на моей маме – красавице, и так появилась наша семья.

Страшнее злобных зверей

На следующий день, после ограбления, утром, я посмотрела в окно. Наш дом стоял в первом ряду. Напротив, через две узкие дороги с маленькой поляной, на горе, возвышался костел, мимо которого проходил дядя Нухим, высокий, широкоплечий наш сосед. Тети Эйди племянник. Она была вдовой с тремя сыновьями. Старший, Леня Полонский, в 1940 году окончил Ильинецкую среднюю школу и уже год учился в Одесском высшем учебном заведении. Тетя Эйда очень им гордилась. Младшие – мои ровесники. Вся семья дяди Нухима была большой и дружной. Жили в соседнем доме. Вдруг из-за костела вышли человек шесть нацистов и окружили дядю Нухима. Раздался громкий хохот. Один из нацистов ударил кулаком дядю Нухима, но он устоял. Затем один из них повернулся спиной к нашему дому, спустил брюки и присел. Остальные продолжали дико хохотать. Затем нацист поднялся, подтянул брюки, и все стали избивать Нухима. Когда Нухим упал, нацисты избивали его ногами, раздался выстрел.

Когда я очнулась, надо мной на коленях стояли родители, и я им все рассказала. Отец посмотрел в окно, но там уже никого не было. Отец пошел к тете Эйде, рассказал ей все. Ее мальчик Арик был озорным и помчался посмотреть. Он быстро вернулся и сказал, что там, на тротуаре у костела, много крови и

дерьмо. Больше никого нет. Во время акций погибла тетя Эйда с мальчиками и вся большая семья их родственников. Леня Полонский окончил первый курс института и сразу был мобилизован, когда началась война. В 1944 году он приехал в Ильинцы на несколько дней в звании капитана, встретил свою любимую девушку, ее звали Зиной. Спасли ее партизаны. Они женились. Жили долгие годы в городе Киеве, окончили учебные заведения, родили двух сыновей. На земле остались потомки тети Эйди. Это от Б-га.

После ужаса над дядей Нухимом наш отец позвал нас четверых и сказал: «Дети мои, хотя бы кто-то один из нас должен остаться в живых, надо убегать по одному, не раздумывая. Если кто-то приютит – больше двух-трех дней не оставаться, иначе ту семью расстреляют. Домой возвращаться. Если я останусь в живых, отмечу вас в жандармерии».

После этого родители оставили меня как старшую с детьми, а сами пошли в полуподвал, над которым была наша квартира. Он был куплен вместе с квартирой в 1937 году. Это было наше подсобное помещение. Там хранились наши дрова и др. Дрова были уложены до потолка в два ряда. Под моей кроватью был спуск в подвал, крышка его покрашена по цвету пола, одной и той же краской. Если смотреть со стороны – совсем незаметно. Родители к входу поставили переносную лестницу, и внизу получилось закрытое помещение. С одной стороны – дрова, а с трех сторон – стены. Окон не было. Там родители навели относительный порядок, снесли, что можно было и небольшой запас сухих продуктов, воду. Несколько раз мы там спасались. Получилось так называемое хранилище. К нашему большому горю, оно не всех спасло.

«Кто спасет одного, спасет весь мир»

Между массовыми расстрелами (акциями), которые чередовались, нацисты гнали нас еще на тяжелые уборочные работы. Дверь днем у нас всегда была приоткрыта, чтобы слышно было, что творится на улице.

Забегал к нам нацист и велел взять ведро и лопату. Мама успела мне смазать лицо сажей, объяснила, чтобы не видна была моя кожа. Мне было четырнадцать лет. Когда я вышла, у нашего

дома стояли человек шесть нацистов и группа девушек старше меня. Я их не знала. Они тоже с лопатами и ведрами. Все нацисты с автоматами шли молча. Тот, который шел за мной, толкал меня в спину автоматом. Мне показалось, что кто-то из них сделал ему замечание, но он продолжал толкать, мне было больно и по моему лицу текли слезы. Я молчала.

Поле, к которому мы подошли, было размежевано кустами. Мы остановились у одной межи, они все ушли в другую сторону. Немец громко велел копать и показал место, куда высыпать картофель из ведра, что я и сделала. Прошло с полчаса, и раздались нечеловеческие крики. Мне стало страшно. Остановилась, посмотрела на нациста. Он отвернулся и закурил. Я подумала – пусть стреляет в спину. Сорвалась с места и побежала к кустам. Когда я скрылась в кустах, услышала очередь выстрелов из автомата. Долго я бежала. Когда уже сил не было, я остановилась и, подумав, поняла, что немец стрелял вверх. Это означало, что он меня спас. Я подумала: «Если я выживу – кем я буду, чтобы возвращать людей к жизни? И решила, что буду врачом».

Клятву свою выполнила. Думаю, что те, у кого не поднялась рука убить ребенка, строили демократическую **Германию**. Теперь там тоже живут евреи.

Это были не люди, а изверги

В моей, в прошлом большой еврейской родне, запрещены были родственные браки. За этим строго следили наши старейшины. Будучи впоследствии врачом, я узнала, что в таких случаях суммируются чаще патологические гены. Теперь я думаю, поэтому среди нас было много красивых людей, многодетных и здоровых.

Моя сестра Соня жила с мужем и двумя детьми в **Одессе**. Ее муж заведовал поликлиникой. Перед самой Второй мировой войной она приезжала в гости к родителям. Одной девочке было пять лет, другой три годика. Мужа в первые дни мобилизовали на войну. Мою сестру предали, когда начались акции. Ее с девочками нацисты и полицаи вели на расстрел. Увидел священник. Он побежал следом с поднятыми кверху руками и кричал: «Красоту нельзя убивать, это великий грех!». Нацисты с поли-

цаями остановились, подождали и, когда священник их догнал, сразу расстреляли сестру с детьми и священника тоже. Когда муж моей сестры вернулся с войны, он узнал, что его семью во время оккупации казнили нацисты.

Пусть будет земля ей пухом

Мы заподозрили, что будет очередная акция, и я сбежала до села **Неменка**. Это не так далеко от **Ильинцев**. Почему-то я миновала первую крайнюю хату. Не знаю почему. Б-г помог. Дошла до второй хаты. Дверь была открыта и хозяйка, глядя на меня, сказала: «Что ж мне делать с тобой?» Схватила меня за руку, и мы побежали за ее хату, за которой, в тридцати сантиметрах от стены, стояла высокая копна коровьего удобрения для огорода. Я была худенькой, она затолкнула меня в нишу копны. По-видимому, до меня здесь уже кто-то был. Велела прикрыть вход сухим удобрением, но оставить маленькое пространство, чтобы не задохнуться.

Мне было только четырнадцать лет. Было страшно. Трудно дышать. Прошло мало времени, и я услышала ужасные крики разных голосов, затем крики стали громче, и я поняла, что это уже с улицы, а через короткое время раздались выстрелы. Когда наступила темнота, хозяйка подошла и подала мне кружку молочного киселя, затем сказала, что в одном ряду с удобрением находится коровник с коровой, свинарник с двумя свиньями и курятник, и книзу ее огород. Нацисты часто забирали, что им надо было, но не все.

Потом она мне сказала, что видела в окно несколько еле живых девушек в сопровождении нацистов, и когда они ушли дальше, слышала выстрелы. Через час она вышла за изгородь, на улице никого не было, и она пошла за киселем, который мне принесла, чтобы никто не увидел. Через два дня хозяйка меня позвала. Акция в **Ильинцах** закончилась. Когда я зашла в хату, она сказала: «Дыгына моя (дитя мое), у меня открытая форма туберкулеза, и я не хочу брать на себя грех заразить тебя. С моими детьми – как Б-г даст. Их у меня четверо. Муж на войне».

Она дала мне несколько картофелин, и я их принесла домой в **Ильинцы**, куда мы все вернулись. Отец на следующее утро отметил нас в жандармерии.

Нашу территорию освободили партизаны совместно с Красной Армией. Я через какое-то время пошла в [Неменку](#) и узнала, что женщина, которая меня спасла, вскоре после освобождения [Неменки](#) умерла от туберкулеза, ее детей забрали близкие родственники. Муж вернулся с войны. Значит, у детей жив отец.

Вспоминая тот случай, у меня и сейчас сжимается сердце. Б-г помог мне в том ужасе встретить святого человека.

Трагедия за трагедией

Под одной крышей, но в рядом расположенной квартире, жили сапожник с женой. Он шил модельную обувь. Им было около сорока лет, но не было детей. Надо ведь такому счастью случиться, чтобы через несколько дней после оккупации [Ильинцев](#) фашистами, у них родился замечательный мальчик. Мои родители, по секрету, сказали им и показали наше «убежище», если у них другого выхода не будет. Там можно было даже что-то поест. Соседи обещали никому не говорить.

Когда началась очередная облава, мы успели сбежать, а они спустились с дитем в наше подполье. Это нелегко. Во время акции было жуткое зрелище. За евреями нацисты и полицаи гонялись, как ужасные охотники за дичью, возможно, пьяные. Во время погони они слышали плач ребенка, но в нашей квартире никого не нашли. Когда крики людей стихли, соседи выбрались в «сыткыс», где их поджидали нацисты и полицаи, и три человека местных жителей. На руках у мамы уже утихшим лежал ребенок, рядом стоял муж. Их всех расстреляли. Местных жителей нацисты позвали, чтобы показать – если они спрячут еврея, с их семьями так же поступят.

Как сквозь землю провалилась!

При втором побеге из [Ильинцев](#), я оказалась в другом конце села [Неменка](#). Я вошла, хозяйка мне сказала, что это хата старосты села, и звать его Оксень. Можно себе представить мое состояние, вроде попала в клетку к живому тигру, на съедение. Это была кухня. Окно на улицу. В кухню с улицы через сени. Из кухни – дверь в комнату («салон»), одно окно на огород.

Мы обе опешили. Это была жена старосты. Она окинула меня внимательным взглядом и велела сесть за стол. Достала две

картошки «в мундирах» и кусочек курицы. Это было как во сне. Я подумала, что же меня ждет на этот раз? Я проглотила еду и она сказала зайти в «светелку». Я зашла, села на табуретку, не знаю, как быть дальше. Заглянула в дверь, а там те же сени, через которые я вошла в кухню.

Минут через двадцать я услышала отборную русскую брань (она на всех языках одинакова) и громкую немецкую речь. Когда они ворвались на кухню, я успела выскочить во двор и побежала вдоль огорода. Кто-то из них увидел меня в окно и все побежали за мной следом. На моем пути стоял коровник, и я туда заскочила. Дверь грубая нависает над землей, с обратной стороны две толстые перекладины. Дверь я открыла, руками уцепилась за верхнюю перекладину и уперлась ногами на нижнюю перекладину. За пойлом стояла корова. Когда они меня догнали и заглянули в коровник, никого, кроме замычавшей коровы, не увидели. Полицаи заорали: «Как сквозь землю провалилась!»

Когда все стихло, я спустилась. Болели руки и ноги. Я сидела до сумерек. Дверь прикрыла. Когда хозяйка пришла доить корову и увидела меня – не я, а она была в состоянии стресса. Взяла меня с собой в свою хату. Это оказалась сестра старосты. У нее было трое малолетних детей и муж на войне в Красной Армии. Летчик. Я поела немного. Она уложила меня спать на печку и сказала, что больше двух дней меня прятать не сможет. Это был установленный моим отцом срок, когда я должна вернуться домой в [Ильинцы](#).

Так я вновь выжила.

Летчик тоже выжил, вернулся инвалидом без одной ноги. Дважды, на костылях, он приходил к нам в [Ильинцы](#) после войны. Во второй раз он приоткрыл дверь, попросил разрешения войти и сел на стул. Из другой комнаты вышел отец и спросил, надо ли что сшить. Бесплатно. Летчик с чувством собственного достоинства посмотрел на меня и сказал: «Нет, не надо мне шить. Я пришел посмотреть на Соню и хочу ее запомнить». Думаю, жена ему обо мне рассказала. Я уже к тому времени вернулась в Ильинецкую среднюю школу. Передо мной лежала тетрадь, и я не знала, с чего начать сочинение на свободную тему на завтра. Это был девятый класс.

Красный флаг

В сентябре 1942 года к нам зашли трое нацистов. Каким-то образом они узнали, что мой отец профессиональный портной. Сказали, что они по национальности – венгр, чех и словак. Они поочередно заговорили на своих языках, и отец им свободно отвечал. Я спросила, почему они рассмеялись, отец ответил, что рассказал им анекдот. Я уже писала о том, что отец в Первую мировую войну оказался в плену в [Будапеште](#). Он многое рассказывал, но у меня вызывало удивление, что уже в 1914 году там было обязательное среднее образование, а у нас, в [России](#), – ликбез, ликвидация безграмотности. В [Будапеште](#) были пленные разных национальностей, и каждый, по своим возможностям, познавал другие языки. Были и немцы. Эти трое, вроде бы, хотели поучиться у отца работать не по лекалу, а математически вычислять крой для каждого человека в отдельности, в зависимости от его физических особенностей.

Появился интерес. Один раз в неделю они приходили к отцу, он с ними работал, а затем уходили, возвращались мимо костела (напротив нашего дома) и, если я смотрела в окно, махали мне рукой. Это продолжалось месяца два.

Нацисты нередко приурочивали акции к разным праздникам. Однажды утром, накануне седьмого ноября (день Октябрьской революции), над домом жандармерии появился красный флаг, который вскоре исчез. В этот день в [Ильинцах](#) как будто все замерло. Отец, как обычно, ушел на работу в жандармерию. Мама молчала. На следующий день отец, уходя в жандармерию, наказал мне не смотреть в окно. Венгр, чех и словак куда-то исчезли, и больше я их не видела.

Начались акции, и мы опять убегали. Колочей проволоки у нас не было. На этот раз мы убегали втроем – мама, сестра Лида и я. Мама тогда простыла. Добежали мы до оврага, где были раскопки белой и красной глины. Это место оберегалось крестьянами. Глину копали для ремонта хат к праздникам. Овраг был тогда в снегу. Мы были одеты в старых пальто и плохой обуви. Мама сказала засунуть ноги в обуви в снег. Лиду посадили между нами, чтобы ее согреть. За нашими спинами – заснеженная гора, и ветер оттуда не дул. Когда полностью стемнело, мы услышали лай. Мама сказала, что это волки. Если нацисты

не расстреляют – волки сожрут. Лида тихонько заплакала, захотела есть. Мама скатала ей снежный шарик, сказала съесть и думать, что это хлебушек. Есть после этого ей не хотелось. Мама читала молитву на идиш. Встала, обвязала себя платком, дала один конец Лиде. Показала, как держать, проверила и сказала, что полезет на гору первая. Я должна стараться лезть по маминому следу, а Лида ножками упираться в мои плечи. Может, получится подняться. Мы доползли, и мама сказала: «Есть Б-г».

Когда мы в темноте осмотрелись, увидели недалеко одну только хату. Прихрамывая, пошли, постучали в окно. Нам открыла женщина. Это был хутор на окраине [Неменка](#). Жила здесь женщина с сыном. Он окончил Ильинецкую среднюю школу, и его прятала мама от нацистов, чтобы не угнали в [Германию](#). Мужа ее раскулачила советская власть и сослала в [Сибирь](#), откуда он не вернулся. Женщина настороженно впустила нас в хату, вскипятила чай с мятой, положила немного остывшей картошки в «мундирах» и уложила нас на большую, еще теплую печь.

Когда стало светать, она нас позвала, посмотрела и сказала, что маму с сестрой (ей было только пять лет) оставит на несколько дней у себя, а мне надо уйти. У мамы появились слезы, а я попросила не плакать: «Может, Б-г поможет».

Когда от нацистов освободилась наша территория, а шла еще война, сына хозяйки мобилизовали в Красную Армию. Он остался живым и потом работал в Ильинецком собесе.

Тетя Мария

Я ушла и, все-таки, добралась до какой-то хаты. Дверь открыла женщина, хозяйка. Вид у меня, по-видимому, был очень жалкий. Она сразу впустила меня, заварила чай с сушеной малиной, что-то положила на стол. Я сняла пальто, и она помогла мне залезть на теплую печь. Это был рай! Я согрелась и уснула. Утром тетя Мария меня разбудила. Позвала свою дочь Антонину, мою ровесницу, и велела найти что-то из своей украинской праздничной одежды. Нагрели воду, я вымыла голову в тазу и в той же воде сама вымылась. Тетя Мария сказала мне замочить, постирать свою одежду и положить на печь сушить. Я все сделала. Затем позавтракали, и тетя Мария сказала Антонине, что с

вечера начинается Рождество, и мы все вместе пойдем в церковь на праздничную службу.

Я была чистая, нарядная. Когда мы вошли в церковь, по мне прошел страх. Многие на нас оглянулись. Долгим взглядом на меня посмотрел священник. Мы с Антониной зажгли и поставили по свечке, и стали в углу, у двери. Священник начал праздничную молитву. Меня никто не предал. Мы ушли первыми. Я тогда, будучи подростком, поняла, что все истинные религии учат добру и миру. Через три дня мы вернулись домой в **Ильинцы**. Трудно передать выражение лица моего отца. На следующий день он опять отметил нас в жандармерии.

О зиме

В начале 1942 года на **Украине** морозы доходили до минус 30–40 градусов. Так редко бывало. Большие снегопады до полутора метров высоты. Меня вместе с другими евреями (в перерывах между акциями) нацисты и полицаи с автоматами сопровождали разгребать снежные сугробы для проезда разного транспорта.

Шла небывалая за все века ужасная война. Мы были плохо одеты и у меня очень мерзли ноги. Иногда дойти после работы домой мне помогала девушка Соня, значительно старше меня. Ее родители были расстреляны, а ей удавалось до акций убежать. Мама давала ей что-то поесть, после чего показала ей наше полуподвальное хранилище и сказала: «Только на крайний случай».

Староста

1943 год. Кое-где появились листовки. Если кто из местных жителей срывал – их расстреливали. Мы уже знали, что Красная Армия наступает на врагов. Массовых акций уже не было, почти все евреи были расстреляны и некоторые из тех, кто работал в жандармерии. Нацисты и полицаи еще более свирепствовали.

Моего отца как профессионала знали во многих окружающих **Ильинцы** селах, и, пока мы были живы, кое-кто приходил шить одежду. После акции отец вернулся с работы из жандармерии, а к нам пришел, как оказалось, староста села **Неменка**. Он сказал: «Пока ты, Кравцов, жив, шшей одежду моей семье».

По ночам, закрыв окна тряпками, мы с братом Аврамом отцу помогали. За сшитое пальто могли принести килограмма два картофеля. Это было богатством. Староста предложил отцу уехать в **Неменку**.

– А семья? – спросил отец.

– Семья и швейная машина тоже.

Отец на следующий день решил ответить. Он рискнул подойти к главному жандарму по фамилии Коргин и, владея свободно немецким языком, сказал, что приходиться на работу будет из **Неменки**. К большому удивлению отца, Коргин разрешил.

К вечеру того же дня староста приехал к нам на подводе и забрал нас всех шестерых, а также машинку «Зингер».

Отца, брата Аврама и меня он оставил у себя. Хата оказалась та, из которой я уже однажды убегала от нацистов и полицаяев. Хозяйка меня встретила, как незнакомку. У них было трое детей, и они ждали четвертого.

Маму и сестру Лиду староста увез к сестре злобного полицая Ивана Шевчука. Он в прошлом был раскулачен и судим. Мария, так звали его сестру, жила в хате в дальнем конце села. С дочерью на выданье.

Брата Якова, который был светлым, голубоглазым, как я в раннем детстве, отвез к двум пожилым бездетным людям. Мы все в семье очень любили Яшу и всегда кусочек своей еды отдавали ему.

Несколько дней по утрам отец продолжал уходить в жандармерию на работу. Как-то к нему подошел полицай. Сказал, что все равно его расстреляет. Отец решился сказать об этом Коргину.

Однажды отец шел с работы в **Неменку** через Голики, так называлась улица, где была наша средняя школа, в которой учились дети из **Ильинцев** и близко расположенных сел. Он оглянулся и увидел преследовавшего его полицая с автоматом. В этот момент из-за ограды на дорогу выскочил человек и закричал: «Стой! Стреляй в меня! Тебя и твоих потомков проклянет Б-г!» Полицай остановился, а затем пошел обратно.

Отец все же продолжал ходить на работу в жандармерию. Прошло несколько дней. Как-то отец оказался один в мастер-

ской, когда туда зашел Коргин, поставил сапоги и сказал: «Теперь он тебя не убьет».

Трудно себе представить состояние отца, когда он все рассказал маме.

Мама с сестрой Лидой жили у Марии в помещении, где хранилось сено, основной корм для коровы в зимнее время. При нацизме в **Неменке** у всех жителей было свое хозяйство, огороды. Трудились сами. Не воровали, закрывать на замки не было смысла, потому что нацисты все замки срывали и всех расстреливали. Нацисты приезжали, забирали, что надо и уезжали.

В сравнении с другими селами, из **Неменки в Германию** на работу было послано мало людей.

Было в селе три полицаи. Бывшие раскулаченные. Самые жестокие из них: Иван Шевчук, затем Мочульский и Ревацкий. Было страшно, но отец сказал, что надо держаться. Прошло несколько дней, и мама почему-то сказала Марии: «Подумать только, из одного дерева крест и лопата!». Это означало – святое и дерьмо.

Мария зачем-то сказала Ивану, брату полицая, и он ночью вместе с отцом пришли. Иван был с автоматом и зло крикнул: «Рахиль, пошли, расстреляю!» Лида спала. Они шли в **Ильинцы** и, когда остановились, мама сказала: «У меня есть отрез, я берегла для Сони, когда вырастет. Отдам тебе. Исаак сошьет тебе пальто. Отпусти нас, убить ты всегда успеешь». Иван автоматом больно толкнул маму, мама упала, а когда поднялась, с трудом вернулась к Марии. Мама отдала ему сверток, и Иван, полицай, сказал: «Исаак пальто сошьет, а Соня останется у меня в хате заложницей».

Когда отец, вместе с братом Аврамом и мною, сшили все старосте и его семье, Иван нас троих забрал к себе. У Ивана была добротная хата под металлической крышей, а не под соломой, как у многих в селе. Огромная комната, кухня, сени. В кухне большая русская печь для приготовления пищи и для отдыха, согрева. Детей у них не было.

Утром отцу надо было идти в **Ильинцы** в жандармерию. Пришел староста и рассказал, что в **Ильинцах** нацисты и полицаи выследили одну красивую еврейскую девушку. Они ее догнали, а она вбежала в нашу квартиру, но найти ее не смогли. Это была

Соня. Она успела спуститься в наше убежище под полом. Нацисты подожгли наш дом. Тогда они услышали крик «Родина, Родина!» Останется вечной тайной, что она имела в виду. На крыше стояла красавица Соня, которая сгорела вместе с домом.

Местные жители были свидетелями. Это был наш дом. Он первым сгорел в этом гетто в **Ильинцах**. У нас уже не было своего дома, крыши над головой с убежищем в нашем подпольном помещении, в котором мы неоднократно скрывались во время акций и преследований нацистов и полицаев.

В жандармерию на работу в **Ильинцы** отец больше не пошел.

Когда нашу территорию освободили от нацистов, ни одного еврейского дома не осталось. Был пустырь. Пустое место.

У полицая

Шевчук приказал только отцу и брату шить, а мне заниматься хозяйством, огородом. Жену звали *Ганной*, и она дополнила, чтобы я еще доила корову. Обед *Ганна* варила сама.

Мне было шестнадцать лет. *Ганна* показала мне, как доить корову, а на следующий день пошла со мной проверить. У меня получилось. С неделю болели руки, а потом перестали. Окрепли. Я вскопала огород, посадила картошку и другие овощи и на небольшом участке вместе с хозяйкой посеяли овес. Она показала, как это рукой равномерно делать.

После этого *Ганна* надумала отгородить стеной кухню от комнаты. Понадобились кирпичи, и она велела их готовить. Для раствора необходимы были глина, песок, конское удобрение и вода и все это надо было месить ногами. Ноги мои болели, они часто зимой замерзали, когда нас, евреев, нацисты и полицаи гнали на разгребание снежных сугробов. *Ганна* принесла деревянную форму, из которой надо было раскладывать кирпичи для последующей сушки под навесом, чтобы их дождем не размывало. Я месила, ноги очень болели, а затем, со временем, перестали. Мои мышцы окрепли.

Когда отец с моим братом закончили шить у Шевчука-полицая, он перевез их вместе со швейной машиной к своей сестре Марии шить.

Мама с моей шестилетней сестрой Лидой находились в помещении, в котором хранилось сено.

Брат Яша продолжал находиться у тех же пожилых бездетных, старых людей. Однажды, среди ночи, к ним постучались, назвали партизанами, и они в страхе открыли дверь. По ночам нередко приходили нацисты с полициями и забирали все, что им нужно было. Уезжали. Когда хозяева впустили так называемых «партизан», хозяйка крикнула: «Яша, слезай!».

– Так у вас еще Яша есть? – Бабушка закричала, что он не еврей, но они избили его до полусмерти и эти пожилые люди моего брата с трудом выходили.

Они после освобождения территории от нацистов недолго жили.

Я осталась у Шевчука-полицая одна. Через несколько дней Ганна, уходя, велела замкнуть изнутри дверь, и я залезла на печь. В дверь через час сильно постучали. Мужской голос назвал мое имя. Я по голосу узнала полиция Мочульского. Он иногда приходил к Шевчуку. Он угрожал сорвать дверь, но я не отзывалась, и он ушел. Когда Ганна вернулась, я ей ничего не сказала, потому что она меня ни о чем не спросила. Продолжала свою работу.

Прошло еще несколько дней и полицай пришел вечером пьяный и Ганне рассказал, что еще обнаружили и застрелили евреев. На следующий день он вновь пришел пьяный, а ночью ко мне к печи подошла Ганна, тихо разбудила и сказала, что Иван заберет меня в Ильинцы, но поначалу меня, чистую, изнасилует. Меня охватил ужас. Мы тихо вышли из хаты, подошли к забору, и Ганна показала, в какую хату бежать. Я сразу помчалась. В хату не стучалась. Забежала в коровник. Корова как-то застонала, а не замычала. Я подошла к ней, погладила и увидела, что она телится. Из угла быстро принесла сена, постелила и стала поддерживать рождающегося теленка. Я отошла, а корова сразу стала его облизывать.

Вскоре зашла хозяйка. Она испугалась, увидев меня. Я ей все рассказала, и она разрешила остаться, только подняться на горку сена.

Утром хозяйка пришла подоить корову. Вскипятила молоко, которое несколько дней называется молозивом. После кипячения образуется сразу масса в виде творога. Совсем другого вкуса. Это деликатес. По качеству – человека с того света возвращает. Когда я кусочек съела, как-то очень легко стало и никакого голода. Было очень вкусно. У меня прошел страх.

Вечером она позвала меня в хату, сказала залезть на печь. Утром дала мне поесть. Она оказалась дорогой мне Человек с большой буквы, тетя Мария Целомудрая. Это она меня с Антониной, своей дочерью, отправила на рождественскую службу в церковь.

Часам к десяти мы услышали русскую брань и громкую немецкую речь. Хозяева вышли во двор встретиться, а полицай спросил, есть ли самогон.

«Есть», – ответил хозяин, Роман Иванович Целомудрый, попросил подождать, вынесет. Нацист сказал войти. Полицай чужой, все выискивал, заглянул на печь, а там я. «А это кто?», – спросил он. Тетя Мария растерялась, назвала меня. Полицай крикнул: «Слезать!».

В это время хозяин успел выпить и угостить самогоном нациста, который посмотрел на меня и под автоматом вывел меня к забору. Хозяйка поила полицай самогоном. Когда хозяин решил заглянуть в хату, полицай был пьян. Нацист навел на меня автомат и махнул мне рукой. Я поняла – убежать! Помчалась вдоль огорода по кустам и вновь в своей жизни услышала серию выстрелов из автомата, по-видимому, вверх. Потом ни этого нациста, ни полицай Целомудрые не встречали.

С Целомудрыми и их потомками, где бы мы впоследствии не жили, до сих пор остаемся большими друзьями. Их дети, Слободяники Елена и Леонид, ухаживают за памятниками нашим родителям, которые похоронены в Ильинцах на еврейском кладбище. Отец в 1968 г., мама в 1970 г. умерли.

Безвыходное положение

Так получилось, что наша семья случайно оказалась в хлеву (подсобном помещении) сестры полицай Ивана Шевчука, и отец сказал, что необходимо срочно оттуда убежать.

Как известно, при советской власти были организованы колхозы, в которых работало все сельское население – колхозники. В колхозах находились помещения, хранилища зерновых семян для будущих урожаев. В Неменке тоже. Отвечал за хранилище крестьянин по имени Наум. Его при оккупации нацистами территории, оставили на своей работе. Это было недалеко от хаты старосты Оксеня.

Ночью отец решил пойти к Науму, и тот согласился спрятать нас в хранилище. Риск был большой. Нас было шесть человек.

В помещении хранились горы разного зерна, разделенного по сортам. Мы подошли к семенам овсянки. Все находилось на деревянном полу, на расстоянии около тридцати пяти сантиметров от земли – для проветривания зерна. Был спуск со стороны овсянки в это пространство под полом. Там можно было только лежать. Мы согласились.

Крестьяне зимой тоже не отдыхают. В их обязанность входило два раза в неделю перебирать зерно и содержать его в качественном состоянии для предстоящих посевов на полях. Они работали приблизительно до 12 часов дня, и, когда все стихало, мы выползали из-под пола и заползали на овсянку. Ночью Наум нам приносил что-то поесть. Нам много не надо было. Приносил ведро воды. Под полом, когда мы лежали, мышей не было. Только крысы, но они нас не трогали и пробегали мимо. Им, возможно, хватало зерна для еды. Было страшно, но мы вслух не говорили.

Так длилось более двух месяцев. Нас спасли партизаны. Это был еврейский партизанский действующий отряд. Командир отряда – Давид Мудрик, еврей. Находился в лесу и другой отряд. Он организовался раньше, но евреев туда не принимали, и командиром был дан приказ Давиду Мудрику организовать еврейский отряд отдельно. Достать свое оружие, свое хозяйство и самостоятельно бороться с нацистами. Что и выполнялось.

Под командованием Давида Мудрика это был не только боевой отряд, но он также задался целью и спас более двухсот еврейских детей разного возраста. В моем понимании, Давид Мудрик был героем. Очень мужественный и очень добрый человек.

В январе 1944 года оба отряда совместно с частями Красной Армии освободили нашу территорию и, в том числе, **Ильинцы** от нацизма. Когда в **Ильинцах** был судебный процесс по делу полицаяев, мой отец был среди основных свидетелей. Он многое знал. Были разные сроки лишения свободы. Но в **Сибирь** не сослали – дали старосте Оксеню десять лет. Полицая Шевчук и Мочульский исчезли, неизвестно куда. Полицая Ревацкому тоже дали 10 лет лишения свободы. Через 10 лет Оксень вер-

нулся и работал в колхозе. К нему относились уважительно. К Ревацкому два сына относились ужасно. Они его часто сильно избивали. Они учились хорошо, но из-за отца-полицая их ни в одно учебное заведение не принимали. Все село **Неменка** организовало собрание и поставило условие: если не прекратится избивание отца – они подадут коллективную жалобу с просьбой судить сыновей. Избивание прекратилось.

Послесловие

После небывалого за все века ужаса нацизма во время Второй мировой войны, несмотря на голод, холод, после войны мы продолжали учиться, работать – не только для себя, но и в память тех, кого нет с нами, над кем издевались и расстреливали нацисты, кто не дожил до Дня Победы.

Мой муж, Наум Меерович Эренбург, участник Второй мировой войны от **Сталинграда до Польши**. Кадровый военный топограф, подполковник. По приказу Сталина, в конце войны, небольшая часть оставшихся в живых топографов была послана на северо-восточную часть Ледовитого океана, в поселок **Певек** (теперь это город). Там была местная ставка. В тяжелых условиях топографы создавали новые географические карты того времени.

После войны мой отец, Исаак Давидович Кравцов, и мой брат, Аврам, работали в **Ильинцах** в ателье. Они, как мастера-портные, шили такую одежду, которая доставляла людям радость.

Моя сестра, Лидия, окончила Кемеровский педагогический институт. Работала учителем, а затем журналистом. С 1992 года с семьей дочери живет в **Израиле**.

Мой брат, Яков, окончил Казанский авиационный институт. Он доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный энергетик Республики **Татарстан**.

Моше Талесник – один из детей еврейского партизанского отряда, окончил Московский университет и с семьей проживает в **Израиле**. Принимает активное участие в жизни нашего Еврейского Государства.

Я окончила лечебный факультет Хабаровского медицинского института. По направлению Крайздраотдела работала врачом в **Певеке**, у Ледовитого океана. У нас с мужем, Наумом

Эренбургом, там родился сын Владимир. По переводу работала в стационаре Хабаровского медицинского института, в глазном отделении, офтальмохирургом высшей категории. Мой общий стаж работы – сорок восемь лет.

В 2001 году мы с семьей сына приехали в [Израиль](#). Сын работает в Хайфском Технионе. Внук Илья окончил Хайфский Технион, факультет электроники. Моя дочь, Татьяна Д'Сильва (Эренбург), работает врачом в [Тасмании](#), городе [Хобарте \(Австралия\)](#) в Королевском госпитале.

Моя внучка, Анна Красильщик, окончила университет в г. [Мельбурне \(Австралия\)](#), теперь в декретном отпуске. У меня двое правнуков.

Я прошу, по возможности, мои воспоминания о Холокосте включить в школьную программу начальных классов. На мой взгляд, это поможет развить у детей сострадание, любовь к окружающему миру, непосредственно к людям. Это поможет сохранить мир, здоровье, труд, красоту и счастье на земле. Творить науку, культуру, искусство. Сохранять книгу книг – Тору и все ценности, созданные нашими предками и не отдавать ни одного сантиметра нашей еврейской земли.

В июне 2011 г. Юлией Штрайм, заместителем мэра г. [Хайфы](#), и Григорием Пустыльником, председателем Союза малолетних узников Второй мировой войны, была организована замечательная встреча, на которой присутствовали солдаты Армии Обороны [Израиля](#). Две девушки и один юноша. Григорий предложил очевидцам рассказать о некоторых случаях, пережитых во время Холокоста. Наши гости очень внимательно слушали, чтобы запомнить. Я тоже вспомнила свой случай. Всего на пять минут. Когда я увидела, что по щекам девушек текут слезы, я поняла, что мое воспоминание прошло сквозь их сердца. У меня было состояние стресса. Я успокоилась на улице, где вокруг цветущие кусты и деревья и, несмотря на свой 85-летний возраст и многое другое, решила написать о пережитом мною Холокосте для того, чтобы на Земле никогда не было войн.

Я верю в Б-га, потому что были такие ситуации, что только Он мог помочь. Наша еврейская религия сумела сохранить свой народ и его традиции.

«МЫ ЗНАЛИ, ЧТО НЕМЦЫ УБИВАЮТ ЕВРЕЕВ...»

ЭПШТЕЙН Карл (1930 г.)

Я, Эпштейн Карл Иосифович, родился 14 февраля 1930 года. До 1937 года мы проживали в [Москве](#). В апреле 1937 г. отец был арестован как враг народа. Мать моя, Эпштейн Бетя Яковлевна, родом из [Украины – город Дунаевцы Хмельницкой области](#). Нас из [Москвы](#) выслали. В то время еще не вышел указ Сталина о том, чтобы родственники арестованных ссылались в лагеря. За нами из [Дунаевцев](#) приехал мамин брат – Мотя Фишерман – мой дядя. С апреля 1937 г. мы проживали в [Дунаевцах](#). В школу я пошел с восьми лет и до войны окончил три класса Дунаевцкой школы.

Началась война. Мы пытались эвакуироваться, но вернулись обратно, так как мать не сумела с двумя детьми сесть в поезд, а станция находилась в 18 км от [Дунаевцев](#).

Пришли немцы. Город [Дунаевцы](#)¹ был сдан без боя. Началась жизнь при немцах. 1 сентября 1941 г. я пошел в 4-й класс, но через неделю всех еврейских детей из школы выгнали.

Меня мать отдала учиться на сапожника. Мы уже знали, что немцы убивают евреев, и то, что население, в большинстве своем, относилось к евреям враждебно, но идти было некуда.

И вот начались издевательства над евреями. Евреям города была назначена контрибуция в сумме 200 тысяч рублей и 5 км золота. Тогда евреи [Дунаевцев](#) создали юденрат. Юденрат состоял из известных евреев города. Они знали, кто из евреев, сколько может дать. И евреи города откупались.

А евреи города [Миньковцы](#)², находившегося в 20 км от [Дунаевцев](#), контрибуцию не выполнили и там произошел погром

– первый и последний. Там, в [Миньковцах](#), жили моя бабушка – мама моей мамы, тетя, дядя и их дети. Все, кроме бабушки, погибли. Это было осенью 1941 г. Бабушка чудом уцелела, и моей маме передали, что она жива. Мать послала меня за бабушкой, и я привел ее к нам. Бабушка помылась, надела длинную белую рубашку, легла, ничего не ела и через пару недель умерла. Мы ее похоронили. Бабушка знала, что ее ждет, и решила умереть.

Юденрат распределял евреев на работу. В [Дунаевцах](#), в бывшем детском садике, находилась комендатура, и мы дробили камни, прокладывали дорожки для коменданта.

Зимой 1941–1942 гг. нас гоняли чистить от снега дорогу, ведущую на дунаевцевскую станцию. Все местные евреи [Дунаевцев](#) и те, которые были депортированы из [Черновцов](#) и других мест, трудились на разных работах под руководством юденрата.

Весной 1942 г. на евреев [Дунаевцев](#) наложили новую контрибуцию – 300 тысяч рублей и 10 кг золота. Гетто в [Дунаевцах](#) еще не было создано, и евреи жили по всему городу. Юденрат составил список евреев, которые должны были платить. Нашей семье тоже надо было платить, хотя мы были очень бедными. Перед началом войны мама получила посылку от нашего деда из [Белостока \(Польша\)](#) – набор серебряных ложек и вилок. Все это мама сдала в юденрат.

Но, несмотря на то, что евреи [Дунаевцев](#) выполнили и вторую контрибуцию немецкого командования, 19 октября 1942 года состоялся второй погром.

Все евреи города [Дунаевцы](#) были уничтожены.

«БОЛЬШЕ МЫ РОДНЫХ НЕ ВИДЕЛИ...»

ЭСТИС Евдокия (1926 г.)

В город [Бар¹](#) [Винницкой области](#) немцы вошли через три недели после начала войны. А уже через месяц все евреи были переселены в гетто, куда и я попала с семьей (отец – Соломон Моисеевич, учитель барской средней школы, мать – Роза Пинхусовна, сестра – Женя и я). Сразу приказали пришить на одежду две шестиконечные звезды: одну – на груди, другую – на спине. И начались черные дни – голод, холод и самое страшное – унижение.

Мы жили в постоянном страхе, часто проводились облавы.

В ночь на 19 августа 1942 г. гетто оцепили солдаты и всех жителей «организованно» отвели на стадион, поставили на колени и стали «сортировать»: молодых – в одну колонну, стариков и детей – в другую. Мне тогда было 16 лет. Когда немец с плеткой подошел к моей старшей сестре и с криком «Шнель!» показал, куда ей бежать, мать, вдруг, с силой толкнула меня к сестре и крикнула: «Бери ее, Женя!».

Как она сумела среагировать тогда? Не знаю. Но, как выяснилось, она этим спасла мою жизнь. Больше мы родных не видели.

Нас отвели в лагерь за городом. И через некоторое время стали выводить на работу – собирать табак на полях. От таких же, как мы горемык, узнали, что совсем рядом с полем, где мы работали – место казни всех «отсортированных» на стадионе. Однажды нам с сестрой удалось выбраться на место расстрела. То, что мы увидели, нас потрясло. Я не знаю, сколько было казнено невинных людей, но могил (потрескавшихся участков

земли) было несколько. Повсюду валялись детские игрушки, документы, кое-какие вещи.

Полевые работы закончились, и нас снова собрали в гетто. Примерно в октябре поползли тревожные слухи о том, что опять начались погромы, и мы с сестрой решили бежать.

Решили идти к линии фронта и направились к Виннице. В городке Литин², на рынке, к сестре подошел полицай и стал допытываться, кто она, откуда? Нас выручила незнакомая пожилая женщина, которая, сделав вид, что Женя ее дочь, схватила ее за руку и стала отчитывать: мол, где это она шляется?.. Женщина отвела нас к себе домой, где жила вместе с двумя сестрами. У этих добрых женщин мы пробыли некоторое время. Но оставаться у них, значит – подвергать их опасности.

Договорились с жителями Литинского гетто, они нас приняли, хотя, тоже нелегально. Каждое утро их выгоняли на работы, а мы прятались в погребе. В любой момент нас могли обнаружить, и тогда литинских евреев ждало бы суровое наказание.

Бесконечные два года скитались мы с сестрой. Из Литина отправились обратно – в Бар, но в селе Лука Барская нас предупредили, что в Баре евреев уже не осталось. Мы ушли в Румьнию. Затем, опять пересекли границу, направляясь в Крыжополь к родственникам. Можно сказать, что нам повезло, нам в пути попадались добрые люди – помогали чем могли.

Домой мы вернулись после освобождения города Бар частями Красной Армии. Нужно было начинать жизнь заново, одним...

«МЫ ЧУДОМ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...»

**ЭТКОВА Нина (1932 г.),
ЗАХАРЧЕНКО Александр (1937 г.)**

Мы – родные сестра и брат, поэтому пишем вместе, вспоминая вдвоем нашу жизнь в годы войны.

Я, Эткова Нина Абрамовна, родилась 8 июля 1932 года в Феодосии. Моя девичья фамилия Гронштейн. Мне было 9 лет, когда началась война.

Я, Захарченко Александр Абрамович, родился 5 февраля 1937 года в Феодосии. Моя фамилия также была Гронштейн. Мне было 4 года, когда началась война.

Наши родители: отец, Гронштейн Абрам Исаакович, 1908 года рождения, мать, Гронштейн Анна Михайловна, 1913 года рождения.

Мы жили в Феодосии, на улице Буденного, 20, ныне – улица Нахимова. В Феодосии жила мамина мама, наша русская бабушка. Ее дом был на Карантине по улице Сиренная, рядом с городской больницей.

Наш отец в первые дни войны ушел на фронт, а мама с нами, двумя детьми, переехала жить к бабушке на Карантин. Эвакуироваться мы не успели.

Когда немцы вошли в Феодосию, для нас началась трудная, полная риска и смертельной опасности жизнь в оккупации. С первых дней немцы в городе установили жесткий порядок. Всем евреям приказали нашить на рукава белые шестиконечные звезды.

Воинская часть, в которой воевал наш отец, попала в окружение под Керчью. Надеясь спастись от плена, отец решил про-

бираться к нам, в **Феодосию**. Ему удалось выйти из окружения, он дошел до города, но попал в облаву. Отца схватили, нашли у него военный билет, где была указана национальность – еврей.

Его отправили в городскую тюрьму по ул. Базарной. Там уже были почти все феодосийские евреи, которые явились на регистрацию по приказу немецкого командования.

4 декабря 1941 года моего отца вместе со всеми евреями расстреляли в противотанковом рву на Керченском шоссе.

Всех наших родственников по отцовской линии, не успевших эвакуироваться, расстреляны вместе со всеми евреями города.

Нас первое время спасало то, что мама была русская, а детей от смешанных браков до «особого распоряжения» не трогали. Этого «особого распоряжения» мы ждали со страхом каждую минуту.

Всю оккупацию мы жили, как на вулкане. Каждую минуту ожидали, что за нами приедут немцы. Но мама нас спасала как могла. Мы всегда были одеты, и мама, заслышав гул мотоцикла, сразу через забор отправляла нас к морю, в горы, там можно было спрятаться среди камней. Мы сидели в пещерке и пережидали, пока она за нами не приходила. Дома оставаться нам было нельзя.

В тот год зима была очень суровая. Мы мерзли, но сидели тихо, зная, какая опасность нам угрожает.

На какие только уловки приходилось идти маме с бабушкой, чтобы спасти жизнь детям! С каждым днем опасность возрастала, немцы и полиция постоянно проводили облавы, выискивали прятавшихся евреев.

Маме посоветовали выйти замуж, сменить фамилию, чтобы сменить фамилию детям, что она и сделала в апреле 1943 года. Мы не знаем, каким чудом ей удалось достать нам новые документы. Но на улицу нас все равно не выпускали, прятали дома.

И еще, наверное, мы выжили в оккупации благодаря хорошим соседям. Они знали, кто мы, но нас не выдали. Их никого уже нет в живых. Вечная им память!

Мы помним такой случай: мама пошла на базар, а немцы устроили бомбежку с самолетов. Очень много тогда погибло людей на базаре, а еще больше было раненых. Их привозили на

грузовиках в городскую больницу. За каждой машиной на дороге оставался кровавый след. В одну кучу сбрасывали и мертвых, и раненых.

Мы об этом узнали, и, забыв обо всех страхах, бросились вдвоем туда. Мы очень боялись, что маму убило или ранило. Но, к счастью, ее Бог сохранил, она осталась жива и вернулась домой. Мы никогда не забудем этого ужаса.

Многое можно написать о тех страшных днях, прожитых в оккупации. Детская память устойчива, и всего пережитого не забыть.

Мы чудом остались живы, и до конца своих дней будем благодарны маме и бабушке за это.

После освобождения **Феодосии** мы пошли учиться в школу. Потом наша жизнь сложилась по-разному. У каждого из нас хорошие семьи, дети, внуки. И мы до сих пор остаемся жить в родной **Феодосии**.

Каждый год мы вместе с общиной приезжаем на место расстрела феодосийских евреев – туда, где был убит и наш отец. Вместе с детьми мы кладем цветы и камешки, зажигаем поминальные свечи и ставим их возле памятника Жертвам Холокоста.

«Разлука». – Феодосия, 2010. – С. 72–74.

В СТАНИСЛАВЧИКЕ ЖИЛИ ЕВРЕИ

ЮДЧАК Давид

У каждого человека на земле есть дорогое сердцу место. Для меня родным краем является село [Станиславчик Жмеринского района Винницкой области](#). Здесь я родился, рос, учился. Здесь родилась моя мать, сестра. И пока я жив, хочу оставить свои воспоминания нашим потомкам – о жизни евреев в этом местечке.

[Станиславчик](#)¹ – одно из старейших поселений Подолья на Украине. Находится оно на берегу реки Мурафа, в семи километрах от крупного железнодорожного узла [Жмеринка](#), на пути между [Жмеринкой](#) и [Шаргородом](#). В исторических документах XVI века село называлось [Юшков](#).

Население занималось гончарным производством, ловлей рыбы и ее обработкой. Возможно, отсюда и название села (юшка – рыбная похлебка). Во время нападения татар село было уничтожено, и в начале XVII века здесь возникло новое поселение [Чагарин](#). После воссоединения Правобережной Украины с Россией, собственником села стал подольский губернатор Бахметьев, который получил его в дар от Станислава Потоцкого и назвал село [Станиславчиком](#). Заботясь о росте доходов от своего хозяйства, Бахметьев пригласил из ближайших местечек – евреев-ремесленников и торговцев из [Бара](#), [Шаргорода](#), [Копайгорода](#), [Браилова](#), [Немирова](#). Евреи открыли там мастерские и лавки. [Станиславчик](#) становится местечком. При въезде и выезде из [Станиславчика](#) находилась корчма, где можно было перекусить, выпить чарку и переночевать. Корчма была своеобразным центром, подобным заезжим дворам. В 1802 году в [Станиславчике](#) и около него было 18 *корчм*. По состоянию на декабрь 1864 г. в местечке проживало евреев-мужчин – 102 человека, женщин – 100. По переписи 1897 года в [Станиславчике](#) насчитывается уже

более 5 тысяч человек, в том числе евреев – 1207. В 1905 году уже функционируют две еврейские молитвенные школы и еврейское училище «Талмуд Торы». В 1920 г. была проведена новая школьная реформа, создана единая трудовая школа, создаются национальные школы. На 1 января 1927 г. в школе учились 40 мальчиков и 51 девочка.

При советской власти создается еврейский национальный Совет, председателем которого в июне 1926 года был избран Меер Дернис, а секретарем – Вовсяникер. В 30-х годах председателями еврейского Совета была Ида Зельцер, позже – Пиня Рыжий.

В 1923 г. [Станиславчик](#) стал районным центром. В местечке устраиваются большие ярмарки вокруг ратуши. В ратуше было очень много лавок, где торговали железо-скобяными изделиями, сельскохозяйственным инвентарем, продуктами питания. Ярмарка была очень шумной и тянулась до пожарной, а там была таровица, где продавали скот.

В 1929 году была закрыта кирпичная синагога, в дальнейшем хата-читальня. В 30-х годах вторую синагогу (внизу, возле колодца) преобразовали в районный Дом культуры, а потом кинотеатр. В 2005 г. театр передан православной церкви Киевского патриархата.

В январе 1930 года в [Станиславчике](#) создается еврейская национальная коллективная сельскохозяйственная артель «Дер идишер пойер». Положение местного населения резко ухудшилось.

В 1933 году, во время Голодомора, мы питались сливовыми косточками, которые собирали в сельском саду. Были случаи, когда детей заманивали, и потом их убивали на мясо. Родители нас предупреждали быть осторожными.

Годы репрессий коснулись и евреев. В 1938 году были репрессированы и расстреляны Меер Дернис и Нисон Вакс. (В 1957 году реабилитированы.)

В 1933 г. я пошел учиться в первый класс еврейской школы, где проучился два года. Моими учителями были Роза Львовна и Рива Иосифовна. Школа находилась на главной улице, в среднем доме из трех однотипных, построенных в 1892 году тремя братьями.

Вскоре еврейская школа была ликвидирована. Учащихся перевели в украинскую школу-десятилетку, на класс ниже. В предвоенные годы директорами школы были: Приходько, Мовчан, Задунай, завучем – Довгань. Первый выпуск состоялся в 1937 году. Во втором выпуске было относительно много еврейских детей – Я. Шамис, М. Кройтман, И. Койфман, Т. Юдчак, Ж. Гуральник, С. Штейнград, И. Мекабель. Впоследствии все они учились в вузах.

Перед войной в школах ввели военную подготовку. В некоторых семьях были свои противогазы. В сельском парке проводились спортивные районные соревнования, сдача норм ГТО, ГСО, ПВХО.

Итак, пришел 1941 год. Началась война. С первых дней войны была объявлена мобилизация. Начали готовиться к эвакуации и в нашем местечке. Колхозных лошадей распределяли по семьям, но евреи не очень торопились. Удалось эвакуироваться семье Ицика Вакс, учительнице Саре Кройтман, но в **Ворошиловке** их настигли немцы и они погибли. Благополучно эвакуировалась только семья парикмахера Ицика Лемберга.

Немцы вступили в село 17 июля 1941 года. Я со своим учителем Николаем Францевичем Миноловичем стояли в центре села и видели все происходящее. Появилась колонна мотоциклистов и направилась в сельский парк, вторая колонна – в ветлечебницу. Рядом с нашим домом, в бывшем здании райвоенкомата, разместился, очевидно, штаб. В парке немцы развернулись: заняли помещение райисполкома, райкома партии. В двухэтажной школе разместили полевой госпиталь. В госпиталь попадали раненные немцы и советские военнопленные.

Двор школы превратился в военное кладбище, он пестрел немецкими березовыми крестами. Судя по надгробным надписям, здесь же были похоронены и советские солдаты. После войны останки советских воинов перезахоронили в братскую могилу.

В селе был установлен оккупационный режим. Люди боялись выходить, особенно евреи. Была создана местная администрация. Старостой села стал Гурий Васильевич Цуйман (бывший священник, ветврач), позже старостой стал Петр Главацкий. Полицию возглавил Василий Федорчук (в прошлом пожарный),

полицейские – Иван Бойко, Савуляк и др. Полицейские на левом рукаве носили желто-голубую повязку.

Еврейскую общину возглавил Ноах Штейнград. Всем евреям старше одиннадцати лет было предписано носить на левом рукаве белую повязку с вышитым на ней голубыми нитками или нарисованным химическим карандашом щитом Давида. Нас выгоняли на разные работы. Мы в бывшем колхозе работали на уборке овощей, сахарной свеклы.

Помню, как я подвозил лошадкой в бочке воду в немецкую столовую. Проходивший мимо молодой человек, знавший меня по школе, сказал немцу, что я юда. Я испугался, сбежал и сутки прятался в огороде, вблизи ветлечебницы.

8 сентября 1941 г. была облава на еврейские дома. В ней принимали участие прибывшие из **Западной Украины** бандеровцы, эсэсовцы, полицейские. Из домов вывозили все, особенно продукты питания. Все еврейское имущество свозили в полицию.

Территория **Украины**, между Днестром и Южным Бугом, была передана **Румынии**. Эта провинция получила название Транснистрия. При румынах все евреи в возрасте старше 11 лет должны были носить уже не повязку на левом рукаве, а отличительный знак на левой стороне груди в виде матерчатого кружка с шестиконечной звездой из желтой ткани. В здании конторы МТС разместилась румынская жандармерия. Претор (районный администратор) занял здание бывшего райисполкома.

В октябре 1941 года в **Станиславчик** прибыли изгнанники из **Буковины** и **Бессарабии**. Их разместили среди местных евреев. У нас жила семья Германа Друкмана (5 человек) из города **Вижницы Черновицкой области**. Несмотря на тесноту, жили все вместе дружно.

Весной 1942 года было создано гетто. Размещалось оно на территории от бывшего Дома культуры. Эту западную часть местечка оградил колючей проволокой. Нашей семье пришлось переселиться, т. к. наш дом не попадал под территорию гетто. В гетто оставляли только ремесленников, специалистов для обслуживания местного населения.

Остальные евреи были переселены на бывшую территорию фермы крупного рогатого скота близ села **Носковцы**. Эту тер-

риторию называли [Затишье](#). Сама ферма была разрушена, без окон и дверей. Люди, жившие в [Затишье](#), бродили из села в село, нанимались на любую работу, обменивали на продукты питания свои последние вещи. Искали в земле оставшуюся мерзлую картошку, свеклу. Руководил этим лагерем Лева Штивельман, которого после освобождения за жестокость к людям судили. От холода и голода за зиму очень многие умерли.

Некоторые стремились попасть в Станиславчикское гетто. Помню, как новый начальник полиции Ляхецкий встретил шедшего из [Затишья](#), начал бить его нагайкой, сидя на лошади. Затем загнал в воду под мост (возле пожарной). Второй случай. Мой друг детства, Нюня Штендлер, шел из [Затишья](#) в [Станиславчик](#). Это было зимой 1943 года. Заметив ехавших румын, он, вспотевший, спрятался в глубоком снегу. Простудился и умер. Мало кто из жителей [Затишья](#) дождался Победы.

Теперь подробнее о Станиславчикском гетто. Шефом гетто был назначен доктор Артур Кула, его заместителем доктор Кох, полицейским – Бадья. Все они были из [Черновиц](#), прекрасно знали румынский язык. В еврейский комитет входил наш бывший аптекарь Иосиф Маркович Слободянский. Переводчиком в жандармерии назначен Арон Розенберг.

В гетто был установлен строгий порядок. Никто не имел право без разрешения шефа выходить из гетто. В ночное время организовывали дежурство и обо всех событиях докладывали шефу гетто. Из гетто брали людей на работу в [Жмеринку](#), на военный склад, где сортировали трофейные снаряды, ремонтировали железнодорожное полотно на участке [Жмеринка–Ярошенка](#). Расчищали дороги от снега, разрушали не занятые местными жителями еврейские дома, которые до войны тянулись от аптеки до нынешнего сельского совета и вдоль шоссе по обе стороны от милиции. Дерево от разобранных домов шло на отопление жандармерии и претуры.

Мы также должны были возить воду. В три часа ночи два человека уходили из гетто подвозить воду в бочке на слепой лошадке, которую брали в бывшем колхозе.

Эпизоды нашей жизни: однажды я дал лошадке напиток из ведра, из которого сливали воду в бочку. Это заметил жандарм, подозвал меня и велел протянуть руки. Он мечом стук-

нул по одной и другой руке. Еще случай. Подметал территорию жандармерии. Вышел жандарм с собакой и натравил ее на меня.

Я часто помогал отцу. Как-то его привезли избитого с работы, где копали ямы под телеграфные столбы на трассе [Могилев–Подольский–Москва](#). Отец, как маляр, выполнял ремонтные работы. Случилось так, что одновременно шел ремонт жандармерии и претуры (помещение главы администрации). Начальник жандармерии избил шлангом (внутри тросик, в конце шарик) отца за то, что он пошел работать не к нему, а к претору. После этого отец несколько недель на работу выйти не мог.

Мы знали об уничтожении евреев в соседнем [Браилове](#)² и в других местах, где были немцы. Иногда в нашем гетто появлялись евреи, которые уцелели от погромов: измученные, раздетые, обмороженные и голодные. Они просились остаться в нашем гетто, но это было рискованно для всех местных евреев.

Пришлые уходили дальше... но куда? Самым близким населенным пунктом оказалась [Жмеринка](#)³. [Браилов](#) находился в восьми километрах от [Жмеринки](#) в немецкой оккупационной зоне, а [Жмеринка](#) – в румынской. Поэтому от погрома в [Браилове](#) евреи старались убежать в [Жмеринку](#). Немцы потребовали вернуть сбежавших обратно.

Евреи из [Жмеринского](#), [Станиславчикского](#) гетто старались помочь своим братьям. Помню, как у нас переночевал убежавший после очередного погрома мужчина из [Каменеца–Подольской области](#). Спрятали мы его в нише под печкой. Сбежал от погрома в нашем гетто только Миша Айзенберг из [Проскурова](#).

Мой друг Яша Шамис рассказал мне такую историю. В [Жмеринском](#) гетто он встретил своего бывшего товарища, Ицика Вайсберга, вместе с его девушкой. Они спаслись от погрома в [Браилове](#). Яша им посоветовал перебраться в [Станиславчик](#), где было более безопасно. Ицик согласился, но девушка отказалась. Они в числе 286 евреев были пойманы немцами, возвращены из [Жмеринского](#) гетто в [Браилов](#) и расстреляны. Такова трагическая история двух влюбленных.

Спасись и остаться в живых удалось только Изе Дахману. Он был уже в яме. Ему удалось выползти (это было вечером) и

перехватить на железнодорожную станцию, где жили украинцы, друзья его отца. Они в мешке переправили Изю в Жмеринское гетто. Он не был возвращен в Браилово, так как спрятался в дымоходной трубе инкубаторной станции, где собирали браиловских евреев. Так он остался жив.

Однажды нас собрали на площади, думали, что погром. Все годы пребывания в гетто были в постоянной тревоге и страхе, мы часто спали одетыми. Жили в надежде на освобождение. При встрече друг с другом спрашивали: «Вэн вэт кимэн ди ишие» (когда придет освобождение?). Лындрику удалось установить связь между гетто **Станиславчика** и **Жмеринки**.

В конце 1943 – начале 1944 гг. была также установлена связь с партизанами. Житель **Станиславчика** Михаил Бурдельный участвовал в подпольном движении, его поймали и он погиб мученической смертью. Его машиной волокли по земле, травили собаками. Все это было на глазах матери. После войны его прах перенесли в братскую могилу.

...Жители гетто готовились к отступлению немцев. Опасаясь погромов, убийств, почти каждый обитатель гетто искал место, где можно было укрыться. Однако без помощи местного украинского населения нельзя было спастись. Спасителями нашей семьи были Василь Цеплый, Семен Швец. Продуктами питания жителям гетто помогали Терентий Слотюк, Захарий Козачок, Онуфрий Затей. Нашей семье помогала Екатерина Кадук.

Важно отметить, что во время оккупации **Станиславчика** я не знаю ни одного случая проявления антисемитизма. О том, как дружно жили в нашем местечке украинцы с евреями, писал в своих воспоминаниях «В нашем селе жили евреи» мой ученик, полковник Советской Армии Иван Шкварко. Он пишет о дружбе его деда Карпо Твердохлеба с семьей Любы Балкарей.

10 января 1944 года, в связи с наступлением советских войск, румыны из села сбежали, но тут же возвратились, так как советские танки были отбиты.

Оккупация **Станиславчика** продолжалась 975 дней. Утром 17 марта 1944 года мы оказались без «хозяев». Ночью румыны снова удрали, хотя вечером в этот день напротив сберкассы остановилась немецкая танкетка. В ней был солдат, отбившийся от своих.

Утром 18 марта мы, юноши, побежали в двухэтажную школу, из окон которой смотрели на дорогу из **Жмеринки**, откуда надеялись увидеть появление Красной Армии. Но со стороны села **Будьки** мы увидели человека верхом на лошади. Побежали ему навстречу, встретились возле аптеки. Он расспрашивал нас, есть ли в селе немцы. Мы отнеслись к нему с недоверием, так как он был в погонах и шинели цвета хаки (красноармейцы до войны погоны не носили). Разведчик вернулся, и сразу пошла колонна военных на юг, в сторону **Шаргорода**.

Стоял солнечный весенний день, оттепель, распутица. Техника еле-еле двигалась по бездорожью, уставшие солдаты шли пешком. С обеих сторон дороги их приветствовали, как освободителей со слезами на глазах жители **Станиславчика** их угощали.

Вечером, в помещении сберкассы, состоялся митинг. На митинге выступил мой друг Изя Койфман, он призывал мстить фашистам. Из **Жмеринки** доносились артиллерийские выстрелы.

Вернулись представители власти, началась мобилизация. Многие ушли с действующими войсками. Очень жаль, что, оставшись в живых после оккупации, погибли на фронтах братья Срул и Иосиф Мекабель, Миля Ланцман, Зеэв Мирончик, Абраша Вакс (сын репрессированного).

В **Станиславчике** после освобождения от врага разместился большой военный госпиталь. Люди начали возвращаться в свои сохранившиеся дома, в города своей **Буковины**. Но многие разбежались.

К концу 90-х в **Станиславчике** не осталось ни одного еврея. Судьба разбросала нас по разным странам и континентам, но помнить мы должны о нашем прошлом, о том месте, где прошло наше детство, где в могилах лежат наши предки.

Да, мы можем теперь сказать, что в нашем селе жили евреи.

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Udchak.html>
[25.12.2013]

«ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА НАЧАЛИСЬ МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ ЕВРЕЕВ...»

ЮРЧУК Роза (1936 г.)

Я, Юрчук Роза Исааковна (девичья Зиньковецкая), родилась 4 июня 1936 года в селе Волица-Керекешина Староконстантиновского района Каменец-Подольской области (ныне Хмельницкой) в еврейской семье.

Мой отец – Зиньковецкий Исаак Соломонович, по национальности еврей. Мама – Зиньковецкая Ксения Марковна, украинка.

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось 5 лет. Мой отец с начала и до конца войны был на фронте. Мама с четырьмя малолетними детьми и родителями мужа осталась на оккупированной территории.

С первых дней прихода немцев в наше село, начались издевательства и гонения на евреев. Первое, что я запомнила и до конца своей жизни не забуду, такой эпизод: мой дедушка возле своего дома стоял на коленях и молился Богу, а его брат копал яму. Немец стоял с автоматом и ожидал, когда эта яма будет готова, чтобы их обоих расстрелять. Мама, прижав нас к себе, громко рыдала. Это видели наши соседи. Кто-то из них сообщил об этом сельскому старосте Степану Сергеевичу Юрчуку. Он прибежал и при помощи деда, который владел немецким языком, начал объяснять немцу, что эти сельские «жиды» никому ничего плохого не сделали. После этого разговора дедушек отпустили, но через два дня нас всех повезли в Староконстантинов¹ в гетто.

По приезде в гетто нас разлучили с мамой: маму отпустили – так как она украинка, а нас, брата Леню, сестру Анну, сестру Полину и меня, считали еврейскими детьми, и оставили с дедушкой и тетей за колючей проволокой.

Помню, как мама ночами пробиралась к нам под этой колючей проволокой и приносила еду. Сколько было пролито материнских и детских слез при встречах, а особенно при расста-

ваниях за эти долгие мучительные месяцы (с июля по декабрь 1941 года)! Еще помню, что нам всегда хотелось кушать, потому что еду в гетто давали такую, что ее даже собаки не ели.

По рассказам старшего брата и мамы, в гетто работал наш односельчанин и друг нашего папы Платон Слипчук. Он узнал, что семью Зиньковецких привезли в гетто, и пришел увидеть нашего дедушку. Наш 80-летний дедушка, рыдая, просил его, чтобы он, если это в его силах, помог освободить нас из гетто.

Осенью 1941 года начались массовые расстрелы евреев и военнопленных. В один из случаев, когда отправляли группу евреев на какие-то работы, Слипчук и организовал наш побег из гетто. Он сообщил дедушке, чтобы утром 21 декабря, нас привели к проходной, где будет стоять колонна евреев, которую он будет сопровождать. В толпе колонны, нас и вывели за ворота проходной. Когда мы перешли через дорогу метров 100–150, где нас ожидала мама, от гетто раздались выстрелы, но мы были уже вне опасности.

Нас посадили на сани, и мы поехали домой. Никто нас не искал, так как малолетних в гетто не регистрировали. Жители нашего села всячески содействовали нашему спасению и посоветовали нашей маме отправить нас в Теофипольский район к маминим сестрам.

Через несколько дней нас отправили в село Борщовка к маминей сестре Александре, где мы и прятались до марта 1944 года. За наше спасение тете – Александре Марковне Столбюк – посмертно присвоено почетное звание «Праведник народов мира».

В сентябре 1944 года я пошла в первый класс. В 1954 году окончила школу и работала в Волице-Керекешинской семилетней школе учителем украинского и немецкого языка.

В 1957 году вышла замуж и уехала в Казахстан, где проживала до 1961 года. В июне 1961 года переехала в город Староконстантинов, где работала бухгалтером в заготконторе до выхода на пенсию. В настоящее время являюсь пенсионеркой, проживаю в городе Староконстантинов, вдова (муж умер в 2000 году), имею две дочери: старшая с семьей проживает в городе Хмельницком, младшая проживает с семьей в городе Москве.

«В ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ УМИРАЛИ ЦЕЛЫЕ СЕМЬИ ...»

ЮСИМ Семен

«В лагере-гетто Шаргорода
Винницкой области в 1941–1944 гг.
от истязаний и голода погибли
тысячи взрослых и детей».
*(Винницкий областной архив,
ф. – 1683, оп. 1, д. 28, л. 1, 4)*

К такому печальному выводу пришла Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 11 июля 1945 года.

Что же произошло в Шаргородском гетто?

Известно, что массового расстрела евреев в Шаргороде¹ не было. Расстреляны были: прибывший брат Ермиса, жена портного Штекеля, Мотя Дуб, шаргородские подпольщики – брат Моше Малинского и Гречаный.

Откуда же взялись тысячи погибших?

Когда была организована украинская полиция, издали приказ о том, что в Шаргороде вводится комендантский час. Евреи должны были носить белую повязку на рукаве с вышитым желтым Маген Давидом. Определили границы гетто.

Вскоре в Шаргород начали прибывать беженцы из Бессарабии, Буковины и Румынии. К нам прибыл мамин брат с семьей, сестра из Черновцов и двоюродный брат Мотя Школьник (подпольщик – погиб в Карпатах в 1944 году).

Население резко увеличилось. В каждом доме количество жильцов возросло в 2–3 раза. А дома почти все были глинобит-

ные, без элементарных удобств, доставшиеся в наследство от дедов-прадедов.

Отсутствие элементарной гигиены, скученность населения вызвали массовое заболевание сыпным тифом. Еврейская община, возглавляемая доктором Тайхом, выделила повозку, на которой объезжали улицы, собирали трупы и отвозили на кладбище. Были случаи, когда в течение недели умирали целые семьи. Мне запомнилось, как врач из Румынии ходил из квартиры в квартиру и лечил больных своими лекарствами.

Кроме того, у людей не было работы, большинство вели полуголодный образ жизни. За пределы гетто не разрешалось выходить. Украинцы и поляки приходили с продуктами и меняли их на вещи. Был маленький базар. Очень часто полицаи не давали украинцам проникать на территорию гетто, уничтожали их продукты. Особенно отличался своей жестокостью Савва Богацкий. После освобождения Шаргорода он был осужден.

Часто были облавы. Во время одной из облав забрали моего брата Толю и отправили на строительство дороги в районе села Трихаты². Оттуда он сбежал. После очередной ночной облавы его забрали в полицию, неоднократно вызывали на допросы, избивали, требовали рассказать, кто входит в состав Шаргородского подполья. Бросили его в подвал, кинули ему шапку расстрелянного коммуниста Ермиса и сказали: «Скоро и ты там будешь!» Правда, через несколько дней его выпустили.

Неоднократно приезжали в Шаргород отряды войск СС для проведения акций. Пришел как-то к нам Шмулевич из еврейской общины и сказал папе, что немцы требуют самого лучшего портного. Попрошася с нами отец, но вскоре вернулся с охапкой брюк для утюжки. Когда отнес брюки, был избит за то, что неправильно отутюжил стрелки. Никогда не забуду, как он стоял и плакал.

Печальный случай произошел и со мной. Из Румынии привозили рассыпные сигареты по 100 штук в пачке. Я их сортировал по 10 штук в бумагу и продавал. Как-то ко мне подошел полицаи и говорит: «Дай сигареты». Я ему: «Давай гроши». Боясь, что он заберет у меня сигареты, я забежал в переулок, и в это время раздался выстрел.

Кое-что могу рассказать и о Шаргородском подполье. Очень много еврейских ребят входило в него: братья Бурманы, Арон Винер, мой двоюродный брат Мотя Школьник, брат Толя, Яша, Клара и другие.

Никогда не забуду последний день пребывания в гетто. Немцы отступали. Сидели мы за столом и пили чай. Зашел мой брат и говорит: «Это последний день. Я договорился с Бурманом. Пойдете к ним в подвал, так как будут проводиться акции». Мы пошли к Бурманам. По-пластунски спустились в подвал. Там уже было много людей. Нам тоже досталась ниша. С потолка капала вода. Было это 19 марта 1944 года. Утром пришли освободители.

Перебирая семейные фотографии, я обнаружил фото 1945 года, на котором запечатлены ученики, окончившие 4-й класс Шаргородской неполной средней школы. Большинство из них, более 20 человек, еврейские дети. Они являются свидетелями описанных событий. Некоторые из них рано ушли из жизни.

«МЫ ЖДАЛИ С МИНУТЫ НА МИНУТУ СМЕРТИ...»

ЯВОРСКАЯ (ГОЛЬЦМАН) Светлана (1937 г.)

Очень тяжелое было детство, а старость – не легче. Когда началась война, мне было четыре года, помню кое-что, и то, что рассказывала мама, которой уже нет. Помню, как бомбили наш город, мы прятались в кустах, а через день немцы были уже в [Новограде-Вольнском](#)¹ [Житомирской области](#).

Отец ушел на фронт. Мама осталась с нами. Четверо детей, мал мала меньше. Нас обещали вывезти, но не успели. Немцы начали делать облавы и забирать евреев. На нас донесли, что мы еврейская семья, и утром нас арестовали, привезли в тюрьму. Не могу забыть, как мы сидели в тюрьме на цементе, а мама брала нас на колени и сильно плакала.

До сих пор помню то место и ту яму, куда вывели евреев из тюрьмы и расстреляли. Мы были там долго. Мамины сестры доказывали, что мы украинцы, но никто не обращал внимания. Мы ожидали с минуты на минуту смерти. Но благодаря Господу Богу, мамина подруга Евгения Кондраевна Балабаш, которая работала у немцев поваром, умела говорить на немецком и всяческими способами сумела нас забрать.

Забрала она нас к себе. Но мы находились у нее в подвале. Нельзя было нам выходить, потому что соседка Слийчук увидела нас и начала кричать, что жыденята уже появились. С тех пор нас не выпускали, мы не видели солнца до окончания войны.

Немцы на Новый год оставили [Новоград-Вольнский](#), а после они сильно бомбили наш город. Я была раненая, в медсанбате, по улице Зверинской, мне вытаскивали осколки.

После войны мы стали все больные, старшие брат и сестра ослепли и умерли от туберкулеза. Меньшую сестру забрала тетя, переписала на свою фамилию.

Очень много можно писать о моем горьком детстве, но тяжело мне это делать. Я плохо вижу, делала операции на глазах в [Киеве](#). Являюсь инвалидом II группы. Пальцы на руках покрученные от полиартрита, ревматизма, ноги плохо ходят, передвигаюсь с палочкой.

«НАМ ПОМОГЛИ УКРАИНЦЫ»

ЯМПОЛЬСКИЙ Барух

До войны наша семья – отец, мать, брат Елья и я – проживали в селе [Яруга](#). Отец с матерью работали в колхозе.

В первые дни войны отца мобилизовали в армию, а для нас – наступили черные дни оккупации. Одну из улиц нашего местечка превратили в гетто. Начались облавы, все наше имущество было разграблено.

Осенью 1941 года к нам, в [Яругу](#)¹, пригнали евреев – буковинцев, и все местечко превратилось в гетто. В каждом доме ютилось по несколько семей. Годы оккупации стали для нас холодными и голодными. Условия были жуткими.

В 1942 году по приказу румынской администрации все еврейское население нашего местечка выгнали в лагерь села [Сказинцы](#)² [Могилев-Подольского](#) района. Пробыв здесь несколько месяцев, мы продали последнее имущество, подкупили власти в обмен на разрешение вернуться домой в [Яругу](#). Там нас снова загнали в гетто. Наша мать со своими сестрами работала на самых тяжелых работах, а нас с братом они брали с собой.

В марте 1944 года, когда наше село освободили, сделали понтонный мост через реку Днестр, чтобы переправлять войска в [Молдавию](#). В один из дней налетели немецкие самолеты и начали бомбить переправу и наше местечко. Наша мама вышла со старшим братом на улицу, и тут же упал снаряд. Мать сразу убило, а брата контузило.

Меня и моего брата взяли на воспитание мамыны родные сестры.

Мы выжили в гетто потому, что вокруг было много хороших людей, нам помогли украинцы. Они спасали нас, сообщая заранее о предстоящих погромах и облавах. Мы убегали в овраги и к знакомым украинцам нашего села.

Спасибо добрым людям за все, что они сделали для нас.

«В ПОГРОМАХ ПОГИБЛИ ВСЕ МОИ РОДСТВЕННИКИ...»

ЯНОВСКАЯ София (1921 г.)

Я, Яновская София Петровна, родилась 17 сентября 1921 года в городе [Умани](#). Родители отца: Листенгартен Яков и его жена Двойра уехали в 1919 году в [Америку](#). Родители матери: Кипершлак Нафтула и его жена Злата имели четырех дочерей. Дедушка работал мельником. Семья дедушки была очень религиозной, придерживалась всех еврейских ритуалов и традиций. Дедушка постоянно молился, читал Тору, облачившись в талис и кипу.

Мой отец, Листенгартен Пейся Янкелевич, работал всю жизнь бухгалтером, мать, Ида Нафтуловна – заведующей детским садом.

Когда началась Великая Отечественная война, они эвакуировались из [Умани](#) в город [Кончатав](#). Отец и мать там работали на военном заводе. Отец – главным бухгалтером, мать – рабочей.

Брат – Борис Листенгартен, 1926 года рождения, подростком работал на том же военном заводе. Ныне он проживает в городе [Киеве](#), пенсионер. После эвакуации родители вернулись в [Умань](#) в 1946 г. Отец работал главным бухгалтером на швейной фабрике, а мать, по состоянию здоровья, не работала. Она умерла 18 мая 1976 г., на 78-м году жизни.

В 1940 г. я окончила Уманское медучилище и по распределению поехала работать в [Белоруссию](#), деревню [Бобрики Мозерской области](#). 22 июня 1941 года мобилизована в армию, где служила в 61-м укрепрайоне, фельдшером. В сентябре этого же года нас сняли с укрепрайона и повезли на фронт.

Под [Пирятином Полтавской области](#) мы попали в окружение. Выходили из окружения группами. Я ходила из села в село, дошла до села [Погребье Коваливского района Полтавской области](#).

Грязная, голодная, вшивая, я постучалась в одну хату, где меня приютили, обогрели, накормили. Это был декабрь 1941 года. Дальше идти я не могла. Люди, которые мне помогли: Иван Степанович Коваленко и его жена Дарья. Они меня приютили, и я у них работала по хозяйству. Старостой села был брат моего хозяина. Он дал мне справку о том, что я уроженка и жительница этого села. С этой справкой я пошла в комендатуру села [Ковалевка](#).

И я, еврейская девушка, обратилась к коменданту с просьбой выдать мне справку о моей благонадежности для немецкой власти. Фамилию, имя и отчество я взяла своей соученицы по медучилищу в [Умани](#).

Вышла из комендатуры Софией Петровной Конюшенко. У приютивших меня людей я прожила до весны, а потом стала пробираться в [Умань](#). Возвратившись в [Умань](#)¹, я узнала от соседей, что мои родители эвакуировались, а сами соседи выдали меня немцам.

После того, как немцы поиздевались надо мной и избили, они бросили меня в Уманское гетто. Я узнала, что в [Умани](#) уже было два погрома и в этих погромах погибли все мои родственники: моя племянница, Маня Кипершлак, и трое ее детей, десятилетняя Двойра, восьмилетний Натан и четырехлетний Наум.

Моего дядю фотографа Льва Нафтуловича Кипершлака, его жену Сару и двух деток Изю, 8 лет, и Инду, 10 лет, немцы расстреляли во время второго погрома, 8 октября 1941 года, в Сухом Яру. И многие мои родственники покоятся в Сухом Яру в [Умани](#).

После того, как я немного окрепла, немцы и полицаи стали меня из Уманского гетто гонять, как скот, на строительство дорог. У нас, когда мы работали, были случаи, что евреи удирали. Я помню такие три случая, причем, как только немцы и полицаи обнаружили побег еврея, нас всех выстраивали и каждого 10-го выводили из строя и на наших глазах их заставляли копать яму и тут же расстреливали. Все три раза, когда евреев строили

и отбирали десятого для расстрела, мне везло. При первом побеге я была 3-я, при втором – 8-я, при третьем – 11-я. Вот в таких условиях нас, когда я была в Уманском гетто, заставляли строить дороги. Нас почти не кормили, порой даже воды не давали. Немцы и полицаи нас за людей не считали.

В один из дней нас посадили в товарные вагоны, будто везут на другие работы. Но, немного проехав, мы поняли, что нас везут в Германию или Польшу для уничтожения. На станции Ковель наш охранник вышел в соседний вагон, оставив наружную дверь чуть приоткрытой. Воспользовавшись этим, мы, несколько человек, соскочили с поезда и убежали. По нас стреляли, но мы спаслись тем, что упали в кювет.

И опять начались мои мытарства. Я шла с девушкой Варей из села в село. Старались ходить по ночам, чтобы не попасться немцам. Так мы добрались до поселка Березино Ровненской области. Приютила меня семья: Григория Константиновича и Пелагеи Кесаровны Нечипорук. Жили они по улице Шевченко, 9. Семья состояла из 6 человек; родители и 4 детей. Выполняла я и здесь всю домашнюю работу. На улицу, на глаза немцам, не показывалась. А когда приходила очередь отбивать шарварок (работа у немцев), то вместо меня хозяин посылал кого-нибудь из членов своей семьи.

8 января 1944 г. нашими войсками был освобожден поселок Березино. Я сразу же пошла на работу в райсобес, отдел обеспечения военнослужащих, так как были потеряны документы о том, что я медработник, а все остальные были закопаны мною.

В декабре 1947 г., измученная, худая, седая, я возвратилась в Умань. Восстановив все документы об окончании медучилища, я работала медсестрой в системе образования, проработав 53 года, из них 18 лет, будучи уже на пенсии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЛАНГЕР Леонид (1943 г.)

«ВСЕ НАПОМИНАЛО О ПОГИБШИХ РОДНЫХ...»

¹ В городе Славути Хмельницкой области в 1939 г. проживали 5.102 еврея (33,68% населения). Оккупирован немецкими войсками 7 июля 1941 г. 2-я рота 45-го немецкого резервного полицейского батальона провела в Славути антиеврейские акции: 18 августа (расстреляны 322 еврея) и 30 августа 1941 г. (расстреляны 911 евреев).

2 марта 1942 г. было создано гетто, в которое были согнаны евреи из Аннополя, Берездова, Красностава и других сел. Всего в гетто оказалось около 5.000 человек. У всех прибывших отобрали драгоценности, вырвали золотые зубы. Больных и стариков расстреливали. 25 июня 1942 г. гетто было ликвидировано после расстрела большинства евреев командой СД при содействии немецкой жандармерии и украинской полиции. Специалисты с семьями были расстреляны в сентябре 1942 г.

Город Славути освобожден партизанским отрядом 16 января 1944 г.

См.: Гон М. Голокост у Західній Волині // Голокост і сучасність (Науково-педагогічний бюлетень Українського центру вивчення історії Голокосту. — 2002, № 6. — С. 7; Гошкис Д. О чьм трубит шюфар. — Славути, 1992. — С. 18–20; Жизнь и смерть... Кн. 1. — Киев, 2008. — С. 238–245; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства 1941–1944 гг. Энциклопедический справочник. — Харьков, 2001. — С. 18, 209, 288; Мы хотели жить. Свидетельства и документы. — Кн.1. — Киев, 201. — С. 425; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах. Составитель А. Круглов. — Киев, 2002. — С. 394; Холокост на территории СССР: Энциклопедия (Гл. ред. И. А. Альтман). — Москва: Научно-просветительный центр «Холокост», 2009. — С. 908; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — 2009 Yad Vashem: Jerusalem. — P. 702–703; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Volume II: Ghettos in German-Occupied Eastern Europe. — P. 1469.

ЛАНДЕС-МИЛЬШТЕЙН Ева (1934 г.)

«МЕРТВЫХ СТАНОВИЛОСЬ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ...»

¹ В 1939 г. в селе Ободовке Винницкой области проживали 535 евреев (6,1% населения). Ободовка была оккупирована немецкими войсками 28 июля 1941 г. Евреев согнали в сарай на окраине села. Они подвергались избиениям и издевательствам. Евреев заставляли носить на рукаве белые повязки с синей

звездой Давида, затем вместо синих звезд были желтые. С августа того же года было установлено румынское оккупационное управление. Еврейский квартал был превращен в гетто и обнесен колючей проволокой. Осенью 1941 г. в **Ободовку** были пригнаны 9 тысяч евреев из **Буковины** и **Бессарабии**. Те из них, кто дал взятку румынским офицерам, поселились в домах местных евреев по 15–16 человек в комнате, остальных разместили в коровниках и свинарниках. Был создан юденрат во главе с евреями из **Черновцов** и еврейская полиция. Узников гоняли на работы в соседние колхозы, на рубку леса, подсобные и строительные работы. До июня 1942 г. от голода и болезней умерло около 5.000 евреев. 30 августа 1942 г. из **Ободовки** на работу в **Балту** и **Котовск Одесской области** были отправлены 300 евреев и 25 июня 1943 г. — в **Николаев** — 1.560 человек.

В июне 1943 г. в **Ободовке** еще оставалось 1.373 еврея, 780 из них были переправлены в гетто **Лухово**, окруженное колючей проволокой, разместили в коровниках. Многие умерли от болезней и голода.

В начале 1944 г. детей-сирот вывезли в **Балту**, тех, кому не исполнилось 14 лет, переправили в Румынию. Несколько десятков молодых евреев ушли в партизанские отряды. В гетто действовала подпольная группа. Многим евреям помог уцелеть староста села Иванченко.

В феврале 1944 г. отступающие немецкие солдаты, проходившие через **Ободовку**, грабили и убивали евреев. В начале марта в местечко прибыла австрийская часть, солдаты и офицеры которой раздавали евреям продовольствие и установили охрану гетто от мародеров.

Во время оккупации на сельскохозяйственной ферме в 3 км от **Ободовки** по дороге на сахароваренный завод было убито несколько тысяч депортированных евреев. Согласно заключению Комиссии по расследованию злодеяний нацистов на оккупированной территории в **Ободовке** во время войны было уничтожено около 11 тысяч евреев.

14 марта 1944 г. **Ободовка** была освобождена советскими войсками.

См.: *Довідник про табори, тюрми, та гетто на окупованій території України (1941–1944). Упорядник М. Г. Дубовик. — Київ, 2000. — С. 42; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 140–146; Жизнь и смерть... Кн. 2. Киев, 2007. — С. 310–318; Жизнь и смерть... Кн. 3. Киев, 2007. — С. 70–71; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 236; Matatias Carp. Holocaust in Rumania. Facts and documents on the annihilation of Rumania's Jews. — 1940–1944. — Published by Primor Publishing Co., 1994; Мы хотели жить. Свидетельства и документы. — Кн. 1. — С. 137–142; 100 еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель: Подолия // Составители В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович — СПб., 2000. — Вып. 2. — С. 553–555; Фишер Ю. Транснистрия: забытое кладбище. — Одесса, «Друк», 2002. — С. 79; Холокост на территории СССР: Энциклопедия, 2009. — С. 667–668; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 539.*

ЛАНОВЕНКО Л. (1936 г.)

«ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ГОРЬКАЯ ПРАВДА ПАМЯТИ»

¹ В селе Нагорном Жашковского района Черкасской области после оккупации частями вермахта летом 1941 г. все оставшиеся в оккупации евреи (30 человек) были расстреляны. Тогда же были убиты и согнанные в **Нагорное** евреи из окрестных населенных пунктов (около 140 человек). Всего в **Нагорном** было казнено около 170 евреев.

См.: *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 218; Холокост на территории СССР: Энциклопедия. — С. 635.*

ЛАПИНЦЕВ Федор (1941 г.)

«КАЖДЫЙ ВЫЖИВАЛ КАК МОГ»

¹ В 1939 г. в **городе Полтаве** проживали 12.860 евреев (9,86% населения).

Полтава была оккупирована 18 сентября 1941 г. С конца сентября до начала ноября зондеркоманда 46 расстреляла несколько сот евреев (только с 4 по 24 октября — казнены 342 еврея). 23 ноября 1941 г. прибывшее подразделение зондеркоманды 4а провело антиеврейскую акцию, расстреляв 1538 евреев. Экзекуция над евреями Полтавы началась со сбора людей, якобы, для переселения в другое место. У всех были отняты ценности, одежда, обувь. Людей отводили группами к стрельбищу — открытым земляным тирам. Грудных детей сбрасывали в яму живыми, а старшим смазывали губы ядовитой жидкостью. Свидетели-украинцы рассказывали об этой акции: «Стояли гул и стон, плач, невзирая на мольбу о пощаде детей, их уничтожали на глазах матерей. Многие русские и украинцы, вступившие в смешанные браки, умирали вместе со своими семьями. Всю ночь с 23 на 24 ноября 1941 г. слышны были выстрелы, стоны».

В общей сложности в **Полтаве** были уничтожены около 2-х тысяч евреев.

Полтава была освобождена советскими войсками 23 сентября 1943 г.

См.: *Enzyklopädie des Holocaust. Hauptherausgeber Israel Gutman u.a., deutsche Ausgabe hg. Von Eberhard Jäckel, Peter Longerich und Julius H. Schoeps — München/Zürich, 1995. Bd. II. — S. 1154–1155; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 73–76; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 262–263; Круглов А. Катастрофа. — С. 261; Мучник А. Евреи i Полтавщина... — С. 21; Сборник документов. — С. 87–88, 98, 109, 190–192; Холокост на территории СССР: Энциклопедия. — С. 776; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. — Bd. 7 — Sowjetunion mit annektierten Gebieten I, Besetzte sowjetische Gebiete unter deutscher Militärverwaltung, Baltikum und Transnistrien. Bearbeitet von Bert Hoppe und Hiltrun Glass. Oldenbourg Verlag, München 2011. — S. 326–328, 441.*

ЛАСЕНКО Евгений (1932 г.)
«ЖИЗНЬ В ГЕТТО МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ
КАК СПЛОШНОЙ КОШМАР»

¹ В 1939 г. в **Харькове** проживали 130.250 евреев (15,64 % населения).

23 октября 1941 г. **Харьков** был захвачен немецкими частями 6-й армии. Во время оккупации город находился под военным управлением и не входил в зону Рейхскомиссариата «Украина».

Первые казни евреев в **Харькове** были совершены вскоре после его оккупации. 14 ноября после уничтожения нескольких зданий радиоминами репрессии усилились. Были расстреляны или повешены 200 коммунистов и арестованы 1.000 заложников, среди которых много евреев. Во время облавы 15 ноября подразделения 57-й пехотной дивизии арестовали еще 500 заложников, 20 из которых были сразу повешены на здании штаба саперного полка. А 28 ноября, как отмечал в своем дневнике офицер штаба 55-го армейского корпуса А. Минценмай, из концлагеря для заложников были «изъяты» 400 человек, в том числе 300 евреев, что означало, без сомнения, казнь этих лиц.

«Еврейский вопрос» специально обсуждался 22 ноября на заседании президиума городской управы, которая под руководством ее главы А. И. Крамаренко принимала активное участие в антиеврейских акциях. В постановлении по этому вопросу указывалось: «В государственных и общественных учреждениях евреи вообще работать не имеют права. Евреев не пускать в помещение управы, кроме старосты общины. На руках евреи должны носить повязку. Всех евреев переселить в один район. Обратит внимание немецкого командования на желание населения принять меры к евреям...». Евреи должны были пройти обязательную регистрацию. В специальные списки (на бланках желтого цвета) были внесены 10.271 человек.

26 ноября 1941 г. в **Харьков** прибыла зондеркоманда 4а во главе с штандартенфюрером СС Паулем Бломбелем, что означало уничтожение евреев города.

14 декабря немецкий комендант города отдал приказ о переселении евреев до 16 декабря на околицу Харькова — в бараки станкозавода. «Эвакуация евреев... в которой участвовали почти исключительно украинцы, проходила без осложнений», — сообщалось в «Донесении о событиях в СССР» № 164 от 04.02.1942 г. — «Одновременно идут приготовления к расстрелу евреев. 305 евреев, которые распространяли порочащие немецкий вермахт слухи, были немедленно расстреляны».

В разрушенных, не отапливаемых (без окон и дверей) бараках, в лютую зиму, без пищи и воды, в антисанитарных условиях многие евреи умерли от холода, болезни и голода. Трупы умерших оставались в бараках, выносить их не разрешалось.

Три недели спустя после создания этого гетто началось тотальное уничтожение евреев. 800 еврейских мужчин-«добровольцев», которые согласились поехать на работу в **Полтаве** и **Лубнах**, были на грузовых машинах отвезены в Дробицкий Яр и расстреляны в оврагах. 24 декабря 1941 г., под предлогом перевода в еврейскую общину, были забраны из психиатрической больницы и затем расстреляны около 200 больных евреев. С 2 января 1942 г. началась общая ликвидация евреев. На грузовиках и пешком они были доставлены в Дробицкий Яр и расстреляны. Из показаний бывшего оберштурмфюрера СС Виктора Войтона: «Это была ужасная картина. В одном конце рва длиной 60–80 метров уже лежали друг на друге трупы в несколько слоев, в яме наблюдалось шевеление... Я увидел одного лежащего, который крикнул “добейте меня”...я сбоку сошел в ров и добил его...»

Были расстреляны свыше 9 тысяч человек. К этому числу следует добавить несколько сот больных и стариков, которые не могли дойти до места переселения. Их собирали в здании синагоги по улице Мещанской, где они умерли от голода и холода.

В **Харькове** оставалось еще некоторое количество скрывавшихся евреев. Для их выявления приказом городской управы № 63 от 24.01.42 г. всем бургомистрам районов было предписано создать особые группы, которые должны были проверять «все подозрительное население в своем районе и иметь списки всех коммунистов и евреев по своему району». Выявленные евреи передавались полиции безопасности для казни. Так, согласно «Донесению о событиях в СССР» № 187 от 30.03.42 г., наряду со «193 агитаторами и опасными подрывными элементами» в **Харькове** были расстреляны 64 еврея.

Точных данных о количестве уничтоженных в **Харькове** евреев нет. В Энциклопедии «Холокост на территории СССР» (с. 1029) А. Круглов указывает, что нацисты в 1941–1942 гг. убили в **Харькове** около 12 тысяч евреев. В отчете Комиссии, которая после войны, исследуя преступления нацистов в **Харькове**, раскопала овраг в Дробицком Яру, говорится о 15 тысячах жертв.

16 февраля 1943 г. **Харьков** был занят советскими войсками, затем сдан и окончательно освобожден 23 августа 1943 г.

Евреи выжили благодаря помощи жителей других национальностей.

См.: *В огне Катастрофы (ШОА) на Украине.* — С. 60–82; *Живыми остались только мы.* — С. 326–328; *Довідник про табори.* — С. 176–177; *Жизнь и смерть...* Кн. 1. — С. 420–426, 494–497; *Жизнь и смерть...* Кн. 2. — С. 104–107, 218–222; *Жизнь и смерть...* Кн. 3. — С. 78–80, 514–526; *Enzyklopädie des Holocaust. Bd. 1.* — S. 278–279; *Круглов А. Катастрофа.* — С. 327–329; *Ляховицкий Ю. Попранная мезуза.* («Книга Дробицкого Яра»): свидетельства, факты, документы о нацистском геноциде еврейского на-

селения Харькова в период оккупации, 1941–1942 гг. — Харьков, 1991; Его же. *Пережившие Катастрофу: спасшиеся, спасители, коллаборанты. Свидетельства, факты, документы.* — Харьков, 1996; Его же. *Желтая Книга: Свидетельства, факты, документы о нацистском геноциде еврейского населения Харькова в период оккупации. 1941–1943.* — Харьков, 1994; *Мы хотели жить...* — Кн.1. — С. 54–55, 236, 472, 490; Радченко Ю. *Знищення харківських євреїв органами ГФП та СД в роки Другої світової війни // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Вип. 42.* — Харків, 2010. — С. 134–144; *Сборник документов.* — С. 109, 112, 121, 123, 136; *Verbrechen der Wehrmacht.* — S. 183–185; *Die Verfolgung.* — Bd. 7. — S. 398–399, 401–404, 443, 352; *Холокост на території СРСР: Енциклопедія.* — С. 1027–1030; *Черная книга.* — С. 68–74; *Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I.* — P. 304–305; *The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Volume II.* — P. 1767.

ЛАСКЕР Татьяна (1934 г.) ДОЛГАЯ ДОРОГА В ГЕТТО

¹В 1939 г. в **Кодыме Одесской области** проживал 1.671 еврей (16,54 % населения).

Ровно через месяц после начала Великой Отечественной войны **Кодыма** была захвачена немецкими войсками.

После доноса украинки, которая, якобы, «подслушала совещание евреев и большевиков», принявшем решение «саботировать немецкие требования о возобновлении работы на полях, сжигать собранный урожай, шпионить за немецкими военными ведомствами... напасть на находящиеся в **Кодыме** немецкие военные ведомства и подразделения немецкой армии», 1 августа 1941 г. подразделение зондеркоманды 10а во время облавы схватило в **Кодыме** около 400 евреев, из которых 98 мужчин и мальчиков от 14–15 лет были расстреляны, а около 175 в качестве заложников помещены в лагерь военнопленных. Казнь была произведена 24 рядовыми вермахта и 12 сотрудниками полиции безопасности, — сообщалось в Отчетах отдела Іц штаба 30-го армейского корпуса и зондеркоманды 10а от 2 августа 1941 г. Часть оставленных в живых была взята для обслуживания немцев, но через несколько дней они также были расстреляны.

С 1 сентября 1941 г. в составе Транснистрии румынские оккупационные власти создали в **Кодыме** еврейский жилой район, поместив в него несколько сот евреев из **Румынии**. 1 октября 1941 г. все евреи были угнаны из **Кодыма** в другие лагеря Транснистрии, но по дороге часть из них отделилась от колонны и вернулась обратно. В декабре, согласно данным румынской жандармерии, в **Кодыме** еще находились 150 евреев. Они были расстреляны в январе 1942 г. По официальным данным во время оккупации в **Кодыме** было уничтожено 1107 евреев.

23 марта 1943 г. **Кодыма** была освобождена советскими войсками.

См.: *Das Dritte Reich und seine Diener.* — Berlin, 1956. — S. 377; *Живыми остались.* — С. 189–196; *Жизнь и смерть...* Кн.1. — С. 297–299; *Жизнь и смерть...* Кн. 2. — С. 179–180; Круглов А. *Катастрофа.* — С. 156; 100 еврейских местечек — Вып. 2. — С. 530–531; См.: *Сборник документов.* — С. 41–43; Сушон Л. *Транснистрия: евреи в аду.* — С. 20–21; *Холокост на территории СССР: Энциклопедия.* — С. 431–432;

²В **Чечельнике Винницкой области** в 1939 г. проживали 1.327 евреев (66,1% населения), во всем районе — 1.474. В 30–е гг. **Чечельник** был центром еврейского поселкового совета (2.063 жителя в 1931 г.).

Оккупирован 27 июля 1941 г. Накануне из него успели эвакуироваться несколько десятков еврейских семей. Многие мужчины были призваны в армию.

На третий день оккупации все евреи были согнаны на улицу, прилегающие к сахарному заводу. Когда оттуда бежали несколько евреев, их поймали и расстреляли вместе с заложниками. Массовый расстрел был остановлен немецким (по другим данным, румынским офицером). До осени 1941 г., пока не было создано оккупационное управление, в поселке происходили грабежи магазинов и еврейских семей, насилия, издевательства, которые нередко заканчивались убийством евреев. В них участвовали и крестьяне из окрестных сел.

С 1 сентября 1941 г. **Чечельник** в составе Транснистрии. В конце 1941 г. румынские оккупанты создали гетто, в котором разместили около 1 тысячи местных евреев, а также там находились еврей-беженцы из **Кодымы** и **Песчанки**, спасшиеся от расстрелов и депортации в лагерь уничтожения, расположенный в **Доманевке**. Все евреи должны были носить на одежде желтую шестиконечную звезду. Они выполняли принудительные работы.

В ноябре 1941 г. в **Чечельник** прибыло более 1 тысячи евреев из **Бессарабии** и **Буковины**, около половины которых умерли от голода, холода и болезней. Была создана еврейская община и «еврейская стража». В гетто оставался хасидский цадик, велась религиозная жизнь, работала еврейская больница.

С января 1943 г. начала поступать помощь от еврейской общины **Румынии**. Благодаря этому была открыта столовая для детей и нуждающихся.

Однако из-за голода, болезней (эпидемий тифа и дизентерии), унижений значительная часть депортированных евреев погибла.

На 1 сентября 1943 г. в **Чечельнике** остались 421 еврей из **Бессарабии** и 54 из **Буковины**. В 1943 г. около 60 молодых евреев были принудительно отправлены на работу в **Николаев**, из них погибли 15 человек.

В поселке действовала подпольная организация, имевшая связь с партизанами.

17 марта 1944 г. **Чечельник** был освобожден советскими войсками от оккупантов.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 343; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 164–170; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 389–390; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1057; Yad Vashem. Vol. I. — P. 100–101.

ЛЕВИН Игорь (1937 г.) ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕЖИТОМ

¹ Согласно военно-экономической справке, подготовленной киевскими органами как секретный документ население **Киева** в мае 1941 г. составляло 846,7 тысяч человек, евреев — 25,5%, т. е. около 216 тысяч.

19 сентября 1941 г., спустя три месяца после начала войны, **Киев** был занят пехотными и танковыми частями 6-й немецкой армии.

Часть евреев смогла эвакуироваться, военнообязанные мужчины находились на фронте. В «Донесении о событиях в СССР» № 97 от 28 сентября 1941 г. СД указывалось, что в **Киеве** «будто бы имеется 150.000 евреев», но проверить эти «данные пока невозможно».

Сообщалось, что в ходе первой акции (после взрыва 20 сентября в резиденции командира артиллерийской части) 1600 человек были арестованы и помещены в специальный еврейский лагерь, «приняты меры по захвату всего еврейства, предусмотрена казнь по меньшей мере 50 000 евреев». С этой целью уже 19 сентября 1941 г. вместе с войсками вермахта в **Киев** прибыли первое подразделение СД (передовой отряд зондеркоманды 4а под руководством оберштурмфюреров СС Хэфнера и Янсена), а 25 сентября — основной состав зондеркоманды вместе со штабом оперативной группы С, полицейский полк «Юг» в составе 45-го резервного полицейского батальона и 303-го полицейского батальона, штаб «высшего фюрера СС и полиции Россия—Юг» обергруппенфюрера СС Еккельна со штабной ротой. Прибыли также (21 сентября) из **Житомира** передовая команда украинской полиции во главе с Б. Конином, а 23 сентября — «казачья сотня» под командованием И. Кедюмича. И Коники, и Кедюмич представляли ОУН бандеровского крыла, в то время как прибывший также в эти дни «буковинский курень» — ОУН мельниковского крыла. К 26 сентября 1941 г. в **Киеве** были сосредоточено свыше 2-х тысяч эсэсовцев и полицейских.

Антиеврейские акции начались уже в первые дни оккупации — немцы расстреливали евреев в разных районах города. 22 сентября штаб 29-го армейского корпуса издал приказ об аресте всех евреев-мужчин и использовании евреев-военнопленных для проведения опасных работ по расчистке развалин после взрыва 20 сентября. В показаниях киевлянки Надежды Горбачевой Чрезвычайной государственной комиссии от ноября 1943 г. указывается, что 22 сентября 1941 г. она наблюдала за первыми расстрелами евреев. Как свидетельствовала киевлянка Евгения Литощенко, в пятницу 26 и субботу 27 сентября евреи, ушедшие в синагогу, исчезли. Позже она видела их трупы

в Днепре. То же подтверждает Т. Михасева: «Немецкие автоматчики и полицейские оцепили синагоги и вывезли всех молящихся. В нескольких местах у **Киева** течение реки прибывало к берегу мешочки с молитвенными принадлежностями» («Черная книга». — С. 19).

Новые взрывы 24 сентября 1941 г., повлекшие за собой большой пожар в центре **Киева**, послужили предлогом для расправы над всем еврейским населением. В этот же день комендант **Киева** генерал-майор Эберхардт потребовал от СД в качестве возмездия за взрывы и пожары расстрелять всех евреев города. На совещании 26 сентября 1941 г. высший фюрер СС и полиции Еккельн, шеф оперативной группы С бригаденфюрер СС д-р Раш и начальник зондеркоманды 4а штандартенфюрер СС Блобель обсуждали детали предстоящей акции по «переселению» евреев. Кроме зондеркоманды 4а, была привлечена часть охранного полка СС «Юг», а также «Буковинский курень», возглавляемый П. Войновским.

28 сентября украинская полиция расклеила по городу, изготовленные накануне без подписи, в которых черным шрифтом на украинском, русском и немецком языках говорилось: «Все жида города **Киева** и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 г. на угол Мельниковой и Доктеривской улиц (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян». Одновременно был пущен слух, что евреев собирают для переселения.

Обращает на себя внимание неправдоподобно сжатый срок подготовки и проведения небывалой по масштабам казни огромного количества городских жителей, в основном женщин, детей и стариков. Это стало возможным только благодаря тому, что вся акция от начала до конца была не только задумана, но и спланирована, рассчитана до деталей заблаговременно.

На рассвете 29 сентября евреи **Киева** стали скапливаться у еврейского и русского кладбищ близ Бабьего Яра. Кто не покидал квартиры добровольно, того выгоняли на улицу дворники и немецкие полицейские из 45-го батальона. На еврейском кладбище жертвы сдавали документы, вещи и раздевались, причем в этом им «помогали», избивая палками тех, кто медлил, украинские и немецкие полицейские. Затем группами через пролом в кладбищенской стене жертвы направлялись в Бабий Яр. Несколько экзекуционных команд из состава зондеркоманды 4а и 45-го полицейского батальона, распределенные по всей длине оврага, производили расстрел. В первый день были убиты 22 тысячи человек, во второй — около 12 тысяч.

2 октября 1941 г. в **Берлине** ушло «Донесение о событиях в СССР» № 101, в котором докладывалось: «Зондеркоманда 4а в сотрудничестве со штабом группы и двумя командами полицейского полка «Юг» 29 и 30.09.41 казнила в **Киеве** 33.771 еврея».

В «Донесении» от 7 октября добавлялось, что деньги, ценные вещи, белье, одежда расстрелянных евреев были собраны и переданы НСВ (нацистской благотворительной организации. — Авт.) для фольксдойче, и городским властям для распределения среди нуждающегося населения. Отмечалось, что «Операция была проведена без помех. Инциденты места не имели. «Переселение» евреев было одобрено населением... Эти меры также одобрены вермахтом».

Чтобы засыпать трупы, края оврага вечером 30 сентября были взорваны, а затем около 100 военнопленных заровняли могилу.

Ежедневные массовые расстрелы евреев — военнопленных и мирных жителей, пик которых приходится на 29—30 сентября, прекращаются не ранее конца октября, а может и середины ноября 1941 г.

В начале октября 1941 г. полицейский полк «Юг», провел в городе еще ряд «акций по военному обычаю» (этим названием в донесениях Еккельна маскировались расстрелы евреев). В первой половине октября около 3000 евреев расстреляла в **Киеве** оперативная команда 5, которая прибыла в город 30 сентября. Среди расстрелянных были как жители **Киева**, которые по разным причинам не были убиты 29 и 30 сентября, так и военнопленные. 13 октября эта команда расстреляла 300 евреев — психически больных. В последующее время, особенно зимой 1941—1942 гг., она уничтожила еще, по крайней мере, несколько сот евреев, которые скрывались в **Киеве**.

С середины октября в Бабьем Яру и его окрестностях начинаются специальные акции: расстреливаются коммунисты-подпольщики, цыгане, душевнобольные, заложники, моряки Днепровской флотилии, украинские националисты (кровь последних «смешается с кровью тех, кому они отказывали в праве на жизнь, подтвердив еще раз, что нельзя построить счастье одного народа на крови другого». — Ю. Смилянская).

Когда советские войска подходили к **Киеву**, оккупанты, чтобы скрыть следы своих преступлений, начали работы по вскрытию захоронений и уничтожению трупов расстрелянных. В августе 1943 г., штандартенфюрер СС П. Блобель со своей «командой № 1005» прибыли в **Киев** для проведения операции в Бабьем Яру. Из числа узников Сырецкого концлагеря они выделили команду сжигателей, среди которых было 100 евреев. В условиях особой секретности сжигались трупы, остатки несгоревших костей дробили, а затем пересевали через металлические сита, в которых немцы собирали золотые коронки. Потом узников заставляли развеивать пепел по яру, чтобы никаких следов не осталось. Заключение работали в ножных кандалах. Жили они в Бабьем Яру в землянках без окон. Обращались с ними крайне жестоко. Больных и немощных расстреливали. 28 сентября 1943 г. узники сложили последнюю печь для сжигания тел. Они понимали, что сооружают ее для себя и ночью сумели раскопаться, открыть двери и вырваться из землянки. Спасти удалось немногим (15—16 человек). Они и рассказали миру о страшной трагедии Бабьего Яра и Сырецкого концлагеря.

Сегодня известно, что в **Киеве** около 1.000 евреев смогли спастись при помощи добрых людей. Известны имена 553 «Праведников народов мира», **Украины** и Бабьего Яра.

6 ноября 1943 г. **Киев** был освобожден Советской Армией.

См.: *Бабий Яр. Книга памяти. Составитель Илья Левитас. — Киев, 2005. — 572 с.*; *Бабий Яр. Спасители и спасенные. Автор-составитель Илья Левитас. — Киев, 2005. — 576 с.*; *Бабий Яр: человек, власть, история. Документы и материалы. В 5 книгах. Книга 1: историческая топография. Хронология событий. Составители Татьяна Евстафьева, Виталий Нахманович. — Киев, 2004. — С. 84—163, 181—186*; *Бабин Яр: масову убивство і пам'ять про нього: Матеріали Міжнародної наукової конференції 24—25 жовтня 2011 р., м. Київ. — К., 2012. — 256 с.*; *Будник Д., Капер Я. Ничто не забыто. Еврейские судьбы в Киеве. — Констанц, 1993*; *Wien E. Die Schoah von Babij Jar; Enzyklopädie des Holocaust. Bd. I. — S. 144—146*; *Живыми остались только мы. — С. 48—49, 127—128, 268—274, 277—279, 280—283, 303—305, 308—325, 337—352, 486—489, 497—504, 505—518*; *Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 119—120, 182—194, 248—253, 369—371, 467—470*; *Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 178—182, 400—404, 412—417*; *Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 97, 193—196, 209—211, 229—230, 250—261, 267—273, 335—336, 380—382, 422—423, 68—474, 527—528*; *Коваль М. Трагедия Бабьего Яра: история и современность // Новая и новейшая история. — 1998. № 4 — С. 24—42*; *Круглов А. Катастрофа. — С. 149—152*; *Круглов А. Сколько евреев было истреблено в Киеве осенью 1941 г. // Голокост і сучасність. — 2002. — № № 2, 3, 4, 5, 6*; *Левитас Ф. История Холокоста. — С. 100—110*; *Левитас И. Праведники Бабьего Яра. — К., 2001. — 255 с.*; *Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 219—221, 235, 382—384*; *Нахманович В. До питання про склад учасників каральних акцій в окупованому Києві (1941—1943) // Друга світова війна і доля народів України. — К., 2007. — С. 227—262*; *Нахманович В. Бабин Яр. Історія. Сучасність. Майбутнє. (Роздуми до 70-річчя київської масакри 29—30 вересня 1941 р.) / Український історичний журнал. — 2011. — № 6. — С. 105—122*; *Память Бабьего Яра: Воспоминания, документы. / Автор-составитель И. Левитас. Киев, 2001. — С. 23, 88—89, 133—138, 150—152, 153—154, 155—159*; *Сборник документов. — С. 77—83, 86—87, 95—99, 101, 105, 116, 140—142, 158—159, 266—270, 273, 288, 295—296*; *Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944 гг.): сборник документов и материалов. Редактор Ицхак Арад. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1991. — С. 105—107, 275—276*; *Die Verfolgung. — Bd. 7. — S.: 37, 296, 311—315, 378, 415—419, 445—447, 451—452*; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 41—42, 404—405*; *Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно-оккупированных районах Советского Союза и в лагерях уничтожения Польши во время войны 1941—1945 гг. Под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. — Киев, 1991. — С. 22—32.*

ЛЕВИТ Роман (1933 г.)
«ИЗ НАШИХ РОДСТВЕННИКОВ В УМАНИ В 1942 ГОДУ
ПОГИБЛО ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕК»

¹ В 1939 году в **Умани** — районном центре Киевской области (ныне **Черкасской области**) — в 1939 г. проживали 13.233 еврея (29,8% населения).

Город оккупировали немецкие войска 1 августа 1941 г., в нем осталось около 15 тысяч евреев, включая беженцев. Первыми жертвами стали 6 еврейских врачей. 13 августа, прибывшая из **Винницы** зондеркоманда 46 расстреляла 80 евреев из числа интеллигенции. 21 сентября 1941 украинская полиция и солдаты вермахта устроили погром: несколько тысяч евреев, подвергаясь избиениям и издевательствам, были согнаны в тюрьму, где около 1.000 человек умерли от удущья в наглухо закрытом подвале. 22—23 сентября подразделение оперативной команды освободило 5 женщин и детей, а 1.412 евреев-мужчин расстреляли. 1 октября 1941 г. в районе **Раковки** был создан еврейский жилой район, но уже 8 октября 1941 г. 304-й полицейский батальон по приказу «высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг» фактически ликвидировал его, расстреляв 5400 евреев города и 600 евреев-военнопленных.

Как свидетельствовал обер-лейтенант Бингель, солдаты «расстреливали целые шеренги людей из автоматов и пистолетов, причем делали это с таким удовольствием, словно занимались главным и любимейшим делом своей жизни. Пощады не было никому: даже женщины с грудными трехнедельными младенцами не избежали страшной участи. Матери видели, как убивали их детей, разможжив им голову рукоятью пистолета или палкой, а потом хватали за ножки и бросали в могилы, где вперемежку лежали убитые и живые еще люди. Лишь после того, как матерям причиняли эту страшную боль, в них посылали пулю, освобождая от невыносимой муки...

Ввиду того, что в верхних эшелонах власти считали, и совершенно правильно, что эта процедура, может сильно уронить престиж немецкого военного командования, ибо выполнение позорных убийств было возложено на т. н. отборные команды — было решено действовать иначе: использовать для массовых убийств специально обученную Уманскую украинскую полицию. Командовали ею несколько офицеров и сержантов СС. Таким образом, массовому убийству пытались придать национальную окраску. Жертвами этой акции пали 6000 человек; это число было официально подтверждено». (Цит. по: Mira und Gerhard Schoenberner. Zeugen sagen. Aus Berichte und Documente über die Judenverfolgung im Dritten Reich. — Berlin, 1988. — S. 128.)

Оставшиеся в **Умани** еврей-специалисты с семьями (около 1500 человек) были помещены в гетто. Трудоспособных ежедневно забирали на работы, кормили шелухой из проса и выдавали 50 г хлеба. Ночью полиция насильовали девушек, грабили. Гетто было ликвидировано после расстрела заключенных 22 апреля

1942 г. В общей сложности в **Умани** в 1941—1942 гг. было уничтожено около 10.000 евреев.

После ликвидации гетто в **Умани** был создан рабочий лагерь, куда из Транснистрии привезли евреев из Бессарабии и Буковины. Несколько десятков евреев бежали в партизанские отряды

В **Умани**, как и во многих других местах **Украины**, за помощь евреям нацисты жестоко наказывали. Как вспоминал известный поэт Евгений Долматовский, оказавшийся в 1941 г. в лагере военнопленных в **Умани**, была повешена Ольга Свитницкая, она пыталась спасти своего мужа еврея, за которого она вышла замуж вопреки Нюрнбергским законам. Расстреляли вместе с женой и тремя детьми Александра Дятлова за укрывательство в сделанном им убежище 12 человек — членов четырех еврейских семей.

В **Умани** действовала подпольная организация, в которой активную роль играл Зигмунд Гроссбарт, скрывший свою национальность и работавший в геттоскомиссариате. Он сумел достать для подпольщиков 20 винтовок и сотни патронов, информировал их о подготовке нацистами карательных операций.

Город **Умань** был освобожден советскими войсками 15 марта 1944 г.

См.: *Довідник про табори*. — С. 90; *Долматовский Е. Зеленая брама*. — Москва, 1985. — С. 194—195; *Живыми остались только мы*. — С. 129—143; *Жизнь и смерть... Кн. 1*. — С. 250, 261—274, 460—461; *Жизнь и смерть... Кн. 3*. — С. 187—189, 479—480; *Круглов А. Катастрофа*. — С. 322—323; *Mira und Gerhard Schoenberner. Zeugen sagen. Aus Berichte und Documente über die Judenverfolgung im Dritten Reich*. — Berlin, 1988. — S. 128; *Мы хотели жить...* — Кн. 1. — С. 34—38, 105—109, 262—268, 348—350, 363—364; *Сборник документов*. — С. 90—93, 249, 258—259; *Уничтожение евреев СССР*. — С. 97—98, 367—369; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия*. — С. 1004—1005; *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization. Edited by Ray Brandon and Wendy Lower*. — 2008. — P. 204, 276; *The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. II*. — P. 861; *The United States Holocaust Memorial, Vol. II*. — P. 1606—1607.

ЛИВШИЦ Яков
ЕВРЕЕВ БРАЙЛОВА И ОКРЕСТНЫХ СЕЛ ФАШИСТЫ
РАССТРЕЛЯЛИ ВО ВРЕМЯ ПОГРОМОВ»

¹ **Брайлов Жмеринского района Винницкой области** в 30-е гг. был центром еврейского сельсовета (2401 житель в 1931 г.). Захватив 17 июля 1941 г. **Брайлов**, немцы в тот же день убили около 15 евреев.

Ранним утром 12 (или 13) февраля 1942 г. 1.600 жителей гетто были согнаны на рыночной площади перед костелом. Дома евреев осматривались и, если находили больных или спрятанных, их расстреливали на месте. После отбора 800

евреев (квалифицированные рабочие и их семьи) возвратили в гетто. Остальные 800 были угнаны к еврейскому кладбищу и убиты там немецкой жандармерией и украинской полицией. Председатель еврейского совета Иосиф Кулик отказывался возвращаться с семьей в гетто и погиб вместе с общиной.

Уничтожение гетто продолжалось. 23 марта 1942 г. расстреляли еще 300 человек, 18 апреля — 180, 25 июня — 503, в августе 1942 г. — 17 и в этом же месяце были убиты 286 евреев Браилова, которые были по требованию немецких и румынских оккупационных властей возвращены из Жмеринского гетто. Во время расстрела девушка Лиза Перкель оказала сопротивление палачам и плюнула в лицо коменданту. В марте 1944 г. на еврейском кладбище расстреляли последних 18 евреев, которые ранее были оставлены в живых как ремесленники.

В 1941—1942 гг. в Браилове было уничтожено около 1800 евреев.

20 марта 1944 г. Браилов был освобожден советскими войсками. Они сняли табличку при входе в Браилов «Город без жидов». Выжило около 10 человек евреев.

См.: Винокурова Ф. А. Холокост на Винничине // *Ткума*, 2003, № № 9—10. — С. 4—5; *Живыми остались только мы*. — С. 200, 433; *Жизнь и смерть... Кн. 1*. — С. 480—486; *Жизнь и смерть... Кн. 2*. — С. 161—162, 170—171; *Круглов А. Катастрофа*. — С. 4; *Уничтожение евреев*. — С. 97—99, 223—224, 367—369; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия*. — С. 103; *Черная книга*. — С. 57—67; *The United States Holocaust Memorial. Volume II*. — P. 1520; *The Yad Vashem. Vol. I*. — P. 71—72.

² В городе Жмеринке Винницкой области 1939 г. в проживали 4.630 евреев (17,78 % населения).

17 июля 1941 г. Жмеринка была оккупирована немецкими войсками. В конце июля 1941 г. полевая полиция и СД произвели в Жмеринке аресты и казни евреев в качестве возмездия «за саботаж».

С сентября 1941 г. в составе Транснистрии.

18 октября 1941 г. румынские оккупационные власти создали в Жмеринке гетто, в которое были помещены евреи, оставшиеся в городе, пригнанные из сель района и депортированные евреи из Бессарабии и Буковины.

На 31 октября 1943 г. в гетто числилось 3.271 узника, в том числе 2071 т. н. румынских евреев и 1.200 местных. В их числе — 200 сирот. Евреев привлекали к принудительным работам. Ежедневно на работы выходило 300—500 человек. Многие узники работали на железной дороге и вокзале, который находился под контролем немецких войск. О жестокости последних свидетельствовал случай, когда в сильный мороз немцы не разрешили слезть с крыши группе кровельщиков, которые в результате погибли от переохлаждения. Специальным приказом запрещался выход узников за пределы гетто. Нарушивший приказ зубной врач Меламуд в ноябре 1941 г. был повешен с табличкой: «Казнен за выход из гетто без пропуска и опознавательного знака».

В Жмеринке действовал юденрат во главе с депортированным из Черновцов адвокатом Адольфом Гершманом, функционировали еврейская полиция, школа на 250 учащихся и детский сад, работали семь цехов и три мастерские. Благодаря доходам (в том числе полулегальными) от этих производств, в гетто была создана система социальной помощи неимущим. Организована бесплатная столовая для убежавших из плена (их переодели в гражданскую одежду) и детей-сирот, ежедневно готовили котел супа и другой пищи для бедняков и беженцев, в том числе из немецкой зоны оккупации. Проводилась культурно-просветительская и религиозная деятельность. Функционировал клуб, где играли артисты, ранее выступавшие в еврейских театрах Вены и Черновцов. По субботам и еврейским праздникам клуб превращался в синагогу.

В Жмеринке было много евреев, бежавших из немецкой зоны оккупации. В августе 1942 г. по требованию немецких и румынских оккупационных властей 286 браиловских евреев были выданы немцам, которые их расстреляли. Перед отступлением немецких войск в Жмеринке 17 и 18 марта 1944 г. были расстреляны 49 человек, в том числе 2 еврея. Еще не менее 17 евреев погибли в Жмеринке в мае—июле 1944 г. во время немецких бомбардировок.

В Жмеринском гетто действовала антифашистская подпольная группа, которой удалось подготовить и распространить много листовок, наладить издание подпольной газеты. Группу возглавлял учитель математики в еврейской школе Арон Гефтер. Он был казнен в тираспольской тюрьме в 1943 г.

Жмеринка была освобождена советскими войсками 18 марта 1944 г. Уцелело около 3 тысяч евреев.

См.: Буриштейн Л. Из истории Жмеринского гетто // «Алеф», 1992, № 447. — С. 39—43; Винокурова Ф. А. Холокост на Винничине: сравнительный анализ архивных документов о судьбах евреев в немецкой и румынской зонах оккупации (1941—1944 гг.) // «Проблеми історії Голокосту». Вып. II. Днепропетровск—Запорожье, 2005. — С. 30; Вольф Эфраим. Воспоминания бывших узников Жмеринского гетто — Иерусалим, 2001; Довідник про табори. — С. 32; *Живыми остались только мы*. — С. 431—433; *Жизнь и смерть... Кн. 1*. — С. 124, 485—485; *Жизнь и смерть... Кн. 2*. — С. 68—74, 73, 161, 326—327, 419—420, 450—451; *Жизнь и смерть... Кн. 3*. — С. 464—465, 602; *Круглов А. Катастрофа*. — С. 114; *Мы хотели жить... — Кн. 1*. — С. 45—46, 65; *Уничтожение евреев СССР*. — С. 362—364; *Die Verfolgung*. — Bd. 7. — S. 822, 828; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия*. — С. 314—315; *The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. II*. — P. 982—984.

ЛИТВАК-ПУСТИЛЬНИК Ольга (1925 г.) «ПИШУ ЭТИ СТРОКИ И ПЛАЧУ...»

¹ Поселок городского типа Томашполь Винницкой области, который до войны был центром еврейского национального поселкового совета (в 1939 г. там

проживали 1.863 еврея — 62,56% населения), был оккупирован немецкими войсками 20 июля 1941 г.

25 июля в **Томашполе** были избиты до смерти первые шесть евреев. 11 августа 1941 г. — расстреляны 150 евреев. Вот как об этом говорится на стр. 258 книги «100 еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель. Вып. 2: Подолия»: «По воспоминаниям очевидцев, в августе в **Томашполь** прибыл карательный отряд, возглавляемый эсэсовцами. Был собран сход представителей украинского населения, с тем, чтобы решить вопрос о евреях. Выступавшие на сходе, а среди них были известные в **Томашполе** люди, заявили, что «евреев надо уничтожать, ... поскольку они всегда жили за счет украинцев». Сход единодушно вынес своим соседям-евреям смертный приговор. ...Евреев погнали в сторону еврейского кладбища и там расстреляли, слабых и больных убивали лопатами. Всего было расстреляно или заживо засыпано землей 150 евреев (по другим сведениям, было уничтожено 240 человек)». После включения в состав Транснистрии в декабре было создано гетто. Его огородили высоким забором с колючей проволокой. В гетто вместе с местными евреями находились евреи, пригнанные из **Буковины** и **Бессарабии**. Узники носили желтые шестиконечные звезды, жили по 10–12 человек в комнате. Была создана еврейская община во главе с Мойше Сойфером. В одном из домов детей обучали молитвам и еврейским традициям.

Румынские власти использовали евреев на сахарном заводе, строительстве, ремонте и очистке от снега дорог, в каменоломне, колке дров, переноске угля и т. п. Часть евреев умерла в гетто от голода и болезней. В 1943 г. в гетто находились 1.128 евреев. Более 1 тысячи выжили.

Томашполь был освобожден советскими войсками 16 марта 1944 г.

См.: *Довідник про табори.* — С. 46; *Живими остались тільки ми.* — С. 460–462; *Жизнь и смерть...* Кн. 1. — С. 146–147, 445–446; *Жизнь и смерть...* Кн. 2. — С. 213–217, 362–365, 427–433, 481; *Жизнь и смерть...* Кн. 3. — С. 331–332, 532–536; *Круглов А. Катастрофа.* — С. 315; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 983–984; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II.* — P. 838.

ЛУКАЦКИЙ Нухим (1927 г.)

«ЕВРЕЕВ ГОНЯЛИ НА ТЯЖЕЛЫЕ КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ»

¹ В 1939 г. в городе **Шпола Киевской (ныне Черкасской) области** проживали 2.397 евреев (16,24% населения).

Оккупирован немецкими войсками 31 июня 1941 г. 21 июля 1941 г. в **Шполе** была арестована, и на следующий день расстреляна первая группа евреев-мужчин. 3 и 9 сентября 1941 г. выявлены и расстреляны 160 евреев из числа интеллигенции (адвокаты, врачи, учителя); в октябре 1941 г. еще 7 евреев.

В начале мая 1942 г. трудоспособные евреи были угнаны в рабочий лагерь. Остальных (около 800 человек) украинские полицейские из 117-го шутцманшафт-

батальона 13 мая 1942 г. согнали в гетто, огороженное проволокой. Оккупанты называли этот квартал «Палестина». Никакого снабжения не было. Из-за голода ежедневно умирало 10–12 человек. 15 июня 1942 г. команда СД при содействии украинской полиции расстреляла 760 евреев, в том числе около 250 детей. Расстрел проводился в урочище Нижняя Дарьевка. Дочь доктора Гольберга подняла на руки своих детей и крикнула, что кровь невинных детей никогда не простит убийцам. В живых были оставлены лишь 13 специалистов-ремесленников (бондарь, несколько портных и кузнецов). Их казнили в 1943 г. В августе 1942 г. в Ирудянском карьере были задержаны около 80 евреев и расстреляны у села Искренное.

Шпола была освобождена советскими войсками 27 января 1944 г.

См.: *Круглов А. Катастрофа.* — С. 349–350; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 1096; *The United States Holocaust Memorial. Vol. II.* — P.1601; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II.* — P. 703–704.

ЛЮБАРСКИЙ Александр ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ...

¹ В селе **Дашев Ильинецкого района Винницкой области** в 1939 г. проживали 967 евреев. 25 июля 1941 г. оккупировано немецкими войсками. 28 октября 1941 г. отряд оперативной команды 5 с помощью украинской полиции расстрелял в **Дашеве** 814 евреев.

13 марта 1944 г. **Дашев** был освобожден советскими войсками.

См.: *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства.* — С. 95–96; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия* — С. 255; *The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Vol. II.* — P. 1524.

² В **Гайсине** — районом центре **Винницкой области** — в 1939 г. проживали 4.109 евреев (27,7% населения), в селах района — 380. **Гайсин** был захвачен немецкими войсками 25 июля 1941 г. Находясь к востоку от Южного Буга, он оказался в немецкой зоне оккупации. С осени 1941 г. Гайсин стал центром одноименного гебита гебитскомиссариата Житомир.

Первое массовое убийство произошло 16 сентября 1941 г., когда 304-й полицейский батальон расстрелял в урочище Белендинка 1.409 местных евреев, а также 29 евреев из **Ладыжина**. По свидетельству очевидцев, «обреченных на смерть граждан, подтаскивали к яме. Как только первая группа была расстреляна, все остальные убедились, что их привели на казнь. Поднялся всеобщий душераздирающий плач, рыдание, многие падали в обморок, некоторые пытались бежать, но тут же расстреливались». Оставшемуся еврейскому населению было приказано немецким комендантом переселиться в гетто на Рабочей улице.

Второе массовое убийство евреев произошло 16 октября 1941 г. «Как в первом, так и во втором случае, расстрелу подвергалось все еврейское население, не исключая стариков, женщин и детей, даже новорожденных. Всех их раздевали в тире военного городка и нагишом гнали к месту расстрела. Детей бросали в ямы живыми» (из Акта Комиссии по расследованию злодеяний немецких оккупантов по Гайсинскому району с 24 июля 1941 г. по 13 марта 1944 г.). Почти все узники были расстреляны отрядом оперативной команды 5. В гетто остались около 150 специалистов-ремесленников.

В Гайсине был организован лагерь, в котором содержались около 4000 евреев, депортированных из Бессарабии и Буковины, а также из соседних местечек. Их использовали как рабочую силу на строительстве моста по дороге в Винницу. Большинство из них погибли во время строительства, остальные (около тысячи человек) были расстреляны и похоронены под мостом. Новые антиеврейские акции состоялись в 1942–1944 гг. В январе 1942 г. были расстреляны 150 евреев, 27 мая 400 гайсинских евреев расстреляли в Теплике, 14 октября — 230, 6 ноября — 1.000. В начале мая 1943 г. были казнены еще 120 евреев. 14 февраля 1944 г. вместе с 21 человек русскими и украинцами были убиты и сброшены в колодезь последние 3 еврея. В общей сложности в Гайсине были истреблены 4.500 евреев.

Более 10 евреев участвовали в деятельности подпольных организаций.

См.: *Carp Matatias, Cartea neagră. Le livre noir de la destruction des Juifs de Roumanie, 1940–1944, traducere, note și prezentare de Alexandra Laignel-Lavastine, Paris, 2009; Довідник про табори. — С. 30; Живыми остались только мы. — С. 380–387; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 264–275; Круглов А. Катастрофа. — С. 80; Лауер Венді. Творення нацистської імперії та Голокост в Україні. — К., 2010. — С. 172, 304; Сборник документов. — С. 301–302; 100 еврейских местечек Украины. Вып. 2. — С. 199–200; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 195; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1527; The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. II. — P. 205–206.*

МАЖБИЦ Аркадий (1937 г.) и Николай (1939 г.)

**«НАМ В ЛАГЕРЕ ПОМОГАЛИ НАШИ
УКРАИНСКИЕ СОСЕДИ»**

¹ Согласно переписи 1939 г., в Брацлаве Немировского района Винницкой области проживали 1.010 евреев (25,42% населения).

22 июля 1941 г. немецкие воинские части вошли в Брацлав. С началом оккупации в местечке было создано гетто, куда поместили евреев всего Брацлавского района.

Согласно отчету румынской жандармерии в конце декабря 1941 г. в Брацлаве было 747 евреев. 31 декабря 1941 г. (1 января 1942 г.) большинство евреев перевели в концлагерь в «Печору» (по дороге в Марисове были убиты 18 евреев), около 50 человек оккупанты утопили в Южном Буге.

В августе 1942 г., несмотря на то, что Брацлав находился в румынской зоне оккупации, в нем были созданы 2 рабочих лагеря для немецких строительных компаний «Тодт-Дорман» и «Хорст унд Йессен», в которые поместили 1.200 евреев, депортированных из Буковины, Бессарабии и Румынии, и около 300 украинских евреев. Их использовали на работах в каменных карьерах и на прокладке дорог. Работа продолжалась без выходных, с рассвета до заката, с одним получасовым перерывом для еды. Режим был строгим и своей конечной целью имел уничтожение всех заключенных.

23 сентября 1942 г. старики и дети были расстреляны в ближайшем лесу. Акции уничтожения нетрудоспособных евреев продолжались и в дальнейшем. В апреле 1943 г. лагерь «Тодт-Дорман» был закрыт, заключенных перевели в лагерь «Хорст унд Йессен».

При освобождении Брацлава в марте 1944 г. в городе оказалось около 200 местных и 20–30 депортированных евреев.

См.: *Винницкая область и Катастрофа (ШОА) и сопротивление: свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения и подпольной борьбы. — Тель-Авив—Киев, 1994. — С. 86–91; Винниччина в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945 рр.). Збірник документів і матеріалів. — Одеса, 1971. — С. 72; Довідник про табори. — С. 30,40; Живыми остались только мы. — С. 254–263, 380–387; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 350–351; Круглов А. Катастрофа. — С. 46, 220; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 116, 379; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 183–184; 199–200; Уничтожение евреев СССР. — С. 229; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства. — С. 67–68; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 105–106; Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P.71–72.*

² Село Печора Тульчинского района Винницкой области было оккупировано немецкими войсками 23 июля 1941 г. С осени 1941 г. в составе Транснистрии.

С декабря 1941 по март 1944 гг. в Печоре находился еврейский лагерь. Он охранялся украинскими полицейскими, вооруженными винтовками и резиновыми дубинками. 12 декабря 1941 г. в лагерь поместили 3.005 евреев из Тульчина, 31 декабря — свыше 700 евреев их Брацлава, в январе 1942 г. — собранных в Ладыжине еще в сентябре 1941 г. евреев Тростянецкого района (450 человек), несколько сот евреев из Вапнярки, 19 августа 1942 г. — несколько сот евреев из лагеря в Рогозне. В конце июля и в октябре—ноябре 1942 г. в лагерь доставили 3500 евреев из Могилева-Подольского. В совокупности в лагерь были направлены 8,5 тыс. человек. Их размещали в трехэтажном здании бывшего санатория для больных туберкулезом и одноэтажном здании конюшни. В комнатах находились по 30–40 человек. Большинство узников спали на полу. Евреев не

кормили и не разрешали выходить за пределы лагеря, который был огорожен высокой каменной стеной. Дети и женщины, несмотря на запрет, уходили в села в поисках еды. Полиция лагеря издевалась над узниками и грабила их. Уже в первую зиму многие умерли от тифа.

Летом 1942 г. немцы предприняли попытку ликвидировать лагерь, но румынский комендант остановил эту акцию. С августа 1942 по мая 1943 гг. 2,5 тыс. евреев были отправлены за Южный Буг и переданы немцам для использования на работах. В сентябре 1943 г. в лагере Печора собрали всех детей-сирот (около 30 человек) и организовали детский дом, а в ноябре 1943 г. детей через Тульчин вывезли в Балту, а оттуда в марте 1944 г. — в Румынию. В середине марта 1944 г. в лагере были освобождены 1.550 евреев.

Всего в лагере от голода и болезней (в том числе и от эпидемии тифа) погибли (по разным данным) от 2.500 до 9.450 евреев. Сопоставляя различные источники и архивные документы, Ф. А. Винокурова отмечает, что «через концлагерь, прошли около 10 тысяч евреев, пригнанных из Брацлава, Тульчина, Ладзыжина, Могилева-Подольска, Тростянца и Шпикова, румынских и буковинских евреев, а при освобождении их оставалось 300–400 человек».

Печора была освобождена частями Советской Армии 15 марта 1944 г.

См.: *Бронштейн Морис. Мертвая петля. Интервью с узниками Печорского концлагеря. Нью-Йорк, 2013. — 115 с.; Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и Сопротивление. — С. 71–91; Винокурова Ф. А. Холокост на Винничине. — С. 27; Довідник про табори. — С. 50; Живыми остались только мы. — С. 113–114; 246–248, 255–256; 422, 491–496; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 71–72, 331–338, 410–419, 461–466, 471–472; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 93–94, 145–147, 223–255, 294–295, 322, 358–361, 434–439; Жизнь и смерть... Кн. 3 — С. 56, 68–69, 179–180, 246–249, 358, 400–415; Історія міст і сіл УРСР. Вінницька область. — С. 659; Круглов А. Катастрофа. — С. 254–255; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 66–71, 101, 250–251, 442–443; Последние свидетели. — С. 350–362; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. — С. 241–247; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 828, 834; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 74–75; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 743–744.*

МАЛІНСЬКА Софія (1925 р.)

РАНИ СЕРЦЯ

¹ Село Аннополь Славутского района Хмельницкой области в 1930-е годы было центром еврейского сельсовета (1280 жителей в 1931 г.). Перед войной в Аннополе проживали около 300 еврейских семей. Оккупировано немецкими войсками 7 июля 1941 г. Летом здесь были расстреляны 13 евреев, а затем еще около 100. В ноябре в Аннополь были согнаны евреи из окрестных сел. 2 марта 1942 г. почти все они угнаны в гетто Славуты, где немецкие жандармы

и украинские полицейские сразу же отобрали и расстреляли стариков и калек. Остальные евреи были убиты 25 июня 1942 г. во время ликвидации Славутского гетто.

См.: *Гон М. Голокост у Західній Волині // Голокост і сучасність (Науково-педагогічний бюлетень Українського центру вивчення історії Голокосту. — 2002, № 6. — С. 7; Гошкис Д. О чем трубят шофар. — С. 18–20; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 18; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины. — С. 394; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 24; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Vol. II. — P. 1322.*

² Местечко (село) Киликиев Славутского района Хмельницкой области было захвачено немецкими войсками 3 июля 1941 г. И уже 11 июля солдаты 10 пехотного полка 1-й мотопехотной дивизии СС согнали мужское население Киликиева в школьный сарай и, утром, 12 июля, расстреляли его за селом. Вторую кровавую акцию над евреями Киликиева нацисты провели зимой 1942 г.

Всем евреям села было приказано явиться с вещами в школьный двор. Их заперли в сарае на ночь, и утром следующего дня погнали за село и расстреляли на берегу речки Корчик. По данным ЧГК, во время оккупации в Киликиеве были расстреляны 213 евреев.

См.: *Круглов А. Катастрофа. — С. 152; Радченя Анастасія. Трагічна доля євреїв, які проживали на території села Киликиїв, у роки Великої Вітчизняної війни // Історія і уроки Голокосту. — Київ, 2010. — С. 316–331; Холокост на території СССР. Энциклопедия — С. 407; Цехместрук В.Ф. Історія села Киликиїв — Киликиїв, 1997.*

³ О Славуте см. примечание к воспоминаниям Леонида Лангера.

МАНУКЯН (УДЕЛЬСМАН) Евгения (1923 г.)

«Я ПРОШЛА ВСЕ ТЯГОТЫ ХОЛОКОСТА...»

¹ В 1941 г. в городе Косове Станиславской (ныне — Ивано-Франковской) области проживали 3.700 евреев (включая беженцев из Польши и Венгрии).

Уже с первых дней оккупации еврейское население Косова старше 13 лет были мобилизованы на принудительные работы по ремонту дорог и мостов. Еврейскую общину обложили налогами валютой и драгоценностями. В материалах Архива в Арользене (Internationaler Suchdienst Arolsen) говорится о лагере принудительного труда для евреев в Косове (первое упоминание — конец 1942 г., последнее — март 1944 г.).

Истребление евреев в Косове, как и во всем дистрикте «Галиция», началось сразу же после прихода немецких войск.

В сентябре 1941 г. в Косове были расстреляны 7 евреев как коммунисты. Когда возникла угроза очередной акции, председатель юденрата Хаим Штейн-

нер пытался предотвратить ее, пообещав нацистам собрать дополнительную контрибуцию. Однако оккупанты не отказались от запланированной акции.

16 октября 1941 г. после массовой облавы евреев загнали в помещение суда. Перед неминуемой смертью женщины подняли ужасный плач. Было дано распоряжение вывести женщин и детей. Их первых повели на расстрел к подготовленным заранее могилам. Детей до 10 лет не расстреливали. Их бросали живыми в яму вместе с матерями. Тех, кому удалось спастись от облавы, выловили, загнали в синагогу, закрыли окна и двери, облили горячим, и сожгли. Выживший в годы нацистской оккупации в **Станиславской** и в концлагерях **Освенцим** и **Бухенвальд** Б. С. Арсен, из книги которого мы взяли описание резни 16 октября 1941 г., отмечает: «За один день в небольшом Косове погибли 2.700 человек» (по другим данным — 2.088 или 1.918 евреев).

24 апреля 1942 г. в **Косове**, в котором тогда имелось свыше 2 тысяч евреев (включая пригнанных из окрестных сел), была проведена новая акция: около 1.000 евреев были переселены в **Коломыю** (часть в мае — июне вернулась обратно). Во время акции 7–8 сентября 1942 г. все косовские евреи, кроме специалистов и спрятавшихся, были угнаны в **Коломыю**, а оттуда высланы в **Белжец (Польша)**. 137 человек были убиты в Косове, а по дороге в **Коломыю** — еще около 25 человек. В конце октября в **Косове** еще оставались 230 евреев, в том числе 60 проживавших легально. Во время последней акции 1 ноября 1942 г. около 50 евреев были расстреляны, часть вывезена в **Коломыю** и убита там. На кладбище **Косова** в конце 1942 г. были расстреляны, обнаруженные в соседнем селе **Кобаки**, спрятавшиеся там 30 евреев.

Оккупация **Косово** продолжалась с 1 июля 1941 по 2 апреля 1944 гг.

См.: Арсен Б. С. *Моя гірка правда.* — С. 130–163, 197–198; Бартов Омер. *Стерті. Знікаючі сліди євреїв Галичини в сучасній Україні.* — Київ, 2010. — С. 119–123; Довідник про табори. — С. 150; Дунаер А. «Геноцид — это всегда против сех» // http://jn.com.ua/History/iv_fr_1205.html; *Жизнь и смерть... Кн. 3.* — С. 47–55; *Круглов А. Катастрофа.* — С. 167; *Сборник документов — С. 326–330, 334; Холокост на территории СССР. Энциклопедия — С. 467–468; Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины.* — С. 181–182; *The United States Holocaust Memorial. Vol. II.* — P. 797; *The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I.* — P. 350–351.

² В городе **Коломые Ивано-Франковской области** в конце 1940 г. проживали около 17,1 тысяч евреев.

После начала Великой Отечественной войны много сотен евреев эвакуировались на Восток. 30 июня отступили советские войска, через три дня в **Коломыю** вошли воинские части Венгрии — союзницы Германии.

В эти три дня украинские националисты провели несколько антиеврейских акций. 20 наиболее авторитетных членов религиозной еврейской общины заста-

вили демонтировать памятник Ленину без вспомогательных средств. Все они погибли на этом месте. В тот же день был инсценирован расстрел других авторитетных евреев города разного возраста с грабежом их имущества. После прибытия венгерских войск активность таких действий была приостановлена.

В первой половине июля 1941 г. были проведены антиеврейские действия: евреи должны были носить звезду Давида, их имущество было конфисковано, передвижение ограничено, и они должны были выполнять трудовую повинность.

1 августа 1941 г. город перешел под немецкое управление, и антиеврейские репрессии усилились. 19 августа на еврейскую общину была наложена контрибуция. Евреев заставили сдать все ценные вещи — золото, серебро, зимнюю одежду для потребностей Восточного фронта. Тогда же создали юденрат, провели регистрацию всех евреев.

12 октября 1941 г. была проведена первая большая антиеврейская «акция». Гестаповцы, жандармы и украинские полицейские выгнали евреев города из их домов и под усиленной охраной отвели их в тюрьму. Там их держали три дня без еды и воды. И после издевательств, полностью обессиленных, отконвоировали в Шепаровский лес и расстреляли 2.850 евреев.

6 ноября 1941 г. были схвачены несколько сот евреев и расстреляны в том же месте.

15 ноября нацисты погнали в Шепаровский лес колонну из 500 евреев, сформированных из старых людей и больных детей.

23 декабря 1941 г. гестапо вызвало всех евреев, имевших иностранные паспорта (в основном венгерские и немецкие). 4.849 человек (по другим данным — около 1.200 человек) выполнили это распоряжение. Все они нашли свою смерть в Шепаровском лесу.

24 января 1942 г. расстреляли еще 400 евреев, главным образом представителей интеллигенции, в феврале 1942 г. была расстреляна группа евреев из **Обертина**.

С середины ноября стали создавать первое гетто в местах компактного проживания евреев. Гетто отгородили высоким деревянным забором. Сверх забора было еще несколько рядов колючей проволоки. Начиная с 3 марта 1942 г. по распоряжению немецких властей было создано новое гетто — «гетто № 2». 26 марта 1942 г. его оформили — гетто состояло из трех частей в трех районах города. Каждая часть была огорожена забором, а окна, выходящие на «арийскую» сторону, забиты досками. Гетто заполнялось евреями из **Верховинского, Гвоздецкого, Коломыйского, Коршевекого, Косовского, Кутского, Обертинского, Яблоновского и других районов** (в мае и июне часть евреев вернулась в **Косов** и **Обертин**). В итоге, в июне 1942 г. в Коломые находились 15.832 еврея (по другим данным — более 18–20 тысяч).

Уже 3 апреля 1942 г. в гетто была проведена первая акция: около 2 тысяч евреев отправлены в **Белжец (Польша)**, около 250 убиты и 86 сгорели заживо в подожженных домах.

В конце июня 1942 г. в **Белжец** были отправлены еще около 2 тысяч евреев. 7 сентября 1942 г. в гетто состоялась новая акция. На сборный пункт биржи труда были согнаны, якобы, для регистрации около 5.900 евреев, из которых полиция безопасности освободила 1.000, а 4.769 выслали в **Белжец**. При этом были убиты около 300 человек. В конце сентября в **Коломыю** были переселены оставшиеся евреи из окрестных населенных пунктов (**Городенки**, **Косова** и др.). 10 октября 1942 г. на сборный пункт были согнаны свыше 4 тысяч евреев и после отделения около 250 специалистов также вывезены в **Белжец**; свыше 100 евреев были убиты. 6 ноября 1942 г. в гетто были схвачены и расстреляны 1000 человек.

После этих акций были ликвидированы гетто №№ 2 и 3. В ходе первых акций ряд членов юденрата покончили жизнь самоубийством. В середине декабря 1942 г. в гетто в живых остались 1500 евреев. Их сконцентрировали в сожженном гетто. В ночь с 31 января на 1 февраля 1943 г. была проведена ликвидационная акция. Были оставлены в живых 8 врачей, 2 аптекаря и 20 квалифицированных ремесленников. В начале марта 1943 г. всех, кроме врачей, расстреляли на кладбище, а 7 врачей совершили самоубийство (1 сумел бежать).

Город **Коломыя** был объявлен «юденфрай» (свободный от евреев).

В общей сложности в 1941–1943 гг. в **Коломые** были убиты свыше 8 тысяч евреев. Б. Арсен пишет: «Через **Коломыю** и ее окрестности в годы Холокоста прошло около 50 тысяч евреев, из них лежат в братских могилах Шепаровского леса около 20 тысяч». А. Дунаер приводит заключение и. о. военного прокурора воинской части 33.058 капитана юстиции Машонкина от 22 апреля 1944 г.: «В **Коломые** и ее окрестностях уничтожено различным способом 90 тысяч человек».

Когда 28 марта 1944 г. советские войска освободили **Коломыю**, из укрытий вышли несколько десятков евреев. Это были те, которые выжили благодаря помощи украинцев и поляков.

См.: Арсен Б. С. Моя гірка правда. — С. 130–163, 197–198; Бартов Омер. Стєргї. — С. 112–118; Gutman J. Der Untergang der Juden in Kolomyja. — Berlin, 1958; Довідник про табори. — С. 150; Дунаер А. «Геноцид — это всегда против всех»; Enzyklopädie des Holocaust. — Bd. II — S. 781–782; Круглов А. Катастрофа. — С. 160–161; Sandkühler Thomas. Endlösung in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944, Bonn 1996; Сборник документов. — С. 326–330, 334; Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины. — С. 181–182; The United States Holocaust, Vol. II— P. 790–792; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I — P. 333.

³ Город **Снятин** Станиславской области (ныне **Ивано-Франковской**) до 1939 г. входил в состав **Польши**. Накануне Второй мировой войны в **Снятине** проживали 3,5 тысяч евреев (30,7% населения), а в 1941г. — около 5 тысяч, включая беженцев из **Польши** и **Венгрии**.

Снятин был оккупирован венгерскими войсками 30 июня 1941 г. Через три дня в город вошли румыны, с 1 августа 1941 г. **Снятин** перешел в немецкую зону оккупации, стал центром Снятынского уезда Коломыйского округа дистрикта **Галиция** генерал-губернаторства. В дни оккупации немцы расстреляли в Потичанском лесу, в 6 км за городом в ярах возле села **Потичок**, 10 наиболее известных евреев **Снятина**. В октябре и ноябре 1941 г. здесь же было расстреляно еще 60 евреев.

В начале 1942 г. в **Снятине** было создано гетто. Оно отделялось от других частей города высоким забором и колючей проволокой. Юденрат возглавлял зубной техник Коган; действовал еврейский комитет взаимопомощи.

В марте 1942 г. было расстреляно еще 70 человек. 6 февраля 1942 г. 2 тысячи снятинских евреев вывезли в лагерь смерти **Белжец**. По другим данным, всех евреев города и уезда сначала согнали в гетто, а потом регулярно, партиями — сначала стариков, затем детей и др. вывозили на расстрел в лес, возле села **Потичок**. По данным бывшего узника гетто Арона Битера, до сентября 1942 г. здесь погибло около 3 тысяч евреев **Снятина**. Начиная с апреля 1912 г. в **Снятине** шла концентрация евреев уезда (кроме **Заболотова**), поскольку город стал одним из пунктов сбора евреев Коломыйского округа. В **Снятин** «переселили» евреев из сел **Белелелуя** (23 человека), **Будылив** (23 человека), **Любковцы** (4 человека), **Пидвысокое** (42 человека), **Прутивка** (17 человек). **Стецева** (82 человека) и др. 15 мая 1942 г. в гетто **Снятина** находилось 1.432 узника, на июнь 1942 г. — 1.582. По данным Битера, в гетто в начале сентября 1942 г. было сконцентрировано около 2 тысяч евреев. 4 сентября 1942 г. их сначала согнали на центральную площадь города, якобы, для проверки наличия численного состава, затем отправили в помещение бывшего клуба «Сокол» и продержали в нем без пищи и воды 6 суток. Здесь умерли все дети и больные; многие сходили с ума, другие кончали жизнь самоубийством. За попытку прорваться через охрану была расстреляна группа мужчин. Были и факты помощи со стороны некоторых охранников продуктами. Перед «выселением» евреев «великодушно» разрешили спеть «Атикву». 1.582 еврея из **Снятина** были загружены в 10 вагонов и вывезены сначала в **Коломыю**, а оттуда 10 сентября 1942 г. вместе с другими 8.205 узниками в поезде из 50 вагонов отправлены в **Белжец**. По другим данным, 4485 евреев расстреляли в первых числах сентября 1942 г. в оврагах у села **Потичок**.

К середине сентября 1942 г. в **Снятине** уже не осталось ни одного еврея. Через гетто **Снятина** прошло более 5 тысяч евреев, в том числе 3,5 тысяч — местных; остальные — беженцы. Из них часть погибла возле села **Потичок**; остальные вывезены в лагерь смерти **Белжец**. В источниках и литературе приводятся разные данные о числе погибших евреев в селе **Потичок**: около 3.000, 3.346, 4.485, около 5000; соответственно отличаются данные о числе вывезенных в лагерь **Белжец**: от 500 до 3,5 тысяч человек. Общее число жертв среди мирных жителей в **Снятине**, по данным ЧГК, составляет 4.527 человек.

Снятин был освобожден советскими войсками 30 марта 1944 г.

См.: Арсен Б. С. *Моя гірка правда.* — С. 199, 224; Круглов А. *Катастрофа.* — С. 290—291; *Мы хотели жить.* — С. 84—85; Сборник документов. — С. 384; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 44—45; *The United States Holocaust Memorial. Vol. II.* — P. 828; *Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I.* — P. 730—721.

МАНЬКОВСКАЯ Эстер (1936 г.)

ПАПА, МАМА И БРАТ ПОГИБЛИ В БОЮ

¹ Село **Высоцк Ровенской области** до 1939 г. входило в состав Полесского воеводства **Польши**. Накануне войны в **Высоцке** проживали около 1,1 тысяч человек.

Высоцк был оккупирован 17 июля 1941 г. В июле-августе 1941 г. селом управляла немецкая военная администрация, а с сентября 1941 г. власть перешла к немецкой гражданской администрации. **Высоцк** вошел в состав гетита Столин гетитскомиссариата **Вольнь-Подолия** рейхскомиссариата **Украины**. Летом и осенью 1941 г. в **Высоцке** был создан юденрат, евреям было предписано носить опознавательные знаки в виде звезды Давида (позже — в виде желтого круга), они были назначены на тяжелые работы без оплаты. Евреям было запрещено покидать пределы села. Они подвергались систематическим грабёжам и избиениям со стороны украинской полиции. 20 июля 1942 г. в селе было создано гетто, в которое также были помещены евреи из окрестных сел. Всего в гетто размещались около 1,5 тысяч человек. 9 сентября 1942 г. команда СД из **Пинска** с участием немецкой жандармерии и украинской полиции ликвидировала гетто. Накануне акции около 100 евреев смогли бежать, остальные (по архивным данным, 1.800—2.000 евреев) были расстреляны.

См.: *Довідник про табори.* — С. 134; Круглов А. *Катастрофа.* — С. 79; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 190; *Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I.* — P. 947.

МАРКОВСКАЯ Анна

«ЭТО БЫЛИ УЖАСНЫЕ МЕСЯЦЫ И ГОДЫ...»

¹ В **Балте Одесской области** до войны проживали 4.711 евреев.

Балта была оккупирована немецкими войсками 5 августа 1941 г. и уже 8 августа здесь убили около 200 евреев (около 60 местных, остальные — беженцы из **Бессарабии**). С 1 сентября **Балта** вошла в состав Транснистрии.

В сентябре 1941 г. у села **Козацкого** были расстреляны еще 80 евреев из **Балты**. В этом месяце 1941 г. в **Балте** было создано гетто, в котором содержались 3,7—3,8 тысяч человек: около 1.500 местных евреев, 1.000 евреев-беженцев и около 1.500 евреев, пригнанных из **Бессарабии**, к которым в июле 1942 г. добавили еще 200 человек (из **Ободовки**). Огороженное колючей проволокой, гетто размещалось в нескольких поврежденных домах и 4 общественных убежищах на краю города. Был создан еврейский комитет, который пытался улучшить положение евреев, особенно детей, после получения

помощи от еврейской общины Румынии. Все евреи должны были носить шестиконечные звезды, выполнять трудовую повинность. Около 1.500 евреев в конце 1941 г. были отправлены в **Бершадь Винницкой области**, около 500 из них вернулись, а около 1000 погибли в лагерях **Ободовского** и **Тростянецкого районов**.

Недолго со старейших евреев из **Балты** с декабря 1941 г. до августа 1942 г. были переведены в еврейский рабочий лагерь в селе **Перелеты Одесской области** для строительства аэродрома. В лагере от истощения и жестокого обращения около 70 человек погибли.

Весной 1943 г. трудоспособных евреев из **Балты** отправили в район **Николаева** в распоряжение организации Тодт (уже по дороге около 100 евреев погибли), а в конце 1943 г. выживших вернули в **Балту**.

Из числа бессарабских евреев на 1 сентября 1943 г. в живых оставались 866 человек, остальные умерли от голода и болезней.

В декабре 1943 г. в гетто расстреляли 83 еврея, а в марте 1944 г., во время немецкого отступления, — 300 евреев и около 60 были заживо сожжены. В **Балте** действовала подпольная организация, куда входили местные и одесские евреи.

29 марта 1944 г. **Балта** была освобождена советскими войсками.

См.: *Живыми остались только мы* — С. 424—428; *Жизнь и смерть... Кн. 1.* — С. 69—70, 168—176, 429—436; *Жизнь и смерть... Кн. 2.* — С. 143—144, 268—270, 390; *Жизнь и смерть... Кн. 3.* — С. 17—18; *INTERNATIONAL COMMISSION ON THE HOLOCAUST IN ROMANIA (București), Final Report / International Commission on the Holocaust in Romania; president of the commission: Elie Wiesel; ed. Tuvia Friling, Radu Ioanid, Mihail E. Ionescu. Iași: Polirom, 2004, S. 144; Круглов А. Катастрофа.* — С. 23—24; *Мы хотели жить... — Кн. 1.* — С. 141, 155—156, 462—464, 480; *Помнить и рассказать. Часть 1 и 2.* — Одесса, 2009; *Сборник документов.* — С. 196—198, 608—609; *Суион Л. Транснистрия: евреи в аду.* — С. 93—98; *Carp Matatias. Holocaust in Rumania. Facts and documents on the annihilation of Rumania's Jews. — 1940—1944. Published by Primor Publishing Co. 199.; Die Verfolgung.* — Bd. 7. —S. 69, 822—825, 828; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 44—45; *Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I.* — P. 15—16.

МАСЛЯЕВ Георгий (1937 г.)

«НАЧАЛИСЬ КОШМАРНЫЕ, СТРАШНЫЕ, ОСОБЕННО ДЛЯ ЕВРЕЕВ, ДНИ»

¹ Согласно переписи 1939 г. в **Ворошиловграде (ныне — Луганск)** проживало 1.622 еврея (5,02 % населения). Захвачен немецкими войсками 17 июля 1942 г. Всем евреям было приказано пройти регистрацию и носить желтые шестиконечные звезды.

В сентябре 1942 г. немецкие оккупационные власти зарегистрировали в **Луганске** 1.038 евреев. Согласно материалам ЧГК, 1 ноября 1942 г. был про-

изведен массовый расстрел еврейского населения. Вместе с местными евреями у Острой могилы в **Луганске** были расстреляны и евреи, свезенные из окрестных населенных пунктов — 100 человек из **Ворошиловска (Алчевска)**. Общее число жертв — около 1.800. Они жили в оккупации всего около 4 месяцев.

Луганск (Ворошиловград) был освобожден советскими войсками 14 февраля 1943 г.

См.: *Альтман И. Жертвы ненависти.* — С. 86; *Жизнь и смерть...* Кн. 3. — С. 197–201; *Круглов А. Катастрофа.* / — С. 17, 188–189; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 184.

МАТЮШИНА Рива (1919 г.)

«В ЖИВЫХ ИЗ ВСЕЙ РОДНИ НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ»

¹ **Город Любомль Волинской области** до 1939 г. входил в состав **Польши**. В конце 1937 г. в **Любомле** проживали 3.162 еврея. Осенью 1939 г. в **Любомле** осели сотни евреев-беженцев из **Польши**, так что число евреев увеличилось примерно на 1 тысячу человек.

Любомль был оккупирован Вермахтом 16 июля 1941 г. В июле—августе 1941 г. городом управляла немецкая военная администрация, а с сентября 1941 г. власть перешла к немецкой гражданской администрации. **Любомль** стал административным центром гетита **Любомль** (в него также входили районы **Шацк** и **Головно**) генерального округа **Вольнь-Подолля** рейхскомиссариата **Украина**. В **Любомле** были сформированы украинская районная управа, украинская полиция, которая подчинялась посту немецкой жандармерии, состоявшему из нескольких жандармов. Комендантом украинской районной полиции был Степан Ковальчук. С середины июля до конца августа 1941 г. в **Любомле** находились два взвода 1-й роты 314-го полицейского батальона. Уже 22 июля 1941 г. они расстреляли в **Любомле** 215 евреев и 21 августа — еще 53 еврея. Еще 5 евреев были расстреляны 31.7.1941 г.

В **Любомле** евреям с 14 лет было предписано носить опознавательные знаки в виде звезды Давида (позднее в виде круга), они были назначены на тяжелые работы без оплаты, им запрещалось покидать пределы города, они подвергались систематическим грабёжам и избиениям со стороны украинской полиции. Осенью 1941 г. по приказу гетитскомиссара в **Любомле** был создан юденрат (председатель — Кальман Копельзон), полиция и отдел труда.

6 декабря 1941 г. в **Любомле** было создано гетто. Оно просуществовало десять месяцев. В течение этого времени имели место расстрелы небольших групп евреев за нарушение распоряжений оккупационных властей. Так, в июле 1942 г. были расстреляны 6 евреев и в августе 1942 г. у села **Скибы** — 20 евреев. 1 октября 1942 г. началась ликвидация гетто. В ходе ликвидации были расстреляны 3–4 тысячи евреев.

В 1942 в гетто были созданы две небольшие подпольные группы, имевшие оружие. Они изготавливали фальшивые документы-разрешения на выход из гетто, добывали оружие, организовывали побег, планировали вооруженное сопро-

тивление. Во время расстрела юноша выхватил из рук немца револьвер, но был убит на месте.

Любомль освобожден советскими войсками.

См.: *Довідник про табори.* — С. 208; *Круглов А. Катастрофа* / — С. 198; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 555; *The United States Holocaust Memorial. Vol. II* — P. 1410.

МЕРШОН Бэла (1941 г.)

«КОГДА НЕМЦЫ ЗАНЯЛИ ЖМЕРИНКУ, ЗА ЕВРЕЕВ ВЗЯЛИСЬ СРАЗУ»

¹ **Жмеринке** см. примечание к воспоминаниям Якова Лившица.

² **О Браилове** см. примечание к воспоминаниям Якова Лившица.

³ В 1939 г. в **Деражне Хмельниковой области** проживал 2.651 еврей (40% населения).

11 июля 1941 г. местечко было оккупировано немецкими войсками. Осенью 1941 г. в старой части **Деражни**, около базарной площади, было создано местное гетто, в котором также поместили около 400 евреев **Волковинецкого района**. В гетто зарегистрировали 1.848 евреев (715 трудоспособных 554 нетрудоспособных и 579 детей до 14 лет). Из числа трудоспособных евреев 200 были отправлены в **Летичев**, 300 — в другие лагеря.

21 сентября 1942 г. команда СД с помощью немецкой жандармерии и украинской полиции, расстреляв свыше 1.500 евреев местечка, ликвидировало гетто. В сентябре—октябре 1942 г. было выловлено и расстреляно еще несколько сотен евреев.

См.: *Довідник про табори.* — С. 84; *Круглов А. Катастрофа.* — С. 97; *Мы хотели жить...* — Кн. 1. — С. 474–475; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 263; *Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I.* — P. 160–162.

МИРДАС Раиса

ВСЕ МИНОВАВШЕЕ ДАВНО СЕГОДНЯ ОЖИВАЕТ СНОВА

¹ **О Харькове** см. примечание к воспоминаниям Евгении Ласенко.

МИХАЙЛИС Григорий (1934 г.)

«В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1941 г. НАЧАЛИСЬ МАССОВЫЕ АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ»

¹ **Об Умани** см. примечание к воспоминаниям Романа Левита.

МОЛОЧКОВЕЦКАЯ Рива (1928 г.)

«ЗАШЛИ НЕМЦЫ, НАЧАЛИ УБИВАТЬ ЕВРЕЕВ...»

¹ Накануне войны, по переписи 1939 г., в **Виннице** проживали 33.150 евреев (около 35% населения). В течение первых дней после начала войны 17.500 евреям из города удавалось уйти из города на восток. Мужчины были призваны в ряды

Красной Армии. **Винница** была оккупирована 19 июля 1941 г. Через пару дней немцы отобрали несколько сот молодых евреев, якобы для отправки в **Палестину**. Их привезли на еврейское кладбище и расстреляли. Жертвами нацистского разгрома в **Виннице** стали представители еврейской интеллигенции. 28 июля зондеркоманда 46 обманным путем арестовала «почти весь верхний слой города». Все они были по одиночке или небольшими группами убиты выстрелами в затылок.

В одном из первых «Донесений о событиях в СССР» № 38 от 30 июля 1941 г. сообщалось о казни 146 евреев. В первой половине августа 1941 г., арьергард зондеркоманды 6 расстрелял в **Виннице** еще около 600 евреев (по «Донесению...» от 17 сентября 1941 г.). 5 сентября 1941 г. 304-й полицейский батальон расстрелял 2.200 евреев, 13 сентября были расстреляны 1.000 евреев из числа молодежи. 19 сентября 45-й полицейский батальон и штабная рота «высшего фюрера СС и полиции Россия—Юг» обергруппенфюрера СС Еккельна совершили самый массовый расстрел евреев города в Пятничанском лесу — более 10 тысяч евреев (по данным ГЧК, документам Госархива Винницкой области, на которые ссылаются Ф. Винокурова, И. Маляр и И. Финкельштейн, были уничтожены 15 тысяч евреев).

10 октября 1941 г. по квартальному участку № 20 **Винницы** (улицы Коцюбинского, Лысенко, Франца Меринга, Ширшова, Депутатской) были расстреляны 665 евреев. В том же месяце отряд оперативной команды 5 расстрелял 362 еврея, отображенных в лагере для военнопленных.

По данным ЧГК и Интернациональной Службы поиска, в **Арользене** (Internationaler Suchdienst Arolsen) в **Виннице** существовали лагерь принудительного труда для евреев (на территории военного городка), еврейский трудовой лагерь и трудовые лагеря в горторге, швейной фабрике, сахарном заводе.

Особенно ужесточился режим в **Виннице** и вокруг нее в связи с начавшимся строительством ставки Гитлера и других руководителей Германии. Значительная территория была объявлена мертвой зоной.

16 апреля 1942 г. в **Виннице** была проведена последняя крупная антиеврейская акция. Накануне в городе был распространен приказ, в котором гебитскомиссар Маргифельд предписал всем евреям явиться на стадион 16 апреля с вещами и продуктами питания на несколько дней. После того, как отобрали специалистов, более 10 тысяч человек расстреляли. (А. Круглов называет цифру — 4.800).

В **Виннице** остались только ремесленники (801 человек), из числа которых несколько сот были вывезены в **Житомир** (они были убиты в августе 1942 г.), в еврейский рабочий лагерь села **Коло-Михайловка** и еще несколько сот были оставлены в самой **Виннице**.

Часть оставленных евреев была расстреляна 25 августа 1942 г., остальные — в 1943 г. после ряда облав. Попавших в руки нацистов, волокли в тюрьму, в камеру смертников, жестоко избивали, «многих просто выбрасывали в мусорную яму против тюрьмы и живыми засыпали».

В общей сложности, по подсчетам А. Круглова, в **Виннице** было уничтожено более 20 тысяч евреев. По данным И. Финкельштейна — 27.225 человек.

Согласно сообщению городской управы от 1 января 1944 г., в **Виннице** проживали 42.444 человека: украинцев 32.351, русских — 6.315, поляков — 2.567, наличие евреев не отмечалось.

Винница была освобождена 20 марта 1944 г. советскими войсками. В числе освободителей — мой дядя (Б. Забарко. — Ред.), Яков Давидович Зак. В боях за **Будапешт** он погиб.

См.: *Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и сопротивление.* — С. 11, 55—59, 59—65; *Винокурова Ф. Евреи Винничины в период Второй мировой войны. Малоизвестные документы и новые интерпретации.* — *Винница, 2000.* — 335 с.; *Ее же. Холокост на Винничине: сравнительный анализ архивных документов о судьбах евреев в немецкой и румынской зонах оккупации (1941—1944 гг.)//«Проблеми історії Голокосту».* Вып. II. Днепропетровск—Запорожье, 2005. — С. 19—38; *Довідник про табори.* — С. 26; *Encyklopädie des Holocaust.* Bd. III — S. 1604—1605; *Жизнь и смерть... Кн. 2.* — С. 21—24; *Жизнь и смерть... Кн. 3.* — С. 74—77; 508—513. *Круглов А. Катастрофа.* — С. 224—225; *Последние свидетели.* — С. 233—236; *Сборник документов.* — С. 46, 73, 163, 293, 300, 398; *Финкельштейн И. М. Книга мужества и скорби // Евреи Винницы в годы Великой Отечественной войны.* — *Винница, 1999; Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 15—16; *Yad Vashem Encyclopedia.* Vol. I. — P. 160—162; *The United States Holocaust Memorial.* Vol. II — P. 1576.

² В пгт **Гниване Тывровского района Винницкой области** в 1939 г. проживал 361 еврей (11,3% населения). 17 июля 1941 г. оккупирован немецкими войсками. 6 июня 1942 г. в Гниване были расстреляны 276 евреев, из них 89 местные, а также пригнанные из сел Сутиска, Михайловка, Браиловка. Освобожден воинами Советской Армии 15 (16) марта 1944 г.

См.: *Круглов А. Катастрофа.* — С. 84; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 223.

³ **О Жмеринке** см. примечание к воспоминаниям Якова Лившица.

МОНАСТЫРСКИЙ Наум

«ВОЗВРАЩАЮСЬ В ТЕ СТРАШНЫЕ ГОДЫ...»

¹ **О Жмеринке** см. примечание к воспоминаниям Якова Лившица.

² **О Виннице** см. примечание к воспоминаниям Ривы Молочковецкой.

³ **О Браилове** см. примечание к воспоминаниям Якова Лившица.

МОСТОВАЯ А. Г.

Я НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ...

¹ Согласно переписи 1939 г. в районном центре **Винницкой области Немирове** проживали 3.001 еврей (36,7% населения), в селах района — 161. Оккупирован немецкими войсками 22 июля 1941 г. 19 сентября в **Немирове**, на краю

города, было создано гетто, огороженное колючей проволокой. 7 ноября (по другим данным — 24 ноября) в гетто была проведена первая антиеврейская акция. Ее жертвами стали почти все евреи города — 2.680 человек. 26 июня 1942 г. гетто было ликвидировано: несколько сот евреев были расстреляны, а около 200 — перемещены в рабочий лагерь. 19 августа 1942 г. в этот лагерь привезли 360 евреев из румынской зоны оккупации и 14 сентября 1942 г. расстреляли 160 нетрудоспособных из их числа. Остальных 200 евреев 21 сентября перевели в лагерь в **Бугакове**, почти все они впоследствии погибли.

Во время следующих акций в декабре 1942 г. и 5 февраля 1943 г. были убиты все нетрудоспособные евреи. Последние, примерно 250 еврейских узников, были расстреляны 8 мая 1943 г.

Бывший узник Печорского лагеря Зиновий Цукерман, работая в дирекции Специального комитета по распределению Швейцарской гуманитарной помощи жертвам Холокоста с документами уцелевших после оккупации, отмечал, что «ни один человек из **Немирова** не обратился за помощью. Такое впечатление, что там убили всех».

15 марта 1944 г. **Немиров** был освобожден советскими войсками.

См.: *Довідник про табори.* — С. 40, 206; *Живыми остались только мы.* — С. 380–387; *Жизнь и смерть...* Кн. 1. — С. 263, 415, 551; *Жизнь и смерть...* Кн. 3. — С. 413; *Круглов А. Катастрофа.* — С. 220; *Уничтожение евреев СССР.* — С. 228–230; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 641; *Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I.* — P. 518–519; *The United States Holocaust Memorial. Vol. II* — P. 1550.

² **О Виннице** см. примечание к воспоминаниям Ривы Молочковецкой.

³ В 30-х гг. село **Джурин Шаргородского района Винницкой области** был центром еврейского сельсовета (1.027 евреев в 1939 г. — 18,67 % населения). Немецкая воинская часть вступила в **Джурин** 22 июля 1941 г. Был издан приказ, по которому евреи должны носить повязку на рукаве с шестиконечной звездой, таким же знаком должны обозначить дома евреев. Во время одного из религиозных еврейских праздников оккупанты вместе с украинскими полицаями ворвались в «малую» синагогу и избili молящихся.

С осени 1941 г. до весны 1944 г. в **Джурине** существовало гетто, в котором наряду с местными евреями находились около трех с половиной тысячи евреев, депортированных из **Румынии (Радауцы)**, **Буковины**, а также из **Хотина** и других бессарабских местечек (2.871 человек на 1 января 1943 г.). По распоряжению пользовавшегося непререкаемым авторитетом раввина Гершеля Коральника местные евреи приняли депортированных в свои дома, а около тысячи человек, которым не хватило места, жили в здании «Большой синагоги», в хлевах и складах. В организованный весной 1942 г. совет гетто вошли руководители общины **Радауцев**. Были созданы еврейская полиция в составе 20 человек, суд, больница, аптека, столовая для бедных и детский дом для сирот. Евреев использовали на принудительных работах внутри местечка и на прокладке дорог. В мае 1943 г. 150 евреев были

отправлены на работу в **Трихаты**. Выжившие были возвращены в **Джурин** в конце 1943 г. Ссылаясь на воспоминания переживших Холокост в **Джурине** и работы израильских исследователей, авторы 2-го выпуска книги «100 еврейских местечек **Украины**» указывают, что в 1943 г. в **Джуринском гетто** находилось около четырех тысяч евреев, из них около тысячи местных. И «за годы войны в **Джурине** погибло около 500 евреев — наименьшее число жертв среди всех гетто Транснистрии».

19 марта 1944 г. **Джурин** был освобожден Советской Армией.

См.: *Довідник про табори.* — С. 32; *Живыми остались только мы.* — С. 172–175; *Жизнь и смерть...* Кн. 1. — С. 246–247, 260; *Жизнь и смерть...* Кн. 3. — С. 56–57, 123–130, 378–379, 385–390; *Круглов А. Катастрофа.* — С. 98; *Мы хотели жить...* — Кн. 1. — С. 244–245, 365–369, 408–413; *Rosenstock W. Die Chronik von Dschurin. Aufzeichnungen aus einem rumänisch-deutschen Lager // Dachauer Hefte 5 (1994), S. 40–86; 100 еврейских местечек. Вып. 2.* — С. 512–514; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* — С. 269; *Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I.* — P. 187–189.

⁴ **О Печоре** см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

⁵ В селе **Райгород Немировского района Винницкой области** в 1942–1943 гг. существовал еврейский рабочий лагерь, заключенные которого использовались на дорожных работах, в каменном карьере, добывая и погружая его на железнодорожные платформы. Заключенные жили под открытым небом. Узников кормили два раза в день, но на территории лагеря не было воды, что вело к большой смертности из-за антисанитарных условий. В апреле 1942 г. в лагерь привезли евреев из сел **Соболевка** и **Теплик**, позднее — **буковинских евреев** из румынской зоны оккупации.

26 июня 1942 г. в **Райгород** пригнали и расстреляли около 1.000 евреев из **Черновцов**. В лагере погибли несколько сот заключенных. В Акте районной ЧГК от 16 августа 1944 г. говорится об уничтожении 2.758 человек. В Акте сельской ЧГК от 14 апреля 1945 г. и в протоколе допроса Д. Г. Волошиной указывается, что в «гетто уничтожено 106 человек еврейской национальности». Часть заключенных была переведена в лагерь в **Тарасовке Гайсинского района Винницкой области**. Они жили в длинной колхозной кошаре для овец. Лагерь был окружен колючей проволокой и охранялся украинскими и литовскими полицейскими.

В декабре 1943 г. райгородские заключенные были там расстреляны вместе с другими узниками во время ликвидации лагеря. По заключению судебно-медицинской экспертизы было уничтожено 1084 человека.

См.: *Альтман И. Жертвы ненависти.* — С. 84, 182, 184; *Довідник про табори.* — С. 44; *Живыми остались только мы.* — С. 285–286; *Жизнь и смерть...* Кн. 2 — С. 350–351; *Жизнь и смерть...* Кн. 3. — С. 182, 539–542; *Мы хотели жить...* — Кн. 1. — С. 114–117; *Круглов А. Катастрофа.* — С. 116, 269, 554–558. *Финкельштейн И. Массовое уничтожение еврейского населения Подолии.* — С. 60–61.

⁶ В 1939 г. в городе **Могилеве-Подольском** **Винницкой** области проживали 8.703 еврея (39,79 % населения).

В начале войны часть евреев была призвана в армию, часть эвакуировалась, вследствие чего их количество в **Могилеве-Подольском** уменьшилось примерно на 5 тысяч человек.

19 июля 1941 г. **Могилев-Подольский** был оккупирован немецко-румынскими войсками. В этот же день были убиты 60 человек. В конце июля 1941 г. в **Могилев-Подольский** из **Черновцов** прибыла зондеркоманда 106. По ее данным, в **Могилеве-Подольском** оставались около 4 тысяч евреев. Еще 7 тысяч евреев, депортированных румынами из **Бессарабии** в конце июля 1941 г., проживали в ближайших окрестностях. Высланных зондеркоманда в начале августа вернула за Днестр, расстреляв при этом тех, кто не выдержал пешего марша. Посол Франции в Румынии Ж. Трюэль писал об этом в донесении: «В **Черновцах** евреи были погружены в вагоны для скота, по 60–80 человек в каждый. Поезда направлялись в **Могилев**, куда прибыли через три–четыре дня. Среди депортированных были жертвы — больные, которых условия в этом транспорте добила окончательно, а также замерзшие от холода. В **Могилеве** большинство домов было разрушено, и евреи спали под открытым небом. Затем был получен приказ идти пешком в неизвестном направлении. Таким образом, было пройдено около 200 км, по 15–20 км в день... Трупы оставались на обочине дорог...».

В середине сентября 1941 г. депортация в **Могилев-Подольский** была продолжена.

Могилев-Подольский был сборным пунктом для евреев, которых депортировали из **Бессарабии** и **Буковины** и одним из пяти важных переходов в Транснистрию. До ноября 1941 г. многие колонны бессарабских и буковинских евреев прошли через **Могилев-Подольский**. В общей сложности с 15 сентября 1941 г. до 15 февраля 1942 г. через **Могилев-Подольский** прошли 55.913 депортированных евреев.

15 августа 1941 г. в **Могилеве-Подольском** румыны создали гетто, в котором в декабре 1941 г. находились 3733 местных еврея. Осенью 1941 г. к ним добавились свыше 15.000 евреев из **Буковины** и **Бессарабии**; их сначала разместили в бывших казармах пехотного полка, а в мае 1942 г. перевели в гетто. Пересыльной лагерь состоял из старых, обветшалых бараков, в которых в нечеловеческих антисанитарных условиях должны были совместно находиться тысячи человек. Это приводило к ежедневным самоубийствам. Охрана лагеря издевалась над евреями.

В конце 1941 г. в гетто началась эпидемия сыпного тифа: из 4.401 официально зарегистрированного больного до июня 1942 г. умерли 1.254. Кроме того, с апреля 1942 по июнь 1943 гг. в детском доме **Могилева-Подольского** умерли 346 еврейских детей-сирот.

Около 7.500 евреев были вывезены за время существования гетто в другие лагеря: в конце мая — начале июня 1942 г. — 3.000 человек в **Сказинцы**, в конце июля и в октябре — ноябре 1942 г. — 3.500 в **Печору**, в августе 1942 г. — около

500 в **Вороновицу**, в мае 1943 г. — 555 в **Трихаты** и в ноябре 1943 г. — 280 человек в **Одесскую область**. Когда в сентябре 1942 г. лагерь в **Сказинцах** был расформирован, часть оставшихся в живых евреев вернулась в **Могилев-Подольский**, свыше 1.000 человек были высланы в другие населенные пункты. В декабре 1943 г. после того, как 3 198 евреев из румынского уезда **Дорохой** были возвращены в **Румынию**, в **Могилеве-Подольском** остались 12.836 из **Буковины**, 348 из **Бессарабии** 3.000 — местные (украинские) евреи. В марте 1944 г. еврейское руководство в **Бухаресте** получило разрешение возвратить в **Румынию** 1.400 детей-сирот.

По данным Ф. Винокуровой, в **Могилев-Подольском** гетто смерть унесла 6.000 евреев (по данным ЧГК от 17.04.1945 г. — 4.394, по другим сведениям — намного больше).

Могилев-Подольский был освобожден Советской Армией 20 марта 1944 г.

См.: Ancel Jean. Transnistria, 1941–1942. The Romanian Mass Murder Campaigns. Vol. 1. — P. 66–72, 357–362; Винокурова Ф. А. Еврейский опир. — С. 337; Довідник про табори. — С. 26; Hilsenrath Edgar. Nacht. Gesamelte Werke, Bd. 1. — Dittich Verlag, 2003; Живыми остались только мы. — С. 168–171, 176; 232, 376–379, 466; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 205, 206, 411–413; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 128–138, 293–295, 319–323; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 69, 400, 432–438, 456–457; Enzyklopädie des Holocaust.. Bd. II. — S. 960–961; Круглов А. Катастрофа. — С. 213–214; Люди остаются людьми. Вестник. Вып.1. — С. 87–88, Вып. 3. — С. 71–72; Назария С. Холокост. — С. 156; Последние свидетели. — С. 90–102; Teich Meir. The Jewish Self-Administration in Ghetto. Shargorod (Transnistria) // Yad Vashem Studies on the European Jewish Catastrophe and Resistance. II. — Jerusalem, 1958. — P. 219–254; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 65–70; Die Verfolgung. — Bd.7. — S. 774f, 807, 822, 825, 828–831, 833, 835; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 607–608; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 491–496.

НАГИНСКИЙ Наум (1930 г.)

МОИ СКИТАНИЯ

¹ О **Луганске** см. примечание к воспоминаниям Георгия Масляева.

НАЙБАУЭР Игнац (1924 г.)

«ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ...»

¹ В Ужгороде, который входил в состав Чехословакии, согласно переписи 1930 г., проживали 7.357 евреев. В 1938 г. Ужгород перешел к хортистской Венгрии, которая отменила либеральные и демократические начинания Чехословакии, распространила действующее в Венгрии расовое антисемитское законодательство и ввела во время Второй мировой войны жесткий режим военного времени. Зимой 1939–1940 гг. евреев польского происхождения выслали в Польшу, некоторые

из депортированных умерли в пути. В 1941–1942 гг. молодых евреев мобилизовали в трудовые батальоны, которые затем были отправлены в прифронтовую полосу на территории Советского Союза, где мобилизованные большей частью погибли или умерли от лишений и непосильной работы.

После оккупации Венгрии немецкими войсками в марте 1944 г. венгерская жандармерия по указанию немецких органов безопасности произвела во второй половине апреля концентрацию евреев области в лагерях и гетто. 21–23 апреля 1944 г. нацисты согнали почти всех евреев Ужгорода и окрестностей в расположенное за городом гетто. Согласно акта окружной ЧГК от 25 апреля 1945 г., на кирпичном заводе по улице Минайской содержались более 9 тысяч евреев. В лесном складе по улице Родвинской содержались 17.500 евреев. В мае–июне того же года евреи Ужгорода были депортированы в Освенцим, где почти все они погибли.

В октябре 1944 г. Ужгород был освобожден советскими войсками.

См.: Довганич О. Д., Пашкуй З. А., Троян М. В. Закпаття в роки війни. — Ужгород, 1990. — С. 127; Довідник про табори. — С. 194; Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8. — Иерусалим: Кетер, 1976. — С. 1155; Круглов А. И. Энциклопедия Холокоста. Еврейская энциклопедия Украины. — Киев, 2000. — С. 65–66.

НЕЛАВИЦКАЯ Евгения ПОГРОМЫ НА ЕВРЕЙСКОЙ УЛИЦЕ

¹ В 1939 г. в поселке городского типа **Хмельнике** Винницкой области проживали 4793 еврея (63,8 % населения), в селах района — 906.

После оккупации **Хмельника** 16 июля 1941 г., по данным немецких оккупационных властей, в нем находились 7000 жителей, в том числе 4000 евреев. (Отчет фельдкомендатуры 675 от 25 августа 1941 г.).

Осенью 1941 г. в **Хмельник**, вероятно, были вселены евреи из окрестностей, а также евреи, высланные румынами в **Винницкую область из Бессарабии и Буковины**.

В 1941–1942 гг. в **Хмельнике** были проведены 4 антиеврейские акции: 12 августа 1941 г. оперативная команда 5 провела «операцию возмездия», расстреляв 229 евреев. (По другим данным, было расстреляно около 400 евреев). В «Донесении о событиях в СССР» № 86 от 17 сентября 1941 г. отмечалось, что «этот район... в значительной мере очищен. Реакция населения на избавление от евреев была такой сильной, что даже было совершено благодарственное богослужение».

В начале 1942 г. произошли массовые казни евреев в **Хмельнике**: 9 января 1942 г. нацисты, литинские и сельские полицейские, окружив гетто и прилегающие к нему улицы, расстреляли 5.800 евреев. (Согласно материалам ЧГК—6800. В статье Г. А. Погончика указывается, что с 2 по 16 января 1942 г. погибло около 8.040 человек).

Через неделю, 16 января — немцы расстреляли 1.240 женщин, детей, стариков. 12 июня 1942 г. были убиты 360 евреев. В **Хмельнике** остались лишь заключенные гетто, созданного в январе 1942 г., и еврейского рабочего лагеря. Гетто было ликвидировано 3 марта 1943 г., когда были расстреляны 1.300 человек. Рабочий лагерь был ликвидирован 26 июня 1943 г.: 50 заключенных были расстреляны, а 85 сумели бежать, в том числе 13 — с места казни.

9 (10) марта **Хмельник** был освобожден советскими войсками. Из части города, расположенной на правом берегу реки Буг, немецкие войска были окончательно выбиты 18 марта 1944 г.

См.: Довідник. — С. 48; Живыми остались только мы. — С. 208–220; 519–521; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 122–124; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 68–74; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 397–399; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 132–136, 222–225; Круглов А. Катастрофа. — С. 331; Неизвестная Черная книга. — С. 146–149; Последние свидетели. С. 138–140; Погончик Г. А. Холокост на Бершадщині//Вестник Ам. НИИХ и РЕ, № 2. — С. 22; Сборник документов. — С. 55, 64, 73, 154; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941–1944 гг.// «Катастрофа и сопротивление украинского еврейства» — С. 71–73; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1033; Черная книга. — С. 33–38; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1535; Yad Vashem Encyclopedia t. Vol. I. — P. 306–307.

² В селе **Красном Тывровского района** Винницкой области в 1942–1944 гг. существовало гетто, куда были депортированы евреи из Бессарабии и Буковины. До сентября 1942 г. часть евреев была переведена в лагерь в Сказинцах, в котором находились и другие евреи города Могилева-Подольского и сел района. Значительная часть узников умерла от голода и болезней. После расформирования лагеря евреи **Красного** вместе с некоторым количеством других заключенных вернулись домой. На 1 сентября 1943 в гетто **Красного** находились 282 еврея.

См.: Довідник про табори. — С. 40; Живыми остались только мы. — С. 197–200; Жизнь и смерть. Кн. 2. — С. 163–172, 272–277; Круглов А. Катастрофа. — С. 171; Последние свидетели. — С. 171; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 475.

³ Село (местечко) **Мурафа Шаргородского района** Винницкой области в 30-е гг. было центром еврейского сельсовета (1.247 жителей в 1931 г.).

20 июля 1941 г. немецко-румынские войска заняли **Мурафу**. Она вошла в румынскую зону оккупации Транснистрию. Осенью 1941 г. в **Мурафе** осталось около 850 евреев.

В осенние и зимние месяцы 1941 г. сюда было депортировано около 4.000 евреев из Бессарабии и Буковины (в сентябре 1943 г. — по официальной румынской информации — их было 2.605 человек). Большинство их поселились в

Старой Мурафе, в домах евреев и украинцев, а также в общественных зданиях. Из-за большой плотности населения и антисанитарии зимой здесь свирепствовала эпидемия тифа, унесшая много жизней. Узники мурафского лагеря работали в карьере, добывая камень при помощи кирки. Если дневная норма (1,5 куб. м) не выполнялась, то паек (кусоч хлеба и гороховый суп) не выдавался, в результате многие узники погибли от истощения.

С осени 1941 г. (после передачи в состав Транснистрии, уезд Могилев) до весны 1944 г. в Мурафе существовало гетто. В начале 1942 г. в Мурафе были созданы юденрат, еврейская полиция. На присылаемые от румынских еврейских организаций деньги и средства от налогов, которыми юденрат обложил евреев Мурафы, были организованы бесплатная кухня, больница на 25 мест, аптека, школа и детский сад. Осенью 1942 г. был открыт детский дом на 30 мест. В мае 1943 г. 120 евреев были отправлены на работу в Трехаты, откуда части из них удалось вернуться в конце 1943 г.

19 марта 1944 г. Мурафа была занята партизанским отрядом, возглавляемым двумя местными евреями, а 20 марта в Мурафу вошли части Советской Армии.

См.: Альтман И. Жертвы ненависти. — С. 184; Довідник про табори. — С. 50; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 393–396.; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 130, 265–266; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 412, 543–544; Круглов А. Катастрофа. — С. 217; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 631–632.

НЕМИРОВСКИЙ Леонид (1930 г.)

«Я НЕ СМОГУ РАССКАЗАТЬ ОБО ВСЕМ ПЛОХОМ:
У МЕНЯ НЕ ВЫДЕРЖАТ НЕРВЫ»

¹О Райгороде см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

²О Брацлаве см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

³О Печоре см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

НОВАКОВСКАЯ Христина

«...КРОВЬ СТЫНЕТ В ЖИЛАХ»

¹До 1939 г. город Ровно находился в составе Польши. В середине 1941 г. в Ровно проживали около 28 тысяч евреев. После начала Великой Отечественной войны несколько тысяч евреев эвакуировались на Восток, так что в городе остались около 22 тысяч.

Ровно был оккупирован частями 6-й полевой армии 28 июня 1941 г. В июле-августе 1941 г. городом управляла военная комендатура, а с сентября 1941 г. — немецкая гражданская администрация. Ровно стал административным центром гебита, в который кроме него входили также районы Межиричи, Клевань, Корец, Александрия, Гоща и Тучин и входил в состав генерального округа Вольнь-Подолля рейхскомиссариата Украина. Ровно стал столицей рейхскомиссариата;

в нем находилась резиденция рейхскомиссара — гаулейтера Э. Коха. В октябре 1941 г. в Ровно был направлен отряд СД из айнзатцкоманды 5. В феврале 1942 г. этот отряд был преобразован в ведомство командира полиции безопасность и СД в генеральном округе Вольнь-Подолля. Именно это ведомство организовывало и осуществляло антиеврейские акции, как в Ровно, так и в других населенных пунктах Вольни-Подолли. При СД в Ровно имела украинская криминальная полиция, которую возглавлял Петр Грушевский; она принимала активное участие во всех акциях против евреев.

Первая акция против евреев была проведена 8–9 июля 1941 г. Вечером 8 июля с помощью «украинской милиции» члены зондеркоманды 4а арестовали 130 евреев, ночь продержали их во дворе здания государственного банка, а утром 9 июля расстреляли на окраине города. 12 июля 1941 г. штаб айнзатцгруппы С, на территории кирпичного завода в 2 км от города расстрелял еще примерно 100 евреев. В августе 1941 г. еще несколько сотен евреев расстрелял оперативный отряд СД из состава оперативной группы особого назначения. В общей сложности летом 1941 г. в Ровно было убито 500–600 евреев. Летом и осенью 1941 в Ровно были также осуществлены такие же антиеврейские мероприятия, как и в других населенных пунктах Украины, оккупированных немецкими войсками: евреям было предписано носить опознавательные знаки в виде звезды Давида (позже в виде желтого круга), они были назначены на тяжелые работы, им запрещалось покидать пределы города, они должны были выплатить немецким оккупационным органам 12 млн руб. в виде контрибуции, подвергались систематическим грабегам и избиениям со стороны украинской полиции. В Ровно был образован юденрат из 12 человек и создана еврейская служба порядка (20 человек) как исполнительный орган юденрата. Председатель юденрата д-р Моше Бергман, не желая помогать нацистам в истреблении евреев, впоследствии покончил жизнь самоубийством; по этим же причинам покончил жизнь самоубийством член юденрата адвокат Леон Сухарчук. В конце июля 1941 г. в Ровно была проведена регистрация населения. Зарегистрировано было 35.786 человек, в том числе 19.764 еврея. Среди зарегистрированных евреев взрослых мужчин и женщин было 14.611; подростков от 7 до 16 лет — 3.326; детей до 7 лет — 1.827. В начале ноября 1941 г. в Ровно была проведена крупная акция. Целью акции было уничтожение нетрудоспособного еврейского населения. 5 ноября в городе были развешены объявления о том, что все евреи, не имеющие рабочего удостоверения, должны 6 ноября, к 6 часам утра, явиться на Костельную площадь для переселения. Когда евреи собрались, им было приказано оставить на площади весь свой багаж, а затем колоннами погнали к селу Сосенки. Близ села находились несколько рвов (они еще в конце октября были вырыты военнопленными), в которых в течение двух дней были расстреляны все явившиеся для «переселения» евреи. «6 и 7 ноября 1941 г. в Ровно, — сообщает «Донесение о событиях в СССР» № 143 от 8.12.1941 г., — была проведена уже давно запланированная еврейская акция, в ходе которой расстреляли около 15.000

евреев. По приказу высшего фюрера СС и полиции организация находилась в руках полиции порядка. Внешняя команда оперативной команды 5 в Ровно приняла активное участие в ее осуществлении».

Организатором акции был высший фюрер СС и полиции особого назначения бригадфюрер СС Корзема. Участвовали в акции 315-й (командир капитан полиции Клаус) и 320-й (командир майор полиции Далл) полицейский батальон, а также украинская полиция и, по крайней мере, 1-я рота (командир роты капитан полиции фон Викман) 33-го резервного полицейского батальона.

В декабре 1941 г. на окраине Ровно было создано открытое гетто, в которое евреи должны были переселиться в течение нескольких дней. 30 января 1942 г. гебитскомиссар д-р Беер приказал завершить переселение евреев в гетто до 15 февраля; после этой даты ни один еврей не мог жить вне гетто. В гетто оказались 5,2 тысяч евреев, в т. ч. 1.182 ребенка в возрасте до 14 лет, 271 нетрудоспособный и 3.747 трудоспособных мужчин и женщин.

Гетто было ликвидировано в ночь с 13 на 14 июля 1942 г.: 1-я рота 33-го резервного полицейского батальона, полиция безопасности, украинская полиция силой выгнали евреев из их домов, привели на станцию и посадили в товарные вагоны. Евреи были вывезены под Костополь и расстреляны в каменоломне командой СД и украинской полицией. Очевидцем ликвидации гетто был управляющий и главный инженер филиала немецкой строительной фирмы «Josef Jung» Герман Фридрих Грабе, который в своем заявлении под присягой, составленном 10 ноября 1945 г., так описал то, что он увидел: «Вскоре после 22.00 гетто было окружено большим отрядом СС и втрое большим количеством украинских полицейских. Затем были включены юпитеры, установленные вокруг и внутри гетто. Группы СС и полиции по 4–6 человек врываются в дома или пытались ворваться в них. В тех случаях, когда окна и двери были закрыты и жители не хотели открывать, СС и полиция взламывали окна и двери и врываются в дома. Живущие там люди выгонялись на улицу в том виде, в каком они были застигнуты, независимо от того, были они одеты или нет. Так как в большинстве случаев евреи отказывались выходить из домов и оказывали сопротивление, СС и полиция применяли силу. Наконец, ударами хлыстов, ног, кулаков и винтовочных прикладов им удалось очистить дома. Людей выгоняли из домов с такой поспешностью, что в некоторых случаях маленькие дети были оставлены в кроватях. На улицах женщины звали своих детей, а дети родителей. Это не мешало эсэсовцам ударами заставлять людей бежать по дороге до тех пор, пока они не добежали до товарного поезда. Вагон за вагоном заполнялись под крики женщин и детей, удары хлыстов и выстрелы из винтовок. Ввиду того, что несколько семей забаррикадировались в особенно крепких зданиях и двери не могли быть выбиты с помощью ломов и брусьев, двери этих домов взорвали с помощью ручных гранат. Так как гетто в Ровно расположено недалеко от железной дороги, более молодые люди пытались убежать с территории гетто

через ж-д. путь. Ввиду того, что прожекторы не могли осветить этот участок, он был освещен сигнальными ракетами. Всю ночь гонимые, избитые и израненные люди двигались по освещенным улицам. Женщины несли своих мертвых детей на руках. Некоторые дети тащили к поезду за руки и ноги своих родителей. Все время в гетто раздавались крики: «Откройте двери, откройте двери».

После ликвидации гетто немецкая и украинская полиция производили систематические розыски скрывавшихся евреев; обнаруженные и схваченные евреи расстреливались в районе ул. Белой.

В общей сложности в 1941–1943 было уничтожено около 22 тысяч евреев Ровно. Во время ликвидации гетто 13–14 июля 1942 г. несколько десятков евреев спас Герман Грабе. Небольшая группа евреев была спасена благодаря помощи и поддержке со стороны некоторых украинских жителей; один из них, Яков Сухенко, был в 1943 расстрелян за помощь евреям.

Ровно был освобожден советскими войсками 2 февраля 1944 г.

См.: Гон М. Голокост на Рівненщині. Документи та матеріали. — Дніпропетровськ—Запоріжжя, 2004. — С. 40–53; Круглов А. Уничтожение евреев в г. Ровно в начале ноября 1941 года в свете немецких документов // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. — 2012. — № 1 (11). — С. 104–165; Сборник документов — С. 30–31, 36–38, 97–99, 136–137, 171–172, 387–394, 412–413; Уничтожение евреев СССР. — С. 151–152, 180–182. 326–321; Die Verfolgung. — Bd. 7. — С. 251–252, 266, 323; Голокост на території СССР. Энциклопедія. — С. 857–859; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1459; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 665–666.

НОВИЦКАЯ Гдалина (1938 г.)

«Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ МОЯ БАБУШКА БЫЛА ЗАБЫТА»

¹О Киеве см. примечание к воспоминаниям Игоря Левина.

ОЙБЕРМАН Юрій

«В ТАБОРІ ЗАГИНУЛА МОЯ МАТИ»

¹В 30-е годы пгт Кривое Озеро Николаевской области был центром еврейского сельсовета, в котором проживали 4100 жителей. В 1939 г. в Кривом озере проживали 1447 евреев. После оккупации 28 августа 1941 г. Вермахтом поселка здесь были расстреляны 42 еврея (5 сентября 1941 г.). В октябре 1941 г. большинство оставшихся в оккупации евреев были угнаны в лагерь в Богдановку. Последнее 186 евреев Кривого озера были расстреляны 1 января 1942 г.

См.: Ancel J. The Romanian Campaigns of Mass Murder in Transnistria, 1941–1942 // Randolph L. Brahm (Ed.). The Destruction of Romanian Jews during the Antonescu Era. — New York, 1997. P. 113; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С.

431; Жизнь и смерть... Кн. 3 — С. 37, 46; Круглов А. Катастрофа. — С. 175; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 160–161, 226–231; Сборник документов — С. 426–427; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 827; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 480; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I — P. 369–370.

²В Доманевке Николаевской области в 1939 г. проживали 369 евреев, во всем тогдашнем Доманевском районе — 543. По состоянию на 1930 г. в районе насчитывалось 5 еврейских колхозов (1249 колхозников).

5 августа Доманевка была захвачена немецкими войсками. Во время румынской оккупации в Доманевке был создан лагерь для евреев. В период между ноябрём 1941 г. и январём 1942 г. в Доманевку пригнали оставшихся в оккупации евреев из окрестных сел, часть евреев из Кривоозерского района, Песчанки (Винницкая область), Очакова, Березовки, несколько тысяч евреев из Бессарабии, в том числе 160 евреев из Кишинева, несколько тысяч одесских евреев, которым удалось пережить репрессии. (По данным Юлиуса Фишера, в Доманевке были сконцентрированы 18 тысяч украинских евреев).

В декабре 1941 г. румынский префект района полковник Модест Изопеску приказал убивать евреев группами по 300–400 человек в день. В расстрельных акциях принимали участие румынские жандармы и армейские соединения, отряды самообороны, созданные оккупантами из немецких колонистов, а также украинские полицаи. Около 18 000 евреев были уничтожены в январе–феврале 1942 г. Их тела лежали в чистом поле.

Весной 1942 г. команда из 60 евреев получила приказ сжечь трупы, чтобы не было эпидемии. Работа продолжалась два месяца. К концу 1942 г. в Доманевке еще остались около 1.000 евреев, в основном женщины. Большинство из них были переведены в лагерь Акмечетка, где они были уничтожены, как и 250 евреев (среди них 50 детей), которым удалось убежать накануне депортации. В начале марта 1944 г. воинское соединение СС, перейдя Буг, уничтожило несколько десятков евреев. По некоторым данным, в Доманевке за время оккупации погибли 20 тысяч евреев.

28 марта 1944 г. Доманевка была освобождена Советской Армией.

См.: Ancel Jean. Transnistria, 1941–1942. The Romanian Mass Murder Campaigns. Vol. 1. — P. 139–150; Гнатюк Н., Штаркман С. Боль сквозь годы. — С. 16–33; Довідник про табори. — С. 122; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 312–319; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 379; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 37, 46, 161–162; Enzyklopädie des Holocaust. — Bd. I, S. 362–363; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 60–61, 161–162, 228–230, 479–480, 495–496, 523–524; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. — С. 20–21; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 84–85; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 67, 780; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 278.

ОЛЕЙНИК (КУЛИНСКАЯ) Клара (1939 г.)
«КОГДА ПОГИБЛА МАМА, МНЕ БЫЛО 4 ГОДА»

¹В 1939 г. в Переяславе (ныне — Переяслав-Хмельницкий) Киевской области проживали 837 евреев (11,29 % населения). Город был оккупирован немецкими войсками 17 сентября 1941 г. В «Донесении о событиях в СССР» № 119 от 20 октября 1941 г. сообщалось, что 4 октября 1941 г. «передовая команда зондеркоманды 4а в Переяславе с помощью украинских доверенных лиц провела еврейскую акцию. В совокупности были схвачены и ликвидированы 537 евреев (мужчины, женщины и подростки). Украинским населением и вермахтом эта акция была воспринята с одобрением».

Переяслав-Хмельницкий был освобожден советскими войсками 22 сентября 1943 г.

См.: Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 201–203; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 12; Круглов А. Катастрофа. — С. 252; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 119–121, 197–198; Сборник. — С. 91; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 736.

ПАНКОВА Ольга (1925 г.)
«ПО ДОРОГЕ ШЛИ СТАРИКИ, ДЕТИ,
ИНВАЛИДЫ, СЛЫШАЛИСЬ КРИКИ, ПЛАЧ...»

¹О Харькове см. примечание к воспоминаниям Евгения Ласенко.

ПАНЧЕНКО Эмма (1938 г.)
«ДЛЯ НАС УЖЕ БЫЛИ ВЫРЫТЫ МОГИЛЫ...»

¹В 1939 г. в Донецке (Сталино) проживали 24.991 еврей (5,36 % населения). 20 октября 1941 г. город был оккупирован. В середине ноября 1941 г. в Донецк из Днепропетровска прибыла оперативная команда 6, которая в течение следующих пяти месяцев уничтожила всех оставшихся в оккупации евреев — около 3 тысяч человек. С 17 по 30 ноября 1941 г. команда расстреляла 287 евреев. Основная масса евреев была уничтожена в феврале–апреле 1942 г. В «Донесении о событиях в СССР» № 177 сообщалось, что до 6 марта 1942 г. здесь было казнено 369 евреев.

Как показал один из бывших членов оперативной команды 6 только в один пасхальный понедельник (апрель 1942 г.) в 4 душегубках были смертельно отравлены газом не менее 240 евреев. В последующие дни — до июня 1942 г. — газовая машина (душегубка) применялась, по крайней мере, еще четыре раза; каждый раз умерщвлялось по 60 еврейских мужчин, женщин и детей. «Это было ужасно. Было видно, что они умирали в страшных мучениях». Трупы сбрасывали в промышленные шахты.

Суд присяжных при земельном суде в Вуппертале 30 декабря 1965 г., установил, что с декабря 1941 г. до июля 1942 г. оперативная команда 6 в Донецке убила не менее 1048 евреев «только из-за их расы и их веры».

См.: Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 139–142, 173–177, 462–463; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 425–427, 58; Круглов А. Катастрофа. — С. 105; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 462–464; Сборник. — С. 118, 122–123, 148–149; СС в действии. Документы о преступлениях СС. — Москва, 1969. — С. 522–523; Уничтожение евреев СССР. — С. 194, 226–228; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 335, 419, 447, 470–471; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 935; The United States Holocaust Memorial, Vol. II. — P. 1775–1776; The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I — P. 748.

ПЕКАРЬ Семен (1926 г.)

«ВСЯ ДОРОГА БЫЛА УСЕЯНА ТРУПАМИ
ДЕТЕЙ, СТАРИКОВ, ЖЕНЩИН...»

¹В 1939 г. в **Одессе** проживали 200.961 еврей (33,26 % населения).

С первых дней войны в **Одессу** эвакуировались тысячи бессарабских евреев и многие евреи из близлежащих населенных пунктов. За период обороны города выехало около 40–45 % еврейского населения (включая призванных в Красную Армию). К 16 октября 1941 г., когда город был оккупирован немецко-румынскими войсками, в **Одессе** находилось около 100.000 евреев.

16–18 октября команды айнзацгруппен и солдаты из Румынского оперативного эшелона убили несколько тысяч евреев (3.000–4.000 мужчин-евреев. — См. Ицхак Арад. Уничтожение евреев СССР... — С. 14).

В первые дни оккупации была проведена регистрация всего мужского населения от 18 до 50 лет, и большинство мужчин арестовали. Они были согнаны в артиллерийские склады на так называемой Люстдорфской дороге (в 6 км от города), в которых были сожжены.

22 октября было взорвано здание румынской комендатуры. Погибли 66 немецких и румынских солдат и офицеров, в том числе комендант города и командир дивизии генерал Глугойну. Заменивший его генерал Трестиоряну спустя 3 часа после взрыва доложил в штаб 4-й армии: «Я принял меры к тому, чтобы повесить на площадях Одессы евреев и коммунистов». Утром 23 ноября на улицах и площадях **Одессы** были повешены и расстреляны около 5 тысяч человек, большинство из которых были евреи. Тогда же, согласно «Отчету авверштелле **Румыния** о расстрелах в **Одессе**» от 4 ноября 1941 г., «в порту на площади, огороженной дощатым забором, были расстреляны около 19.000 евреев, а их трупы облиты бензином и сожжены».

В середине этого же дня евреев стали сгонять в тюрьму, а 24 октября из тюрьмы погнали на окраину города к заставе **Дальник**, где находилось четыре барака. На пути к баракам все падающие от усталости, расстреливались жандармами. И, как сообщалось в обвинительном заключении по делу 38 румынских военных преступников (**Бухарест**, май 1945 г.), три километра пути от тюрьмы к месту казни были усыяны телами детей, женщин и больных. Первая группа

казненных 40–50 человек была брошена в противотанковый ров. По ним открыли огонь. Но такой способ казни показался преступникам слишком медленным. Тогда жандармы стали загонять свои жертвы в бараки. В первые три барака были загнаны мужчины, в четвертый — женщины и дети. По показаниям свидетелей, в четыре барака было загнано более 5.000 человек. В стенах барakov были пробиты отверстия, в которые вставлялись дула пулеметов. По одному из барakov был открыт огонь. Но это не удовлетворило преступников. Было решено сжечь арестованных. Все отверстия и окна были закупорены, барак облит бензином и подожжен. Пытавшихся спастись, расстреливали из винтовок и забрасывали гранатами. К ночи таким способом были уничтожены все находившиеся в двух бараках, а на следующий день — в двух остальных. очевидцы рассказывали о том, как из огня чудом выбрался мальчик лет четырех-пяти и стал ходить вокруг горящего пакгауза, спотыкаясь о трупы и, не зная, куда идти под выстрелами. Жандармский офицер застрелил его из пистолета.

Кроме румынских солдат и офицеров 2-й и 10-й пехотных дивизий, в расстрелах евреев в эти дни приняла участие и немецкая зондеркоманда 116.

В дни террора, 23–25 октября 1941 г., оккупанты расстреляли, сожгли заживо около 35.000 одесских евреев (См.: И. Арад. Указ. Соч. — С. 14), по другим данным — свыше 40.000 (См. Р. Удлер. Годы бедствий. — С. 24–26).

По распоряжению начальника команды штурмбанфюрера СС Мюллера, несколько сот евреев, заключенных в тюрьму, были расстреляны у колодца за парком бывшего санатория НКВД. Евреи по 6 человек должны были становиться на край колодца, и им в затылки стреляли из карабинов. Для добивания раненых в колодец время от времени бросали гранаты.

15 ноября 1941 г. в **Одессе** был произведен последний массовый расстрел — в районе Стрельбищного поля были убиты около 1000 человек.

Наряду с массовыми убийствами в самой **Одессе**, производилось уничтожение евреев за пределами города. Свыше 25 тысяч евреев, которые 23 октября по приказу румынских властей пришли для «регистрации» в **Дальник**, пешим ходом были отправлены в **Богдановку** на Южном Буге. 10 ноября 1941 г. они пришли туда, потеряв по дороге пятую часть умершими или убитыми, а в конце декабря 1941 г. были расстреляны там.

7 декабря 1941 г. **Одесса** была объявлена столицей Транснистрии. Была запланирована полная «очистка» города от евреев.

2 января 1942 г. был опубликован приказ румынских властей о создании гетто в Слободке (отдаленном пригороде **Одессы**). Евреи жили там в условиях невероятной скученности, многие в страшные морозы оставались под открытым небом, и это привело к массовой смертности. Оттуда их с 10 января стали депортировать в **Березовский район Одесской области**. Из отчета командования 2-го армейского корпуса Президиуму Совета Министров **Румынии** о депортации евреев из

Одессы: «1) С 10 января по 28 февраля 1942 г. эвакуировались (так в тексте — «эвакуировались», не насильственно депортированы — Б. З.) из Одессы 31.873 еврея (мужчины, женщины, дети). Все мужчины старше 45 лет...

[...] 4) На 28 февраля 1942 г. положение оставшихся евреев в Одессе следующее:

а) В гетто 113 евреев, готовых к отправке...

б) Центральная тюрьма: 1197 евреев, в большинстве своем мужчины 18—50 лет... В больнице в настоящее время находятся 1032 еврея...

с) До 3 марта 1942 г. всего будет эвакуировано 33.880 евреев...

Перевозили в неотапливаемых эшелонах, часами простаивавших в пути; многие погибли в дороге. По свидетельству Розы Гринштейн, «в товарных вагонах невозможно было повернуться... Все стояли один к одному, как сельди в бочке. Ехали мы долго, неизвестно сколько, без еды и без воды. Когда нас выгрузили, было много мертвых...». «В местах их назначения, — отмечалось в информационной сводке генерального инспектора жандармерии, — их размещение наталкивалось на значительные трудности, так как украинское население отказывалось пускать их в свои дома. Многие из них живут в колхозных конюшнях. Из-за простуды (было отмечено 20 градусов ниже нуля), недостатка пищи, возраста и пр. многие из них падают и замерзают по дороге. Умершие сжигаются в противотанковых рвах. До 22 января с. г. было депортировано 12 234 еврея из общего количества в 40 000, которые еще живут в Одессе. Точный подсчет не был произведен, так как много евреев скрывается или спустилось в городские катакомбы». По данным И. Левита, из Одессы и окрестностей были вывезены 30.714 чел. Они были распределены по селам **Мостовского** и **Березовского районов Одесской области**, а также **Веселиновского** и **отчасти Вознесенского районов Николаевской области**. В январе — марте 1942 г. они были уничтожены отрядами самообороны, созданными СС из числа местных немцев (фольксдойче). 10 июня 1942 г. было официально закрыто временное гетто на **Слободке**. В этот день в **Березовку** были вывезены «последние евреи, которые находились в гетто». В действительности, отмечает А. Круглов, последний транспорт в **Березовку** ушел 23 июня 1942 г. В нем находились около 400 человек, часть которых, расстреляны в районе **Мостового**, а часть поместили в лагерь в **Доманевке**.

По данным румынской жандармерии, в 1941—1942 гг. из Одессы «исчезли» 65 тысяч евреев. Согласно другим данным в городе были убиты около 99 тысяч евреев. (См. *Enzyklopädie des Holocaust*. — Bd. II, S. 1059.)

Около 600 обитателей гетто дожили до освобождения. Несколько сот евреев пережили оккупацию в самой **Одессе**; они жили по фальшивым документам, скрывались в одесских катакомбах, некоторых укрывали русские и украинцы

10 апреля 1944 г. **Одесса** была освобождена Советской Армией.

См.: Ancel Jean. *Transnistria, 1941—1942*. Vol. 1. — P. 182—291; В огне Катастрофы. — С. 84—85; *Enzyklopädie des Holocaust*. Bd. II. — S. 1057—1059;

Живыми остались только мы. — С. 444—456; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 200—205, Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 13—16, 155—157, 283—287; История Холокоста в Одесском регионе; Ioanid Radu. *The Holocaust in Romania*. — P. 179—181; Круглов А. Катастрофа. — С. 237—239; КЕЭ. — Т. 6. — С. 126; Левит И. Эту часть фашистской Румынии в агрессии против СССР. — С. 270; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 379—381; Назария С. Холокост. — С. 156; Неизвестная Черная книга. — С. 97—108, 124—130, 134—143; Последние свидетели. — С. 171—179; Сборник. — С. 205, 206, 422—426, 429—432, 433—436, 438; Стародинский Д. Одесское гетто: воспоминания; Оккупация. Одесса 1941—1944 гг. Документы и материалы из собрания Михаила Пойзнера; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. — С. 68—89, 124—127, 137—150, 212—217, 233—241; Удлер Р. Годы бедствий. — С. 24—26; Уничтожение евреев СССР. — С. 14, 30, 153—156, 164, 166, 390—394; *Die Verfolgung*. — Bd. 7. — S; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 82—87, 102; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 672—677; Черная книга. — С. 61—69; Yad Vashem *Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust*. Vol. II. — P. 540—541.

² О **Доманевке** см. примечание к воспоминаниям Юрия Ойбермана.

³ В село **Богдановка Доманевского района Одесской (ныне Николаевской) области** румынские оккупанты в сентябре—ноябре 1941 г. пригнали (и разместили под открытым небом или в свинарниках) 15—16 тысяч евреев из Бессарабии и 20—25 тысяч из Одессы и уезда Голты (Кривоозерский, Доманевский, Любашевский и Врадиевский районы). По данным «*Enzyklopädie des Holocaust*». — Bd. I, S. 227, в Богдановку депортировали около 8 тысяч из Бессарабии и около 48 тысяч из Одессы. Последний транспорт прибыл в Богдановку 1 декабря 1941 г. К этому времени в Богдановке сосредоточились 52—54 тысячи евреев.

В течение 12 дней (21—23 и 28—30 декабря 1941 г., а также 4—9 января 1942 г.) румынские жандармы, украинская вспомогательная полиция, а также местные фольксдойче истребили (сожгли в двух бараках и расстреляли в овраге у села) почти всех евреев. Часть евреев (2—3 тысячи человек) умерли от голода, холода и болезней.

В течение двух месяцев (в январе—феврале 1942 г.) 200 евреев сжигали трупы убитых. 150 из них умерли от голода, холода или были расстреляны украинскими полицейскими.

См.: *Довідник про табори*. — С. 122; *Enzyklopädie des Holocaust*. — Bd. I. S. 227—228; Круглов А. Катастрофа. — С. 40; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 362, 381; Сборник документов. — С. 426—427, 428—429; Сушон Л. Транснистрия; Уничтожение евреев СССР. — С. 164—166; *Die Verfolgung*. — Bd. 7. — S. 67, 107, 780, 793, 803; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 93—94.

³ В селе **Трихаты Николаевской области** немецкие оккупанты организовали еврейский рабочий лагерь, который располагался в вагонах на станционном тупике. Охраняли его только гестаповцы. Заключенных использовали на строи-

тельстве укреплений и моста через Южный Буг. В мае 1943 г. в лагерь были привезены 555 евреев из Могилева-Подольского, 175 из Шаргорода, 150 из Джурин и 120 человек из Мурафы Винницкой области. На 1 сентября 1943 г. в лагере работали 608 евреев из Бессарабии и Буковины. В сентябре 1943 г. в лагерь привезли еще около 400 евреев взамен умерших и бежавших. Больных и слабых немцы расстреливали либо сбрасывали с моста в воду. В конце 1942 — начале 1943 гг. лагерь был ликвидирован и все оставшиеся в нем заключенные были возвращены в те населенные пункты, откуда их привезли в лагерь. Погибло в лагере за период его существования несколько сотен евреев.

См.: Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 539, 546, 549; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 354, 461; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 539, 546, 548, 561; Круглов А. Катастрофа. — С. 317; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 986.

ПЕКЕР Мошко (1930 г.)

«ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ БЫЛА ПРОСТО НЕВЫНОСИМОЙ»

¹ В Бершади Винницкой области в 1939 году проживали 4.271 еврей (73,6 % всего населения), в селах района — 274.

29 июля 1941 г. Бершадь была занята венгерскими войсками, которых вскоре сменили немецкие, а затем и румынские. До этого времени около половины всего еврейского населения смогло эвакуироваться. Немцы заставили евреев носить на одежду опознавательные знаки, указывающие на их национальную принадлежность, а румыны поселили их в гетто, созданное в двух частях города — нижней (Долина) и верхней. В их территорию входили 12 переулков и 337 домов. Гетто не было огорожено колючей проволокой, однако выход за его пределы карался смертью. Во второй половине 1942 г. был введен режим жесткой изоляции гетто, окружив его рвом и колючей проволокой.

Осенью 1941 г. румыны вселили в Бершадь около 15 тысяч евреев из Буковины и Бессарабии, а также несколько тысяч евреев из тогдашней Одесской области — несколько сот из Гайворона, около 500 из Песчаной, около 1.500 из Балты (около 500 вскоре вернулись в Балту). В общей сложности в гетто были собраны 25 000 человек, из которых 12.500 умерли от голода, холода, болезней (по данным ЧГК от 10.04.1945 г. — 13.871 человек). В первую зиму оккупации от эпидемии тифа погибло более половины населения гетто. Умирало по 150—200 человек в день. Ежедневно по улицам проезжала телега, отвозившая их тела на кладбище. Только весной их похоронили в шести братских могилах. Около 50 евреев, без разрешения покинувших гетто, в мае 1942 г. были расстреляны у села Глинского.

Убийства евреев участились с весны 1943 г., когда в Бершади разместилось отделение гестапо.

В 1943 г. в Бершадь начали поступать продукты и медикаменты, собранные еврейскими организациями Румынии и Швейцарии. Положение узников

несколько улучшилось. Часть пищевых продуктов и медикаментов передавалась партизанам. В гетто была создана одна из активнейших подпольных антифашистских организаций во главе с бежавшим из плена старшим лейтенантом уроженцем Бершади Яковом Талисом. Подпольщики получали поддержку от председателя еврейской общины доктора М. Шренцля. С риском для жизни группа установила контакты с партизанами, наладила сбор оружия. На ее вооружении было 37 винтовок, 2 пулемета, 7 гранат. В феврале 1942 г. Я. Талис и А. Альтман были арестованы сигуранцей, но выкуплены подпольщиками. Арестованного еврей-офицера Якова Вишеровского не удалось спасти. Его казнили в апреле 1942 г.

В гетто Бершади действовали еще две подпольные группы под руководством Льва Воскобойника (84 человека) и Иосифа Блиндера (45 человек). В отчете о деятельности подпольщиков отмечалось: «Подпольная организация города Бершади создавала укрытия для еврейского населения соседних районов левого берега Буга (т. е. немецкой зоны оккупации) — Теплика, Гайсина, Умани и других районов. После того, как этим людям оказывалась материальная помощь, ... многие из них становились активными членами по борьбе против оккупантов». Многие евреи оказывали партизанам помощь деньгами, вещами, медикаментами, а также прятали в гетто партизан.

Группе удалось организовать побег 900 из 3 тысяч узников, которых хотели отправить в рабочий лагерь в Николаев летом 1943 г. 17 евреев из созданной вооруженной группы для выявления и уничтожения агентов сигуранцы и полиции под руководством Ефима Лебеда были арестованы и расстреляны оккупантами. 5 из них были женщины. Остальные члены группы продолжали борьбу в подполье и партизанских отрядах. Всего в Бершадском районе действовало 213 подпольщиков (в большинстве своем — евреи), из которых 111 погибли.

В августе 1943 года 1.203 еврея были вывезены в рабочий лагерь, 327 были расстреляны 11 февраля и 11 марта 1944 г. В январе 1944 г. список евреев, помогавших партизанам, попал в руки гестапо. Нацисты расстреляли всех перечисленных в списке. Их похоронили в двух братских могилах в долине «Берловка».

По данным вспомогательного комитета из Бухареста, в марте 1944 г., в Бершади еще жили 9.220 евреев, 2.250 местных евреев, примерно 3 200 евреев из Бессарабии и примерно 3.500 евреев из Буковины.

В Бершадском лагере-гетто от голода и болезней умерли 13.120 евреев.

14 марта 1944 г. Бершадь была освобождена от оккупантов. В живых остались 5.000 депортируемых евреев и примерно 2 000 местных евреев.

См.: Ancel Jean. Transnistria. — Vol. 1. — P. 362—367; Воскобойник Семен. Бершадь, милая Бершадь, 2004; Довідник про табори. — С. 28; Живыми остались только мы. — С. 144—152, 231, 286; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 291—294, 400—403, 477—479; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 58—63, 259—260, 442—444; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 43—45, 70; Круглов А. Катастрофа. — С. 37; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 50—53, 57—59, 180—183, 185—

190, 288–343, 390–397; Последние свидетели. — С. 107–113; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 137–140; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 77–78; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 824–825, 828; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 86–87; The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 41–43.

ПИСАРЕВСКИЙ Борис
УЗЕЛОК С СУХАРЯМИ

¹ Село Ольгополь Чечельнецкого района Винницкой области в 30-е годы XX столетия был центром еврейского поселкового совета. В 1939 г. в Ольгополе проживали 660 евреев (11, 29 % населения), во всем районе — 810 евреев.

26 июля 1941 г. был оккупирован немецкими войсками. В августе в Ольгополе были расстреляны около 70 евреев. С 1 сентября 1941 г. в составе Транснистрии.

В сентябре 1941 г. на месте еврейского квартала было создано гетто, в котором казались 100–150 семей местных евреев.

Осенью 1941 г. румынские оккупационные власти депортировали в Ольгополь евреев из Бессарабии и Буковины. Значительная часть евреев умерла от голода и болезней. 5 бессарабских евреев были убиты из колонны, которую румыны гнали в Бершадь. В мае 1942 г. в Ольгополь привезли из «политического лагеря» в Вапнярке около 100 евреев — румынских коммунистов и социал-демократов. Ими в гетто был создан иуденрат. Он организовал детский дом, бесплатную столовую, баню, расширил больницу, создал стоматологический кабинет.

В 1943 г. в Ольгополе пребывала итальянская воинская часть, военнослужащие которой приносили в гетто продукты, кормили еврейских детей.

На 1 сентября 1943 г. в Ольгополе находилось около 700 узников, в том числе 191 депортированный еврей (164 из Бессарабии и 27 из Буковины).

22 марта 1944 г. Ольгополь был освобожден советскими войсками.

См.: Довідник про табори. — С. 42; Круглов А. Катастрофа. — С. 242; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 95–99; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 688; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 542–543.

ПИСМАН Нина
«И ЛЮДИ ПОСЫПАЛИСЬ В БЕЗДНУ...»

¹ О Донецке (Сталино) см. примечание к воспоминаниям Эммы Панченко.

ПЛОТКИН Владислав (1938 г.)
МОЕ ДЕТСТВО В ОККУПАЦИИ

¹ В Цюрупинске Николаевской (ныне Херсонской) области в 1939 г. проживали 472 еврея (4,15% населения). В октябре 1941 зондеркоманда 106 расстреляла в городе 800 евреев (местных и беженцев).

См.: Довідник про табори. — С. 182; Круглов А. Катастрофа. — С. 336; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1056.

ПЛОТНИКОВ Валентин (1936 г.)
«В ПОГРЕБЕ Я ПЕРЕСИДЕЛ
ВСЕ ОКУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД...»

¹ О Киеве см. примечание к воспоминаниям Игоря Левина.

ПОДЛЕСНЫЙ Леонид
«В ЭТО ТРУДНО ПОВЕРИТЬ»

¹ В 1939 г. в Летичеве Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области проживали 1.946 евреев (36,42% населения). Оккупирован немецкими войсками 17 июля 1941 г. Вскоре были расстреляны около 25 евреев-интеллигентов. В конце сентября 1941 г. в Летичеве было создано гетто. Оно находилось в квартале между рыночной площадью и разливом Южного Буга. Старостой гетто был назначен Мендель Цидулка. Переселение в гетто началось в еврейский Новый год, 22 сентября 1941 г. Через несколько дней гетто огородили колючей проволокой. Узники должны были нашить на одежду на груди желтые круги с шестиконечными звездами. Первую неделю вход в гетто не охранялся; евреи смогли забрать из своих домов вещи и обменивать их на рынке на продукты. Затем выход из гетто был разрешен только для рабочих команд и специалистов. Украинские полицейские при участии старосты гетто регулярно проводили рейды по конфискации золота, теплых и ценных вещей. Конфискации сопровождались избиениями. Зимой 1941–1942 гг. в гетто начался голод. Узников ежедневно выгоняли на шоссе для расчистки снега. С весны 1942 г. трудоспособные евреи использовались на работах в каменоломне в 10–12 км от поселка; добытый камень применялся для реконструкции магистрали Летичев—Винница. Узников будили в 3 часа ночи, затем в течение двух часов шла проверка. Ежедневно по пути в каменоломни и обратно умирали несколько узников. Вернувшиеся с работы получали 200 г хлеба и суп из павших лошадей. Узники питались сырой картошкой, собранной по дороге с работы.

В мае 1942 г. на территории бывшего доминиканского костела был устроен лагерь для евреев из Бессарабии и Буковины. В лагерь были также помещены около 200 трудоспособных евреев из Деражни, около 100 евреев из Меджибожа, группа евреев из Новой Ушицы. Евреи жили в полуразрушенных кельях монастыря и в бараках. Многие спали прямо на цементном полу в страшной тесноте. Лагерь был огорожен проволокой; на единственных воротах была надпись «Рабочий лагерь». Все работы производились вручную. Ежедневно комендант лагеря убивал на глазах всех узников по одному заключенному.

20 сентября 1942 г. гетто в Летичеве было ликвидировано. По словам очевидца, «матери должны были укладывать своих живых детей на дно ямы; после того как дети были расстреляны, мать должна была ложиться сверху, а палачи

убивали ее». В ноябре 1942 г. был ликвидирован лагерь, а 30 января 1943 г. были расстреляны последние евреи-ремесленники. Расстрел узников проходил у села Залетичевка в нескольких километрах от Летичева. Судебно-медицинские экспертизы после войны обнаружили в овраге захоронение, в котором было найдено 3 тысячи трупов.

23 марта 1944 г. Летичев был освобожден советскими войсками. В него вернулось несколько десятков еврейских семей.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 184–185; Сборник документов и материалов. — С. 30, 40–41, 64–65, 138, 176, 448. 450–451; 100 еврейских местечек. Вып.2. — С. 121–123; Уничтожение евреев СССР. — С. 160–163; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. — Bd. 7. — S. 65, 761, 772, 787, 821, 926; Уничтожение евреев СССР. — С. 162; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства. — С. 77; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 521–522.

² В 1939 г. в Каменец-Подольском проживали 13.796 евреев (38,1 % населения).

Город был захвачен венгерскими войсками 10 июля 1941 г. Через несколько дней в Старом городе оккупанты расстреляли 400 евреев-мужчин.

20 июля 1941 г. в Каменец-Подольском было создано гетто, которое существовало свыше полутора лет — до февраля 1943 г. (по другим данным — до конца октября 1942 г.). Это гетто стало первым на оккупированной территории СССР местом депортации и уничтожения евреев из других стран. Во второй половине июля в Каменец-Подольский были переселены 11 тысяч так называемых «иностранцев» евреев — в основном из Закарпатской Украины, которая тогда входила в состав Венгрии, а также из Польши и Чехословакии. (По данным Шименфальви, главы КОЕКНа — административного органа по контролю над иностранцами — в Каменец-Подольский было отправлено 18.500 евреев). «После пяти дней ужасных мучений мы прибыли в город под названием Каменец-Подольский. Мы без денег и пищи, в крайнем отчаянии. Нас ждет голодная смерть» (из сохранившегося письма, которое удалось отправить из Каменец-Подольского). В гетто были согнаны также жители из окрестных местечек.

В конце июля 1941 г. венгров сменили немцы. 5 августа 1941 г. они приказали всем евреям переселиться в Старый город и носить «еврейскую звезду». На еврейскую общину была наложена контрибуция в размере 40 тысяч рублей и 8 кг золота. Вскоре среди евреев началась эпидемия. Поскольку немцам не удалось договориться с венграми о возвращении «иностранцев» евреев, было принято решение об их уничтожении до 1 сентября 1941 г., т.е. до официального перехода власти на этой территории к немецкой гражданской администрации. Организатором и руководителем уничтожения евреев был «высший фюрер СС и полиции Россия — Юг» обергруппенфюрер СС Екельн. В конце августа 1941 г. его штаб-

ная рота при содействии 320-го полицейского батальона, украинской полиции и венгерского саперного взвода расстреляла близ Каменец-Подольского в течение трех дней 23.600 евреев — «иностранцев» и большую часть местных (26 августа — 4.200, 27-го — 11.000, 28-го — 7.000). Это была первая кровавая бойня такого масштаба. Еще 4.500 узников (включая 500 детей) были ликвидированы в начале 1942 г.

В начале сентября 1941 г. все уцелевшие евреи были собраны в гетто в расположении бывшей воинской части. В июне 1942 г. в гетто были отобраны и расстреляны старики, а остальные евреи переведены в новое гетто — бывший Силикатный институт. В сентябре 1942 г. в гетто были отобраны и расстреляны врачи с семьями. В июле — сентябре 1942 г. в гетто были переселены несколько тысяч евреев-ремесленников с семьями из окрестных населенных пунктов (Балин, Заречанка, Китайгород, Орнин, Смотрич, Старая Ушица, Чемеровцы, Шатава и др.). 11 августа 1942 г. в Каменец-Подольском был казнен 821 человек, среди них 813 евреев из Смотрича и Чемеровцев, сообщалось в «Донесении о событиях № 7 отделения СД в Каменец-Подольском» от 13.08.1942 г. В конце октября 1942 г. в гетто насчитывалось около 4.800 человек. 30.10.42 гетто было ликвидировано после расстрела примерно 4.000 евреев. Около 500 бежали накануне расстрела и несколько сот спрятались на территории гетто. Впоследствии большинство спрятавшихся и бежавших были пойманы и также расстреляны.

В общей сложности, в 1941–1943 гг. в Каменец-Подольском были уничтожены около 30 000 евреев. И. Финкельштейн приводит другие цифры. Ссылаясь на материалы Государственного архива Хмельницкой области (ф. 863, оп. 2, д. 30, л. 6), он пишет, что в 1942 г. «было расстреляно 41 тысяча человек. Они нашли свою смерть на еврейском кладбище, в районе бывших пороховых складов, во дворе гестапо, более 20 тыс. человек погибло в районе бывшего учебного батальона, в Старом Городе».

27 марта 1944 г. Каменец-Подольский был освобожден советскими войсками.

См.: Альтман И. Жертвы ненависти. — С. 142, Gilbert M. Endlösung. — S. 69; Довідник про табори. — С. 84; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 98, 267–268; Жизнь и смерть. Кн. 3. — С. 309–316; Enzyklopädie des Holocaust. Bd. II. — S. 731–732; Живыми остались только мы. — С. 84–85, 413–415; Круглов А. Катастрофа. — С. 141–142; Між життям і смертю. Невільницькі спомини. — С. 147; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 101–102; Pohl Dieter. The Murder of Ukraine's Jews under German Military Administration and in the Reich Commissariat Ukraine, in: Brandon Ray and Lower Wendy: The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization, Bloomington and Indianapolis 2008, S. 23–76; Рейдер А. Еврейская община Закарпатья. — С. 33–35; Сборник документов. — С. 71–72, 243–244, 245–246, 394–395, 397–398, 406–411; Уничтожение евреев СССР. — С. 13, 20, 97; Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges. 1941–1944. — S. 128–135; Die Verfol-

gung. — Bd.7. — S. 321, 264—266, 270, 328; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 781—783; Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 280—282; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1374—1375.

«ВСЕ СЕЛО ЗНАЛО, ЧТО МЫ ЕВРЕИ...»
ПОЛИНСКАЯ Галина (1934 г.)

¹ В 1939 г. в Кировограде проживали 14.631 еврей (14,58% населения).

До оккупации города немецкими войсками 14 августа 1941 г. значительная часть евреев смогла эвакуироваться на Восток, военнообязанные мужчины ушли в армию. На оккупированной территории осталось около 40% довоенного еврейского населения.

Во второй половине 1941 г., в период истребления евреев городом управляла немецкая военная комендатура. Немецкая военная администрация создала городскую управу и вспомогательную украинскую полицию из числа местных жителей, которая принимала участие в антиеврейских акциях.

Первые расстрелы евреев совершила зондеркоманда 46 из оперативной группы Ц уже вскоре после вхождения в город.

С 28 августа по 5 сентября 1941 г. она расстреляла 435 евреев, а с 6 по 12 сентября — еще 290 евреев, в основном из числа интеллигенции.

19 сентября евреев-мужчин расстреливал отряд полевой жандармерии 1-й мотопехотной бригады СС, а 30 сентября 304-й полицейский батальон расстрелял в городе всех еще оставшихся в живых евреев — 3.600 человек, а также 600 евреев-военнопленных.

В общей сложности в августе-сентябре 1941 г. было истреблено свыше 5 тысяч евреев — жителей города.

В Кировоградской области в период оккупации было уничтожено около 12 тысяч евреев — 45% довоенного населения.

См.: Довідник про табори. — С. 92; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 458—459; Сборник документов. — С. 187, 276, 301—302; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 412—412; The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization. Edited by Ray Brandon and Wendy Lower. — 2008. — P. 20, 37, 276.

ПОЩУПАЙЛОВА Галина (1935 г.)

«ВСЕХ ЕВРЕЕВ ОБЯЗАЛИ НАШИТЬ НА ОДЕЖДУ ЖЕЛТЫЕ ЗВЕЗДЫ...»

¹ В 1939 г. в Феодосии (Крым) проживали 2.922 еврея.

Феодосия была оккупирована 3 ноября 1941 г. Уже 11 ноября начальник зондеркоманды 106 приказал евреям, оставшимся в городе зарегистрироваться и носить на груди «еврейский значок указанной формы белого цвета. Евреи, которые не выполнят данный приказ, будут расстреляны». Зарегистрировались 1.052

человека. По воспоминаниям очевидцев, после регистрации евреев использовали для разного рода тяжелых и унижительных работах.

27 ноября 1941 г. начальник зондеркоманды 106 приказал всем евреям Феодосии и окрестностей явиться 1 декабря 1941 г. на Сенную площадь «для переселения». Каждый еврей мог взять с собой «исключительно носильные вещи и пищу на два дня». Явившихся машинами отправляли к противотанковому рву у завода «Большевик». Там эсесовцы и полицейские из местных жителей избивали людей резиновыми дубинками и прикладами, полицейские заставляли их раздеться. После этого палачи загоняли евреев группами в ров и расстреливали. К вечеру, 4 декабря 1941 г., все 800 человек были убиты. Вместе с мирными жителями города была уничтожена группа евреев-военнопленных из лагеря по улице Карла Маркса.

10 декабря городская управа приказала всем проживающим в Феодосии крымчакам явиться 12 декабря 1941 г. в то же место «на предмет препровождения в отдельную часть города». Явившиеся 245 человек также были расстреляны зондеркомандой 106 в противотанковом рву у городской больницы.

До 29 декабря, когда Феодосия была освобождена советскими войсками, зондеркоманда 106 расстреляла еще несколько десятков евреев. 17 января 1942 г. Феодосия была вновь оккупирована. До 15 февраля 1942 г. зондеркоманда 106 расстреляла еще 36 евреев из числа скрывавшихся. Во время облав 5, 9, 13 марта 1942 г. были схвачены и расстреляны еще 66 евреев, отмечалось в «Донесениях о событиях в СССР №184» от 23 марта 1942 г. В период с 16 по 30 апреля 1942 г. были казнены 22 еврея, с 1 по 13 мая 1942 г. — 34, а 2 находились под арестом. В общей сложности в 1941—1942 гг. в Феодосии были уничтожены около 1300 евреев.

Феодосия была освобождена советскими войсками 13 апреля 1944 г.

См.: Гольденберг М. Холокост и Феодосия // Холокост і сучасність. — 2002, №5. — С. 7—8, № 6. — С. 8—9; Губенко Г. Книга печали. — С. 18—19; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 75—77, 435—436; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 183—192, 475—476; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 66—68, 190—192; Кричевская Р. Сирена памяти. — Тель-Авив, 2006; Тяглый М. Места массового уничтожения евреев Крыма. — С. 72—77; Сборник документов. — С. 99, 107, 117, 125—126; Холокост в Крыму. — С. 11—12; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1014—1015.

ПУПЧЕНКО (ЛОТКИНА) Клавдия (1931 г.)

«СТРАШНЫЕ ДНИ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ...»

¹ О Полтаве см. примечание к воспоминаниям Федора Лапинцева.

² В Кременчуге Полтавской области в 1939 г. проживали 19.880 евреев (22,16% населения). Оккупирован немецкими войсками 9 сентября 1941 г. 26 сентября 1941 г. была проведена регистрация оставшихся евреев, их оказалось 3,5 тысяч, кроме того, имелось 100 смешанных семей. 27 сентября 1941 г.

городская управа приказала евреям переселиться в бараки за поселком Новая Ивановка (ул. Ленина, 22). В гетто переселилось 1,1 тысяч человек. Несколько сотен узников ежедневно использовалось на работах по уборке улиц. Работавшие евреи получали 400 г хлеба в день, неработающие — 200 г.

Сразу после оккупации в Кременчуг прибыл передовой отряд зондеркоманды 46, а вскоре и вся остальная команда, которая 13 сентября расстреляла 125 евреев. 28 октября 1941 оперативный штаб высшего фюрера СС и полиции Россия-Юг при содействии украинской полиции расстрелял большую часть евреев — свыше 3 тысяч человек. В ноябре—декабре 1941 г. и в январе 1942 г. это же подразделение произвело еще ряд казней евреев. 1 и 8 ноября 1941 г. расстреляли 148 евреев (73 мужчин, 53 женщин и 22 ребенка); 11 ноября — 16 человек (6 мужчин, 7 женщин и 3 детей); 15 ноября — 103 (58 мужчин, 38 женщин и 7 детей); 19 ноября — 18 (10 мужчин, 3 женщины и 5 детей); 27 ноября, 8 и 19 декабря убили еще 9 евреев (7 мужчин и 2 женщины). 7 ноября 1941 г. были расстреляны также 124 еврея в Крюкове (ныне входит в состав Кременчуга).

10 февраля 1942 г. в Кременчуг из Днепропетровска прибыла зондеркоманда СД особого назначения (зондеркоманда Плат), которая расстреляла несколько небольших групп скрывавшихся евреев. Кроме того, в Кременчуге имели место и казни евреев-военнопленных, отобранных в лагере военнопленных. С помощью подпольщиков К. из него совершил побег еврей-военнопленный Ц. Каганзон, который по поддельным документам остался в городе и участвовал в подпольной борьбе. Бургомистр Сеница и священник Романовский выдавали евреям фальшивые удостоверения о крещении. Сеница был казнен нацистами, так как «препятствовал решению еврейской проблемы».

В общей сложности в Кременчуге в 1941—1942 гг. было истреблено около 4 тысяч евреев. Кременчуг был освобожден советскими войсками 29 сентября 1943 г.

См.: Довідник про табори. — С. 130, 230; Круглов А. Катастрофа. — С. 174—175; Сборник документов. — С. 87, 110, 118, 189, 280, 282; Уничтожение евреев СССР. — С. 176, 322; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 478; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 362.

РАБИНОВА Фира (1932 г.)

«МАКИ, ВЗОШЕДШИЕ НА ЕВРЕЙСКОЙ КРОВИ...»

¹ В городе Шпикове Тульчинского района Винницкой области в 1939 г. проживали 895 евреев (17,7 % населения), во всем районе — 1291.

22 июля 1941 г. Шпикив оккупировали немецкие войска, местечко вошло в зону румынской оккупации Транснистрию. Было создано гетто.

6 (по другим данным — 8) декабря 1941 г. на основании приказа губернатора Транснистрии Александру почти все евреи Шпикова и района (848 человек), были отправлены в лагерь в село Рогозну. Их разместили в здании клуба. В местечке осталось 27 евреев. Шестеро из них были расстреляны в 1942 г.

В августе 1942 г. из Рогозны их переведены в лагерь в Печору. Согласно официальным данным в Печоре погибли 539 евреев Шпиковского района, 409 евреев из Шпикова (94 мужчины, 149 женщин и 166 детей).

18 марта 1944 г. Шпикив был освобожден советскими войсками.

См.: Довідник про табори. — С. 54; Живыми остались только мы. — С. 421—423; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 413—414; Жизнь и смерть. Кн. 2. — С. 145; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 246—249, 358; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 67, 69, 408, 411, 500; Круглов А. Катастрофа. — С. 349; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 834—837; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1094—1095; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 703.

² О Печоре см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

³ Комаргород Томашпольского района Винницкой области в период нацистской оккупации (июль 1941 — март 1944 гг.) оказался в румынской зоне оккупации (Транснистрии). Практически все евреи (около 400 человек), не подлежавшие мобилизации в армию, остались в селе (местечке). Через три недели после захвата вермахтом Комаргорода в него вошли румынские войска.

9 августа 1941 г. румынские солдаты расстреляли 7 местных евреев и семью беженца из Бессарабии. После этого расстрела, первого в районе, многие комаргородские евреи бежали в Томашполь, но вскоре там тоже начались казни и они вернулись домой.

15 октября 1941 г. в центре села было создано гетто, огороженное колючей проволокой, куда согнали евреев Комаргорода и окрестных сел. Имущество, оставленное при переселении в опустевших еврейских домах, было разграблено местными жителями. Однако находились украинцы, помогавшие узникам гетто преодолеть голод, прятали евреев, оказавшихся вне гетто во время облавы, приглашали подростков на различные работы и кормили их. Узников использовали на принудительных работах.

13 марта 1944 г. Комаргород был освобожден советскими войсками.

См.: Довідник про табори. — С. 46; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 426—428, 431, 567; Круглов А. Катастрофа. — С. 161; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 535; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 446; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 337.

РАЙБМАН Давид (1938 г.)

«В ШАРГОРОДСКОМ ГЕТТО БЫЛО ОКОЛО 7000 УЗНИКОВ»

¹ Шаргород Винницкой области был оккупирован немецкими войсками 22 июля 1941 г. После того как через город прошли немецкие, венгерские, итальянские воинские части, здесь установился оккупационный режим румынской администрации. В созданном гетто (337 частных домов, в которых имелось, по официальным данным 842 комнаты) находились около 7 тысяч евреев (1.800

местных и более 5.000 депортированных из Бессарабии и Буковины. По другим данным — 7.000 депортированных). Дома не могли вместить всех евреев, и были организованы приют для людей в двух синагогах, а также в подвалах и на чердаках. В каждой комнате было от 15 до 20 человек. Не было никакой канализационной системы, туалетов — ни общих, ни частных, не было бань, мыла, керосина, никаких гигиенических средств. Начавшаяся эпидемия тифа прогрессировала быстро не только из-за перенаселения города, антисанитарии и вшей, но и в результате недоедания, голода, физической слабости, психологического шока от самой депортации. В январе 1942 г. 20 врачей заразились тифом, 12 из них умерло. До июля 1942 г. умерли от тифа 1449 еврея. Около 1000 человек 30 июня 1942 г. были переселены в 10 окрестных сел. В мае 1943 г. 175 евреев были отправлены в еврейский лагерь принудительного труда **Трихаты (Николаевская область)**. Часть из них вернулась в конце 1943 г. после ликвидации лагеря. В 1941 и 1944 гг. 3 еврея были убиты и 1 умер от пыток.

По данным Ф. Винокуровой, от голода, побоев и инфекционных болезней в Шаргородском гетто во время оккупации умерли 8.000 евреев (См.: Винокурова Ф.А. Еврейский опір у контексті особистісного вибору. — С. 337). Это не подтверждается историческими документами.

Шаргородское гетто, третье по численности (после **Могилева-Подольского и Бершади**) на территории Транснистрии, было известно как самое организованное и надежное. Созданную еврейскую общину в составе 25 человек, возглавил Меир Тайх, бывший председатель общины Сучавы (Румыния). Она открыла пекарню, столовую, где кормили супом неимущих, создала еврейскую полицию из 15 молодых сионистов — румынских евреев и двух местных. Был создан детский дом, где жили 186 сирот. Многие евреи, бежавшие из других мест, в том числе из зоны немецкой оккупации, нашли здесь убежище.

Среди советских воинских частей, освобождавших **Шаргород** 15 марта 1944 г., было подразделение под командованием полковника Штерна и партизанский отряд Шустера.

См.: Jean Ancel. Transnistria, 1941–1942. The Romanian Mass Murder Campaigns. Vol. 1. — P. 354–357; Винокурова Ф. А. Еврейский опір у контексті особистісного вибору. — С. 337; Hoffman Charles. Red Shtetl. — P. 223; Довідник про табори, тюрми, та гетто на окупованій території України. — С. 50; Живыми остались только мы. — С. 55–57, 272, 306–307; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Кн. 1. — С. 234–235, 215–217, 437–440; Жизнь и смерть... Кн.3. — С. 72–73, 113–121, 205–208, 497–499; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 206–208; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 346; Teich Meir. The Jewish Self-Administration in Ghetto. Shargorod (Transnistria) // Yad Vashem Studies on the European Jewish Catastrophe and Resistance. II. — Jerusalem, 1958. — P. 219–254; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. — Bd.7. — S.68, 76, 812,

817–818, 836; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 70–71; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1084–1085; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghetto during Holocaust. Vol. II. — P. 699–700.

² О **Трихаты** см. примечание к воспоминаниям Семена Пекаря.

РАШКОВАН Юрий МЫ ПОГИБЛИ БЫ, ЕСЛИ БЫ НЕ СЕМЬЯ УКРАИНСКОГО КРЕСТЬЯНИНА»

¹ Железнодорожная станция **Крыжополь Винницкой области** была оккупирована немецкими войсками в результате тяжелых боев 22 июля 1941 г.

В поселке разместилась немецкая комендатура, гражданская власть была передана румынской администрации. Центр поселка, где раньше находилось еврейское местечко, был сожжен из-за подозрения, что в подвалах еврейских домов засели красноармейцы. Евреи переселились из уничтоженных домов в квартал по улице Будгос. В каждом доме жило несколько семей. Как и в других местах, евреев обязали носить желтую шестиконечную звезду.

Старостой поселка, как того требовала румынская администрация, был избран Иван Иванович Паращук — «человек с хорошими моральными качествами». Ему подчинялась украинская полиция. По словам переживших Холокост в **Крыжополе**, И. Паращук — «оказал большую помощь еврейской общине», предупреждал евреев о планах оккупационных властей. Через полгода его место занял некто Кравец, по определению односельчан, «отменный негодяй». В воспоминаниях евреев **Крыжополя** упоминаются и другие люди, творившие бесчинства и террор по отношению к евреям: начальник полиции Кравчук, полицай Данчук, Мелинчук и Тенчук, переводчица немецкой комендатуры Бычковская, которая «тушила сигареты на лицах евреев».

Евреев использовали на тяжелых работах на железнодорожной станции, очистке выгребных ям, погрузке леса, уборке улиц и т. п.

Летом 1942 г. в **Крыжополе** было создано гетто, в котором находились местные евреи и депортированные из **Бессарабии и Буковины** (в сентябре 1943 г. — 1.200 местных и 74 депортированных). «Порядок» в гетто поддерживался украинской полицией под руководством старосты. Узникам гетто помогали многие украинские семьи. С. А. Роцимар, работник на железнодорожной станции, вспоминала: «В 1942 г. нас собрали, посадили на грузовики и повезли в **Жабокричи** — это в 12 км от **Крыжополя** — на расстрел. Часть людей там расстреляли в погребах, но остальных не успели: приехало какое-то начальство и приказало прекратить расстрелы. Мы, оставшиеся в живых, пошли пешком назад, в **Крыжополь**, и нас приютила украинская семья». И дальше: «Соседям пришлось укрывать нас, делясь последней едой».

Крыжополь служил пересыльным пунктом, через который прошли в Транснистрию тысячи евреев из **Бессарабии и Буковины**. По воспоминаниям

выживших узников гетто, их размещали в большом здании железнодорожного клуба и в еврейской школе, где многие из них умерли от голода, холода, болезней. «Их даже не хоронили. Останки погибших собрали после войны, и захоронили далеко в питомнике. Но до сих пор там нет никакого знака — землю сравняли, а на месте даже соорудили застройку — новую школу». По другим источникам — депортированные евреи были перезахоронены на еврейском кладбище.

Крыжополь был освобожден советскими войсками 17 марта 1944 г.

См.: Довідник про табори. — С. 36; Жизнь и смерть... Кн. 3 — С. 288—290, 333—334; Сушон Л. Транснистрия. — С. 268—269, 279; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 539—540; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 483; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 374.

² В селе Цыбулевке Тростянецкого района Винницкой области в период немецко-румынской оккупации 1941—1944 гг. находился лагерь для 3 тысяч евреев из Румынии (г. Сирет), Венгрии, Буковины и Бессарабии. Узников содержали в хлеве. С ноября 1941 г. до 20 января 1942 г. в лагере от отсутствия воды, голода и болезней умерли 1820 евреев. На 1 сентября 1943 г. в лагере имелись 390 евреев. Из 2 тысяч сиретских евреев уцелело 100.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 335; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1046.

³ Село **Жабокрич** Крыжопольского района Винницкой области было оккупировано 22 июля 1941 г.

27—29 июля 1941 г., по данным районной Чрезвычайной Государственной Комиссии, были расстреляны 435 евреев, из них — 61 ребенок. В конце 1941 г. в **Жабокрич** были пригнаны евреи из Бессарабии и Буковины и вместе с местными евреями поселены на нескольких улицах, огороженных колючей проволокой. Многие евреи умерли в этом гетто от тифа. С. А. Рощимар, работник на железнодорожной станции, вспоминала: «В 1942 г. нас собрали, посадили на грузовики и повезли в **Жабокрич** — это в 12 км от **Крыжополя** — на расстрел. Часть людей там расстреляли в погребах, но остальных не успели: приехало какое-то начальство и приказало прекратить расстрелы. (См. «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Кн. 3. — С. 614).

См.: Ancel Jean. Transnistria. Vol. 1. — P. 73—80; Довідник про табори. — С. 38; Живыми остались только мы. — С. 223—225; 457—462; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 448—449; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 333; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 191—193; Круглов А. Катастрофа. — С. 112; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 303; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 481 — 482; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 480.

РЕДЬКОВА (ДРИЗ) Людмила (1939 г.)

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ

¹ В городе Николаеве согласно переписи населения 1939 г. проживали 25.280 евреев (15,17% населения).

17 августа 1941 г. город был захвачен немецкими войсками.

Во второй половине августа зондеркоманда 11а по приказу штандартенфюрера СС Олендорфа расстреляла в городе 227 (по другим данным — 230) евреев, так как они (согласно отчета ортскомендатуры Николаева 1.853 от 31 августа 1941 г.) «не явились для регистрации и призывали остальное еврейское население не подчиняться немецким военным органам».

14 сентября 1941 г. евреям было приказано собраться 19 сентября на еврейском кладбище для переселения. 21 сентября были вывезены и расстреляны мужчины, 22—23 сентября — женщины с детьми. Казнь длилась 2—3 дня в двух оврагах между селами Воскресенское и Калиновка. Свыше 6 тысяч евреев были расстреляны. После того как были убиты все евреи, оба оврага были взорваны и таким способом могила была засыпана. В приговоре суда присяжных при земельном суде Мюнхена от 26 февраля 1970 г. отмечалось, что «в один из дней казни украинские жители жаловались на то, что их источники воды загрязнены кровью убитых евреев. Они выражались в том смысле, что не хотят пить «еврейскую кровь».

28 марта 1944 г. Николаев был освобожден советскими войсками.

См.: Багмет М. О., Козірева М. Е., Цукин В. Р. Голокост винищення єврейського населення в період німецько-румунської окупації // Миколаївщина в роки Великої Вітчизняної війни 1941—1945 рр. — Миколаїв, 2004; Гриневич Е. В. Холокост на Николаевщині // Еврейские поселения на Николаевщине. — Николаев, 2004; Довідник про табори. — С. 114; Круглов А. Катастрофа. — С. 222—223; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 252, Сборник документов. — С. 67, 76, 77, 78, 88, 139, 167—168; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 316, 326, 331, 335, 453; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 648—649; The United States Holocaust Memorial, Vol. II. — P. 1627—1628.

² В Голый Пристані Николаевской (ныне Херсонской) области в 1939 г. проживали 276 евреев (3,62% населения). 12 октября 1941 г. отряд зондеркоманды 106 расстрелял в поселке 150 оставшихся в оккупации евреев.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 84; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 223.

РЕЙЗИНА Алла (1936 г.)

О СИХ ПОР Я НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ УЖАС ТЕХ ДНЕЙ»

¹ О Кировограде см. примечание к воспоминаниям Галины Полинской.

РІХТЕР Юлій (1926 р.)

«ВСЯ МОЯ РОДИНА НА МОЇХ ОЧАХ ПІШЛА З ЖИТТЯ...»

¹ В Берегово Закарпатской области и районе в 1930 г. проживали 9.427 евреев. После возвращения Берегово в 1938 г. под власть Венгрии положение евреев резко ухудшилось. Во время войны венгерские власти мобилизовали военнообязанных евреев Берегово в венгерскую трудовую армию и послали их на восточный фронт, где большинство их погибло.

После оккупации Венгрии немцами (март 1944 г.) 16–18 апреля 1944 г. все евреи Берегово были заключены в гетто, которое разместили на территории кирпичного завода в хозяйстве Вейса. Дома были разграблены, драгоценности и деньги отобраны в гетто. Как отмечает профессор Нью-Йоркского университета Рандольф Л. Брахам в книге «Венгерский Холокост», «масштабы грабежа были таковы, что на это обратило внимание даже немецкое военное руководство».

А через месяц (15–29 мая) все евреи четырьмя транспортами были депортированы в Освенцим и другие лагеря уничтожения, где большинство из них погибли. Согласно данным ЧГК, из Береговского района были высланы 13.703 еврея (в том числе более 12 тысяч евреев из Берегово), из которых 95 % погибли. По другим данным, в концлагеря были угнаны 10 тысяч евреев Берегово. Вернулись немногим более 100 человек.

26 октября 1944 г. Берегово был освобожден Советской Армией.

См.: Довідник про табори. — С. 192; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 98–112; Круглов А. Катастрофа. — С. 32; Рейдер А. Еврейская община Закарпатья; С. 26, 39, 42, 91–95; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 78.

РОЗЕНБЕРГ Михаил (1924 г.)

«МЫ ПОХОРОНИЛИ МАМУ В ЯМЕ...»

¹ В городе Секуряны (Сокиряны) Черновицкой области, который до 1940 г. входил в состав Румынии, в 1930 г. проживали 4.216 (по другим данным — 4.693) евреев. После оккупации города 6 июля 1941 г. румынские солдаты, немецкая полиция безопасности и СД (зондеркоманда), а также незначительная часть местного населения, которая поддерживала захватчиков, начали грабить и убивать евреев. 9–10 июля 1941 г. было казнено 98 евреев (по другим данным, за первые 4 дня оккупации погибли 150 евреев). Некоторые евреи, не желая терпеть насилие, покончили жизнь самоубийством. Уцелевших 13 июля погнали в село Атаки и переправили за Днестр в район Могилева-Подольского. Больных и немощных (несколько сотен) пристреливала охрана. В середине августа немцы вернули большинство евреев Секурян за Днестр, после чего их разместили в лагерях и Вертюжанах и Единцах. Оттуда осенью 1941 г. уцелевших угнали в Транснистрию, где большинство узников погибли.

8 августа 1941 г. в Секурянах организован транзитный лагерь для евреев Буковины и Северной Бессарабии. На 11 августа 1941 г. здесь находилось 20.852

узника. В Секурянах оказались евреи из Бричан, Липкан, Хотина (3,8 тыс.). Новоселицы (2,8 тыс.), Хотинского уезда (6.625), Сторожинца (1,1 тыс.), Сторожинецкого уезда (3.180). Герцы — Дорохоя (1,2 тыс.), уезда Черновцы (997), а также румынские евреи: 520 из г. Рэдэуци и 580 из одноименного уезда. 10.8. инспектор жандармерии Минекуэ доложил, что «большая часть евреев не имеет денег и обречена на голодную смерть». Потому он предложил для части евреев создать лагерь в другом месте. Половину узников уже 16 августа перевели в Единцы. Первоначально депортированных размещали в домах, освобожденных от местных евреев, а затем в поле, где два месяца они находились под открытым небом. Отсутствие элементарных условий для жизни порождали эпидемии дизентерии, тифа, холеры. Ежедневно умирали по 20–30 человек. Охрана наживалась на узниках, меняя золото на хлеб. Люди выживали благодаря тому, что на территории лагеря оказался склад подсолнухов. Всех взрослых и здоровых ежедневно забирали на строительство дороги Липканы-Сокиряны-Новоселица. Ночевали работники в сараях. На 1 сентября 1941 г. в Секурянах оставался 10.201 еврей, в том числе 1.698 из Липкан, депортированных сначала за Днестр, но возвращенных немцами в Бессарабию. 4 октября 1941 г. 700 узников были убиты, а остальные переселены в Транснистрию (свыше 500 погибли по дороге). Расстрелы евреев продолжались. В ноябре 1941 г. в течение недели ежедневно из гетто за город выводили под охраной группы людей и казнили. По дороге их жестко били и издевались. Расстреливали в 2 км от города по дороге в Могилев-Подольский.

В 1945 г. ЧГК выявила здесь около 1,7 тысяч трупов, преимущественно без одежды, разного возраста и пола в 4 больших могилах. Часть людей были закопаны живыми. Казни осуществляли жандармы при участии местной полиции. В ноябре 1941 г. лагерь в Сокирянах был ликвидирован. Уцелевших отправили в Транснистрию, через Атаки в Могилев-Подольский. По дороге в условиях зимы, голода и издевательств охранников погибли более 1 тысячи евреев. Через каждые 10 км пути были вырыты ямы на 100 человек. Всего по дороге было расстреляно 500 евреев. Из 30 тысяч евреев, угнанных в Транснистрию — уцелело около 500 человек.

См.: Ancel Jean. The Romanian Campaigns of Mass Murder in Transnistria, 1941–1944 / Braham R.L. (Editor), The Destruction of Romanian and Ukrainian Jews during the Antonescu Era, — N.Y., 1997. — P. 165; Довідник про табори. — С. 186; Круглов А. Катастрофа. — С. 292–293; Назария С. Холокост: Страницы истории (на территории Молдовы и прилегающих областях Украины в годы фашистской оккупации, 1941–1944). Кишинев, 2005; Последние свидетели. М., 2002. — 52-55; Сборник документов и материалов. — С. 449–452; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. — Bd.7. — S. 821; Уничтожение евреев СССР. — С. 162; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 896.

² В селе **Балановка Бершадского района Винницкой области** в 1939 г. проживали 35 евреев. Во время оккупации в **Балановке** находился гетто (лагерь) для евреев из **Буковины** и **Бессарабии**. От унижений, издевательств, голода и болезней в лагере умерли 3,2 тысяч евреев. На 1 сентября 1943 г. в лагере находились 316 евреев.

См.: Довідник про табори. — С. 28; Круглов А. Катастрофа. — С. 23; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 44.

³ О **Балте** см. примечание к воспоминаниям Анны Марковской.

РОЗЕНТАЛЬ Гедали «СОБЫТИЯ ТОГО СТРАШНОГО ВРЕМЕНИ ВСЕ ЕЩЕ ОЖИВАЮТ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ...»

¹ О **Сокирянах** см. примечание к воспоминаниям Михаила Розенберга.

² Поселок городского типа **Копайгород Барского района Винницкой области** был оккупирован немецкими войсками 20 июля 1941 г.

В июле 1941 г., по данным немецких оккупационных властей, в **Копайгороде** оставались 300 евреев. С осени 1941 г. до весны 1944 г. в **Копайгороде** существовало гетто, в котором вместе с местными евреями находились евреи из **Бессарабии** и **Буковины** (1.295 человек по состоянию на 1 сентября 1943 г.). От голода, холода и болезней в гетто умерли в 1941–1942 гг. 2.800 евреев, и были расстреляны с июля 1942 г. до февраля 1944 г. 9 евреев, в том числе 6 местных.

См.: Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и Сопротивление. — С. 29–33, Живыми остались только мы. — С. 69–71; Caru Matatias. Holocaust in Rumania; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 65–66, 205–206, 501–502; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 32–34, 208–209, 279–283; Круглов А. Катастрофа. — С. 163; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 385–387; Фишер Ю. Транснистрия... — С. 70; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 458–459; The Yad Vashem Encyclopedia Holocaust. Vol. I — P. 343–344.

³ О **Крыжополе** см. примечание к воспоминаниям Юрия Рашкована.

⁴ О **Трихаты** Николаевской области см. примечание к воспоминаниям Семена Пекаря.

РОЗЕНФЕЛЬД Михаил (1937 г.) «В ЖИВЫХ НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО...»

¹ **Ялушков Барского района Винницкой области** в 30-х годах был центром еврейского сельсовета. В 1939 г. в **Ялушкове** проживали 1.212 евреев (20,15 % населения).

С 20 декабря 1941 г. существовало гетто, в котором находились евреи села и его окрестностей. После того, как команда СД из **Каменец-Подольского** при содействии немецкой жандармерии и украинской полиции расстреляла 19 августа

1942 г. 233 еврея (по другим данным — 450), а 15 октября того же года — 1194 еврея, гетто было ликвидировано.

См.: Довідник про табори. — С. 26; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 52–57; Круглов А. Катастрофа. — С. 357; Сборник. — С. 399. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1131; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I — P. 951–952.

² О **Копайгороде** см. примечание к воспоминаниям Гедали Розенталя.

РОЙТБЕРГ Я. П. «СПАСЛИ НАС ДОКТОР СТУКАЛЕНКО И ЕГО СЫН»

¹ В селе **Озаринцы Могилев-Подольского района Винницкой области** после оккупации его 17 июля 1941 г. ворвались немецкие мотоциклисты, которые согнали всех евреев (местных и беженцев из **Могилева-Подольского**, всего около 400 человек) в здание старой синагоги, отобрали 79 мужчин и расстреляли их в поле за селом.

26 июля 1941 г. 5 румынских солдат согнали на базарную площадь евреев-мужчин, из числа которых, убили 28 человек. Остальные были помещены в гетто, в которое также поместили депортированных евреев из **Бессарабии** и **Буковины**. Значительная часть их умерла в гетто зимой 1941–1942 гг. от голода, холода и болезней.

С мая по сентябрь 1942 г. часть евреев была направлены в лагерь села **Сказинцы**. В январе 1943 г. в гетто **Озаринцы** находились 850 евреев — 300 местных и 550 «румынских». На 1 сентября 1943 г. еще оставались 40 евреев из **Бессарабии** и 47 из **Буковины**. Отступающие немецкие войска 17 марта 1944 г. убили в селе несколько евреев.

См.: Живыми остались только мы. — С. 436–443; Жизнь и смерть... Кн. 2 — С. 293; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 206; Круглов А. Катастрофа. — С. 239–240; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 232–233; Хандрос Борис. Местечко, которого нет. Часть 1. — Киев, 328 с.; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 678.

РОМАНЕНКО Елена (1940 г.) СПАСИБО ДОБРЫМ ЛЮДЯМ ЗА ТО, ЧТО МЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ»

¹ Об **Одессе** см. примечание к воспоминаниям Семена Пекаря.

РУБАНСКАЯ Галина БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

¹ В 1939 в **Олевске Житомирской области** проживали 2858 евреев (42,15 % населения); в селах Олевского района — еще 866 евреев.

Олевск был оккупирован немецкими войсками 5 июля 1941 г. До начала войны большинство евреев смогли эвакуироваться на Восток, а военнообязанные мужчины были призваны или добровольно вступили в Красную Армию. Осталось в

оккупации примерно 20% довоенного еврейского населения. В августе—октябре 1941 г. поселком управляла немецкая военная комендатура. Немецкая военная администрация создала районную управу и вспомогательную украинскую полицию из числа местных жителей. Последняя принимала активное участие во всех «еврейских акциях». В конце октября 1941 г. власть перешла к немецкой гражданской администрации. **Олевск** стал административным центром одноименного гебита генерального округа **Житомир** рейхскомиссариата **Украина**.

В октябре 1941 г. в **Олевске** было создано открытое гетто. Евреям было запрещено покидать этот район, покупать продукты у украинцев, а украинцам запрещено поддерживать какие-либо отношения с евреями. Евреи также были обязаны носить на левом рукаве повязки с желтой шестиконечной звездой. Евреи-мужчины направлялись на тяжелые различные работы, при этом они подвергались издевательствам и побоям со стороны украинских полицейских.

Гетто в **Олевске** было ликвидировано 19 ноября 1941 г., когда были расстреляны 535 евреев. Участвовали в расстреле 60 «казаков» и 2 офицера (старшины) из украинской повстанческой армии «Полесская Сичь» (командир — Тарас Бульба-Боровец), которые 18 ноября были «насиленно мобилизованы» для совершения казни «капитаном СС Гичке из **Житомира**».

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 241; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 686; The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 542.

РУБИНШТЕЙН Леонид (1936 г.)

ПОГРОМЫ ПОВТОРЯЛИСЬ ПЕРИОДИЧЕСКИ...»

¹ О **Хмельнике** см. примечание к воспоминаниям Евгении Нелавицкой.

² О **Жмеринке** см. примечание к воспоминаниям Якова Лившица.

³ О **Мурафе** см. примечание к воспоминаниям Евгении Нелавицкой.

РУДАЯ (ЗУСЛИНА) Ольга

«Я НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛА...»

¹ В 1939 в селе **Буки Киевской (ныне Черкасской) области** жили 546 евреев (17,64% населения), а в селах тогдашнего района — еще 183 еврея.

Село было оккупировано немецкими войсками 19 июля 1941 г. Некоторое число евреев смогло эвакуироваться на Восток, а военнообязанные мужчины были призваны или добровольно вступили в Красную армию. Осталось в оккупации около 60% довоенного еврейского населения. В июле—октябре 1941 г. селом управляла немецкая военная комендатура. Были созданы сельская управа во главе со старостой и вспомогательная украинская полиция из числа местных жителей. Последняя принимала активное участие во всех «еврейских акциях».

В ноябре 1941 г. власть перешла к немецкой гражданской администрации. Буки вошли в состав гебита **Тараща** генерального округа **Киев** рейхскомиссариата

та **Украина**. Вскоре после оккупации по приказу немецкой военной комендатуры сельская управа организовала регистрацию евреев. Они были обязаны носить на рукаве повязку с шестиконечной звездой, их использовали на тяжелых различных работах. Уже в августе 1941 г. в селе была проведена первая акция, в ходе которой были расстреляны несколько десятков евреев. Расстрел был произведен у реки **Горный Тикич** на юго-восточной окраине села. Осенью 1941 на скотомогильнике в 100 м северо-западнее села была расстреляна еврейская интеллигенция. Оставшиеся в живых евреи, а также евреи из окрестных сел были согнаны в гетто, устроенное в бывшей помещичьей усадьбе в 1,5 км от центра села. В мае 1942 г. нетрудоспособные евреи были расстреляны, а трудоспособные евреи работали в каменоломне. Этот рабочий лагерь был ликвидирован в 1943 г. путем расстрела всех заключенных.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 51; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 117; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1591.

РУСМАН Елена (1917 г.)

«В ЖИВЫХ ОСТАЛАСЬ ОДНА Я...»

¹ О **Киликиеве** см. примечание к воспоминаниям Софии Малинской.

² О **Славути** см. примечание к воспоминаниям Леонида Лангера.

³ Об **Аннопеле** см. примечание к воспоминаниям Софии Малинской.

САВИЦКАЯ Инна

«ОККУПАЦИЯ ОСТАВИЛА СТРАШНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

¹ В 1939 г. согласно переписи населения в **Ялте (Крым)** проживали 2109 евреев, что составляло 6,3 % от общего количества населения города.

Накануне немецкой оккупации города **Ялты** покинули 1.120 евреев (из ведомости, составленной в феврале 1942 г. статистическим бюро городской управы **Симферополя**).

Ялта была оккупирована 8 ноября 1941 г. По требованию немецких властей был создан еврейский комитет. Все евреи города должны были носить шестиконечную звезду, пройти регистрацию и сдать все ценности. 21 ноября 1941 г. зондеркоманда расстреляла 15 евреев. В конце ноября 1941 г. евреям было приказано до 5 декабря переселиться в гетто, которое просуществовало около 2 недель. Под гетто были отведены бывшие помещения рабфака сельскохозяйственного института, расположенные между городом и поселком **Массандра** и обнесенные высокой каменной стеной. По описанию очевидца: «Комнаты, набитые до отказа людьми... Выбитые и заклеенные бумагой... заставленные кусками фанеры окна... Пронизывающий холод... Дряхлые, больные старики и старухи, маленькие дети, мужчины и женщины, не имея иной площади, сидели на кроватях. В небольшой комнате помещалось 18—20 человек...» В гетто по разным оценкам находилось от 800 до 1.800 узников.

17 декабря 1941 г. взрослые трудоспособные евреи-мужчины были вывезены из гетто. После того, как их заставили вырыть на дне оврага у виноградников Массандры две ямы, они были в них расстреляны, а 18 декабря там же были расстреляны все остальные евреи.

Около 1500 евреев были расстреляны в Ялте.

Ялта была освобождена советскими войсками 16 апреля 1944 г.

См.: Довідник про табори. — С. 200; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 322—328; Круглов А. Катастрофа. — С. 356—357; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 376—378; Сборник документов. — С. 102, 114, 170; Тяглый Михаил. Места массового уничтожения евреев Крыма. — С. 80—84; Холокост в Крыму. — С. 88—96, Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1130—1131; Черная книга. С. 285—286; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S.399, 406—412, 454, 459; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1130—1131; Yad Vashem Encyclopedia. Vol. II. — P. 951; The United States Holocaust Memorial. Vol. II — P. 1777.

САМОЙЛОВА Светлана (1938 г.)

НЕЗАБЫВАЕМАЯ БОЛЬ ДУШИ...»

¹ В 1939 г. в Ромнах Сумской области проживали 3.834 еврея (14,77 % населения).

10 сентября 1941 г. в Ромны вошли немецкие части войска и спустя два месяца — 10 ноября 1941 г. — все евреи, оставшиеся в оккупации — 1.233 человек — были расстреляны.

Согласно материалам Государственного архива Российской Федерации (Акт ЧГК от 1 октября 1943 г.) в Ромнах на улицах Ворошилова и Димитрова в 1941—1943 гг. существовало гетто.

Город Ромны был освобожден Советской Армией 16 сентября 1943 г.

См.: Довідник про табори. — С. 152; Круглов А. Катастрофа. — С. 276; Сумская область в период Великой Отечественной войны... — С. 204—205; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 865.

САРКИС Маргарита (1931 г.)

«ОТЦА УБИЛИ ...»

¹ О Полтаве см. примечание к воспоминаниям Федора Лапинцева.

СИМОНОВА Лилия (1933 г.)

«ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ»

¹ О Донецке (Сталино) см. примечание к воспоминаниям Эммы Панченко.

СКРИПНИК Галина (1936 г.)

«И ПОШЛИ МЫ ОТ СЕЛА К СЕЛУ...»

¹ О Харькове см. примечание к воспоминаниям Евгения Ласенко.

СМОЛЯНИЦКАЯ (МАРТИНОВИЧ) Кира (1936 г.)

СУДЬБА

¹ В городе Константиновка Сталинской (ныне — Донецкой) области в 1939 г. проживали 3365 евреев (3,51% населения). Константиновка была оккупирована немецкими войсками 28 октября 1941 г. В конце декабря 1941 г. отряд зондеркоманды 46 расстрелял всех оставшихся в оккупации евреев — 240 человек, в том числе свыше 70 детей.

Константиновка была освобождена советскими войсками 6 сентября 1943 г.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 163; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 450.

СОЙРЕФ Ефим (1933 г.)

«Я ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ»

¹ В селе Дзыговке Ямпольского района Винницкой области в 1939 г. проживали 858 евреев (11,83% населения).

Дзыговка была оккупирована в конце июля 1941 г. и оказалась на территории Транснистрии. Вскоре было создано гетто для местных и депортированных бессарабских и буковинских евреев. Последних, по официальным данным, на 1 сентября 1943 г. было 105 человек. Евреев использовали на принудительных полевых работах, большую группу угнали в Николаев на строительство моста.

После освобождения Дзыговки в марте 1944 г. в селе осталось несколько сотен евреев.

См.: Довідник про табори. — С. 52; Живыми остались только мы. — С. 73—75; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 149—150; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 624; Круглов А. Катастрофа. — С. 99; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 100—102; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 518—519; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 84; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 190.

² В Ямполье Винницкой области в 1939 г. проживали 1.753 еврея (24,39% населения), в селах района — 1.495 евреев. После начала войны многие пытались бежать, но вынуждены были вернуться из-за быстрого наступления немецких войск.

Ямполь был оккупирован немецкими войсками 17 июля 1941 г. С 22 июля 1941 г. в течение недели в Ямполье находилась зондеркоманда 10а, которая расстреляла 9 евреев, 28 июля 1941 г. румыны переправили в Ямполь тысячи евреев из Бессарабии и Буковины. Немецкая полиция безопасности (оперативная команда 12) в начале августа 1941 г. отправила их обратно за Днестр; при этом в Ямполье были расстреляны еще 38 евреев (по другим данным — 1.265 человек).

1 сентября 1941 г. в Ямполье установилось румынское гражданское правление. Ямполь стал административным центром вновь образованного уезда Жугастрю на территории Транснистрии.

С осени 1941 до весны 1944 гг. в Ямполье существовало гетто и пересыльный лагерь. К концу января 1942 г. в Ямполье находилось 35.276 местных и депор-

тированных евреев. Большинство из них постепенно расселили по населенным пунктам уезда. Так, в ноябре 1942 г. 600 евреев были переведены в Ладыжин. В гетто осталось около 600 местных и 500 депортированных евреев (на 1 сентября 1943 г. — 348 человек из Буковины и 156 человек из Бессарабии). Они должны были носить на рукаве желтую повязку. Узники жили очень скученно; большинство спали на полу.

Румынская администрация использовала узников Ямпольского гетто на принудительных работах в ремесленных мастерских и в сельском хозяйстве. В августе 1942 г. и в августе 1943 г. румынские жандармы расстреляли в Ямполье соответственно 41 и 17 евреев, а в феврале 1944 г. были убиты еще 33 еврея. Кроме того, 76 евреев за время оккупации умерли от истязаний и пыток.

Ямполь был освобожден советскими войсками 17 марта 1944 г.

См.: Ance! Jean. Transnistria. Vol. 1. — P. 73–80; Довідник про табори. — С. 46, 48, 52; Живыми остались только мы. — С. 223–225; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 411, 448–449, 457–458; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 310–318, 487–488; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 81–84, 481–482; Круглов А. Катастрофа. — С. 357; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 211–212; Назария С. Холокост. — С. 196, 318; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 481–482; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 768–770, 822–825; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1132–1133; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 952–953.

СОКОЛЕЦКИЙ Борис (1935 г.)

«ТАК МЫ ВЫЖИЛИ»

¹О Шпикове см. примечание к воспоминаниям Фиры Рабиновой.

²6 декабря 1941 г. в селе Рогизна был создан лагерь для евреев Шпиковского района Винницкой области. В лагерь поместили 855 человек. Согласно Акту сельской ЧГК от 25 ноября 1944 г., в Рогизне были уничтожены 13 человек из 31 арестованного в селе Юльальтоль Шпиковского района, в том числе 3 детей. 19 августа 1942 г. оставшихся в живых евреев перевели в Печорский лагерь. Здесь многие из них умерли.

См.: Довідник про табори. — С. 40; Живыми остались только мы: — С. 422; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 99–100; Круглов А. Катастрофа. — С. 274; Последние свидетели. — С. 237–238.

³В селе Красном Тывровского района Винницкой области в 1942–1944 гг. существовало гетто, куда были депортированы евреи из Бессарабии и Буковины. До сентября 1942 г. часть евреев была переведена в лагерь в Сказинцах, в котором находились и другие евреи города Могилева-Подольского и сел района. Значительная часть узников умерла от голода и болезней. После расформирования лагеря евреи Красного вместе с некоторым количеством других заключенных вернулись домой. На 1 сентября 1943 в гетто Красного находились 282 еврея.

См.: Довідник про табори. — С. 38; Живыми остались только мы. — С. 197–200; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 163–172, 272–277, 409–410, 467; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 359–362; Круглов А. Катастрофа. — С. 186; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 398, 477; Последние свидетели. — С. 88–89. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 475.

⁴Село (местечко) Мурафа Шаргородского района Винницкой области в 30-е гг. было центром еврейского сельсовета (1247 жителей в 1931 г.).

20 июля 1941 г. немецко-румынские войска заняли Мурафу. Она вошла в румынскую зону оккупации, Транснистрию. Осенью 1941 г. в Мурафе осталось около 850 евреев.

В осенние и зимние месяцы 1941 г. сюда было депортировано около 4000 евреев из Бессарабии и Буковины (в сентябре 1943 г. — по официальной румынской информации — их было 2605 человек). Большинство их поселились в Старой Мурафе, в домах евреев и украинцев, а также в общественных зданиях. Из-за большой плотности населения и антисанитарии зимой здесь свирепствовала эпидемия тифа, унесшая много жизней. Узники мурафского лагеря работали в карьере, добывая камень при помощи кирки. Если дневная норма (1,5 куб. м) не выполнялась, то паек (кусоч хлеба и гороховый суп) не выдавался, в результате многие узники погибли от истощения.

С осени 1941 г. (после передачи в состав Транснистрии, уезд Могилев) до весны 1944 г. в Мурафе существовало гетто. В начале 1942 г. в Мурафе были созданы юденрат, еврейская полиция. На присылаемые от румынских еврейских организаций деньги и средства от налогов, которыми юденрат обложил евреев Мурафы, были организованы бесплатная кухня, больница на 25 мест, аптека, школа и детский сад. Осенью 1942 г. был открыт детский дом на 30 мест. В мае 1943 г. 120 евреев отправили на работу в Трихаты, откуда части из них удалось вернуться в конце 1943 г.

19 марта 1944 г. Мурафа была занята партизанским отрядом, возглавляемым двумя местными евреями, а 20 марта в Мурафу вошли части Советской Армии.

См.: Альтман И. Жертвы ненависти. — С. 184; Довідник про табори, тюрми, та гетто на окупованій території України. — С. 50; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 393–396.; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 130, 265–266; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 217; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 222–225; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 631–632.

«ОСТАЛАСЬ Я ОДНА ИЗ ВСЕЙ СЕМЬИ»

СОКОЛОВА К. М. (1937 г.)

¹О Кодьме см. примечание к воспоминаниям Татьяны Ласкер.

²О Балте см. примечание к воспоминаниям Анны Марковской.

СОКОЛОВСКАЯ Лилия (1934 г.)

«РАССТРЕЛИВАЛИ ЗА ГОРОДОМ...»

1 В 1939 г. в Херсоне проживали 16.145 евреев (16,65 % населения).

Херсон был захвачен 19 августа 1941 г. бригадой Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер». 22 августа 1941 в Херсон прибыло подразделение СД (15 человек) зондеркоманды 11а. 23 августа командир подразделения СД приказал евреям города «носить на одежде еврейскую звезду» (на левой стороне груди и спины) величиной в 10 см, зарегистрироваться и сдать все принадлежащие им деньги и ценности. «Евреи, которые не выполняют этот приказ, будут расстреляны». После введения опознавательного знака и регистрации они были согнаны на несколько улиц, которые были изолированы. «Создание постоянного еврейского жилого района не предусмотрено... Ежедневно в распоряжение предоставляются... еврейские рабочие отряды, численность которых возросла со 120 до 1.000 человек в последние дни» (из отчета о деятельности зондеркоманды 11а в Херсоне с 28 августа до 10 сентября 1941 г.). Уже через 6 дней, 29 августа подразделение СД расстреляло 100 евреев, 6 сентября 1941 — еще 110 евреев. До 10 сентября 1941 г. в общей сложности были казнены 410 евреев, а спустя некоторое время — еще 17 евреев за «неношение еврейской звезды». 24—25 сентября 1941 г. подразделение СД в противотанковом рву в 7 км северо-восточнее Херсона расстреляло почти всех остальных евреев города — около 5 тысяч человек. В январе 1942 г. в Херсоне были схвачены и расстреляны около 400 евреев, состоявших в смешанных браках. В общей сложности в 1941—1942 гг. в Херсоне были уничтожены свыше 6,5 тыс. евреев. За время оккупации — до 10 тысяч.

Отдельно отметим, что в августе 1941 г. под Херсоном находился огороженный колючей проволокой лагерь для советских военнопленных. В первые же дни его существования в нем было выявлено и поблизости расстреляно до 500 евреев (в дальнейшем, по мере выявления, евреев расстреливали небольшими партиями или даже поодиночке).

13 марта 1944 г. Херсон был освобожден советскими войсками.

См.: Альтман И. Жертвы ненависти. — С. 183—183; Довідник про табори. — С. 180; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 198—199; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 342—343, 490; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 475—477; Enzyklopädie des Holocaust. Bd. I. — S. 183—184; Круглов А. Катастрофа. — С. 54—55, 330; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 111—112, 213—215, 279—280; Pohl Dieter. Die Herrschaft der Wehrmacht. — S. 265, 270; Полян П. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста. «Холокост». Научно-информационный бюллетень. — Москва, 2003, № 5 (23) — С. 20—21; Сборник документов. — С. 63—64, 66—67, 69—70, 76, 77, 168—169; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 283, 379, 453; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1031—1032; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 305.

СОЛОДОВНИК Леонид (1928 г.)

«Я И ТЕПЕРЬ УДИВЛЯЮСЬ, КАК МНЕ УДАЛОСЬ ВЫЖИТЬ»

¹ В Павлограде Днепропетровской области в 1939 г. проживали 2.510 евреев (7,44 % населения). Павлоград был оккупирован 11 октября 1941 г. В Павлоградских хуторах на территории артиллерийского полигона и завода № 359 находился лагерь, в котором содержались около 1 тысячи человек и куда доставлялись евреи из разных областей. Узники лагеря планомерно уничтожались. Зимой 1941—1942 гг. в Павлограде были расстреляны несколько сот евреев, оставшихся в оккупации. (Согласно материалам ЧГК с ноября 1941 по январь 1942 гг. в Павлограде было убито 3.672 человек. Все ли они были евреями — неизвестно). Кроме местных евреев в Павлограде и в других местах Днепропетровской области погибли сотни евреев из других регионов. В ноябре 1941 г. в Павлограде на территории завода были расстреляны 670 польских евреев. В июне 1942 г. был ликвидирован еврейский рабочий лагерь (немцы и латыши уничтожили 2.100 человек).

17 сентября 1943 г. Павлоград был освобожден советскими войсками.

См.: Довідник про табори. — С. 66, 212; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 276—281; Круглов А. Катастрофа. — С. 248; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 171—172; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 717—718; Yad Vashem Encyclopedia. Vol. II. — P. 578—579; The United States Holocaust Memorial. Vol. II — P. 1632.

СОЛОНИНКИНА Кира (1926 г.)

«И ВОТ ТОГДА ЛЮДИ ПОНЯЛИ, ЧТО ЭТО КОНЕЦ...»

¹ О Харькове см. примечание к воспоминаниям Евгения Ласенко.

СТАРИКОВА Рива (1924 г.)

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРОХОДИЛ ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ»

¹ О Томашполе см. примечание к воспоминаниям Ольги Литвак-Пустильник.

СТАРК Борис (1935 г.)

«ФАШИСТЫ ЛИШИЛИ НАС ДЕТСТВА, НО ОНИ НЕ МОГЛИ ЛИШИТЬ НАС ПАМЯТИ»

¹ О Томашполе см. примечание к воспоминаниям Ольги Литвак-Пустильник.

² О Печоре см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

³ В пгт Варваровке Николаевского района Николаевской области по переписи 1939 г. проживали 135 евреев (2,36 % населения).

Варваровка была оккупирована 17 июля 1941 г. Осенью 1941 г. в поселке были расстреляны 117 евреев — 12 местных и 75 из Николаева. В 1943 г. в поселке находился еврейский рабочий лагерь, заключенные которого (евреи из Транснистрии) строили дорогу и мост через Южный Буг. Узники лагеря жили

в приспособленном под бараки складе и коровнике. Лагерь охраняли власовцы. Часть узников работала на сооружении порта, находившегося в 8 км от лагеря. Многие из них погибли. Когда фронт приблизился, немцы передали депортированных из Бессарабии и Буковины евреев румынам, а те отправили их в Балту, где их освободила Красная Армия.

См.: Довідник про табори. — С. 114; Жизнь и смерть... Кн. 2 — С. 342–343, 490; Круглов А. Катастрофа. — С. 54–55; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 131.

⁴О Кодыме см. примечание к воспоминаниям Татьяны Ласкер.

СТОЛОВИЦКАЯ Анна (1921 г.)

«ДВАЖДЫ СПАСЕННАЯ»

¹О Виннице см. примечание к воспоминаниям Ривы Молочковской.

СУПОНИЦКАЯ Вера (1938 г.)

«Я ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНА СВОИМ СПАСИТЕЛЯМ»

¹Согласно переписи 1939 г. в Лубнах Полтавской области проживали 2883 еврея (10,52 % населения), во всем районе — 2971.

13 сентября 1941 г. Лубны были захвачены немецкими войсками. Вскоре после оккупации в Лубнах была проведена перепись населения; евреев было зарегистрировано 1.500 человек. 10 октября 1941 г. евреям из Лубен и района было приказано явиться 16 октября к 9 часам утра в село Засулье для переселения. Как сообщалось в «Донесении о событиях в СССР» № 132 от 12 ноября 1941 г. взвод зондеркоманды 4а «бесперебойно казнил 1865 евреев, коммунистов и партизан среди них 53 военнопленных и несколько евреек в форме». В двадцатых числах ноября 1941 г. подкоманда зондеркоманды 4а расстреляла в Лубнах еще 73 еврея. На католическую Пасху 1942 г. зондеркоманда СД Плат расстреляла в Лубнах последнюю группу евреев, в том числе евреев-военнопленных, отобранных в лагере для военнопленных. В общей сложности в 1941–1942 гг. в Лубнах были уничтожены около 2.000 евреев.

18 сентября 1943 г. город был освобожден Советской Армией.

См.: Довідник про табори. — С. 232; Жизнь и смерть... Кн. 1 — С. 67–68, Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 125–125; Круглов А. Катастрофа. — С. 296; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 399–400; Мучник А. Євреї і Полтавщина. — С. 22–23; Сборник документов. — С. 98, 109–110; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 538–539.

СУШОН Сергей (1928 г.)

«МОЖЕТ, ЭТО БЫЛ НЕ Я, МОЖЕТ БЫТЬ, МНЕ ЭТО ПРИСНИЛОСЬ...»

¹Об Одессе см. примечание к воспоминаниям Семена Пекаря.

²Село Акмечетка Доманевского района Одесской (ныне Николаевской) области в период румынской оккупации был одним из самых страшных пересыльных лагерей, куда направляли евреев из Одесской области и Бессарабии. Сюда же из Кишиньева летом 1942 г. доставили 58 психически больных. Насылку в Акмечетский лагерь из других гетто Транснистрии смотрели «как на высшую меру наказания». Как отмечал председатель Федерации еврейских общин Румынии в письме министру внутренних дел Румынии, из 1.000 евреев, направленных в октябре 1943 г. в Акмечетку, 960 человек умерли. Через этот лагерь смерти прошло около 3 тысяч человек, из которых уцелело не более 150 человек.

См.: Довідник про табори. — С. 122; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 15; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 553; Сборник документов. — С. 438; Уничтожение евреев СССР. — С. 166; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 18.

ТАРАСОВА (ГРИНБЕРГ) Мария (1937 г.)

«ЛЮДЕЙ УМИРАЛО ОЧЕНЬ МНОГО...»

¹В 1939 г. в Тульчине Винницкой области проживали 5607 евреев (41,7 % населения), в селах района — 180.

23 июля 1941 г. немецкие воинские части практически без боя вошли в Тульчин. Они согнали евреев в Капцановку, район кварталов еврейской бедноты.

Тульчин оказался в румынской зоне оккупации и стал центром одноименного уезда с администрацией, возглавляемой префектом; в городе располагался штаб жандармского легиона. Летом 1941 г. румынские власти произвели регистрацию евреев, обязали их носить желтую звезду на одежде, а также создали еврейский жилой район и организовали использование евреев на работах. В соответствии с приказом гражданского губернатора Транснистрии от 11 ноября 1941 г. 7 декабря почти все евреи, получив разрешение взять с собой только ручную кладь и продукты на 3 дня, были собраны в бывшей еврейской школе. А 10 декабря 1941 г. были депортированы в лагерь «Печору». Пешая колонна, в которой были старики, дети, женщины с грудными детьми проследовала от Тульчина до Печоры в оцеплении немецких и румынских солдат с собаками и украинских полицейских. Отстававших от колонны евреев конвой расстреливал. Прибыли они туда 12 декабря 1941 г. Всего в лагерь были помещены 3005 евреев, а в Тульчине остались 118 евреев-специалистов.

В 1942 г. в Тульчине были переведены евреи из Буковины и украинских местечек; в частности, из Ямполья. По приказу жандармерии был создан совет гетто. В марте 1943 г. в гетто насчитывалось около 500 человек.

2 августа 1943 г. префект Пояна Волбура (румынский поэт) передал 200 евреев нацистам. Жертвы были обмануты обещанием, что они отобраны для работы на турбине, построенной евреями в окрестностях Тульчина. В пути они узнали, что их ведут на смерть. «Это не поразило их, — свидетельствует Юлиус Фишер, — в

конце концов, после стольких лет мучений. Они были обречены на смерть. Но они думали о том, как сохранить жизни 52 детей, находившихся среди них. Они подкупили конвоиров — и те освободили детей».

Осенью 1941 г. в район **Тутьчина** (село **Нестерварка**), в еврейский рабочий лагерь были депортированы евреи из **Бессарабии** и **Буковины**, узники которого использовались на торфяных разработках. Несколько сот человек умерли в лагере от голода и болезней.

По свидетельству бывших узников, в конце января 1944 г. немецкая воинская часть окружила гетто с целью его уничтожения, но благодаря вмешательству командира легиона румынских жандармов Фетекау, кровопролития не произошло.

Согласно данным официальной румынской статистики на 1 сентября 1943 г. в **Тутьчине** оставались 7 евреев из Бессарабии и 220 евреев из **Буковины**, в **Нестерварке**, соответственно, 422 и 1168 депортированных.

Тутьчин был освобожден частями Советской Армии 15 марта 1944 г.

См.: Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и Сопротивление. — С. 71—91; Винокурова Ф. А. Холокост на Винничине. — С. 25; Довідник про табори. — С. 48; Живыми остались только мы. — С. 93—94, 246—248, 255—256; 422, 491—496; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 329—331, 404—407; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 92—93, 223—229, 299—304; Enzyklopädie des Holocaust. Bd. III. — S. 1442—1443; Історія міст і сіл УРСР. Вінницька область. — С. 659; Круглов А. Катастрофа. — С. 254—255; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 250, 359—360, 440—449; Последние свидетели. — С. 164—165; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 74—75; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 781—782, 828, 834—836; Yad Vashem Encyclopedia. Vol. II. — P. 851; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 990.

² О **Печоре** см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

ТАРНАРУДСКАЯ (1935 г.)

«ИЗДЕВАЛИСЬ ОНИ СТРАШНО...»

¹ В 1941—1944 гг. в селе **Лучинце** **Копайгородского района Винницкой области** существовало гетто для евреев из **Буковины** и **Бессарабии**. Согласно материалам ЧГК, от голода и болезней в гетто умерли 1698 чел. На 1 сентября 1943 г., по данным Юлиуса Фишера, в гетто еще находилось 1.107 евреев.

См.: Довідник про табори. — С. 36; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 80—89; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 298; Круглов А. Катастрофа. — С. 190—191; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 86—88, 122—125; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 70; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 427.

ТЕПЛИЦКАЯ Рая (1930 г.)

«ИХ ПРЯТАЛИ НЕСКОЛЬКО УКРАИНСКИХ СЕМЕЙ»

¹ В селе **Терновке** **Бершадского района Винницкой области**, которое в 30-е годы было центром еврейского национального поселкового совета, осенью 1941 г. было создано гетто. Как и в других местечках, здесь свирепствовал тиф, унесший многие жизни, а 27 мая 1942 г. зондеркоманда СД расстреляла, согласно материалам ЧГК, 2400 евреев, (по свидетельствам бывшего военнопленного Г. Уманского — 2.500, И. Финкельштейну в результате длительных поисков удалось установить имена 756 человек-евреев жителей **Терновки**). Свидетели-очевидцы рассказали членам ЧГК: «...Рано утром немцы окружили село, выгнали всех женщин и мужчин на площадь, пересчитали всех, построили и погнали к заранее подготовленной могиле. Там собранное население разбили на группы и каждую группу подводили к яме, раздевали... затем из пулеметов расстреливали, в яму падали убитые и раненые, а также живые. Многих жителей фашисты сталкивали в яму живыми и на них падали тела убитых и раненых. Малых детей брали за ноги и ударами об землю раскалывали головы...».

2 марта 1943 г. еврейский жилой район был окончательно ликвидирован.

В общей сложности в **Терновке** погибли не менее 742 местных евреев.

См.: Довідник про табори. — С. 176—177; Живыми остались только мы: — С. 122—126; 405—412; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 500—503; Круглов А. Катастрофа. — С. 311—312; Мы хотели жить... — Кн. 1. 290—292; Уничтожение евреев СССР. — С. 222—226; Финкельштейн И. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941—1944 гг. — С. 75—76; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 977—978; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 821.

² О **Тырловке** **Бершадского района Винницкой области** см. воспоминания Юлии Пензюр-Векслер в «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста». Кн.3 — С. 21—25, а также Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 320.

³ В селе **Джулинка** **Бершадского района Винницкой области** в 1939 г. проживали 212 евреев (4,68% населения), во всем тогдашнем Джулиньском районе — 1.488.

В августе 1941 г., в **Джулинке** были расстреляны все оставшиеся евреи — 156 человек. В Винницком архиве сохранились списки узников еврейского гетто (См. Гавро, ф. Р-1683, оп.1, д. 13; ф. Р-6022, оп. 1, д. 27).

См.: Довідник про табори. — С. 32; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 21; Круглов А. Катастрофа. — С. 98; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 269.

ТИМОШЕНКО Анатолий (1938 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ, ГЕТТО И НЕ ТОЛЬКО...

¹ Согласно переписи 1939 г., в **Полонном** **Хмельницкой области** проживали 4.171 еврей (30,2% населения). В первой половине июля 1941 г. был оккупиро-

ван немецкими войсками и 28 августа 1941 г. полицейский эскадрон расстрелял в **Полонном** 113 евреев. Через несколько дней, 2 сентября, подразделение полицейского полка «Юг», которым командовал полковник полиции Герман Франц, расстреляло свыше 2.000 евреев. 50 евреев-беженцев из **Полонного** были расстреляны в **Любаре Житомирской области** вместе с 1199 местными евреями 13 сентября 1941 г. Остальных поместили в лагерь, который был ликвидирован 25 июня 1942 г. В этот день зондеркоманда СД расстреляла 1.270 евреев.

См.: Живыми остались только мы. — С. 416—418; Круглов А. Катастрофа. — С. 197, 261; Сборник. — С. 283; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 774; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 608—611.

ТКАЧЕНКО Аня (1927 г.)

«БЫЛО СТРАШНОЕ ЖЕЛАНИЕ ВЫЖИТЬ»

¹ Село **Вендичаны Могилев-Подольского района Винницкой области** было оккупировано 19 июля 1941 г. В 1941-1944 гг. в селе находилось гетто, в которое были помещены как местные евреи, так и евреи, депортированные из **Бессарабии** и **Буковины**. В конце мая 1942 г. часть евреев **Вендичан** перевели в лагерь села **Сказинцы**. Значительная часть заключенных умерла от болезней и голода. После расформирования лагеря, уцелевших евреев **Вендичан** вернули в родное село. В январе 1943 г. в гетто имелось 750 человек: «румынских» евреев на 1 сентября 1943 г. насчитывалось 262 человек.

Вендичаны были освобождены советскими войсками 21 (22) марта 1944 г.

См.: Довідник про табори. — С. 38; Жизнь и смерть.. Кн. 3 — С. 317—321; Круглов А. Катастрофа. — С. 63; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 142.

ТКАЧЕНКО Лидия (1931 г.)

«ЖИЗНЬ НАША БЫЛА АДОН...»

¹ О **Киеве** см. примечание к воспоминаниям Игоря Левина.

ТРАКТИРЩИК Лидия (1923 г.)

СУДЬБА, ПРЕДПИСАННАЯ ВОЙНОЙ

¹ О **Могилеве-Подольском** см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

² О **Джурине** см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

ТРАХТЕНБЕРГ Александр (1931 г.)

ПРЕРВАННОЕ ДЕТСТВО

¹ О **Секурянах** примечание к воспоминаниям Михаила Розенберга.

² Город **Хотин Черновицкой области** до 1940 г. входил в состав Румынии.

В 1930 г. в городе проживали 5.788 евреев (37,7% населения). 7 июля 1941 г. Хотин был оккупирован немецкими и румынскими войсками. Уже в первые дни оккупации начались систематические аресты и уничтожение еврейского населения. Румынские власти с помощью местных коллаборационистов собрали для регистрации в помещении женской гимназии евреев города; здесь их продержали несколько дней без воды и пищи. Люди спали на полу. По ночам немецкие и румынские солдаты забирали молодых девушек, которых больше никто не видел. Затем оккупанты отобрали и вывезли на еврейское кладбище всю интеллигенцию города (адвокатов, учителей, раввинов). Здесь было казнено около 2 тысяч человек. В ночь с 7 на 8 июля айнзатцкоманда 106 расстреляла 150 «евреев и коммунистов». Их вывезли за город и казнили в поле за братским кладбищем воинов Первой мировой войны. Ежедневно шли открытые грабежи. Была разрушена синагога. Многих евреев убили в их собственных домах.

1 августа 1941 г. большинство уцелевших евреев и жителей окрестных сел — всего около 4,3 тыс. человек — собрали на городской площади и затем угнали в сторону реки Днестр; 200 (по другим данным, 500) из них убиты по дороге, в Сокирянском лесу. Остальных 3,8 тысяч депортированных евреев разместили в Сокирянах (после отказа немцев разрешить переправу через Днестр). Осенью 1941 г. их угнали в Транснистрию. В сентябре 1941 г. в Хотине оставались 559 евреев. Они жили в так называемом открытом гетто. В октябре 1941 г. 400 евреев выслали в Транснистрию. 20 мая 1942 г. в городе оставалось 126 евреев. В июне 1942 г. почти все они также были депортированы в Транснистрию. Холокост пережили несколько сотен депортированных евреев Хотина. Город был освобожден советскими войсками 3 апреля 1944 г.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 333; Последние свидетели. Вторая книга воспоминаний. — М., 2008. — С. 293—302; Сборник документов и материалов. — С. 30, 40—41, 64—65, 138, 176, 448. 450—451; Уничтожение евреев СССР. — С. 160—163; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. — Bd. 7. — S. 65, 761, 772, 787, 821, 926; Уничтожение евреев СССР. — С. 162; Холокост на территории СССР. Энциклопедия — С. 1037—1038.

³ О **Лучинце** см. примечание к воспоминаниям Тарнарудской.

УРАЗМЕТОВА Алла Исааковна (1938 г.)

«СТРАДАНИЯ И УЖАСЫ ОККУПАЦИИ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА»

¹ О **Николаеве** см. примечание к воспоминаниям Людмилы Редьковой (Друз).

УЧИТЕЛЬ (ШТАРКМАН) Раиса (1938 г.)

«ОНИ БЫЛИ ЕВРЕЯМИ...»

¹ О **Могилеве-Подольском** см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

² О Печоре см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

ФАБИЯН Исаак (1931 г.)

«ФАШИСТЫ РЕШИЛИ ПОКОНЧИТЬ С ОСТАВШИМИСЯ ЕВРЕЯМИ»

¹ Об Умани см. примечание к воспоминаниям Романа Левита.

ФАЙГЕНБЛИТ Бетя (1919 г.)

ТРАГЕДИЯ МЕСТЕЧКА ШАРОВКА

¹ Село Шаровка Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области было оккупировано в середине июля 1941 г. Оставшиеся в оккупации несколько сотен евреев продолжали работать в колхозе. На рассвете 4 ноября 1942 г. Шаровку окружили полиция. Евреям приказали построиться в колонну и не брать с собой никаких вещей и ценностей. Больных посадили на подводы. Многие мужчины одели талесы. По дороге в Ярмолинцы колонну остановили и построили у отвесной стены глиняного карьера, где их расстреляли. Уцелело несколько евреев, ушедших в окрестные села накануне казни, либо бежавших в Транснистрию.

Шаровка была освобождена 28 марта 1944 г.

См.: Довідник про табори. — С. 86; Круглов А. Катастрофа. — С. 346; 100 еврейских местечек. Вып. 1. — С. 220—221; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1086; The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 701.

² В 30-е гг. Ярмолинцы Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области были центром еврейского национального сельсовета (1.733 жителя в 1931 г.). В 1939 г. в Ярмолинцах проживали 1264 еврея (60 % населения).

8 июля Ярмолинцы были оккупированы немецкими войсками.

Ссылаясь на материалы фондов Государственного Архива Хмельницкой области, составители «Довідника про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941—1944)» сообщают, что осенью 1941 г. в Ярмолинцы пригнали 12 тысяч жителей города Городок Хмельницкой области, в октябре 1942 г. было создано гетто (по другим данным — в июне), в котором в нечеловеческих условиях содержалось 14 тысяч евреев Ярмолинецкого, Михайловского и Городокского районов.

В 1942 г. часть трудоспособных евреев была угнана в рабочий лагерь в Лезнево, а остальные — около 900 человек (?) — расстреляны в сентябре 1942 г. Ярмолинцы, которые в период оккупации были центром «гебита», стали местом массового расстрела евреев Каменец-Подольской области. Здесь (согласно материалам ГЧК, на которые ссылается И. Финкельштейн), в конце октября — начале ноября 1942 г. были уничтожены свыше 14 тысяч евреев из Ярмолинцев, Городка, Кузьмина, Купина, Михайловки, Сатанова, Шаровки и др.

27 марта 1944 г. Ярмолинцы были освобождены советскими войсками.

См.: Довідник про табори. — С. 84, 88; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 274—278; Круглов А. Катастрофа. — С. 358; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 147; Сборник документов. — С. 394, 398, 400—401; 100 еврейских местечек. Вып. 1. — С. 108—109; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941—1944 гг. — С. 63, 78; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1136; Черная книга. — С. 45; The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 701.

ФАЙНГОЛЬД М. М.

«ПРОСТЫЕ УКРАИНСКИЕ ЛЮДИ ПРИХОДИЛИ НАМ НА ПОМОЩЬ»

¹ Об Умани см. примечание к воспоминаниям Романа Левита.

² В селе Михайловке Гайсинского района Винницкой области 3 ноября 1941 г. были расстреляны первые 30 евреев. С мая 1942 г. в Михайловке существовал еврейский рабочий лагерь, в котором находились евреи немецкой зоны оккупации, а когда к июлю 1942 г. евреи в этой зоне в основном были уничтожены, немцы по договоренности с румынскими оккупационными властями привлекали евреев из румынской зоны. Они использовались на строительстве и ремонте дороги. В октябре 1942 г. в лагере были расстреляны 110 заключенных. В августе 1943 г. около 100 заключенных освободили партизаны.

В декабре 1943 г. были расстреляны последние 350 заключенных, после чего лагерь был ликвидирован.

См.: Винокурова Ф. А. Холокост на Винничине. — С. 25; Daghani Arnold. The grave is in the cherry orchard. — London, 1961; Довідник про табори. — С. 48; Живыми остались только мы. — С. 422, 491—496; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 342—348; Історія міст і сіл УРСР. Вінницька область. — С. 659; Круглов А. Катастрофа. — С. 211—212; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 116—117; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 605.

³ В селе Краснополка Гайсинского района Винницкой области (ныне Монастырищенского) района Черкасской области) в 1942—1943 гг. располагался еврейский лагерь, куда привозили узников из Печоры, Умани, Теллика, Христовки и других. Он находился в длинной конюшне. Узники спали на голой земле, подстелив солому. Лагерь был окружен проволокой. На входе висели 2 таблички: «Каждому за свой труд» и «Кто посмеет отсюда бежать, будет разорван на части». На неделю выдавали буханку хлеба из жмыха. Днем выдавали лишь похлебку из чечевичцы. Узники расчищали грунтовую дорогу для строительства шоссе. Тех, кто не мог работать, расстреливали. Беглецов ловили с собаками, привязывали к двум машинам и раздирали надвое на глазах у остальных. В конце 1942 г. половина узников была расстреляна, а остальных перевели в лагерь в Михайловку.

См.: Жизнь и смерть. Кн. 3. — С. 100—103; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 475—476.

³ О Гайсине см. примечание к воспоминаниям Александра Любарского.

ФАЙНЗИЛЬБЕРГ Любовь (1925г.)
«ИЗБЕЖАТЬ ГИБЕЛИ БЫЛО
ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО...»

¹ Об *Умани* см. примечание к воспоминаниям Романа Левита.

ФАРБЕР Михаил (1940 г.)
ОНИ СПАСЛИ МОЮ ЖИЗНЬ

¹ О *Виннице* см. примечание к воспоминаниям Ривы Молочковецкой.

ФРИДМАН Семен (1929 г.)
РАССТРЕЛЫ В НАРОДИЧАХ

¹ В селе *Народичи Житомирской области* в 1939 г. проживали 1233 еврея (18,3% населения).

Село было оккупировано немецкими войсками 22 августа 1941 г. В сентябре 1941 г. подразделение зондеркоманды 4а стали сгонять евреев в клуб, а оттуда на автомашинах вывезли к заранее вырытым ямам и расстреляли их из пулеметов. Во время этой акции были расстреляны 350 человек. По другим данным, «как партизаны» были расстреляны 208, рядом в сарае еще 60 евреев. Некоторые источники указывают, что расстрел этих 268 евреев проводился 26 августа 1941 г. В ноябре того же года на еврейском кладбище были расстреляны еще 370 евреев.

Народичи были освобождены советскими войсками 14 ноября 1943 г.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 219; Сборник документов. — С. 71–72; Холокост на территории СССР. Энциклопедия — С. 637.

² В 1939 г. в городе *Житомире* проживали 29.503 еврея (31,03% населения), в *Житомирском районе* — 512. После начала войны большинство евреев пытались эвакуироваться или бежать из города. Оккупирован 9 июля 1941 г. Из-за стремительного наступления немецких войск многие оказались в оккупации в других населенных пунктах. Уничтожение евреев началось сразу же после оккупации города. Уже 8 июля 1941 г. в *Житомир* прибыл штаб зондеркоманды 4а. В июле или в августе зондеркоманда штаба оперативной группы «С» расстреляла около 100 евреев. Жертвы были привезены к находившейся за *Житомиром* яме, размеры которой составляли примерно 10 x 10 м. Евреев группами подводили к яме, ставили лицом к ней и расстреливали с близкого расстояния. До конца июля в *Житомире* были расстреляны около 400 евреев. Некоторые из них были казнены на еврейском кладбище. Кроме команды 4а к уничтожению евреев в конце июля при поддержке вермахта подключилась и 3-я рота 45 полицейского батальона. В августе зондеркоманда 4а провела еще три акции уничтожения евреев как наказание за поджоги домов, совершенные якобы евреями, либо умышленное нарушение светомаскировки во время воздушных налетов и «связь с партизанами». Расстрелы евреев происходили публично; они собирали немало «зрителей».

По улицам города развезжала машина с громкоговорителем и на русском, украинском и немецком языках сообщала о месте и времени казни. 3 августа были расстреляны 400 евреев. 7 августа — еще 402 еврея, а двух повесили. 17 августа расстреляли 266 евреев. В середине августа 1941 г. в *Житомире* было создано открытое гетто. 5 сентября 1941 г. в городе прошла перепись населения. Из 40.131 жителя было зарегистрировано 4079 евреев (10,2% населения). После переписи их загнали в гетто, которое находилось на улицах Чудиовского, Острожской и Кафедральной, в районе реки Каменка. Узникам разрешили взять с собой минимум вещей и продуктов питания, при этом людей безжалостно избивали. Гетто было огорожено колючей проволокой и охранялось немцами и полицаями. Покидать его территорию запрещалось. Всем евреям было приказано носить нарукавные повязки со звездой Давида. Здесь их поселили в старых пустых домах. В этой части города отсутствовали элементарные условия для проживания значительного числа людей. Гетто было полностью изолировано, что практически исключало поступление продуктов питания. Еду добывали с риском для жизни: подкупали охранников, тайно выбиралась за пределы гетто, устанавливали связи с городом. Но все это не спасало узников от голода. Голодная смерть стала типичным явлением. Вскоре из-за антисанитарии началась эпидемия. Узников ежедневно выводили на самые грязные и тяжелые работы. В гетто распространился слух, будто евреев в целях спасения от погрома будут отправлять поездом в *Одессу*, а оттуда — в *Палестину*. С начала осени каждую ночь к гетто стали подвезжать закрытые автомашины, куда загоняли узников. Машины с евреями направлялись по Новоград-Вольнскому шоссе к хутору *Довжик*, находившемуся от *Житомира* в 9 км, где узников расстреливали. 17 сентября в *Житомире* были ликвидированы 266 евреев под предлогом саботажа распоряжения о затемнении окон во время воздушных налетов, а также из-за стрельбы по украинским полицаям.

18 сентября 1941 г. в фельдкомендатуре состоялось совещание, на котором было решено окончательно ликвидировать гетто, где, по немецким данным, находилось 5 тысяч узников. Па следующий день та же зондеркоманда 4а расстреляла при содействии местной полиции 3145 евреев. Накануне вечером гетто было оцеплено 60 местными полицейскими. В 4 часа утра началась акция. Для транспортировки евреев было выделено 12 грузовиков. Место расстрела находилось в урочище Богунь. Людей, способных двигаться, немцы строили в колонны и повели за город, а немощных, больных, старых бросали в машины и увозили. Дорога от гетто до места расстрела усиленно охранялась немцами и местными полицейскими. За малейшее сопротивление расстреливали на месте. Казнь продолжалась до позднего вечера. Когда стемнело, место расстрела освещали фарами автомашин. По данным ЧГК, в сентябре было расстреляно 4 тысячи евреев. Но гетто еще продолжало существовать; евреи привлекались к работам по расчистке завалов. В октябре 1941 подразделение оперативной команды 5 расстреляло еще 1,5 тыс. евреев (по данным ЧГК, 2 тыс.), полностью ликвидировав гетто.

Эта акция произошла, вероятно, в районе хутора Выдумка. По другим данным, в Житомире в октябре было уничтожено 1,6 тысяч евреев.

Из 65 евреев, находившихся к началу оккупации в Доме инвалидов, 39 умерли от голода, а 26 были расстреляны. В конце июля были казнены 46 детей в возрасте от 4 до 6 лет из детского дома. В Житомире в районе Богуня был концлагерь для военнопленных. Здесь в 1941 г. также выявляли и расстреливали евреев. Для нужд немецкой армии в Житомире был создан рабочий лагерь, куда привезли евреев из Винницы. Он был ликвидирован 19 (по другим данным, 25) августа 1942 г., когда расстреляли 237 (по другим данным, 500) евреев. Расстрелом командовал Отто Гросс. Всего в Житомире и районе было уничтожено во время оккупации от 7 до 9,5 тыс. евреев. Многие евреи были захоронены в районе Богуня (в лесу на 8 км слева от шоссе Житомир—Новоград-Волынский) и на хуторе Выдумка. Воспитательнице детского дома Валентине Щенивской удалось спрятать несколько еврейских девочек. 12 ноября 1943 г. нацисты были изгнаны Красной Армией.

Но 18 ноября оккупантам вновь удалось захватить город и продержаться в нем до 31 декабря 1943 г., когда Житомир был окончательно освобожден.

См.: Довідник про табори. — С. 76, 214, 216; Лауер Венді. Творення нацистської імперії та Голокост в Україні. — К., 2010. — 367 с.; Круглов А. Катастрофа. — С. 113—114; Сборник документов. — С. 37—40, 45—48, 53, 75, 81, 95, 97—99, 136, 171—172; Уничтожение евреев СССР. — С. 84—85, 89—90, 102—103, 147—148, 302; Die Verfolgung. — Bd. 7. 36, 41, 94, 99, 127, 225, 265, 267—270, 396, 312, 441, 465, 486; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 312—313; Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 980—982; The United States Holocaust. Vol. II. — P. 1576.

ФРОЛОВА (СИПСЕР) Саля 1932 г.)

«РОДНЫХ СВОИХ Я БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА»

¹ **Большовцы** **Ивано-Франковской области** до 1939 г. входили в составе **Польши**. В 1939 в **Большовцах** проживали 1450 евреев (37,2% населения).

Большовцы были оккупированы вермахтом 3 июля 1941 г. В тот же день началась облава, в результате которой было схвачено 450 евреев. К месту расстрела, которое находилось в 5 км от **Большовец** в районе соседнего села **Бовшев**, задержанных заставили идти на колени. Отстающих били, стариков, которые не могли идти, расстреливали по дороге. Акции по уничтожению еврейского населения происходили под рук. коменданта Миллера и его заместителя Райхенфатера. **Большовцы** вошли в **Галицкий уезд** **Станиславского округа** генерал-губернаторства. Позже было создано гетто. Оккупанты конфисковали у евреев все продукты питания, среди узников начался голод. 21 сентября 1942 г. в лагерь смерти **Белжец** были депортированы 200 **большовецких** евреев. 25 октября 1942 г. были схвачены еще 1150 евреев и 26 октября 1942 г. со станции **Галич** также вывезены в **Белжец**.

Оставшимся евреям (около 400 человек) через два дня было объявлено, чтобы они в течение трех дней переселились в **Рогатин**. Часть из них там и погибла, а большинство вывезено немцами 8 декабря 1942 г. в лагерь **Белжец**. Общее число погибших евреев по **Большовцовскому району**, по данным **ЧГК**, составляет 1831 чел. **Большовцы** были освобождены советскими войсками 25 июля 1944 г.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 41; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 97.

ФУКС Лев (1930 г.)

«ИЗ НАШЕЙ СЕМЬИ ОСТАЛСЯ Я ОДИН...»

¹ О **Жабокриче** см. примечание к воспоминаниям Юрия Рашкована.

ФУКСМАН Карол (1930 г.)

«НАС НАЧАЛИ ВЫВОЗИТЬ ЭШЕЛОНАМИ ЗА ДНЕСТР»

¹ В середине 1941 г. в **Черновцах** проживали около 52.000 евреев (по другим данным — 46 тысяч — около половины жителей города).

После захвата города 5 (6) июля 1941 г. в **Черновцах** власть осуществляли румынские и немецкие комендатуры. 6 июля прибыла айнзацкоманда 106 из группы «Д» и на следующий день начались преследования евреев и погромы. Оперативная команда сожгла синагогу. По свидетельству очевидца П. Динера, 6 июля во время облавы на представителей еврейской интеллигенции было арестовано более тысячи человек. Под вечер всех их вывели за город и расстреляли на берегу Прута. Среди убитых были руководители местной религиозной общины, раввин Абрагам Малк и др., писатели Гайнрих Шафер, Мозес Розенкранц и др. (См. Динер П. Режим кровавого террора. // «Люди остаются людьми. Вып. 1. — С. 6—12. В «Отчете зондеркоманды 106» от 9 июля 1941 г. отмечалось, что 8 июля «была проведена «гросс-акция», в ходе которой был схвачен... весь руководящий еврейский слой». На следующий день зондеркоманда 106 расстреляла 100 евреев. До 1 августа айнзацкоманда 106 во взаимодействии с румынской полицией расстреляла еще 682 еврея. В «Донесении о событиях в СССР» №67 от 29 августа 1941 г. отмечалось, что оперативной группой Д «в Черновцах и при прочесывании восточнее Днестра ликвидированы 3.106 евреев...».

Румынские власти осуществляли в городе антиеврейские мероприятия: ввели обязательное ношение отличительного знака и надписи «еврей» на домах проживания евреев, запрет появляться на улицах до или после установленного времени (с восьми вечера до 11 утра). Евреев принудительно использовали на тяжелых работах, содержали впроголодь. Из еврейского населения были взяты заложники. Все вклады евреев перешли под контроль Национального румынского банка.

4 октября 1941 штаб главнокомандующего румынской армией передал комендатуре **Черновцов** приказ военного диктатора Румынии И. Антонеску о депортации в течение 10 дней всех евреев **Буковины** в «область восточнее Днестра».

На основании этого приказа губернатор Буковины генерал Калотеску 10 октября распорядился о создании гетто в Черновцах (оно просуществовало 2 месяца) и депортации евреев. В гетто, состоявшее из нескольких улиц, заключили 45 тыс. евреев. Поселяли евреев по 5–8 семей (30–40 человек) в пустые квартиры, которые были разграблены. Во многих не было полов, окон и дверей. По воспоминаниям люди валялись на земле, в подъездах, коридорах без еды, воды и элементарных человеческих условий жизни.

11–13 октября, в праздник Суккот, из Черновцов был отправлен первый транспорт, в котором было выслано 7.053 (три состава по 50 вагонов) евреев, среди них большая группа сагагорских хасидов во главе с цадиком рабби Ахароном бен Менахемом Нахумом из Черновиц, которая прошла по городу, неся свитки Торы. Второй транспорт был отправлен 17 октября. Высылки продолжались до 15 ноября. В октябре-ноябре, сообщал примар (мэр) города Траян Попович, из Черновцов были высланы 28.391 еврей. По другим данным, в 14 поездах силами 1-го жандармского батальона в Транснистрию было вывезено 33.891 человека. По просьбе Траяна Поповича, которому в 1997 г. было присвоено звание «Праведник народов мира», была приостановлена депортация евреев, чтобы предприятия города не остались без рабочих рук. На 20 мая 1942 г. в Черновцах еще находились 19 521 еврей, в основном семьи рабочих, ремесленников и инженеров, в труде которых власти были заинтересованы. После временного прекращения депортации евреям разрешили вернуться в их разграбленные дома.

Новая волна депортации началась 4 июня 1942 г.: 2 тысячи евреев были отправлены в Транснистрию через Атаки. Некоторые евреи были переданы СС на восточную сторону Буга, где большинство из них погибли. В следующее воскресенье, 14 июня, выслали другую группу евреев (около 200 евреев). Среди них были обитатели домов престарелых, психически больные, пациенты в ночных рубашках, доставленные из больниц на носилках. Третий транспорт оставил Черновцы 28 июня 1942 г. Положение высланных евреев в лагерях и гетто Транснистрии было очень тяжелым, смертность среди них составляла около 70% (детская смертность превышала 90%). Из этих 5.000 депортированных из Черновцов евреев, 4.500 погибли до ноября 1943 г.

Гетто было ликвидировано. Оставшиеся в городе (16 тысяч евреев) жили в страшной нужде и страхе. Им выдали документы, разрешающие им проживать в городе до особого распоряжения. Режим, установленный румынскими властями, мало чем отличался от гитлеровского «нового порядка» и привел к гибели многих ни в чем не повинных людей.

Черновцы были освобождены Советской Армией 30 марта 1944 г. Возвратились в город после освобождения всего 6 тысяч евреев.

См.: Довідник про табори. — С. 186; Живыми остались только мы. — С. 265–267; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 204–206, 506–514; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 158–161, 256–258, 465–466; Жизнь и смерть... Кн.

3. — С. 122–123, 343–347; Enzyklopädie des Holocaust. Bd. II. — S. 297–298; Колись Чернівці були гебрійським містом... Свідчення очевидців. — Чернівці, 1998; Круглов А. Катастрофа. — С. 341; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 174–175, 344, Сборник документов. — С. 30, 40, 65, 174, 451; Суворцев Олег. «Создание и функционирование гетто в Черновцах в октябре–ноябре 1941 г.» Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі». — № 2 (8), 2011. — С. 189–196; Сушон Л. Транснистрия. — С. 58, 202–203, 310; Die Verfolgung. — Bd. 7. — S. 63, 65, 68, 80, 754–757, 760–761, 771–779, 787, 804–806, 808, 820–826; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 27, 36; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. Черная книга. — С. 70–79; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 131–136.

²О Шаргороде см. примечание к воспоминаниям Давида Райбмана.

⁴В селе Троповое Могилев-Подольского района Винницкой области во время оккупации 1941–1944 гг. находилось гетто, в которое румынские власти поместили кроме местных евреев, евреев депортированных из Бессарабии и Буковины. В январе 1943 г. в гетто имелось 650 человек, в том числе 150 местных евреев; «румынских» евреев на 01.09.1943 г. насчитывалось 221.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 317; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 987.

⁴В городе Вапнярке Винницкой области, в 1939 г. проживали 711 евреев (19,7% населения)

Вапнярку немецкие войска заняли 22 июля 1941 г. Большинство местных евреев до этой даты сумели эвакуироваться. С 1 сентября 1941г. Вапнярка в составе Транснистрии. В конце 1941 г. еще остававшиеся в городе 30 евреев были угнаны в лагерь в село Печора. В октябре 1941 г. в казармах был создан лагерь, в него были помещены украинские уголовные преступники и около 100 баптистов. 8 марта 1942 г. в лагерь из одесской тюрьмы были вывезены 1.207 евреев. К июню 1942 около 200 евреев умерли в лагере от тифа, а остальные были вывезены в район Очакова и расстреляны. В сентябре 1942 г. лагерь в Вапнярке был объявлен «политическим»; сюда были помещены 1046 евреев-коммунистов из Румынии. Комендант лагеря подполковник Муржеску объявил им, что они прибыли в «лагерь смерти, который они покинут на четвереньках или на носилках». Лагерь состоял из трех двухэтажных барачков и был окружен тремя рядами колючей проволоки. Из-за питания кормовой чечевичей 611 заключенных вскоре серьезно заболели, около 100 были частично парализованы. Тогда совет лагеря провел трехнедельную голодовку и добился изменения рациона и доставки лекарств из Бухареста. В мае 1943 г. 427 человек были освобождены из лагеря, но оставлены в Транспистрии: 100 в Ольгополе, 127 в Саврани и 200 в Трихатах. 74 заключенных были переведены в тюрьму в Рыбницу на Днестре (Республика Молдова), где были расстреляны. В декабре 1943 г. и январе 1944 г. 355 заключенных лагеря были репатрированы в Румынию. Еще 563 заключенных в марте

1944 г. под конвоем были доставлены в лагерь **Тыргу-Жиу** в Валахии (Румыния), из которого они были освобождены только в августе 1944 г.

Вапнярка была освобождена 16 марта 1944 г.

См.: Довідник про табори. — С. 46; Круглов А. Катастрофа. — С. 54; Сборник документов. — С. 439; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 503; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 130.

⁴ О **Могилеве-Подольском** см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

ХВОЩАН (ГРИГОРЬЕВА) Жанна (1934 г.)

ПЛАТОК-ТАЛИСМАН

¹ О **Николаеве** см. примечание к воспоминаниям Людмилы Редьковой (Дриз).

² Николаевская область — адм.-терр. образце УССР (ныне Республика Украина). В 1939 г. в Н.о. (включавшую Вознесенский р-н ныне Одесской обл. и 13 р-нов совр. Херсонской обл.) проживали 60.402 еврея (5,5% населения), в т. ч. в городах 44.269 человек (13,19 % населения). На терр. области в ее соврем. границах накануне ВОВ проживали св. 38 тыс. евреев. Н.о. была оккупирована 1—27.8.1941. Находилась в военной зоне оккупации, затем вошла в гебит Николаев рейхскомиссариата Украина и находившуюся под румынскими контролем Транснистрию. Уничтожение евреев подразделения айнзатцгруппы D с участием и полиции, и отрядов фольксдойче. Терр. Н.о. (Вознесенский и Веселиновский р-ны) стали для депортации и массовых казней евреев Одессы (соответственно, св. 6 тыс. и 1,8 тыс. погибших) На терр. области в 1941—43 гг. были убиты св. 23 тыс. евреев (15 тыс. местных и ок. 8 тыс. из Одессы). В селах Варваровка, Колосовка, Сливино, Трихаты на зап. берегу Буга, а также под Николаевом имелись рабочие лагеря для 4000 евреев, привезенных из Транснистрии. Многие из них погибли в ходе строительных работ и сооружения мостов. Памятники жертвам Холокоста установлены в Николаеве и нескольких населенных пунктах обл. (с. Доброе (1959), Куйбышевка и Червона Зирка (1960), Плющевка (1961), Романовка (1962), Ново-Полтавка (1962)). В последние годы (с указанием на национальность жертв) — в г. Первомайске и с. Воскресенск.

См.: Гриневиц Е. Увековечение памяти жертв Холокоста па Николаевщине // Холокост в Одесском регионе. Одесса, 2007.

ХЕЛЬМЕР Яков (1935 г.)

КАК ЭТО БЫЛО

¹ О **Брадлаве** см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

² О **Печоре** см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

³ О **Джурине** см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

ХЕЛЬМЕР Яков (1935 г.)

СПИСОК АРЕМА

¹ О **Джурине** см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

² О **Немирове** см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

³ О **Печоре** см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

ХОДА Циля (1918 г.)

19 АВГУСТА 1942 Г. ЕВРЕЕВ БАРА ПОВЕЛИ НА РАССТРЕЛ

¹ В городе **Баре Винницкой области** в 1939 г. проживали 3869 евреев (41,18% населения). Оккупирован немецкими войсками 19 июля 1941 г. 15 декабря 1941 г. районная управа предписала всем евреям района до 20 декабря переселиться в **Бар или Ялтушков**, где с 20 декабря создавались гетто. В **Баре** было создано три гетто, одно из которых предназначалось исключительно для ремесленников. В 1942 г. гетто были ликвидированы. 19 августа 1941 г. команда СД из **Каменец-Подольского** при содействии немецкой жандармерии и украинской полиции расстреляла 1742 еврея и 15 октября — около 3 тысяч человек. (Семен Додик свидетельствует, что во время первой акции были убиты свыше 3 тысяч евреев, во время второй — свыше 2 тысяч). По данным Ф. Винокуровой, в **Баре** 19 августа и 15 октября были убиты более 5 тысяч евреев. Кроме того, в **Баре** были повешены 3 еврея, и еще 51 умер от истязаний и пыток.

Бар был освобожден советскими войсками 21 марта 1944 г.

См.: Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и Соппротивление. — С. 29—33, 43—54; Винокурова Ф. А. Холокост на Винничине. — С. 22; Додик С. Снова о Транснистрии // Научно-информационный бюллетень «Холокост». — Москва, № 1 (25), 2004. — С. 6; Живыми остались только мы. — С. 62—72; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 148—155, 446—447; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 13—44, 446—447; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 295—299, 530—531; Круглов А. Катастрофа. — С. 25; КЕЭ. — Т. 1. — С. 287; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 86—88; Последние свидетели. — С. 150—162; Сборник документов. — С. 397—398, 399; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 71; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 45—47; The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 17—18; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1326—1327.

² Поселок **Мацеве Вольнской области** до 1939 г. входил в состав **Польши**. В середине 1941 г. в **Мацеве** проживали свыше 2,6 тыс. евреев. **Мацеве** был оккупирован частями 6-й полевой армии 27 июня 1941 г. В июле—августе 1941 г. поселком управляла военная комендатура, а с сентября 1941 г. — немецкая гражданская администрация. Вошел в состав гебита **Ковель** генерального округа **Вольнь-Подолья** рейхскомиссариата **Украина**.

В **Мацеве** были сформированы украинская районная управа, украинская полиция, которая подчинялась посту немецкой жандармерии, состоявшему из нескольких немецких жандармов. В 1942 г. в поселке также размещался 103-й

шутцманшафтбатальон, состоявший из местных жителей. Летом и осенью 1941 г. евреям было предписано носить опознавательные знаки в виде звезды Давида (позднее в виде желтого круга), они направлялись на тяжелые работы без оплаты, им было запрещено покидать пределы города, они подвергались систематическим грабёжам и избиениям со стороны украинской полиции.

Летом 1941 в **Мацеёве** были проведены первые акции. Их осуществлял оперативный отряд СД из **Ковеля** с участием 1-го и 4-го взводов 1-й роты 314-го полицейского батальона. Эти два взвода находились в **Мацеёве** с середины июля до начала сентября 1941 г. В ходе первой акции в парке близ имения, в котором размещались эти два взвода, члены оперативного отряда СД и полицейские расстреляли 100–200 евреев (мужчины, женщины и дети). В ходе второй акции в лесу близ **Мацеёва** были расстреляны еще минимум 100 евреев (только мужчины).

В конце 1941 г. в **Мацеёве** было создано гетто, в которое также были переселены евреи из окрестных сел. В конце мая или начале июня 1942 г. 1-й мотовзвод жандармерии из **Луцка** совместно с 103-м шутцманшафтбатальоном провел в поселке акцию против «бандитов», в ходе которой были убиты 4 «бандита», 3–4 ранены и 1 задержан. Вероятно, одновременно за «поддержку бандитов» были расстреляны 200 молодых евреев. В сентябре 1942 г. гетто было ликвидировано. Тогда команда СД из **Луцка** с помощью немецкой жандармерии и украинской полиции расстреляла в меловом карьере на окраине поселка всех евреев. Число жертв, по всей видимости, составило около 2,5 тысяч человек.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 190; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 572.

ЦИБУЛЬСЬКА Марія (1938 р.)

«КОЛИ ЄВРЕЇВ ВЕЛИ НА РОЗСТРІЛ, МАМА З НАМИ, ТРЬОМА ДІТЬМИ, ВТЕКЛА...»

¹О **Летичеве** см. примечание к воспоминаниям Леонида Подлесного.

ЦИКОВИЧ Виль (1932 г.)

«ЭТО БЫЛО 18 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА...»

¹Об **Ялте** см. примечание к воспоминаниям Инны Савицкой.

ЧЕРВИНСКИЙ Давид

АКМЕЧЕТКА

¹Об **Акмечетке** см. примечание к воспоминаниям Сергея Сушона.

²О **Доманевке** см. примечание к воспоминаниям Юрия Ойбермана.

ШАБШИС Фаня (1904 г.)

«ПРИШЕЛ НАШ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС...»

¹В 1939 г. в селе **Плисков Винницкой области** проживали 793 еврея (24,37% населения), во всем тогдашнем Плисковском районе — 1.424 еврея.

Оккупировано немецкими войсками 22 июля 1941 г. Входило в гебит **Ильинцы** генерального округа **Житомир**. Было создан юденрат во главе с Юдлем Кушнирским Юденрату было приказано составить списки евреев, отметив в нем советских активистов. Приказ № 1 военных властей гласил о сдаче евреями ценностей. В августе 1941 г. в **Плискове** были схвачены и расстреляны в **Погребнице** 19 коммунистов и активистов; в сентябре 1941 г. в лесу, в 2 км от Плискова — еще 23 активиста. 22 октября 1941 г. отряд оперативной команды 5 расстрелял в одной яме у леса, в 2 км от **Плискова** 513 евреев. Еще 120 евреев-специалистов были расстреляны в пяти ямах у бывшего здания райотдела НКВД. Имеются также сведения о расстреле в **Плискове** 24 октября 1942 г. 365 евреев. Несколько человек сумели бежать с места казни.

Плисков был освобожден 3 (4) января 1944 г.

См.: Довідник про табори. — С. 44; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 455; Круглов А. Катастрофа. — С. 256; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 811; The Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 612–613; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1326–1327.

ШАМРАКОВ Семен (1929 г.)

КАК Я УБЕГАЛ ОТ СМЕРТИ...

¹В **Первомайске Одесской области** в 1939 г. проживали 6.087 евреев (18,46% населения).

Первомайск был оккупирован немецкими войсками 2 августа 1941 г. В августе—ноябре городом управляла военная комендатура, с декабря — немецкая гражданская администрация. Левобережная часть города (**Ольвинополь** и **Богополь**) стал административным центром гебита **Первомайск** генерального округа **Николаев** рейскомиссариата **Украина**. Правобережная часть города (**Голта**) с 28 октября 1941 г. находилась под румынским управлением и была административным центром уезда **Голта Транснистрии**.

Остались в оккупации, согласно немецким подсчетам, 2000 евреев. Уже в первые дни оккупации румынские солдаты убили сотни евреев. Уцелевшие евреи помещены в августе в особую часть города. Они привлекались к принудительным работам. Военными властями был создан юденрат

13 ноября 1941 г. под предлогом борьбы с тифом команда СД с участием местной полиции провела расстрел узников. Уцелели около 30 семей специалистов. Многие были уничтожены в январе 1942 г. (еще 72 узника — в 1943 г.). Тогда же казнили евреев из **Кировоградской области** (120 человек из **Иосифовки**).

Зимой в **Первомайск** депортировали около 500 евреев **Бессарабии**, **Буковины** и **Винницкой области**. Они размещались в двух гетто и одном лагере. В гетто №1 на 20 февраля 1942 г. находилось 125 человек. В гетто № 2 — 67 евреев.

Еще 4 узника сбежали, а два умерли. В 1943 г. в документах фигурирует гетто № 3 из 303 узников. 280 из них были депортированы из Румынии, в том числе из Бухареста 251, а остальные — евреи из Бессарабии.

Во время строительства моста, соединявшего Южную Транснистрию и немецкую зону оккупации, большинство узников были переведены в лагеря между Трихатами и Очаковым. На 20 января 1944 г. в Голте осталось единственное гетто. В связи с вступлением в город немецких частей евреев перевели в охраняемый румынами рабочий лагерь. Большинство узников уцелели, некоторые умерли от голода и болезней.

Согласно материалам ЧГК, в Первомайске были расстреляны в ноябре 120 евреев, в декабре — 3,6 тысяч евреев и в феврале—марте 1942 г. 1,6 тысяч евреев. Цифры эти явно завышены (по мнению авторов «Холокост на территории СССР. Энциклопедия» стр. 734).

Первомайск был освобожден 22 марта 1944 г. советскими войсками.

См.: Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 355—357; Круглов А. Катастрофа. — С. 250; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 226—231; Сборник документов. — С. 68, 69—70, 428—429; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 733—734; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 580—581.

²Об Акмечетке см. примечание к воспоминаниям Сергея Сушона.

³О Богдановке см. примечание к воспоминаниям Семена Пекаря.

ШАНИС Шай (1938 г.)

«В НАШЕМ СЕЛЕ СОЗДАЛИ КОМИТЕТ
ПО СПАСЕНИЮ ЕВРЕЕВ»

¹Село Яруга Могилев-Подольского района Винницкой области в 30-е годы было центром еврейского сельсовета. В июле 1941 г., через неделю после вступления немецких войск в Яругу, всех евреев в течение одного дня переселили на окраинную улочку Маарлах. В каждом доме оказалось несколько семей. Было создано гетто, выходить за ограду которого запрещалось. Евреям предписывалось носить на груди и на спине желтый круг. Евреи по-прежнему работали в колхозе. Полиция конфисковала у евреев все ценности.

В начале августа 1941 г., когда немецкая полиция безопасности перегоняла депортированных румынами бессарабских евреев из Могилева-Подольского в Ямполь, у Яруги были расстреляны около 500 человек. Осенью 1941 г. румыны вселили в Яругу много евреев из Буковины. 30 мая 1942 г. немецкие солдаты и украинские полицейские окружили гетто, заставили евреев выйти из домов и погнали их к месту расстрела. Оставшиеся в живых были переселены в лагерь в Сказинцы. В сентябре 1942 г. часть евреев вернули и всех поселили на одной улице. В годы оккупации погибло более ста местных евреев.

В Яруге с первых дней немецко-румынской оккупации действовал подпольный комитет спасения евреев во главе с Федором Петровичем Крижевским (1903—1970 гг.), который до войны был председателем колхоза. В деятельности комитета принимали также участие староста села Иван Коровянок, Николай Мрачковский, Николай Тарановский и др. Здесь, как свидетельствуют выжившие евреи и свидетели, еврейские семьи были прикреплены к украинским, в каждой крестьянской избе были укрытия, в которых евреи спасались во время облав, «все спасали всех». Им оказывалась продовольственная, медицинская и иная помощь. Согласно официальным данным в январе 1943 г. в Яруге проживало 369 местных и 416 румынских евреев

Яруга была освобождена 20 марта 1944 г.

См.: Довідник про табори. — С. 40; Жизнь и смерть... Кн.1. — С. 427—436; Круглов А. Катастрофа. — С. 358; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 493—495; Хандрос Б. Местечко, которого нет. Часть 1. — С. 200—204; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 1136.

²Село Сторжинец Черновицкой области до 1940 г. находилось в составе Румынии. В 1930 г. проживали 2482 еврея (около 75% населения).

После оккупации румынскими войсками 4 июля 1941 Сторжинец евреи подверглись жестокой репрессиям и погромам. Было конфисковано все еврейское имущество. Уже в первые два дня было убито 200—250 евреев (по другим данным, 400), в том числе женщины и дети. Их похоронили на еврейском кладбище. На второй день после погрома всех женщин собрали и заперли в помещении средней школы. Здание заминировали, три дня не давали еды и воды, не выпускали по естественным потребностям. Только потом дали сухари и разрешили пить дождевую воду. Местный глава, адвокат П. Брудна, пытался помочь евреям вернуться в свои дома, за что был уволен. По распоряжению румынских властей через две недели оккупации в Сторжинец был создан лагерь для евреев. Юденрат возглавил Р. Яков. Ежедневно узников, прежде всего известных и уважаемых людей, заставляли убирать улицы города. В школе был организован сборный пункт для отправки евреев в лагеря. Здесь их держали несколько дней, издевались, не кормили, отбирали ценности. В Сторжинец к 10 июля 1941 г. согнали около 2,5 тысяч евреев из окрестных сел — Банилова, Буденец, Старой Жадовы, Бергомета, Чсремеша. 23 июля их пытались перевести в немецкую оккупационную зону. По дороге несколько сотен евреев были расстреляны. После этого 1,1 тысяч евреев Сторжинец были размещены в Сокирянах. В сентябре 1941 г. в Сторжинец находилось 1320 евреев, которых угнали в Транснистрию, где большинство из них погибли.

См.: Довідник про табори. — С. 186 ; Круглов А. Катастрофа. — С. 303; Сборник документов. — С. 448—451; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 950; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 764—765.

ШАТАЛОВ Леонид (1939 г.)
«ОТЦУ УДАЛОСЬ СПАСТИ МЕНЯ,
А МАТЬ, ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ УЗНИКАМИ ГЕТТО,
БЫЛА РАССТРЕЛЯНА»

¹ О [Славуте](#) см. примечание к воспоминаниям Леонида Лангера.

ШАФАРЕНКО Розита (1931 г.)
«МЫ ОСТАЛИСЬ ОДНИ...»

¹ Согласно переписи 1939 г. в Ичне Черниговской области проживали 148 евреев ((1,03% населения). В конце 1941 — начале 1942 гг. в Ичне были расстреляны несколько евреев, которые находились в оккупации.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 137.

ШВАРЦ Ида (1934 г.)
«МЫ БЫЛИ НА КРАЮ СМЕРТИ...»

¹ О [Могилеве-Подольском](#) см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

² Об [Озаринцах](#) см. примечание к воспоминаниям Я. П. Ройтберга.

³ О [Шаргороде](#) см. примечание к воспоминаниям Давида Райбмана.

⁴ О [Печоре](#) см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

ШВАРЦМАН Ревекка (КИСЕЛЕВА Раиса) (1921 г.)
«ДВА ГОДА МЫ БЫЛИ В ПОДВАЛЬНОМ ПОМЕЩЕНИИ...»

¹ О [Киеве](#) см. примечание к воспоминаниям Игоря Левина.

ШВЕЙБИШ Рита
«ЖИЗНЬ В ГЕТТО БЫЛА УЖАСНОЙ»

¹ О [Тульчине](#) см. примечание к воспоминаниям Марии Тарасовой.

² О [Печоре](#) см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

ШИЙКА Кира
«ВПЕРЕДИ ЖДАЛА СМЕРТЬ...»

¹ О [Жмеринке](#) см. примечание к воспоминаниям Якова Лившица.

ШИПИЦИНА Рима (1923 г.)
«ДОРОГА БЫЛА УСЕЯНА ТРУПАМИ...»

¹ В 1930-е годы Гросулово (ныне Великая Михайловка) Одесской области был центром еврейского сельсовета. В 1939 г. здесь проживали 522 еврея (41,5% населения). Оккупирован вермахтом в августе 1941 г. Все оставшиеся в оккупации евреи — 124 человека — были расстреляны 12 августа 1941 г. Вошел в состав Транснистрии с осени 1941 г. В октябре 1943 в Гросулово перевезли из Румынии евреев — заключенных лагеря для рецидивистов-уголовников.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 58; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С.248.

² В [Березовке](#) Одесской области в 1939 г. проживали 1.424 евреев (16,5% населения), в селах района — 800 евреев.

14 августа 1941 г. зондеркоманда 10а расстреляла в [Березовке](#) 41 еврея. Оставшиеся в городе более 200 евреев были расстреляны в конце месяца в противотанковом рву.

В первые два месяца 1942 г. в [Березовку](#) отправляли эшелоны с евреями из Одессы. Замерших во время поездки, зарывали близ станции. Всего в разных местах было зарыто 1058 трупов. Оставшихся в живых, гнали в сторону Южного Буга, и по дороге уничтожали. Так, И. Финкельштейн, ссылаясь на материалы Центрального Архива России, сообщает, что «в апреле 1942 г. в село [Березовка](#) пригнали и расстреляли 800 человек, в большинстве своем еврейской национальности из многих населенных пунктов [Липовецкого](#) района [Винницкой](#) области. Несколько эшелонов пришло и весной — летом 1942 г. Последний — в июне».

См.: Довідник про табори. — С. 118; Круглов А. Катастрофа. — С. 35; Сборник документов. — С. 198, 431—440; Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. — Кишинев, 1981. — С. 270; Сушон Л. Транснистрия. — С. 127; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941—1944 гг. — С. 74—75; Уничтожение евреев. — С. 14; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 85.

³ О [Доманевке](#) см. примечание к воспоминаниям Юрия Ойбермана.

⁴ Село [Карловка](#) [Доманевского](#) района [Одесской](#) области (ныне [Николаевской](#)) было оккупировано летом 1941 г. С 1 сентября 1941 г. в составе Транснистрии. Зимой 1941—1942 гг. в [Карловке](#) были депортированы около 3 тысяч евреев из Бессарии, а летом 1942 г. — несколько сот евреев из [Одессы](#). Они были размещены в бывшей свиноферме и привлекались к дорожным работам. По архивным данным, в селе существовало гетто (ГА ОдО. Ф. Р-2255. Оп. 1. Д. 1363-1366). В марте 1944 г. в живых осталось около 480 человек, остальные погибли от голода и болезней.

См.: Довідник про табори. — С. 116; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 388

⁵ О [Богдановке](#) см. примечание к воспоминаниям Семена Пекаря.

ШИСМАН Илья (1933 г.)

В ОЗАРИНЦАХ НЕТ БОЛЬШЕ ЕВРЕЕВ

¹ Об [Озаринцах](#) см. примечание к воспоминаниям Я. П. Ройтберга.

ШИСМАН Рена (1934 г.)
ЖИВЫЕ ИЗ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

¹ Об [Озаринцах](#) см. примечание к воспоминаниям Я. П. Ройтберга.

ШКЛОВСКИЙ Л. П.

«Я ВСЕ ПОМНЮ, ЧТО ВИДЕЛ И ПЕРЕЖИЛ»

О [Лубнах](#) см. примечание к воспоминаниям Веры Супоницкой.

ШКОЛЬНИК Роза (1924 г.)

«ЭТО БЫЛА СМЕРТЬ»

¹ О [Виннице](#) см. примечание к воспоминаниям Ривы Молочковецкой

² О [Печоре](#) см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

³ В селе [Красном Тывровского района Винницкой области](#) в 1942–1944 гг. существовало гетто, куда были депортированы евреи из [Бессарабии](#) и [Буковины](#). До сентября 1942 г. часть евреев была переведена в лагерь в [Сказинцах](#), в котором находились и другие евреи города [Могилева-Подольского](#) и сел района. Значительная часть узников умерла от голода и болезней. После расформирования лагеря евреи [Красного](#) вместе с некоторым количеством других заключенных вернулись домой. На 1 сентября 1943 г. в гетто [Красного](#) находились 282 еврея.

См.: Довідник про табори. — С. 40; Живыми остались только мы. — С. 197–200; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 163–172, 272–277; Круглов А. Катастрофа. — С. 171; Последние свидетели. — С. 171; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 475.

ШЛАЙН Бенья (1927 г.)

ПОЧЕМУ Я ОСТАЛСЯ ЖИВ...

¹ Об [Озаринцах](#) см. примечание к воспоминаниям Я. П. Ройтберга.

ШЛАКМАН Жанна (1930 г.)

ЭТО БЫЛО ПОД ОДЕССОЙ...

¹ О [Кривом Озере](#) см. примечание к воспоминаниям Юрия Ойбермана.

² Об [Акметчетке](#) см. примечание к воспоминаниям Сергея Сушона.

ШЛАФЕР Галина (1929 г.)

«НАС ПРЯТАЛИ ХОРОШИЕ ЛЮДИ...»

¹ О [Березовке](#) см. примечание к воспоминаниям Риммы Шипидиной.

² О [Балте](#) см. примечание к воспоминаниям Анны Марковской.

ШНАЙДЕРМАН Валентин (1937 г.)

«ФАШИСТЫ НЕ ЩАДИЛИ НИ ДЕТЕЙ, НИ СТАРИКОВ»

¹ В городе [Малая Виска Кировоградской области](#) в 1939 г. проживали 207 евреев (2,56% населения). Еще свыше 100 евреев проживали в селах [Маловисковского района](#).

[Малая Виска](#) была оккупирована немецкими войсками в начале августа 1941 г. До этого часть евреев смогла эвакуироваться па Восток, военнообязанные муж-

чины были призваны или добровольно вступили в Красную Армию. Осталось в оккупации примерно 25% довоенного еврейского населения. Летом и осенью 1941 г. городом управляла немецкая военная комендатура. Она создала городскую управу и вспомогательную украинскую полицию из числа местных жителей. Последняя принимала участие во всех «еврейских акциях». В ноябре 1941 г. власть перешла к немецкой гражданской администрации. [Малая Виска](#) стала административным центром гебита генерального округа [Николаев](#) рейхскомиссариата [Украина](#). Кроме [Малой Виски](#) в гебит входили [Хмелевое](#), [Ново-Архангельск](#) и [Подвысокое](#). Вскоре после оккупации города по приказу немецкой военной комендатуры районная управа организовала регистрацию евреев, обяала их носить повязку на рукаве, выполнять разного рода тяжелые работы. Проведенная регистрация показала наличие в районе 53 евреев, которые, по всей видимости, были помещены в гетто. Первые убийства евреев в районе были совершены в сентябре 1941 г. Так, в селе [Великая Виска](#) подразделение 8-го пехотного полка СС 19 сентября расстреляло 17 евреев. Остальные узники были расстреляны, вероятно, в феврале или марте, когда в [Малой Виске](#) проводилась ликвидация евреев. В ходе этой ликвидации были отобраны работоспособные евреи и помещены в рабочий лагерь в [Малой Виске](#); заключенные жили в конюшнях сахарного завода и использовались на строительстве и ремонте дороги. Этот лагерь был ликвидирован, вероятно, в 1943 г.

См.: Довідник про табори, тюрми, та гетто на окупованій території України. — С. 92; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства - С. 200; Последние свидетели. — С. 171; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 563.

ШНАЙДЕРМАН Лев

«СТРАШНЫЕ ДНИ МОЕГО РАССТРЕЛЯННОГО ДЕТСТВА...»

¹ [Тростянец Винницкой области](#) был оккупирован немецкими войсками 25 июля 1941 г. Местечко оказалось в Транснистрии — зоне румынской оккупации. В конце сентября 1941 г. 450 евреев из [Тростянца](#) и окрестных сел были переселены в [Ладыжин](#), а в январе 1942 г. — в лагерь в [Печору](#), где большинство из них погибли. Осенью 1941 г. в [Тростянце](#) на государственной ферме были помещены в качестве рабочих 90 депортированных евреев из [Буковины](#) и 45 украинских евреев из [Ямполья](#) и [Могилева-Подольского](#). На 1 сентября 1943 г. их осталось 95.

После освобождения [Тростянца](#) частями Красной Армии 13 марта 1944 г. сюда возвратились не более десятка евреев, которым удалось убежать из лагеря и найти убежище в других местечках Транснистрии.

См.: Довідник про табори, тюрми, та гетто на окупованій території України. — С. 46; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 457–459, 460–466; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. — С. 182, 317; Carp Matatias. Holocaust in Rumania; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев

Украины. — С. 275, 301; 100 еврейских местечек Украины. Вып. 2. — С. 278—279; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941—1944 гг. (Хмельницкая область и немецкая зона оккупации Винницкой области) — // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства (1941—1944). — С. 54; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 75—76; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 988.

² Село **Ладыжин Тростянецкого района Винницкой области** было занято немецкими войсками 26 июля 1941 г.

13 сентября 304-й полицейский батальон расстрелял 486 евреев, а еще 29 человек угнал в **Гайсин Винницкой области** и расстрелял их через 3 дня. 16 сентября были расстреляны еще 29 евреев. После этого в **Ладыжин** были собраны евреи **Тростянецкого района** (450 человек); в январе 1942 г. большая их часть была переведена в лагерь в **Печору**. Остались лишь специалисты с семьями.

В начале июля 1942 г. в **Ладыжин** доставили 600 евреев из **Черновцов** и 400 из **Дорохоя** (Румыния). «Привезенные в закрытых автомобилях для перевозки скота, после пятидневного пути, были загнаны в Ладзыженский карьер... Обессиленным, доведенным до полубессознательного состояния не разрешили занять помещения после прибытия. Фармацевт Василеску кричал: “Здесь вы будете сначала голодать, а потом умирать”. 19 августа 1942 г. примерно половина евреев была передана немцам для использования на работах. Немцы перевели их через Бут и сразу расстреляли детей и стариков. В **Ладыжине** остались 540 человек. 2 августа 1942 г. из их числа были расстреляны около 60 психически больных. Ссылаясь на документы Государственного архива Винницкой области, И. С. Финкельштейн писал: «В конце августа 1941 г. в местечке **Ладыжин** выгнали из домов все еврейское население. Попытки и истязания продолжались несколько суток. Оставшихся в живых, перегнали на левый берег реки Южный Бут. Отобрали несколько десятков человек и заставили рыть могилу. Детей, женщин и стариков закапывали живыми. Таким образом было уничтожено 519 евреев — жителей **Ладыжина**». 15 сентября 1942 г. немцам были переданы еще 300 депортированных и 250 местных евреев. На их место 30 ноября 1942 г. были доставлены из **Ямполья** 600 евреев. К 1 сентября 1943 г. ни в карьере, ни в городе **Ладыжине** не осталось ни одного еврея.

13 марта 1944 г. **Ладыжин** был освобожден частями Красной Армии.

См.: Довідник про табори. — С. 40, 46; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 457—459, 461; Жизнь и смерть... Кн. 2. — С. 386—387, 472; Carp Matatias. Holocaust in Rumania; Круглов А. Катастрофа. — С. 66, 182; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 284—287; Сборник документов. — С. 275, 301; 100 еврейских местечек. Вып. 2. — С. 278—279; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941—1944 гг. (Хмельницкая область и немецкая зона оккупации Винницкой области). — С. 54; Фишер Ю. Транснистрия. — С. 75—76; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 507.

³ О **Печоре** см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

⁴ Об **Ободовке** см. примечание к воспоминаниям Евы Ландес-Мильштейн.

ШНАЙДЕРМАН-БЕККЕР Нелли (1930 г.)
«ДЛЯ МАССОВОЙ КАЗНИ НЕВИННЫХ ЛЮДЕЙ
ФАШИСТЫ ИЗБРАЛИ СЕЛО **ОБОДОВКА...**»

¹ Об **Ободовке** см. примечание к воспоминаниям Евы Ландес-Мильштейн.

ШТЕЙНБЕРГ Клара (1936 г.)
«ЖИВЫЕ ПРОСИЛИ У БОГА СКОРОЙ СМЕРТИ...»

¹ О **Рогизном** см. примечание к воспоминаниям Бориса Соколецкого.

² О **Печоре** см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

ШТЕЙНМАН Абрам (1937 г.)
«МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ — ГЕТТО...»

¹ О **Могилеве-Подольском** см. примечание к воспоминаниям А. Г. Мостовой.

² О **Печоре** см. примечание к воспоминаниям Аркадия и Николая Мажбиц.

³ В **Ананьеве Одесской области** в 1939 г. проживали 1779 евреев (%30,06 населения). Город был оккупирован 7 августа 1941 г. 23 августа немецкая ортскомендатура издала распоряжение о регистрации местных евреев и депортации евреев-беженцев. 28 августа 1941 г. местная полиция согнала всех евреев, якобы на собрание. 300 явившихся евреев были расстреляны зондеркомандой 106.

Сменившие немцев румыны 3 сентября 1941 г. создали в **Ананьеве** еврейский жилой район (более 300 человек). Некоторых еврейских детей крестил священник Гончаров. В начале октября 1941 г. румыны депортировали около 200 евреев из **Ананьева** в **Дубоссары** на расстрел. Оставшихся евреев (более 100 человек) 28 ноября 1941 г. расстреляли у села **Гвоздавка** (5 человек сумели бежать).

По данным Мататиаса Карпа, на 1 сентября 1943 г. в **Ананьеве** остались 13 евреев из **Бессарабии** и 18 — из **Буковины**.

1 апреля 1944 г. **Ананьев** был освобожден советскими войсками.

См.: Carp Matatias. Cartea neagră. Vol. 3. Transnistria. Bucuresti, 1947. — Р.439; Довідник про табори. — С. 118; Круглов А. Катастрофа. — С. 17; Сборник документов. — С. 73, 274, 439; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 23.

ШТЕЙНМАН Михаил (1938 г.)
КАК МЫ ВЫЖИЛИ В ГЕТТО

¹ О **Копайгороде** см. примечание к воспоминаниям Гедалы Розенталя.

ШУЛЬКИН Хаим (1928 г.)
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

¹ В Кривом Роге Днепропетровской области в 1939 г. проживали 12.745 евреев (6, 45% населения).

Город был оккупирован немецкими войсками 14 августа 1941 г.

Спустя несколько дней в Кривой Рог прибыла оперативная команда 6, которая в конце августа расстреляла 105 евреев. Команда находилась в Кривом Роге до начала октября 1941 г., расстреляв в течение сентября еще несколько десятков евреев.

В ходе антиеврейской акции 14–15 октября 1941 г. почти все евреи Кривого Рога были уничтожены: в эти дни штабная рота «высшего фюрера СС и полиции Россия—Юг» обергруппенфюрера СС Екельна при содействии 314-го полицейского батальона и украинской полиции расстреляла около 4 000 евреев. Позднее были выловлены и расстреляны еще несколько сот евреев.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 175–176; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 91–92; Сборник документов. — С. 73, 274; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 480.

² В селе Любимовка Софиевского района Днепропетровской области в январе 1942 г. — декабре 1943 г. размещался рабочий лагерь, узники которого были заняты на строительстве шоссе на дороге. Первоначально в лагере находилось 500 евреев-узников, затем их число возросло до 1 тысячи человек. Все они были уничтожены до 1943 г.

Довідник про табори. — С. 68; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 555.

ЭЛЬТИНД Борис (1929 г.)
«18 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА ЯЛТИНСКОЕ ГЕТТО
БЫЛО РАССТРЕЛЯНО»

¹ Об Ялте см. примечание к воспоминаниям Инны Савицкой.

ЭНТИН Владимир (1925 г.)
«ФАШИСТЫ УНИЧТОЖИЛИ ВСЕ ЕВРЕЙСКОЕ
НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА»

¹ Город Прилуки Черниговской области был оккупирован 18 сентября 1941 г. 1 января 1942 г. было создано гетто, в которое были заключены 1.178 евреев. Гетто было ликвидировано 20 мая 1942 г., когда зондеркоманда СД «Плат» расстреляла 1290 человек, включая евреев, пригнанных из окрестных населенных пунктов.

Прилуки были освобождены советскими войсками 19 сентября 1943 г.

См.: Довідник про табори. — С. 190; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 455; Круглов А. Катастрофа. — С. 264; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 811; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 612–613.

ЭРЕНБУРГ (КРАВЦОВА) София
ХОЛОКОСТ. ГЕТТО. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

¹ В 1939 г. в городе Ильинцы Винницкой области проживали 2.217 евреев, в селах района — 375.

После оккупации города немецкими войсками 23 июля 1941 г. начались антиеврейские репрессии, но первыми жертвами были мужчины-евреи, бежавшие из города Ильинцы в местечко Турбов. Вооруженные отряды украинских националистов убили их и пытались сжечь живыми и женщин с детьми. Их остановили немцы.

5 ноября 1941 г. в Ильинцах были расстреляны 42 (45) евреев, 24 апреля 1942 г. в ильинском лесу были уничтожены более 1.000 евреев, 27 мая 1942 г. зондеркоманды СД убили 1.400 евреев. Среди расстрелянных были свыше 800 местных, и около 600 человек из Журнища и Новоживотова. К концу 1942 г. нацисты ликвидировали гетто в Ильинцах. 15 декабря 1942 г. были уничтожены последние 100 ремесленников-евреев.

Ильинцы были освобождены Советской Армией 12 (13) марта 1944 г.

См.: Довідник про табори. — С. 34; Живыми остались только мы. — С. 556–557; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 369–377; Круглов А. Катастрофа. — С. 136; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 270–278, 450–452; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941–1944 гг. — С. 74; Yad Vashem Encyclopedia. Vol. I. — P. 247; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1530; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 347.

ЭПШТЕЙН Карл (1930 г.)
«МЫ ЗНАЛИ, ЧТО НЕМЦЫ УБИВАЮТ ЕВРЕЕВ...»

¹ В 1939 г. в Дунаевцах Хмельницкой области проживали 4478 евреев.

Дунаевцы были захвачены вермахтом 11 июля 1941 г.

В ноябре 1941 г. в Дунаевцах были повешены 19 евреев. Затем было создано гетто («лагерь для еврейского населения»), в котором было собрано с разных мест около 2.000 евреев. 8 мая 1942 г. около 2300 евреев были загнаны в фосфорную шахту в 5 км восточнее города. Вход в шахту был затем взорван, все заживо погребенные евреи погибли от голода и нехватки воздуха. Очевидцы рассказывали, что в течение семи дней из шахты доносились стоны и крики.

19 октября 1942 г. во время ликвидации гетто в Дунаевцах были расстреляны еще около 1820 евреев.

31 марта 1944 г. Дунаевцы были освобождены частями Советской Армией.

См.: Довідник про табори. — С. 84; Жизнь и смерть... Кн. 3 — С. 274–278; Круглов А. Катастрофа. — С. 109; Сборник документов. — С. 394, 400–401; 100 еврейских местечек. Вып. 1. — С. 108–109; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941–1944 гг. - С. 63, 78;

Черная книга - С. 45; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 286; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 184–185.

² Село **Миньковцы Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области** в 30-е годы был центром еврейского сельсовета. Согласно переписи в 1939 г. в Миньковцах проживали 1635 евреев (46,58% населения), во всем тогдашнем **Миньковецком районе** — 2.412 евреев.

30 августа 1941 г. 320-й полицейский батальон расстрелял в селе 2.200 евреев, в основном женщин, детей, стариков.

См.: Круглов А. Катастрофа. — С. 210; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 385–387; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии нацистскими палачами в 1941–1944 гг. — С. 58; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 602; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1426.

ЭСТИС Евдокия (1926 г.)

«БОЛЬШЕ МЫ РОДНЫХ НЕ ВИДЕЛИ...»

¹О **Баре** см. примечание к воспоминаниям Цили Ходы.

²В 1939 г. в городке **Литине Винницкой области** проживали 1.410 евреев (27,76% населения).

17 июля 1941 г. **Литин** был захвачен немецкими войсками. В оккупированном городке находились, по немецким данным, 3000 жителей, в том числе 800 евреев. Такое количество объясняется тем, что осенью 1941 г. в поселок были переселены евреи из окрестностей (из **Дьяковцев** и др.), а также, вероятно, вселились евреи, депортированные румынами в **Винницкую область из Бессарабии и Буковины**. В 1941–1942 гг. в **Литине** были проведены четыре антиеврейские акции: 18 августа 1941 г. были расстреляны 57 евреев, 19 декабря 1941–1986 гг. (300 мужчин, 500 женщин и 1.186 детей), 29 декабря 1941 — 116 (10 мужчин, 35 женщин и 71 ребенок) и 12 июня 1942–1991 гг., всего — 2.250 человек. В **Литине** остались в живых лишь заключенные еврейского рабочего лагеря. В него, как указывает И. Альтман, после ликвидации гетто были переведены 130 специалистов. Сюда же пригнали около 250 евреев-подростков из **Чехословакии, Венгрии, Румынии**. Они трудились в каменоломнях и на сельскохозяйственных работах. Все они были убиты позднее: 12 сентября 1942 г. — 580 человек, 20 сентября 1942 г. — 520, 10 октября 1942 г. — 260, 25 октября 1942 г. — 96, 18 сентября 1943 г. — 86 человек (14 мужчин, 40 женщин, 32 ребенка), всего — 1.542 человека.

20 марта 1944 г. **Литин** был освобожден Советской Армией.

См.: Альтман И. Жертвы ненависти. — С. 185; Довідник про табори. — С. 38; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 127–130, 462–463, 530–531; Круглов А. Катастрофа. — С. 187; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 134; Сушон Л. Транснистрия. — С. 245; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 535; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. I. — P. 402–403.

ЭТКОВА Нина (1932 г.), ЗАХАРЧЕНКО Александр (1937 г.)

«МЫ ЧУДОМ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...»

¹О **Феодосии** см. примечание к воспоминаниям Галины Пощупайловой.

ЮДЧАК Давид

В СТАНИСЛАВЧИКЕ ЖИЛИ ЕВРЕИ

¹Село **Станиславчик Жмеринского района Винницкой области** в 30-е годы было центром еврейского сельсовета. В 1939 г. в **Станиславчике** проживал 301 еврей (5,73% населения). Село захвачено немецкими войсками 17 июля 1941 г. По данным немецких оккупационных властей, в селе находились 400 жителей, в том числе 200 евреев. После 1 августа 1941 г. вошло в состав Могилевского уезда Транснистрии.

С осени 1941 до весны 1944 гг. в селе было гетто, в которое наряду с местными евреями были помещены евреи, депортированные из Буковины. В январе 1943 г. в гетто находились 200 евреев.

19 марта 1944 г. **Станиславчик** был освобожден советскими войсками.

См.: Круглов А. Катастрофа.— С. 297; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 477–478; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 943; Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during Holocaust. Vol. II. — P. 748–749.

ЮРЧУК Роза (1936 г.)

«ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА НАЧАЛИСЬ МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ ЕВРЕЕВ...»

²В городе **Староконстантинове Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области** в 1939 г. проживали 6743 еврея (31% населения).

7 июля 1941 г. был захвачен немецкими войсками. С первых дней оккупации евреев привлекли к принудительным работам по расчистке дорог и уборки помещений для немецких воинских частей. На евреев наложили контрибуцию, конфисковали ценные вещи.

В 1941–1942 гг. в городе были проведены ряд антиеврейских акций, во время которых были уничтожены все евреи, оставшиеся в оккупации. 3 августа четыре роты 8-го пехотного полка СС из захваченных ими 1.404 еврея (592 мужчин и 812 женщин) расстреляли 489 человек (302 мужчин и 187 женщин). Остальные евреи были распределены по рабочим командам.

В середине августа был создан юденрат из трех человек и еврейская полиция. Евреев обязали носить на рукаве белые повязки с шестиконечной звездой.

2 сентября 1951 г. 304-й полицейский батальон расстрелял еще минимум 500 евреев.

В начале 1942 г. в **Староконстантинове** было создано еврейское гетто.

25 мая (по другим данным — 23 июня) 1942 г. зондеркоманда команда СД при содействии немецкой жандармерии и украинской полиции ликвидировала

гетто, уничтожив 6,5 тысяч человек из Староконстантинова и пригнанных евреев из Остропольского, Грицевского и Старосиняевского районов.

9 марта 1944 г. Староконстантинов был освобожден советскими войсками.

См.: Довідник про табори. — С. 86; Круглов А. Катастрофа. — С. 299—200; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 76—82, 357—358. 373—375; Yad Vashem. Vol. II. — P.755; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 945; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1474—1475.

ЮСИМ Семен

«ВТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ УМИРАЛИ ЦЕЛЫЕ СЕМЬИ...»

¹ О Шаргороде см. примечание к воспоминаниям Давида Райбмана.

ЯВОРСКАЯ (ГОЛЬЦМАН) Светлана (1937 г.)

«МЫ ЖДАЛИ С МИНУТЫ НА МИНУТУ СМЕРТИ...»

¹ В 1939 г. в Новоград-Вольнском Житомирской области проживали 6839 евреев (28,8 % населения).

8 июля 1941 г. Новоград-Вольнский был захвачен немецкими войсками. В середине июля 1941 г. в городе несколько дней находилась зондеркоманда 4а и штаб оперативной группы Ц с приданными ему подразделениями. Они произвели первые расстрелы евреев, уничтожив несколько десятков жертв. Тогда же солдаты 3-го взвода 3-й роты 9-го резервного полицейского батальона убили 200 человек. В качестве возмездия за акты саботажа расстрелы евреев в Новоград-Вольнском в этот период производил и вермахт. Примерно в середине августа 1941 г. взвод оперативной команды 5 расстрелял 161 человек, в основном евреев. В конце августа в роще возле Дома Красной Армии были убиты около 700 женщин и детей. В общей сложности в июле-августе 1941 г. в Новоград-Вольнском было убито свыше 1.500 евреев.

В сентябре 1941 г. были уничтожены почти все евреи, оставшиеся в Новоград-Вольнском: на военном стрельбище подразделения «высшего фюрера СС и полиции Россия—Юг» обергруппенфюрера СС Екельна расстреляли около 3.200 евреев, включая евреев из окрестных сел, а ремонтный взвод 1-й бригады СС, дислоцированный в Новоград-Вольнском — 319 евреев из тюрьмы. В 1941 г. в Новоград-Вольнском было уничтожено около 5 тысяч евреев.

С октября 1941 г. до ноября 1942 г. в Новоград-Вольнском существовал еврейский рабочий лагерь, в котором содержались ремесленники с семьями из Новоград-Вольнского, Барановки, Рогачова, Яруни и других населенных пунктов. 10 ноября 1942 г. с помощью партизан заключенные сумели бежать, но часть их на следующий день была схвачена и расстреляна.

1 января 1944 г. Новоград-Вольнский был освобожден советскими войсками.

См.: Живыми остались только мы. — С. 79—83; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 218—220; Жизнь и смерть... Кн. 3. — С. 543—545; Круглов А.

Катастрофа. — С. 228, 273; Мы хотели жить... — Кн. 1. — С. 202—203; Сборник. — С. 32—35, 39—40, 56, 136; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 654—655: Die Verfolgung. — Bd.7. — S.179, 223—225, 270; Yad Vashem Encyclopedia. Vol. II. — P. 523; The United States Holocaust Memorial. Vol. II. — P. 1552.

ЯМПОЛЬСКИЙ Барух

«НАМ ПОМОГЛИ УКРАИНЦЫ»

¹ Об Яруге см. примечание к воспоминаниям Шая Шаниса.

² В селе Сказинцы Могилев-Подольского района Винницкой области с конца мая до сентября 1942 г. находился лагерь, в который были помещены 3000 местных и депортированных из Буковины и Бессарабии евреев (город Могилев-Подольский, села Вендичаны, Красное, Озаринцы, Яруга). 12 сентября 1942 г. лагерь был расформирован. Часть евреев возвращена в прежние места проживания, свыше 1000 переселены в Тывров и села Ворошиловка и Красное Тывровского района Винницкой области. По данным ЧГК от 15 апреля 1945 г., в 1941—1944 гг. в гетто содержалось 25 тысяч евреев.

См.: Довідник про табори. — С. 40; Жизнь и смерть... Кн. 1. — С. 427—428; Круглов А. Катастрофа. — С. 286; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. — С. 904.

ЯНОВСКАЯ София (1921 г.)

«В ПОГРОМАХ ПОГИБЛИ ВСЕ МОИ РОДСТВЕННИКИ...»

¹ Об Умани см. примечание к воспоминаниям Романа Левита.

ХОЛОКОСТ В УКРАИНЕ БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамович И. Не забыть. Трагедия евреев города Зинькова // 100 еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель. Вып. 1, Подолия, 2-е издание. — Иерусалим — Санкт-Петербург, 1998.

Агмон Пинхас. Сохранение памяти. Некоторые особенности аудио и видеозаписи свидетелей ШОА /Катастрофы/ на Украине. — Информационный бюллетень Дома-Музея борцов гетто имени Ицхака Каценельсона. Спец. выпуск. — Киев, 1996. — С. 5—21.

Агмон Пинхас, Забарко Борис. Випробування Катастрофою. — «Сучасність». — Київ, 1996, № 2. — С. 92—97.

Агмон Пинхас. «Холокост остается в памяти и в сердцах...» // «Зеркало недели», № 38 (311), 30 сентября — 6 октября 2000 г.

«А жить так хотелось...» Воспоминания бывших узников концлагерей и гетто / Редактор и составитель Л. Корнеева (Кравцова). — Беэр-Шева, Израиль. 2010 г. — 344 с.

Альтман И. А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. — Москва, «Калейдоскоп», 2002. — 320 с.

Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР (1941—1945 гг.). — Москва, 2002. — 420 с.

Альтман И. А., Гербер А. Е., Полторак Д. И. История Холокоста на территории СССР. — Москва, 2001. — 130 с.

Альтман М. М. Отрицание Холокоста: история и современные тенденции. — Москва, 2001.

Ангрик Андрей. У взаємодії сил. До питань я про німецький вплив на національну політику в Чернівцях до початку та під час реалізації плану «Барбаросса» // «Голокост і сучасність», № 1 (7) (2010). — С. 9—61.

Арад Ицхак. Холокауст: Катастрофа европейского еврейства (1933—1945 гг.): Сборник статей. — Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1990. — 91 с.

Арад И. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941—1945). — Днепропетровск, 2007. — 816 с.

Арсен Б. С. Моя гірка правда. Я і Холокост на Прикарпатті. — Надвірна, 2004. — 382 с.

Архіви окупації. 1941—1944. Упорядник Наталія Маковська. — К., 2006. — 872 с.

Бабий Яр. Редактор Ефрем Баух. — Бат-Ям: Издание Союза землячеств выходцев из СССР, 1981. — 100 с.

Бабий Яр. К пятидесятилетию трагедии 29—30 сентября 1941 года. — Иерусалим, 1991. — 184 с.

Бабий Яр: уроки прошлого / Сост. Ванукевич А. С., Дорожинский Н. Н., Медведь Л. Д. — М., Союз бывших малолетних узников фашизма, 2008. — 168 с.

Бабий Яр: человек, власть, история. Документы и материалы. В 5 книгах. Книга 1: историческая топография. Хронология событий. Составители Татьяна Евстафьева, Виталий Нахманович. — Киев, 2004. — 597 с.

Бабий Яр. Книга памяти. Составитель Илья Левитас. — Киев, 2005. — 572 с.

Бабий Яр. Спасители и спасенные. Автор-составитель Илья Левитас. — Киев, 2005. — 576 с.

Бабин Яр: масове убивство і пам'ять про нього: Матеріали міжнародної наукової конференції 24—25 жовтня 2011 р., м. Київ. — К. 2012. — 256 с.

Барац В. Бегство от судьбы. — Москва, 1993.

Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории СССР в 1941—1944 гг. / Сост. А. Круглов. — Ч. 1—3. — Днепропетровск: Ткума, 2008—2009 (кн. 1. — 240 с.; кн. 2. — 312 с.; кн. 3. — 284 с.)

Беркгоф К. Жива розпачу. Життя і смерть в Україні під нацистською владою / Автор. перекл. з англ. Т. Цимбал. — Київ: Критика, 2011. — 455 с.

Бриман С. Уничтожение еврейского населения Харькова в годы немецко-фашистской оккупации (1941—1942 гг.) // Война и город. — Х.: ХГУ, 1993. — С. 36—41.

Бронштейн Морис. Мертвая петля Интервью с узниками Печорского концлагеря. — Warnut Creek, California, 2013.

Брухвельд Стефан, Левин Поль. «Передайте об этом детям вашим...». История Холокоста в Европе. 1933—1945. — Москва, «Текст», 2000, — 104 с.

Будник Давид, Капер Яков. Ничто не забыто. Еврейские судьбы в Киеве. — Констанц, 1993. — 319 с.

Буруштейн Л. Из истории Жмеринского гетто // «Алеф», 1992, № 447. — С. 39—43.

Вайс А. Отношение некоторых кругов украинского национального движения к евреям в период второй мировой войны. // Вестник Еврейского университета в Москве, 1995, № 2. — С. 104—113.

Вайс Ш. Між роками 1941—1945. // Діалоги, 1985, № 7—8.

Вальшонок Юлиана. Новые аспекты в исследовании Холокоста в Харькове (по материалам СБУ) // Избранные труды запорожских еврейских чтений. 2000—2004. — Запорожье, 2005. — С. 78—83.

Ванукевич Анатолий. Холокост на Полтавщине. — Полтава, 1999. — 26 с.

Вивчення Холокосту в курсі історії України, Всесвітньої історії та на факультативних заняттях. Методичні рекомендації. Автор-упорядник Левітас Ф. Л. — Дніпропетровськ, 2003. — 26 с.

Вилегала Анна. (Не)пам'ять на руїнах. Загибель євреїв Жовкви у свідомості сучасних мешканців міста. - Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі: науковий часопис. — 2011. — № 2 (10). — С.

Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и сопротивление: свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения и подпольной борьбы. — Тель-Авив—Киев: Издание «Бейт Лохамей ха-Геттаот», 1994.

Вінниччина в період Великої Вітчизняної війни 1941—1945 рр. (Хроніка подій). Київ, 1965.

Винокурова Фаина. Евреи Винничины в период Второй мировой войны. Малоизвестные документы и новые интерпретации. — Винница, 2000. — 335 с.

Винокурова Ф. А. Судьба евреев Транснистрии во время немецко-румынской оккупации: обзор архивных источников // Студии по архивному делу и документоведению. — К., 2003. — Т. 9. — С. 94—96.

Винокурова Ф. А. Фонди державного архіву Вінницької області як джерело з історії долі євреїв під час німецько-румунської окупації 1941—1944 рр. Автореферат дисертації на здобуття ступення кандидата історичних наук. — Київ, 2004. — 24 с.

Винокурова Ф. А. Холокост на Винничине: сравнительный анализ архивных документов о судьбах евреев в немецкой и румынской зонах оккупации (1941-1944 гг.) // «Проблеми історії Голокосту». Вып. II. Днепропетровск-Запорожье, 2005. — С. 19—38.

Винокурова Ф. А. Єврейський опір у контексті особистісного вибору: документальні свідчення, інтерпретації, роздуми // Єврейський опір в Україні в період Голокосту.- Дніпропетровськ-Запоріжжя, 2005. — С. 336—367.

Винокурова Ф. А. Национальная жизнь еврейской общины на оккупированной территории Винницкой области, входившей в состав Транснистрии. Обзор архивных источников.

Винокурова Фаіна. Доля буковинських євреїв у гетто й таборах Транснистрії в період 1941—1944 рр. (огляд документальних джерел Державного архіву Вінницької області) // «Голокост і сучасність», № 2 (8) (2010). — С. 9—17.

Вишевик Б. Устная история Холокоста в Днепропетровской области: поиски и находки // «Истоки». Вестник Народного Университета еврейской культуры в Восточной Украине. 1997, № 1.

Возрождение памяти: воспоминания свидетелей и жертв Холокоста. Вып. № 3. — Днепропетровск: Центр «Ткума», 2010. — 184 с.

Волинь Радянська (1939—1964): Збірник документів і матеріалів. — Львів, 1971.

Воловик Лариса. «Желтые списки» переписи — прелюдия к уничтожению евреев Харькова (Обзор и анализ архивных документов) // Избранные труды запорожских еврейских чтений. 2000—2004. — Запорожье, 2005. — С. 88—92.

Вольф Эфраим. Воспоминания бывших узников Жмеринского гетто. — Иерусалим, 2001. — 272 с.

В огне Катастрофы (ШОА) на Украине: свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения. — Издание «Бейт Лохамей ха-Геттаот», 1998. — 383 с.

В'ятрович В. Ставлення ОУН до євреїв: формування позиції на тлі Катастрофи. — Львів, 2 006;

Гальперина Римма. Как это было. Выживание. Жизнь. Надежда. — Минск: И. П. Логвинов, 2012. — 234 с.

Гейманн Флоренс. Єврейське життя на Буковині до Голокосту: деякі аспекти // «Голокост і сучасність», № 2 (8) (2010). — С. 26—36.

Геллер Р. и Фрейдер М. Фрамполь в памяти потомков. Челябинск: Цицера, 2010.

Гельман Борис. Причина смерти — расстрел. Холокост в Севастополе. — Севастополь, 2004. — 182 с.

Гейфтер Михаил. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. — Москва, 1995. — 294 с.

Гешелес Яніна. Очима дванадцятирічної дівчинки / Пер. А. Павлишина. — К.: Дух і Літера, 2011. — 96 с.

Гиль С. Кровь их и сегодня говорит. О катастрофе и героизме евреев в городах и местечках Украины. — Нью-Йорк, 1995. — 265 с.

Гісем О. В., Мартинюк О. О. Голокост в Україні (1941—1944). Словник-довідник. — Київ, 2003. — 55 с.

Глубочанский Александр. Трагедия в Крыму. — Симферополь, 2004.

Гнатюк Надежда, Штаркман Семен. Боль сквозь годы. — Одесса, 2005. — 89 с.

Голокост в Україні: історія, психологія, етика. (Матеріали до навчального курсу). Упорядник — Т.О.Чайка. — Київ, 2000. — 74 с.

Голокост в Україні у регіональному і загальнолюдському виміру. Збірник наукових праць. — Львів, 2005. — 199 с.

Гольденберг М. Холокост и Феодосия // «Голокост і сучасність». — 2002, № 5. — С. 7—8, № 6. — С. 8—9.

Гольденберг М. К вопросу о числе жертв среди мирного населения Крыма в период нацистской оккупации (1941—1944 гг.) // «Голокост і сучасність». — 2003, № 3, № 4.

Гон М. Голокост у Західній Волині // «Голокост і сучасність». — 2002, № 6.

Гон Максим. Голокост на Рівненщині (Документи та матеріали). — Дніпропетровськ—Запоріжжя, 2004. — 119 с.

Гончаренко О. М. Голокост на території Київщини: загальні тенденції та регіональні особливості (1941—1944 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — Черкаси, 2005.

Гончаренко О. Політика нацистського геноциду євреїв України // Архіви окупації. 1941—1944. — К., 2006. — С. 790—795.

Гончаренко О. М. До питання про участь місцевого населення у порятунку євреїв на території райхскомісаріату Україна (1941–1944 рр.) // Укр. іст. журн. — 2010. — № 1. — С. 128–141.

Горовский Ф. Я., Хонигсман Я. С., Найман А. Я., Елисаветский С. Я. Евреи Украины (краткий очерк истории). В 2-х частях. Ч. II. — Киев, 1995. — 276 с.

Гошкис Давид. О чем трубит шофар. — Славута, 1992.

Гошкис Д. Незагоєна рана. — Славута, 1996. — 128 с.

Грицак Ярослав. Українці в антиєврейських акціях у роки Другої світової війни // «І». — Львів, 1996, № 3. — С. 60–68.

Гроссман Василий. Украина без евреев. — На еврейские темы. Избранное в двух томах. — Иерусалим: Библиотека — Алия, 1990. — С. 45–60.

Губенко Н. Книга печали. — Симферополь, 1995.

Гузенко Ю. О., Федоренко Д. Т. Загинули всі, залишився трьохлітній Мотя // 1-е Запорожские чтения «Еврейское население Юга Украины». Доклады и сообщения. — Запорожье, 1998. — С. 127–128.

Гутман И., Шацкер Х. Катастрофа и ее значение. — Иерусалим: Библиотека Алия, 1990.

Гутмакер (Гутахов) Дмитрий. Память сердца. — Одесса, 1994.

Деко О. Кедойшім. Повість-хроніка Шепетівського гетто. — Мюнхен-Хмельницький, 2002. — 143 с.

Дітер Поль. Фашистська окупація України в 1941–1944 рр. у працях західних учених // Український історичний журнал, 1994, № 5, — С. 127–136.

Довганич О. Д., Пашкуй З. А., Троян М. В. Закарпаття в роки війни. — Ужгород, 1990.

Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941–1944). Упорядник М. Г. Дубовик. — Київ, 2000. — 304 с.

Додик Семен. Судьба и жизнь мальчика из расстрелянного гетто. — Москва, 2004. — 127 с.

Дойч Міна. Історія Міни. Спогади лікаря про Голокост / Пер. з англ. А. Півлишин. — К., 2011. — 184 с.

Днепропетровская область в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945). Сборник документов и материалов. — Днепропетровск, 1962.

Документы изобличают. Сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии. Издание третье, дополненное. — Киев, 2005. — 360 с.

Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории / Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. — Москва: Госполитиздат, 1943. — Вып. I.

Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории / Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. — Москва: Госполитиздат, 1945. — Вып. 1–2.

Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. Сост. Ф. Д. Свердлов. — Москва, НППЦ «Холокост», 1996. — 130 с.

Дорога смерти: очерки и воспоминания. — Одесса, «Друк», 2003. — 96 с.

Друга світова війна і доля народів України. Матеріали Всеукраїнської конференції. Київ, 23–24 червня 2005 р. — Київ, 2005. — 218 с.

Дусман Леонид. Помни! Не повтори! — Одесса, «Друк», 2001. — 371 с.

Дюков А. Р. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». — М., 2009. — 176 с.

Еврейский геноцид на Украине в период оккупации в немецкой документалистике. 1941–1944 гг. — Харьков, «Бенсия», 1995. — 291 с.

Єврейські діти України — жертви Голокосту. — Київ, 2004. — 56 с.

Єврейський опір в Україні в період Голокосту. Збірник наукових статей. — Дніпропетровськ—Запоріжжя, 2004. — 375 с.

Евстафьева Т. Трагедия Бабьего Яра (1941–1945) // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукр. наук, конф., м. Київ, 30–31 жовтня 2006 р. — К., 2007. — С. 263–278.

Євстаф'єва Т. О. Трагедія Бабиного Яру крізь призму архівних документів Служби безпеки України // Архіви України. — 2011. — № 5. — С. 137–158.

Елисаветский С. Бердичевская трагедия. Документальное повествование. — Киев, 1991. — 111 с.

Елисаветский С. Полвека забвения: евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1944 гг.). — Киев, 1998. — 399 с.

Єлісаветський С. Євреї в антифашистському опорі і радянському підпільному-партизанському русі в Україні // Український історичний журнал. — 1995. № 3.

Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев Борис Забарко. — Киев, 1999 — 575 с. Переиздание — Киев, 2000. — 578 с.

Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы. Книга 1. Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев Борис Забарко. — Киев, 2008. — 620 с.

Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы. Книга 2. Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев Борис Забарко. — Киев, 2007. — 536 с.

Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы. Книга 3. Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев Борис Забарко. — Киев, 2007. — 699 с.

Забарко Борис. Голокост у житті і на екрані. Уроки ХХ століття // Всесвіт, 1995, № 8–9, с. 87–91, 176–178.

Забарко Борис. Испытание Катастрофой // Еврейська історія та культура в Україні. Матеріали конференції. — Київ, 1996. — С. 4–9.

Забарко Борис. Транснистрия: боль нашей памяти // Еврейская мысль сквозь века. Сборник научных трудов по иудаике, еврейской истории и культуре. Вып. 6, — Днепропетровск, 2002. — С. 147–157.

Забарко Борис. Транснистрия: боль нашей памяти // «Заметки по еврейской истории», № 11, 28 апреля 2002 г.

Забарко Борис. Жизнь в тени смерти: Запоздалые свидетельства переживших Холокост // «Заметки по еврейской истории», № 14, 9 июня 2002 г.

Забарко Борис. Память и история. Воспоминания и свидетельства последнего поколения, пережившего Холокост. // «Заметки по еврейской истории», № 11–12 (72), ноябрь–декабрь 2006 г.

Забвению не подлежит. Сборник материалов о Холокосте, пережитом моими земляками. Сост. Г. Фельдман — Житомир, 2000. — 251 с.

Забвению не подлежит. Свидетельства жителей Мельбурна о Холокосте. Редакторы Борис Старк и Владимир Лейкин. — Мельбурн, 2003. — 204 с.

Забывтый агрессор: Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. Сборник статей / Сост. А.Р. Дюков. Фонд «Историческая память». — М., 2010. — 168 с.

Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов. / Сост.: И. Ф. Воробьев и др. — Запорожье, 1959.

Збройний виступ євреїв у Янівському таборі в інформаційних звітах українських і польських націоналістів (Публікація Ж. Ковби, А. Гогуна) // «Голокост і сучасність», № 1 (7) (2010). — С. 143–153.

Зверства немецко-фашистских захватчиков: Документы. / Сост. Ф. Г. Потемкин/. — М.: Воениздат, 1943. — Вып. 8.

Зверства немецко-фашистских захватчиков: Документы. / Сост. Ф. Ф. Матросов/. — М.: Воениздат, 1945. — Вып. 13.

Історія застерігає. Трофейні документи про злочини німецько-фашистських загарбників та їх посібників. — Київ, 1986.

История Холокоста в Одесском регионе. Сборник статей и материалов. — Одесса, 2006. — 372 с.

Йонес Элияху. Евреи Львова в годы второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства. 1939–1944. — Москва, 1999. — 488 с.

Кабанчик І. Місця скорботи. — Львів, 2003. — 24 с.

Кабанчик І. Б. Історія скорботи та героїзму / Методичний посібник з історії Голокосту. — Дніпропетровськ—Запоріжжя, 2004. — 92 с.

Кабузан В. М., Наулко В. І. Євреї на Україні, в СРСР і в світі: чисельність і розміщення // Український історичний журнал. — 1991. — № 6.

Калика Люся. 820 дней в подземелье: 10.01.42 г. — 10.04.44 г./ Л. Калика. — Одесса; Иерусалим: Скопус, 2007. — 180 с.

Кальман Арон. Я это помню... (воспоминания бывшего узника фашизма). — Львов, 2000. — 36 с.

Каминский Я. Минувшее проходит передо мной. — Одесса, 1995.

Капцан Ф. Мне было двенадцать лет // Еврейские вести, 1996, № 7. — 8. — С. 4.

Катастрофа европейського єврейства під час другої світової війни. Рефлексії на межі століть. Збірник наукових праць. — Київ, 2000. — 364 с.

Катастрофа и Сопrotивление украинского еврейства (1941–1944). Очерки по истории Холокоста и Сопrotивления в Украине. — Киев, 1999. — 423 с.

Кахане Д. Щоденник Львівського гетто. // Діалоги, 1987, № 5–6, 7–8, 13–14.

Киевщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов. — Киев, 1963.

Київський процес: Документи та матеріали / Упоряд. Л.М. Абраменко. — К., 1995. — 208 с.

Кіровоградщина в роки Великої Вітчизняної війни 1941–1945. Збірник документів і матеріалів. — Дніпропетровськ, 1965.

Клименко Олег, Ткачов Сергій. Українці в поліції в рейхскомісаріаті «Україна»: німецький окупаційний режим на Кременеччині у 1941–1944 рр. — Харків: Ранок-НТ, 2012. — 272 с.

Книга памяти. Бабий Яр. Автор-составитель И. М. Левитас. — Киев, 1999. — 300 с.

Книга пам'яті Дробицького яру. Автори-упорядники: В. П. Лебедева, П. П. Сокольський. — Харків, 2004. — 207 с.

Книга памяти евреев Черниговщины, погибших в годы Второй мировой войны. Составитель и редактор Я. Б. Сокольский. — Нежин. 2003. — 455 с.

Коваль В. Путь к Бабьему Яру. (Германский антисемитизм: история, теория, политика). — Историчні зошити, 1991, № 5. — С. 15–30.

Коваль М. Історія пам'ятає (Кривавий шлях фашистів на Україні). — Київ, 1965.

Коваль М. Нацистський геноцид щодо євреїв та українське населення (1941–1944) // Український історичний журнал, 1992, № 2, — С. 20–45.

Коваль М. Трагедия Бабьего Яра: история и современность // Новая и новейшая история, 1998, № 4. — С. 24–42.

Ковальчук Станіслав, Фрідман Артур. Шалом, Славутчани. — Славута, 2001.

Ковба Жанна. Людяність у безодні печла: поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання». Видання друге. — Київ, 2009.

Ковба Ж., Подольський А. Катастрофа українського єврейства: спроба історіографічного та методологічного підходу // Еврейская мысль сквозь века. Сборник научных трудов по иудаике, еврейской истории и культуре. Вып. 6, — Днепропетровск, 2002, с. 158—174.

Коган Л. Холокост на Житомирщине // Историчні уроки Голокосту та між-національні відносини. — Дніпропетровськ: Центр «Ткума», 2010. — С. 323—349.

Козицький Андрій. Геноцид та політика масового винищення цивільного населення у ХХ ст. (причини, особливості, наслідки): Навч. посібник. — Львів: Літопис, 2012. — 608 с.

Коліс Чернівці були гебрейським містом... Свідчення очевидців. — Чернівці, 1998.

Колокола памяти. Воспоминания бывших узников гетто и концлагерей, проживающих в Ашдоде. — Ашдод; Зикарон. — 2005.

Кондрашова В. М. Голокост у Запорізькому краю // Голокост в Україні у регіональному і загальнолюдському вимірі. Збірник наукових праць. — Львів, 2005. С. 54—60.

Король В., Кучер В., Мигрин Г. Без строку давності. Трагедія Бабиного Яру. — Київ, 1991.

Косик В. Україна в Другій світовій війні у документах: Зб. нім. арх. матеріалів. — Т. 1—4. — Львів, 1997—2000.

Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941—1944 гг. Хроника событий. — Могилев-Подольский, 1997. — 99 с.

Круглов А. И. Уничтожение еврейского населения в Винницкой области в 1941—1944 гг. - Могилев-Подольский, 1997. — 89 с.

Круглов А. И. Энциклопедия Холокоста. Еврейская энциклопедия Украины. — Киев, 2000. — 224 с.

Круглов А. Катастрофа украинского еврейства 1941—1944 гг. Энциклопедический справочник. — Харьков, 2001. — 275 с.

Круглов А. Потери евреев Украины в 1941—44 гг. // Истоки. Вестник Народного университета еврейской культуры в Восточной Украине. — 2001. — № 9.

Круглов А. Сколько евреев было истреблено в Киеве осенью 1941 г.? // Голокост і сучасність: Науково-педагогічний бюлетень Українського центру вивчення історії Голокосту. — 2002. — № 3—6.

Круглов А. Хроника Холокоста в Украине. 1941—1944. — Днепропетровск—Запорожье, 2004.

Круглов А. Потери евреев Украины в 1941—1944 гг. — Х.: Тарбут Лаам, 2005. — 376 с.

Круглов А. О количестве евреев, уничтоженных эйнзатцгруппами в 1941—1943 гг. // Голокост і сучасність. — 2008. — № 1. — С. 39—64.

Круглов А. Трагедия Бабьего Яра в немецких документах. — Днепропетровск, 2011. — 140 с.

Крым в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Сборник документов и материалов. - Симферополь, 1973.

Краткая еврейская энциклопедия. Тт. 1—10. — Иерусалим: Кетер, 1976—2000.

Кузнецов А. Бабий Яр. Роман-документ. — Киев, «Радянський письменник», 1991. — 352 с.

Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник еврейского университета в Москве. — 1995. — № 2 (9).

Курило Т., Хімка І. Як ООН ставилася до євреїв. Роздуми над книжкою Володимира В'яровича / Україна Модерн. Ч. 13. К., 2008.

Лауер Венді. Творення нацистської імперії та Голокост в Україні. — К., 2010. — 367 с.

Левін К. Мандрівка крізь ілюзії / Пер. з англ. — Львів: Свічадо, 2007. — 478 с.

Левин Эдуард. Воспоминания евреев Ялты, переживших Холокост. 2008.

Левин Эдуард. Сорок дней до расстрела. — Москва, 2001. — 260 с.

Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. — Кишинев, 1981. — 392 с.

Левитас Илья. Герои и жертвы. Факты из истории еврейского народа. — Киев, 1997. — 415 с.

Левитас Илья. Праведники Бабьего Яра. — Киев, 2001. — 256 с.

Левітас Фелікс. Євреї України в роки Другої світової війни. — Київ, 1997. — 272 с.

Левитас Ф., Шимановский М. Бабий Яр: страницы трагедии. — Киев, 1991. — 45 с.

Левитас Ф. История Холокоста. — Днепропетровск, 2004. — 212 с.

Литвин В. Україна в Другій світовій війні (1939—1945). — К., 2004.

Люди остаются людьми. Свидетельства узников фашистских лагерей-гетто. Вып. I—V. — Черновцы, 1991—1996.

Ляховицкий Ю. Попранная мезуза («Книга Дробицкого Яра»): свидетельства, факты, документы о нацистском геноциде еврейского населения Харькова в период оккупации, 1941—1942 гг. — Харьков, «Основа», 1991. — 192 с.

Ляховицкий Ю. Пережившие Катастрофу: спасшиеся, спасители, коллаборанты. Свидетельства, факты, документы. — Харьков, «Основа», 1996. — 192 с.

Ляховицкий Ю. Желтая Книга: Свидетельства, факты, документы о нацистском геноциде еврейского населения Харькова в период оккупации. 1941—1943. — Харьков, 1994. — 124 с.

Малаков Д. В. Київ. 1939–1945. Фотоальбом. — Київ, Видавництво «КІЙ», 2005. — 461 с.

Манинович Яков. Уничтожение евреев на Юге Украины (1941–1944). — Тель-Авив, 2009.

Масловський В. І. Холокост євреїв України. Початок. Галичина. Київ, 2005. — 56 с.

Микитенко О. Дорога зла і жалю // Еврейские вести, 1997, № 5–6.

Митрополит Андрей Шептицький. Документи і матеріали. /1941–1944/ Упорядник Жанна Ковба. — Київ, «Дух і літера», 2003. — 313 с.

Михайлюк М. В. Нацистська пропаганда в окупованому Києві // «УІЖ», 2006, № 1. — С. 131–144.

Михман Дан. Катастрофа европейского еврейства. Ч. 1–6. — Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1995–1997.

Між життям і смертю. Невільницькі спомини. — Ужгород, «Карпати», 2007. — 254 с.

Місця скорботи. (Волинська область). 1941–1944 рр. — (Упор. І. Кабанчик та О. Богун). — Львів, 2005. — 16 с.

Місця скорботи. (Івано-Франківська область). 1941–1944 рр. — (Упор. І. Кабанчик та О. Богун). — Львів, 2005. — 16 с.

Місця скорботи. (Тернопільська область). 1941–1944 рр. — (Упор. І. Кабанчик та О. Богун). — Львів, 2005. — 20 с.

Мостовой М. Н., Мостовая А. Г. Мы прошли через ад. — Вінниця, 2004. — 47 с.

Музиченко Володимир. Володимир єврейський. Історія і трагедія єврейської громади м. Володимира-Волинського. 2011.

Назария Сергей. Холокост: Страницы истории (на территории Молдовы и прилегающих областях Украины, 1941–1944). — Кишинев, 2005. — 304 с.

Назустріч пам'яті: Навч.-метод. посіб. до фільму про Холокост в Україні «Назви своє ім'я» / Авт.-упоряд. О. Войтенко, М. Тяглий. — К. 2007. — 240 с.

Найман Александр. Они отрицают Холокост в Украине // Еврейский обозреватель. — Киев, 2006, № 1 (116). — С. 11.

Наконечный В. Холокост на Воляни: жертвы и память. — Луцк, МП «Заря плюс», 2003. — 67 с.

Наконечный Є. Холокост у Львові (записки очевидця) // Віче, 1992, № 12.

Наконечный Є. ШОА у Львові. Спогади. — Львів. — 2004, 301 с.

Нахманович В. До питання про склад учасників каральних акцій в окупованому Києві (1941–1943) // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукраїнської наукової конференції, м. Київ, 30–31 жовтня 2006 р. — К.: Зовнішторговидав, 2007. — С. 227–262.

Нахманович В. Р. Буковинський курінь і масові розстріли євреїв Києва восени 1941 р. // Український історичний журнал. — 2007. — № 3. — С. 76–97.

Нахманович В. До питання про склад учасників каральних акцій в окупованому Києві (1941–1943) // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукр. наук, конф., м. Київ, 30–31 жовтня 2006 р. — К., 2007. — С. 227–262.

Нахманович В. Бабин Яр. Історія. Сучасність. Майбутнє. (Роздуми до 70-річчя київської масакри 29–30 вересня 1941 р.). // Український історичний журнал. — 2011. — № 6. — С. 105–122.

Нацистская оккупация и Холокост в Харькове. Воспоминания Киры Солонинкиной / Вступление, публикация и примечания Ю. Радченко // Голокост і сучасність. — 2010. — № 1. — С. 64–74.

Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Из серии «Расскрещенная память». Крымский выпуск. Том 2./составитель Валякин А. В. — Симферополь, 2010. — 408 с.

Неизвестная Черная книга: свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев (1941–1944 гг.) — Иерусалим–Москва, 1993. — 463 с.

Не забудеться, не простится. — Ужгород, 1982.

Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. Збірник документів і матеріалів / Упоряд. А.А. Батюк та ін. / — Київ, 1963.

Новофастовский М. Шаровская трагедия. //100 еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель. Вып. 1, Подолия, 2-е издание. Иерусалим–Санкт-Петербург, 1998.

Нюрнбергский процесс: сборник материалов. В 8-ми томах. — Москва: «Юридическая литература», 1987–1990.

Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Тт.1, 2. — Одесса, 1949.

Оккупация. Одесса 1941–1944 гг. Документы и материалы из собрания Михаила Пойзнера (Сост. М. Б. Пойзнер, А. Л. Грабовский, О. И. Губарь). - Одесса, 2004. — 376 с.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. Історичні нариси. — Київ, 2005. — 495 с.

Орлянский С. Холокост на Запорожье. — Запорожье, 2003. — 61 с.

Офіційський Р. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). — К., 1997.

Память Бабьего Яра: Воспоминания, документы. / Автор-составитель И. Левитас. Киев, 2001. — 256 с.

Пам'ять заради майбутнього. З історії десятирічної діяльності Української спілки в'язнів — жертв нацизму та спогади. — Київ, 2003. — 567 с.

Пам'ять заради майбутнього. З історії діяльності Української спілки в'язнів — жертв нацизму та спогади. Книга II. — Київ, 2006. — 324 с.

Пам'яті трагедії Дробицького Яру. Матеріали наукової конференції. — Харків, 1999. — 51 с.

Пастух Р. Трагедія дрогобицького єврейства // Діалоги. Квартальник громадсько-політичний та літературний. 1992, № 21.

Передайте дітям нашим о нашій судьбі. Сборник документів, дневників и воспоминаний. — Симферополь, БЕЦ «Хэсэд Шимон», 2001. — 294 с.

Першина Т. С. Фашистский геноцид на Украине 1941—1944. — Киев, 1985.

Петрашевич Ю. Тіні Бабиного Яру: нові факти і свідчення очевидців // Київ, 1994. — №№ 1, 2, 3/4, 5/6.

Петровський В. І., Радченко П. О., Семененко В. І. Історія України. Неупереджений погляд. Факти, міфи, коментарі. — Харків, 2008. — 609 с.

Поділля у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу 1941—1945. Збірник документів і матеріалів. — Львів, 1969.

Подольний І. Людям ХХІ века. Тем, кому суждено жить... — Вологда: Фест, 2008. Книга посвящена истории еврейского гетто в украинском городе Балта.

Подольський А. Нацистський геноцид щодо євреїв України (1941—1944 рр.). Автореферат дисертації на здобуття ступення кандидата історичних наук. — Київ, 1996. — 18 с.

Подольський А. Уничтожение еврейского населения в среднем Поднепровье во время нацистской оккупации Украины // Вестник Еврейского университета в Москве, 1996, № 1. — С. 61—74.

Подольський А. Еврейская община Гайсина в период Катастрофы // Єврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи. Збірник наукових праць, т. 1, — Київ, 1998, — С. 157—161.

Полищук С. Купель на площади: записки адвоката. — Одесса, 1995. — 220 с.

Полищук В. Гірка правда: злочинність ОУН—УПА.

Полищук Виктор. Гора родила мышь, Бандеровскую. — К., 2006. — 79 с.

Полтавщина у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу 1941—1945. Збірник документів і матеріалів, Київ, 1977.

Попович М. Єврейський геноцид в Україні: історія та уроки. // «Філософська і соціологічна думка», 1994, № 5—6. С. 12—30.

Привлер Макс. Расстрелянный трижды. Автобиографическая трилогия. — Тель-Авив, 1998. — 240 с.

Последние свидетели. — Москва, 2002. — 396 с.

Проблемы Холокоста в Украине. Тезисы докладов и выступлений Международной научной конференции Вып. 1. — Запорожье, 2002. — 91 с.

Проблемы Холокоста в Украине. Тезисы докладов и выступлений Второй Международной научной конференции. Вып. 2. — Запорожье, 2003. — 187 с.

Проліски за колючим дротом. Спогади колишніх малолітніх в'язнів фашизму. Авторі-упорядники О. К. Васюков, М. Є. Петренко, С. Р. Подольський. — Львів, 2004. — 241 с.

Прусин А. Украинская полиция и Холокост в генеральном округе Киев, 1941—1943: действия и мотивации // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. — 2009. — №1. — С. 31—59;

Рабинер Б. Мы родом из гетто. Воспоминания бывших узников Могилев-Подольского гетто. — Нью-Йорк, 1996.

Радченко Ю. Знищення харківських євреїв органами ГФП та СД в роки Другої світової війни // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Вип. 42. — Харків, 2010. — С. 134—144.

Радченко Ю. «Ми випустили в них всі патрони...»: колаборація та Голокост у Краснограді Харківської області (жовтень 1941 — червень 1942 рр.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. — Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2010. — Вип. 13. — С. 172—181).

Радченко Ю. «Його чоботи та есесівська форма були забризкані кров'ю...»: таємна польова поліція, поліція безпеки та СД, допоміжна поліція у терорі щодо євреїв Харкова (1941—1943 рр.) // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. — 2011. — № 2. — С. 46—86.

Разлука / Ред. Е. С. Криулько. — Феодосия, 2010. — 216 с.

Редліх Шимон. Разом і нарізно в Бережанах. Поляки, євреї та українці. 1919—1945. — Київ, «Дух і літера», 2002. — 325 с.

Рейдер Алла. Еврейская община Закарпатья. XX век: События, судьбы, документ. — Ужгород, 2004. — 192 с.

Росс К. (спонсор и издатель). «Рожденные страдать?» Катастрофа в Украине 1941—1944 гг. — Винница: Глобус-Пресс, 2011. — 204 с.

Рудницька Н. В. Голокост на Житомирщині в документах Державного архіву Вінницької області // ХХ століття — етнонаціональний вимір та проблеми Голокосту: Збірник наукових праць за матеріалами Міжнародної науково-практичної конференції, Житомир, 22—23 жовтня 2010 р. — Дніпропетровськ, 2011. — С. 373—378.

Рыбачук А., Мельниченко В. Когда рушится мир. — Киев, «Юрінформ», 1991, — 80 с.

Сборник документів и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941—1944 годах. Сост. А. Круглов. — Киев, 2002. — 486 с.

Скажи, Дробичкий Яр...: очерки, воспоминания, документы, стихи. Сост. В. П. Лебедева, П. П. Сокольский. — Харьков, «Бенсия», 1991. — 300 с.

Слипченко Л. М. Правда о неправдоподобном. — Киев, «Оранта», 2003. — 832 с.

Слободянюк П. Я., Вавринчук М. П., Олійник Ю. В., Смоленюк П. С., Телячий Ю. В. Воєнне лихоліття на Поділлі (1941—1945 рр.). — Кам'янець-Подільський, 2007. — 312 с.

Смилянская Ю. В. Отражение Холокоста в прессе оккупационного периода на территории Украины // Катастрофа европейского еврейства под час Другої

світової війни. Матеріали VII наукової конференції. — Київ, Інститут юдаїки, 2000. — С. 300—304.

Смилянская Ю. В. История одной редакции (газеты «Украинское слово» и «Новое украинское слово») // Тень Холокоста. Материалы II Международного симпозиума «Уроки Холокоста и современная Россия». М., 1998. — С. 140—145.

Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. В трех томах. — Киев, 1988.

Советские евреи пишут Илье Эренбургу 1943—1966. — Иерусалим, 1993.

Соловка Л. Холокост на Станіславщині (Хронологія злочину за документами державного архіву Івано-Франківської області) // «Ткума», 2003, № 2 и № 3.

Соловка Л. Геноцид євреїв Станіслава в роки Другої світової війни: http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/vpnu/Ist/2008_14/035-043.pdf [25.12.2013]

Станіслав — сторінки трагедії євреїв Прикарпаття: http://www1.yadvashem.org/yv/en/education/languages/ukrainian/educational_materials/stanislawow.asp [25.12.2013]

Солонар Владимир. «Политика советской и румынской администраций по отношению к евреям Буковины в 1940—1944 гг.» // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі, № 2 (8), 2011. — С. 149—180.

Спектор Ш. Участие евреев в сопротивлении и в партизанском движении на территории Советской Украины // Яд Вашем: Исследования // Сост. Д. Романовский, Д. Зильберкланг. — Вып. 1. — Иерусалим, 2009. — С. 155—170; Спивак М. Через гетто, Гулаг и галут... Москва—Иерусалим, 2002. — 187 с.

100 еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель: Подолия // Составители В. Лукин, Б. Хаймович — Иерусалим — СПб., 1997. — Вып. 1. — 256 с.

100 еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель: Подолия // Составители В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович — СПб., 2000. — Вып. 2. — 704 с.

Страшевич В. Трагічна доля та героїзм черкаських євреїв // Єврейський світ. Альманах. — 2004. — С. 77—89.

Сугацька Н. В. Геноцид проти єврейського населення Півдня України в роки німецько-румунської окупації (1941—1944 рр.): Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд.історич.наук. — Миколаїв, 2006.

Сумская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Сборник документов и материалов. — Харьков, 1963.

Суровцев О. А. Голокост у Північній Буковині та Хотинщині в роки Другої світової війни: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. — Чернівці, 2006.

Суровцев О. Процес депортації єврейського населення Північної Буковини 1941—1942 рр. як складова антиєврейської політики румунської окупаційної влади // Проблеми історії Голокосту: Наук. журн. — Вип. 3. — Дніпропетровськ, 2006. — С. 130—136.

Суровцев Олег. «Создание и функционирование гетто в Черновцах в октябрь-ноябре 1941 г.» // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. — № 2 (8), 2011. — С. 189—196.

Сусленський Я. Справжні герої. Про участь громадян України у врятуванні євреїв від фашистського геноциду. — Київ, 1993. — 152 с.

Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. Черная книга о Катастрофе в Северном Причерноморье (по воспоминаниям и документам). — Одесса, 1998. — 431 с.

Стародинский Д. Одесское гетто: воспоминания. Одесса, 1991. — 110 с.

Тарлов Ефрем. Холокост: свидетельства очевидца. Трагедия еврейской общины города Бар. (Украина. Подолия. Винницкая область. Гетбиткомиссариат Бар 1941—1944 гг.). — Запорожье, 2001, 64 с.

Тарлов Ефрем, Додик Семен. Холокост. Два свидетельства — Запорожье, 2003. — 93 с.

Тарлов Ефрем. Коллаборационисты. (Свидетельства бывшего малолетнего узника гетто г. Бар Винницкой области о местных пособниках немецких оккупационных властей в 1941—1944 гг.) // Избранные труды запорожских еврейских чтений. 2000—2004. — Запорожье, 2005. — С. 91—97.

Тень Холокоста (Материалы II международного симпозиума “Уроки Холокоста и современная Россия”). — Москва, 1998. — 204 с.

Трепачева О. Оккупационный режим и еврейское население Днепропетровщины 1941—1943 гг. Дисс. на соискание науч. степени канд. истор. наук по спец. 07.00.01 (история Украины). — Днепропетровск, 2010.

Трубаков Захар. Тайна Бабьего Яра. Документальная повесть-хроника. — Тель-Авив, «Кругозор», 1997. — 184 с.

Тяглый М. И. К вопросу о нацистской антисемитской пропаганде на оккупированных территориях СССР: новые источники // Голокост і сучасність. — № 4, август, 2002. — С. 6—7.

Тяглый Михаил. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова (1941—1944). Справочник. — Симферополь, 2005. — 105 с.

Тяглый М. И. Антисемитская пропаганда на оккупированных нацистами советских территориях: историография и методика изучения вопроса // Голокост і сучасність. — 2005. — №1.

Удлер Рубин. Годы бедствий. Воспоминания узника гетто. — Кишинев, 2003. — 327 с.

Україна в Другій світовій війні у документах. Збірник німецьких архівних документів. Т. 1. — Львів, 1997.

Україна в Другій світовій війні: Погляд з ХХІ століття. Історичні нариси: У 2-х кн. — К., 2011. (Т. 1. — 735 с.; Т. 2. — 943 с.).

Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: В 2 тт. / Под ред. А. Н. Артизова. — М., 2012. — Т. 1: 1939—1943. — 878 с.; Т. 2: 1944—1945. — 1167 с.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944 гг.): сборник документов и материалов. Редактор Ицхак Арад. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1991. — 424 с.

Уривалкін О. М. Довідник з історії України. — Харків, 2008. — 1008 с.

Уроки Холокоста и современная Россия. — Москва, 1995.

Финкельштейн И. М. Книга мужества и скорби // Евреи Винницы в годы Великой Отечественной войны. — Винница, 1999. — Вып. 1.

Фишер Юлиус. Транснистрия: забытое кладбище. — Одесса, 2002. — 128 с.

Флориану Александр. «Судьба евреев северной Буковины при режиме Антонеску: свидетельства об эволюции антисемитской политики из стенографических отчетов заседаний кабинета министров» // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі», № 2 (8), 2011. — С. 207—218.

Фоерман Юліуш. Щоденник зі Станіслава (1941—1943 рр.) Пер. з польської. — Івано-Франківськ, 2009. — 56 с.

Фостій І. П. Північна Буковина і Хотинщина у Другій світовій війні в 1939—1945 рр. - Чернівці, 2005. — 368 с.

Хандрос Борис. Местечко, которого нет. Часть 1. — Киев, 2002. — 328 с., ч. 2. — Киев, 2003. — 402 с.

Хасин Аркадий. Возвращение из Голгофы. — Одесса, 2000. — 176 с.

Холокост в Крыму. Документальные свидетельства о геноциде евреев Крыма в период нацистской оккупации Украины (1941—1944). Сборник документов и материалов (Редактор-составитель М. Тяглый). — Симферополь, 2002. — 250 с.

Холокост на периферии. Еврейская политика и уничтожение евреев в Румынии и Транснистрии в 1940—1944 гг. (Сборник статей. Сост. Вольфганг Бенц, Бригитте Михок). — Берлин, 2009. — 263 с.

Холокост на территории СССР. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. I. — М., 2012. — 155 с.

Холокост на территории СССР: Энциклопедия (Гл. ред. И. А. Альтман. — М.: Российская политическая энциклопедия): Научно-просветительный центр «Холокост», 2009. — 1143 с.

Холокауст на Украине и антисемитизм в перспективе (под редакцией Ю. М. Ляховицкого). — Харьков, «Бенсия», 1992. — 149 с.

Холокост, «еврейский вопрос» и современное украинское общество (Коллектив авт. под общ. ред. Ю. М. Ляховицкого). — Харьков, 1996. — 391 с.

Холокост. Помнить и рассказать. (Автор-составитель Е. Г. Гологорский). — Москва, 2013. — 175 с.

Холокост — Сопrotивление — Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период 1939—1948. Учебное пособие. — Москва, Фонд «Холокост», 2000. — 344 с.

Холокост. Убийство евреев в 1933—1945 гг.: Документы. Свидетельства. Литература. (Сост. и ред. А. Кардаш). — Москва-Иерусалим, 2003.

Хонигсман Я. Катастрофа львовского еврейства. Львов, 1993. — 57 с.

Хонигсман Я. Яновский лагерь. Львов, 1996.

Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины: евреи Восточной Галиции, Западной Волыни, Буковины и Закарпаття в 1933—1945 годах. Львов, 1998. — 350 с.

Хонигсман Яков. Документы Катастрофы в государственном архиве Ивано-Франковской области // Избранные труды запорожских еврейских чтений. 2000—2004. — Запорожье, 2005. — С. 83—88.

Черниговщина в период Великой Отечественной войны 1941—1945. Сборник документов и материалов. Киев, 1978.

Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно-оккупированных районах Советского Союза и в лагерях уничтожения Польши во время войны 1941—1945 гг. Под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. Иерусалим, 1980. Переиздание: Вильнюс, 1993.

Чудом уцелевшие. Воспоминания бывших узников концлагерей и гетто объединения «Уцелевшие чудом» г. Петах-Тиква. — Петах-Тиква, 2005. — 142 с.

Шайкан В. О. Злочинна діяльність українських колаборантів у роки Другої світової війни // Сторінки воєнної історії України. — Вип. 7. — К., 2003. — С. 263—272.

Шайкан В. О. Колабораціонізм на території рейхскомісаріату «Україна» і військової зони в роки Другої світової війни. — К., 2006.

Шафета П. Строку давності не існує. — Київ, 1984.

Шафран Александр. Сопrotивление нацистскому урагану. 1940—1944. Мемуары. Одесса, 2003. — 136 с.

Швейбиш Семен. Ограбление евреев Украины во время Шоа (Холокоста) // «Заметки по еврейской истории», № 4 (163), апрель 2013 г.

Швейбиш Семен. Принудительный труд евреев во время Шоа (Холокоста) на Украине (1941—1944) // «Заметки по еврейской истории», № 5 (164), май 2013 г.

Шлаен Александр. Бабий Яр. Киев, 1996. — 416 с.

«Штетл» як феномен єврейської історії: Матеріали наукової конференції. Київ, 30 серпня — 3 вересня 1998 р. / Редкол.: Г. Аронов та ін. / — К., 1999.

Шубинский В. События Холокоста в материалах Гайсинского городского архива // История евреев на Украине и в Белоруссии: Экспедиции. Памятники. Находки Санкт-Петербург, 1994. — С. 167—170.

Шубинский В., Лукин В. Катастрофа: по страницам «устной истории». Меджибож и Летичевский лагерь // История евреев на Украине и в Белоруссии: Экспедиции. Памятники. — С. 171–184.

Шульмейстер Ю. Гитлеризм в истории евреев. Киев, 1990. — 253 с.

Шульмейстер Ю. А. Совесть и бесчестье. — Львов, 1984.

Щоденник Львівського гетто. Спогади рабина Давида Кохане / Упорядник Жанна Ковба/. — Київ, «Дух і літера», 2003. — 267 с.

Щупак И. Я. Отношение украинского населения Запорожья к евреям во время войны 1941–1945 гг. // Запорожские еврейские чтения. — Вып. 1. — Запорожье, 1997. — С. 120–121.

Щупак Игор. Голокост в Україні: пошуки відповідей на запитання історії. — Дніпропетровськ, 2005. — 148 с.

Эренбург София (Кравцова). Холокост. Гетто. Мои воспоминания. Тель-Авив, 2012.

Это забыть нельзя... Евреи — жертвы нацизма и герои Сопrotивления. Книга памяти. Составитель Борис Гидалевич. — Иерусалим, 1997.

Яковлев Лео. Холокост и судьба человека. Харьков, 2003. — 167 с.

Ainsztein Reuben. Jüdischer Widerstand im deutschbesetzten Osteuropa während des Zweiten Weltkrieges. — Oldenburg 1993.

Ancel Jean The Romanian Campaigns of Mass Murder in Transnistria, 1941–1944 / Braham R. L. (Editor), The Destruction of Romanian and Ukrainian Jews during the Antonescu Era, — N.Y., 1997. — P. 87–133.

Ancel Jean The Romanian Way of Solving the «Jewish Problem» in Bessarabia and Bukowina. June-July 1941 // Yad Vashem Studies 19 (1988). — P. 187–232.

Ancel Jean. Transnistria, 1941–1942. The Romanian Mass Murder Campaigns. Volume 1. History and Documents Summaries. — Tel-Aviv, 2003, — 874 p.

Angrick A. The Escalation of German-Rumanian Anti-Jewish Policy after the Attack on the Soviet Union // Yad Vashem Studies. — Vol. XXVI (1998). — P. 203–238.

Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. — Hamburg, 2003. — 795 S.

Angrick Andrej: Annihilation and Labor: Jews and Thororoughfare IV in Central Ukraine, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy: The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization, Bloomington and Indianapolis 2008. — 190–223 p.

Arnold K. J. Die Eroberung und Behandlung der Stadt Kiew durch die Wehrmacht im September 1941: Zur Radikalisierung der Besatzungspolitik // Militärgeschichtliche Mitteilungen 58 (1999).

Babij Jar 1941. Das Massaker deutscher Exekutionskommandos an der jüdischen Bevölkerung von Kiew sechzig Jahre danach zum Gedenken. — Hrsg. von Erhard Roy Wiehn. — Hartung-Gorre Verlag, Konstanz, 2001. — 850 S.

Bartov O. Erased: Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine. — Princeton University Press, 2007. — XVII, 232 p. <http://www.zgroup.com.ua/article.php?articleid=440> [25.12.2013]

Bartov Omer: White Spaces and Black Holes: Eastern Galicia's Past and Present, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy: The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization, Bloomington and Indianapolis 2008, S. 318–353.

Bechtel Delphine. The 1941 Pogroms as Represented in Western Ukrainian Historiography and Memorial Culture. In: The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations. — Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Benz Wolfgang (Hg.): Dimensionen des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus. — München 1996.

Benz Wolfgang, Mihek Brigitte (Hrsg.) Judenpolitik und Judenmord in Rumänien und Transnistrien. 1940–1944. — Berlin, 2009, 262 S.

Berenstein T. Eksterminacja ludności żydowskiej w dystrykcie Galicja (1941–1943) // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. — 1967. — № 61.

Berenstein T. Praca przymusowa ludności żydowskiej w tzw. dystrykcie Galicja // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. — 1969. — № 69,

Berkhoff K. C. Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. — Cambridge, Massachusetts and London, 2004. — 463 p.

Berkhoff K. C., Carynyk M. The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude toward Germans and Jews: Jaroslav Steśko's 1941 Zhytyieps // Harvard Ukrainian Studies. 1999. Vol. 23. № 3–4.

Berkhoff Karel C. Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian, and Ukrainian Records, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy: The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization, Bloomington and Indianapolis 2008. — P. 291–317.

Blitt Laizer. No Strength to Forget: Survival in the Ukraine, 1914–1944. — Valentine Mitchell. — September 2007. — 191 S.

Boll Bernd. «Zloczow, July 1941: The Wermacht and the Beginning of the Holocaust in Galicia: From a Criticism of Photographs to a Revision of the Past» in: Omer Bartov, Atina Grossmann, Mary Nolan, eds. Crimes of War. Guilt and Denial in the Twentieth Century. — New York: The New Press, 2002, c. 61–99.

Braham R. L. The Kamenets Podolsk and Delvidek Massacres. Prelude to the Holocaust in Hungary // Yad Vashem Studies 9 (1973).

Brooks Crispin Visual History Archive Interviews on the Holocaust in Ukraine. In: The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations. — Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Browning Christopher. Die Entfesselung der «Endlösung», Nationalsozialistische Judenpolitik 1939–1942. — München, 2003.

Carp Matatias. Holocaust in Rumania. Facts and documents on the annihilation of Rumania's Jews. — 1940–1944. — Published by Primor Publishing Co., 1994.

Carynnyk M. Foes of our rebirth: Ukrainian nationalist discussions about Jews, 1929–1947 // *Nationalities Papers*. – 2011. – Vol. 39. – № 3 (May). – P. 315–352.

Coldewey, Gaby u.a. (Hrsg.): *Zwischen Pruth und Jordan. Lebenserinnerungen Czernowitzer Juden*, Köln, Weimar, Wien, 2003.

Dean Martin. *Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944*. – New York: St. Martins Press, 2000. – 268 p.

Dean Martin C. The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft and the “Second Wave” of Jewish Killings in Occupied Ukraine: German Policing at the Local Level in the Zhitomir Region, 1941–1944 // *German History*. – Vol. 14. – № 2. – P. 168–192.

Dean M. *Jewish Property Seized in the Occupied Soviet Union in 1941 and 1942: The Records of the Reichshauptkasse Beutestelle II Holocaust and Genocide Studies*. – Vol. 14. – Number 1. – Spring 2000. – P. 83–101.

Dean Martin: *Soviet Ethnic Germans and the Holocaust in the Reich Commissariat Ukraine, 1941–1944*, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy: *The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization*, Bloomington and Indianapolis 2008. – P. 248–271.

Dean Martin. *German Ghettoization in Occupied Ukraine: Regional Patterns and Sources*.

Father Patrick Desbois. *The Witnesses of Ukraine or Evidence from the Ground: The Research of Yahad – In Unum*. In: *The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations*. – Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Deletant Dennis: *Transnistria and Romanian Solution to the „Jewish Problem”*, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy: *The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization*, Bloomington and Indianapolis 2008. – P. 156–189.

Desbois Patrick. *Der vergessene Holocaust. – Die Ermordung der ukrainischen Juden. Eine Spurensuche*. Berlin, 2009. – 320 S.

Documents on the Holocaust: Selected Sources on the Destruction of the Jews of Germany and Austria, Poland, and the Soviet Union / Ed. Yitzhak Arad, Documents. *Seventh Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies. Chair of Ukrainian Studies. University of Ottawa (Canada)*, 20–22 October 2011

Eikel Markus. *Division of Labor and Cooperation: The Local Administration under German Occupation in Central and Eastern Ukraine, 1941–1944*. In: *The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations*. – Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Hilberg Raul. *Die Vernichtung der europäischen Juden*, 3. Bde.; Frankfurt am Main 1997.

Hilsenrath Edgar. *Nacht. Gesammelte Werke*, Band 1. – Dittrich Verlag, 2003. – 512 S.

Himka John Paul. «Ukrainian Collaboration in the Extermination of the Jews in the Second World War: Sorting Out the Long Term and Conjunctural Factors». *The Fate of European Jews, 1939–1945: Continuity and Contingency* / Ed. Jonathan Frankel. – New York, 1997. – P. 170–189.

Himka J. P. *The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd* // *Canadian Slavonic Papers*. – 2011. – Vol. 53, № 2–4. – P. 209–243.

Himka J.-P. *The Organization of Ukrainian Nationalists, Ukrainian Police, and the Holocaust presented at the Seventh Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies Chair of Ukrainian Studies University of Ottawa (Canada)* 20–22 October 2011 // <http://ualberta.academia.edu/JohnPaulHimka/Papers/1123467>.

Himka J.-P. *The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust* // Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 12–15 November 2009 // <http://ualberta.academia.edu/JohnPaulHimka/Papers/1123498/>

Hirt-Manheimer (Hrg.): *Siegfried Jägendorf Das Wunder von Moghilev. Die Rettung von zehntausend Juden vor dem rumänischen Holocaust*, Berlin, 2009.

The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations. – Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012. – 228 p.

Encyclopedia Judaica, 16 vols. Jerusalem, 1971–1972.

Enzyklopädie des Holocaust, Hauptherausgeber Israel Gutman u.a., deutsche Ausgabe hg. Von Eberhard Jäckel, Peter Longerich und Julius H. Schoeps, 4 Bde., München/Zürich 1995.

Encyclopedia of camps and ghettos, 1933–1945. – Vol. 2: *Ghettos in German-Occupied Eastern Europe. Parts A, B* / Geoffrey P. Megargee, General Editor; Martin Dean, Volume Editor, introduction by Christopher R. Browning. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, in association with the United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Gilbert M. *Endlösung. Die Vertreibung und Vernichtung der Juden. Ein Atlas*. – Hamburg, 1982.

Golczewski Frank: *Shades of Grey: Reflections on Jewish-Ukrainian and German-Ukrainian Relations in Galicia*, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy: *The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization*, Bloomington and Indianapolis 2008. – P. 114–155.

Gottlieb Rózsa. *Die Kälte, der Hunger, die Finsternis. Das Wunder, wie wir mit unserem Kind das Lager von Mogiljow überlebten*, Köln, 2002.

Grynberg Henryk. *Drohobycz, Drohobycz. Zwölf Lebensbilder*, Wien, 2000.

Gutman Israel. *Der Untergang der Juden in Kolomyja*, Berlin, 1958.

Feurman J. Pamiętnik ze Stanistawowa (1941–1943) // Biuletyn. ZIH. – 1966. – № 52.

Fisher Julius S. Transnistria: The Forgotten Cemetery. – New York: South Brunswick, London: Thomas Yoseloff, 1969.

Freundlich E. Die Ermordung einer Stadt namens Stanislaw. – Wien, 1986.

INTERNATIONAL COMMISSION ON THE HOLOCAUST IN ROMANIA (București), Final Report / International Commission on the Holocaust in Romania; president of the commission: Elie Wiesel; ed. Tuvia Friling, Radu Ioanid, Mihail E. Ionescu. Iași: Polirom, 2004.

Ioanid Radu. The Holocaust in Romania. The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944. – Ivan R. Dee, Chicago, 2000.

Klee E., Dressen W. (Hrsg.) «Gott mit uns». Der deutsche Vernichtungskrieg im Osten 1939–1945. – Frankfurt/Main, 1989.

Klein P. (Hrsg.) Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. – Berlin, 1997.

Kosyk W. L'Allemagne national-socialiste et l'Ukraine. – Paris: Publ. de l'Est Européen, 1986. – 665 p.

Kunz Norbert. The Jews are Completely Destroyed: The Fate of Jewish Minorities in the Crimea in World War II. In: The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations. – Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Lebenswege und Jahrhundertgeschichten. Erinnerungen jüdischer Zuwanderer aus der ehemaligen Sowjetunion in Nordrhein-Westfalen. – Köln, 2013. – 545 S.

Light in Darkness. A Survivor's Story by Simon Sterling as told to Phyllis Sterling Jacobs. – Philadelphia, 2005. – 112 p.

Litani D. Transnistria. – Jerusalem, 1981. – 321 p.

Longerich P. (Hrsg.) Die Ermordung der europäischen Juden. Eine umfassende Dokumentation des Holocaust 1941–1945. – München-Zürich, 1989.

Lower Wendi. Naci Empire – Building and the Holocaust in Ukraine. – The University of North Carolina. Press, 2007. – 307 p.

Lower Wendy. „On Him Rests the Weight of Administration“: Nazi Civilian Rulers and the Holocaust in Zhytomyr, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy: The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization, Bloomington and Indianapolis 2008. – P. 224–247.

Lower W. Pogroms, Mob Violence and Genocide in Western Ukraine, Summer 1941: Varied Histories, Explanations and Comparisons // Journal of Genocide Research. – 2011. – Vol. 13, № 3. – P. 217–246.

Lower Wendy. Anti-Jewish Violence in Western Ukraine, Summer 1941: Varied Histories and Explanations. In: The Holocaust in Ukraine: New Sources and Per-

spectives. Conference Presentations. – Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Mallmann K.-M. Der qualitative Sprung im Vernichtungsprozess. Das Massaker von Kamenez-Podolsk. Ende August 1941 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung, 10 (2001).

Mazur G., Skwara I., Węgięski I. Kronika 2350 dni wojny I okupacji Lwowa 1.IX.1939–5.II.1946. – Katowice, 2007.

Mendelsohn D. The Lost. A Search for Six of Six Million. – New York–London–Toronto–Sydney: Harper Perennial, 2007. – 512 p.

Mędykowski Witold. W cieniu gigantów: Pogromy 1941 r. w byłej sowieckiej strefie okupacyjnej. Kontekst historyczny, społeczny i kulturowy. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 2012. – 445 s.

Meindl Ralf. The Reichskommissar in the Decision-Making Process of the Ukrainian Holocaust. In: The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations. – Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Mick C. Kriegserfahrungen in einer multiethnischen Stadt: Lemberg 1914–1947. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. – P. 471–476.

Müller Werner. Aus dem Feuer gerissen. Die Geschichte des Pjotr Ruwinowitsch Rabzewitsch aus Pinsk. – Dittrich Verlag, Köln: 2001. – 295 S.

Ofer D. Life in the Ghettos of Transnistria // Yad Vashem Studies, vol. XXV (1996), p. 229–274.

Podolsky Anatoly. Collaboration in Ukraine during the Holocaust: Aspects of Historiography and Research. In: The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations. – Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. 2. Auflage. – München: R. Oldenbourg Verlag, 1997.

Pohl D. Hans Krüger and the Murder of the Jews in the Stanislawow Region (Galicia) // Yad Vashem Studies, vol. XXVI (1998), p. 239–264.

Pohl D. Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941–1943 // Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit. Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik. Herausgegeben im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte von Norbert Frei, Sybille Steinbacher und Bernd C. Wagner. – München, 2000. – S. 135–173.

Pohl Dieter. Die Herrschaft der Wehrmacht Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944, Oldenbourg Verlag, München, 2008. – 399 S.

Pohl Dieter. The Murder of Ukraine's Jews under German Military Administration and in the Reich Commissariat Ukraine, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy:

The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization,- Bloomington and Indianapolis 2008. — P. 23–76.

Prusin A. V. A “Zone of Violence”: The Anti-Jewish Pogroms in Eastern Galicia in 1914–1915 and 1941 // *Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands* / Ed. O. Bartov and E. D. Weitz. — Bloomington: Indiana University Press, 2013. — P. 362–377.

The road from Letichev: the history and culture of a forgotten Jewish community in Eastern Europe, v. 1–2 / by David A. Chapin and Ben Weinstock. — San Jose: Writer’s showcase presented by Writer’s digest, 2000.

Rosenstock W. Die Chronik von Dschurin. Aufzeichnungen aus einem rumänisch-deutschen Lager // *Dachauer Hefte* 5 (1994). — S. 40–86.

Rossoliński-Liebe G. The “Ukrainian National Revolution” of 1941. Discourse and Practice of a Fascist Movement // <http://unihamburg.academia.edu/Grzegorz-Rossoliński-Liebe/Papers/376224/>

Rudling P. A. The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths // *Carl Beck Papers. The in Russian & East European Studies*. — 2011. — № 2107. — 70 p.

Ruess H. Wer war verantwortlich für das Massaker von Babij Jar? // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 57 (1998).

Sagvari A. The Holocaust in Carpatho-Ruthenia.- Budapest: A.Sagvari, 1998.

Sandkuehler Th. „Endlösung” in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. — Bonn: Dietz-Verlag, 1996.

Schenk Dieter. Der Lemberger Professorenmord und der Holocaust in Ostgalizien, Bonn, 2007.

Schaechter K. Woss ich hob durchgelebt. Was ich durchgemacht habe. Brief einer Jüdin aus Bukowina verfasst in Transnistrien 1943. Jiddisch und deutsch. Hrsg. von E. R. Wiehn. — Konstanz, 1996.

Schoenberner Mira und Gerhard. Zeugen sagen. Aus Berichte und Documente über die Judenverfolgung im Dritten Reich. — Berlin, 1988.

Shachan Avigdor. Burning ice. The Ghettos of Transnistria. East European Monographs, Boulder Distributed by Columbia University Press. — New York, 1999.

The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization. Edited by Ray Brandon and Wendy Lower. — INDIANA UNIV PR. — Mai 2008. — 378 p.

Simon Nathan. „...auf allen Vieren werdet ihr hinaus kriechen!” Ein Zeugenbericht aus dem KZ Wapniarka, Berlin, 1994.

Snyder Timothy. The Life and Death of Western Volhynian Jewry, 1921–1945, in: Brandon, Ray und Lower, Wendy: *The Shoah in Ukraine. History, Testimony, Memorialization*, Bloomington and Indianapolis 2008. — P. 77–113.

Solonari V. Patterns of Violence: The Local Population and the Mass Murder of Jews in Bessarabia and Northern Bukovina, July–August 1941 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2007. — Vol. 8, No. 4. — P. 749–787.

Stonescu A. M. Armata, Maresalul si Evreii. Czurile Dorohoi, Bucuresti, Iasi, Odessa. — Bukarest, 1998.

Struve K. Rites of Violence? The Pogroms of Summer 1941 // *Polin. Studies in Polish Jewry*. — 2012. — Vol. 24. — P. 257–274.

Struve K. Tremors in the Shatterzone of Empires: Eastern Galicia in Summer 1941. // *Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands* / Ed. O. Bartov and E. D. Weitz. — Bloomington: Indiana University Press, 2013. — P. 463–484.

St. George G. The Road to Babiy Yar. — London, 1967.

Spector Sh. The Holocaust of Volhynian Jews, 1941–1944. *Yad Vashem: Jerusalem: Federation of Volhynian Jews*, 1990.

Sukovata Viktoria. Teaching Holocaust and Genocide Studies in Modern Ukraine: Problems and Perspectives. In: *The Holocaust in Ukraine: New Sources and Perspectives. Conference Presentations*. — Washington, DC: The United States Holocaust Memorial Museum, 2012.

The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos During the Holocaust / Guy Miron. Vol. 2. — 2009. *Yad Vashem: Jerusalem*. — 1166 p.

Teich Meir. The Jewish Self-Administration in Ghetto. Shargorod (Transnistria) // *Yad Vashem Studies on the European Jewish Catastrophe and Resistance. II*. — Jerusalem, 1958. — P. 219–254.

Ukrainian – Jewish Relations in Historical Perspective (ed. Aster Howard). — Edmonton, Can.: Canadian Institut of Ukrainian Studies, 1990.

The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945, Volume II: Ghettos in German-Occupied Eastern Europe

Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945, Band 7 Sowjetunion mit annektierten Gebieten I, Besetzte sowjetische Gebiete unter deutscher Militärverwaltung, Baltikum und Transnistrien. Bearbeitet von Bert Hoppe und Hildrun Glass. Oldenbourg Verlag, München 2011. — 891 Vernichtung Öffentlichkeit. Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik. Herausgegeben im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte von N. Frei, S. Steinbacher und B. C. Wagner. — München, 2000. — S. 135–173.

Wette W. „Schiessen müsst ihr!” Beim Massaker von Babij Jar bei Kiew teilten sich Wehrmacht und SS die blutige Arbeit // *Die Zeit*, 2001, № 48.

Wien E. Die Schoah von Babij Jar. — Konstanz, 1991.

Wien E. Nichts ist vergessen. Jüdische Schicksale in Kiev 1941–1943. Konstanz, 1993.

Wiehn Roy (Hrsg.). Klara Schächter, Woss ich hob durchgelebt. Was ich durchgemacht habe. Briefe einer Jüdin aus der Bukowina, verfasst in Transnistrien 1943, Jiddisch und deutsch, Konstanz, 1996.

Wiesenthal Simon. Jeder Tag ein Gedenktag, Chronik jüdischen Leidens, Gerlingen, 1989.

Wolkowicz Shlomo. Das Grab bei Zloczow. Geschichte meines Überlebens. Galizien 1939–1945, Berlin, 1996.

Zabarko Boris (Herausgeber). Nur wir haben überlebt. Holocaust in der Ukraine: Zeugnisse und Dokumente. – Dittrich Verlag, Berlin, 2004. – 478.

Zabarko Boris (Editor). Holocaust in the Ukraine. – London-Portland, 2005. – 394 p.

Zabarko Boris unter Mitwirkung von Margret und Werner Müller. Überleben im Schatten des Holocaust in der Ukraine. Zeugnisse und Dokumente. – Bonn, 2004. – 64 S.

Zabarko Boris. Geschichte und Gedenken an den Holocaust in der Ukraine. Zur Bedeutung der Erinnerungen und Zeugnisse der letzten Generation, die den Holocaust in der Ukraine überlebt hat. // Babette Quinkert/Jörg Morré (Hg.), Deutsche Besatzung in der Sowjetunion 1941–1944. Vernichtungskrieg. Reaktionen. Erinnerung. Berlin, 2014. – S. 15–30.

Географический указатель

- А**
Авдеевка 188
Австралия 6, 135, 496, 527
Австрия 27, 53
Азербайджан 232
Акмететка 381, 382, 383, 481, 491, 492, 540, 541, 678, 711, 726, 728 732
Александрия 674
Александровка 246, 247, 361, 362
Алчевск 72
Америка 42, 331, 405, 473, 496, 634
Амстердам 524
Ананьев 563, 735
Аннополь 62, 299, 637, 656, 703
Антоновка 295
Арабатская стрелка 312
Арользене 657, 666
Атаки (Молдова) 194, 195, 402, 409, 410, 411, 457, 698, 699, 722
Аушвиц 159, 160
Аушвиц 253
Афганистан 397
Африка 476
Ахтырка 360
Ашкелон 355, 356
- Б**
Бабий Яр 39, 237, 386, 421, 506, 645, 646, 647, 747, 749, 751, 753, 757
Багачівка 181, 182
Багриновцы 368
Баку 232
Балановка 257, 543, 700
- Балановке 700
Балин 689
Балта 70, 71, 257, 351, 543, 559, 638, 656, 662, 663, 684, 700, 707, 710, 732, 754
Банилов 729
Бар 168, 271, 273, 475, 476, 613, 614, 618, 725, 738, 757
Барановки 740
Барнаул 24, 103
Барский район 270, 700
Барышевский район 38
Бат-Ям 248, 742
Беер-Шева 541
Безводное 211, 212, 213
Белая Церковь 184, 188, 401
Белелелуя 661
Белжец 658, 659, 660, 661, 720, 721
Белокоровичи 64
Белоруссия 634
Белорусская ССР 512
Белосток (Польша) 612
Белоцерковичи 300
Бельц 243
Бельцы 156
Бергомет 729
Бердичев 217
Берегово 698
Береговский район 698
Берездова 637
Березино 636
Березнів 63
Березовка 190, 381, 382, 518, 682, 731, 732
Березовский район 681, 682

- Берислав 209
Берлин 44, 161, 420, 490, 550, 645, 758
Бершадский район 685, 700, 713
Бершадь 127, 194, 197, 262, 663, 684, 685, 686, 694
Бессарабия 111, 122, 238, 243, 254, 258, 260, 262, 263, 269, 278, 376, 378, 404, 407, 409, 466, 482, 494, 509, 518, 520, 523, 525, 533, 536, 552, 553, 556, 565, 621, 628, 638, 643, 649, 650, 652, 654, 655, 662, 670, 671, 672, 673, 678, 683, 684, 685, 686, 687, 693, 694, 695, 696, 698, 699, 700, 701, 705, 706, 707, 710, 711, 712, 714, 723, 727, 728, 732, 735, 738, 741
Биробиджан 221
Бобринки 634
Бовшев 720
Богдановка 191, 381, 492, 493, 519, 520, 677, 681, 683, 728, 731
Большая Жмеринка 84
Большая Севастьяновка 41
Большовцы 454, 720, 721
Бортники 58
Борщовка 627
Брайлов 42, 81, 82, 103, 104, 107, 109, 113, 168, 618, 623, 624, 649, 650, 665, 667
Братск 113
Брацлав 55, 57, 59, 60, 128, 134, 171-175, 462, 465, 509, 654, 655, 656, 674, 724
Брест 39, 78, 504, 505, 506
Бричань 260, 263, 269, 699
Бричево 20
Брянск 193
Бугаков 122, 668
- Буда 283, 284
Будапешт 161, 396, 594, 600, 667
Буденец 729
Будылив 661
Буки 295, 702
Буковины 81, 111, 122, 243, 244, 349, 376, 379, 403, 404, 409, 466, 468, 494, 509, 525, 533, 549, 552, 621, 625, 628, 638, 643, 649, 650, 652, 654, 655, 668, 670, 671, 672, 673, 684, 685, 686, 687, 694, 695, 696, 698, 700, 701, 705, 706, 707, 710, 711, 712, 714, 721, 722, 723, 727, 728, 732, 733, 735, 738, 739, 741, 756, 758, 759
Бухарест 403, 472, 473, 680, 723
Бухенвальд 658
Бухслау 16–803
- В**
Валахия 724
Вапнярка 458, 655, 723, 724
Варваровка 346, 361, 365, 709, 724
Варваровский район 423
Варшава 580
Варшавское воеводство 444
Васильковский район 325
Васкауцы 260
Вачениловский район 332
Вашингтон 383, 513
Ведничаны 526
Веледніки 64
Великая Михайловка 516, 730
Великие Капушаны 157
Великие Копани 207, 208
Велика Врадїївка 181
Венгрия 161, 279, 594, 657, 658, 660, 671, 672, 688, 696, 698, 738
- Вендичаны 398, 714, 741
Вена 396, 651
Верхние Греки 151, 152, 154
Верховинский район 659
Верховская Дубина 555
Виждниці 621
Виннитчина 49, 244, 500, 522, 547, 549, 564
Винница 13, 80, 83, 86, 92, 96, 100, 101, 103, 109, 113-115, 118, 133, 135-137, 176, 242, 291, 349, 436, 368, 388, 441, 442, 471, 496, 501, 511, 530, 592, 614, 648, 654, 665-668, 687, 710, 718, 720, 732, 744, 755, 758
Винницкой области 14, 21, 36, 42, 45, 55, 79, 114, 133, 136, 167, 169, 171, 174, 211, 217, 235, 238, 243, 268, 270, 288, 345, 347, 361, 363, 368, 388, 389, 390, 392, 398, 408, 411, 419, 424, 436, 446, 455, 456, 457, 458, 462, 468, 475, 484, 514, 525, 531, 532, 558, 560, 562, 567, 613, 618, 628, 637, 643, 649, 650, 651, 653, 654, 655, 663, 666, 667, 668, 669, 670, 672, 673, 684, 686, 692, 693, 695, 696, 700, 701, 705, 706, 707, 711, 712, 713, 714, 717, 723, 725, 726, 727, 728, 731, 732, 733, 734, 737, 738, 739, 741, 744, 750, 757
Виноградное 381
Витебск 193
Вознесенский район 682
Волгоград 24
Волица-Керекешина 626
Волковинцы 42
Волновахского района 44
- Волынская область 77, 475, 664, 725
Волынь-Подолія 662, 664, 674, 675, 725
Воронеж 308
Вороновица 509, 671
Ворошиловград (ныне – Луганск) 72, 75, 138, 150, 151, 156, 663, 664
Ворошиловка 620, 741
Ворошиловск (Алчевск) 664
Воскресенка 329
Восточная Европа 420
Вуппертале 679
Высоцк 68, 662
Высоцке 68, 662
Высоцкого (ныне – Дубровицкого) района 68
Вышковцы 58
Вязовка 451
- Г**
Гайсин 50, 171, 389, 436, 437, 511, 653, 734
Гайсине 654, 717
Гайсинский район 472
Гайсинского района 436, 669, 657, 660, 717
Галицкий уезд 720
Галицкий район 454
Гвоздавка 735
Гвоздецкий район 659
Геническ 312
Герасимовка 306
Германией
Германия 6, 13, 18, 39, 52, 60, 95, 102, 131-133, 135, 136, 160, 187, 205, 214, 228, 230, 248, 300, 313, 350, 365, 372 -376, 470, 429, 432,

438, 447, 470-473, 473, 501, 512,
527, 535, 560, 569, 572, 577, 579,
580, 587, 596, 601, 604, 636, 658,
666, 746
Герцы 367, 699
Глайвица 160
Глинский район 684
Глуховка 284
Глушки 16–803
Гнивань 98
Гныльча 454
Гожулы 309
Голая Пристань 248, 697
Гомельская область 512
Горловка 456
Городенки 660
Городище 294
Городка 716
Городокский район 716
Горошино 25
Гоща 674
Грац (Австрия) 279
Гребенка 186, 187
Гросулово 516, 517, 730
Грюнфельд 578
Гужулы 234
Гуровка 208

Д
Дальний Восток 156, 513
Дальник 378, 680, 681
Даньковка 126
Дахау 524
Дашев 49, 50, 51, 653
Дельцы 53
Деражня 79, 80, 85, 217, 218, 221,
477, 665, 687
Деражнянский район 477

Джанкой 324, 328
Джулинка 392, 713
Джулинский район 392
Джурин 124, 125, 127, 128, 129, 130,
349, 402, 403, 447, 462, 465, 467-
472, 668, 669, 684, 714, 724, 725
Дзыговка 212, 213, 345, 705
Дивочки 15,
Днепропетровск 13, 352, 354, 355,
573, 651, 667, 679, 742, 743, 744,
746, 748, 750, 751, 757
Днепропетровская область 205,
354, 709, 736, 744
Днепряны 209
Добронь 157, 160, 162
Довжик 62, 719
Доля 44
Доманевка 190, 191, 381, 382, 481,
491, 518, 519, 643, 678, 682, 683,
726, 731
Доманевский район 191, 481, 519,
678, 683, 711, 731
Доманівка 182
Донбасс 43, 138, 139, 156, 487
Дондюшанский район 20, 21
Донецк (Сталино) 188, 204-206,
310, 311 570, 581, 679, 686,
704
Донецкая область 43, 44, 188, 456
Дора 253
Дорохоя (Румыния) 734
Дуб Джанкоя 328
Дубоссары 735
Дунаевецкий район 216
Дунаевцы 611, 612, 737
Дымерский район 452
Дьяковцы 738

Е
Европа 175, 239, 407, 420, 743, 536
Египет 86

Ж
Жабокрич 244, 245, 455, 456, 696,
721
Жашков 23, 294
Жашковский район 22, 639
Жигулина Роцца 323
Житомир 39, 64, 451, 644, 653, 666,
702, 718, 719, 720, 727, 748, 755
Житомирская область 15, 217, 283,
284, 449, 631, 701, 714, 718, 740
Житомирщина 64
Жихорь 30
Жмеринка 42, 80-86, 96, 98, 99,
100-108, 112, 113, 167, 168, 240,
263, 291, 292, 472, 514, 618, 622-
625, 650, 651, 665, 667, 702, 730
Жмеринский район 618, 649, 739
Жучиха 332

З
Забирь 39
Заболотов 661
Завадовка 16–636
Западная Украина 80, 300, 405, 621,
658, 660, 759
Запорожская область 312
Запорожье 13, 353, 355, 651, 667,
743, 744, 746, 748, 750, 753, 754,
757, 759, 760
Заречанка 689
Зарудинцы 122
Засулье 305, 369, 710
Затишье 622
Захаровка 226

Зачепиловка 334, 335
Здолбуново 296
Зеленивка 353
Золочев 512, 513

И
Ивангород 437
Иванополе 341
Ивано-Франковск 13, 454
Ивано-Франковск область 454,
658, 720, 759
Ивашковцы 238, 391
Иерусалим 133, 422
Израиле 6, 101, 131, 133, 135, 136,
193, 212, 213, 248, 259, 346, 352,
355, 385, 386, 392, 470, 473, 527,
609
Израиль 21, 42, 86, 132-134, 156,
259, 355, 422, 541, 542, 610, 742,
752
Ильинецки район 653
Ильинцы 50, 591-593, 597- 600,
602, 604-609, 727, 737

Ирбит 187
Италия 553
Ички (Краснофлотское) 230, 231
Ичня 498

К
Кодым 642
Кабаны 450
Казань 28
Казатин 393, 488
Казахстан 131, 446, 627
Калиновка 118, 129, 130
Калифорния 345
Каменец-Подольский 52, 218, 219,
404, 688, 689, 700, 725

- Каменец-Подольская (ныне Хмельницкая) область 293, 623, 626, 687, 716, 738, 739
- Каменец-Подольский район 219, 221, 223, 224, 431, 688, 689
- Канада 405
- Карабах 232
- Караганда 287
- Карагандинская область 521
- Карловка 518-520, 731
- Каролина 118, 119, 125, 126
- Каунас 516
- Каховка 208
- Кенигсберг 355
- Керчь 615
- Киев 3, 5, 6, 13, 14, 23, 38, 39, 53, 85, 113, 130, 136, 180, 187, 214, 215, 296, 307, 309, 375, 386, 400, 401, 403, 475, 488, 489, 504, 505, 506, 514, 524, 595, 632, 634, 637, 638, 644-647, 655, 672, 677, 687, 701, 702, 742, 714, 730, 743, 744, 746, 747, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 758, 759, 760
- Киевская губерния 325
- Киевская область 183, 329, 367, 450, 452, 648, 652, 679, 702
- Київ 64, 443, 638, 647, 658, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 759, 760
- Киликиев 296, 657, 703
- Киликиев 62
- Кировоград 43, 225, 250, 690, 697
- Кировоградская область 208, 367, 545, 690, 727, 732
- Китай 324
- Китайгород 689
- Кишинев 482, 699, 731, 751, 752, 757
- Клевань 674
- Кливленд 364
- Кобаки 658
- Ковалевка 635
- Коваливский район 635
- Ковель 78, 636, 725
- Кодым 32-34, 36, 37 243, 350, 366, 559, 642, 643, 658-660, 707, 710
- Козацкое 662
- Козлов 123, 124, 127, 128, 131, 262
- Коломыйский район 659, 660, 661
- Коломыня 67, 658, 660, 661
- Колумбия 405
- Комаргород 235, 236, 693
- Коми АССР 388
- Константиновка 337, 341, 705
- Кончетава 634
- Копай 263, 267, 565
- Копайгород 264, 267, 270, 273, 274, 564-566, 618, 700, 701, 735
- Корец 674
- Корсунка 208, 209, 210
- Корсунь-Шевченковский район 16
- Коршевецкий район 659
- Косов 66, 67, 657-660
- Косовский район 659
- Костополь 676
- Котовск 638
- Котюжаны 476
- Кочубиевка 91
- Краков 160, 580
- Красноармейск 444, 445
- Красное 110, 167, 447, 530, 348, 673, 706, 732, 741
- Красноград 332
- Краснополка 436, 717
- Красностав 637
- Кременчуг 233, 234, 359, 692
- Криве Озеро 182, 540
- Кривое Озеро 542, 537, 569, 571, 573, 677, 736
- Кривой Рог 570, 736
- Круспельс 193
- Крыжополь 243, 268, 456, 614, 695, 696, 700
- Крыжопольский район 244, 455, 696
- Крым 44, 227, 312, 325, 330, 384, 582, 585, 690, 691, 703, 704, 745, 751, 757, 758
- Крымская область 478
- Крюкивщина 505
- Кузбасс 456
- Кузьмин 716
- Кузьмина Гребля 435
- Куйбышев 489
- Кумачов 43
- Купин 716
- Курильские острова 156
- Курск 304
- Кутский район 659
- Кымпулунге 402
- Л
- Ладыжин 550, 653, 655, 706, 733, 734
- Латаши 453
- Лебедеевка 15, 15-636
- Лезнево 716
- Ленинградская область 156
- Леніно (Станіславчик) 182
- Летичев 217, 218, 687, 726
- Летичів 477
- Лиенцана-Драу 53
- Липкан 244, 699
- Лисовичи 452
- Литин 165, 217, 368, 614, 738
- Лосево 30
- Лохвица 373
- Лубны 369-373, 528, 641, 710, 732
- Луганск 13, 72, 138, 663, 664
- Луганская область 76
- Луков 475
- Лухово 638
- Луцк 78, 726, 752
- Лучин 64
- Лучинец 390, 411, 412, 414, 419, 421
- Львов 80, 580, 749, 759, 760
- Любимовка 574, 736
- Любковцы 661
- Любомль 77, 78, 664, 665
- М**
- Майданек 524
- Майдан-Юзвенский 441, 442
- Макеевка 202, 333
- Малая Виска 545, 732, 733
- Маловисковский район 732
- Малая Багачівка 181
- Маломихайловка 205
- Малая Добронь 157, 160
- Мариуполь 443
- Маркулешт 519
- Мацеев 475, 476, 725
- Межиричи 674
- Мелитополь 329
- Мельбурн 236, 490, 610
- Мемель 193
- Миколаївка 181
- Миллерово 152
- Миньковецкий район 738
- Миньковцы 611, 612, 738

Миргородский район 370, 372
Михайловка 436, 446, 447, 516, 667,
716, 717, 730
Михайловский район 716
Могилев 124, 127, 128, 192, 193,
194, 238, 278, 398, 402, 409, 410,
411, 424, 426, 458, 459, 475, 500,
501, 509, 522, 526, 527, 531, 532,
533, 562, 563, 623, 633, 670, 671,
674, 699, 701, 707, 714, 715, 723,
728, 730, 735, 741, 750, 755
Могилев-Подольский 124, 125,
127, 128, 192-194, 263, 277, 402,
409, 410, 424, 426, 458, 459, 475,
495, 500, 501, 526, 533, 534, 535,
562, 563, 623, 655, 656, 670, 671,
673, 684, 694, 698, 699, 701, 706,
714, 715, 724, 728, 730, 732, 733,
735, 741, 750
Могилев-Подольский район 398,
458, 475, 522, 531, 532, 633, 701,
714, 723, 728, 741
Мозерская область 634
Молдавия 20, 21, 45, 46, 81, 83, 156,
363, 376, 501, 509, 556, 633, 748
Молдова 194, 723
Монастырище 498, 499
Моновиц 253
Москва 130, 131, 375, 377, 379,
488, 494, 575, 611, 627, 743, 751,
754
Мостовое 381, 382
Мостовский район 682
Мурафа 167, 168, 240, 292, 348, 349,
447, 618, 673, 674, 684, 702, 707
Мурманск 25
Мурованокурловецкий район 476

Н
Нагорное 22, 639
Нарва (Эстония) 442, 443
Наровля 512
Народичи 449, 450, 452, 453
Народический район 453
Народичи 449, 451, 718
Нацрат-Илит 156
Некрасово 442
Неменка 597, 598, 601, 603, 604,
607, 609
Немиров 114-116, 118, 120-122, 124-
126, 128, 130, 132, 134-136, 137,
403, 469-472, 618, 667, 668, 725
Немировский район 55, 135, 654,
669
Нетеребка 16
Нижние Станивцы 549
Николаев 14, 194, 195, 246-248,
346, 423, 460, 461, 517, 638, 643,
685, 663, 697, 705, 709, 715, 724,
727, 733
Николаевка 312, 328
Николаевская область 241, 246, 361,
365, 376, 423, 460, 481, 490, 677,
678, 682, 683, 700, 709, 711, 731
Німеччина 64
Новая Маячка 209
Новоград-Волинський 64, 631,
720, 740
Новоград-Волынский район 15
Новожитомир 569, 570, 574
Новоселовка 519
Новотроицкий 329
Новотроицкий район 312, 328
Новотроицкое 329
Новоукраинский район 226
Носковцы 622

О
Обертин 659
Обертинский район 659
Ободовка 21, 552, 553, 558, 559,
637, 638, 662, 735
Ободовский район 663
Одесса 80, 96, 153, 162, 163, 189,
190, 196, 280, 281, 286, 381, 283,
374-376, 378, 379, 385, 446, 482,
511, 516, 518, 536, 537, 596, 638,
663, 680-682, 683, 701, 710, 719,
724, 745, 746, 747, 748, 749, 753,
754, 757, 758, 759
Одесская область 32, 70, 243, 350,
351, 376, 490, 516, 519, 520,
543, 563, 638, 642, 662, 663,
671, 680-684, 711, 724, 727, 730,
731, 735
Озаринцы 277, 501, 522, 523, 525,
527, 531, 532, 701, 730, 731, 732,
741
Озеро 122, 732
Окница 255
Октябрьское (Жовтневе) 516
Олевск 283-285, 301, 701, 702
Олевский район 283, 701
Ольгополь 196-199, 243, 686, 723
Оренбург 19, 581
Оринин 689
Освенцим 158, 159, 162, 421, 526,
658, 672, 698
Очаков 723
Очаковский район 460

П
Павлоград 354, 355, 709
Палестина 42, 73, 275, 587, 666, 719
Папанка 58

Певеке 609
Первомайск 102, 363, 490-493, 727,
728
Перекоп 312
Перелеты 663
Перемога 39
Перепеличье 124, 127, 128
Переяслав-Хмельницкий 13, 183,
184, 679
Перижна 36
Пермь 86
Песчанка 332, 643, 678
Песчаная 684
Петроверовка 516, 517
Печиводи 63
Печор
Печора 58, 126, 127, 134, 173-175,
235, 237, 364, 388, 425, 446, 447,
465, 469, 470, 501, 503, 507-509,
511, 526, 530, 531, 534, 549, 550,
551, 552, 560, 562, 654-656, 669,
670, 674, 693, 709, 711, 712, 716,
717, 723, 724, 725, 730, 732-735
Пидвысокое 661
Пинск 78, 662
Пирятин 635
Плисков 483, 484, 489, 726, 727
Плоское 415, 416, 421, 422
Погребище 483, 727
Погребье 635
Подвысокое 367, 733
Подгаецкий район 454
Подольский район 398, 458, 522,
531, 633, 701, 714, 723, 728, 741
Поды 460
Покрово-Киреево 43
Покровский район 205
Полевое 50

Полесье 301
Полонное 393, 396, 713, 714
Полоцк 193
Полтава 13, 25, 26, 131, 159, 185-187, 233, 234, 308, 309, 359, 367, 369, 373, 528, 635, 639, 641, 691, 704, 743
Полтавская область 691, 710
Польша 56, 57, 111, 444, 475, 580, 591, 609, 612, 636, 647, 657, 658-660, 662, 664, 671, 674, 688, 720, 725, 759
Пономари 154
Попивка 372
Поплавское 520
Поташ 440
Потички 661
Прибус (Силезия) 187
Прилуки 586, 587, 590, 736
Прокопьевск 456
Проскуров 431, 623
Процовка 306
Прутивка 661

Р
Радауцы 244, 668
Райгород 127, 132, 134, 169-171, 174, 175, 669, 674
Раковка 648
Рахальськ 64
Рахны 49
Речиця (ныне – Вербивка) 68
Рига 193, 569
Рівненська область 64
Ровенская область 68, 444, 636, 662
Ровно 69, 117, 177, 179, 300, 642, 674, 675, 676, 677
Рогатин 721

Рогачов 740
Рогизна 706, 735
Рогозна 347-349, 560, 655, 693
Родниковка (бывшее Витивка) 91
Ромны 138, 304, 359, 704
Ромодан 371, 373
Россия 6, 156, 256, 387, 456, 575, 591, 592, 594, 600, 618, 731
Рубань 125, 126
Рудка 216, 219
Румыния 56, 81, 83, 111, 122, 127, 173, 223, 236, 238, 239, 258, 268, 278, 279, 402-404, 405, 407, 408, 436, 450, 457, 466, 468, 471, 473, 501, 503, 509, 526, 532, 533, 535, 536, 553, 614, 621, 628, 629, 638, 642, 643, 655, 656, 662, 668, 670, 671, 680, 681, 683, 684, 694, 696, 698, 711, 714, 721, 723, 724, 728, 729, 730, 731, 734, 738, 751, 758
Рыбница 723

С

Савран 559
Сакский район 44
Сандомеш 444
Сарабуз 323, 324
Саратов 308
Сатанов 716
Сахалин 156
Свердловская область 187
Севастополь 13, 478, 745
Севастьяновка 41
Северная Буковина 111, 533
Секретарка 181, 182
Секуряны 262, 263, 408-411, 698, 699, 714
Семихатка 520

Сибирь 113, 601, 608
Сидней 491
Симферополь 131, 312, 324, 325, 330, 582, 703, 745, 746, 751, 753, 754, 757, 758
Сказинцы 633, 670, 701, 714, 728, 741
Скибы 664
Скипче 218
Скіпче 223
Славута 18, 19, 288, 293, 296, 299, 301, 497, 637, 656, 657, 703, 730, 746, 749
Славутский район 656, 657
Сливино 423, 724
Слобода 15, 17, 60
Слобода Чернецкая 15
Слободка 351, 379, 381, 681, 682
Словакия 157
Словешно 64
Смоленск 193
Смотрицкий район 223
Смотрич 689
Смотричский район 218, 222
СНГ 135, 234
Снятин 67, 660, 661
Собковка 438
Соболевка 669
Советский Союз 44, 308, 374, 384, 386, 407, 542, 566, 585, 647, 672, 742, 746, 751, 753, 756, 759
Сокиряны 254, 699, 700, 715, 729
Сокиряны 254, 255, 258, 698, 699
Солончаки 461
Сольники 78
Сороки 21
Сорокский район 21
Сосенки 178, 675

Софиевка 574
Софиевский район 736
СССР 134, 179, 193, 375, 494, 517, 569, 585, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 647, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 671, 672, 673, 674, 675, 677, 678, 679, 680, 683, 684, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 720, 721, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 751, 757, 758
Сталино, ныне Донецк 581
Сталинград 75, 209, 384, 536, 567, 609
Сталино (Донецк) 188, 201, 202, 310, 570, 679, 686, 704
Сталиногорский район 569
Сталинская (ныне – Донецкая) область 337, 705
Станиславский округ 720
Станиславской
Станиславская (ныне – Ивано-Франковская) область 66, 657, 658, 660
Станиславчик 618, 619, 621, 622, 623, 624, 625, 739
Луганская (станция) 75
Стара Гута 477
Старая Маячка 209
Старая Ушица 689
Старобешевский район 43

Старая Жадова 729
 Старая Мураффа 674, 707
 Старая Русса 516
 Старокостантинов 626, 627, 739, 740
 Старокостантиновский район 626
 Стецева 661
 Столбовое 44
 Сторжинец 495, 729
 Стратиевка 197, 198
 Сумская область 138, 304, 360, 704
 Сушковка 438
 США 6, 13, 14, 132, 135, 161, 364, 527

Т
 Тарасовка 669
 Тасмания 610
 Таталаевка 437
 Татария 535
 Татарстан 609
 Ташкент 90
 Теофипольский район 627
 Теплик 436, 654, 669, 685, 717
 Терновка 392, 436, 713
 Тернопольская область 454
 Тирасполь 493, 518, 519
 Томашполь 45, 361, 362, 363, 651, 652, 693
 Томашпольский район 361, 693
 Торков 508
 Транснистрия 80, 107, 123, 127, 134, 244, 245, 273, 376, 471, 473, 482, 526, 532, 542, 567, 642, 643, 649, 650, 652, 655, 662, 669-670, 673, 674, 681, 686, 692, 693-695, 698, 699, 705, 707, 709, 711, 715, 716, 722, 723, 725, 727-730, 731, 733, 739, 744, 748, 758

Треблинка 526
 Трихатах Трихаты 192, 241, 268, 669, 671, 674, 683, 694, 695, 700, 707, 723, 724
 Тропово 458
 Тростянец 547, 552, 550, 656, 733
 Тростянецкий район 550, 655, 663 696, 734
 Тульчин 57, 59, 278, 347, 363, 364, 388, 507, 511, 526, 655, 656, 674, 711, 712, 730
 Тульчинский район 560, 655, 692
 Турция 308
 Тывров 741
 Тывровский район 79, 347, 667, 673, 706, 732, 741
 Тырловка 392, 713
 Тырново 21

У
 Ужгород 157, 162, 253, 671, 672, 746, 752, 753, 755
 Украина 5, 6, 13, 14, 27, 39, 52, 76, 80, 82, 131, 133-137, 156, 173, 185, 197, 211, 241, 254, 261-263, 276, 288, 300, 301, 321, 323-325, 329, 330, 387, 401, 405, 427, 443, 444, 449, 452, 471, 522, 526, 567, 575, 577, 581, 586, 602, 611, 618, 621, 637, 638, 640, 641, 647, 649, 652, 654, 657, 658, 660, 662, 664, 669, 672, 674, 675, 688, 699, 702, 703, 724, 725, 727, 733, 734, 742, 744-747, 749, 750, 752, 753-760
 Украина 64, 638, 647, 694, 707, 716, 733, 743, 745, 746, 747, 751, 752, 753, 754, 756, 757, 758, 759
 Уланов 42

Умань 14, 40, 41, 52, 56, 90, 91, 114, 115, 120, 121, 122, 171, 392, 427, 430, 434, 436, 438-440, 634-636, 648, 649, 665, 685, 716, 717, 718, 741
 Уманский район 438
 Урал 86, 187

Ф
 Фастов 16
 Фелициановка 211
 Феодосия 13, 227, 231, 232, 445, 615-617, 690, 691, 739, 745, 755
 Фурманка 440

Х
 Хайфа 610
 Харків 642, 749, 753, 754, 755, 758
 Харьков 13, 14, 25, 27, 30, 31, 72, 74, 79, 88, 89, 184-187, 331, 357, 359, 360, 369, 396, 401, 415, 569, 637, 640-642, 665, 679, 704, 709, 743, 744, 747, 750, 751, 753, 755, 756, 758, 760
 Харьковская область 512
 Херсон 13, 248, 353, 478, 708
 Херсонская область 246
 Херсонщина 207
 Хмельник 134, 163, 164, 165, 168, 288, 289, 291-293, 672, 673, 702
 Хмельницкая область 18, 62, 64, 79, 216, 223, 393, 431, 477, 497, 611, 637, 656, 657, 689, 713, 716, 737
 Хобарт (Австралия) 610
 Холон 259
 Хорольский район 25
 Хотин 404, 405, 407, 408, 409, 410, 415, 419, 420, 422, 468, 714, 715
 Христиновка 40, 41, 51, 437

Христиновский район 437

Ц

Цветково 440
 Цыбулевка 134, 243
 Цыпки 153
 Цюрюпинск 113, 208, 686

Ч

Чагарин 618
 Чебриково 517
 Чельник 36
 Челябинск 210, 241, 460, 745
 Чемерисы 273
 Чемеровцы 689
 Ченстохов 53
 Черкасская область 16, 40, 48, 90, 439, 639, 648, 717
 Черкасссы 13, 448
 Черкасчина 22
 Черниговская область 498, 586, 730, 736
 Черниговщина 300
 Чернобыльский район 450
 Чернобыль 450
 Черновицы 349, 622, 722
 Черновицкая область 56, 254, 367, 408, 621, 698, 714, 729
 Черновцы 67, 86, 134, 220, 367, 420, 424, 441, 457, 459, 509, 513, 526, 566, 612, 628, 638, 651, 669, 670, 721, 722, 723, 734, 751, 757
 Чернышевка 60, 61
 Черняховский район 15, 15-803
 Чехия 160, 161
 Чехословакия 16, 161, 173, 671, 688, 738
 Чечельник 36, 37, 243, 643

Чили 405
 Чимкент 131
 Чсремощ 729
 Чуднова 217
 Чуков 122, 123

Ш

Шаргород 127, 238, 240, 241, 447,
 457, 501, 562, 618, 625, 628, 629,
 693, 684, 694, 723, 730, 740
 Шаргородский район 167, 238,
 348, 391, 446, 668, 673, 707
 Шарковщина 372, 373
 Шаровка 431, 432, 433, 716
 Шатава 689
 Шафоростовка 370, 372
 Шацк 664
 Швейцария 684
 Шепетовка 393, 296, 395, 396
 Шереметка 96
 Шершни 79, 85
 Широкое 573
 Шпиков 235, 347-349, 560, 656,
 692, 693, 706
 Шпиковский район 549
 Шпола 48, 652, 653

Ю
 Югославия 300
 Южная Буковина 244
 Юзеповка 450
 Юзовка 484
 Юшков 618

Я

Яблоновский район 659
 Ядловка 38, 39
 Ялта 302, 303, 478, 480, 582-584,
 585, 703, 704, 726, 736
 Ялтушков 134, 270-275, 700, 725,
 733, 734
 Ямполь 194, 345, 705, 706, 711, 728
 Ямпольский район 211, 345, 705
 Япония 374, 396, 580
 Ярмолинец 716
 Ярмолинецкий район 431, 716
 Ярмолинцы 431, 432, 716
 Яроватка 440
 Ярошинка 241
 Яруга 494, 496, 633, 728, 729, 741
 Яруни 740
 Яссы 268

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Забарко	
БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ	5
«ОТЕЦ И СЕСТРА БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ»	
ЛАЗЕБНИК Наум (1922г.)	15
«ВСЕ НАПОМИНАЛО О ПОГИБШИХ РОДНЫХ...»	
ЛАНГЕР Леонид (1943 г.)	18
«МЕРТВЫХ СТАНОВИЛОСЬ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ...»	
ЛАНДЕС-МИЛЬШТЕЙН Ева (1934 г.)	20
«ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО ГОРЬКАЯ ПРАВДА ПАМЯТИ»	
ЛАНОВЕНКО Л. (1936 г.)	22
«КАЖДЫЙ ВЫЖИВАЛ КАК МОГ»	
ЛАПИНЦЕВ Федор (1941 г.)	25
«ЖИЗНЬ В ГЕТТО МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ КАК СПЛОШНОЙ КОШМАР»	
ЛАСЕНКО Евгений (1932 г.)	27
ДОЛГАЯ ДОРОГА В ГЕТТО	
ЛАСКЕР Татьяна (1934 г.)	32
ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕЖИТОМ	
ЛЕВИН Игорь (1937 г.)	38
«ИЗ НАШИХ РОДСТВЕННИКОВ В УМАНИ В 1942 ГОДУ ПОГИБЛО ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕК»	
ЛЕВИТ Роман (1933 г.)	40
«ЕВРЕЕВ БРАИЛОВА И ОКРЕСТНЫХ СЕЛ ФАШИСТЫ РАССТРЕЛЯЛИ ВО ВРЕМЯ ПОГРОМОВ»	
ЛИВШИЦ Яков	42
«МАМУ ПЫТАЛИ, НА ЕЕ ГЛАЗАХ БИЛИ МЕНЯ И БРАТА ...»	
ЛИСКУН Клара (1934 г.)	43
«ПИШУ ЭТИ СТРОКИ И ПЛАЧУ...»	
ЛИТВАК-ПУСТИЛЬНИК Ольга (1925 г.)	45
«ЕВРЕЕВ ГОНЯЛИ НА ТЯЖЕЛЫЕ КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ»	
ЛУКАЦКИЙ Нухим (1927 г.)	48
«ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ...»	
ЛЮБАРСКИЙ Александр Евсеевич	49

«НАМ В ЛАГЕРЕ ПОМОГАЛИ НАШИ УКРАИНСКИЕ СОСЕДИ» МАЖБИЦ Аркадий (1937г.) и Николай (1939г.)	55
«РАНИ СЕРЦЯ» МАЛІНСЬКА Софія (1925 р.)	62
«Я ПРОШЛА ВСЕ ТЯГОТЫ ХОЛОКОСТА...» МАНУКЯН (УДЕЛЬСМАН) Евгения (1923 г.)	66
«ПАПА, МАМА И БРАТ ПОГИБЛИ В БОЮ» МАНЬКОВСКАЯ Эстер (1936 г.)	68
«ЭТО БЫЛИ УЖАСНЫЕ МЕСЯЦЫ И ГОДЫ...» МАРКОВСКАЯ Анна Иосифовна	70
«НАЧАЛИСЬ КОШМАРНЫЕ, СТРАШНЫЕ, ОСОБЕННО ДЛЯ ЕВРЕЕВ, ДНИ» МАСЛЯЕВ Георгий (1937 г.)	72
«В ЖИВЫХ ИЗ ВСЕЙ РОДНИ НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ» МАТЮШИНА Рива (1919 г.)	77
«КОГДА НЕМЦЫ ЗАНЯЛИ ЖМЕРИНКУ, ЗА ЕВРЕЕВ ВЗЯЛИСЬ СРАЗУ» МЕРШОН Бэла (1941 г.)	79
ВСЕ, МИНОВАВШЕЕ ДАВНО, СЕГОДНЯ ОЖИВАЕТ СНОВА МИРДАС Раиса	87
«В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1941 г. НАЧАЛИСЬ МАССОВЫЕ АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ» МИХАЙЛИС Григорий (1934 г.)	90
«ЗАШЛИ НЕМЦЫ, НАЧАЛИ УБИВАТЬ ЕВРЕЕВ...» МОЛОЧКОВЕЦКАЯ Рива (1928 г.)	92
«ВОЗВРАЩАЮСЬ В ТЕ СТРАШНЫЕ ГОДЫ...» МОНАСТЫРСКИЙ Наум	102
Я НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ МОСТОВАЯ А. Г.	114
МОИ СКИТАНИЯ НАГИНСКИЙ Наум (1930 г.)	138
«ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ...» НАЙБАУЭР Игнац (1924 г.)	157
ПОГРОМЫ НА ЕВРЕЙСКОЙ УЛИЦЕ НЕЛАВИЦКАЯ Евгения	163
«Я НЕ СМОГУ РАССКАЗАТЬ ОБО ВСЕМ ПЛОХОМ: У МЕНЯ НЕ ВЫДЕРЖАТ НЕРВЫ» НЕМИРОВСКИЙ Леонид (1930 г.)	169

«КРОВЬ СТЫНЕТ В ЖИЛАХ» НОВАКОВСКАЯ Христина	177
«Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ МОЯ БАБУШКАБЫЛА ЗАБЫТА» НОВИЦКАЯ Гдалина (1938 г.)	180
«В ТАБОРІ ЗАГИНУЛА МОЯ МАТИ» ОЙБЕРМАН Юрій	181
«КОГДА ПОГИБЛА МАМА, «МНЕ БЫЛО 4 ГОДА» ОЛЕЙНИК (КУЛИНСКАЯ) Клара (1939 г.)	183
«ПО ДОРОГЕ ШЛИ СТАРИКИ, ДЕТИ, ИНВАЛИДЫ, СЛЫШАЛИСЬ КРИКИ, ПЛАЧ...» ПАНКОВА Ольга (1925 г.).....	185
«ДЛЯ НАС УЖЕ БЫЛИ ВЫРЫТЫ МОГИЛЫ...» ПАНЧЕНКО Эмма (1938 г.)	188
«ВСЯ ДОРОГА БЫЛА УСЕЯНА ТРУПАМИ ДЕТЕЙ, СТАРИКОВ, ЖЕНЩИН...» ПЕКАРЬ Семен (1926 г.)	189
«ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ БЫЛА ПРОСТО НЕВЫНОСИМОЙ» ПЕКЕР Мошко (1930 г.)	194
УЗЕЛОК С СУХАРЯМИ ПИСАРЕВСКИЙ Борис	196
«И ЛЮДИ ПОСЫПАЛИСЬ В БЕЗДНУ...» ПИСМАН Нина (1928 г.)	201
МОЕ ДЕТСТВО В ОККУПАЦИИ ПЛОТКИН Владислав (1938 г.)	207
ЕЩЕ ОДНА ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА... ПЛОТНИК Этя	211
«В ПОГРЕБЕ Я ПЕРЕСИДЕЛ ВСЬ ОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД...» ПЛОТНИКОВ Валентин (1936 г.)	214
«В ЭТО ТРУДНО ПОВЕРИТЬ» ПОДЛЕСНЫЙ Леонид	216
«ВСЕ СЕЛО ЗНАЛО, ЧТО МЫ ЕВРЕИ...» ПОЛИНСКАЯ Галина (1934 г.)	225
«ВСЕХ ЕВРЕЕВ ОБЯЗАЛИ НАШИТЬ НА ОДЕЖДУ ЖЕЛТЫЕ ЗВЕЗДЫ...» ПОЩУПАЙЛОВА Галина (1935 г.)	227
«СТРАШНЫЕ ДНИ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ...» ПУПЧЕНКО (ЛОТКИНА) Клавдия (1931 г.)	233
«МАКИ, ВЗОШЕДШИЕ НА ЕВРЕЙСКОЙ КРОВИ...» РАБИНОВА Фира (1932 г.)	235

«В ШАРГОРОДСКОМ ГЕТТО БЫЛО ОКОЛО 7000 УЗНИКОВ» РАЙБМАН Давид (1938 г.)	238
«МЫ ПОГИБЛИ БЫ, ЕСЛИ БЫ НЕ СЕМЬЯ УКРАИНСКОГО КРЕСТЬЯНИНА» РАШКОВАН Юрий	243
ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ РЕДЬКОВА (ДРИЗ) Людмила (1939 г.)	246
«ДО СИХ ПОР Я НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ УЖАС ТЕХ ДНЕЙ» РЕЙЗИНА Алла (1936 г.)	250
«ВСЯ МОЯ РОДИНА НА МОИХ ОЧАХ ПШЛА З ЖИТТЯ...» РИХТЕР Юлій (1926 р.)	252
«МЫ ПОХОРОНИЛИ МАМУ В ЯМЕ...» РОЗЕНБЕРГ Михаил (1924 г.)	254
«СОБЫТИЯ ТОГО СТРАШНОГО ВРЕМЕНИ ВСЕ ЕЩЕ ОЖИВАЮТ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ...» РОЗЕНТАЛЬ Гедали	260
«В ЖИВЫХ НЕ ОСТАЛОСЬ НИКОГО...» РОЗЕНФЕЛЬД Михаил (1937 г.)	270
«СПАСЛИ НАС ДОКТОР СТУКАЛЕНКО И ЕГО СЫН» РОЙТБЕРГ Я. П.	277
«СПАСИБО ДОБРЫМ ЛЮДЯМ ЗА ТО, ЧТО МЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ» РОМАНЕНКО Елена (1940 г.)	280
БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ РУБАНСКАЯ Галина (1939 г.)	283
«ПОГРОМЫ ПОВТОРЯЛИСЬ ПЕРИОДИЧЕСКИ...» РУБИНШТЕЙН Леонид (1936 г.)	288
«Я НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛА...» РУДАЯ (ЗУСЛИНА) Ольга	294
«В ЖИВЫХ ОСТАЛАСЬ ОДНА Я...» РУСМАН Елена (1917 г.)	296
«ОККУПАЦИЯ ОСТАВИЛА СТРАШНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ» САВИЦКАЯ Инна	302
«НЕЗАБЫВАЕМАЯ БОЛЬ ДУШИ...» САМОЙЛОВА Светлана (1938 г.)	304
«ОТЦА УБИЛИ ...» САРКИС Маргарита (1931 г.)	308
«ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ» СИМОНОВА Лилия (1933 г.)	310

«ЭТО У МЕНЯ ЗАПЕЧАТЛЕЛОСЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ» СИРОТА Илья (1891 г.)	312
«И ПОШЛИ МЫ ОТ СЕЛА К СЕЛУ...» СКРИПНИК Галина (1936 г.)	331
СУДЬБА СМОЛЯНИЦКАЯ (МАРТИНОВИЧ) Кира (1936 г.)	337
Я ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ» СОЙРЕФ Ефим (1933 г.)	345
«ТАК МЫ ВЫЖИЛИ» СОКОЛЕЦКИЙ Борис (1935 г.)	347
«ОСТАЛАСЬ Я ОДНА ИЗ ВСЕЙ СЕМЬИ» СОКОЛОВА К. М. (1937 г.)	350
«РАССТРЕЛИВАЛИ ЗА ГОРОДОМ...» СОКОЛОВСКАЯ Лилия (1934 г.)	353
«Я И ТЕПЕРЬ УДИВЛЯЮСЬ, КАК МНЕ УДАЛОСЬ ВЫЖИТЬ» СОЛОДОВНИК Леонид (1928 г.)	354
«И ВОТ ТОГДА ЛЮДИ ПОНЯЛИ, ЧТО ЭТО КОНЕЦ...» СОЛОНИНКИНА Кира (1926 г.)	357
«КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПРОХОДИЛ ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ» СТАРИКОВА Рива (1924 г.)	361
«ФАШИСТЫ ЛИШИЛИ НАС ДЕТСТВА, НО ОНИ НЕ МОГЛИ ЛИШИТЬ НАС ПАМЯТИ» СТАРК Борис (1935 г.)	363
«ДВАЖДЫ СПАСЕННАЯ» СТОЛОВИЦКАЯ Анна (1921 г.)	367
«Я ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНА СВОИМ СПАСИТЕЛЯМ» СУПОНИЦКАЯ Вера (1938 г.)	369
«МОЖЕТ, ЭТО БЫЛ НЕ Я, МОЖЕТ БЫТЬ, МНЕ ЭТО ПРИСНИЛОСЬ...» СУШОН Сергей (1928 г.)	374
«ЛЮДЕЙ УМИРАЛО ОЧЕНЬ МНОГО...» ТАРАСОВА (ГРИНБЕРГ) Мария (1937 г.)	388
«ИЗДЕВАЛИСЬ ОНИ СТРАШНО...» ТАРНАРУДСКАЯ (1935 г.)	390
«ИХ ПРЯТАЛИ НЕСКОЛЬКО УКРАИНСКИХ СЕМЕЙ» ТЕПЛИЦКАЯ Рая (1930 г.)	392
ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ, ГЕТТОИ НЕ ТОЛЬКО... ТИМОШЕНКО Анатолий (1938 г.)	393

«БЫЛО СТРАШНОЕ ЖЕЛАНИЕ ВЫЖИТЬ» ТКАЧЕНКО Анята (1927 г.)	398
«ЖИЗНЬ НАША БЫЛА АДОМ...» ТКАЧЕНКО Лидия (1931 г.)	400
СУДЬБА, ПРЕДПИСАННАЯ ВОЙНОЙ ТРАКТИРЩИК Лидия (1923 г.)	402
ПРЕРВАННОЕ ДЕТСТВО ТРАХТЕНБЕРГ Александр (1931 г.)	404
«СТРАДАНИЯ И УЖАСЫ ОККУПАЦИИ МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА» УРАЗМЕТОВА Алла (1938 г.)	423
«ОНИ БЫЛИ ЕВРЕЯМИ...» УЧИТЕЛЬ (ШТАРКМАН) Раиса (1938 г.)	424
«ФАШИСТЫ РЕШИЛИ ПОКОНЧИТЬ С ОСТАВШИМИСЯ ЕВРЕЯМИ» ФАБИЯН Исаак (1931 г.)	427
ТРАГЕДИЯ МЕСТЕЧКА ШАРОВКА ФАЙГЕНБЛИТ Бетя (1919 г.)	431
«ПРОСТЫЕ УКРАИНСКИЕ ЛЮДИ ПРИХОДИЛИ НАМ НА ПОМОЩЬ» ФАЙНГОЛЬД М. М.	434
«ИЗБЕЖАТЬ ГИБЕЛИ БЫЛО ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО...» ФАЙНЗИЛЬБЕРГ Любовь (1925 г.)	439
ОНИ СПАСЛИ МОЮ ЖИЗНЬ ФАРБЕР Михаил (1940 г.)	441
«ЖИЗНЬ ПРАКТИЧЕСКИ ВИСЕЛА НА ВОЛОСКЕ» ФИШБЕЙН Геннадий (1941 г.)	444
«ТРИДЦАТЬ ТРИ МЕСЯЦА ТРЕВОГ И НАДЕЖД НА СПАСЕНИЕ...» ФРАЙБЕРГ Бенцион (1930 г.)	446
РАССТРЕЛЫ В НАРОДИЧАХ ФРИДМАН Семен (1929 г.)	449
«РОДНЫХ СВОИХ Я БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА» ФРОЛОВА (СИПСЕР) Саля (1932 г.)	454
«ИЗ НАШЕЙ СЕМЬИ ОСТАЛСЯ Я ОДИН...» ФУКС Лев (1930 г.)	455
«НАС НАЧАЛИ ВЫВОЗИТЬ ЭШЕЛОНАМИ ЗА ДНЕСТР» ФУКСМАН Карол (1930 г.)	457
ПЛАТОК-ТАЛИСМАН ХВОЩАН (ГРИГОРЬЕВА) Жанна (1934 г.)	460

КАК ЭТО БЫЛО ХЕЛЬМЕР Яков (1935 г.)	462
СПИСОК АРЕМА ХЕЛЬМЕР Яков (1935 г.)	468
«19 АВГУСТА 1942 Г. ЕВРЕЕВ БАРАПОВЕЛИ НА РАССТРЕЛ» ХОДА Циля (1918 г.)	475
«КОЛИ ЄВРЕЇВ ВЕЛИ НА РОЗСТРІЛ, МАМА З НАМИ, ТРЬОМА ДІТЬМИ, ВТЕКЛА...» ЦИБУЛЬСЬКА Марія (1938 р.).....	477
«ЭТО БЫЛО 18 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА...» ЦИКОВИЧ Виль (1932 г.)	478
АКМЕЧЕТКА ЧЕРВИНСКИЙ Давид	481
«ПРИШЕЛ НАШ ПОСЛЕДНИЙ ЧАС...» ШАБШИС Фаня (1904 г.)	483
КАК Я УБЕГАЛ ОТ СМЕРТИ... ШАМРАКОВ Семен (1929 г.)	490
«В НАШЕМ СЕЛЕ СОЗДАЛИ КОМИТЕТ ПО СПАСЕНИЮ ЕВРЕЕВ» ШАНИС Шай (1938 г.)	494
ОТЦУ УДАЛОСЬ СПАСТИ МЕНЯ, А МАТЬ. ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ УЗНИКАМИ ГЕТТО БЫЛА РАССТРЕЛЯНА» ШАТАЛОВ Леонид (1939 г.)	497
«МЫ ОСТАЛИСЬ ОДНИ...» ШАФАРЕНКО Розита (1931 г.)	498
«МЫ БЫЛИ НА КРАЮ СМЕРТИ...» ШВАРЦ Ида (1934 г.)	500
«ДВА ГОДА МЫ БЫЛИ В ПОДВАЛЬНОМ ПОМЕЩЕНИИ...» ШВАРЦМАН Ревекка (КИСЕЛЕВА Раиса) (1921 г.)	504
«ЖИЗНЬ В ГЕТТО БЫЛА УЖАСНОЙ» ШВЕЙБИШ Рита (1936 г.)	507
«МОЯ МАМА И ВСЕ ЕВРЕИ ЗОЛОЧЕВА БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ...» ШЕВЧЕНКО Леонид (1940 г.)	512
«ВПЕРЕДИ ЖДАЛА СМЕРТЬ...» ШИЙКА Кира	514
«ДОРОГА БЫЛА УСЕЯНА ТРУПАМИ...» ШИПИЦИНА Рима (1923 г.)	516

В ОЗАРИНЦАХ НЕТ БОЛЬШЕ ЕВРЕЕВ ШИСМАН Илья (1933 г.)	522
ЖИВЫЕ ИЗ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ ШИСМАН Рена (1934 г.)	524
«Я ВСЕ ПОМНЮ, ЧТО ВИДЕЛ И ПЕРЕЖИЛ» ШКЛОВСКИЙ Л. П.	528
«ЭТО БЫЛА СМЕРТЬ» ШКОЛЬНИК Роза (1924 г.)	530
ПОЧЕМУ Я ОСТАЛСЯ ЖИВ ШЛАИН Беня (1927 г.)	531
ЭТО БЫЛО ПОД ОДЕССОЙ... ШЛАКМАН Жанна (1930 г.)	537
«НАС ПРЯТАЛИ ХОРОШИЕ ЛЮДИ...» ШЛАФЕР Галина (1929 г.)	543
«ФАШИСТЫ НЕ ЩАДИЛИ НИ ДЕТЕЙ, НИ СТАРИКОВ» ШНАЙДЕРМАН Валентин (1937 г.)	545
«СТРАШНЫЕ ДНИ МОЕГО РАССТРЕЛЯННОГО ДЕТСТВА...» 47ШНАЙДЕРМАН Лев	547
«ДЛЯ МАССОВОЙ КАЗНИ НЕВИННЫХ ЛЮДЕЙ ФАШИСТЫ ИЗБРАЛИ СЕЛО ОБОДОВКА...» ШНАЙДЕРМАН-БЕККЕР Нелли (1930 г.)	553
«ЖИВЫЕ ПРОСИЛИ У БОГА СКОРОЙ СМЕРТИ...» ШТЕЙНБЕРГ Клара (1936 г.)	560
«МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ – ГЕТТО...» ШТЕЙНМАН Абрам (1937 г.)	562
КАК МЫ ВЫЖИЛИ В ГЕТТО ШТЕЙНМАН Михаил (1938 г.)	564
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ ШУЛЬКИН Хаим (1928 г.)	569
«18 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА ЯЛТИНСКОЕ ГЕТТО БЫЛО РАССТРЕЛЯНО» ЭЛЬТИНД Борис	582
«ФАШИСТЫ УНИЧТОЖИЛИ ВСЕ ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА» ЭНТИН Владимир (1925 г.)	586
ХОЛОКОСТ. ГЕТТО. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ЭРЕНБУРГ (КРАВЦОВА) София	591
«МЫ ЗНАЛИ, ЧТО НЕМЦЫ УБИВАЮТ ЕВРЕЕВ...» ЭПШТЕЙН Карл (1930 г.)	611

«БОЛЬШЕ МЫ РОДНЫХ НЕ ВИДЕЛИ...» ЭСТИС Евдокия (1926 г.)	613
«МЫ ЧУДОМ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...» ЭТКОВА Нина (1932 г.), ЗАХАРЧЕНКО Александр (1937 г.)	615
В СТАНИСЛАВЧИКЕ ЖИЛИ ЕВРЕИ ЮДЧАК Давид	618
«ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА НАЧАЛИСЬ МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ ЕВРЕЕВ...» ЮРЧУК Роза (1936 г.)	626
«В ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ УМИРАЛИ ЦЕЛЫЕ СЕМЬИ ...» ЮСИМ Семен	628
«МЫ ЖДАЛИ С МИНУТЫ НА МИНУТУ СМЕРТИ...» ЯВОРСКАЯ (ГОЛЬЦМАН) Светлана (1937 г.)	631
«НАМ ПОМОГЛИ УКРАИНЦЫ» ЯМПОЛЬСКИЙ Барух	633
«В ПОГРОМАХ ПОГИБЛИ ВСЕ МОИ РОДСТВЕННИКИ...» ЯНОВСКАЯ София (1921 г.)	634
Примечания	637
Холокост в Украине. Библиография	742
Географический указатель	769

**З питань замовлення та придбання
літератури звертатися за адресою:
ВИДАВНИЦТВО «ДУХ І ЛІТЕРА»
Національний університет
«Києво-Могилянська академія»
*вул. Волоська, 8/5, кімн. 210,
Київ 70, Україна, 04070*
Тел./факс: +38(044) 425-60-20
Сайт: <http://duh-i-litera.com>
E-mail: litera@ukma.kiev.ua
Надаємо послуги: «Книга – поштою»**

Друк та палітурні роботи:

МАЙСТЕР
КНИГ

м. Київ, вул. Виборзька 84,
тел. (044) 458 0935
e-mail: info@masterknyg.com.ua
www.masterknyg.com.ua

Свідоцтво про реєстрацію ДК № 3861 від 18.08.2010 р.